

Даниель ДЕФО

СЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

О

ЖИЗНИ

И УДИВИТЕЛЬНЫХ

ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

РОБИНЗОНА КРУЗО

УРАЛЬСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ИНИЦИАТИВА
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ДАНИЭЛЬ ДЕФО

**СЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ЖИЗНИ
И УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
РОБИНЗОНА КРУЗО:
С ЕГО ВИДЕНИЕМ АНГЕЛЬСКОГО МИРА**

Перевод с английского В. Ю. Григорьева, А. А. Дергачевой, В. В. Высоковой

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2022

УДК 821.111–31
ББК Ш6 (4Вел) 4–334
Д 39

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *О. Г. Сидорова*
(Уральский федеральный университет);
доктор исторических наук, профессор *И. М. Эрлихсон*
(Рязанский государственный университет)

Перевод с английского *В. Ю. Григорьева, А. А. Дергачевой, В. В. Высоковой*

Научный редактор – доктор исторических наук, профессор *В. В. Высокова*

Дефо, Даниэль

Д 39 Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо : с его видением ангельского мира / Даниэль Дефо ; пер. с англ. В. Ю. Григорьева, А. А. Дергачевой, В. В. Высоковой ; науч. ред. В. В. Высокова ; [с предисл. и коммент. В. В. Высоковой]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 516 с. – Текст парал. рус., англ. – ISBN 978-5-7996-3589-3. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3589-3

Книга представляет собой полный текст третьей части трилогии Д. Дефо о Робинзоне Крузо, увидевшей свет в 1720 г. «Серьезные размышления Робинзона Крузо» мало известны исследователям и публике, в то время как только все три части трилогии, взятые вместе («Удивительные приключения Робинзона Крузо», «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», «Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо»), дают целостную картину авторского замысла. Роман Д. Дефо о моряке из Йорка отражает противоречивый характер эпохи английской истории рубежа XVII–XVIII вв., являет собой в конфликте двух морально-этических канонов – христианского и буржуазного. Книга являет собой собрание назидательных эссе и дает представление о морально-этических ценностях неконформиста Дефо. Текст впервые публикуется на русском языке.

Для специалистов по литературе, истории и культуре Великобритании Нового времени, а также для широкого круга читателей, знакомых с историей моряка из Йорка Робинзона Крузо.

УДК 821.111–31
ББК Ш6 (4Вел) 4–334

Книга издана при поддержке Эндаумент-фонда Уральского федерального университета

Исследование и перевод выполнены при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемены (XVII–XVIII вв.)»

ISBN 9789-5-7996-3589-3

© Уральский федеральный университет, 2022
© Высокова В. В., введение, 2022
© Григорьев В. Ю., Дергачева А. А.,
Высокова В. В., перевод, 2022

URAL HUMANITARIAN INITIATIVE
URAL FEDERAL UNIVERSITY

DANIEL DEFOE

SERIOUS REFLECTIONS
DURING THE LIFE
AND SURPRISING ADVENTURES OF
ROBINSON CRUSOE:
WITH HIS VISION OF ANGELICK WORLD

Ekaterinburg
Ural University Press
2022

УДК 821.111–31
ББК Ш6 (4Вел) 4–334
Δ 39

Reviewers:

doctor of philology, professor *O. G. Sidorova*
(Ural Federal University);

doctor of historical sciences, professor *I. M. Erlichson*
(Ryazan State University)

Translated from english by *V. Yu. Grigoryev, A. A. Dergacheva, V. V. Vysokova*

Scientific editor – doctor of historical sciences, professor *V. V. Vysokova*

Defoe, Daniel

Δ 39 Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: with his Vision of Angelick World / Daniel Defoe ; transl. by V. Yu. Grigoryev, A. A. Dergacheva, V. V. Vysokova ; ed. V. V. Vysokova ; [with introduction and notes by V. V. Vysokova] ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal Univ. – Yekaterinburg : Ural Univ. Press, 2022. – 516 p. – ISBN 978-5-7996-3589-3.

ISBN 978-5-7996-3589-3

The book is the fully translated third part of Daniel Defoe's famous novel about Robinson Crusoe, first published in English in 1720, and now published in Russian for the first time. The third part of the novel, "Serious reflections of Robinson Crusoe", is little known to researchers and the public; however, it is all three parts of the novel taken together ("The Amazing Adventures of Robinson Crusoe", "The Further Adventures of Robinson Crusoe", and this one) that provide a complete picture of the author's initial plan. Defoe's novel about a sailor from York reflects the contradictory nature of the history of England at the turn of the 17th–18th centuries, vividly manifested in the conflict of two moral and ethical canons – the Christian and the bourgeois. The third part of the novel is a collection of moralistic essays that gives an idea of Defoe's nonconformist moral and ethical values.

The book is of particular interest for specialists in the history and culture of Early Modern Britain, as well as for a wide range of readers familiar with the delightful history of Robinson Crusoe.

УДК 821.111–31
ББК Ш6 (4Вел) 4–334

The book was published with the support of the Financial Endowment Fund of the Ural Federal University

The edition was prepared with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00186)

ISBN 9789-5-7996-3589-3

© Ural Federal University, 2022
© Vysokova V. V., Introduction, 2022
© Grigoryev V. Yu., Dergacheva A. A.,
Vysokova V. V., translation, 2022

Стратегическая цель деятельности Уральского федерального университета – формирование в регионе научно-образовательного и инновационного центра международного уровня. Мы создаем вуз мирового класса в центре Евразии. Это способствует повышению конкурентоспособности Урала, реализации его кадрового и интеллектуального потенциала.

Индустрия смыслов в этом контексте становится эффективным инструментом полноценного развития региона, страны, всего мира. Проект «Уральская гуманитарная инициатива» изначально замышлялся для того, чтобы помочь осознать прошлое, настоящее и будущее, в том числе – их мудрость и духовные практики. Это позволяет сохранить и зафиксировать то лучшее, что накоплено людьми для повышения их человеческого качества.

Уверен, что данное издание книги знаменитого Даниэля Дефо найдет своего читателя. Мы сделали очень многое для этого – от профессионального перевода до дизайна книги.

Приятного чтения!

*Виктор Кокшаров,
ректор УрФУ*

Хочу сказать спасибо всем дарителям Эндаумент-фонда УрФУ. Благодаря вашей поддержке университет реализует долгосрочные программы, в том числе издательский проект «Уральская гуманитарная инициатива». Книга Даниэля Дефо, безусловно, станет настоящей жемчужиной в коллекциях ценителей настоящей литературы. Это стало возможным именно благодаря нашим совместным усилиям.

Поддержать наш издательский проект очень просто. Если вы заинтересовались этой серией книг и хотите получить новое издание, то ждем вас на сайте urfu.ru/endowment, и книга найдет вас.

Мы ценим Вашу поддержку!

*Даниил Сандлер,
директор фонда по формированию
целевого капитала УрФУ*

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Издание этой книги не было бы возможным без многолетней поддержки моих коллег-англоведов, вдохновленных изучением истории и культуры Британии XVIII в. Мне хотелось бы выразить свою искреннюю благодарность Андрею Борисовичу Соколову, инициатору и организатору серии конференций «Британия: история, культура, образование», состоявшихся на прекрасных волжских просторах ярославской земли; Татьяне Леонидовне Лабутиной, сохранявшей все эти годы критический, но доброжелательный настрой; Анне Вячеславовне Стоговой, увлекавшей нас тонкими эмпириями интеллектуального дискурса познания британцами самих себя и мира; Ирине Мариковне Эрлихсон и Светлане Анатольевне Васильевой – за их дерзость и смелость в штурме исследовательских высот. И уж точно эта книга не состоялась бы без многолетней идейной поддержки Лорины Петровны Репиной, члена-корреспондента РАН, председателя Российского общества интеллектуальной истории. Особая признательность – Вячеславу Александровичу Глазырину, сумевшему передать высокий слог философской поэзии Даниэля Дефо при переводе его стихотворных призывов. Кроме того, я хотела бы поблагодарить моих коллег по кафедре, которые неизменно поддерживали этот и другие мои проекты, это Наталья Александровна Кручинина, Юлия Евгеньевна Бут, Ксения Андреевна Созинова и Татьяна Анатольевна Косых.

Отдельное спасибо – студентам кафедры Новой и новейшей истории исторического факультета Уральского университета Анисии Дюде, Зое Шуниной, Артему Степанову и Кириллу Майорову за их помощь на разных стадиях реализации этого проекта.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНА

Знаменитый роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» отметил в 2019 г. свой трехсотлетний юбилей. Этому знаменательному событию была посвящена VI биеннале Международного общества по изучению наследия Дефо¹, прошедшая в июле 2019 г. в Йорке (Великобритания)². Летом 2020 г. Российская национальная библиотека организовала книжно-иллюстративную выставку «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо и его создателя: к 360-летию со дня рождения Даниеля Дефо»³. Трехсотлетнему юбилею трилогии о моряке из Йорка Робинзоне посвящена и данная книга, представляющая читателю третью часть трилогии, названную «Серьезные размышления Робинзона Крузо»⁴, практически неизвестную в России и впервые переведенную на русский язык.

Первые две части трилогии увидели свет в 1719 г., третья вышла в 1720 г. Первую книгу – «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» – ждал беспрецедентный успех. Ни одно литературное произведение в мире не может сравниться с ней по популярности, тиражам и переводам на другие языки. Первоначальный успех романа у читателя предопределил не поддающиеся подсчету его переиздания в течение последующих трех столетий. Только Библиотека Конгресса США хранит более 350 различных изданий этой книги, в то время как в ней имеются лишь 92 издания знаменитого романа Генри Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» и 101 издание не менее знаменитого в свое время романа «Памела» Сэмюэля Ричардсона⁵.

Несомненным фактом является то, что если бы Даниэль Дефо не написал роман о Робинзоне Крузо, его имя не было бы так широко известно во всем мире. Поразительно, что и спустя 300 лет главный герой этого романа Робинзон, проживший на необитаемом острове 28 лет, хорошо знаком рядовому читателю, хотя для большинства единственная встреча с ним происходит в юном возрасте при чтении сокращенной адаптации для детей⁶. Трилогия пользуется популярностью у любителей художественной литературы, в России особенно привлекает внимание ее вторая часть – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», где главный герой путешествует по бескрайним просторам Сибири, проводит

зиму в Тобольске и восхищается русским царем. Книга также является предметом пристального внимания специалистов в области английской литературы и истории Британии рубежа XVII–XVIII вв. Более того, главные герои этого романа – Робинзон и Пятница – давно уже живут самостоятельной жизнью как в литературе, так и в кинематографе⁷.

Сразу надо оговориться, что трилогия была опубликована Дефо анонимно, и читающая публика того времени воспринимала Робинзона Крузо как настоящего автора, представившего ее вниманию дневник своих приключений. У каждой из трех ее частей сложилась собственная судьба. Первая часть – «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо»⁸ – получила мировое признание. Только на русском языке в разное время было создано четыре оригинальные версии перевода (не считая детских адаптаций)⁹. Второй части – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо»¹⁰ – повезло меньше: ее фактически перестали издавать уже в XIX в. А третья часть – «Серьезные размышления» – была встречена современниками прохладно и не переиздавалась до 1790 г., когда все три части впервые были опубликованы вместе¹¹. Сам же «автор», Робинзон Крузо, во введении к третьей части трилогии принципиально настаивает на том, что первые две ее части задумывались как иллюстрация и введение к третьей и главной ее части – «Серьезным размышлениям».

В этом романе Дефо удалось создать привлекательный и вдохновляющий образ человека, который, опираясь на здравый смысл, опыт и достижения цивилизации, способен преодолеть все испытания и невзгоды и на закате своей жизни поделиться со своим читателем «серьезными размышлениями» об увиденном, услышанном и пережитом:

Я , должно быть, весьма плохо использовал годы одиночества и многих лет странствий по тому «полю чудес», которым справедливо может быть названа моя жизнь, если не сделал выводов, которые могли бы быть полезны, а также приятны и интересны тем, кто придут за мной¹².

Особенности композиции, лаконичность языка и нарочитая заурядность главного героя – простого человека, выживающего на безлюдном острове, сделали сочинение Дефо классикой мировой литературы. Жанровый синкретизм, который характерен для романа, дает благодатную почву для его интерпретаций отечественными и зарубежными авторами¹³. Смещение таких жанров, как жизнеописание, мемуары, дневник, хроника, авантюрный роман¹⁴ и, что важно в нашем случае, «серьезные размышления» (философские эссе), демонстрирует разнообразие творческих приемов писателя Даниэля Дефо.

Сегодня статус «Робинзона Крузо» как великой книги кажется непоколебимым, но так было не всегда. Реакция на нее современников-литераторов была крайне неблагосклонной. Тогда было трудно предсказать ей такое блестящее будущее. Сказать, что Д. Дефо не пользовался поддержкой представителей современной ему литературной элиты, – не сказать ничего. Среди современников за ним прочно закрепилась репутация политического памфлетиста, и его сочинения

многократно подвергались критике и осмеянию¹⁵. Сатира на Дефо в поэме «Дунсиада» Александра Поупа приравнивала его к продажным писакам с Граб-стрит (аналог современной желтой прессы) и ставила его в один ряд с низкопробными писателями. Дефо был предметом постоянных нападков в литературном клубе «Мартин Скриблерус», куда входили А. Поуп, Дж. Свифт, Дж. Арбетнот, Дж. Гей. Его сочинения не рассматривались как серьезные литературные произведения. Надо заметить, что на самом деле Д. Дефо никогда не стремился войти в этот круг и предлагал совершенно иной, ясный и простой отклик на текущие проблемы современности. Все это указывает на то, что маргинальное положение в литературной среде своего времени не помешало писателю добиться мировой славы.

Начало академической традиции изучения романа о Робинзоне Крузо, как и творчества Даниэля Дефо в целом, смело можно связывать с именем британского антиквара Дж. Чалмерса, автора первой биографии писателя, изданной в 1790 г., в которой он заметил:

К несчастью для самого Дефо, имя его ассоциировалось с наказанием у позорного столба и не оставило о нем доброй славы в обществе. Если бы мы могли избавиться от этих унаследованных предрассудков и судить о нем по тому, что и как он говорил и делал, мы бы признали его деятелем государственного масштаба (здесь и далее перевод цитат мой.— В. В.)¹⁶.

Чалмерс фиксирует преобладание «черной легенды» вокруг имени и творчества Дефо, что определило развитие дефоведения вплоть до середины XX в.

Надо отдать должное Дж. Чалмерсу: он первым поставил вопрос об авторстве анонимных работ Дефо, составив список его произведений из 174 наименований, где только чуть более ста четко атрибутировались писателю. Чалмерс включил в него сочинения, которые «предположительно принадлежат Дефо в соответствии с его стилем и образом мышления, его предпочтениями и манерой писать об этом»¹⁷. Можно сказать, что Чалмерсом была инициирована дискуссия об авторстве многих произведений писателя, не законченная и сегодня. В современной аннотированной библиографии произведений Д. Дефо, составленной американскими исследователями П. Н. Фарбенком и У. Р. Оуэнсом, насчитывается 289 наименований¹⁸. Несомненно, вопрос атрибуции многих произведений, приписываемых сегодня Дефо, еще ждет своего исследователя. Это во многом связано с тем, что на протяжении пятидесятилетней активной писательской карьеры Дефо использовал около 300 псевдонимов¹⁹. Однако в случае с романом о Робинзоне его авторство было выявлено сразу и вынудило и его, и его издателя У. Тейлора оправдываться в предисловии к третьей части романа «Серьезные размышления».

Центральное место в развитии «черной легенды» об авторе трилогии о Робинзоне Крузо занимает Стивен Лесли (отец Вирджинии Вульф), создавший ряд значимых работ по истории английской литературы XVIII в., которые приобрели популярность на рубеже XIX–XX вв. Это сочинение «История английской мысли в XVIII веке»²⁰, а также авторитетное издание «Национальный

биографический словарь», главным редактором которого он выступал²¹. С. Лесли характеризует Дефо как журналиста без оригинальных идей, заинтересованного в продвижении торгового бизнеса; он считает его реализм набором трюков, письмо – грубым, героев – аморальными типами и указывает на сниженный, примитивный стиль его повествования, лишенный утонченности и мастерства. «Он нарратор кучи фактов», – выносит вердикт Лесли²². Такую оценку разделяли и другие авторы Викторианской эпохи. Уильям Минто в работе с тривиальным названием «Даниэль Дефо» (1879) писал, что сочинения Дефо являются лишь побочной стороной его политической деятельности, и замечал: «он [Дефо] был великим, поистине великим лжецом, возможно, самым великим лжецом из когда-либо живших. Его нечестность была слишком глубока, чтобы назвать ее поверхностной, но если мы еще глубже проникнем в его богатую и запутанную натуру, то наткнемся на твердую почву совести»²³.

Переосмысление оценок личности и творчества Даниэля Дефо началось только в ситуации кризиса вигского нарратива 50-х гг. XX в., что внесло свой вклад в формирование более сложной и более адекватной картины английского Просвещения. Заметной вехой в изучении наследия Даниэля Дефо стали работы американского исследователя Джона Роберта Мура, написавшего несколько фундаментальных сочинений по атрибуции ряда анонимных текстов, а также реконструкции состава библиотеки писателя и др.²⁴ Его исследование «Даниэль Дефо: гражданин современного мира» (1958) открыло новую страницу в изучении наследия Дефо в западной историографии. Литературное творчество писателя стало рассматриваться в контексте общественно-политических дискуссий того времени, борьбы альтернативных точек зрения и заказной пропаганды²⁵.

Другим изданием, запустившим «перестройку» в дефоведении, стала публикация всех сохранившихся писем Дефо, подготовленная Дж. Хили. Она заложила надежный фундамент для реконструкции личности самого писателя²⁶. В этом издании было собрано 251 письмо, 16 из которых были адресованы Дефо, а 235 написаны им самим. Большинство писем относятся к периоду 1706–1707 гг., когда Дефо активно участвовал в подготовке заключения унии Англии и Шотландии 1707 г., и к 1710–1714 гг. – бурному политическому периоду последних лет царствования королевы Анны. Писем интересующего нас периода – периода написания трилогии о Робинзоне – практически не сохранилось. Это позволяет сделать вывод, что в значительной степени Дефо действовал самостоятельно и не нуждался в процессе реализации этого «проекта» в поддержке какого бы то ни было патрона.

Уже к концу 1960-х – началу 1970-х гг. Д. Дефо стал восприниматься как ключевая фигура английского Просвещения. С этого времени вал работ, посвященных его жизни и творчеству, с каждым годом только нарастает. За последние 50 лет наиболее значимый вклад в реконструкцию «контекстов» «текстов» Дефо внесли прежде всего американские исследователи. Паола Бекшейдер реконструировала биографию Дефо через неконформистский контекст эпохи²⁷. Два других специалиста в области английской литературы, Филипп Н. Фарбенк

и Роберт Оуэнс, возглавили в начале 2000-х гг. впечатляющий проект издания полного собрания сочинений писателя²⁸. Данный проект заставил его авторов еще раз пересмотреть каталог произведений Дефо, составленный Муром²⁹. Издание полного собрания сочинений, составившего 63 тома, продемонстрировало, что Дефо, будучи плодовитым политическим памфлетистом, не оставил в стороне ни один острый вопрос своего времени, и его обширное эпистолярное наследие является неисчерпаемым источником для изучения эпохи становления правового государства и гражданского общества в Британии начала XVIII в. «Серьезные размышления» в этом издании вошли в отдельный том³⁰, а введение и комментарии к нему были подготовлены еще одним заметным американским дефоведом – Дж. Старром³¹.

И все-таки самым проникновенным и результативным интерпретатором творчества Дефо может на сегодняшний день быть назван Максимилиан Новак³². Именно он обратил внимание исследователей на принципиальное значение третьей части «Серьезные размышления» в трилогии о Робинзоне³³. Еще в 1968 г., в начале своей академической карьеры, М. Новак задумал подготовку критического издания всех трех частей трилогии. Проект получил именование *Stoke Newington Daniel Defoe Edition* по названию района Сток-Ньюингтон, где на Черч-стрит в Саттон-Хаусе Дефо провел последние 20 лет своей жизни (вдали от Лондонского Сити (1709–1729)). В реализацию проекта С. Новака были вовлечены специалисты по изучению творчества европейских писателей раннего Нового времени М. Шонхорн, Д. Д. Кеннеди, И. Ротман³⁴. В 2021–2022 гг. чудо случилось – проект был реализован³⁵. Последний том нового академического издания трилогии о Робинзоне увидел свет в апреле 2022 г.

Парадоксально, но круг замкнулся. М. Новак, бесспорно, один из самых тонких интерпретаторов творчества Дефо, написал в одной из последних своих биографических работ о нем: «Кем же был этот Дефо, которого некоторые историки считают героем его века? Я надеюсь, что моя биография даст некоторые ответы на этот вопрос, но должен признаться, что к написанию этой работы я приступил неохотно, так как после выхода ряд книг о прозе и идеях Дефо я убедился, что некоторые из двусмысленностей его сочинений никогда не прояснятся, если они не будут помещены в контекст его жизни. Дж. М. Тревельян считал его проникновенным наблюдателем своего века, способным видеть вещи «современным» взглядом и, следовательно, обращаться к нашим чувствам. Есть в этом доля правды, но в значительной степени он [Дефо] глубоко укоренен в прошлом – в культуре, которая привела к гражданской войне XVII в. и поддержала ее. То, что сделало его уникальным – это способность видеть историю как континуум, видеть, например, неизбежное движение Британии в сторону капитализма и промышленной революции, противопоставление настоящего и будущего идеалам прошлого. Ему также было присуще воображение, необходимое для того, чтобы воплотить это чувство времени и истории в вымысел, драматизируя изменения и развитие через жизненные истории ряда блестяще созданных персонажей»³⁶.

В отечественном дефоведении на протяжении долгого времени лидирующие позиции занимали исследователи английской литературы, что и понятно. Первая биография Дефо была написана в начале 90-х гг. XIX в. литератором и переводчиком с английского языка Андреем Каменским³⁷. Выдающиеся советские литературоведы Александр Аникст, Юлий Кагарлицкий, Дмитрий Урнов и другие отдали дань творчеству Дефо³⁸. Однако при знакомстве с имеющимися исследованиями биографического характера, а также с историей переводов сочинений этого английского автора на русский язык становится очевидным, что подавляющая часть эпистолярного наследия Дефо остается неизвестной русскому читателю. Если оставить в стороне его беллетристику, то несомненной вехой в осмыслении публицистического наследия Дефо в России стал издательский проект «Англия в памфлете» 1987 г. под редакцией Игоря Шайтанова – на сегодняшний день самая удачная презентация памфлетной войны эпохи королевы Анны³⁹. Здесь были помещены впервые переведенные на русский язык сочинения Дефо «Чистокровный англичанин» (отрывок переведен Ильей Кутиком)⁴⁰, «Опыт о проектах» (перевод Натальи Лебедевой)⁴¹ и «Простейший способ разделяться с диссентерами», «Призыв к чести и справедливости», «Протест фригольдеров против биржевых спекуляций», «Совершенный английский торговец» (перевод Тамары Казавчинской)⁴². Принцип организации материала в данном издании носит тематический характер («Виги и тори», «Поражение победителей» и т. п.) и не сосредоточен исключительно на Дефо, однако в каждом разделе его сочинения занимают центральное место. Следует также обратить внимание на появление выполненного Александром Ливергантом перевода сочинения Дефо «Буря» 1703 г. в антологии «Отечество карикатуры и пародии: английская сатирическая проза XVIII века»⁴³. Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что Дефо-публицист нам практически неизвестен.

И все же отечественные исследователи внесли свою лепту в изучение литературного наследия Даниэля Дефо. В отличие от западных коллег, советские и российские ученые изначально были сосредоточены на его романах. В работах А. А. Елистратовой, М. Г. Соколянского, К. Н. Атаровой в ряду других вопросов рассматриваются жанровая специфика и внутренняя проблематика романа «Робинзона Крузо»⁴⁴. Д. Дефо как деятель английского Просвещения показан в работах Т. Л. Лабутиной⁴⁵. Синтез литературоведческих и исторических подходов реализован в работах И. М. Эрлихсон, предложившей анализ разгула столичной преступности 20-х гг. XVIII в. в текстах Дефо. Это позволило ей вскрыть тонкое восприятие писателем углубившегося тогда разрыва между бедностью и богатством, показать возникновение на этой почве мотива героизации преступников в коллективном сознании и художественной культуре⁴⁶.

В целом можно констатировать, что творчество Даниэля Дефо не только не оставляет равнодушными ни западных, ни отечественных историков и литературоведов, но и получило глубокое переосмысление за последние 50 лет. Из «жалкого бумагомарателя» он превратился в одного из самых проникательных и самобытных авторов своей эпохи. А титул «отец английского романа»,

присвоенный ему литературоведами уже во второй половине XIX в., далеко не исчерпывает значения и вклада Д. Дефо в мировую сокровищницу интеллектуального наследия человечества.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ДЕФО

Жизнь и творчество Д. Дефо пришлось на «эпоху перемен» – рубеж XVII–XVIII вв. Это был период напряженного интеллектуального поиска новой идентичности, сложного процесса перехода от средневекового «человека Бога» к «человеку мира». Интеллектуальный дискурс этой эпохи ярко проявился в двух очевидных тенденциях. С одной стороны, это был постепенный переход от «культуры духа» к «культуре разума», который в Англии как ни в какой другой стране мира проявился так ясно. С другой – он характеризовался разработкой практических проектов и новых идеологий – деизма, моральной философии, либерализма, призванных решить универсальные задачи общечеловеческого бытия в эпоху перемен.

Надо заметить, что переходная эпоха являлась одним из самых напряженных периодов интеллектуального поиска новых нравственных ориентиров и ценностей, временем решительного разрыва старого с новым и, соответственно, временем легитимации новых поведенческих стратегий интеллектуалов. Как раз именно они становились яркими выразителями драматического разрыва «культуры духа» и «культуры разума» и главными «конструкторами» новой идентичности, ориентированной на созидание «лучшего мира», что вновь и вновь заставляет нас обращаться к их наследию в поисках альтернатив «незавершенного проекта модерна». Даниэль Дефо (1660/1661–1731), как показало время, был одним из таких влиятельных мыслителей.

Интеллектуальное становление Даниэля Дефо определялось тремя взаимосвязанными тенденциями социокультурного развития Британии рубежа XVII–XVIII вв. Первая заключается в том, что он был уроженцем Лондонского Сити, сыном Джеймса Фо – состоятельного члена гильдии мясников, специализировавшегося на производстве свечного сала. Лондонский Сити уже тогда, в последней трети XVII – начале XVIII в., стал средоточием деловой жизни Англии, центром торгового и банковского дела. Его могущество базировалось на бизнесе гильдейских корпораций, или ливрейных компаний, которые с эпохи позднего Средневековья поддерживали стандарты качества и производства соответствующих товаров и услуг. Основой экономического взлета Англии стали торговля и финансы, что было обеспечено лидерством Британии в мировой посреднической торговле в результате трех англо-голландских войн (1652–1654, 1665–1667, 1672–1674). Этот динамизм и открывшиеся невероятные возможности обогащения задавали ритм и тон жизни Лондонского Сити. Молодой Даниэль завел свой собственный бизнес, женился в 1684 г. на дочери богатого торговца Мэри Таффли, взяв за ней приданое в размере 3 700 фунтов стерлингов – целое

состояние по меркам того времени⁴⁷. Однако в 1692 г. его бизнес в свете ухудшения отношений с Францией прогорел, он был арестован за долги в 700 фунтов стерлингов, в ситуации возраставшего долга был вынужден признать себя банкротом и попал в долговую тюрьму.

То, что Дефо знал подноготную мира торговли и бизнеса, не вызывает сомнений. Об этом говорят его сочинения «Опыт о проектах» (*An Essay Upon Projects*, 1697), «Совершенный английский торговец» (*The Complete English Tradesman*, 1726) и др. Особенно волновала его эта тема в последнее десятилетие жизни. Мы находим у него безжалостный анализ природы сколачивания капиталов. Так, в анонимном эссе «Анатомия Обменного переулка, или Система биржевой торговли» (*The anatomy of Exchange-Alley: or, a system of stock-jobbing*, 1719), например, Дефо вопрошает: «Разве доктрина биржевой спекуляции не является всецело наукой мошенничества, а торговцы акциями попросту не настоящие воры и карманники?»⁴⁸ Вводить в заблуждение, открыто лгать, щедро раздавать обещания получить хорошие деньги на разнице курсов и в конце концов оставить вкладчика с носом (с обесцененными акциями или долгами) – вот тактика ловкачей, сколачивавших на биржевой игре баснословные состояния. Отголоски этой темы мы находим во второй главе «Серьезных размышлений», озаглавленной «О честности».

Второе обстоятельство, сформировавшее жизненное пространство Даниэля Дефо, это нонконформистская протестантская среда, тесно связанная с кругом влиятельных коммерсантов Лондонского Сити. Детство Дефо пришлось на годы разгула гонений на пуритан. Печально известный Кодекс Кларедона 1662 г. запретил диссентерам занимать посты на государственной службе (так как вступление в должность сопровождалось принесением присяги на англиканской Библии), собираться в одном месте группами больше пяти человек (если это не были члены одной семьи) и т. п. Состояние испуга и мотив постоянного поиска безопасного места, кажется, незримо присутствуют во всех текстах Дефо. И хотя анонимность сочинений того времени была общей чертой, все-таки никто не может сравниться с Дефо по количеству использовавшихся им псевдонимов, по количеству масок, за которые он прятался.

Новая страница в истории этой диссентерской среды открывается в 1689 г. с воцарением в Англии короля Вильгельма III Оранского, штатгальтера Голландии, воспитанного в кальвинистской традиции. Сложная ситуация его утверждения на английском престоле сделала опорой нового политического режима Лондонского Сити и диссентерскую среду. Дефо всегда с теплотой отзывался о Вильгельме, в котором видел воплощение идеалов Славной революции:

Бессмертная славная память о том величайшем и лучшем из государей, которого было бы честью для меня называть как господином, так и владыкой, чью долготу я никогда не забывал и не могу забыть⁴⁹.

Об этом свидетельствуют некоторые отсылки ко времени правления Вильгельма Оранского в «Серьезных размышлениях». Со всей очевидностью это относится к третьей главе «О сквернословии и неподобающем поведении», где

он противопоставляет правление благочестивых королей Вильгельма и Марии разгулу либертинажа эпохи Реставрации. В частности, супругу Вильгельма Оранского королеву Марию он называет «блаженно памятной своим благочестием и благословенным примером... защиты добродетели». Первые шаги на литературном поприще оправившегося от финансового краха во второй половине 90-х гг. XVII в. Дефо обратили на себя внимание Вильгельма Оранского. В частности, полемический памфлет «Мольба о бедном человеке» (*The poor man's Plea*, 1689), поэма в стихах «Чистокровный англичанин» (*The True-Born Englishman: A Satyr*, 1701) и др. Вильгельм Оранский приблизил его ко двору и использовал для некоторых поручений.

Новые репрессии обрушились на нонконформистов со смертью Вильгельма Оранского в 1702 г. в начале правления королевы Анны. За памфлет «Простейший способ разделаться с диссентерами» (*The Shortest Way with the Dissenters*, 1702), изданный анонимно, Дефо было предъявлено обвинение в подстрекательстве к «мятежной клевете». Судом Олд-Бейли он был признан виновным, приговорен к штрафу в размере более 300 фунтов стерлингов, трехдневному стоянию у позорного столба и тюремному заключению на неопределенный срок до полной выплаты штрафа. Дефо было на этот момент чуть более 40 лет. Он был членом ливрейной компании, отцом большого семейства, имел опыт заключения в долговой тюрьме, но правительству, начавшему гонения на пуритан, противостоял впервые.

Позорный столб находился практически у его дома на Корнхилл. Несомненно, это был акт унижения, хотя в литературе часто пишут о триумфе Дефо: толпа принесла к подножию позорного столба цветы⁵⁰. Однако в долговой тюрьме он сидел недолго, деньги за него были внесены Робертом Харли, одним из лидеров тори, которому требовалось бойкое перо в борьбе с вигами. Дефо станет его негласным агентом вплоть до политического падения Харли в 1714 г.

Все эти обстоятельства хорошо известны в отечественной литературе. Но здесь важно подчеркнуть, что в этой борьбе несогласных, то есть нонконформистов, с политическим режимом выковывался новый тип сознания, основанный на доверительных отношениях с Богом. Пуритане на своем «царственном возвышенном пути»⁵¹ оказались самым мобильным социальным элементом как в развитии торговли и предпринимательства, так и в обосновании нового морального порядка. Столь значимые в современной историографии фигуры интеллектуального дискурса второй половины XVII в. – Мильтон, Локк, Дефо – были выходцами из этой диссентерской среды. «Ветхий Завет дал им [англичанам] язык, которым они могли выражать новое национальное сознание... и стал значительно важнее по своему влиянию, чем язык ренессансного патриотизма, знакомый только небольшой по числу элите»⁵². Отношения человека с его собственной совестью в этой среде нашли укоренение в индивидуалистической морали, преобразив христианский канон десяти заповедей Моисея в светский моральный кодекс. В его основе лежал абстрактный принцип блага человека, хотя и выраженный на языке Библии. Однако проблема заключалась в том, сто совесть, как оказалось, была гибким инструментом и могла меняться в зависимости от разных обстоятельств.

При жизни Дефо правители уже «не требовали библейского божественного права королей; члены парламента больше не ожидали прихода Тысячелетнего царства в ближайшем будущем. Слово “антихрист” стало вульгарным»⁵³.

Текст «Серьезных размышлений» обнажает мировоззрение глубоко верующего человека, главным авторитетом для которого выступает Ветхий Завет. Пятая глава «О том, как внимать голосу Провидения» может интерпретироваться как своего рода популярное руководство, обучающее человека тому, как следовать Божественному промыслу, дабы оказаться в судный день по правую руку от Спасителя. Признанный специалист в области английской литературы А. А. Елистратова заключает по этому поводу: «Благоговейная серьезность, с какой Робинзон Крузо вдумывается в свой жизненный опыт, желая постичь его скрытое значение, суровая скрупулезность, с какою он анализирует свои душевные побуждения, – все это восходит к той демократической пуританской литературной традиции XVII в., которая получила завершение в “Пути паломника” Джона Беньяна»⁵⁴.

Третьим фактором формирования интеллектуальных предпочтений Даниэля Дефо можно назвать спор между «древними» и «новыми» в светском дискурсе рубежа XVII–XVIII вв. Как хорошо известно, диспут начался во Франции между Никола Буало и Шарлем Перро и вскоре распространился на Англию⁵⁵. В этом ключе может рассматриваться интеллектуальное противоборство Томаса Гоббса и Роберта Бойля⁵⁶. Но чаще всего «древние» в Англии ассоциируются с У. Темплом, его подопечным Дж. Свифтом и другими членами клуба «Мартин Скриблерус»⁵⁷. Им противостояли «новые» в лице У. Уоттона и Р. Бентли, чьи сочинения переросли в настоящие научные исследования⁵⁸. Формирование строго доказуемого научного знания – «очевидного» и «естественного» – становится новой пробивающей себе дорогу тенденцией интеллектуального дискурса. В предлагаемом вниманию читателя тексте «Серьезных размышлений» Дефо однозначно примыкает к «новым». Отголоски этого спора «древних» и «новых» можно найти и в четвертой главе «Эссе о современном состоянии религии в мире», где Дефо отвергает образ «добротого дикаря» или идею восхищения «древних» Китаем и создает малопривлекательные образы жителей конфуцианского Востока и аборигенов Америки. К примеру, в шестой главе «О соотношении христианского и языческого мира» он фактически создает прообраз «политической арифметики» в сопоставлении двух этих миров, варварского и христианского, высказываясь, правда, за «священный поход» христианских королей против магометан и язычников.

Все это ставит вопрос об интеллектуальных влияниях, круге чтения и образовании Д. Дефо. Сегодня со всей уверенностью мы можем говорить о том, что с 1672 по 1676 г. он учился в школе преподобного Джеймса Фишера на Пиксхэмлейн в Доркинге, графство Суррей⁵⁹, а в 1676 г. был отдан родителями-пресвитерианами в Академию Чарльза Мортонна в Ньюингтон-Грин, тогдашней деревне к северу от Лондона, где он посещал и местную церковь. В это время он жил на Черч-стрит в Сток-Ньюингтоне. Именно это место Дефо в дальнейшем выберет для своей взрослой жизни. В Академии Чарльза Мортонна в Ньюингтон-Грин

он обучался до 1680 г.,⁶⁰ и есть все основания полагать, что родители приуготовляли его к служению.

Несомненно, обучение в академии было нацелено на подготовку пресвитеров и строилось на законе Божьем. Однако преподобный Чарльз Мортон был еще и выдающимся ученым, впоследствии ставшим одним из основателей Гарвард-колледжа в Новой Англии. Уделяя должное внимание классическим языкам и другим предметам, необходимым для богословского образования, Мортон предоставил ученикам возможность брать уроки истории, географии, политики и современных языков с упором на английский. Погрузившись в мир нового практического знания, молодой Дефо пришел к заключению, что он не годится для духовного звания, и вышел в большую жизнь прекрасно образованным молодым человеком. Он «понимал» латынь, испанский и итальянский, «умел читать» на греческом и мог бегло говорить по-французски⁶¹. Он увлекался музыкой, умел фехтовать на шпаге и владел навыками верховой езды⁶². Таким образом, насмешки Мартина Скриблеруса над необразованностью Дефо не имеют под собой твердой почвы. Его познания в вопросах древней и новой истории, торговли и коммерции, топографии, географии и даже богословия были обширны.

И особый разговор – о стилистике, которой Мортон отводил отдельное место в процессе обучения. Тут Дефо не было равных как в составлении вежливых, полных достоинства писем своим патронам, так и во владении различными эпистолярными жанрами⁶³. Его владение словом было поразительным. В «Совершенном английском торговце» Д. Дефо отдает должную дань своему учителю Мортону за постижение тонкостей английского языка⁶⁴. И любовь к слову, и интерес к естественным наукам и философии, несомненно, были привиты ему в этом учебном заведении⁶⁵.

И еще один важный комментарий по поводу виртуозности владения Дефо языком. Первоначальный успех пришел к нему как к поэту, когда его блестящая сатира «Чистокровный англичанин» (1701) разошлась на цитаты. Стихи составляют значительную часть его литературного наследия. Кумиром стихосложения для Дефо, несомненно, стал один из самых заметных поэтов эпохи Реставрации граф Рочестер⁶⁶ – символ распутной жизни, принявший на смертном одре христианство⁶⁷. В «Серьезных размышлениях» мы не раз находим его стихи. Квинтэссенцией всей третьей части трилогии о Робинзоне являются две поэмы Дефо «Вечность» и «Вера», помещенные в четвертой главе «Серьезных размышлений». Перевод этих и других стихотворных форм на русский язык составил самостоятельную трудность в работе над романом.

Если говорить о круге чтения Дефо, то третья часть трилогии о Робинзоне дает вполне репрезентативный материал для размышлений на эту тему. Несомненно, самым цитируемым источником в тексте является Ветхий Завет, хотя наиболее полно это проявляется в завершающей части «Серьезных размышлений» – «Видении ангельского мира». По тексту этой же части видно, что пуританин Джон Мильтон с его сочинениями «Потерянный рай» и «Обретенный рай» был для Дефо несомненным авторитетом.

Если рассматривать второй план цитируемых текстов, то станет очевидным, что на самом деле круг авторов, а, соответственно, и круг чтения Дефо был необычайно широк. Это античные авторы – Эзоп, Вергилий, Гораций и др., сочинения которых к концу XVII в. были переведены на английский язык. Дефо был хорошо знаком с римской историей по сочинениям «О граде Божьем против язычников» святого Августина, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Церковная история» Евсевия Кесарийского и «Римская история» Лоуренса Эшера. Он, как можно предположить, зачитывался книгами, как бы мы сейчас сказали, естественнонаучного характера. Это научно-популярные сочинения французского писателя и ученого Бернара Фонтенеля «Беседы о множественности миров» (1686), английского теолога и космографа Томаса Барнета «Священная теория Земли» (1689), натурфилософа Роберта Бойля «Некоторые физико-теологические соображения о возможности воскресения» (1675) и многих других. Мишель Монтень и Джон Локк – несомненные спутники Дефо в первых трех главах. Сведения о жителях Амазонии он черпает из книги сэра Уолтера Рэли «Открытие большой, богатой и прекрасной империи Гвиана» (1596). С большой долей вероятности можно сказать, что основным источником информации по Китаю для Дефо явились две книги: сборник путешествий в эту страну Джона Огилби *Atlas Chinensis*, опубликованный в 1671 г., и сочинение «Заметки о нынешнем состоянии Китая» 1696 г. иезуита Луи Ле Конта в двух томах.

Особый интерес представляет реконструкция состава библиотеки Д. Дефо⁶⁸, хотя установить полный перечень книг, которые хранились в ней, не представляется возможным. И это несмотря на то, что после смерти Дефо в 1731 г. в журнале *Daily Advertiser* в выпуске от 13 ноября того же года было размещено объявление о продаже библиотечного фонда Даниэля Дефо⁶⁹. В объявлении упоминался каталог, содержащий наименования всех книг, выставленных на продажу. Летом 1895 г. этот каталог был найден в библиотеке Британского музея и опубликован⁷⁰. К сожалению, книги Д. Дефо при продаже были объединены с книгами священнослужителя Филиппа Фаруэлла, который скончался в том же 1731 г. и чья библиотека продавалась вместе с библиотекой Дефо. Ввиду этого мы можем с известной степенью условности говорить о составе его библиотеки, опираясь на данный каталог. Отсутствие в нем книг, написанных самим Д. Дефо, а также и тех, к которым автор неоднократно обращался, свидетельствует о рассеивании библиотечного фонда писателя во время финансовых трудностей в последний год его жизни.

Таким образом, как интеллектуал Дефо был человеком своего времени. Он воспринял рационалистическую парадигму дискурса логики и скептицизма – идеи М. Монтеня, Р. Декарта и своего учителя Ч. Мортонна, восходящего к традиции аристотелизма. С другой стороны, его «платоническая любовь» к Богу, внимание к поведенческим практикам, к морально-этическому канону в быстро меняющемся мире рубежа XVII–XVIII вв. позволили ему открыть новую страницу в английской литературе и актуализировать в британском интеллектуальном дискурсе идею персональной ответственности и индивидуальной морали.

ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА РОМАНА

Огромный корпус переводов «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» практически на все языки мира указывает на способность этой книги выйти за пределы конкретного времени и места. Будучи глубоко укорененной в интеллектуальном контексте английской истории начала XVIII в., она оказалась созвучна вечным мечтам человека о счастье, повествует об универсальных трудностях и жизненных вопросах людей: кто я вне общества? Что такое правильный путь в жизни? Где найти силы и утешение? Чем человек «культурный» отличается от человека «естественного»? Как я должен относиться к «другим»?

На русский язык книга переводилась начиная с конца XVIII в.⁷¹ Только в Российской государственной библиотеке (РГБ) на сегодняшний день насчитывается 227 изданий первой части трилогии на русском языке. При первом знакомстве с этим длинным перечнем становится ясно, что он далеко не полный. Как и многие другие англоязычные сочинения, в XVIII в. роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» был переведен на русский язык с французского Яковом Трусовым в начале 1760-х гг.⁷² Перевод Трусова вышел еще трижды – в 1775, 1787 и 1811 гг. Это издание является библиографической редкостью и доступно в Российской научной библиотеке. Другой перевод с французского был издан в двух томах, соответственно, в 1869 и 1870 гг., в типографии С. А. Манухина и А. И. Стрельцова⁷³, его библиографическое описание в РГБ не дает отсылки к авторству этого «нового» перевода. Интересно, что существует и несколько переводов романа с немецкого языка – 1853, 1873 гг. и др.⁷⁴

Первый перевод с языка оригинала был сделан в 1842 г. талантливым писателем и переводчиком, одним из редакторов издания «Библиотека для чтения» Петром Корсаковым⁷⁵. Как представляется, это один из удачных литературных переводов, воссоздавших напряжение приключенческого романа. Именно он стал основой дальнейшей истории переводов «Робинзона Крузо» на русский язык. Пользуясь по аналогии оценкой К. Чуковский переводов романов Ч. Диккенса, осуществленных в середине XIX в. Иринархом Введенским, можно сказать, что Корсакову удалось схватить дух произведения Дефо⁷⁶.

Библиографической редкостью является другой перевод с языка оригинала, увидевший свет в 1888 и 1889 гг. (соответственно двум частям трилогии). Автором его стал близкий к народническим кругам Петр Кончаловский (1839–1904), основатель знаменитой в России династии писателей, художников и переводчиков⁷⁷. Здесь берет начало традиция интерпретации «Робинзона» как романа воспитания, точнее, самовоспитания. Так, Д. Урнов указывает на влияние «Робинзона» на личность и творчество Л. Н. Толстого: «Толстой прямо сказал, чем его так привлек Робинзон. Это, по Толстому, “нормальный человек”, прежде всего в том отношении, что он живет в напряженной борьбе с условиями, которые даны ему: Робинзону, как выразился Толстой, “не приходилось придумывать себе занятий”. Вот эта значительность и в то же время естественность всех усилий Робинзона и были своего рода идеалом для Толстого»⁷⁸.

Собственно, два главных мотива произведения Дефо – формирование «нового» человека и освоение «новых» территорий – были уже адаптированы и востребованы в русском интеллектуальном пространстве ко времени Первой русской революции 1905–1907 гг. Пересказы романа для детей также получили свое развитие задолго до появления канонического сегодня переложения К. Чуковского⁷⁹, еще в дореволюционной России. Что само по себе, как и история появления иллюстраций к роману, заслуживает отдельного внимания.

Интересно, что дальнейшая история перевода первой части трилогии о Робинзоне Крузо в XX в. связана с именами женщин-переводчиц. Шесть изданий выдержал перевод оригинального мыслителя и переводчицы начала века Любови Мурахиной-Аксеновой, урожденной Цеппелин (1859–1919). За двадцатитрехлетний период ее сотрудничества в изданиях товарищества И. П. Сытина она перевела более 200 произведений с различных европейских языков, в том числе первую часть «Робинзона Крузо»⁸⁰. Успех изданию обеспечил образный язык романа в ее переводе.

Преемственность между дореволюционной и советской переводческой традициями романа Дефо «Робинзон Крузо» была определена двумя русскими переводчицами – Зинаидой Николаевной Журавской (1867–1937), еще до революции получившей статус «королевы русских переводчиков», и Марией Андреевной Шишмаревой (1852–1939), прославившейся переводами Ч. Диккенса. Приверженность левым убеждениям и идеям эмансипации женщин обеспечила их совместному труду тенденцию к демократизации перевода или упрощению текста романа для обеспечения понимания и ясности смысла⁸¹. Именно этот перевод, сделанный еще в дореволюционной России, выдержал несколько десятков изданий в советское время.

Особую роль в адаптации романа к новой советской действительности сыграл Адриан Франковский (1888–1942)⁸². Надо заметить, что на протяжении второй половины XX в. наблюдается ряд «опытов» улучшения перевода М. А. Шишмаревой различными переводчиками. (Фамилия Журавской «уходит» из библиографического описания изданий романа в 1940-е гг., как и не печатается вторая часть трилогии с 1935 по 1992 г.). Самой заметной здесь, пожалуй, стала работа Ксении Николаевны Атаровой⁸³. Однако роман Д. Дефо к концу XX в. утратил всякую литературную привлекательность, сделавшись «дневником» в жанре реализма, лишенным, по К. Чуковскому, «неточных точностей». Последние два десятилетия ознаменовались перепечаткой дореволюционных переводов, а также знакомством российского читателя с постмодернистскими литературными опытами на тему «Робинзона». Это роман лауреата Нобелевской премии по литературе 2003 г. Джона Кутзее «Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо»⁸⁴ и роман лауреата Гонкуровской премии Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб»⁸⁵.

Собственно, приведенные данные являются лишь первым приближением к теме. Конечно, главным здесь является вопрос «переводимости» английского культурного кода в русскоязычное пространство. Резистентность английского

культурного кода объясняется «глухотой» к нему русского «уха». К примеру, институт частной собственности, системообразующий для всех сторон жизни английского общества нового времени, стал осязаем для русского человека не так давно. Следует провести сравнительный анализ лучших переводов романа Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» П. Корсакова, П. Кончаловского, Л. А. Мурахиной-Аксеновой с точки зрения передачи как географических названий (например, родной город Робинзона Гуль с большим трудом найдешь на карте, так как это город Халл (*англ.* Hull)), так и реалий английского мира в эпоху перехода к «новому» обществу. В этом смысле весьма плодотворными были опыты рубежа XIX–XX вв., имевшие долгое эхо в работах С. Маршака, К. Чуковского, А. Аникста, Ю. Кагарлицкого и немногих других. Однако только сегодня, в начале XXI в., складываются предпосылки для становления англистики как междисциплинарной области, синтезирующей лингвострановедческий, литературоведческий, исторический и другие подходы. По всей вероятности, только так может быть «расколдован» английский мир.

Третья часть трилогии о Робинзоне никогда не переводилась на русский язык. Здесь следует предупредить читателя о сложностях восприятия текста «Серьезных размышлений». Речь идет о становлении в описываемый период свободных прозаических форм и романа как жанра. В частности, мы сталкиваемся в тексте книги со своеобразным нанизыванием мыслей через точку с запятой. При передаче на русский язык часто такие текстовые периоды были оформлены как отдельные предложения. Трудность также составляет передача местоимения *it*, поэтому в русскоязычной версии в квадратные скобки вынесены эквиваленты этого местоимения, предложенные переводчиками. Особо следует указать на использование Дефо слова *thing*, которым он нередко злоупотребляет, по-видимому, стремясь передать простонародный язык моряка Робинзона Крузо. В этом случае переводчиками также были подобраны соответствующие эквиваленты. Кроме того, в русском переводе были сохранены заглавные буквы в обозначении некоторых понятий (Небеса, Провидение и некоторые другие) в соответствии с авторской версией первого прижизненного издания Дефо 1720 г.

И несколько слов о «буквалистах» и вольном переводе на другой язык. Вопрос, конечно, не нов. Суть его раскрыта в не так давно вышедшей статье сотрудницы Пушкинского Дома М. Э. Маликовой, посвященной упоминавшемуся здесь выдающемуся переводчику Адриану Франковскому⁸⁶. Можно коротко резюмировать, что русская школа перевода английской литературы XVIII в., некогда отвечавшая высоким стандартам немецкой философско-лингвистической школы Карла Фосслера, сегодня только возрождается. Хотя могу заметить, что «буквализм» А. Франковского при переводе сочинения Дж. Свифта «Сказка бочки», помещенного в серии «Библиотека всемирной литературы», просто похоронил это произведение⁸⁷. Правда, полагаю, что главная проблема, с которой столкнулся переводчик, заключалась в исторических реалиях, а именно – в понимании сути упоминавшегося здесь диспута между «древними» и «новыми». Конечно, в предложенном вниманию читателя переводе «Серьезных размышлений» его

авторы стремились примирить эти две конфликтующие тенденции – стремление точно воспроизвести исходный текст, с одной стороны, и, с другой, «привязать» его к культуре современного русского языка. Осознавая, что каждый конкретный перевод – это специфический компромисс между указанными двумя противоречивыми тенденциями, заметим, что мы держим в руках текст, написанный 300 лет назад.

«СЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ РОБИНЗОНА КРУЗО»: ПРОЛОГ К НЕПРОСТОМУ ТЕКСТУ

Интерес представляют обстоятельства публикации первых двух частей трилогии о Робинзоне, а также вероятность того, что если бы первой ее части не сопутствовал такой успех, третья так бы и не появилась. Первая и вторая части были выпущены с разницей всего в несколько месяцев – в апреле и августе 1719 г. и, что очевидно, задумывались Дефо сразу. В течение четырех месяцев после публикации в апреле 1719 г. первой части «Робинзона Крузо» вышло шесть переизданий книги. Возможно, она и не была настоящим бестселлером по современным меркам, но совокупный уровень продаж «Жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо» в 5 тыс. экземпляров был явным и однозначным признаком интереса читателей к роману⁸⁸.

Дело в том, что другой бойкий писатель, Чарльз Гилдон, сразу установил авторство Дефо вскоре после выхода в свет первых двух частей «Робинзона» в октябре 1719 г.⁸⁹ и написал пародию под названием «Жизнь и удивительные приключения мистера Д. Де Ф.», в которой он высмеивал стиль романа и саму идею его написания⁹⁰. Сочинение Гилдона содержит шуточный диалог между Дефо и его персонажами – Робинзоном Крузо и Пятницей, в котором Гилдон указывает на некоторые фактологические несостыковки в книге. В конце этой пародии Крузо и Пятница заставляют Даниэля Дефо проглотить свои собственные книги в наказание за неестественный характер изображения персонажей. Именно Ч. Гилдона и Т. Кокса, еще одного недоброжелателя, упоминает Д. Дефо в предисловии к «Серьезным размышлениям»:

Те двое, чья жадность взяла верх над честностью, вторглись в целостность этой книги преступным сокращением оной, одновременно лишившись своих надежд, и теперь они стыдятся своего поступка, неубедительно перекладывая вину на плечи друг друга⁹¹.

Успешный издатель «Робинзона» Уильям Тейлор не мог признать авторства Дефо. Его громкая слава «продажного писаки» могла обречь издание на провал. Вероятно, именно Тейлор настоял на создании продолжения романа. Поэтому

«Серьезные размышления» открываются достаточно обширным «Предисловием издателя», в котором «он» (нет сомнения, что предисловие написано самим Дефо) убеждает читателя в правдивости всей истории Робинзона. Кроме того, М. Новак указывает на возникшую в тот период тяжбу между Тейлором и другим издателем, уже упомянутым Томасом Коксом, незаконно опубликовавшим сокращенный вариант «Робинзона»⁹².

Надо сказать, что еще при жизни Дефо первая часть трилогии переиздавалась в различных вариациях семь раз помимо его воли⁹³. В конце концов тяжба между Тейлором и Коксом была улажена. И, как полагает М. Новак, Тейлор, вероятно, попросил Дефо написать третий том и сделать в нем пояснения насчет того, что при всей правдивости истории Робинзона Крузо в ней все же присутствует изрядная доля вымысла⁹⁴. Вероятно, это так. В предисловии к «Серьезным размышлениям» автор настойчиво стремится дать понять читателю о вероятных допущениях в первых двух частях. «То, что он [Дефо] пытается сделать, – считает М. Новак, – явно является преднамеренным запутыванием, попыткой объяснить, как “Жизнь и удивительные приключения” и “Дальнейшие приключения” являются одновременно и “правдой”, и своего рода вымыслом»⁹⁵.

В дальнейшем переписывание, дописывания и создание пародий станут обычным делом, так как Д. Дефо, написав этот роман, создал новый жанр в литературе – робинзонаду⁹⁶. Анонимность автора давала полную свободу его последователям, особенно иностранным, выдавать сочинение Даниэля Дефо за свое собственное. Необходимо понимать, что заглавия всех трех частей содержали приписку «написано им самим», то есть непосредственно Робинзоном Крузо. Хотя подлинное авторство было выявлено сразу, тем не менее, Д. Дефо продолжил придерживаться версии, что книга является воспоминаниями человека, который действительно пережил все эти «удивительные приключения».

В отличие от двух предыдущих, третья часть не является художественным произведением и представляет собой скорее собрание наставлений, написанных от имени Робинзона Крузо. Текст разбит на шесть глав, которые венчает своеобразный эпилог под названием «Видение ангельского мира». Забвение этого текста в значительной степени объяснялось распространенным мнением, что на волне коммерческого успеха первых двух частей и, скорее всего, подталкиваемый Тейлором, Дефо на скорую руку составил третью часть трилогии из плохо согласовывавшихся между собой материалов, извлеченных из дальнего ящика письменного стола. Однако ситуация, по-видимому, была сложнее.

Хоть «Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо с его видением ангельского мира» и не пользовались успехом у читающей публики, но нам очевидно, что Дефо здесь стремился расширить и углубить исследование внутреннего мира человека, надев маску Робинзона. Помимо желания повторить коммерческий успех первой части, можно выявить еще одну причину создания третьей части. Объяснение кроется в самих темах, которым посвящены главы книги. Вполне вероятно, что Д. Дефо к этому времени

уже вынашивал замыслы развития этих сюжетов. Очевидно, что поднятые здесь темы через несколько лет получают свое развитие в других отдельных сочинениях, представленных широкой публике. Среди этих работ, которые можно считать переработанными главами «Серьезных размышлений», «Политическая история дьявола» (1726), «Система магии» (1726) и «Очерк по истории и существованию привидений» (1727). Надо заметить, что пятилетие с 1719 по 1724 г. считается самым плодотворным в жизни и творчестве Дефо⁹⁷.

Интересно присутствие в тексте «Серьезных размышлений» самого Робинзона Крузо, человека уже преклонного возраста. В первой части «Жизнь и удивительные приключения» рождение Крузо фиксируется в 1632 г.: «И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери – в недобрый час! – 1 сентября 1651 г. я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон»⁹⁸. В конце «Дальнейших приключений» Крузо записывает дату 10 января 1705 г., когда ему, вероятно, было 72 года. Тогда в 1720 г. ему было бы около 88 лет. Однако в третьей части моряк из Йорка практически незаметен и выходит на авансцену лишь в единичных случаях, дабы напомнить читателям, что они все еще следят за размышлениями человека, 28 лет находившегося на необитаемом острове. Автор «становится» Робинзоном Крузо лишь в редкие моменты, все остальное время перед нами сам Даниэль Дефо. «Серьезные размышления» превращаются в серию эссе о познании мира. Именно третья книга венчает всю трилогию, о чем и говорит автор во фразе, что «басня создана для морали, а не мораль для басни».

Таким же симптоматичным является появление в «Предисловии Робинзона Крузо» образа Дон Кихота. Гилдон в своей разоблачительной отповеди Дефо указывал на нелепость и нескладность фигуры Робинзона, сравнивая его с главным героем романа М. де Сервантеса. Дефо же отвечает:

Когда же злонамеренный, но глупый писатель, изливая потоки желчи, говорит о «кихотизме» Р. Крузо, он демонстрирует только то, что ничего не знает о предмете своих рассуждений, и, возможно, он будет слегка удивлен, если я скажу ему, что задуманная им сатира оказалась на деле величайшим из панегириков.

В этой словесной перепалке отчетливо просматриваются две интерпретационные модели рыцаря печального образа, который сегодня вошел в категорию вечных образов, как, впрочем, и Робинзон. Речь идет о «кихотизме» и «донкихотстве». Здесь будет уместным сослаться на мнение Е. С. Дружининой: «Кихотизм (мы следуем традиции М. де Унамуно и Ю. Айхенвальда, употребляя термин “кихотизм”, поскольку в истории культуры сложилась определенная традиция использовать термин “донкихотство” в негативном смысле) как принцип жизни имеет глубокие корни в истории культуры... Феномен “кихотизма” олицетворяет определенную модель поведения и даже философию жизни, главными признаками которой являются вера в святость своих идеалов, в силу своей любви и в то, что человек способен изменить мир в лучшую сторону, а главное – желание и готовность за это бороться»⁹⁹.

Таким образом, на вопрос, задумывал ли Даниэль Дефо при написании первых двух частей «Робинзона Крузо» еще и третью, однозначного ответа нет. Однако можно сказать следующее: если первая книга – это ода человеческой воле и трудолюбию, вторая повествует о неуемной жажде познания, то третья – это наставление на духовное и интеллектуальное совершенствование и поиск истины человеком, прошедшим через тяжелейшие бедствия и отчаянье.

* * *

В первой из шести глав под названием «Об одиночестве» (*Of Solitude*) со всей определенностью проступает жизненное кредо автора. Будучи нонконформистом, Дефо ориентирован на достижение счастья и благополучия в «мире дольном». Он демонстрирует глубокое знание Библии, что в значительной степени затрудняет восприятие текста современным читателем и требует дополнительных комментариев. Однако это «возвращение» на землю, как, возможно, не вполне осознанно показывает нам Дефо, обнажает экзистенциальные основания жизни человека. И это остро ощущает Робинзон. Человек рождается и умирает в одиночестве, и «жизненный сценарий, по которому мы действуем в этом мире, – всеобъемлющий акт одиночества», – говорит нам писатель.

Кроме того, исследователи подчеркивают влияние на Дефо картезианских идей М. Монтеня и Дж. Локка, которые звучат в первой главе «Серьезных размышлений». У Монтеня в его эссе «Об уединении» мы находим практически совпадающий по смыслу пассаж о подлинной свободе души:

Зло засело в нашей душе, а она не в состоянии бежать от себя самой:
In culpa est animus qui se non effugit unquam¹⁰⁰.

Итак, ей нужно обновиться и замкнуться в себе: это и будет подлинное уединение, которым можно наслаждаться и в толчее городов, и при дворах королей, хотя свободнее и полнее всего наслаждаться им в одиночестве. Но поскольку мы собираемся жить одиноко и обходиться без общества, сделаем так, чтобы наша удовлетворенность или неудовлетворенность зависели всецело от нас; заставим себя сознательно жить в одиночестве, и притом так, чтобы это доставляло нам удовольствие¹⁰¹.

Однако, по-видимому, именно Дж. Локк своим сочинением «Опыт о человеческом разумении»¹⁰² (1689) дал Дефо «ориентированную на разум эпистемологию»¹⁰³. Сам Робинзон является воплощением локкианской концепции опытного знания. Мы наблюдаем прямую переключку первой главы «Серьезных размышлений» с рассуждениями Локка о «добре и зле». Локк пишет:

...Вещи бывают добром и злом только в отношении удовольствия и страдания... хотя, говоря по правде, это только различные состояния ума, вызываемые иногда расстройством в теле, иногда же – мыслями в уме¹⁰⁴.

В первой главе «Серьезных размышлений» автор настойчиво убеждает читателя в способности человека быть свободным, что созвучно мысли Локка:

Если ум преимущественно, как очевидно из опыта, имеет силу откладывать выполнение и удовлетворение любого из своих желаний и, следовательно, всех одного за другим, то он свободен рассматривать их объекты, изучать их со всех сторон и сравнивать с другими. В этом заключается свобода человека¹⁰⁵.

Дефо, несомненно, интересуется человеческая мысль, способность посредством ее воспарить к «горнему миру». В «Серьезных размышлениях» осязаемо присутствует ощущение силы воображения и способности ума путешествовать туда, куда он пожелает, в том числе в «ангельский мир».

Можно согласиться с утверждением автора-Крузо во введении к третьей части трилогии: «в начале любого творения лежит замысел, и уж потом – его воплощение». Дефо, не раз страдавший от «повседневных или чрезвычайных жизненных невзгод», показывает и наставляет, «как преодолевать трудности с негибким трудолюбием и усердием и надеяться на Провидение в достижении успеха». Идея силы воли человека в движении к свободе, счастью и золотому веку оказывается тем «замыслом», в который Даниэль Дефо верил до конца своих дней. Силой своего воображения, реализованной в трилогии о Робинзоне Крузо, Дефо увлек огромную армию первопроходцев в поход к светлому будущему.

Таким образом, в первой главе «Об уединении» (*Of Solitude*) речь идет об индивидуальной ответственности человека за свою жизнь. «Полное [подлинное] одиночество» Дефо определяет как «великую благодать»¹⁰⁶, хотя и констатирует, что «без человеческого общества вся жизнь человека будет очень несчастной». В этом мире, полагает автор, только через осознанный индивидуальный опыт человек может достичь счастья. Он интерпретирует островную жизнь Робинзона как образ экзистенциального одиночества человека «даже посреди густонаселенного города». Только так человек может стать «господином» своей жизни, созидающим свое собственное «царство». Этот экзистенциальный аспект трилогии Дефо о Робинзоне привлек в последние годы жизни внимание выдающегося французского философа Жака Деррида¹⁰⁷.

* * *

Вторая и третья главы носят явно пропедевтический характер и направлены на то, чтобы читатель смог достичь «ангельского мира». Автор стремится поделиться с читателем сводом принципов, которыми руководствовался Робинзон в повседневной жизни, преодолевая многочисленные трудности. Дефо разбирает одну за другой (в соответствии с отдельными главами) добродетели этого «нового» человека, прообразом которого является Робинзон. Предлагаемая вниманию читателя вторая глава «Серьезных размышлений» посвящена честности (*Upon*

Honesty). Она является большой по объему и поделена автором на введение и четыре подглавки. В первой он рассуждает о честности как таковой, во второй – о честности в торговле и коммерции, в третьей – в отношениях между людьми, в четвертой – в семейных делах.

В пространном введении к «Эссе о честности» Робинзон сообщает нам о том, что жизнь его клонится к закату и он достиг несомненного «процветания» и «человеческого счастья». Обязан он этим честным людям, которые встречались ему на жизненном пути, хотя и страдал он немало от «низкого коварства и подлости человеческой натуры». Робинзон дает нам понять, что он далек от философских дискуссий своего времени:

Я буду... использовать термин «честность»... в расхожем значении слова, в его самом простом смысле, без... обиняков или двусмысленностей, ибо я желаю говорить прямо и искренне... в соответствии с подлинным значением этого понятия.

Честность в его представлении – это *долг* человека перед Создателем «сделать столько много хорошего... сколько возможности сделать это Провидение вкладывает в его руки». В этом «богатые люди являются фригольдерами своего Создателя» – творца «неба и земли». Они должны заботиться о «младших детях семьи», а именно о бедных. Кто не платит этой «ренты», не может быть назван честным человеком. Бессердечный бесчеловечный скупец здесь противопоставляется честному щедрому человеку, который в каждый момент своей жизни помнит о долге перед Господом и живет по суду совести в собственном сердце. Такому человеку не нужны ни советчики, ни проводники. «Наивысший суд» человеческих деяний свершается «в груди каждого человека».

В *первой части* эссе «О честности в целом» хотя Робинзон и заявляет о простоте своих доводов, он рассуждает о морали как универсальной ценности в отношениях между людьми. «Честность – это общая порядочность разума, способность действовать справедливо и благородно во всех сферах – духовной и светской, в отношении всех людей – благополучных или падших». Действовать «справедливо и благородно» – значит придерживаться золотого правила: «чего не пожелаешь себе – не делай другому»¹⁰⁸. Интересно, что Дефо нигде не использует слов «нравственность» и «мораль», а передает основные положения нравственного поведения человека через противопоставление «честность – ложь». Лжец (*англ.* knave) сравнивается с честным человеком: «человек может быть бедным, но честным; несчастным, но честным; однако лжец и христианин или лжец и джентльмен – несовместимые понятия». Другими «врагами» честности становятся такие человеческие пороки, как «гордыня», «хитрость», «злословие», «бессердечие».

Дефо выводит здесь два вида честности: это бессердечная «правовая честность» (соблюдение буквы закона) и та честность, которая является «законом совести» («Божьим законом»). Тема незаконно «по закону» осужденного должника не раз и не два встречается на страницах эссе. Определенно здесь ощущается

травматический опыт самого Дефо. В развитие темы добавим, что уже старший его современник Дж. Локк в «Опыте о человеческом разумении» (1690) выводит три вида честности:

Если спросить, почему человек должен держать свое слово, у *христианина*, который ожидает счастья или несчастья в иной жизни, в качестве основания он скажет: «Потому что этого требует от нас Бог, имеющий власть над вечной жизнью и смертью». Если же спросить у *последователя* Гоббса, он скажет: «Потому что общественное мнение требует этого и Левиафан накажет тебя, если ты этого не сделаешь». А если бы можно было спросить какого-нибудь *древнего языческого философа*, он ответил бы: «Потому что поступать иначе нечестно, ниже достоинства человека и противно добродетели – высшему совершенству человеческой природы» (курсив мой. – В. В.)¹⁰⁹.

Центральной темой *второй части* эссе становится честность в торговле и коммерции. Она названа «Испытание честности» и показывает нам жестокость (аморальность) буржуазной морали. Робинзон, опираясь за принятое им христианское понимание честности, пытается показать несправедливость людей и законов по отношению к человеку, попавшему в затруднительное положение в своем предприятии. Чаще всего в его рассуждениях речь идет о «денежном долге». Человек может оказаться в долгах в результате «собственных пороков и невоздержанности» (1), «невежества и недостатка рассудительности в управлении делами» (2), «обмана, грабежа или несчастных случаев – пожара, шторма и т. п.» (3). Хотя он нигде не ставит под сомнение сам институт товарно-денежных отношений, он считает, что «долг не является тяжким преступлением и никогда не был таковым; и морить людей в тюрьме голодом – наказание хуже, чем виселица – вещь настолько жестокая, что кредитор ни в коем случае не должен обладать властью причинять ее». В таких пассажах как «нужда превыше человеческой природы», «сам Господь провозгласил, что сила обстоятельств непреодолима», «неисчислимые случайности низвергают... людей» ощущаются личный опыт автора (банкротство и долговая тюрьма) и безжалостность «невидимой руки рынка». И если мерить коммерцию добродетельными категориями, так активно присутствовавшими в философском дискурсе на рубеже XVII–XVIII вв., несомненно, товарно-денежные отношения предстают как великая несправедливость. Поэтому мораль в сочинениях Д. Юма, а позже И. Бентама и Дж. Ст. Милля получит ярко выраженный утилитарный характер. Она перестанет отвечать «золотому сечению» христианской морали: «никто не может служить Богу и мамоне». Слова Христа, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное» (Мф. 19 : 24), будут преданы забвению.

В *третьей части* эссе «Честность в обещаниях» обсуждается роль честности «в мирских делах» – умение держать данное слово или обещание. В мирских делах, показывает нам автор, все больше царят «притворная честность», «лицемерие», которые «в двадцать раз» опаснее откровенной лжи, в то время как честное (в русских переводах – «доброе») имя должно быть дороже жизни¹¹⁰, считает

Робинзон. Его также тревожит злословие, и он выводит из долгой своей жизни следующие максимы: тот, кто стремится упрекнуть в недостаточной честности других людей, подошел очень близко к утрате своей собственной; тот, кто поспешно упрекает другого без достаточных на то оснований, и сам не может быть честным человеком; там, где может быть достаточно оснований для упрека, честный человек всегда деликатен по поводу нрава своего ближнего из чувства бренности собственного бытия.

Очевидно, что в тексте эссе Дефо как «христианин, который ожидает счастья» и свято верит в роль Провидения, вступает в конфликт с практической моралью буржуазного общества. На это указывают непримиримые противоречия в тексте, чего, по-видимому, сам Дефо не замечает. Он пишет:

...[есть] такое обстоятельство, при котором ни один человек в мире не остался бы честен. Нужда превыше силы человеческой природы, и для Провидения позволить человеку впасть в эту нужду – значит позволить ему грешить, поскольку природа не наделена силой, чтобы защищаться, и сама Божья благодать не в состоянии укрепить разум против греха.

Очевидно противоречие текста «Эссе» и мировоззренческой позиции самого Д. Дефо в столкновении христианской морали (напомним, что Дефо был воспитан в нонконформистской диссидентской академии и даже готовился принять священнический сан) с новой, отбрасывающей всякие нравственные основания буржуазной моралью – тем, что впоследствии получит название ханжеской морали. Как заметил Ноам Хомский, ханжа – это человек, который отказывается следовать стандартам, которые он предъявляет к другим¹¹¹. Важно также сослаться на вывод отечественного философа О. Дробницкого о том, что европейская этика вплоть до последней трети XVIII в., выявив целый ряд специфических характеристик нравственности (социально-историческое происхождение морали, ее особая роль в жизни общества, ее нормативно-долженствовательный характер и т. д.), так и не сумела согласовать их в единой концепции¹¹². Скорее всего, это было и невозможно при победе Левиафана и стоящего на его страже закона. Русская пословица «Закон – что дышло, куда повернешь – туда и вышло» переключается в данном тексте Дефо с латинской поговоркой «Безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправью» (лат. *Summum jus, summa injuria*).

* * *

Рубеж XVII–XVIII вв. стал переломным моментом в формировании новой светской культуры в английском обществе. Одной из самых острых проблем, обсуждавшихся в различных модусах интеллектуальной культуры (проповеди, научные трактаты, театральные пьесы), стала проблема морально-этических

и нравственных ценностей. Это был критический момент диверсификации распада стройной христианской доктрины на бесконечное множество мнений и оценок «что такое хорошо, а что такое плохо» в свете укоренившегося к этому времени рационалистического мировоззрения. Обнажившаяся в этой ситуации греховная природа человека и стремление ее «исцелить» стали общим местом. В то же время это был процесс формирования новой культуры вежливости, или *culture of politeness*. Светский непринужденный разговор стал ее непременной характеристикой. Третья глава сочинения Дефо преследует обе цели: с одной стороны – показать богохульникам и нечестивцам низость и пагубность их сквернословия, с другой – дать представление о «правильной», подобающей манере общения между людьми.

Название третьей главы «Серьезных размышлений» по-английски звучит как *Of the Immorality of Conversation, and the Vulgar Errors of Behaviour* и требует пояснения к слову *conversation*, которое употребляется Дефо в смысле «беседа». Он начинает рассуждение на избранную тему с констатации: *Man is a conversible Creature*, имея в виду, что Господь дал человеку великий дар – общение. Автор отсылает читателя не столько к «пользе» и «удовольствию» разговора, сколько к умению поддерживать беседу и к открытости в общении. Дефо и его современники использовали слово *conversible* в широком смысле – как синоним к словам «цивилизованный», «культурный». Так, в письме к своему патрону Роберту Харли по возвращении из Шотландии в Англию он пишет о последней как о «цивилизованной части мира» (*conversible part of world*)¹¹³. В сочинении «Совершенный английский торговец» (*The Complete English Tradesman*, 1726) он, например, исключает Россию и московитов из «цивилизованного мира» (*conversible world*), оговариваясь: «по крайней мере, до недавнего времени»¹¹⁴.

Исторический контекст обращения Д. Дефо к данной теме связан с борьбой с богохульством и сквернословием, которой отмечен весь XVII в. Расцвет английского театра эпохи Елизаветы Тюдор привел к такому «свободному» обращению со словом, что в 1606 г. английский парламент вынужден был принять «Акт об ограничении ругательств актерами», предусматривавший штрафы за пьесы, в которых «в шутку или нечестиво» использовались имена Бога или Иисуса Христа¹¹⁵. А в 1623 г. последовал всеобщий запрет на ругань.

В преамбуле к «Акту о ругательствах в миру» 1623 г. указывалось на неэффективность в пресечении этих «отвратительных грехов» законом от 1606 г. Новым актом предусматривалось, что любое лицо, которое нецензурно бранится в присутствии мирового судьи, или мэра города, или человека, готового под присягой засвидетельствовать его «ругательство», или по его собственному признанию, должно уплатить штраф. Штрафы были установлены в размере одного шиллинга для слуг, работников, солдат, моряков и двух шиллингов – для любого другого лица. За второе правонарушение предусматривалось наложение штрафа в двойном размере, а за третье – в тройном. Полученные деньги должны были пойти на оказание помощи беднякам прихода, где данный человек сквернословил¹¹⁶.

Любой судья, уклонявшийся от исполнения своих обязанностей, в соответствии с актом должен был быть оштрафован на пять фунтов стерлингов, половина из которых доставалась доносчику. Все обвинительные приговоры должны были быть вынесены в течение десяти дней с момента совершения преступления и зарегистрированы в специальной книге. Закон должен был зачитываться четыре раза в год во всех приходских церквях и общественных часовнях, при этом пастор или священник подлежали штрафу в размере 20 шиллингов, если эта обязанность не выполнялась. Закон 1623 г. был заменен в 1745 г. «Актом о нечестивых клятвах», где повторно были изложены общие положения акта 1623 г. и увеличены штрафы для господ и более высоких чинов, предусматривалось более строгое его исполнение¹¹⁷.

Однако особенно активно эта проблематика разрабатывается в годы правления последних Стюартов. Этот процесс современный исследователь Тони Клейдон в книге «Вильгельм III и благочестивая революция» называет реформацией нравов через закон (*Reformation through the law*), или «придворной Реформацией». Он показывает, что режим Вильгельма III после Славной революции в процессе легитимизации не столько полагался на конституционную риторику, сколько использовал в большей степени протестантскую, провиденциальную риторику, основанную на языке Библии. Этот язык «придворной реформации» представлял короля как охраняемого Богом правителя, который защищает истинную церковь от ее папистских врагов и восстанавливает чистоту благочестия и добродетели богоизбранной английской нации. На основании прежде всего текстов проповедей и публичных молитв Т. Клейдон показывает, как этот идеал «придворного реформирования» транслировался творческой группой пропагандистов под руководством епископа Гилберта Барнета, и приходит к выводу, что этот дискурс позволил королю справиться с главными трудностями – заручиться поддержкой политической элиты в войнах с Францией (1689–1697 и 1701 гг.) и обеспечить консенсус в работе с парламентом¹¹⁸.

В данном контексте следует упомянуть «Акт о ругательствах в миру» 1694 г.¹¹⁹ и «Акт о богохульстве и профанации» 1697 г.¹²⁰ Последний признавал преступлением высказывание об отрицании Святой Троицы, истинности христианства и отрицание за Библией Божественного авторитета путем писания, проповеди, обучения или советов. Первое нарушение акта вело к лишению возможности занимать какую-либо должность или выступать в качестве доверенного лица. В результате второго правонарушения человек лишался возможности предъявлять какие-либо иски, быть опекуном или исполнителем, принимать наследство или дарственный акт и лишался свободы на три года без возможности внесения залога. Акт 1697 г., собственно, был ответом на публикацию в 1696 г. книги Джона Толанда «Христианство без тайн» (*Christianity Not Mysterious*) и был направлен против нарождавшегося в Англии деизма. Хотя на практике акт применялся редко, он оставался оружием в борьбе с инакомыслием в Англии и Уэльсе на протяжении всего XVIII в. Все это находит отзвук в публикуемом ниже тексте.

Остается вопрос: каково же было отношение самого Дефо к этим драконовским мерам за сквернословие? Уже в конце 1690-х гг. в фокусе его внимания оказывается лицемерие, сопутствовавшее законодательному регулированию морали и нравственности. В стихотворении «Мольба бедного человека» (*The Poor Man's Plea*, 1698) в сатирической форме он показывает, что в дураках остаются бедняки, а многие действительные «грешники» оказываются выше досягаемости даже самых высокопоставленных реформаторов. Четыре ставших широко известными стихотворения Дефо первых двух лет правления королевы Анны касаются морали и являются сатирами на лицемерие высшего общества. Это анонимно опубликованные стихотворения «Реформация нравов» (*Reformation of Manners*, 1702), «Дальнейшая реформация» (*More Reformation*, 1703), а также «Гимн позорному столбу» (*Hymn to the Pillory*, 1704) и «Элегия на автора, Чистокровного англичанина» (*An Elegy on the Author of the True-Born-English-Man*, 1704). Преследования, которые обрушились на Дефо вследствие публикации первых двух сатир, а также памфлета «Кратчайший способ расправы с диссентерами» (*The Shortest Way with the Dissenters, Or, Proposals for the Establishment of the Church*, 1702), определили дальнейшую его судьбу как человека и писателя – это стояние у позорного столба, судебное разбирательство и Ньюгейтская тюрьма.

Тема реформы нравов оставалась первой на повестке дня на протяжении всего периода правления королевы Анны. Здесь можно упомянуть сатирическое сочинение Джонатана Свифта «Предложение о развитии религии и реформировании нравов» (*Proposal for the Advancement of Religion and the Reformation of Manners*, 1708) и многие другие. Исследователь А. Крейг, изучая мотивации, тактики и взаимодействия с существующими институтами участников движения за реформирование нравов, пришел к выводу о провиденциальности и патриархальности их убеждений, о преобладавших в 1688–1715 гг. умонастроениях неопределенности и страха, имевших решающее значение для реформаторов в поиске более эффективного применения светских законов против безнравственности и использования ненормативной лексики¹²¹.

* * *

Четвертая и шестая главы «Серьезных размышлений» – «Эссе о современном состоянии религии в мире» и «О соотношении христианского и языческого мира» – находятся в смысловом единстве и посвящены исследованию сущности религии как вероисповедания. Большой интерес представляет то, как Дефо вписывает этот основной исследуемый им вопрос в современные его эпохе тенденции становления научного знания. Отличие этих глав друг от друга определяется тем, что в четвертой главе представлены начатки развития «народоведения», здесь мы находим описание традиций, верований и нравов народов всех континентов¹²². Шестая же глава посвящена тому, что во времена Дефо называли «политической

арифметикой». И то, что Дефо был знаком с трудами Уильяма Петти (1623–1687), стоявшего у истоков английской классической политической экономики, одного из создателей как статистической, так и демографической науки¹²³, не вызывает сомнений и фиксируется по составу его библиотеки¹²⁴.

Однако вернемся к четвертой главе, которая занимает центральное место во всем томе «Серьезных размышлений» как с точки зрения кульминации повествования Робинзона, так и с точки зрения местоположения в этой серии эссе «Серьезных размышлений». Здесь трудно избавиться от ощущения, что это первый текст во всей третьей части, который написан Дефо непосредственно для издания 1720 г., так как первые три главы самодостаточны каждая сама по себе, и кроме того, там встречаются отсылки к эпохе Вильгельма Оранского, что свидетельствует о более раннем их создании. Четвертая же глава открывается рассуждением «88-летнего» старика:

Я однажды весьма серьезно спросил себя, какое же занятие подходит старости.

Ответ был абсолютно естественным и действительно не заставил себя долго ждать, а именно – две вещи занимали меня, как было указано выше:

1. Размышления о прошлом.
  2. Серьезное внимание к будущему.
- Определив в эти пункты дело жизни, я немедленно начал с первого.

Эссе открывается достаточно пространством диалогом между «древней» дамой и Робинзоном Крузо, который задает главную тему всей главы – какую веру можно считать истинной. Обратим внимание читателя на употребление Дефо прилагательного «древняя» (а не «старая») применительно к даме. Рискнем предположить, что эта пожилая дама является собирательным образом «древних» – заклятых врагов Дефо. Расспрашивая Робинзона о разных странах, в которых он побывал, дама поинтересовалась:

Разве в человеческой природе нет одной общей цели и единого умысла, которые, по всей видимости, пронизывают все их [людей] действия и предназначены природой в качестве главной цели жизни?

Ответ повывавшего жизнь старика Крузо был следующим:

...Я не могу утверждать, что половина человечества тратит свое время совсем не на то, что оно считает основным своим занятием... <...> И в самом деле, кажется, что главными делами человечества являются еда и питье; это [приносит] им [людям] удовольствие; а добывать пищу – их [необходимое] занятие, в том числе, фигурально выражаясь, пожирать друг друга... <...> Большая часть мира, и гораздо большая его часть, чем мы себе представляем, скатилась до низшей степени вырождения человеческой сущности, я имею в виду жизнь дикаря.

Жизнь дикаря, по мысли Крузо, отличается от жизни животного лишь способностью говорить и идолопоклонством. И на этой позиции Дефо остается

на протяжении всего эссе – все язычники являются идолопоклонниками, варварами и дикарями.

Идолопоклонству в эссе противопоставляется богопочитание (*англ.* Worship), и тут христианской религии нет равных: «она оказывает спасительное влияние и цивилизует, воздействует на нравы и мораль, политику и даже характеры людей; она приводит их к практике добродетели и истинному образу жизни». Религия магометан ограничивается Байрамом и Рамаданом, мечетью и омовением, а в остальном поведение приверженцев ислама характеризуется грубыми обычаями, считает Крузо, так что в их мире «нет ни общества, ни человечности, ни доверия друг к другу... люди живут, как дикие звери...». Но больше всего в «языческом мире» достается конфуцианству, которое является, по мысли автора «Серьезных размышлений», собранием «моральных умозаключений... сбитых вместе в рапсодию слов, без согласованности и... с очень небольшим количеством аргументов логического рассуждения. Это не что иное, как слегка облагоустроенное язычество», – заключает Дефо.

Однако чем ближе Крузо «приближается к дому» в своем экскурсе о современном состоянии религии в мире, тем тревожнее и тем детальнее становится повествование. И в христианском мире не все так хорошо, как может показаться на первый взгляд. У католиков-папистов лютует инквизиция. В Польше Крузо видит две проблемы: это евреи, которые отрицают, что Христос был Мессией, «и часто хулят Его имя», и социниане, которые отказывают Христу в его искупительной жертве. Что же касается греческой православной церкви, то хоть народ Московии «удивительно богомольный», но «отмечен наиглубочайшим невежеством, неслыханным ни в одной стране, где хотя бы упоминалось христианство».

Наконец Крузо добирается до протестантов, но и здесь ситуация, по его мнению, не лучше. Служба у лютеран хоть и отличается от католической мессы, но сопровождается «трубами, литаврами, скрипками, гобоями и т. п. и всем весельем папского благочестия». И если они, лютеране, еще не впади в папство, то уж в суеверие – навряд ли, а что до благочестия – там его не найти днем с огнем. И здесь Крузо наконец-то открывается и поясняет, что именно он понимает под истинной религией – это не принципы веры, на основе которых те или иные народы именуют себя христианскими, нет. Речь идет об искренности вероисповедания¹²⁵. «Словом, я охочусь не за внешними проявлениями религиозности, а за [подлинной] религиозной практикой», – говорит он.

Что же до других протестантских конфессий – тут каждая церковь обнесена частоколом и оттуда, как и в других местах, вопят своим соседям: «Прочь, прочь, я святее вас!» – и практикуют преследование за веру, да еще с какими гонениями и нападениями... друг на друга. Если между ними [конфессиями] и был мир, то только такой, который не подразумевает никакого взаимопонимания. Теперь же я думаю: какое же может быть милосердие там, где нет покоя? И о какой религии [можно говорить] там, где нет милосердия? И я начал опасаться, что в этом нездоровом климате немного отыщу из того, что искал.

И вот наконец в своем повествовании Робинзон оказывается в Лондоне, где он наблюдает общий подъем настроений верующих по случаю Дня благодарения за победу англичан над французами. Он так радуется, что после столь долгих поисков истинной веры за границей он наконец-то нашел ее у себя дома. Но сколь глубокое разочарование постигает его, когда он становится свидетелем смертельной давки в толпе, пришедшей поглазеть на королеву! Вместо криков «Осанна, благослови королеву, грядущую во имя Господа!» он слышит вопли раненых, которых оттаскивают умирать, видит женщин и детей, еле живых, спасенных из-под ног толпы. Разочарование автора обуславливает злобное осмеяние им аристократов, пришедших по случаю Дня благодарения на службу в Вестминстерское аббатство (хотя конкретно собор в тексте не назван), которые

...нюхали табак, поправляли парики, разглядывали прекрасных дам, шептались, да и то не слишком тихо, друг с другом о той или иной прекрасной даме, хорошенькой девушке, прекрасной герцогине и о ее несметном богатстве, и не без некоторых непристойностей как в словах, так и в жестах.

«Где же те, что благодарят Бога?» – возопил наш герой. Далее он стремится найти ответы на вопросы: почему же так? Где найти истинную веру? Где закончатся все наши несчастливые разногласия? Ответ Крузо заключается в следующем:

Я... склонен в настоящее время отвечать в целом и не опускаться до деталей... – на Небесах. Там и закончатся все наши недобрые нехристианские недобрососедские небратские разногласия. <...> Там мы увидим, что были и другие стада, не только те, что были в нашей овчарне; другие пути к Небу...

В этом достаточно пространном разделе, специально озаглавленном «О различиях в религиозности», чувствуется большая озабоченность, если не боль Дефо по поводу состоявшейся в феврале – марте 1719 г. Солтерской «контроверзы», или диспута протестантских деноминаций о Троице, а если смотреть на вопрос шире – о природе веры. Хоть «искренняя вера в учение о блаженной Троице и истинной божественности Господа нашего Иисуса Христа, о которой ясно сказано в Священном Писании», в конце концов победит, и в Англии восторжествует ситуация веротерпимости, но 1719 г. стал пиком раздора между различными протестантскими деноминациями, что, несомненно, стало побудительным мотивом для Дефо в исследовании истинной веры в «Серьезных размышлениях». Сам Дефо определенно высказывается на этот счет в пятой главе: «вся Троица имеет прямое право на творение: “Словом (Бога Сына) Господа (Бога Отца) сотворены Небеса, и духом (Богом – Святым Духом) уст его – все воинство их”».

Большой интерес представляет пятая глава «О том, как внимать голосу Провидения». Нет сомнения, что она по смыслу тесно связана с четвертой главой, где Дефо рассуждает о состоянии истинной веры в мире, и прямо вытекает из нее. Здесь же, в пятой главе, он дает «руководство» по сохранению живой связи с Небесами, руководство к тому, как читать послания Господа и тем самым обеспечить себе благостную жизнь. Интерес заключается в том, как нонконформист Дефо вписывает этот провиденциальный дискурс в представление о новой естественнонаучной картине мира или, как это уже тогда называли, о натурфилософии. Ее самым знаменитым адептом был Роберт Бойль, старший современник Дефо, который считал, что натурфилософия может дать убедительные доказательства существования Бога.

Знаменитые «Лекции Бойля», средства на проведение которых великий физик оставил в своем завещании, были открыты ранее упоминавшимся здесь представителем «новых» Ричардом Бентли в 1692 г. Главная тема «Лекций Бойля» – рассмотрение присутствия Бога, явленного в природе, которая и является одним из величайших творений Господа. В свою очередь, эти идеи подкреплялись концепцией о божественной упорядоченности вселенной, представленной Исааком Ньютоном в его фундаментальном труде «Математические начала натуральной философии». Общей мыслью этого естественнонаучного дискурса было представление о том, что духовный мир встроено в более общий порядок – Nature – природы¹²⁶. Таким образом, в пятой главе Дефо вновь демонстрирует свою приверженность идеям «новых». Его лаборатория – мир человеческих поступков и мотиваций, жизненных стратегий¹²⁷. Он пишет:

Древо познания... запрещенное под страхом смерти, не соблазняет нас. Напротив, благословен Господь, мы можем вкушать плоды от всех деревьев в саду, и все те, которые нам не разрешено брать, находятся как вне нашего поля зрения, так и вне нашей досягаемости.

Я направляюсь сюда, к одному из деревьев священного знания, которое, хотя и растет в самой гуще леса и окружено колючками и шипами, чтобы как-то защитить его от прямого взгляда, и все же, как я надеюсь доказать далее, наш долг – отведать его плодов, и путь к нему осуществим и прост.

Внимать голосу Провидения – вот чему хочет научить Робинзон Крузо своего читателя, ибо, во-первых, «вечный Бог ведет Своим Провидением весь мир, который Он создал Своей властью», и, во-вторых, «Провидение проявляет особую заботу и участие в руководстве и наставлении человека на путь истинный». Здесь начинается тот

...самый прекрасный поиск Божественного знания, к которому... нас и побуждает сама вера, [поэтому] нам абсолютно необходимо еще на входе, насколько это возможно... объяснить каждый принцип и изложить все основы нашего подхода бесспорно ясно.

Автор с непримиримым ригоризмом заявляет:

Я придерживаюсь того мнения, что наш непререкаемый долг – исследовать на пути к вечной обители все, что Господь позволил нам познать. <...>

Пусть же наше чувство долга вдохновляет нас. Давайте смело исследовать все, что Господь позволит нам знать. <...> Я твердо верю, что нет ни одной тайны, даже принадлежащих Богу, о которых нам было бы запрещено спрашивать, и которые хранились бы в таком секрете, что никаким исследованием мы не смогли бы прийти к их познанию.

И несмотря на то, что люди – близорукие существа (*англ.* short-sighted creatures), Робинзон призывает «использовать все озарения и подсказки, какие только можем получить... дабы направлять нас во многих трудных случаях». В комментарии к этому пассажи М. Новак отсылает читателя к первой книге «Эссе о человеческом разумении» Дж. Локка, где тот повествует о «состоянии невежества», в котором находятся люди, и в этом контексте он говорит о людях как о «недалековидных существах»¹²⁸.

Примечателен вывод, который делает нонконформист Дефо из очерченного комплекса идей.

Очевидно, что все сотворенное [Всевышним] передано в наследство человеку и дано ему во владение, подчинено его власти и управлению как наместника Царя всей земли. Земля дана ему как арендатору великого Собственника, который является Господином поместья или Владетелем земли.

В этом кратком пассаже сформулированы главная идея романа и кредо его главного героя. Хотя Робинзон Крузо и оговаривается («невозможно представить... что этот мир был всецело предоставлен во владение человека без контроля, влияния и тайного руководства Творца»), однако последующие поколения «покорителей вселенной» легко отбросят эту часть его рассуждений. Для Крузо Провидение – это «[механизм] власти, мудрости, справедливости и благости Бога, посредством которого Он влияет, направляет и управляет не только причинами, но и событиями всех вещей, которые касаются нас в этом мире, и поэтому человек должен прислушиваться к его голосу».

Голосу и языку Провидения в главе уделено особое внимание. Так как человек зачастую проходит мимо его «безмолвных проявлений», цель автора «Серьезных размышлений» – научить читателя «некоторым конкретным вещам, относящимся к Провидению и его управлению людьми в мире, за которыми стоит наблюдать». Внимать голосу Провидения – значит «научиться понимать цель и замысел Провидения во всем, что происходит; видеть замысел Провидения в отношении нас самих и понимать, как наш долг велит поступать в каждом конкретном случае». Однако при этом нельзя быть

...вяло и беззаботно пассивными, словно в проявлениях Божьего Провидения ничто не предупреждало нас, не наставляло на путь истинный и не направляло.

Ведь Он ожидал от нас, что мы обратим на эти знаки внимание и примем Его предупреждение.

Провидение посылает людям из невидимого мира безмолвных вестников – во сне или наяву, прямо или косвенно, намеками, импульсами, аллегориями, мистически или иным образом. Кто же не следует голосу Провидения, того постигают кары небесные. Автор приводит красноречивые примеры. Сам король Карл I Стюарт был приговорен к смерти в тот же день и тот же месяц, когда он подписал приказ о казни графа Страффорда, только восемь лет спустя. Другой пример – совпадение числа и месяца вступления короля Якова II Стюарта на престол вопреки Биллю об исключении с днем и месяцем голосования парламента о лишении его престола, когда трон заняли Мария и Вильгельм Оранские.

А собственная история Робинзона: молодой человек презрел все мудрые советы, и самые доброжелательные увещания своего отца и даже слезы и мольбы нежной матери, ушел в море, и с ним начались злключения. Разве ему не следовало внять голосу Провидения и вернуться домой? Какое счастье мог бы принести такой благоразумный шаг, какие горести и беды он предотвратил бы на всю его оставшуюся жизнь! По этому поводу М. Новак пишет: «Что касается Крузо, то он продолжал верить, что его непослушание было проявлением “первородного греха”, за который он был наказан вынужденным пребыванием на острове в течение двадцати восьми лет, но, – далее иронически замечает исследователь, – ему удалось превратить свою тюрьму в рай»¹²⁹.

Заканчивается пятая глава тремя четкими рекомендациями автора: (1) возвести очи горе и признать благодать Божию, благодарить Бога и смириться перед правосудием Божиим; (2) оглянуться по сторонам, принять предупреждение о приближении зла и проявить необходимую осторожность; (3) заглянуть внутрь себя и поразмыслить над тем, что Небеса предостерегают и наказывают, чтобы мы обратили внимание на призыв покаяться и исправиться. И хотя Крузо и оговаривается в самом конце этой главы, что не его это дело – проповедовать, что он только наблюдает и размышляет, пятая глава напоминает проповедь на тему о том, как следовать голосу Провидения.

* * *

Шестая глава «О соотношении христианского и языческого мира» представляет собой яркий образчик имперского сознания англичанина рубежа XVII–XVIII вв. и того, что потом получит концептуализацию в идее «бремени белого человека». Дефо, явно находившийся под влиянием современных ему статистов Уильяма Петти, Чарльза Давенанта и Грегори Кинга, ставит в этом эссе задачу выявить в количественном и территориальном измерении соотношение между христианами и язычниками в масштабах всего земного шара.

Содержание главы носит геополитический характер, в ней автор «языком математической пропорции» обозревает карту мира, чтобы понять, насколько

ничтожно мала та его часть, где исповедуется христианская религия. Крузо приводит перечень христианских стран и их колоний на просторах четырех континентов: это Европа (Германия, Франция, Испания, Италия, Великобритания, Дания, Швеция, Московия, Польша, Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия), Азия (Грузия и Армения), Африка (несколько факторий европейских купцов), Америка (испанцы в Мексике и Перу, на побережье Чили, в Картахене и на острове Сен-Мартен, а также небольшая колония в Буэнос-Айресе на Рио-де-ла-Плата; португальцы в Бразилии; британцы на побережье Америки от залива Флорида до мыса Бритун, а также немногочисленные поселения в Ньюфаундленде и Гудзоновом заливе; французы в Канаде по берегам реки Святого Лаврентия и на юге по берегам реки Миссисипи).

Количество христиан за пределами Европы ничтожно мало. На Африканском континенте христианство исповедует горстка купцов, проживающих в прибрежных городах Средиземноморья, таких как Александрия, Каир и др., а также англичане и голландцы в факториях на побережье Гвинеи, Золотого Берега, Анголы и на мысе Доброй Надежды. Все они, вместе взятые, по мнению Крузо, не составят и пяти тысяч человек. Латинская Америка, вне сравнения, переполнена христианами, правда, «Бог весть, какими... европейские жители некоторых колоний... вообще недостойны имени христиан». Здесь прочитывается отсылка Крузо к устойчивым в английском обществе представлениям о зверствах испанцев в Америке. Британские же колонисты на длинной узкой полоске земли на морском побережье Северной Америки составляют всего лишь 300 тысяч душ.

А вот численность коренного населения Америки, по представлениям Дефо, несопоставимо больше численности христиан, проживающих в Европе: «Америка, которая по крайней мере в три раза больше Европы, и в ней все еще есть обширные... земли с бесконечным числом людей... о которых даже еще и не слышали». Здесь Дефо прямо ссылается на сочинение Уолтера Рэли «Открытие большой, богатой и прекрасной империи Гвиана» 1596 г., в котором указываются цифра в два миллиона человек и активно прирастающие многолюдные народы Амазонки¹³⁰. «Это богатая, плодородная и густонаселенная земля, в которой, согласно приведенным источникам, в настоящее время должно проживать людей больше, чем во всей христианской части Европы, вместе взятой». Что же касается Азии, то «этот огромный многонаселенный континент, на котором живут, без сомнения, многие миллионы народа, весь погряз в идолопоклонстве и язычестве, его жители пребывают в невежестве, поклоняются Солнцу, Луне, огню, курганам своих предков, одним словом – дьяволу». Вывод Дефо заключается в следующем:

Это точный, но очень печальный отчет о малой степени охвата мира христианским вероучением. <...> Земля, которой владеют христиане, является всего лишь точкой на [карте] земного шара по сравнению с идолопоклонническим, языческим и магометанским миром.

Ну, а если говорить об истинных христианах среди народов, именуемых христианами, то этих окажется «суший пустяк», добавляет Робинзон.

Каков же проект борьбы Крузо с этим досадным положением дел в мире? Хотя он и оговаривается: «я... не очень-то разделяю мнения, что религия должна быть насаждена мечом», но суть его проекта в следующем: победа христианства стала бы возможной, если бы христианские государи Европы смогли объединить свои интересы и изжить язычество умеренным, и насколько возможно, бескровным завоеванием, подчинить весь мир правительству христианской власти и таким образом проповедовать учение Иисуса Христа среди язычников и магометан. Крузо подчеркивает: тут главное – открыть путь к Евангелию Мира и «распахнуть двери» проповеди Слова Божия:

Пусть только военная власть сокрушит языческий мир и изгонит дьявола и Магомета с лица земли. <...> Мир таким образом познал истину, и знание Божественных постулатов. <...> Так что я на самом деле предлагаю войну не с людьми, а с нечестивым – войну для свержения адской тирании Сатаны в мире... Думаю, что это война законная и справедливая.

В доказательство своей правоты он приводит пример завоевания Британии римлянами. Да, сопротивлялись, да страдали, но римское завоевание было «самым благим из того, что могло случиться с британским народом, поскольку оно принесло британцам познание Бога и было средством склонить языческий и варварский народ к вере Христовой и принять мессию».

Оговорка Дефо заключается в том, что заставить тот или иной народ после завоевания придерживаться того или иного учения – дело тонкое. Он пишет:

Хотя я и хотел бы покорить народ язычников, чтобы их идолы и храмы были разрушены, а их идолопоклонство было упразднено; однако я был бы очень далек от того, чтобы наказывать и преследовать народ за неверие во Христа; ибо если... вера есть дар Божий, то как мы можем... наказывать или преследовать человека за то, что он не совершает того, чего Бог не дал ему. Следовательно, принуждать людей подчиняться тому или иному особому вероисповеданию христианской религии для меня нечестиво и не по-христиански.

А если говорить конкретно, то для начала реализации проекта хорошо бы, чтобы

...христианская нация предприняла попытку завоевать и подчинить себе какой-нибудь языческий или магометанский народ на расстоянии от нее. Место завоевания, где и среди кого – как мы пожелаем. Например, предположим, что это был бы великий остров Мадагаскар, остров Цейлон, остров Борнео в Ост-Индии, острова Японии или любой другой остров, где вам будет угодно.

Конечно, желательно, оговаривается Крузо, чтобы эта местность была многолюдна. Краткая схема создания христианской власти в этих странах должна быть следующей: во-первых,

...поскольку война направлена главным образом против царства дьявола... правлению Сатаны не следует давать пощады... ни к каким частям хозяйства дьявола не следует проявлять благосклонности. Все идолы должны быть немедленно

уничтожены и публично сожжены. Все пагоды и храмы [должны быть] ликвидированы, а само лицо, форма язычества и культы, сопровождающие его, должны быть полностью стерты [с лица земли].

Во-вторых, языческие «священники... должны быть по крайней мере отстранены, если не уничтожены». В-третьих, «всякое выполнение нечестивых и идолопоклоннических обрядов... должно быть полностью упразднено. Дабы со временем они были забыты и начисто стерты из умов, а также и из практики народа».

А дальше все просто:

Страна полностью переходит под христианское правление. С жителями, если они спокойно подчинятся, следует обращаться гуманно и справедливо, без жестокости и суровости. Они не должны терпеть притеснений, оскорблений или несправедливости, дабы у них не сложилось дурного представления о пришедших к ним людях. Дабы, питая отвращение к христианам из-за их порочного поведения, жестокости и несправедливости, они не питали бы отвращения к христианской религии. <...> [Необходимо демонстрировать] справедливое и великодушное поведение по отношению к туземцам или, по крайней мере, к тем из них, кто проявит готовность подчиниться, что, в свою очередь, безусловно, привлечет их интерес. И, соответственно, через некоторое время приведет их к принятию той Истины, что диктует такие справедливые принципы тем, кто ее исповедуют.

Таким образом, предубеждения будут устранены. Путь к наставлению станет более простым, и тогда наступит время для евангельских пахарей приступать к жатве. Служителям [церкви] следует поручить учить их [жителей] нашему языку, убеждать их искать благословения истинного Бога и таким образом постепенно внедрять среди них верные принципы...

Поэтому христиане должны начать учить всех младенцев этого народа языку, на котором они говорят, и тогда они станут их благодетелями, а не завоевателями. Через некоторое время старшее поколение уйдет, а их потомство и их завоеватели всецело станут одной нацией. А в случае, если

...кто-либо будет отвергать наставления верующих людей, упрямо придерживаться своего идолопоклонства и не захочет быть исправленным с помощью мягкого обращения и христианских обычаев, следует принять надлежащие меры, чтобы они [такие люди] не могли создать в стране религиозную секту и привлечь на свою сторону других, дабы восстановить свою свободу. <...>

Это мой крестовый поход¹³¹.

Вот так рассуждает наш Робинзон.

* * *

Но самое грандиозное путешествие Робинзона Крузо – странствие по вселенной – происходит в его «Видении ангельского мира». Время Дефо было периодом

небывалого интереса к астрономии. Он сам был чрезвычайно впечатлен затмением, которое было предсказано и произошло 22 апреля 1715 г. Уильямом Уистоном было выпущено несколько книг, объясняющих систему Коперника и происхождение затмений с опорой на сочинения И. Ньютона о принципах работы Солнечной системы¹³². Возможно, это вдохновило Дефо на собственное путешествие через вселенную как царство Бога. В центре повествования – вопрос о существовании потустороннего мира и природе духов, призраков и привидений. Посылает ли Бог духов, чтобы помочь нам? Посылает ли Сатана призраков, чтобы напугать и запутать нас и в конечном счете навлечь на нас грех?

Робинзон Крузо заявляет, что самолично сталкивался с духами и привидениями во время своего пребывания на острове. Он вспоминает, как был напуган предсмертной агонией умирающего козла. Другим примером является сюжет о ячменных колосьях из первой части романа:

...Вот прошло около месяца [пребывания на необитаемом острове], и я заметил на полянке несколько зеленых стебельков, только что выглянувших из земли... Как же я изумился, когда спустя еще несколько недель зеленые стебельки – их было всего штук десять-двенадцать – выпустили колосья, оказавшиеся колосьями отличного ячменя... Невозможно описать волнение, охватившее меня... Я был глубоко растроган. Мне казалось, что ради меня свершилось великое чудо, что волею Божьей ячмень вырос сам собой, без семян, чтобы прокормить меня на этом диком пустынном острове... Я не только был уверен, что... этот ячмень послан мне самим Провидением, но не сомневался, что он растет здесь еще где-нибудь. Я обошел всю ту часть острова, где уже бывал раньше, обшарил все уголки, заглядывал под каждую кочку, но нигде не нашел... ячменя. Только тогда я наконец вспомнил про мешок с птичьим кормом, который вытряхнул на землю подле своего жилища. Чудо объяснилось самым естественным образом: по счастливой случайности я вытряхнул мешок на том конце полянки, куда падала тень от холма. Стоило мне вытряхнуть его немного подальше, и семена не взошли бы: их выжгло бы солнце. Это открытие сильно охладило мою пылкую признательность к Провидению¹³³.

Таким образом, Дефо говорит о весьма распространенных среди людей суевериях, но показывает, что по здравому размышлению привидения, странные звуки и т. п. оказываются легко объяснимыми.

Да, все это проявления слабости ума и человеческих страхов. Но в этой главе речь идет не об этом. Крузо представляет читателю свое путешествие в невидимый мир духов, которое становится возможным благодаря воображению. Для описания этого состояния автор не раз использует слово «медитация», а также соотносит его с понятием «откровение». То есть этот невидимый мир открывается ему в глубоком медитативном состоянии, где он перемещается по безграничному пространству вселенной. Воспарив, наш герой сначала видит Солнечную систему, и все земные дела кажутся ему мелкими и ничтожными. Солнечную систему он находит необитаемой, за исключением Земли. Однако здесь Крузо наблюдает бесчисленные армии добрых и злых духов, которые находятся в постоянном

движении между Землей и, как можно предположить, раем, бесконечно удаленным, которого он не смог достичь. Но уже ясное видение этой части невидимого мира, говорит Крузо, является великим шагом в подготовке человеческого ума к встрече с безусловным царством Бога.

Центральным героем повествования становится князь тьмы, господствующий в воздухе, Сатана. Он заточен в этой безбрежной пустоте, чтобы препятствовать Богу в его управлении миром и причинять вред человечеству из простой зависти к его счастью. Вечным указом Провидения он назначен быть постоянным искусителем человека в его стремлении к достижению божественных целей. Бесчисленные легионы, состоящие у него на службе, так велики, что он «снабжает» все уголки этого мира и «продвигает свое дело» в каждой отдельной стране и в душе каждого отдельного ее обитателя с такой ловкостью и усердием, какие только можно вообразить. Однако, много раз повторяет Робинзон, дьявол не способен причинить миру и половины того зла, что люди ему приписывают. Конечно, он весьма «прилежный малый в своем призвании», однако он может лишь подтолкнуть к преступлению, но не принудить к его совершению. Если мы грешим, говорит Робинзон, то это всецело наше собственное дело. Дьявол только искушает нас, о чем ясно повествует Писание, говоря, что всякий человек искушается, когда увлекается своей похотью и обольщается¹³⁴.

Таким образом, природа человека отмечена первородным грехом. Этим пользуются дьявол и его приспешники, а именно: 1) они вселяют в умы людей представления о свободе; 2) убеждают, что будущие наказания за грехи – это басни и забавы; 3) внушают представление, что Бога или какого-либо состояния души после смерти не существует вообще. Крузо дает читателю надежный компас – держаться десяти заповедей Моисея и убояться дня Страшного суда. И здесь Крузо, а за ним и Дефо непоколебимы. М. Новак отмечает, что картина мира Д. Дефо, как и картина мира Т. Гоббса, основана на страхе как главной силе, побуждающей человека к действию. Ужас перед тем, что может находиться по ту сторону смерти, становится доминирующей силой организации общества¹³⁵.

Последняя часть текста призвана проиллюстрировать эти идеи и посвящена группе молодых студентов, которые организовали атеистический кружок. Д. Дефо сосредоточивает внимание на одном из членов этого клуба, который по дороге на собрание приходит в ужас от поразивших его раската грома и вспышки молнии. Осознавая возможные последствия того, чем занимается, он стремглав бросается домой. Это запускает цепь событий, которые приводят к обращению в веру зачинщика-атеиста этого клуба, который убоился кар небесных. Со слезами на глазах он признает существование Бога и дьявола. Убедившись, что Бог желает его покаяния, атеист становится верующим. Крузо утверждает, что эта история истинна. Божественное Провидение способствовало его возвращению на праведный путь. Нет сомнений в том, что страх является главным мотивом к действию данных персонажей.

Итак, перед нами «эпоха перемен» – переход к новому историческому времени и сознанию, медиатором которой для нас стал Даниэль Дефо. Несомненно, он стал одной из самых известных персон своего времени, важной фигурой в борьбе политических партий и влиятельным журналистом. А, кроме того, историком, биографом, поэтом, эссеистом. Был причастен к разработке основ политической экономии, социологии. В третьей части трилогии о Робинзоне Дефо предстает как религиозный полемист, моралист, литератор, обсуждающий вопросы экзистенции человека и в этом смысле первопроходец в литературе. Если рассматривать все его труды в совокупности, он кажется титаном. И все же мы по-прежнему мало знаем о нем, как это ни парадоксально. Книга «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», сделавшая его знаменитым, заслоняет от нас другие аспекты его разнообразной интеллектуальной деятельности и значимость остальных его работ, в частности, третьей части трилогии о моряке из Йорка.

И все же Дефо, написавший так много, буквально похоронивший себя в огромной массе своих произведений, приоткрывает нам здесь свое истинное лицо. Именно в «Серьезных размышлениях о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» он делится с читателем собственным опытом переживания обид, несправедливости и жизненных невзгод. Можно сказать, что общая сюжетная линия «Робинзона Крузо» в виде аллегории рассказывает нам историю реальной жизни Даниэля Дефо, изрядно при этом напоминающую библейскую историю о блудном сыне. В юном возрасте отринув Бога и отправившись в дальние странствия, Робинзон встречает свою старость глубоко верующим человеком и делится мудростью со своим читателем. Дефо позволяет читателю не только пережить борьбу Крузо за выживание, но и заглянуть в его душу. Таким образом, он доверяет читателю свой внутренний мир и пишет жизнеутверждающий роман, пропитанный духом благочестия и доброжелательности. Он показывает пределы и возможности достоинства и недостатки человеческого одиночества, а также жизнь в обществе; он воссоздает образ человека, который обеспечивает себе независимость и возможность открывать для себя множество новых миров и источников вдохновения. Поэтому книга о Робинзоне остается одной из лучших книг для каждого нового поколения людей на земле.

В. В. Высокова

Serious Reflections
 DURING THE
L I F E
 And Surprising
ADVENTURES
 OF
ROBINSON CRUSOE:
 WITH HIS
V I S I O N
 OF THE
Angelick **WORLD.**

Written by Himself.

LONDON: Printed for W. Taylor, at the *Ship*;
and *Black-Swan* in *Pater-noster Row*. 1720.

Серьезные размышления

О

Ж И З Н И

и удивительных

ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

РОБИНЗОНА КРУЗО:

С Е Г О

В И Д Е Н И Е М

ангельского МИРА

Написано им самим

ЛОНДОН: печатано для У. Тейлора, держателя книжных лавок «Корабль» и «Черный лебедь» на Патерностер-Роу, 1720.

Robinson Crusoe's

P R E F A C E .

AS the Design of every Thing is said to be first in the Intention, and last in the Execution; so I come now to acknowledge to my Reader, That the present Work is not merely the Product of the two first Volumes, but the two first Volumes may rather be called the Product of this: The Fable is always made for the Moral, not the Moral for the Fable.

I have heard, that the envious and ill-disposed Part of the World have rais'd some Objections against the two first Volumes, on Pretence, *for want of a better Reason*; That (*as they say*) the Story is feign'd, that the Names are borrow'd, and that it is all a Romance; that there never were and such Man or Place, or Circumstances in any Mans Life; that it is all form'd and embellish'd by Invention to impose upon the World.

I Robinson Crusoe being at this Time in perfect and sound Mind and Memory, Thanks be to God therefore; do hereby declare, their Objection is an Invention scandalous in Design, and false in Fact; and do affirm, that the Story, though Allegorical, is also Historical; and that it is the beautiful Representation of a Life of unexampled Misfortunes, and of a Variety not to be met with in the World, sincerely adapted to, and intended for the common Good of Mankind, and designed at first, *as it is now farther apply'd*, to the most serious Uses possible.

Farther, that there is a Man alive, and well known too, the Actions of whose Life are the just Subject of these Volumes, and to whom all or most Part of the Story most directly alludes, this may be depended upon for Truth, and to this I set my Name.

The famous History of *Don Quixot*, a Work which thousands read with Pleasure, to one that knows the Meaning of it, was an emblematic History of, and a just Satyr upon the Duke *de Medina Sidonia*; a Person very remarkable at that Time in Spain: To those who knew the Original, the Figures were lively and easily discovered themselves, as they are also here, and the Images were just; and therefore, when a malicious, but foolish Writer, in the abundance of his Gall, spoke of the Quixotism of R. Crusoe, as he called it, he shewed evidently, that he knew nothing of what he said; and perhaps will be a little startled, when I shall tell him, that what he meant for a Satyr, was the greatest of Panegyricks.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Робинзона Крузо

оскольку, как говорится, в начале любого творения лежит замысел, и уж потом – его воплощение, я спешу признаться своему читателю, что настоящий труд – вовсе не продолжение двух первых книг, а, напротив, две первые книги можно считать следствием этой. В конце концов, басня создана для морали, а не мораль для басни¹.

До меня дошли слухи, что завистливая и недружелюбная часть пишущей братии высказывает некоторые возражения против первых двух моих книг под предлогом, за неимением *причины получше*, что (как они говорят) история эта вымышлена, имена заимствованы и что все это не более чем небывальщина: не существовало ни такого человека, ни места, ни обстоятельств чьей-либо жизни, все это выдуманно, приукрашено и в таком виде предъявлено всему свету².

Я, Робинзон Крузо, находясь теперь в здравом уме и твердой памяти – благодарение Богу за это, – настоящим объявляю упомянутые выше измышления скандальными по форме и лживыми по существу. Я утверждаю, что мой рассказ, хотя и аллегоричен, все же достаточно историчен и что он является прекрасным примером жизни, полной беспрецедентных несчастий такого свойства, с какими мир ранее не встречался, честно изложенным для общего блага человечества и созданным с самыми серьезными намерениями, *каковые преследую и теперь*.

Более того, человек, жизненные обстоятельства которого стали предметом этих книг и к которому напрямую относится вся эта история или большая ее часть, действительно существует, и он хорошо известен – это истинно так, и я готов поставить под этим утверждением свое имя.

Знаменитая «История Дон Кихота», чтением которой наслаждаются тысячи, для знающего человека является символической историей герцога *Медины-Сидонии*, примечательнейшей личности Испании того времени, и меткой сатирой на него. Для тех, кто знал оригинал [герцога Медину-Сидонию], персонажи романа были живо и легко узнаваемы – так же, как и здесь, – а образы исключительно точны³. Когда же злонамеренный, но глупый писатель, изливая потоки желчи, говорит о «кихотизме» Р. Крузо, он демонстрирует только то, что ничего не знает о предмете своих рассуждений, и, возможно, он будет слегка удивлен, если я скажу ему, что задуманная им сатира оказалась на деле величайшим из панегириков.

Without letting the Reader into a nearer Explication of the Matter, I proceed to let him know, that the happy Deductions I have employ'd myself to make from all the Circumstances of my Story, will abundantly make him amends for his not having the Emblem explained by the Original; and that when in my Observations and Reflexions of any Kind in this Volume, I mention my Solitudes and Retirements, and allude to the Circumstances of the former Story, all those Parts of the Story are real Facts in my History, whatever borrow'd Lights they may be represented by: Thus the Fright and Fancies which succeeded the Story of the Print of a Man's Foot, and Surprise of the old Goat, and the Thing rolling on my Bed, and my jumping out in a Fright, are all Histories and real Stories; as are likewise the Dream of being taken by Messengers, being arrested by Officers, the Manner of being driven on Shore by the Surge of the Sea, the Ship on Fire, the Description of starving; the Story of my Man *Friday*, and many more most material Passages observ'd here, and on which any religious Reflections are made, are all historical and true in Fact: It is most real, that I had a Parrot, and taught it to call me by my Name, such a Servant a Savage, and afterwards a Christian, and that his Name was called *Friday*, and that he was ravish'd from me by Force, and died in the Hands that took him, which I represent by being killed; this is all literally true, and should I enter into Discoveries, many alive can testify them: His other Conduct and Assistance to me also have just References in all their Parts to the Helps I had from that faithful Savage, in my real Solitudes and Disasters.

The Story of the Bear in the Tree, and the Fight with the Wolves in the Snow, is likewise Matter of real History; and in a Word, the Adventures of *Robinson Crusoe*, are one whole Scheme of a real Life of eight and twenty Years, spent in the most wandring desolate and afflicting Circumstances that ever Man went through, and in which I have liv'd long in a Life of Wonders in continu'd Storms, fought with the worse kind of Savages and Maneaters, by unaccountable supprising Incidents; fed by Miracles greater than that of Ravens, suffered all Manner of Violences and Oppressions, injurious Reproaches, contempt of Men, Attacks of Devils, Corrections from Heaven, and Oppressions on Earth; have had innumerable Ups and Downs in Matters of Fortune, been in Slavery worse than *Turkish*, escaped by an exquisite Management, as that in the Story of *Xury*, and the Boat at *Sallee*, been taken up at Sea in Distress, rais'd again and depress'd again, and that oftner perhaps in one Man's Life than ever was known before; Shipwreck'd often, tho' more by Land than by Sea: In a Word, there's not a Circumstance in the imaginary Story, but has its just Allusion to a real Story, and chimes Part for Part, and Step for Step with the inimitable Life of *Robinson Crusoe*.

In like Manner, when in these Reflections, I speak of the Times and Circumstances of particular Actions done, or Incidents which happened in my Solitude and Island-Life,

Не буду утруждать читателя дальнейшим объяснением дела – хочу лишь дать ему знать, что счастливые выводы, которые я сделал из всех обстоятельств моей жизненной истории, с лихвой восполняют отсутствие символа, основанного на оригинале, и что когда в моих наблюдениях и рассуждениях любого рода в этом томе я упоминаю мои одиночество и уединение, намекая на обстоятельства первой истории, все эти части рассказа являются реальными фактами моей жизни, независимо от того, что они могут показаться заимствованными⁴. Таким образом, мои страх и радость при виде отпечатка босой человеческой ноги, и неожиданная встреча со старым козлом, и нечто неизвестное, скатившееся в мою кровать, когда я выпрыгнул из нее от испуга, – все это реальные истории и случаи, как и мой сон о том, как меня похитили посланники Небес, и офицеры, арестовавшие меня, и то, как сильная волна вынесла меня на берег моря, и охваченный огнем корабль, и описание голода, и жизненная история моего слуги *Пятницы*, и многие другие совершенно конкретные детали, изложенные здесь, в отношении которых приведены какие-либо религиозные рассуждения, на самом деле являются историческими и достоверными. Совершенно реально и то, что у меня действительно был попугай и я научил его называть меня по имени; что был у меня и такой слуга – вначале дикарь, а потом христианин, и имя его было *Пятница*, и что он был похищен у меня силою и умер в тех самых руках, что похитили его, а я представил это так, что он был убит. Это все истина до последней буквы, и будь я подвергнут допросам – многие из ныне живущих могут стать моими свидетелями. Другие примеры его [*Пятницы*] поступков и верного служения мне также нашли свое справедливое место в книге – этот верный дикарь во многом помогал мне в моем абсолютном одиночестве и невзгодах.

Истории о медведе на дереве и о схватке с волками на снегу тоже реальны. Одним словом, «Приключения Робинзона Крузо» представляют собой цельное и правдивое изложение двадцати восьми лет действительной жизни, проведенной в самых тяжких блужданиях, одиночестве и отчаянии, которые когда-либо доставались человеку. Таким образом, я прожил удивительную жизнь среди беспрестанных бурь, в борьбе со злейшими дикарями и людоедами, жизнь, полную необъяснимых невероятных происшествий; мне приносили пропитание чудесные [существа] удивительнее, чем вороны [пророка Илии]⁵. Я страдал от насилия и несправедливости, от ранящих упреков, неуважения людей, нападков дьявола, наказания Небес и вражды на земле. Моя фортуна была переменчива, я переживал бесчисленные взлеты и падения, я был в рабстве хуже *турецкого*, откуда бежал благодаря изощренному плану, как это показано в истории с *Ксури* и лодкой в *Салле*. В бедственном положении я пускался по морю, поднимался и снова падал – возможно, намного чаще, чем когда-либо это случалось в жизни одного человека. Наконец, я неоднократно терпел кораблекрушения, хотя больше на суше, чем на море. Словом, эта книга – не обстоятельства воображаемой истории, а точное отражение истории реальной, и она следует глава за главой и шаг за шагом за неподражаемой жизнью *Робинзона Крузо*.

Подобным же образом, когда в этих «Размышлениях» я говорю о времени и обстоятельствах конкретных действий или случаях из моей одинокой жизни

an impartial Reader will be so just to take it as it is; viz. that it is spoken or intended of that Part of the real Story, which the Island-Life is a just Allusion to; and in this the Story is not only illustrated, but the real Part I think most justly approv'd; *For Example*, in the latter Part of this Work called the Vision, I begin thus, *When I was in my Island Kingdom, I had abundance of strange Notions of my seeing Apparitions, &c.* all these Reflections are just History of a State of forc'd Confinement, which in my real History is represented by a confin'd Retreat in an Island' and 'tis as reasonable to represent one kind of Imprisonment by another, as it is to represent any Thing that really exists, by that which exists not. The Story of my Fright with something on my Bed, was Word for Word a History of what happened, and indeed all those Things received very little Alteration, except what necessarily attends removing the Scene from one Place to another.

My Observations upon Solitude are the same, and I think I need say no more, than that the same Remark is to be made upon all the References made here, to the Transactions of the former Volumes, and the Reader is desired to allow for it as he goes on.

Besides all this, here is the just and only good End of all Parable or Allegorick History brought to pass, viz. for moral and religious Improvement. Here is invincible Patience recommended under the worst of Misery; indefatigable Application and undaunted Resolution under the greatest and most discouraging Circumstances; I say, these are recommended, as the only Way to work through those Miseries, and their Success appears sufficient to support the most dead-hearted Creature in the World.

Had the common Way of Writing a Mans private History been taken, and I had given you the Conduct or Life of a Man you knew, and whose Misfortunes and Infirmities, perhaps you had sometimes unjustly triumph'd over; all I could have said would have yielded no Diversion, and perhaps scarce have obtained a Reading, or at best no Attention; the Teacher, *like a greater*, having no Honour in his own Country. Facts that are form'd to touch the Mind, must be done a great Way off, and by somebody never heard of: Even the Miracles of the Blessed Saviour of the World suffered Scorn and Contempt, when it was reflected, that they were done by the Carpenter's Son; one whose Family and Original they had a mean Opinion of, and whose Brothers and Sisters were ordinary People like themselves.

There even yet remains a Question, whether the Instruction of these Things will take place, when you are supposing the Scene, which is placed so far off, had its Original so near Home.

But I am far from being anxious about that, seeing I am well assur'd that if the Obstnacy of our Age should shut their Ears against the just Reflections made in this

на острове, беспристрастный читатель воспримет это непосредственно, а именно – что все, что говорится или подразумевается здесь, часть действительно бывшей истории, и жизнь на острове – лишь верная аллюзия на нее. Таким образом, история не только наглядна, но и реальна, более того – подтверждена. Например, последнюю часть этой работы под названием «Видение»⁶ я начинаю таким образом: *Пока я жил в моем островном царстве, у меня было множество странных представлений о моих видениях и т.д.*⁷ Все эти размышления являются всего лишь следствием состояния вынужденного заключения, которое в моей реальной жизненной истории представлено заточением на необитаемом острове; и совершенно допустимо представить один вид принудительного заключения посредством другого, так же как возможно представлять все действительно существующее через то, что не существует⁸. Рассказ о том, как я испугался, когда нечто оказалось в моей кровати, – слово в слово истинный случай, я действительно почти не изменил ничего, за исключением того, что перенес сцену из одного места в другое.

Мои наблюдения об одиночестве – то же самое. Я думаю, можно сказать то же самое и обо всех других параллелях, проведенных в этой книге в отношении двух предыдущих частей. Пусть читатель позволит себе это допущение по мере своего продвижения вперед.

Помимо всего прочего, только здесь читатель найдет единственный справедливый поучительный конец всей моей притчи или аллегорической истории, ведущей именно к моральному и религиозному совершенствованию. Здесь есть и неиссякаемое терпение, необходимое при тяжелейших бедствиях, и неутомимое старание, и непоколебимая решительность в самых сложных и приводящих в уныние обстоятельствах. Я рекомендую эти качества как единственный способ пережить все бедствия – будь вы успешны в них, этого было бы достаточно, чтобы поддержать и самое падшее духом существо в целом мире.

Если бы я придерживался общепринятого способа описания биографии и обрисовал бы вам поведение или жизнь человека, которого вы знали и чьи несчастья и немощи, возможно, вы иногда несправедливо осмеивали, все, что я мог бы сказать, ничего бы не изменило, и, возможно, было бы прочитано немногими или в лучшем случае не получило бы должного внимания: учитель, как и *пророк*, не в чести в своем отечестве⁹. События, чтобы оказать воздействие на разум, должны проделать большой путь и произойти с кем-то неизвестным. Даже чудесные деяния благословенного Спасителя мира становились объектом насмешек и презрения, когда выяснялось, что их совершал сын плотника – тот, чья семья и происхождение были, по их [людей] мнению, низкими и чьи братья и сестры были обычными людьми, подобными им самим.

И еще остается вопрос о том, останутся ли описанные в этом томе случаи столь же поучительными, когда читатель поймет, что далекая сцена действия на самом деле оказалась так близко к дому.

Вместе с тем меня совершенно это не заботит. Я уверен, что если упрямое нежелание нашего века слушать закроет им уши вопреки справедливым

Volume, upon the Transactions taken Notice of in the former, there will come an Age, when the Minds of Men shall be more flexible, when the Prejudices of their Fathers shall have no Place, and when the Rules of Vertue and Religion justly recommended, shall be more gratefully accepted than they may be now, that our Children may rise up in Judgment against their fathers, and one Generation be edified by the same Teaching, which another Generation had despised.

ROB. CRUSOE.

размышлениям, сделанным в этом томе в связи с предшествующими частями, настанет время, когда человеческий ум станет гибче, когда предрассудкам их отцов больше не будет места и когда путь добродетели и религии, указанный своевременно, будет принят с большей благодарностью, чем теперь. Одним словом, что наши дети смогут подняться против своих отцов и осудить их, и следующее поколение благодарно воспримет то учение, которое было с презрением отвергнуто предыдущим¹⁰.

РОБ. КРУЗО

THE PUBLISHER'S INTRODUCTION

HE publishing this extraordinary Volume will appear to be no Presumption, when it shall be remembred, with what unexpected Good and Evil Will, the former Volumes have been accepted in the World.

If the Foundation has been so well laid, the Structure cannot but be expected to bear a Proportion; and while the Parable has been so diverting, the Moral must certainly be equally agreeable.

The success the two former Parts have met with, has been known by the Envy it has brought upon the Editor, express'd in a thousand hard Words from the Men of Trade; the Effect of that Regret which they entertain'd, at their having no Share in it: And I must do the Author the Justice to say, that not a Dog has wag'd his Tongue at the Work itself, nor has a Word been said to lessen the Value of it, but which has been the visible Effect of that Envy at the good Fortune of the Bookseller.

The Riddle is now expounded, and the intelligent Reader may see clearly the End and Design of the whole Work; that it is calculated for, and dedicated to the Improvement and Instruction of Mankind in the Ways of Vertue and Piety, by representing the various Circumstances, to which Mankind is exposed; and encouraging such as fall into ordinary or extraordinary Casualties of Life, how to work thro' Difficulties, with unwearied Diligence and Application, and look up to Providence for Success.

The Observations and Reflections, that take up this Volume, crown the Work; if the Doctrine has been accepted, the Application must of Necessity please; and the Author shews now, that he has learn'd sufficient Experience, how to make other Men wise and himself happy.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

убликация этой необыкновенной книги, как представляется, не станет неожиданностью для читателей, если мы вспомним о том, с каким парадоксальным смешением добрых и злых чувств были встречены миром первые две части.

Поскольку фундамент был заложен столь основательно, логично ожидать, что и строение будет пропорционально соответствовать ему; и хотя содержание книг развлекательно, мораль непременно должна быть ясна.

Невероятная зависть издательского мира, выразившаяся в тысяче колкостей от коллег-издателей, только утвердила мою уверенность в успехе двух первых частей. Их зависть, несомненно, результат сожаления о том, что они не приняли участия в издании. Нужно отдать автору должное: ни одна собака не облаяла его труд, ни одно дурное слово не умалило ценности его работы; зависть, о которой я говорю, распространялась лишь на удачу книготорговца.

Загадка романа теперь разъяснилась, и разумный читатель ясно видит цель и общий замысел всей работы. Прежде всего он был направлен на совершенствование человечества и предназначался для наставления оного в добродетели и благочестии, описывая различные обстоятельства, в которых может оказаться человек, и вдохновляя тех, кто страдает от повседневных или чрезвычайных жизненных невзгод, показывая, как преодолевать трудности с несгибаемым трудолюбием и усердием и надеяться на Провидение в достижении успеха.

Наблюдения и размышления, составляющие этот том, венчают нашу работу. Уж если доктрина принята, то и ее применение обязательно угодит всему свету. Таким образом, автор показывает, что из своего несчастья он извлек достаточный урок, чтобы сделать других людей мудрыми.

The Moral of the Fable, as the Author calls it, is most instructing; and those who challeng'd him most maliciously, with not making his Pen useful, will have Leisure to reflect, that they pass'd their Censure too soon; and like Solomon's Fool, judg'd of the Matter before they heard it.

Those whose Avarice prevailing over their Honesty, had invaded the Property of this Book by a corrupt Abridgment, have both fail'd in their Hope, and been ashamed of the Fact; shifting off the Guilt as well as they could, tho' weakly, from one to another: The principal Pyrate is gone to his Place, and we say no more of him, *De mortuis nil nisi bonum*; 'tis Satisfaction enough, that the Attempt has prov'd abortive, as the Baseness of the Design might give them Reason to expect it would.

ADVERTISEMENT.

THE Life and Strange Surprising Adventures of *Robinson Crusoe*, of *York*, Mariner: Who lived eight and twenty Years all alone in an un-inhabited Island on the Coast of America, near the Mouth of the Great River *Oroonoque*; having been cast on Shore by Shipwreck, wherein all the Men perished but himself: With an Account how he was at last as strangely deliver'd by Pyrates. Written by himself. The Third Edition.

The farther Adventures of *Robinson Crusoe*, being the Second and last Part of his Life, and strange surprising Accounts of his Travels round three Parts of the Globe. Written by himself. The Second Edition: To which is added a Map of the World, in which is delineated the Voyages of *Robinson Crusoe*. Both sold by W. T A Y L O R, at the *Ship* and *Black-Swan* in *Pater-noster-Row*.

Мораль басни, как автор называет свою историю, весьма поучительна. Те критики, что бросали ему злонамеренный вызов, не оценив его пера, теперь смогут на досуге сожалеть, что вынесли свои суждения слишком рано и, подобно Соломонову глупцу, дали ответ, не выслушав сути вопроса¹.

Те двое, чья жадность взяла верх над честностью, вторглись в целостность этой книги преступным сокращением оной, одновременно лишившись своих надежд, и теперь они стыдятся своего поступка, неубедительно перекладывая вину на плечи друг друга. Главный пират ушел посрамленным, и мы более не пророним о нем ни слова — *De mortuis nil nisi bonum*². Достаточно того, что попытка оказалась неудачной, как и можно было ожидать в связи с низостью их планов.

АНОНС

Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб; с изложением его неожиданного освобождения пиратами, описанные им самим.

Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, описанные им самим. Второе издание, к которому добавлена карта мира, на которой изображены путешествия Робинзона Крузо. Обе [книги] продаются У. ТЕЙЛОРОМ в [книжных лавках] *Корабль и Черный лебедь на Патерностер-Роу*.

Serious

OBSERVATIONS.

INTRODUCTION.

IMust have made very little Use of my solitary and wandring Years, if after Such a Scene of Wonders, as my Life may be justly call'd, I had nothing to say, and had made no Observations which might be useful and instructing, as well as pleasant and diverting to those that are to come after me.

CHAP. I.

Of SOLITUDE.

*How incapable to make us happy, and
how unqualified to a Christian Life.*

Have frequently look'd back, you may be sure, and that with different Thoughts, upon the Notions of a long tedious Life of Solitude, which I have represented to the World, and of which you must have formed some Ideas from the Life of a Man in an Island. Sometimes I have wonder'd how it could be supported, especially for the first Years, when the Change was violent and impos'd, and Nature unacquainted with any thing like it. Sometimes I have as much wonder'd, why it should be any Grievance or Affliction; seeing upon the whole View of the Stage of Life which we act upon in this World, it seems to me, that Life in general is, or ought

Серьезные
НАБЛЮДЕНИЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

Я, должно быть, весьма плохо использовал годы одиночества и многих лет странствий по тому «полю чудес», которым справедливо может быть названа моя жизнь, если не сделал выводов, которые могли бы быть полезны, а также приятны и интересны тем, кто придут за мной.

ГЛАВА I
ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

*Каким образом оно не способно сделать нас счастливыми
и почему несообразно с христианской жизнью²*

Часто оглядываюсь в прошлое – в этом вы можете быть уверены – обуреваемый различными мыслями о долгой и утомительной жизни в одиночестве, которую я представил миру и о которой вы должны были сформировать некоторые понятия, – о жизни человека на острове. Иногда я задавался вопросом, как можно было поддерживать такую жизнь, особенно в первые годы, когда перемены были столь насильственно навязаны обстоятельствами, а природа человека и близко не была знакома хоть с чем-нибудь подобным³. Иногда я спрашивал себя, почему одиночество воспринимают

to be, but one universal Act of Solitude: But I find it is natural to judge of Happiness, by its suiting or not suiting our own Inclinations. Every Thing revolves in our Minds by innumerable circular Motions, all centring in our selves. We judge of Prosperity, and of Affliction, Joy and Sorrow, Poverty, Riches, and all the various Scenes of Life: I say, we judge of them by our selves: Thither we bring them Home, as Meats touch the Palat, by which we try them; the gay Part of the World, or the heavy Part; it is all one, they only call it pleasant or unpleasant, as they suit our Taste.

The World, I say, is nothing to us, but as it is more or less to our Relish: All Reflection is carry'd Home, and our Dear-self is, in one Respect, the End of Living. Hence Man may be properly said to be alone in the Midst of the Crowds and Hurry of Men and Business: All the Reflections which he makes, are to himself; all that is pleasant, he embraces for himself; all that is irksome and grievous, is tasted but by his own Palat.

What are the Sorrows of other Men to us? And what their Joy? Something we may be touch'd indeed with, by the Power of Sympathy, and a secret Turn of the Affections; but all the solid Reflection is directed to our selves. Our Meditations are all Solitude in Perfection; our Passions are all exercised in Retirement; we love, we hate, we covet, we enjoy, all in Privacy and Solitude: All that we communicate of those Things to any other, is but for their Assistance in the Pursuit of our Desires; the End is at Home; the Enjoyment, the Contemplation, is all Solitude and Retirement; 'tis for our selves we enjoy, and for our selves we suffer.

What then is the Silence of Life? And, How is it afflicting, while a Man has the Voice of his Soul to speak to God, and to himself? That Man can never want Conversation, who is Company for himself; and he that cannot converse profitably with himself, is not fit for any Conversation at all; and yet there are many good Reasons why a Life of Solitude, as Solitude is now understood by the Age, is not at all suited to the Life of a Christian, or of a wise Man. Without enquiring therefore into the Advantages of Solitude, and how it is to be managed, I desire to be heard concerning what Solitude really is; for I must confess, I have different Notions about it, far from those which are generally understood in the World, and far from all those Notions upon which those People in the primitive Times, and since that also, acted, who separated themselves into Desarts and unfrequented Places, or confin'd themselves to Cells, Monasteries, and the like, retir'd, as they call it, from the World; All which, I think, have nothing of the Thing I call Solitude in them, nor do they answer any of the true Ends of Solitude, much less those Ends which are pretended to be sought after, by those who have talk'd most of those Retreats from the World.

как какую-то беду или несчастье, ведь, если задуматься, весь жизненный сценарий, по которому мы действуем в этом мире, – всеобъемлющий акт одиночества; но я нахожу естественным судить о счастье с точки зрения того, подходит или нет оно нашим собственным наклонностям. Все вращается в нашем сознании бесконечным круговоротом мысли, в центре которого находимся мы сами. Мы судим о процветании и скорби, радости и печали, нищете, богатстве и обо всех различных жизненных ситуациях – я думаю, мы судим о них по себе⁴. Мы точно так же пропускаем их через себя, как пишу духовную, и пробуем их на вкус – радующую [нас] часть этого мира или оборотную его сторону. Все это одно и то же, они только называются приятными или неприятными в соответствии с нашим вкусом.

Мир, скажу я вам, для нас ничто, кроме того, что более или менее доставляет нам наслаждение. Все размышления вращаются вокруг нас самих, и наше бесценное «я» в определенном отношении – предел бытия. Следовательно, правильно было бы сказать, что человек одинок в толпе и суете среди людей и дел. Все размышления человека – о нем самом, [они] возвращаются к нему самому. Все, что приятно, он сам приемлет в свои объятия. Все, что досадно и мучительно, он [тоже] пробует на вкус сам.

Зачем нам скорби других людей, и что нам до их радостей? Несомненно, иногда мы можем испытывать сочувствие к ближнему, и скрытая сила привязанности на самом деле проникает нам в душу, [но] всякое серьезное размышление всегда направлено на нас самих. Наши раздумья наилучшим образом всецело реализуются в одиночестве. Все наши страсти мы переживаем в уединении: мы любим, ненавидим, желаем и наслаждаемся в уединении нашей частной жизни и в одиночестве. Если мы и разделяем с другими что-либо из вышеперечисленного, то лишь ради их помощи в достижении наших желаний. Конечная цель всего – в нас самих: наслаждение, созерцание – все это происходит в одиночестве и уединенной жизни, и когда мы радуемся, и когда страдаем.

Что есть тишина жизни? И как это огорчает человека, обладающего душой, жаждущей говорить с Богом и с самой собой?⁵ Человек, который составляет компанию самому себе, никогда не может желать [другой] беседы, а тот, кто не может вести интересный разговор с самим собой, вообще не способен к разговору. И все же есть много веских причин, почему жизнь в одиночестве – так, как она понимается в наше время, – совсем не подходит для христианина или мудреца. Таким образом, не задаваясь вопросом о преимуществах уединения и о том, как можно управлять им, я бы хотел быть услышанным [в моих размышлениях] о том, чем же на самом деле является уединение; ибо я должен признаться, что мои представления о нем далеки от тех, которые приняты в мире. Далек от понятий, следуя которым, действовали люди с первобытных времен до наших дней – те, кто отшельничали в пустынях и иных редко посещаемых местах или, уединяясь от мира, удалялись в заточение в келью, в монастырь и т. п. Все эти места, я думаю, не имеют сами по себе ничего общего с тем, что я называю уединением, и они не способны [помочь] достичь ни одной цели одиночества, уж не говоря о тех его ипостасях, которые якобы стремились постичь все те, кто больше всего рассуждали об уединении.

As for Confinement in an Island, if the Scene was plac'd there for this very End, it were not at all amiss. I must acknowledge, there was Confinement from the Enjoyments of the World, and Restraint from human Society: But all that was no Solitude; indeed no Part of it was so, except that which, as in my Story, I apply'd to the Contemplation of sublime Things, and that was but a very little, as my Readers well know, compar'd to what a Length of Years my forced Retreat lasted.

It is evident then, that as I see nothing but what is far from being retir'd, in the forced Retreat of an Island, the Thoughts being in no Composure suitable to a retired Condition, no not for a great While; so I can affirm, that I enjoy much more Solitude in the Middle of the greatest Collection of Mankind in the World, I mean, at *London*, while I am writing this, than ever I could say I enjoy'd in eight and twenty years Confinement to a desolate Island.

I have heard of a Man, that upon some extraordinary Disgust which he took at the unsuitable Conversation of some of his nearest Relations, whose Society he could not avoid, suddenly resolved never to speak any more: He kept is Resolution most rigorously many years; not all the Tears or Entreaties of his Friends, no not of his Wife and Children, could prevail with him to break his Silence. It seems it was their ill Behaviour to him at first, that was the Occasion of it; for they treated him with provoking Language, which frequently put him into undecent Passions, and urged him to rash Replies; and he took this severe Way to punish himself for being provok'd, and to punish them for provoking him: But the Severity was unjustifiable; it ruin'd his Family, and broke up his House: His Wife could not bear it, and after endeavouring, by all the Ways possible, to alter his rigid Silence, went first away from him, and afterwards away from her self, turning melancholly and distracted: His Children separated some one Way, and some another Way, and only one Daughter who lov'd her Father above all the rest, kept with him, tended him, talk'd to him by Signs, and liv'd almost Dumb like her Father, near 29 years with him; till being very sick, and in a high Fever, delirious as we call it, or light-headed, he broke his Silence, not knowing when he did it, and spoke, tho' wildly at first. He recover'd of the Illness afterwards, and frequently talk'd with his Daughter, but not much, and very seldom to any Body else.

Yet this Man did not live a silent Life with respect to himself; he read continually; and wrote down many excellent Things, which deserv'd to have appear'd in the World, and was often heard to pray to God in his Solitudes very audibly, and with great Fervency; but the Unjustice which his rash Vow, *if it was a Vow*, of Silence, was to his Family, and the length he carry'd it, was so unjustifiable another way, that I cannot say his Instructions could have much Force in them.

Had he been a single Man, had he wandred into a strange Country or Place, where the Circumstance of it had been no Scandal, his Vow of Silence might ha' been as commendable,

Что касается заточения на необитаемом острове, то если место действия было выбрано именно с такой целью, это было совершенно оправданно. Я должен согласиться – жизнь на необитаемом острове означала и [полное] отсутствие мирских наслаждений, и изоляцию от человеческого общества. Но все это не было [истинным] одиночеством ни в малейшей степени, за исключением тех моментов, когда, как рассказывается в моей истории, я прибегал к созерцанию чего-то возвышенного, но этого созерцания было очень мало, как мои читатели хорошо знают, по сравнению с теми нескончаемыми годами, что продолжалось мое вынужденное заточение.

Очевидно тогда, что я считаю свое насильственное заточение на острове далеко от истинного уединения. Мои мысли находились в совершенном разброде, не соответствовавшем состоянию уединения, о нет, долгое время не соответствовавшем. Я могу утверждать, что гораздо больше меня радует уединение посреди величайшего в мире сборища людей (я имею в виду *Лондон* в то время как пишу эти строки), чем когда-либо за двадцать восемь лет одиночества на пустынном острове.

Я слышал о человеке, который в результате чрезвычайного отвращения, которое он испытывал при неприятнейших разговорах с некоторыми из своих ближайших родственников, чье общество он не мог избежать, решил никогда больше не говорить. Он твердо держал свой обет много лет. Даже слезы или мольбы его друзей – и уж, конечно, жены и детей – не могли заставить его нарушить молчание. Сначала казалось, что причиной его обета было неподобающее поведение тех родственников, чьи провокационные речи часто понуждали его к необузданным реакциям и необдуманным ответам. Он взял этот тяжкий обет как способ наказать себя за то, что он поддавался на провокации, и наказать тех за их поведение. Но тяжесть наказания оказалась неоправданной: оно разрушило его семью. Его жена не смогла этого вынести. Она всеми способами пыталась преодолеть его отчужденное молчание, но потом отдалась от него, а затем и от себя, и впала в меланхолию и безумие. Его дети отделились – кто-то одним, а кто-то другим путем; и только одна дочь, которая любила своего отца больше других, осталась с ним, ухаживала за ним, разговаривала с ним знаками и жила с ним, почти немая, как и ее отец, около 29 лет, пока в лихорадке болезни и с высокой температурой – в бреду, как мы это называем, – он не нарушил свое молчание, не понимая, что делает это, и не заговорил, хоть и безумно вначале. Впоследствии он выздоровел от своей болезни и часто разговаривал с дочерью, но совсем понемногу, и чрезвычайно редко – с кем-то еще.

Тем не менее, этот человек вовсе не жил в молчании по отношению к самому себе. Он постоянно читал и написал много прекрасных текстов, которые заслуживали того, чтобы увидеть свет. Часто домашние слышали, как он молился Богу в уединении – громко и с большим усердием; но несправедливость, в которую вверг его семью этот необдуманный обет молчания, *если это был обет*, и длительность его были настолько неоправданными, что я не могу сказать, что его молитвы имели большую силу.

Если бы он не был женат, если бы он уехал в другую страну или место, где такое положение вещей не было бы скандальным, его обет молчания, возможно,

and as I think, much more than any of the primitive Christians Vows of Solitude were; whose Retreat into the Wilderness, and giving themselves up to Prayer and Contemplation, shunning human Society, and the like, was so much esteemed by the primitive Fathers, and from whence our religious Houses, and Orders of religious People were first deriv'd.

The Jews said, *John* the Baptist had a Devil, because he affected Solitude and Retirement; and they took it from an old Proverb they had in the World at that time: *That every solitary Person must be an Angel or a Devil.*

A Man under a Vow of perpetual Silence, if but rigorously observ'd, would be even on the Exchange of London, as perfectly retired from the World, as a Hermit in his Cell; or a *Solitaire* in the Desarts of *Arabia*; and if he is able to observe it rigorously, may reap all the Advantages of those Solitudes, without the unjustifiable Part of such a Life, and without the Austerities of a Life among Brutes. For the Soul of a Man under a due and regular Conduct, is as capable of reserving it self, or separating it self from the rest of human Society, in the midst of a Throng, as it is when banish'd into a desolate Island.

The Truth is, that all those religious Hermit-like Solitudes, which Men value themselves so much upon, are but an Acknowledgment of the Defect or Imperfection of our Resolutions, our Incapacity to bind our selves to needful Restraints, or rigorously to observe the Limitations we have vow'd our selves to observe: *Or take it thus*, That the Man first resolving that it would be his Felicity to be entirely given up to conversing only with Heaven, and heavenly Things, to be separated to Prayer and good Works; but being sensible how ill such a Life will agree with Flesh and Blood, causes his Soul to commit a Rape upon his Body, and to carry it by Force, as it were into a Desert, or into a religious Retirement, from whence it cannot return, and where it is impossible for it to have any Converse with Mankind, other than with such as are under the same Vows, and the same Banishment. The Folly of this is evident many Ways.

I shall bring it home to the Case in Hand thus: Christians may without doubt come to enjoy all the desirable Advantages of Solitude, by a strict Retirement, and exact Government of their Thoughts, without any of these Formalities, Rigours, and apparent Mortifications, which I think I justly call a Rape upon human Nature, and consequently without the Breach of Christian Duties, which they necessarily carry with them, such as rejecting Christian Communion, Sacraments, Ordinances, and the like.

There is no need of a Wilderness to wander among wild Beasts, no necessity of a Cell on the top of a Mountain, or a desolate Island in the Sea; if the Mind be confin'd, if the Soul be truly Master of it self, all is safe; for it is certainly and effectually Master of the Body, and what signify Retreats, especially a forc'd Retreat as mine was? The anxiety of my Circumstances there, I can assure you, was such for a Time, as were very suitable to heavenly Meditations, and even when that was got over, the frequent Alarms from the Savages, put the Soul sometimes to such Extremities of Fear and Horror, that all manner of Temper was lost, and I was no more fit for religious Exercises, than a sick Man is fit for Labour.

был бы столь же похвальным, как любой из обетов уединения первых христиан, чье житие в пустыне в молитве и созерцании, вдалеке от человеческого общества, так глубоко почитали первые отцы церкви, – тех монахов, что положили начало нашим церквям и духовным орденам.

Иудеи обвиняли Иоанна Крестителя в бесовстве, потому что он предпочитал одиночество и жизнь в уединении. Эту мысль они взяли из старинной поговорки, распространенной в то время: Каждый одинокий человек должен быть либо ангелом, либо демоном.

Человек, строго соблюдающий обет постоянного молчания, даже на лондонской бирже может столь же полноценно отстраниться от мира, как монах в своей келье или *отшельник* в пустынях *Аравии*. И если он способен строго соблюдать свой обет, он сможет ощутить все преимущества уединения, но без лишений и аскетической жизни среди диких зверей. Ибо и посреди толпы душа человека при должной постоянной практике способна так же уединяться, отстраняться от человеческого общества, как и в ссылке на необитаемый остров.

Истина заключается в том, что все это религиозное отшельничество, которое получило такую высокую оценку, является лишь признанием несостоятельности или несовершенства наших решений, нашей неспособности связывать себя необходимыми ограничениями или строго придерживаться тех из них, что мы поклялись соблюдать. *Другими словами*, когда человек впервые решает, что счастье его полностью заключается в беседах только с Небесами и небесными сущностями и он готов жить в уединении, чередуя молитвы и добрые дела, но, будучи разумным, понимает, что такая жизнь плохо соотносится с требованиями его плоти и крови, тогда он подвергает насилию свое тело и удаляется, например, в пустыню, погружается в отшельничество, из которого он не сможет вернуться и где невозможно вести какой-либо диалог с человечеством, помимо тех его представителей, которые исполняют тот же обет и находятся в таком же изгнании. Глупость этого [воззрения] всесторонне очевидна.

Я бы предложил такой выход из положения: христиане, без сомнения, могут наслаждаться всеми преимуществами одиночества, каковые достигаются строгим уединением и контролем над своими мыслями, но без этих формальностей, суровых условий и очевидного умерщвления плоти, которые, я думаю, справедливо было бы назвать насилием над природой человека, и, следовательно, без нарушения своих христианских обязанностей – отказа от христианского причастия, таинств и т. п.

Нет нужды скитаться по пустыне среди диких зверей, нет необходимости ни в келье на вершине горы, ни в необитаемом острове [посреди] моря. Если ум придерживается ограничений, если душа действительно самостоятельна – все в порядке, ибо именно душа – настоящий хозяин тела, а что означает отшельничество, особенно столь принудительное, как мое? Мое положение отшельника, могу заверить вас, было столь тревожно, что долгое время я был совершенно не способен к размышлениям о Небесах, и даже когда я превозмог свои тяжкие обстоятельства, частые тревоги от набегов дикарей держали мою душу в таком

Divine Contemplations require a Composure of Soul, uninterrupted by any extraordinary Motions or Disorders of the Passions; and this, I say, is much easier to be obtained and enjoy'd in the ordinary Course of Life, than in Monkish Cells and forcible Retreats.

The Business is to get a retired Soul, a Frame of Mind truly elevated above the World, and then we may be alone whenever we please, in the greatest apparent Hurry of Business or Company: If the Thoughts are free, and rightly unengag'd, What imports the Employment the Body is engag'd in? Does not the Soul act by a differing Agency, and is not the Body the Servant, nay, the Slave of the Soul? Has the Body Hands to act, or Feet to walk, or Tongue to speak, but by the Agency of the Understanding, and Will, which are the two Deputies of the Soul's Power? Are not all the Affections, and all the Passions which so universally agitate, direct, and possess the Body, are they not all seated in the Soul? What have we to do then more or less, but to get the Soul into a superior Direction and Elevation, there's no Need to prescribe the Body to this or that Situation; the Hands, or Feet, or Tongue, can no more disturb the Retirement of the Soul, than a Man having Money in his Pocket can take it out, or pay it, or dispose of it by his Hand, without his own Knowledge.

It is the Soul's being entangled by outward Objects, that interrupts its Contemplation of divine Objects, which is the Excuse for these Solitudes, and makes the removing the Body from those outward Objects seemingly necessary; but what is there of Religion in all this? For Example, a vicious Inclination remov'd from the Object, is still a vicious Inclination, and contracts the same Guilt, as if the Object were at Hand; for if, as our Saviour says, *He that looketh on a Woman to lust after her*, that is to desire her unlawfully, has committed the Adultery already; so it will be no inverting our Saviour's Meaning to say, that he that thinketh of a Woman to desire her unlawfully, has committed Adultery with her already, though he has not looked on her, or has not seen her at that Time; and how shall this thinking of her be remov'd by transporting the Body? It must be remov'd by the Change in the Soul, by bringing the Mind to be above the Power or Reach of the Allurement, and to an absolute Mastership over the wicked Desire; otherwise the vicious Desire remains as the Force remains in the Gunpowder, and will exert it self when ever toucht with the Fire.

All Motions to Good or Evil are in the Soul: Outward Objects are but second Causes; and tho' it is true, separating the Man from the Object, is the Way to make any Act impossible to be committed; yet where the Guilt does not lye in the Act only, but in the Intention or Desire to commit it, that Separation is nothing at all, and effects nothing at all. There may be as much Adultery committed in a Monastery, where a Woman never comes, as in any other Place, and perhaps is so: The abstaining from Evil therefore

страхе и ужасе, что я совершенно терял силу духа и был не более пригоден для духовных опытов, чем больной пригоден для труда.

Божественное созерцание требует спокойствия души, не прерываемого чрезмерными страстями или огорчениями. Я утверждаю, что гораздо легче достичь такого состояния и наслаждаться им в обычном течении жизни, чем в монашеских кельях и принудительном отшельничестве.

Дело в том, что нужно стремиться достичь духовного уединения – такого состояния ума, в котором он действительно воспаряет над миром, и тогда мы можем быть в одиночестве, когда нам заблагорассудится, даже в самой величайшей спешке или в компании. Если разум свободен и мысли ничем не заняты, то что же отдает приказы телу? Действует ли ищущая душа другим способом, и не является ли тело слугой – нет, рабом души? Есть ли у тела другие способы действовать руками, ходить ногами и говорить языком, кроме как посредством понимания и воли, этих двух «исполнителей» власти души? Разве не все привязанности и страсти, которые так всеохватно волнуют нас, управляют и овладевают телом, – разве не в душе находятся все они? В таком случае что нам остается, кроме того, чтобы направить душу в более или менее предпочтительное направление, чтобы она возвысилась? Нет необходимости давать предписания телу в той или другой жизненной ситуации. Руки, ноги или язык не более могут помешать уединению души, чем человек, имеющий деньги в кармане, который может достать их, расплатиться ими, избавиться от них, но [при этом] не задумываться, как это происходит.

Именно метания души под давлением внешних обстоятельств мешают созерцанию Божественных сущностей, что является оправданием отшельничества и делает отделение тела от этих мешающих внешних обстоятельств, по-видимому, необходимым. Но что религиозного во всем этом? Например, порочное желание, удаленное от [его] объекта, остается порочным желанием и несет в себе ту же вину, как если бы объект был рядом, ибо, как сказал наш Спаситель⁶, *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, то есть незаконно желает ее, «уже прелюбодействовал с нею»⁷*. Мы не извратим смысл Его слов, если скажем, что и тот, кто в мыслях своих возжелал женщину незаконно, также уже совершил прелюбодеяние с нею, хотя и не смотрел на нее или не видел ее в тот момент. И можно ли избавиться от мыслей о ней путем перемещения тела? Избавиться от таких мыслей можно только изменениями в самой душе, заставляя ум быть вне досягаемости соблазна и достичь абсолютной независимости от нечестивого желания, в противном случае преступное желание сохраняется так же, как сила сохраняется в порохе, и оно будет проявлять себя всякий раз, когда будет соприкасаться с огнем.

Все побуждения к добру или злу находятся в душе. Внешние обстоятельства – всегда лишь вторичные причины искушения. И хотя отделение человека от объекта его вожделения – способ сделать невозможным совершение любых преступных актов, но в тех случаях, когда вина лежит исключительно не в действии, а и в намерении или желании совершить его, такое отделение ничего не решает и совершенно ни на что не влияет. Вероятно, столько же прелюбодеяний

depends not only and wholly upon limiting, or confining the Man's Actions, but upon the Man's limiting and confining his Desires; seeing to desire to sin, *is to Sin*; and the Fact which we would commit if we had Opportunity, is really committed, and must be answer'd for as such. What then is there of Religion, I say, in forc'd Retirements from the World, and Vows of Silence or Solitude? They are all nothing; 'tis a retired Soul that alone is fit for Contemplation; and it is the Conquest of our Desires to Sin, that is the only human Preservative against Sin.

It was a great while after I came into human Society, that I felt some Regret at the Loss of the solitary Hours and Retirements I had in the Island; but when I came to reflect upon some ill spent Time, even in my Solitudes, I found Reason to see what I have said above; that a Man may sin alone several Ways, and find subject of Repentance for his solitary Crimes, as well as he may in the midst of a populous City.

The Excellency of any State of Life consists in its Freedom from Crime; and it is evident to our Experience, that some Society may be better adapted to a Rectitude of Life, than a compleat Solitude and Retirement: Some have said, that *next to no Company, good Company is best*; but it is my Opinion, *that next to good Company, no Company is best*; for as it is certain, that *no Company* is better than *bad Company*, so 'tis as certain, that *good Company* is much better than *no Company*.

In Solitude a Man converses with himself, and as a wise Man said, he is not always sure that he does not converse with his Enemy; but he that is in good Company, is sure to be always among his Friends.

The Company of religious good Men, is a constant Restraint from Evil, and an Encouragement to a religious Life. You have there the Beauty of Religion exemplified; you never want as well Instruction in, as Example for, all that is good; you have a Contempt of evil Things constantly recommended, and the Affections mov'd to delight in what is good by hourly Imitation: If we are alone, we want all these, and are led right, or led wrong, as the Temper of the Mind, which is sometimes too much the Guide of our Actions, as well as Thoughts, happens to be constituted at that Time. Here we have no Restraint upon our Thoughts, but from our selves, no Restraint upon our Actions, but from our own Consciences, and nothing to assist us in our Mortifications of our Desires, or in directing our Desires, but our own Reflections, which after all may often err, often be prepossess'd.

If you wou'd retreat from the World then, be sure to retreat to good Company; retreat to good Books, and retreat to good Thoughts; these will always assist one another, and always join to assist him that flies to them in his Meditations, direct him to just Reflections, and mutually encourage him against whatever may attack him, from within him, or without him: Whereas to retreat from the World, as it is call'd, is to

совершается в монастыре, куда не ступала нога женщины, сколько и в любом другом месте. Воздержание от зла, следовательно, зависит не только от того, насколько успешно человек ограничивает или сдерживает свои действия, но и от того, как он ограничивает свои желания, понимая желание грешить как грех; и то действие, которое мы хотели бы совершить, если бы у нас была возможность, в реальности уже совершено, и так и нужно к нему относиться. Что же тогда религиозного, спрашиваю я, в принудительном уединении от мира и в обетах молчания или одиночества? Все они ничего не значат. Только душа, находящаяся в уединении, подходит для размышления, и только совладание с нашим желанием грешить защитит нас от греха.

Долгое время после того, как я вернулся в человеческое общество, я чувствовал некоторое сожаление об утраченных часах одиночества и уединенной жизни, проведенной на острове; но когда я размышлял о бесцельно проведенных днях, даже во время моего отшельничества, я пришел к тому выводу, что описал выше: человек может найти много способов грешить и в одиночестве, так же как и прийти к покаянию в своих преступлениях даже посреди густонаселенного города.

Превосходство любого состояния жизни состоит в его свободе от преступления. Очевидно, [и] наш опыт о том свидетельствует, что обществу лучше принять [принципы] нравственной жизни, чем полное одиночество и отшельничество. Некоторые говорят, что *отсутствие компании есть лучшая компания*, но, по моему мнению, *хорошая компания предпочтительнее одиночества*. Ведь если мы уверены в том, что *одиночество* лучше, чем *плохая компания*, мы можем быть уверены [и] в том, что *хорошая компания* гораздо лучше *одиночества*.

В одиночестве человек беседует с самим собой, и, как сказал мудрец, нет уверенности в том, что он не ведет диалог со своим врагом. Но тот, кто находится в хорошей компании, обязательно всегда будет среди друзей.

Общество добрых религиозных людей постоянно удерживает нас от зла и вдохновляет к религиозной жизни. Красота религии служит для нас примером, ведь мы предпочитаем не скучную нотацию, а личный пример добра. В такой компании презрение ко злу присутствует постоянно, а служение добру подкрепляется ежечасным примером. Когда мы одни, к злу или добру нас ведет то настроение ума, в котором мы находимся в этот момент и которое иногда слишком настойчиво руководит нашими действиям и мыслями. В такой ситуации у нас нет других ограничений мыслям, кроме своих собственных, ничто не сдерживает наши действия, кроме нашей собственной совести, и нет ничего, что бы могло помочь нам в укрощении наших желаний или в руководстве ими, кроме наших собственных размышлений, которые, в конце концов, часто бывают ошибочными и предвзятыми.

Если вы уходите от мира, обязательно уверьтесь, что вы делаете это в хорошей компании, [что вы] уходите в хорошие книги и добрые мысли: они всегда будут дополнять друг друга и спешить на помощь тому, кто в своих раздумьях прибегает к их поддержке, направлять его к правильным размышлениям и ободрять его против всего, что может снестать его изнутри или извне. В то же время уход

retreat from good Men, who are our best Friends: Besides, to retreat, as we call it to an entire perfect Solitude, is to retreat from the publick Worship of God, to forsake the Assemblies; and, in a Word, is unlawful, because it obliges us to abandon those Things, which we are commanded to do.

Solitude therefore, as I understand by it, a Retreat from human Society, on a religious or philosophical Account, Is a meer Cheat; it neither can answer the End it proposes, or qualify us for the Duties for Religion, which we are commanded to perform; and is therefore both irreligious in it self, and inconsistent with a Christian Life many Ways. Let the Man that would reap the Advantage of Solitude, and that understands the Meaning of the Word, learn to retire into himself: Serious Meditation is the Essence of Solitude; all the Retreats into Woods and Desarts are short of this; and though a Man that is perfectly Master of this Retirement, may be a little in Danger of Quietism, that is to say, of an Affectation of Reservedness; yet it may be a Slander upon him in the main, and he may make himself amends upon the World, by the blessed Calm of his Soul, which they perhaps who appear more chearful may have little of.

Retiring into Desarts, in the first Days of Religion, and into Abbeys and Monasteries since, what have they been? Or what have they been able to do, towards purchasing the Retirement I speak of? They have indeed been Things to be reckon'd among Austerities, and Acts of Mortification, and so far might be commendable: But I must insist upon it, that a retired Soul is not affected with them, any more than with the Hurries of Company and Society. When the Soul of Man is powerfully engag'd in any particular Subject, 'tis like that of *St. Paul*, *wrapt up*, whether it be into the third Heaven, or to any Degree of lower Exaltation: Such a Man may well say with the Apostle above, *Whether I was in the Body, or out of the Body, I cannot tell*. It was in such a wrapt up State, that I conceived in what I call my *Vision of the Angelical World*; of which I have her subjoined a very little Part.

Is it rational to believe, that a Mind exalted so far above the State of Things with which we ordinarily converse, should not be capable of a Separation from them, which, in a Word, is the utmost Extent of Solitude? Let such never afflict themselves, that they cannot retreat from the World: Let them learn to retreat in the World, and they shall enjoy a perfect Solitude; as compleat to all Intents and Purposes, as if they were to live in the Cupola of *St. Paul's*, or, as if they were to live upon the Top of Cheviot Hill in *Northumberland*.

They that cannot be retir'd in this Manner, must not only retire from the World, but out of the World, before they can arrive to any true Solitude. Man is a Creature so form'd for Society, that it may not only be said, that it is not good for him to be alone, but 'tis really impossible he should be alone: We are so continually in need of one another; nay, in such absolute Necessity of Assistance from one another, that those

от мира, как его еще называют, состоит в том, чтобы уйти и от добрых людей, которые являются нашими лучшими друзьями. Кроме того, уединение, как мы его называем, или уход в абсолютное одиночество, состоит в том, чтобы отступить от публичного поклонения Богу и отказаться от религиозных собраний – одним словом, совершить нечто недопустимое, потому что оно обязывает нас отказаться от тех вещей, которые нам заповеданы свыше.

Поэтому уединение, как я его понимаю, – уход от человеческого общества по религиозным или философским причинам – это просто самообман. Оно не поможет достичь поставленной этим уходом цели, оно не дает нам права не выполнять религиозные заповеди, данные свыше, и поэтому оно само по себе нерелигиозно и во многих отношениях несовместимо с христианской жизнью. Пусть человек, который собирается пожинать плоды одиночества и который понимает смысл этого слова, научится уединяться в себе самом. Серьезное размышление – это сущность одиночества. Любое уединение в лесу и пустыне лишено этого. И хотя человек, который является полноправным хозяином своего уединения, может опасаться впасть в квиетизм⁸, то есть в показную замкнутость, это может быть возведенной на него напраслиной, и он может постараться искупить свою вину пред миром блаженным спокойствием своей души, которого те, кто кажутся более веселыми, возможно, почти не имеют.

Отшельничество в пустыне на заре христианства, а позже уединение в аббатствах и монастырях – чем они были, что они могли предложить тем затворникам, которые выбирали уединение такого рода? Такое отшельничество можно воспринимать как аскезу и акт умерщвления плоти, и в этом смысле оно может быть похвальным. Но я должен настаивать на том, что на уединенную душу они влияют не больше, чем суета компании и общества. Когда душа человека страстно вовлечена в размышление о каком-то конкретном предмете, она подобна душе *святого Павла, окутанной благодатью* и воспарившей на третье небо⁹ или к какой-либо меньшей степени восторга. Такой человек вполне может разделить слова апостола: *Был ли я в теле или вне тела, я не могу сказать*¹⁰. Именно в таком восторженном состоянии я задумал то, что я называю своим *Видением ангельского мира*, совсем небольшую часть которого я привожу здесь¹¹.

Резонно ли верить, что ум, воспаривший так высоко над миром вещей, с которыми мы обычно имеем дело, не должен быть способен к отделению от них, что, таким образом, является наивысшей степенью одиночества? Пусть не огорчаются те, кто не способны уйти от мира; пусть они учатся уединению в миру, и тогда они смогут наслаждаться совершенным одиночеством, подходящим для всех намерений и целей, как если бы они жили под куполом собора *Святого Павла* или на вершине Чевинотского холма в *Нортумберленде*¹².

Те, кто не могут достичь уединения таким образом, должны не столько уйти от мира, сколько «выйти из мира», прежде чем они смогут прийти к какому бы то ни было подлинному уединению. Человек есть существо, настолько предназначенное для общества, что было бы справедливым сказать, что для него быть в одиночестве не только нехорошо, но и совершенно невозможно. Мы постоянно

who have pretended to give us the Lives and Manner of the Solitaires, as they call them, who separated themselves from Mankind, and wander'd in the Desarts of *Arabia* and *Lybia*, are frequently put to the Trouble of bringing the Angels down from Heaven to do one Drudgery or another for them; forming imaginary Miracles, to make the Life of a true *Solitair* possible; sometimes they have no Bread, sometimes no Water, for a long Time together; and then a Miracle is brought upon the Stage, to make them live so long without Food; at other Times they have Angels come to be their Cooks, and bring the Roast-meat; to be their Physicians, to bring them Physick, and the like: If Saint *Hillary* comes in his Wandrings to the River *Nile*, an humble Crocodile is brought to carry him over upon his Back; tho' they do not tell us, whether the Crocodile ask'd him to ride, or he ask'd the Crocodile, or by what Means they came to be so familiar with one another: And what is all this to the Retirement of the Soul, with which it converses in Heaven in the midst of infinite Crowds of Men, and to whom the nearest of other Objects is nothing at all, any more than the Objects of Mountains and Desarts, Lions and Leopards, and the like, were to those that banish'd themselves to *Arabia*?

Besides, in a State of Life, where Circumstances are easy, and Provision for the Necessaries of Life, which the best Saint cannot support the Want of, is quietly and plentifully made; has not the Mind infinitely more Room to withdraw from the World, than when at best it must wander for its daily Food, tho' it were but the Product of the Field.

Let no Man plead he wants Retirement, that he loves Solitude, but cannot enjoy it, because of the Embarrassment of the World; 'tis all a Delusion; if he loves it, if he defines it, he may have it when, where, and as often as he pleases; let his Hurries, his Labours, or his Afflictions, be what they will: It is not the Want of an Opportunity for Solitude, but the Want of a Capacity of being solitary that is the Case in all the Circumstances of Life.

I knew a poor, but good Man; who tho' he was a Labourer, was a Man of Sense and Religion; who being hard at Work with some other Men, removing a great Quantity of Earth to raise a Bank against the Side of a Pond, was one Day so out of himself, and wrapt up in a perfect Application of his Mind, to a very serious Subject, that the poor Man drove himself and his Wheelbarrow into the Pond, and could not recover himself, till Help came to him. This Man was certainly capable of a perfect Solitude, and perhaps really enjoy'd it; for as I have often heard him say, he liv'd alone in the World: (1.) Had no Family to embarrass his Affections. (2.) His low Circumstances placed him below the Observation of the upper Degrees of Mankind. (3.) And his reserv'd Meditations plac'd him above the wicked Part, who were those in a Sphere equal to himself; among whom, as he said, *and is most true*, it was very hard to find a sober Man, much less a good Man; so that he liv'd really alone in the World; apply'd himself to labour for his Subsistence, had no other Business with Mankind, but for Necessaries of Life, and convers'd in Heaven, as effectually, and, I believe,

нуждаемся друг в друге, более того, нам настолько необходима помощь друг друга, что те, кто делают вид, что живут жизнью на манер так называемых анахоретов-пустынников, отдалившись от человеческого общества, странствуя по пустыням *Аравии* и *Ливии*, часто вынуждены привлекать ангелов небесных, чтобы те помогли им совершить ту ли иную тяжелую работу, прибегая к вымышленным чудесам, призванным сделать жизнь подлинного *отшельника* возможной. Иногда у них нет хлеба, иногда нет воды, иногда в течение длительного времени – ни того, ни другого, а затем является некое чудо, которое позволяет им прожить долгое время без пищи. В другой раз ангелы служат им поварами, принося жаркое, иногда оказываются врачами, исцеляя их, и т. п. Если святой *Иларий* приходит в своих скитаниях к реке *Нил*, тут же появляется смиренный крокодил, чтобы перевезти его на своей спине, хотя они и не уточняют, крокодил ли попросил его проехаться верхом, или он сам попросил крокодила, и каким же образом они смогли так близко познакомиться друг с другом. И что же все это означает для подлинного уединения души, которая беседует с Небесами посреди бесчисленной толпы людей и для которой любые другие из ближайших объектов сами по себе ничего не представляют, во всяком случае, не больше, чем такие объекты, как горы и пустыни, львы и леопарды и т. п. – для отшельников *Аравии*.

Кроме того, в благополучной жизни, неспешной и с лихвой обеспеченной предметами первой необходимости, без которых не способен прожить даже лучший из святых отцов, разве не имеет ум бесконечно больше простора для уединения от мира, чем когда он постоянно озабочен поисками ежедневного пропитания?

Пусть ни один человек не будет ссылаться на то, что он хочет уединения, что он любит одиночество, но не может наслаждаться им из-за мирских препон – это все лукавство. Если он любит одиночество, если он стремится к нему, он может обрести оное тогда, там и так часто, как ему заблагорассудится, пусть его заботы, его труды или страдания будут теми же, что они есть. Совсем не отсутствие возможности для одиночества мешает ему, но отсутствие способности существовать в одиночестве во всех этих жизненных обстоятельствах.

Знавал я одного бедного, но доброго человека, который, хоть и был простым тружеником, тем не менее, был разумен и религиозен. Будучи усердным в работе, он вместе с другими землекопами перетаскивал тяжелую землю, чтобы поднять один из берегов пруда. Однажды он настолько ушел в себя и погрузился в глубокие размышления, что, бедняга, въехал в пруд вместе со своей тачкой и не мог выбраться оттуда, пока не подоспела помощь. Этот человек был определенно предрасположен к полному уединению и, возможно, действительно наслаждался им, ибо, как я часто слышал, он говорил, что жил совсем один. (1) У него не было семьи, чтобы помешать его сосредоточению; (2) его низкое происхождение делало его достоинство ниже внимания высших слоев общества; (3) но его тихое созерцание поставило его выше той его испорченной части, среди которой, как он сказал, *и это очень верно*, было весьма трудно найти трезвого, а уж тем более доброго человека. Так что он был по-настоящему одинок в этом мире, работая ради пропитания, но не имея с людьми никаких других дел, кроме удовлетворения

every Way, as divinely as St. *Hilary* did in the Desarts of *Lybia*, among the Lions and Crocodiles.

If this Retirement, which they call *Solitude*, consisted only of separating the Person from the World, that is to day, from human Society, it were itself a very mean Thing, and would every Way as well be supplied, by removing from a Place where a Man is known, to a Place where he is not known, and there accustom himself to a retir'd Life, making no new Acquaintance, and only making the Use of Mankind which I have already spoken of; namely for Convenience, and Supply of necessary Food; and I think of the Two, that such a Man, or a Man so retir'd, may have more Opportunity to be an entire Recluse, and may enjoy more real Solitude, than a Man in a Desert. For Example, In the Solitude I speak of, a Man has no more to do for the Necessaries of Life, than to receive them from the Hands of those that are to furnish them, and pay them for so doing; whereas, in the Solitude of Desarts, and wandring Lives, from whence all our Monkish Devotion springs, they had every Day their Food, such as it was, to seek, or the Load of it to carry; and except where as it is said, they put Providence to the Operation of a Miracle, to furnish it, they had frequently Difficulties enough to sustain Life; and if we may believe History, many of them were starv'd to Death for meer Hunger, or Thirst; and as often the latter as the former.

Those that had Recourse to these Solitudes, merely as a Mortification of their Bodies, as I observ'd before, and delivering themselves from the Temptations which Society exposed them to, had more Room for the Pretence indeed, than those who alledge they did it to give up themselves to Prayer and Meditation. The first might have some Reason in Nature for the Fact, as Mens Tempers and Constitutions might lead; some having an inordinate Appetite to Crime, some addicted by Nature to one ill Habit, some to another; tho' the Christian Religion does not guide us to those Methods of putting a Force upon our Bodies to subdue the Violence of inordinate Appetite. The blessed Apostle St. Paul, seems to have been in this Circumstance, when being assaulted with what is call'd in the Text, *a Thorn in the Flesh*; be it what it will that is meant there, it is not to my Purpose; but he pray'd to the Lord thrice; that was the first Method the Apostle took; and thereby set a pious Example to all those who are assaulted by any Temptation. He did not immediately fly to Austerities and bodily Mortifications, separating himself from Mankind, or flying into the Desert to give himself up to Fasting, and a Retreat from the World, which is the Object of all private Snare. But he applied himself by serious Prayer to him, who had taught us to pray, *Lead us not into Temptation*; and the Answer likewise is instructing in the Case; he was not driven out as *Nebuchadnezzar* into the Desert; he was not commanded to retire into the Wilderness, that he might be free from the Temptation; *nothing less*: But the Answer was, *my Grace is Sufficient for thee*, sufficient without the Help of artificail Mortification.

жизненных потребностей. Он вел беседу с Небесами столь же действенно и, я верю, столь же благоговейно, как святой *Иларий* в пустынях *Ливии* среди львов и крокодилов.

Если бы это уединение, которое они называют *одиночеством*, состояло только в отдалении человека от мира, то есть от человеческого общества, это было бы само по себе чрезвычайно жестоко. Можно было бы просто переместить человека из места, где его знают, в место, где он неизвестен, и там он мог бы свыкнуться с одинокой жизнью, не заводя новых знакомств, но обращаясь к людям, как я уже говорил, лишь при необходимости и для пропитания. Я думаю, этих двух будет достаточно, чтобы такой человек или человек, таким образом уединившийся, мог иметь больше возможностей стать отшельником и мог наслаждаться более реальным одиночеством, чем в пустыне. Например, в одиночестве, о котором я говорю, человеку ничего не надо делать для обеспечения своих насущных потребностей, кроме как получать все необходимое из рук тех, кто снабжают его, заплатив им за это; в то время как в одиночестве пустыни и в страннической жизни, в этих источниках праведной монашеской аскезы, аскеты обычно питались тем, что находили, то есть чем придется, или должны были делать запасы, которые надо было нести на себе, кроме тех случаев, когда, как говорится, они полагались в пропитании своем на Провидение. Таким образом, часто им просто трудно было поддерживать жизнь, и, если мы можем верить историческим преданиям, многие из них умирали от голода, и столь же часто – от жажды.

Те, кто прибегают к одиночеству только как к средству умерщвления плоти, как я рассматривал выше, и к защите от соблазнов, которым подвергает их общество, на самом деле имеют больше возможностей для притворства, чем те, кто утверждают, что они сделали это, чтобы предаться молитве и размышлению. Первые могут иметь оправдание в природе такого факта: характеры людей и их нравы таковы, что одни испытывают чрезмерный аппетит к злодеяниям, а другие от природы зависимы от той или иной вредной привычки, хотя христианская религия не дает нам таких наставлений – истязать наше тело, чтобы обуздать буйство непомерного аппетита. Благословенный апостол Павел, кажется, оказался в подобном положении, когда подвергся испытанию тем, что называется *жалом во плоти*¹³. Я не задаюсь здесь целью толковать, что это означает, но апостол молился Господу трижды – это было первым способом, к которому он прибегнул, тем самым став благочестивым примером для всех, кто подвергаются испытаниям со стороны любых искушений. Он не сразу прибегает к аскезе и умерщвлению плоти, отстраняясь от человечества, или удаляется в пустыню, чтобы держать пост и уйти от мира, – этой типичной уловке. Напротив, он обращается с искренней молитвой к Тому, Кто учил нас молиться: *Не введи нас во искушение*. И ответ, который получил апостол, такой же поучительный: он не был изгнан, как *Навуходоносор*, в пустыню – ему не приказали удалиться в дикие места, чтобы освободиться от искушения, нет. Ответ Господа был таким: *Довольно для тебя благодати Моей* – спасение придет без насильственного умерщвления плоти.

So that even in the Case of these forcible Mortifications they are not requir'd, much less directed for Helps to Meditation; for if Meditation could not be practis'd beneficially, and to all the Intents and Purposes for which it was ordain'd a Duty, without flying from the Face of human Society, the Life of Man would be very unhappy.

But doubtless the Contrary is evident, and all the Parts of a compleat Solitude are to be as effectually enjoy'd, if we please, and sufficient Grace assisting, even in the most populous Cities, among the Hurries of Conversation, and Gallantry of a Court, or the Noise and Business of a Camp, as in the Desarts of *Arabia* and *Lybia*, or in the desolate Life of an uninhabited Island.

Посему в этом случае даже насильственное умерщвление плоти не требуется, уж тем более оно не способно помочь размышлению, ибо, если размышление не соотносится с должными намерениями и целями, без человеческого общества вся жизнь будет очень несчастной.

Несомненно, очевидно совсем обратное. Полное одиночество во всех его гранях будет действительно приносить удовольствие и, если нам это будет угодно, [может стать] великой благодатью даже в самых густонаселенных городах, среди суеты и болтовни, при блестящем дворе, или среди шума и гама временного пристанища, как в пустынях *Аравии* и *Ливии*, или в одинокой жизни на необитаемом острове.

CHAP. II.

An Essay upon HONESTY.

WHEN I first came home to my own Country, and began to sit down and look back upon the past Circumstances of my wandring State, as you will in Charity suppose I could not but do very often; the very Prosperity I enjoy'd led me most naturally to reflect upon the particular Steps by which I arriv'd to it. The Condition I was in was very happy, speaking of human Felicity; the former Captivity I had suffer'd made my Liberty sweeter to me; and to find my self jump'd into easy Circumstances at once, from a Condition below the common Rate of Life, made it still sweeter.

One Time, as I was upon my Enquiries into the happy Concurrence of the Causes which had brought the Event of my Prosperity to pass, as an Effect, it occur'd to my Thoughts, how much of it all depended, under the Disposition of Providence, upon the Principle of *Honesty*, which I met with, in almost all the People whom it was my Lot to be concern'd with in my private and particular Affairs; and I that had met with such extraordinary Instances of the Knavery and Villainy of Mens Natures in other Circumstances, could not but be something taken up with the Miracles of *Honesty* that I had met with among the several People I had had to do with, I mean those whom I had more particularly to do with in the Articles of my Liberty, Estate, or Effects, which fell into their Hands.

I began with my most trusty and faithful Widow, the 's Wife, with whom I first went to the Coast of *Africa*, and to whom I entrusted 200 *l.* being the Gain I had made in my first Adventures to *Guinea*, as in the first Volume, Page 330 appears.

She was left a Widow, and in but indifferent Circumstances; but when I sent to her so far off as the *Brasils*, where I was in such a Condition as she might have reasonably believed I should never have been able to come my self; and if I had, might be in no Condition to recover it of her; and having my self nothing to shew under her Hand for the Trust; yet she was so just, that she sent the full Value of what I wrote for, being one hundred Pound; and to shew, as far as in her lay, her sincere honest Concern for my Good, put in among many necessary Things which I did not write for, I say, put in two Bibles, besides other good Books, for my Reading and Instruction, as she said

ГЛАВА 2

Эссе о ЧЕСТНОСТИ

огда я наконец вернулся домой, в свою страну, и начал постепенно обустроиваться и обращаться к обстоятельствам моих прошлых странствий, – как милостиво вы можете предположить, не делать этого было не в моих силах – процветание, коим я наслаждался в то время, совершенно естественно привело меня к размышлениям о конкретных шагах, с помощью которых я достиг оно. Мое приподнятое душевное состояние, несомненно, было человеческим счастьем. Неволя, через страдания которой я прошел, сделала мою свободу еще слаще для меня, и то, как скоро я оказался в благоприятных обстоятельствах после состояния за гранью возможного, только добавило сладости.

Однажды, когда я размышлял о счастливом стечении обстоятельств, принесших мне процветание, мне пришло в голову, насколько все это по Божественному Провидению зависело от принципа *честности*, который я нашел почти во всех людях, с которыми мне довелось встречаться в моих частных личных делах. В других обстоятельствах, столкнувшись с чрезвычайными проявлениями низкого коварства и подлости человеческой природы, я не мог не отметить удивительные проявления честности, встреченные мною у некоторых людей, с которыми я имел дело. Я подразумеваю, в частности, тех, кто имели непосредственное отношение к обстоятельствам моей свободы, состоянию моего имущества или к иным возможностям, оказавшимся в их руках.

Прежде всего это одно мое доверенное лицо – верная вдова, жена капитана, с которым я впервые отправился к побережью *Африки* и которому я доверил £200, доход, полученный мною во время моих первых приключений у *Гвиней*, описанных в первом томе на с. 330¹.

Эта женщина осталась вдовой и пребывала в стесненных обстоятельствах, когда я ей написал из далекой *Бразилии*, где находился в таком положении, что она могла бы справедливо предположить, что я никогда не вернусь, или даже если бы и вернулся, не был бы в состоянии потребовать у нее эти деньги. Я также не имел ничего, чтобы заручиться ее доверием, тем не менее, она была настолько честна, что послала полностью всю сумму, что я попросил, – £100, и выказала, насколько это было в ее силах, свою искреннюю заботу о моем благе, прислав мне также много необходимых вещей, о которых я не просил в своем письме – например,

afterwards, in Popish and Heathen Countries, where I might chance to fall. Honesty not only leads to discharge every Debt and every Trust to our Neighbour, so far as is justly to be demanded, but an honest Man acknowledges himself Debtor to all Mankind, for so much Good to be done for them, whether for Soul or Body, as Providence puts an Opportunity into his Hands to do: In Order to discharge this Debt, he studies continually for Opportunity to do all the Acts of Kindness and Beneficence, that is possible for him to do; and tho' very few consider it, a Man is not a compleatly honest Man, that does not do this.

Upon this Consideration, I question much, whether a covetous, narrow, stingy Man, as we call him, one who gives himself up to himself, as born for himself only, and who declines the Advantages and Opportunities of doing Good, I mean, extremely so: I say, I much question, whether such a Man can be an honest Man; nay, I am satisfy'd he cannot be an *honest Man*; for tho' he may pay every Man his own, and be just, as he thinks it, to a Farthing; yet this is Part of the Justice, which in the common Phrase is the greatest Unjustice. This is one Meaning of that Saying, *Summum jus, summa injuria*.

To pay every Man their own, is the *common Law* of Honesty; but to do Good to all Mankind, as far as you are able, is the *Chancery Law* of Honesty; and tho' in common Law or Justice, as I call it, Mankind can have no Claim upon us, if we do but just pay our Debt; yet in Heaven's *Chancery* they will have Relief against us; for they have a Demand in Equity of all the Good to be done them, that it is in our Power to do, and this *Chancery Court*, or Court of Equity, is held in every Man's Breast; 'tis a true *Court of Conscience*, and every Man's Conscience is a Lord Chancellour to him; if he has not perform'd, if he has not paid this Debt, Conscience will decree him to pay it, on the Penalty of declaring him a *dishonest Man*, even in his own Opinion; and if he still refuses to comply, will proceed by all the legal Steps of a Court of Conscience Process, till at last it will issue out a Writ of Rebellion against him, and proclaim him a Rebel to Nature and his own Conscience.

But this is by the Way, and is occasioned by the Observations I have made of many People, who think they are mighty honest if they pay their Debts, and owe no Man any Thing, *as they call it*; at the same Time, like true Misers, who lay up all for themselves, they think nothing of the Debt of Charity and Beneficence, which they owe to all Mankind.

Rich Men are their Maker's Free-holders; they enjoy freely the Estate he has given them the Possession of, with all the Rents, Profits, and Emoluments, but charg'd with a *free Farm Rent* to the younger Children of the Family, namely the Poor; or if you will, you may call them, God's Copyholders, paying a Quit-Rent to the Lord of the

две Библии, а также другие хорошие книги для чтения и для обучения мною, как она объяснила потом, жителей католических и языческих стран, в каковые я имел шанс попасть. Честность ведет не только к выполнению всякого долга, но и к полному доверию нашему ближнему – настолько, насколько это справедливо. Честный человек признает себя должником всего человечества, ибо он может сделать столь много хорошего для души или для тела, сколько возможностей сделать это Провидение вкладывает в его руки. Чтобы отдать этот долг, человек постоянно ищет удобный случай [для того, чтобы] совершать любые добрые благородные поступки, какие только возможно. И хотя мало кто так считает, человек не является по-настоящему честным, если не поступает подобным образом.

Принимая все это во внимание, я сильно сомневаюсь, что жадный и ограниченный человек – скупец, как мы его называем, тот, кто отдает себя лишь самому себе, как будто бы он и родился только для себя одного, кто отказывается от преимуществ и возможностей делать добро, – я имею в виду в высшей степени, как я описал, – да, очень сомневаюсь, может ли такой человек *быть воистину честным*. Нет, полагаю, не может. Потому что, пусть он и платит каждому в соответствии с договоренностью и точен, как он думает, до фартинга², но все это – только часть той справедливости, которая, согласно расхожему выражению, и является величайшей несправедливостью. Это одно из значений известной поговорки *Summum jus, summa injuria*³.

Выплатить каждому человеку ему принадлежащее – *обычный закон* честности, но делать добро всему человечеству, насколько это в ваших силах, – это *наивысший закон* справедливости; и хотя по обычному праву, или по справедливости, как я ее называю, человечество не может предъявить нам никаких претензий, если мы всего только честно оплачиваем наши долги, в небесной *канцелярии* они проявятся отчетливо. За них будет взыскано по справедливости – за все то хорошее, что должно было быть сделано и что было в нашей власти. И этот *суд*, наивысший суд, свершается в груди каждого человека – это истинный *суд совести*, и совесть каждого человека является для него верховным судьей. Если он не выполнил свои обязательства, не оплатил этот долг, стыд предпишет ему оплатить оный под угрозой наказания прослыть *нечестным человеком*, пусть даже перед самим собою. Если он все же откажется подчиниться, совесть будет действовать в соответствии с законными этапами процедуры суда совести, пока наконец она не издаст ему «приказ явиться»⁴ и не объявит его мятежником по отношению к естеству и собственной душе.

Все это, впрочем, подтверждает мои наблюдения за многими людьми, которые думают, что они чрезвычайно честны, если они оплачивают свои долги, и не должны, *как [они] говорят*, ни одной душе. Они – как истинные скряги, которые стяжают все только для себя, но даже не помышляют о долге милосердия и благотворительности перед всем человечеством.

Богатые люди являются фригольдерами своего Создателя. Они свободно пользуются имуществом, которое Он *дал им во владение*, со всей рентой, выгодой и доходами, в то же время взимая с них таксу с владения в пользу «младших детей» семьи, а именно – в пользу бедных. Или, если хотите, вы можете назвать

Manor; which Quit-Rent he has assigned for the Use of the rest of Mankind, to be paid in a constant Discharge of all good Offices, friendly, kind, and generous Actions; and he that will not pay his Rent, cannot be an honest Man, any more than he that would not pay his other just Debts.

The Scripture concurs exactly with this Notion of mine; the Miser is call'd by the Prophet *Isaiah*, *a vile Person, one that works Iniquity, and practices Hypocrisy, and utters Error before the Lord*, *Isaiah XXXII. 6.* How does this appear? The very next Words explain it. *He makes empty the Soul of the Hungry, and he will cause the Drink of the Thirsty to fail.* But lest this should seem a strain'd Text, let us read on, both before and after, *Verse 5.* *The Vile Person shall no more be call'd Liberal, nor the Churl said to be Bountiful.* Here the Opposite to a Liberal Man is call'd a Vile Person, and the Opposite to a Bountiful Man is call'd a Churl; and in the Verse following, the same Vile Person, as opposed to the Liberal Man, is call'd a Wicked Man; and the Liberal Man is set up a Pattern for us all, in Opposition to the vile, churlish, covetous Wretch. *Vers. 7, 8. The Instruments also of the Churl are evil: He deviseth wicked Devices to destroy the Poor with lying Words, even when the Needy speaketh right. But the Liberal deviseth liberal Things, and by liberal Things shall he stand.*

In a Word, I think my Opinion justify'd by this Text, that a Churl, a morose, sowre Disposition, a covetous, avaricious, selfish principl'd Man, cannot be an *honest Man*; he does not pay the common Debt of Mankind to one another, nor the Fee-Farm, or Quit-Rent of his Estate to God, who is his Great Landlord, or Lord of the Manor, and who has charg'd the Debt upon him. I know the Miser will laugh at this Notion; but I speak my own Opinion, let it go as far as Reason will carry it.

I come back to the Examples I was giving in my private Case. As the Widow was honest to me, so was my good *Portugese* Captain; and it is this Man's original Honesty, that makes me speak of the honest Man's Debt to Mankind. It was Honesty, a generous Honesty, that led the poor Man to take me up at Sea; which if he had neglected, my Boy *Xury* and I had perished together: It was no Debt to me in particular, but a Debt to Mankind, that he paid in that Action; and yet he could not have been an *honest Man* without it. You will say, if he had gone away and left me, he had been barbarous and inhuman, and deserv'd to be left to perish himself in the like Distress: But, I say, this is not all the Case: Custom and the Nature of the Thing leads us to say, it would have been hard-hearted and inhuman; But Conscience will tell any Man, that it was a Debt, and he could not but be condemn'd by the Court of Conscience in his own Breast, if he had omitted it; nay, in the Sight of Heaven he had tacitly kill'd us, and had been as guilty of our Death as a Murtherer; for he that refuses to save a Life thrown into his Hands, *takes it away*; and if there is a just Retribution in a future State, if Blood is at all requir'd there, the Blood of every Man, Woman, or Child, whom we could have saved, and did not, shall be reckon'd to us at that Day, as spilt by our own Hands; for leaving

их [богатых людей] Божьими копигольдерами, выплачивающими владельцу усадьбы лорду манора “Quit-rent”⁵, назначенную им ренту в пользу остальному человечеству, чтобы оплатили ему [Создателю] воздаянием всех добрых услуг, дружеских, добросердечных и щедрых дел. И тот, кто не платит эту ренту, не может считаться честным, так же, как и тот, кто не оплачивает другие свои долги.

Священное Писание в точности подтверждает мое мнение. Пророк *Исайя* назвал невежду, который совершает беззаконие, демонстрирует лицемерие и произносит хулу на Господа, скупцом (Ис. 32:6). Как это проявляется? Следующий абзац объясняет это: *Он душу голодного лишает хлеба и отнимает питье у жаждущего*⁶. Но чтобы эта цитата не казалась вырванной из контекста, давайте читать дальше, до и после пятого стиха. «...*Невежду уже не будут называть добродетельным, и о скупце не скажут, что он честный*». Здесь невежда назван противоположностью добродетельному, и скупец – честному человеку; и в следующем стихе тот же самый невежда, в отличие от добродетельного человека, назван коварным, а добродетельный человек показан примером для всех нас в противоположность невеждам, скупым, алчным негодьям. Стихи 7, 8. *Деяния скупца также злонамеренные: он вынашивает коварные замыслы, чтобы погубить бедного словами лжи, когда нуждающийся даже и был прав; но добродетельный мыслит добродетельными ценностями, и ими он будет укрепляться.*

Одним словом, я думаю, что мое мнение подтверждено этим текстом – скупец, угрюмый, все время недовольный, алчный, жадный и эгоистичный человек не может быть честным. Он не оплачивает ни общий долг человечества другому, ни таксу с владения, или “quit-rent” со своего имущества, Богу, который является его высшим лендлордом, или лордом манора, и который наложил на него эти обязательства. Я знаю, скупец посмеется над этой точкой зрения, но я высказываю свое собственное мнение, и пусть оно распространится так далеко, насколько разум способен его воспринять.

Я возвращаюсь к примерам, с которыми имел дело в личном опыте. Как вдова была честна со мною, так сдержал слово и мой добрый португальский капитан. И именно изначальная честность этого человека заставляет меня говорить о долге порядочного человека перед человечеством. Именно честность, благородная честность заставила этого небогатого человека подобрать меня в море. Если бы он не сделал этого, мы погибли бы вместе с мальчиком *Ксури*. Он оплатил этим поступком не личный долг передо мной, но долг перед человечеством, и он не мог бы считаться *порядочным человеком*, [не совершив] такой поступок. Вы скажете, что если бы он уплыл и оставил меня, он был бы бесчеловечным варваром и заслуживал бы того, чтобы и его оставили погибать в подобном бедствии. Но я [вам вот что] скажу: не так все просто. Обычай и суть дела заставляют нас говорить, что это было бы бессердечным и бесчеловечным. Однако совесть скажет любому человеку – это был именно долг. И суд совести в его собственном сердце⁷ не мог не осудить его, если бы он не оплатил этот долг. Нет, под всевидящим оком Небес он будто молчаливо убил бы нас и был бы так же виновен в нашей смерти, как [настоящий] убийца, ибо тот, кто отказывается спасти жизнь,

Life in a Posture in which it must inevitably perish, is without Question causing it to perish, and will be call'd so then, by whatever gilded dress'd-up Words we may express and conceal it now.

But I go farther, for my good *Portuguese* went farther with me; he not only paid the Debt he ow'd to Heaven, in saving our Lives, but he went farther: He took nothing of what I had, tho' in the common Right of the Sea, it was all his Due *for Salvage*, as the Sailors call it: But he gave me the Value of every Thing, bought my Boat, which he might have turn'd adrift, my Boy *Xury*, who was not my Slave by any Right, or if he had, became free from that Time; and the Life of *Xury*, which he had sav'd, as a Servant, was his own; yet he bought every Thing of me, for the full Value, and took nothing of me, no not for my Passage.

Here was the *Liberal Man* devising liberal Things, and the Sequel made good the promissory Text; for by these liberal Things, the honest liberal Man might be truly said to *stand*; When I came to reward him at my coming to *Lisbon*, to sell my Plantation at *Brasil*: Then he being poor and reduc'd, and not able to pay even what he ow'd me, I gave him a Reward sufficient to make his Circumstances easy all his Life after.

The Bounty of this Man to me, when first he took me up out of the Sea, was the highest and most compleat Act of Honesty; a generous Honesty, laying hold of an Opportunity to do Good to an Object offer'd by the Providence of Heaven, and thereby acknowledging the Debt he had to pay to his Maker, in the Persons of his most distress'd Creatures.

And here also let me remind my Readers of what perhaps they seldom much regard; it is not only a Gift from Heaven to us, to be put in a Condition of *doing Good*; but 'tis a Gift, and a Favour from Heaven, to have an Opportunity of *doing the Good* we are in a Condition to do; and we ought to close with the Opportunity, as a particular Gift from above, and be as thankful for it; I say, as thankful for the Occasion of doing Good, as for the Ability.

I might mention here the Honesty of my FellowPlanter in the *Brasils*, and of the two Merchants and their Sons, by whose Integrity I had my Share in the Plantation preserved, and taken Care of; as also the Honesty of the publick Treasurer for the Church there, and the like: But I am carry'd off in my Thoughts, to enlarge upon this notable Principle, from the two Examples I have already mentioned, *viz* the *Guiney* Captian's Widow, and the *Portugese*; and this in particular, because, since I came to *England* to reside, I have met with Abundance of Disputes about Honesty,

оказавшуюся в его руках, *забирает ее*. И если есть справедливое воздаяние в жизни вечной, если всякая «кровь взыщется», то кровь каждого мужчины, женщины или ребенка, которых мы могли бы спасти, но не сделали этого, будет зачтена нам в тот день как пролитая нашими собственными руками⁸. Оставить на произвол судьбы человека в обстоятельствах, в которых он неизбежно погибнет, без сомнения, означает погубить его жизнь⁹, что будет взыскано к ответу, хотя сегодня мы можем приукрасить такой поступок цветистыми фразами и скрыть его.

Но я продолжаю, потому что и мой добрый *португалец* пошел дальше в случае со мной. Он не только оплатил долг, по которому имел обязательства перед Небесами, спасая наши жизни, но и пошел дальше – он не взял ничего из того, что у меня было, хотя по *общему морскому праву* все мое должно было стать его «за спасение», как говорят моряки. Но он дал мне [свою] цену за все, купил мою лодку, от чего он мог бы отказаться, моего мальчика *Ксури*, который не был моим рабом по праву, или, если бы был, он должен был стать свободным с этого момента. *Ксури*, жизнь которого он спас, должен был стать его собственностью в качестве слуги, но он купил все это у меня за полную сумму и ничего с меня не взял, нет, даже плату за проезд.

Это был *добродетельный человек, совершавший добродетельные поступки*¹⁰, и продолжение нашей истории хорошо показало, как они были вознаграждены, ибо за благородными поступками действительно стоит честный добродетельный человек. Итак, когда я приехал в *Лиссабон*, чтобы продать свою *бразильскую* плантацию, и пришел, чтобы вознаградить его, он был беден, [находился] в стесненных обстоятельствах и был не в состоянии уплатить даже того, что был мне должен. Я же дал ему награду, достаточную, чтобы сделать его положение безбедным на всю оставшуюся жизнь.

Щедрость этого человека по отношению ко мне, когда он впервые спас меня в открытом океане, была во всех отношениях наивысшим актом честности – великодушной честности, состоящей в обладании возможностью сделать кому-то добро, представленной Провидением Небес. Тем самым он признал долг, который он обязан был выплатить своему Создателю в лице Его самых несчастных существ.

Позвольте мне также здесь напомнить моим читателям о том, что они, возможно, очень редко принимают во внимание: Небеса не только дарят нам *способность вершить добрые дела*, но и одаряют нас *возможностью делать то добро*¹¹, что мы способны совершить, и мы должны воспользоваться этой возможностью как особенным даром свыше и быть столь же благодарными за шанс свершить доброе дело, как и за нашу способность сделать это.

Я мог бы упомянуть здесь порядочность моего товарища-плантатора в *Бразилии* и двух торговцев и их сыновей, которые честно сохранили мою долю в плантации, позаботились о ней, а также порядочность общественного церковного казначея там же и т. п. Но я подумал, что хотел бы проиллюстрировать этот благородный принцип двумя примерами, которые я уже упоминал, а именно – [описать] вдову капитана, спасшего меня у [берегов] *Гвинеи*, и *португальца*. Это важно, в частности, потому, что, когда я вернулся жить в *Англию*, я столкнулся

especially in Cases where honest Men come to be unhappy Men, when they fall into such Circumstances as they cannot be honest, or rather, cannot shew the Principle of Honesty, which is really at the Bottom of all their Actions, and which, but for those Circumstances which entirely disable them, would certainly shew it self in every Branch of their Lives: Such Men I have too often seen branded for Knaves by those who, if they come into the same Condition, would perhaps do the same Things, or worse than they may have done.

Both my Widow and my *Portuguese* Captain, fell into low Circumstances, so that they could not make good to me my Money that was in their Hands; and yet both of them shew'd to me, that they had not only a Principle of Justice, but of generous Honesty too, when the Opportunity was put into their Hands to do so.

This put me upon enquiring and debating with my self, what this subtle and imperceptible Thing, call'd Honesty, is, and how it might be described; setting down my Thoughts, at several Times, as Objects presented; that Posterity, if they think them worth while, may find them both useful and diverting. And First, I thought it not improper to lay down the Conditions upon which I am to enter upon that Description; that I may not be mistaken, but be allow'd to explain what I mean by Honesty, before I undertake to enter upon any Discourses or Observations about it.

And to come directly to it, *for I would make as few Preambles as possible*, I shall crave the Liberty in all the following Discourse, to take the Term *Honesty*, as I think all *English* Expressions ought to be taken, namely *Honesterly*, in the common Acceptation of the Word, the general vulgar Sense of it, without any Circumlocutions or Double Entendres whatsoever; for I desire to speak plainly and sincerely. Indeed, as I have no Talent at hard Words, so I have no great Veneration for Etymologies, especially in English: But since I am treating of Honesty, I desire to do it, as I say above, *honestly*, according to the genuine Signification of the Thing.

Neither shall I examine, whether Honesty be a natural or an acquired Virtue, whether a Habit, or a Quality, whether inherent or accidental; all the philosophical Part of it I chuse to omit.

Neither shall I examine it, as it extends to Spiritualls, and looks towards Religion; if we enquire about Honesty towards God, I readily allow all Men are born Knaves, Villains, Thieves, and Murtherers, and nothing but the restraining Power of Providence witholds us all from shewing our selves such, on all Occasions.

No Man can be just to his Maker; if he could, all our Creeds and Confessions, Litanies and Suplications, were ridiculous Contradictions and Impertinences; inconsistent with themselves, and with the whole Tenor of human Life.

In all the ensuing Discourse therefore, I am to be understood of *Honesty*, as it regards Mankind among themselves, as it looks from one Man to another, in those necessary

с множеством споров о порядочности, особенно в тех случаях, когда порядочные люди становятся несчастливymi, попав в такие обстоятельства, когда они не могут быть честными, или, вернее, не могут следовать принципу честности, который на самом деле лежит в основе всех их поступков. И который, если бы не тяжелые обстоятельства, несомненно, проявил бы себя в каждом аспекте их жизни. Я слишком часто видел, как таких людей объявляли мошенниками те, кто, находясь они в том же положении, возможно, поступали бы так же или [еще] хуже.

И та вдова, и тот *португальский* капитан попали в стесненные обстоятельства, так что не могли вернуть мне [те] деньги, что были им доверены. И все же оба они при первой же возможности продемонстрировали мне, что они руководствуются не только принципом справедливости, но и принципом великодушной честности.

Это обстоятельство заставило меня вопрошать себя и даже спорить с самим собою о том, что же это за тонкая и неуловимая вещь – *честность* и как она может быть описана. Я записывал свои мысли несколько раз, когда находились примеры, дабы они могли пойти на пользу и были интересны будущим поколениям, коль скоро они найдут таковые достойными внимания. Во-первых, я подумал, что было бы неправильным не изложить условия, на которых я приступаю к своему описанию – чтобы меня не поняли превратно, а позволили бы объяснить, что я имею в виду под *честностью*, прежде чем я пушусь в какие-либо разъяснения или наблюдения по этому поводу.

Так как мне бы хотелось [сделать] как можно меньше *предисловий*, переходя непосредственно к делу, я буду стремиться в последующих моих рассуждениях использовать слово *честность* так, как, я думаю, должны быть использованы все *английские* выражения, а именно – *честно*, в расхожем значении слова, в его самом простом смысле, без каких-либо обиняков или двусмысленностей, ибо я желаю говорить прямо и искренне. На самом деле как нет у меня таланта высокого стиля, так нет и глубокого почтения к происхождению слов, особенно *английского* языка, но с тех пор, как я раздумываю о честности, я желаю делать это, как я сказал выше, *честно*, в соответствии с подлинным значением этого понятия.

Я также не буду рассматривать то, является ли честность естественной или приобретаемой добродетелью, привычкой или свойством человеческой природы, врожденной или случайной. Всю философскую сторону понятия я собираюсь опустить.

Я также не буду рассматривать то, как честность распространяется в духовной сфере и религии. Если мы вопрошаем о честности в отношении к Богу, я готов допустить, что все люди рождаются лжецами, злодеями, ворами и убийцами, и ничего, кроме сдерживающей силы Провидения, не останавливает всех нас от проявлений этого во всех случаях жизни¹².

Ни один человек не может быть праведнее своего Создателя. Если бы мог, все наши верования и конфессии, литании и мольбы были бы смехотворно противоречивы и дерзки, несозвучны между собой и со всем порядком человеческой жизни.

Таким образом, в моих последующих рассуждениях *честность* нужно понимать так, как она бытует среди людей, как она передается от одного человека

Parts of Man's Life, his Conversation and Negotiation, Trusts, Friendships, and all the Incidents of human Affairs.

The Plainness I profess, both in Style and Method, seems to me to have some suitable Analogy to the Subject, *Honesty*; and therefore, is absolutely necessary to be strictly follow'd. And I must own, I am the better reconcil'd, on this very Account, to a natural Infirmary of homely plain Writing; in that I think the Plainness of Expression, which I am condemn'd to, will give no Disadvantage to my Subject, since *Honesty* shews the most beautiful, and the more like *Honesty*, when Artifice is dismiss'd, and she is honestly seen by her own Light only; likewise the same Sincerity is required in the Reader; and he that reads this Essay without *Honesty*, will never understand it right: *She must, I say, be view'd by her own Light*. If Prejudice, Partiality, or private Opinions stand in the Way, *the Man's a reading Knave*, he is not honest to the Subject; and upon such an one all the Labour is lost; this Work is of no Use to him, and by my Consent, the Bookseller should give him his Money again.

If any Man, from his private ill Nature, takes Exceptions at me, poor, wild, wicked, *Robinson Crusoe*, for prating of such Subjects as this is, and shall call either my Sins, or Misfortunes to Remembrance, in Prejudice of what he reads; supposing me thereby unqualify'd to defend so noble a Subject as this of *Honesty*, or at least to handle it *honestly*: I take the Freedom to tell such, that those very wild wicked Doings and Mistakes of mine, render me the properest Man alive to give Warning to others, as the *Man that has been sick is half a Physician*. Besides, the Confession which I all along make of my early Errors, and which Providence, you see, found me Leisure enough to repent of, and I hope, gave me Assistance to do it effectually; assists to qualify me for the present Undertaking, as well to recommend that Rectitude of Soul, which I call *Honesty* to others, as to warn those who are subject to mistake it, either in themselves or others: Heaven it self receives those who sincerely repent, into the same State of Acceptance, as if they had not sinn'd at all, and so should we also.

*They who repent, and their ill Lives amend,
Stand next to those who never did offend.*

Nor do I think a Man ought to be afraid or asham'd to own and acknowledge his Follies and Mistakes, but rather to think it a Debt which *Honesty* obliges him to pay: Besides, our Infirmitities and Errors, to which all Men are equally subject, when recovered from, leave such Impressions behind them, on those who sincerely repent of them, that they are always the forwardest to accuse and reproach themselves: No Man need advise them, or lead them; and this gives the greatest Discovery

к другому в насущных моментах человеческой жизни – обсуждениях и соглашениях, в доверии, дружеских отношениях и других жизненных обстоятельствах.

Прямота, к которой я стремлюсь как в стиле, так и в методе, мне кажется, имеет подходящую аналогию с самим предметом – *честностью*, и поэтому абсолютно необходимо строго следовать ей. Должен признаться, что я примирился на этот счет с естественным ограничением простого безыскусного письма, так как чем дальше, тем больше я думаю, что прямота выражения, на которую я обречен, никак не повредит моему предмету. *Честность*, подобно Небесам, превозносится всеми, и все люди претендуют на нее; [это] настолько общее место, сродни заезженной шутке, точно так же, как для человека [часто] обесценивается клятва веры, которая и есть в ее первоначальном смысле клятва честности, так и следует ее понимать. Подобная же искренность требуется и от читателя. Тот, кто прочитает это эссе, не будучи *честным*, никогда не поймет его правильно. *Честность должна, утверждаю я, рассматриваться в свете ее собственного значения*. Если же предубеждение, пристрастность или личные убеждения встают на пути, человек, и читая, [остаётся] *лицемером*, он нечестен по отношению к самому предмету, для такого читателя мой труд бесполезен – эта работа не содержит для него никакой пользы, и, по моему разумению, книготорговец должен вернуть ему деньги.

Если какому-либо человеку из-за его личных дурных наклонностей не понравится то, что бедный одичавший нечестивый *Робинзон Крузо* смеет рассуждать о таких вещах, и он будет припоминать мои грехи или несчастья, относясь предосудительно к тому, что он читает, и полагая, что я, стало быть, совершенно не способен защищать такую благородную добродетель, как честность, или, по крайней мере, рассмотреть ее честно, [то] я смело отвечу таковому, что те самые несуразные, нечестивые мои поступки и ошибки как раз и делают меня самым понимающим человеком из всех живущих, способным предупредить других. *Так человек, который болен, уже наполовину врач*. Кроме того, я постоянно исповедуюсь в моих прошлых ошибках, для чего Провидение, как вы видите, не только обеспечило меня достаточным досугом, но и, надеюсь, помогло полноте исповеди, содействуя моей подготовке к нынешнему начинанию, а также к тому, что я могу рекомендовать чистоту помыслов, которую называю честностью, другим и предупредить тех, кто ошибается на ее счет в отношении себя либо других. Даже Небеса принимают тех, кто искренне раскаялся, равносильно тому, как если бы они не согрешили вовсе, поэтому и мы должны поступать так же.

*Те, кто раскаиваются и исправляются в их грешной жизни,
Стоят рядом с теми, кто никогда не грешил.*

Я также думаю, что человек не должен бояться или стыдиться признавать свои безрассудства и ошибки. Напротив, он должен думать, что это долг, который *честность* обязывает его оплатить. Кроме того, наши упущения и ошибки, которым все люди подвержены одинаково, после того, как осознали их, оставляют по себе такие следы на тех, кто искренне в них раскаялся, что такие люди всегда склонны первыми обвинять и упрекать самих себя. Такому человеку

of the Honesty of the Man's Heart, and Sincerity of Principles. Some People tell us, they think they need not make any open Acknowledgment of their Follies; and 'tis a Cruelty to exact it of them; that they could rather dye than submit to it; that their Spirits are too great for it; that they are more afraid to come to such publick Confessions and Recognitions, than they would be to meet a Cannon Bullet, or to face an Enemy: But this is a poor mistaken Piece of false Bravery; all Shame is Cowardise, as an eminent Poet tells us, That all Courage is Fear, the bravest Spirit is the best qualify'd for a Penitent; 'tis a strange Thing that we should not be asham'd to offend, but should be asham'd to repent; not afraid to sin, but afraid to confess. This very Thought extorted the following Lines from a Friend of mine, with whom I discoursed upon this Head.

*Among the worst of Cowards let him be nam'd,
Who having sinn'd's afraid to be asham'd;
And to mistaken Courage he's betray'd,
Who having sinn'd's asham'd to be afraid.*

But to leave the Point of Courage and Cowardise in our repenting of our Offences, I bring it back to the very Point I am upon; namely that of *Honesty*. A Man cannot be truly an honest Man, without acknowledging the Mistakes he has made; particularly, without acknowledging the Wrong done to his Neighbour; and why pray is Justice less required in his Acknowledgment to his Maker? He then that will be honest, must dare to confess he has been a Knave; for as above, speaking of our Behaviour to God, we have been all Knaves, and all dishonest; and if we come to speak strictly, perhaps it would hold in our Behaviour to one another also; for, Where's the Man that is not chargeable by some or other of his Neighbours, or by himself, with doing Wrong, with some Oppression or Injury, either of the Tongue, or of the Hands.

I might enlarge here upon the Honesty of the Tongue, a Thing some People who call themselves very honest Men, keep a very slender Guard upon, I mean, as to Evil-speaking; and of all Evil-speaking, that worst Kind of it, the speaking hard and unjust Things of one another.

This is certainly intended by the Command of God, which is so express and emphatick, *Thou shalt not bear false Witness against thy Neighbour*; at least that Part which is what we call Slander, raising an injurious and false Charge upon the Character and Conduct of our Neighbour, and spreading it for Truth.

But this is not all; that Honesty I am speaking of respects all Detraction, all outrageous Assaults of the Tongue; Reproach is as really a Part of Dishonesty, as Slander; and tho' not so aggravated in Degree, yet 'tis the same in Kind.

не нужны ни советчики, ни проводники, и это позволяет совершить величайшее открытие: [главное в жизни] – чистота человеческого сердца и твердость принципов. Есть и те, кто полагают, что они не обязаны открыто признаваться в собственных безрассудствах и что бессердечно ожидать от них такого признания, что они скорее умерли бы, чем раскаялись, что их дух слишком велик для подобного и что они боятся таких публичных исповедей и признаний больше, чем пушечного ядра или столкновения с врагом. Но это низкий, ошибочный образчик ложной храбрости. Любой стыд – это [проявление] трусости, так же как любое мужество – это [проявление] страха, как говорит нам выдающийся поэт¹³. Самый смелый дух лучше всего подходит для покаяния. Странно, что мы не стыдимся обидеть, но стыдимся покаяться. Не боимся грешить, но боимся исповедоваться. Эта идея вызвала вот такие строки у моего друга, с которым я дискутировал на данную тему:

*Средь худших трусов будет назван тот,
Кто, согрешив, боится устыжаться;
И тот от лживой храбрости падет,
Кто, согрешив, стыдится убояться¹⁴.*

Но дабы оставить вопрос храбрости и трусости при раскаянии в наших грехах, я возвращаюсь к тому самому предмету, о котором я пишу, а именно – к честности. Человек не может быть по-настоящему честен без признания ошибок, которые он совершил, особенно без признания дурных поступков по отношению к своему соседу. И почему, скажите, справедливость менее значима в его признании Создателю? Тот, кто желает быть честным, должен иметь смелость признаться, что до того он был лжецом, ибо, как указано выше, в рассуждении о наших взаимоотношениях с Богом все мы были лжецами, и все – бесчестными. И если бы мы начали говорить прямо, возможно, это тоже определяло бы наше поведение по отношению друг к другу, ибо существует ли человек, который не слышал упрека от того или иного соседа или даже от себя самого в свершении дурного [поступка], [в нанесении] некой обиды или оскорбления, причиненных словом или делом?

Я хотел бы поговорить здесь о сдержанности в речах. О том, в чем некоторые люди, которые называют себя очень порядочными, практически не отдают [себе] отчета. Я имею в виду злословящих, а из всего злословия наихудший его вид – говорить друг о друге резкие и несправедливые вещи.

Об этом определенно идет речь в Божьей заповеди, которая столь выразительна и красноречива: *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего¹⁵*. По крайней мере, в той части, которую мы называем клеветой, [в которой] выдвигаем грязный ложный оговор на характер и поведение нашего соседа и распространяем его как истину.

Но это еще не все. Та честность, о которой я говорю, отвергает все злословие, всю возмутительную хулу. Попрек – в той же мере элемент нечестности, что и клевета, хотя и не до такой степени тяжкая, но, по сути, та же.

There is a Kind of Murther that may be committed with the Tongue, that is in its Nature as cruel as that of the Hand: This can never be the Practice of an honest Man; Nay, he that practices it cannot be an honest Man.

But perhaps I may come to this again, but I must go back to explain my self upon the Subject a little farther in the General, and then you shall hear more of me, as to the Particulars.

Of HONESTY in General.

Have always observ'd, that however few the real honest Men are, yet every Man thinks himself, and proclaims himself an honest Man. Honesty, like Heaven, has all Mens good Word, and all Men pretend to a Share of it: So general is the Claim, that like a Jest which is spoil'd by the Repetition, 'tis grown of no value for a Man to *swear by his Faith*, which is in its original Meaning, *by his Honesty*, and ought to be understood so.

Like Heaven too, 'tis little understood by those who pretend most to it, 'tis too often squar'd according to Mens private Interest, tho' at the same Time the Latitude which some Men give themselves, is inconsistent with its Nature.

Honesty is a general Probity of Mind, an Aptitude to Act justly and honourably in all Cases, religious and civil, and to all Persons superiour or inferiour; neither is Ability or Disability to act so, any Part of the Thing it self in this Sense.

It may be distinguish'd into Justice and Equity, or if you will, into Debt and Honour; for both make up but one Honesty.

Exact Justice is a Debt to all our Fellow-Creatures; and honourable, generous Justice is deriv'd from that golden Rule, *Quod tibi fieri non vis alteri ne feceris*; and all this put together, makes up Honesty: *Honour indeed is a higher Word for it, but 'tis the same Thing*, and

– Differs from Justice only in the Name,
For Honest and Honour are the same.

This Honesty is of so qualifying a Nature, that 'tis the most Denominative of all possible Virtues; An *Honest Man* is the best Title can be given in the World; all other Titles are empty and ridiculous without it, and no Title can *be really scandalous* if this remain. 'Tis the capital Letter, by which a Man's Character will be known, when private Qualities and Accomplishments are Worm-eaten by Time; without

Можно убить словом, и по своей природе такое убийство столь же жестоко, как от руки преступника. Честный человек никогда не сможет совершить его. Нет, тот, кто так поступает, не может считаться честным.

Вероятно, я смогу обратиться к этой теме снова, но сейчас я должен вернуться назад и объяснить немного больше предмет в целом, а уж после вы услышите от меня подробности.

О ЧЕСТНОСТИ в целом

постоянно наблюдаю, что как бы ни было мало по-настоящему честных людей, всякий думает и говорит о себе как о честном человеке. Честность, подобно Небесам, превозносится всеми, и все претендуют на нее; это настолько общее место, сродни заезженной шутке, точно так же как для человека [часто] обесценивается *клятва веры*, которая и есть в ее первоначальном смысле *клятва честности*, как и следует ее понимать.

Как и в отношении Небес, это меньше всего разумеют те, кто более всего на это претендуют. Часто это определяется расчетом в соответствии с личным интересом человека, хотя в то же самое время широкое толкование, которое некоторые позволяют себе, несовместимо с их [честности и Небес] природой.

Честность – это общая порядочность разума, способность действовать справедливо и благородно во всех сферах [жизни], духовной и светской, и в отношении всех людей, благополучных или падших. Способность же или неспособность человека поступать так не относятся к делу.

Честность можно разделить на справедливость и равноправие, или, если хотите, на долг и честь, поскольку оба они составляют не что иное как честность.

Взыскательная справедливость – это долг перед всеми нашими братьями. Честная всеохватная справедливость вытекает из золотого правила: «*Quod tibi fieri non vis alteri ne feceris*»¹⁶. Все это вместе взятое и составляет честность. На самом деле честь – более подходящее здесь слово, но это [фактически] одно и то же, и

*Во славе честь и справедливость,
и только имя разное у них*¹⁷.

Честность имеет столь определяющий характер, что это наиболее важная из всех возможных добродетелей. *Честный человек* – наивысший титул, которым можно наградить в этом мире. Все другие титулы пусты и нелепы без нее, и действительно ни один титул не может быть постыдным, если человек остается порядочным. Это та заглавная буква, по которой будет известен характер каждого

it a Man can neither be a Christian or a Gentleman: a Man may be a poor honest Man, an unfortunate honest Man; but a Christian Knave, or a Gentleman Knave, is a Contradiction: a Man forfeits his Character and his Family by Knavery; and his Escutcheon ought to have a particular Blot, like that of Bastardy. When a Gentleman loses his Honesty, he ceases to be a Gentleman, commences Rake from that Minute, and ought to be us'd like one.

Honesty has such a general Character in the Minds of Men, that the worst of Men, who neither practice or pretend to any Part of it, will yet value it in others; no Man ever cou'd be so out of Love with it, as to desire his Posterity should be without it; nay, such is the Veneration all Men have for it, that the general Blessing of a Father to his Son, is Pray, *God make thee an honest Man*.

Indeed so general is the Value of it, and so well known, that it seems needless to say any Thing in behalf of it. So far as it is found upon Earth, so much of the first Rectitude of Nature, and of the Image of God, seems to be restor'd to Mankind.

The greatest Mischief which to me seems to attend this Virtue, like the Thorn about the Rose, which pricks the Finger of those who meddle with it, is *Pride*: 'Tis a hard Thing for a Man to be very honest, and not be proud of it; and tho' he who is really honest, has, as we say, something to be proud of, yet I take his Honesty to be in a great deal of Danger, who values himself too much upon it.

True honest Honesty, if I may be allow'd such an Expression, has the least Relation to Pride of any View in the World; 'tis all simple, plain, genuine, and sincere; and if I hear a Man boast of his Honesty, I cannot help having some Fears for him, at least, that 'tis sickly and languishing.

Honesty is a little tender Plant, not known to all who have Skill in Simples, Thick sow'd, *as they say*, and Thin come up; 'tis nice of Growth, it seldom thrives in a very fat Soil; and yet a very poor Ground too is apt to starve it, unless it has taken very good Root; when it once takes to a Piece of Ground, it will never be quite destroy'd; it may be choak'd with the Weeds of Prosperity, and sometimes 'tis so scorcht up with the Droughts of Poverty and Necessity, that it seems as if it were quite dead and gone; but it always revives upon the least mild Weather; and if some Showers of Plenty fall, it makes full Reparation for the Loss the Gardener had in his Crop.

There is an ugly Weed, call'd Cunning, which is very pernicious to it, and which particularly injures it, by hiding it from our Discovery, and making it hard to find: This is so like Honesty, that many a Man has been deceiv'd with it, and have taken one for t'other in the Market: Nay, I have heard of some, who have planted this *wild Honesty*, as we may call it, *in their own Ground*, have made Use of it in their Friendships and Dealings, and thought it had been the true Plant, but they always lost Credit by it: And

человека, когда его личные умения и достижения уже прохуляются от времени. Без нее [честности] человек не может быть ни христианином, ни джентльменом. Человек может быть бедным, но честным, несчастным, но честным. Однако лжец и христианин или лжец и джентльмен – несовместимые понятия. Солгав, человек теряет свою репутацию и [позорит] честь своей семьи, и это подобно особому знаку на родовом гербе, который должен нести незаконнорожденный. Когда джентльмен [перестает быть] честным, он перестает быть джентльменом, но с этой же минуты становится распутником и должен считаться таковым.

Честность имеет такую великую ценность в умах людей, что даже худшие из них, которые не поступают честно и не претендуют на какую-либо ее долю, будут, тем не менее, ценить ее в других. Ни один человек никогда не сможет разлюбить ее так, чтобы желать своему потомству прожить без нее. Нет, все люди испытывают такое почтение к честности, что часто отец благословляет своего сына словами: «Молись, чтобы *Бог сделал тебя честным человеком*».

В самом деле, ее ценность настолько велика и настолько хорошо известна, что кажется излишним говорить что-либо в ее пользу. Насколько много ее на земле, насколько восхваляемы человечеством первозданность природы и образ Бога.

Величайшее зло, которое, мне кажется, сопутствует этой добродетели, как розе – шип, колющий тех, кто ее тронет, это *гордыня*. Человеку трудно быть предельно честным и не гордиться этим. И хотя тому, кто действительно честен, как говорится, есть чем гордиться, но я думаю, что такая честность в большой опасности, если кто-то ценит себя слишком высоко за обладание ею.

Истинная «честная честность», если мне будет позволено такое выражение, имеет наименьшее отношение к гордыне с любой точки зрения на свете. Она проста, чиста, подлинна и искренна. И если я слышу, что человек хвастается своей честностью, я не могу не испытывать некоторых опасений за него, по крайней мере в том, что это [признак] его нездоровья и слабости.

Честность – это маленькое нежное растение, неизвестное всем тем, кто знаком с лекарственными травами. Его, как *говорят*, густо сеешь, да редко всходит. Она привередлива к условиям, она редко расцветает на слишком жирной почве. И все же на слишком бедной земле она тоже склонна к увяданию, если только не укоренилась как следует. Если она однажды укрепилась на клочке земли, она уже никогда не будет уничтожена совсем. Ее могут задушить сорняки благополучия, а иногда она бывает так выжжена засухами нищеты и нужды, что кажется, будто она совершенно мертва и исчезла. Но она всегда оживает по мере смягчения погоды, и если проливаются щедрые ливни, она полностью восстанавливает ту потерю, что ощутил садовник в своем урожае.

Существует [другой] уродливый сорняк, называемый хитростью, который очень пагубен для нее и который особенно вредит ей, скрывая ее от нашего взгляда и затрудняя ее поиски. Он так похож на честность, что многие люди были обмануты и приняли на рынке одно за другое. Нет, я даже слышал о таких, кто посадили эту *дикорастущую честность*, как мы могли бы назвать ее, на их собственной земле, использовали ее в своих дружеских и деловых отношениях

that was not the worst neither; for they had the Loss who dealt with them, and who chaffer'd for a Counterfeit Commodity; and we find many deceived so still, which is the Occasion there is such an Outcry about false Friends, and about Sharping and Tricking in Mens ordinary Dealings in the World.

This true Honesty too has some little Difference in it, according to the Soil or Climate in which it grows, and your Simplers have had some Disputes about the Sorts of it: Nay, there have been great Heats about the several Kinds of this Plant, which grows in different Countries, and some call that *Honesty*, which others say, is not; as particularly they say, There is a Sort of Honesty in my Country, *Yorkshire Honesty*, which differs very much from that which is found in these southern Parts about *London*: Then there is a Sort of Scots Honesty, which they say is a meaner Sort than that of *Yorkshire*: And in *New England*, I have heard they have a kind of Honesty, which is worse than the *Scotish*, and little better than the wild Honesty, call'd *Cunning*, which I mention'd before. On the other hand, they tell us, that in some Parts of *Asia*, at *Smyrna*, and at *Constantinople*, the *Turks* have a better Sort of Honesty than any of us. I am sorry, our *Turkey Company* have not imported some of it, that we might try whether it would thrive here or no. 'Tis a little odd to me, it should grow to such a Perfection in *Turkey*, because it has always been observ'd to thrive best, where it is sow'd with a Sort of Grain call'd *Religion*: Indeed they never thrive in these Parts of the World, so well apart, as they do together. And for this Reason, I must own, I have found that *Scots Honesty*, as above, to be of a very good Kind. How 'tis in *Turkey*, I know not; for in all my Travels, I never set my Foot in the Grand Seignior's Dominions.

But to wave Allegories, Disputes about what is, or is not Honesty, are dangerous to Honesty it self; for no Case can be doubtful, which does not border upon the Frontiers of Dishonesty; and he that resolves not to be drowned, had best never come near the Brink of the Water.

That Man who will do nothing but what is barely honest, is in great Danger. 'Tis certainly just for me to do every Thing the Law justifies; but if I should only square my Actions by what is literally lawful, I must throw every Debtor, tho' he be poor, in Prison, and never release him till he has paid the uttermost Farthing: I must hang every Malefactor without Mercy, I must exact the Penalty of every Bond, and the Forfeiture of every Indenture: In short, I must be uneasy to all Mankind, and make them so to me; and in a Word, be a very Knave too, as well as a Tyrant; for Cruelty is not Honesty.

Therefore, the sovereign Judge of every Man's Honesty has laid us down a general Rule, to which all the Particulars are resolved, *Quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*. This

и полагали, что это и было настоящее растение, однако [почему-то] из-за нее они всегда теряли доверие. И это еще не самое худшее, потому что потери были также и у тех, кто имел с ними дело, и у тех, кто торговал фальшивым товаром. И мы до сих пор видим много обманутых таким образом, засим и жалобы на неверных друзей, и плутовство, и обман в обычных мирских делах.

Эта истинная честность также имеет некоторые разновидности в зависимости от почвы или климата, в которых она произрастает, и некоторые простачки вели споры о ее видах. Нет, бывали воистину крупные перепалки о разновидностях этого растения, растущего в разных землях, и некоторые называют *честностью* то, что другие таковой вовсе не считают. В частности, они говорят, что есть своего рода честность в моем графстве, *йоркширская честность*, которая очень сильно отличается от той, которую можно найти в южных частях Лондона. Затем есть своего рода шотландская честность, о которой говорят, что она захудалее *йоркширской*. И в *Новой Англии*, слышал я, есть своего рода честность, которая похуже *шотландской* и немногим лучше, чем дикорастущая честность, называемая *хитростью*, о которой я упоминал ранее. С другой стороны, говорят, что в некоторых частях Азии – в *Смирне* и в *Константинополе*¹⁸ – у *турок* есть лучший сорт честности, чем у любого из нас. Мне жаль, что наша Турецкая компания¹⁹ не импортировала некоторые из них, чтобы мы могли увидеть, будут ли они процветать здесь или нет. Для меня несколько странно то, что честность могла достичь такого совершенства именно в *Турции*, поскольку она всегда лучше всего произрастает там, где была посеяна вместе с сортом зерна, называемым *религией*. Действительно, в наших краях они по отдельности никогда не растут так же хорошо, как вместе. И по этой причине, должен признаться, я нахожу, что вышеописанная *шотландская* честность очень хорошего рода. Не знаю, как оно в *Турции*, ведь во всех моих путешествиях я никогда и ногой не ступал во владения турецкого султана.

Но если отказаться от аллегорий, [надо принять, что] споры о том, что можно считать честностью, а что – нет, опасны для нее самой, ибо ничто не может быть поставлено под сомнение, если оно не находится на грани непорядочности. И тому, кто решил не тонуть, лучше никогда не приближаться к кромке воды²⁰.

Человек, который совершает поступки, сообразуясь лишь с минимальными [принципами] честности, находится в большой опасности. Я, несомненно, считаю справедливым делать все, что полагается по закону, но если я ограничиваю свои поступки только таковыми, что законны в буквальном смысле, я должен бросить каждого должника, пусть и бедного, в тюрьму, и не освобождать его до тех пор, пока он не заплатит все до последнего фартинга. Я должен повесить каждого злодея без милосердия, я должен взимать штрафы за каждую просрочку и взыскивать за неисполнение каждого договора. Короче говоря, я должен стать неудобным всему человечеству и превратить оное в неудобное себе – одним словом, стать тем же самым лжецом и тираном, поскольку бессердечие не есть честность.

Таким образом, Высший Судия оставил нам общее правило честности для всякого человека²¹, к которому сводятся все частности: *Quod tibi fieri, non vis*

is a Part of that Honesty I am treating of, and which indeed is the more essential of the two; this is the Test of Behaviour, and the grand Article to have Recourse to, when Laws are silent.

I have heard some Men argue, that they are not bound to any such Considerations of the Indigence of Persons, as lead to Concessions of, or Compositions with them for Debts; that 'tis all *ex gratia*, or the Effects of Policy, because Circumstances lead them to judge it better to take what they can get, than lose the Whole.

Speaking of the Letter of the Law, I allow that they may be in the right.

On the other hand, a Man who gives a Bond for a Debt, pleads, he is answerable for no more than the Law will force him to; that is, he may defend a Suit, stand out to the last Extremity, and at last keep out of the Way, so as not to have Judgment or Execution serv'd on him; he may secure his Estate from the Execution, as well as his Person, and so never pay the Debt at all; and yet in the Eye of the Law be an honest Man; and this Part of legal literal Honesty is supported only by the other, namely, the cruel Part; for really such a man, speaking in the Sense of common Justice, is a Knave; he ought to act according to the true Intent and Meaning of his Obligation, and in the Right of a Debtor to a Creditor, which is to pay him his Money when it became due, not stand out to the last, because he cannot be forc'd to it sooner.

The Laws of the Country indeed allow such Actions as the Laws of Conscience can by no Means allow, as in this Cafe of the Creditor suing for his Debt, and the Debtor not paying it till he is forced by Law. The Argument made Use of to vindicate the Morality of such a Practice, stands thus:

If a Man trusts me with his Money or Goods, upon my common Credit, or upon my Word, he then takes me for his Money, and depends both upon my Ability and my Honesty; but if he comes and demands my Bond, he quits his Dependence upon my Honesty, and takes the Law for his Security; so that the Language of such an Action is, He will have a Bond, that it may be in his Power, to make me pay him, whether I will or no; and as for my Honesty, he'll have nothing to do with it: What Relief then I can have against this Bond, by the same Law, to which the Person refers himself, is as legal an Action on my Side, as the other Man's suing for his own, is on his.

And thus the Letter of the Law will ruine the Honesty of both Debtor and Creditor, and yet both shall be justify'd too.

But if I may give my Opinion in this Case, neither of these are the honest Man I am speaking of; for Honesty does not consist of Negatives; and 'tis not sufficient to do my Neighbour no personal Injury in the strict Sense and Letter of the Law; but I am bound, where Cases and Circumstances make other Measures reasonable, to have such Regard to these Cases and Circumstances, as Reason requires. Thus to begin with the Creditor

*alteri ne feceris*²². Это составная часть той честности, о которой я пишу и которая действительно является более важной из этих двух; это проверка на прочность и великая заповедь, к которой можно прибегать, когда законы молчат.

Я слышал, как некоторые люди рассуждают, что они не руководствуются какими бы то ни было соображениями о нищете частных лиц, если дело касается продления срока или переуступки долга, что все это *ex gratia*²³, или последствия финансовой политики, потому что обстоятельства заставляют их принять решение лучше взять ту часть, что они могут получить, чем потерять все целиком.

Допускаю, что они могут быть в своем праве, если мы говорим о букве закона.

С другой же стороны, человек, который дает долговую расписку, признает себя ответственным за нее не более, чем по закону. То есть он может оспаривать иск, держаться до последнего и в конце концов скрыться, чтобы ему не смогли вручить решение суда или исполнительный лист. Он может обезопасить свое имущество, как и себя самого, от исполнительного производства и даже вовсе никогда не выплатить этот долг, но все же в глазах закона быть честным человеком. И эта часть правовой буквальной честности поддерживается только другой, а именно бессердечной частью; ибо на самом деле такой человек, рассуждая в смысле общей справедливости, является мошенником. Он должен действовать в соответствии с истинным намерением и смыслом своего обязательства, а также по справедливости в отношениях должника и кредитора – выплатить ему свои деньги, когда придет срок, а не держаться до последнего только потому, что заставить его заплатить раньше невозможно.

Законы страны действительно допускают такие действия, каковые ни в коем случае не могут допустить законы совести. Как, [например], в данном случае, когда кредитор предъявляет иск по своему долгу, а должник не выплачивает его до тех пор, пока он не будет принужден к этому по закону. Аргумент, который используют для того, чтобы оправдать моральность подобной практики, звучит таким образом.

Если человек доверяет мне свои деньги или товары в обычный кредит или, заручившись моим словом, он занял мне свои деньги, он зависит как от моих способностей, так и от моей порядочности. Но если он придет и потребует от меня долговую расписку, он перестает зависеть от моей порядочности и прибегает к закону для [обеспечения] своей безопасности. Смысл такого действия в том, что если он будет иметь долговую расписку, в его силах будет заставить меня заплатить ему, хочу ли я этого или нет; что же касается моей порядочности, он уже не будет иметь с ней ничего общего. Поэтому мои действия по освобождению от долговой расписки в рамках того же закона, что применяет этот человек, будут столь же правомерны, как и иск с его стороны.

Таким образом, буква закона может угробить порядочность как должника, так и кредитора, и в то же время и тот, и другой будут в своем праве.

Если же я могу высказать свое мнение по этому поводу, [то я скажу, что] ни один из них не является порядочным человеком в том смысле, о котором я говорю. Порядочность несовместима с отрицательными качествами, поэтому недостаточно просто не причинять ближнему личного ущерба согласно строгим смыслу и букве закона. Я обязан, когда случай и обстоятельства предоставляют

to the Debtor, Reason requires, that where a Man is reduc'd to Extremities, he should not be destroy'd for Debt; and what's unreasonable cannot be honest.

Debt is no capital Crime, nor ever was; and starving Men in Prison, a Punishment worse than the Gallows, seems to be a Thing so severe, as it ought not to be in the Power of a Creditor to inflict it: The Laws of God never tolerated such a Method of treating Debtors, as we have since thought proper, I won't say honest, to put in Practice: But since the Politicks of the Nation have left the Debtor so much at Mercy by the Letter of the Law, 'tis honest with Respect to the Law, to proceed so; yet Compassion is in this Case thought reasonable, *Why shou'dst thou take his Bed from under him?* says the Text; which implies, 'tis unnatural and unreasonable.

I have heard some Men insist upon it, that if a Man be sued wrongfully at Law, he ought rather to submit to the Injury, than to oppose the Wrong, by the same Law; and yet I never found those Gentlemen so passive in Matters of Law, but they would sue a Debtor at Law, if they could not otherwise obtain their Right.

I confess, I cannot blame them for the last, but I blame them for pretending to the first: I am not arguing against recovering a just Debt by a just Law, where the Person is able, but unwilling to be honest: But I think, pursuing the Debtor to all Extremities, to the turning his Wife and Children into the Street, express'd in the Scripture by, *Taking his Bed from under him*; and by keeping the Debtor in Prison, when really he is not able to pay it; there is something of Cruelty in it, and the honest Man, I am speaking of, can never do it.

But some may object, if I must serve all Mankind, as I would be serv'd in like Case, then I must relieve every Beggar, and release every poor Debtor; for if I was a Beggar, I would be reliev'd; and if I was in Prison, I would be releas'd; and so I must give away all I have. This is inverting the Argument; for the Meaning is in the Negative still, Do not to another any Thing, or put no Hardship upon another, which you would not allow to be just, if you were in their Case.

Honesty is Equity, every Man is Lord Chancellor to himself; and if he would consult that Principle within him, would find Reason as fair an Advocate for his Neighbour, as for himself. But I proceed.

такую возможность, относиться к подобным случаям и обстоятельствам так, как того требует разум. Таким образом (возвращаясь для начала к кредитору и должнику), разум требует, чтобы человек, попавший в экстремальные обстоятельства, не был разорен за долги. Ведь то, что неразумно, не должно считаться честным.

Долг не является тяжким преступлением и никогда не был таковым. И морить людей в тюрьме голодом – наказание хуже, чем виселица, вещь настолько жестокая, что кредитор ни в коем случае не должен обладать властью причинять ее. Законы Божии никогда не предполагали такого способа обращения с должниками, каковой мы с тех пор сочли за правильный – я не скажу честный – в нашей практике. Но так как государственная политика столь щедро предоставила должника на милость букве закона, будет честным действовать так и по отношению к закону. Но в этом случае нужно счесть разумным и сострадание – *почему нужно «взять постель его из-под него»*²⁴? Об этом и говорит текст [Библии], подразумевая, что это противоестественно и неразумно.

Слышал я, некоторые люди настаивают на том, что если человеку предъявляют несправедливый иск по суду, он должен скорее понести ущерб, чем выступать против несправедливости по тому же закону. И все же я никогда не находил этих джентльменов такими уж пассивными в вопросах права: они будут судиться с должником в суде, если не могут иначе восстановить свое право.

Признаюсь, я не могу винить их за последнее, но я виню их за то, что они претендуют на первое. Я не выступаю против взыскания справедливого долга по справедливому суду, когда человек может, но не желает быть честным. Но, я думаю, преследовать должника, у которого ничего нет, до изгнания его жены и детей на улицу, о чем в Писании сказано *взять постель его из-под него*, и удерживать должника в тюрьме, когда на самом деле он не в состоянии уплатить долг – в этом есть что-то бессердечное, и честный человек, о котором я пишу, никогда не сможет так поступить.

Некоторые могут возразить: если я должен относиться ко всему человечеству так же, как в подобном случае оно отнесется ко мне, тогда я должен подавать каждому нищему и прощать каждого бедного должника. Ибо, если бы это я был нищим, мне бы тоже подали, и если бы я был в тюрьме, я был бы освобожден. И поэтому я должен отдать все, что у меня есть. Рассуждать так – значит передергивать аргумент. Смысл его остается в отрицании: не делайте другому ничего такого, не причиняйте ему никаких тягостей, каковые вы не сочли бы справедливыми, находись вы в подобном положении.

Честность – это справедливость, каждый человек – лорд-канцлер самому себе. И если он будет руководствоваться этим внутренним принципом, он найдет столь же разумным защищать своего соседа, как и себя самого. Но я продолжаю.

Of the Tryal of HONESTY.

ecessity makes an honest Man a Knave; and if the World was to be the Judge, according to the common receiv'd Notion, there would not be an honest poor Man left alive.

A rich Man is an honest Man, *no Thanks to him*; for he would be a double Knave to cheat Mankind, when he had no Need of it: He has no Occasion to press upon his Integrity, nor so much as to touch upon the Borders of Dishonesty. Tell me of a Man, that is a very honest Man; for he pays every Body punctually, runs into no body's Debt, does no Man any Wrong; very well, What Circumstances is he in? Why, he has a good Estate, a fine yearly Income, and no Business to do. The Devil must have full Possession of this Man, if he should be a Knave; for no Man commits Evil for the Sake of it; even the Devil himself has some farther Design in Sinning, than barely the wicked Part of it. No Man is so hardened in Crimes, as to commit them for the meer Pleasure of the Fact; there is always some Vice gratify'd; Ambition, Pride, or Avarice, make rich Men Knaves, and Necessity, the Poor: But to go on with this rich honest Man; his Neighbour a thriving Merchant, and whose Honesty had as untainted a Character, as he can pretend to, has a rich Ship cast away, or a Factor Abroad broke in his Debt, and his Bills come back protested, and he fails, is fain to abscond, and make a Composition: Our rich honest Man flies out upon him presently, he is a Knave, a Rogue, and don't pay People what he owes them; and we should have a Law, That he that runs into Debt farther than he is able to pay, should be hang'd; and the like. If the poor Man is laid Hold by some Creditor, and put in Prison; ay, there let him lye, he deserves it; 'twill be an Example to keep others from the like; and now when all is done, this broken Merchant may be as honest a Man as the other.

You say, you are an honest Man, How do you know it? Did you ever want Bread, and had your Neighbour's Loaf in your Keeping, and would starve rather than eat it? Was you ever arrested, and being not able by your self or Friends, to make Peace with your Plaintiff, and at the same Time having another Man's Money in your Cash Chest, committed to your Keeping, suffer'd your self to be carry'd to Jayl, rather than break Bulk, and break in upon your Trust. God himself has declar'd, That the Power of Extremity is irresistible, *and that so*, as to our Integrity, that he has bid us not *despise the Thief* that steals in such a Case; not that the Man is less a Thief, or the Fact less dishonest: But the Text is most remarkably worded for Instruction, in this Point; Don't you despise the Man; But remember, if you were driven to the same Exigence, you would be the same Man, and do the same Thing, tho' now you fancy your Principle so

Испытание ЧЕСТНОСТИ

олько нужда делает честного человека обманщиком. И если бы люди судили в соответствии с собственными мнениями, на свете не было бы ни одного честного бедняка.

Богатый человек – честный человек *не сам по себе*²⁵; ибо он был бы в двойне лжецом, обманывая кого-то тогда, когда у него не было бы в этом нужды: у него нет повода ни испытывать свою добросовестность, ни вообще касаться границ нечестности. Расскажите мне о человеке, который предельно честен, потому что он всем платит пунктуально, никому не должен, никому не вредит. Очень хорошо – в каких же жизненных обстоятельствах он находится? Ах, у него есть изрядное состояние, солидный годовой доход и никакого предприятия? Если такой человек станет лжецом, он, должно быть, в полной власти дьявола, ибо ни один человек не совершает зла ради самого зла. Даже сам дьявол в грехах своих имеет далеко идущие замыслы, а не просто злодейство. Ни один человек не ожесточен в своих преступлениях настолько, чтобы совершать их просто из удовольствия от самого факта преступления – он всегда потакает какому-то пороку: амбиция, гордыня или алчность делают лжецами богатых людей, а нужда – бедных. Но продолжим об этом честном богаче. У его соседа, процветающего торговца, чья репутация была столь незапятнанной, насколько возможно, пропал богато нагруженный корабль, или его заморский агент промотался, а его вексель был опротестован, и он оказывается банкротом – он склонен скрыться или переуступить свой долг. Наш честный богач ополчается против соседа. Теперь тот стал обманщиком, изгоем и не платит по своим долгам: давайте-ка примем закон [о том], что если [он] погряз в долгах, которые не способен выплатить, он должен быть повешен, и тому подобное. Если беднягу прижал какой-то кредитор и его посадили в тюрьму – да пусть сидит, он этого заслуживает. Он станет примером другим, чтобы они так не поступали. И теперь, когда все свершилось, этот разорившийся торговец может быть так же честен, как и любой другой.

Вы говорите, что вы порядочный человек – откуда вы это знаете? Хотели ли вы когда-либо хлеба, в то время как буханка вашего соседа хранилась бы у вас? И в той ситуации предпочли бы умирать от голода, но не есть его? Были ли вы в ситуации, когда вас пришли арестовывать, и вы не могли прийти к мировому соглашению с вашим истцом – самостоятельно или же с помощью друзей – а в это же самое время у вас имелись в сундуке деньги другого человека, доверенные вам на хранение? Пошли ли вы на то, чтобы вас заключили в тюрьму, прежде чем взять часть доверенного и нарушить обещание, данное доверителю? Сам Господь провозгласил, что сила обстоятельств непреодолима, и *если это так*, Он заповедал нам во имя нашего спасения не *презирать вора*, который ворует в таких обстоятельствах²⁶. Это вовсе не значит, что человек становится в меньшей степени

good; therefore, whatever his Crime may be as to God, don't reproach him with it here; but you that think you stand, *take heed, lest you fall.*

I am of the Opinion, that I could state a Circumstance, in which there is not one Man in the World would be honest: Necessity is above the Power of human Nature; and for Providence to suffer a Man to fall into that Necessity, is to suffer him to sin; because Nature is not furnish'd with Power to defend it self, nor is Grace itself able to fortify the Mind against it.

What shall we say to five Men in a Boat at Sea, without Provision, calling a Council together, and resolving to kill one of themselves for the others to feed on, and eat him? With what Face could the four look up, and crave a Blessing on that Meat? With what Heart give Thanks after it? And yet this has been done by honest Men; and I believe, the honestest Man in the World might be forc'd to it; yet here is no Manner of Pretence, but Necessity, to palliate the Crime. If it be argued 'twas the Loss of one Man to save the Four, 'tis answered, But what Authority to make him die to save their Lives? How came the Man to owe them such a Debt? 'Twas Robbery and Murder; 'twas robbing Life, which was his Property, to preserve mine; 'tis Murder, by taking away the Life of an innocent Man; and at best 'twas doing Evil that Good may come, which is expressly forbidden.

But there is a Kind of Equity pleaded in this Cafe; generally when Men are brought to such a Pass, they cast Lots who shall be the Man, and the voluntary Consent of the Party makes it lawful (God himself being suppos'd to determine who shall be the Man) which I deny; for it is in no Man's Power legally to consent to such a Lot; no Man has a Right to give away his own Life; he may forfeit it to the Law, and loose it; but that's a Crime against himself, as well as against the Law; and the four Men might by our Law have been try'd and hang'd for Murder. All that can be said is, That Necessity makes the highest Crimes lawful, and Things Evil in their own Nature are made practicable by it. From these Extremes of Necessity, we come to lighter Degrees of it; and so let us bring our honest Man to some Exigencies. He would not wrong any Man of a Farthing; he could not sleep if he should be in any body's Debt; and he cannot be an honest Man that can.

That we may see now, whether this Man's Honesty lyes any deeper than his Neighbour's, turn the Scale of his Fortune a little: His Father left him a good Estate, but here comes some Relations, and they trump up a Title to his Lands, and serve

вором, а факт его воровства – менее нечестным. Слова [Библии] в этом месте удивительно точно подобраны к поучению: не презирайте этого человека, но помните, что если бы вы оказались в таком же отчаянном положении, вы стали бы таким же и сделали бы то же самое, хотя теперь вам и кажется, что ваши принципы так непоколебимы. Поэтому каким бы ни было его преступление, как заповедовал Бог, не упрекайте его, а посему кто думает, что он стоит, *уберегись, дабы не пасть*²⁷.

По моему мнению, можно назвать такое обстоятельство, при котором ни один человек в мире не остался бы честен. Нужда превыше силы человеческой природы, и для Провидения позволить человеку впасть в эту нужду – значит позволить ему грешить, поскольку природа не наделена силой, чтобы защищаться, и сама Божья благодать не в состоянии укрепить ум против греха.

Что мы скажем, если пять человек в лодке, оставшихся без провизии далеко в океане, собирают общий совет и решают убить одного из них, чтобы другие могли пропитаться²⁸, и съедают его? С какими лицами эти четверо могут взирать на Небеса и ждать благословения, чтобы съесть это мясо? С каким сердцем после этого благодарить [Господа]? И все же этот поступок был бы совершен честными людьми, и я считаю, что даже самый честный человек в мире может быть принужден к подобному. Но смягчить такое преступление может не притворство, а только нужда. Если утверждать, что это была жертва одного человека для спасения четверых, ответ будет таков: но какие у них есть основания, чтобы заставить его умереть во имя спасения их жизни? Каким образом этот человек оказался перед ними в таком долгу? Это было, несомненно, ограбление и убийство: человека ограбили, отняв жизнь, которая была его собственностью, чтобы сохранить свою. Убийство отняло жизнь у невинного человека; и в лучшем случае это было «свершением зла во благо», что категорически запрещено [Библией]²⁹.

Но есть своего рода справедливость, свершаемая в этом случае. Как правило, когда люди доведены до такого состояния, они бросают жребий, кто должен быть съеден, и добровольное согласие того, кому выпал жребий, делает выбор законным (ведь Сам Господь Бог определяет, кому выпадет он), но я не принимаю такого жребия, поскольку ни один человек не может законно согласиться на такую участь, ни один человек не имеет права отдавать свою собственную жизнь. Он может поплатиться ею по суду и потерять ее, но это преступление как против самого себя, так и против закона. И четверо оставшихся по нашему закону были бы осуждены и повешены за убийство. Все, что можно сказать здесь, – нужда делает самые страшные преступления законными, и те злодеяния, что ужасны сами по себе, становятся возможными в нужде. Из таких крайностей нужды мы переходим к более легкой ее степени, и поэтому давайте рассмотрим другие потребности нашего честного человека. Он не ошибется ни на фартинг [в расчетах] с кем-либо, он не сможет спокойно спать, если будет кому-то должен – в самом деле, он не был бы честным человеком, если бы мог [нарушить свои обязательства].

Но чтобы увидеть, на самом ли деле честность этого человека скрыта глубже, чем у [его] соседа, давайте немного перетянем весы его удачи на другую сторону. Его отец оставил ему хорошее состояние, но вот появились какие-то родственники.

Ejectments upon his Tenants; and so the Man gets into Trouble, Hurry of Business, and the Law: The extravagant Charges of the Law sink him of all his ready Money, and his Rents being stopp'd, the first Breach he makes upon his Honesty (*that is, by his former Rules*) he goes to a Friend to borrow Money, tells him this Matter will be over he hopes quickly, and he shall have his Rents to receive, and then he will pay him again; and really he intends to do so: But here comes a Disappointment, the Tryal comes on, and he is cast, and his Title to the Estate proves defective; his Father was cheated, and he not only loses the Estate, but is call'd upon for the Arrears of the Rent he has receiv'd; and in short, the Man is undone, and has not a Penny to buy Bread, or help himself; and besides this, cannot pay the Money he borrowed.

Now, turn to his Neighbour, the Merchant, whom he had so loudly call'd Knave, for Breaking in his Trade, he by this Time has made up with his Creditors, and got Abroad again; and he meets him in the Street in his dejected Circumstances, *Well, says the Merchant, and Why don't you pay my Cousin, your old Neighbour, the Money you borrowed of him? Truly, says he, because I have lost all my Estate, and can't pay, nay I have nothing to live on. Well, but, returns the Merchant, Wan't you a Knave to borrow Money, and now can't pay it? Why truly, says the Gentleman, When I borrowed it, I really design'd to be honest, and did not question but I should have my Estate again, and then I had been able also, and would have paid him to a Penny, but it has proved otherwise; and tho' I would pay him, if I had it, yet I am not able. Well, but, says the Merchant again, Did you not call me Knave, tho' I lost my Estate Abroad, by unavoidable Disasters, as you have lost yours at Home? Did you not upbraid me, because I could not pay? I would have paid every Body, if I could, as well as you. Why truly, says the Gentleman, I was a Fool, I did not consider what it was to be brought to Necessity, I ask you Pardon.*

Now, let's carry on this Story: The Merchant compounds with his Creditors, and paying every one a just Proportion, as far as 'twill go, gets himself discharg'd; and being bred to Business, and industrious, falls into Trade again, and raises himself to good Circumstances; and at last, a lucky Voyage, or some Hit of Trade, sets him above the World again: The Man remembering his former Debts, and retaining his Principle of Honesty, calls his old Creditors together; and tho' he was formerly discharg'd from them all, voluntarily pays them the Remainder of their Debts. The Gentleman being bred to no Business, and his Fortune desperate, goes Abroad, and gets into the Army, and behaving himself well, is made an Officer; and still rising by his Merit, becomes a great Man, but in his new Condition troubles not his Head with his former Debts in his native Country, but settles in the Court and Favour of the Prince, under whom he has made his Fortunes, and there sets up for the same honest Man he did before.

Они размахивают иском на право владения его землями, выселяют его арендаторов, и человек попадает в неприятности, он в замешательстве и преследуется по закону. Слишком высокие таксы тяжбы вскорости лишают его всех наличных денег, а его ренты приостанавливаются, и вот он совершает первое посягательство на свою честность (*согласно своим же прежним правилам*): он идет к другу, чтобы занять денег, говорит ему, что этот вопрос будет решен, как он надеется, быстро, рента вернется к нему, и тогда он выплатит долг. И он действительно намерен сделать это. Но потом его постигает разочарование: проходит суд, он проиграл, и его право на имущество оказывается утраченным. Его отец был обманут, и он не только теряет имущество, но и должен вернуть ту арендную плату, что он получал. Итак, человек разорен, у него нет ни пени, чтобы купить хлеба или как-то помочь себе, и, кроме этого, он не может вернуть занятые в долг деньги.

Теперь обратимся к его соседу-торговцу, которого он так во всеуслышанье называл обманщиком, не оправдавшим доверия. К этому времени тот разобрался с кредиторами и снова съездил за границу, и он встречает того на улице в его стесненных обстоятельствах. *«Что ж, – говорит торговец, – почему ж вы не заплатите моему двоюродному брату, своему старому соседу, денег, которые вы одолжили?» – «Это так, – говорит он, – потому что я потерял все свое состояние и не могу заплатить. Увы, мне даже не на что жить».* – *«Да, но, – отвечает торговец, – не стали ли вы обманщиком, заняв денег, которые теперь не можете вернуть?»* *«Что ж, и это так, – говорит джентльмен, – когда я одалживал их, я действительно намеревался быть порядочным и не сомневался, что верну свое имущество, тогда бы я был в состоянии заплатить ему все до последнего пени, но случилось совсем обратное, и я отдал бы долг, если бы у меня были деньги, и все же сейчас я не могу этого сделать».* – *«Хорошо, но, – говорит торговец снова, – не вы ли называли меня лжецом, хотя я потерял свое состояние за рубежом из-за непреодолимых бедствий, тогда как вы лишились имущества в собственной стране? Разве не вы укоряли меня, когда я не мог выплатить долг? Я бы так же, как и вы, заплатил всем, если бы мог».* – *«Что ж, это правда, – говорит джентльмен, – я был дураком; я не понимал, что это было вызвано нуждою, и я прошу прощения».*

Давайте же продолжим эту историю. Торговец частично улаживает долги по соглашению со своими кредиторами, выплатив каждому из них справедливую часть из остатков своего имущества, насколько это возможно, получает долговое освобождение и возвращается к делу. Он трудолюбив и снова берется за торговлю, поднимается до благополучного состояния, и в конце концов удачный [торговый] вояж или иной большой куш вновь возвышают его над миром. Человек, помня об остатках своих прежних долгов и соблюдая принцип честности, созывает вместе своих старых кредиторов, и хотя ранее он уже получил долговое освобождение, добровольно выплачивает им оставшуюся часть [долга]. Высокородный же джентльмен, не приспособленный к делу, в отчаянном положении уезжает за границу, поступает на службу в армию и, зарекомендовав себя хорошо, становится офицером, а после – по заслугам своим – и большим человеком, но и в новом своем положении он не забывает старых долгов на родине,

I think I need not ask which of these two are the honest Man, any more than which was the honest Penitent, the Pharisee or the Publican.

Honesty, like Friendship, is try'd in Affliction; and he that cries out loudest against those who in the Time of this Tryal are forc'd to give Ground, would perhaps yield as far in the like Shock of Misfortune.

To be honest when Peace and Plenty flows upon our Hands, is owing to the Blessing of our Parents; but to be honest, when Circumstances grow narrow, Relations turbulent and quarrelsome, when Poverty stares at us, and the World threatens; this Blessing is from Heaven, and can only be supported from thence. God Almighty is very little beholding to them, who will serve him just as long as he feeds them. 'Twas a strong Argument the Devil used in that Dialogue between Sathan and his Maker about *Job*. *Yes he is a mighty good Man, and a mighty just Man, and well he may, while you give him every Thing he wants: I wou'd serve you my self, and be as true to you as Job, if you wou'd be as kind and as bountiful to me, as you are to him: But now, do but lay your Finger on him; do but stop your Hand a little, and cut him short; strip him a little, and make him like one of those poor Fellows that now bow to him, and you will quickly see your good Man be like other Men; nay, the Passion he will be in at his Losses, will make him curse you to your Face.* 'Tis true, the Devil was mistaken in the Man, but the Argument had a great deal of Probability in it, and the Moral may be drawn, both from the Argument and from the Consequences.

I. That 'tis an easy Thing to maintain the Character of Honesty and Uprightness, when a Man has no Business to be employ'd in, and no Want to press him.

II. That when Exigences and Distresses pinch a Man, then is the Time to prove the Honesty of his Principle.

The prosperous honest Man can only by boasting tell the World his he is honest, but the distress'd and ruin'd honest Man hears other People tell him he is honest.

In this Case therefore, since Allowance must be made for human Infirmities, we are to distinguish between an Accident and a Practice. I am not pleading to encourage any Man to make no Scruple of trespassing upon his Honesty in Time of Necessity: But I cannot condemn every Man for a Knave, who by unusual Pressures, Straits, Difficulties, or other Temptation, has been left to slip, and do an ill Action, as we call it, which perhaps this Person would never have stoop'd to, if the Exigence had not been too great for his Resolution. The Scripture says of *David*, *He was a Man after God's own Heart*; and yet we have several Things recorded of him, which, according the modern Way of censuring People in this Age, would have given him the Character of a very ill Man: But I conceive, the Testimony of *David's* Uprightness, given us so authentickly from the Scripture, is given from this very Rule, That the Inclination of his Heart, and the general Bent of his Practice, was to serve and obey his Great Sovereign Benefactor, however, human Frailty, back'd with Extremities of Circumstances, or powerful Temptations, might betray him,

но подвизается при дворе и в фаворе у принца, где он сделал свое состояние, и уж там слышет тем же честным человеком, что и прежде.

Я думаю, мне не нужно спрашивать, кто из этих двоих является порядочным человеком, равно как и то, кто из тех двоих воистину раскаялся – фарисей или мытарь³⁰.

Честность, как и дружба, проверяется в несчастье. И тот, кто громче всех выступает против тех, кто во время такого испытания принуждены сдаться, возможно, отступит так же при подобном ударе судьбы.

Быть честным, когда мир и изобилие сами текут нам в руки, благодаря молитвам наших родителей, [проще простого]; но оставаться честным, когда обстоятельства ухудшаются, отношения становятся нестабильными и конфликтными, когда нищета глядит нам в глаза и весь мир угрожает нам, – тогда благословение приходит с Небес и может быть дано только оттуда. Господь Всемогуший почти не снисходит до тех, кто служит Ему, только пока Он дает им хлеб насущный. Этот сильный аргумент дьявол использовал в диалоге между Сатаной и его создателем об *Иове*. *Да, он непорочный и чрезвычайно справедливый; еще бы он не был таким, когда Ты даешь ему все, что он хочет. Я бы сам служил Тебе и был бы так же верен, как Иов, если бы Ты был так же добр и щедр ко мне, как к нему; но теперь не тронь его [Иова] и пальцем; придержи руку дающего и оставь его, заставь его терпеть лишения, сделай его подобным тем беднякам, которые поклоняются ему, и ты быстро увидишь, как этот добрый человек станет таким же, как и другие люди; нет, страдание, которое причинят ему такие потери, заставит его проклинать Тебя в лицо*³¹. Верно, что дьявол ошибся в этом человеке, но этот аргумент все же нес в себе большую вероятность того, [что так может быть], и можно извлечь мораль как из аргумента [Сатаны], так и из того, что может последовать:

I. Легко сохранять честность и праведность, когда человек не вовлечен ни в какое дело и бедность не давит на него.

II. Когда же нужда и бедствия застигнут человека, тогда и настанет время, чтобы доказать честность своих принципов.

Преуспевающий честный человек может только в порыве хвастовства говорить миру, что он честен, но разорившийся честный человек, оказавшись в тяжелых обстоятельствах, слышит, как другие люди говорят о нем, как он честен.

Итак, в этом случае, коль скоро необходимо иметь в виду человеческие слабости, мы должны проводить различие между чрезвычайными и обычными обстоятельствами. Я вовсе не призываю поощрять любого человека, не задумываясь, поступаться своими [принципами] во время нужды. Но я не могу клеймить как лжеца каждого человека, который оступился и совершил неприглядный поступок под давлением вынужденных обстоятельств, трудностей или других искушений – поступок, который он, возможно, никогда бы не совершил, если бы острая нужда его не была слишком велика. В Писании говорится о *Давиде*: *Он был мужем по сердцу Господу*; и все же есть несколько случаев, повествующих о нем, которые, согласно современным суждениям о людях, придают ему характер очень плохого человека³². Но я думаю, свидетельство праведности *Давида*, данное нам так достоверно в Писании, вытекает из этого самого правила: склонностью его сердца и общей линией поведения было служить и повиноваться своему

to commit Actions which he would not otherwise have done. The Falling into a Crime, will not denominate a Man dishonest; for *humanum est errare*. The Character of a Man ought to be taken from the general Tenour of his Behaviour, and from his allowed Practice. David took the *Shew-Bread* from the Priests, which it was not lawful for him to eat. David knew, that God, who commanded the *Shew-Bread* should not be eaten, had however commanded him by the Law of Nature, not to be starv'd; and therefore, press'd by his Hunger, he ventures upon the Commandment. And the Scripture is very remarkable in expressing it, David *when he was an hungry*: And the Occasion for which our Blessed Lord himself quoted this Text, is very remarkable. viz. to prove, that Things otherwise unlawful, may be made lawful by Necessity, *Matth. XII. 4.*

Another Time, David in his Passion resolves the Destruction of *Nabal* and all his Family, which, without Doubt, was a great Sin; and the Principle which he went upon, to wit, Revenge for his churlish and saucy Answer to him, was still a greater Sin; but the Temptation back'd by the Strength of his Passion, had the better of him at that Time: And this upright honest Man had murder'd *Nabal* and all his House, if God had not prevented him.

Many Instances of like Nature the Scripture has left upon Record, giving Testimony to the Character of good Men, from the general Practice and Bent of their Hearts, without leaving any Reproach upon them for particular Failings, tho' those Sins have been extraordinary provoking, and in their Circumstances scandalous enough.

If any Man would be so weak as from hence to draw Encouragement to allow himself in easy Trespasses upon his Honesty, on the Pretence of Necessities, let him go on with me to the further End of this Observation, and find room for it if he can.

If ever the honest Man I speak of, by whatsoever Exigence or Weakness, thus slips from the Principle of his Integrity, he never fails to express his own Dislike of it; he acknowledges up-all Occasions, both to God and to Man, his having been overcome, and been prevail'd upon to do, what he does not approve of; he is too much asham'd of his own Infirmary, to pretend to vindicate the Action, and he certainly is restor'd to the first Regulation of his Principles, as soon as the Temptation is over. No Man is fonder to accuse him than he is to accuse himself, and he has always upon him the sincere Marks of a Penitent.

'Tis plain from hence, that the Principle of the Man's Integrity is not destroy'd, however, he may have fallen, tho' seven times a Day; and I must while I live reckon him for an honest Man.

Nor am I going about to suppose, that the Extremities and Exigencies which have press'd Men of the best Principles, to do what at another time they would not do, make those Actions become less Sinful, either in their own Nature or Circumstances. The Guilt of a Crime with respect to its being a Crime, viz. an Offence against God, is not removed by the Circumstances of Necessity. It is without Doubt a Sin for me to steal

Высшему Благодетелю несмотря на то, что человеческая уязвимость, усугубленная чрезвычайными обстоятельствами или сильнейшими искушениями, вела его к совершению поступков, которых он иначе не совершил бы. Падение человека не означает его нечестности, ибо *humanum est errare*³³. Характер человека можно вывести из его поведения в целом и из поступков, которые он себе позволяет. Давид взял у жрецов *священный хлеб*, который по закону он есть не мог. Давид знал, что Бог, который повелел, что священный хлеб не должен быть съеден, тем не менее, также повелел ему не голодать по закону природы, поэтому, ведомый голодом, Давид решается нарушить заповедь. Писание очень примечательно описывает это: «Давид, *когда он был голоден*». Повод, по которому наш благословенный Господь сам процитировал этот текст, очень любопытен: это было сделано для того, чтобы доказать, что вещи, противозаконные в других обстоятельствах, по необходимости могут быть признаны законными (Мф. 12:4)³⁴.

В другой раз Давид, [охваченный] яростью, решил наказать *Навала* и всю его семью, что, без сомнения, было большим грехом. И принцип, которым он, по свидетельствам, руководствовался, чтобы отомстить за его дерзкий и непристойный ответ, был еще большим грехом. Но искушение, подкрепленное силой его ярости, в полной мере овладело им. И этот праведный честный человек убил бы *Навала* и все его семейство, если бы Бог не помешал ему³⁵.

Много подобных случаев оставило нам Писание, свидетельствуя о характерах хороших людей, об их поступках в целом и об искушении их сердец, не упрекая их в то же время в конкретных недостатках, хотя их грехи были чрезвычайно тяжкими и в тех обстоятельствах весьма постыдными.

Если какой-либо человек окажется настолько слаб, что выведет отсюда позволение с легкостью преступить [принципы] честности под предлогом нужды, пусть он дойдет со мной до конца этого наблюдения и найдет для этого возможность, если сможет.

Если когда-либо честный человек, о котором я говорю, по какой бы то ни было нужде или слабости отказывается от принципа добросовестности, он никогда не перестает выражать свою неприязнь [по отношению] к такому поступку. Он всегда признает свое падение как перед Богом, так и перед людьми. Он признает, что был вынужден совершить поступок, который сам не одобряет. Он слишком стыдится собственной слабости, чтобы притворяться и оправдывать свои действия, и он, безусловно, возвращается к своим изначальным принципам, как только испытание завершается. Ни один человек не обвиняет его с такой же страстью, как он сам, и он всегда несет печать истинного раскаяния.

Таким образом, становится ясно, что принцип добросовестности не нарушен, сколь низко бы он ни пал, хоть семь раз на день³⁶, и я должен, пока жив, считать его честным человеком.

Я также не собираюсь допускать, что трудности и нужда, которые заставили самых порядочных людей совершать то, что в другое время они никогда бы не совершили, хоть как-то уменьшают [степень] греховности подобных поступков и в их природе, и по обстоятельствам. Вина преступления – в том, что оно является преступлением, а именно преступлением против Бога, и не снимается

another Man's Food, tho' it was to supply Starving Nature; for how do I know whether he whose Food I steal may not be in as much Danger of Starving for want of it, as I; and *if not*, 'tis taking to my own Use what I have no Right to, and taking it by Force or Fraud; and the Question is not as to the Right or Wrong, whether I have a Necessity to eat this Man's Bread or no; but whether it be his or my own? If it be his, and not my own, I cannot do it without a manifest Contempt of God's Law, and breaking the Eighth Article of it, *Thou shalt not Steal*. Thus as to God, the Crime is evident, let the Necessity be what it will.

But when we are considering human Nature subjected by the Consequences of *Adam's* Transgression, to Frailty and Infirmary; and regarding things from Man to Man, the Exigencies and Extremities of streightned Circumstances seem to me to be most prevailing Arguments, why the Denomination of a Man's general Character ought not, *by his fellow Mortals (subject to the same Infirmities)* to be gathered from his Mistakes, his Errors or Failings, no not from his being guilty of any extraordinary Sin, but from the Manner and Method of his Behaviour. Does he go on to commit Frauds, and make a Practice of his Sin? Is it a Distress? Is it a Storm of Affliction, and Poverty has driven him upon the Lee Shore of Temptation? Or is the Sin the Port he steer'd for? a Ship may by Stress of Weather be driven upon Sands and dangerous Places, and the Skill of the Pilot not be blameable; but he that runs against the Wind, and without any Necessity, upon a Shelve which he sees before him, must do it on purpose to destroy the Vessel, and ruine the Voyage.

In short, if no Man can be call'd honest, but he who is never overcome, to fall into any Breach of this Rectitude of Life; none but he who is sufficiently fortified against all Possibility of being tempted by prospects, or driven by Distress, to make any Trespass upon his Integrity; Woe be unto me that Write, and to most that Read, where shall we find the honest Man?

The Scripture is particularly expressive of this in the *The Righteous Man falleth seven times a Day, and riseth again*. Why, this is very strange, if a Man come, to commit seven Crimes in a Day, that is, many, for the Meaning is Indefinite, can this be an honest Man?: What says the World of him? Hang him, he is a Knave, a Rascal, a Dishonest Fellow; this is the Judgment of Men: But in the Judgment of Scripture this may be a Righteous Man.

The main Design of this Head, and the proper Application of it is, to tell us we ought not be too hasty to Brand our Brother for his Sins, his Infirmities or Misfortunes, since he that is Dishonest in your Eyes, by a casual or other Crime which he Commits, may rise from that Disaster by a sincere Repentance, and be to morrow an honest Man than thy self in the Eyes of his Maker.

But here I am assaulted with another censorious honest Man; here you talk of falling to Day, and rising again to Morrow; Sinning and Repenting; why here is

обстоятельствами непреодолимой силы. Без сомнения, украсть пропитание у другого человека – грех, пусть даже он был совершен для удовлетворения голода. Ибо как я могу знать, что тот, чью пищу я краду, не подвергается такой же опасности погибнуть от голода, как и я? Даже если это не так, я забираю то, на что не имею права, и забираю силой или мошенничеством. И вопрос не в том, правильно это или неправильно, есть ли у меня [острая] необходимость съесть хлеб этого человека или нет, а в том, принадлежит ли тот хлеб ему или мне. Если этот хлеб принадлежит ему, а не мне, я не могу украсть его без явного презрения к закону Божьему и не нарушив восьмую заповедь: *Не укради*. Таким образом, в глазах Бога преступление очевидно, и неважно, нужна ли подтолкнула к нему или нет.

Но когда мы знаем о том, что человеческая природа вследствие грехопадения Адама оказалась слабой и нестойкой³⁷, и судим каждого человека по отдельности, то нужда и чрезвычайные или стесненные обстоятельства кажутся мне преобладающим фактором в *защиту аргумента, что смертные (то есть подверженные тем же слабостям)* не могут судить о личности каждого человека по его ошибкам, грехам или недостаткам. Нет, и не по тому, что он виновен в каком-либо ужасном грехе, но по манере и способу его поведения. Продолжает ли человек мошенничать и упорствовать в своем грехе? В тяжелых ли он обстоятельствах? А может быть, жизненные бури, скорбь и нищета прибили его к подветренному берегу искушения³⁸? Или грех – тот порт, в который он стремился? Корабль может из-за каприза погоды выбросить на мель и в другие опасные места, и мы не виним мастерство лоцмана; но тот, кто идет против ветра и без всякой на то необходимости на риф, который он видит перед собой, скорее всего, делает это специально, чтобы уничтожить судно и загубить предприятие.

Короче говоря, если ни один человек не может быть назван честным, за исключением тех, кто ни разу не впали в искушение нарушить праведную жизнь, кто достаточно сильны, чтобы сопротивляться соблазнам и преодолевать бедствия, посягающие на их добросовестность, то горе мне, что пишу, и большинству тех, кто читает! [Однако ж] где найти честного человека?

В Писании эта идея особенно подчеркнута такими словами: *Ибо семь раз упадет праведник, и встанет*. Как же так, ведь это очень странно: если человек совершает семь преступлений на дню – то есть много, здесь смысл во множестве – как может он быть честным? Что говорят о нем в мире? Повесьте его. Он мошенник, негодяй, бесчестный малый. Таков суд людской, но, по Писанию, он может считаться праведником.

Основной замысел этого стиха и надлежащее истолкование его – завещать нам, что мы не должны слишком поспешно клеймить нашего брата за его грехи, его слабости или несчастья. Так как тот, кто совершил непреднамеренное или другое преступление и нечестен в ваших глазах, может выбраться из этого бедствия [благодаря] искреннему покаянию и завтра же стать в глазах своего Создателя более праведным человеком, чем ты сам.

Но здесь я сталкиваюсь с другим критически настроенным честным человеком. Ты говоришь о падении сегодня и возрождении завтра, о грехе и покаянии,

a Fellow has cheated me of 500 l. and he comes canting to me of his Repentance, tells me he hopes God has forgiven him; and it would be hard for me to call to Remembrance what God has wip'd out; he is heartily sorry for the Fault, and the like, and begs my Pardon, that is, begs my Estate indeed: For what's all this to my Money, let him pay me and I'll forgive him too; God may forgive him the Sin, but that's nothing to my Debt.

Why truly, in Answer to this in Part, you are in the Right if the Man be able to make you any Satisfaction, and does not do it; for I question not, but every Trespass of this Nature requires Restitution, as well as Repentance; Restitution as far as the possible Power of the Party extends; and if the last be not found, the first is not likely to be sincere.

But if the Man, either is not able to make you any Restitution at all, or does make you Restitution to the utmost of his Capacity, and then comes and says as before; then the Poor Man is in the Right, and you in the Wrong; for I make no Question likewise to affirm, and could prove it by unanswerable Arguments, *He may be an Honest Man who cannot pay his Debts, but he cannot be an Honest Man who can, and does not.*

Innumerable Accidents reduce Men from Plentiful Fortunes to mean and low Circumstances; some procur'd by their own Vices and Intemperance, some by Infirmities, Ignorance, and meer want of Judgment to manage their Affairs: Some by the Frauds and Cheats of other Men, some by meer Casualty and unavoidable Accidents, wherein the Sovereignty of Providence shews us, that the Race is not to the Swift, or the Battle to the Strong, or Riches to Men of Understanding.

First, Some by Vices and Intemperance are reduc'd to Poverty and Distress: Our Honest Man cannot fall in the Misfortunes of this Class, because there the very Poverty is a Sin, being produc'd from a sinful Cause. As its far from being allow'd, as an Excuse to a Murderer, to say he was in Drink, because it is excusing a Crime with a Crime: So for a Man to ruin his Fortunes, as the Prodigal in the Gospel, with riotous Living, all the Effects are wicked and dishonest, as they partake of the Dishonesty of the Cause from whence they proceed: For he cannot be an honest Man, who wants wherewith to pay his Debts, after having spent what should have discharg'd them, in Luxury and Debauches.

Secondly, Some by Ignorance and want of Judgment to manage their Affairs, are brought to Poverty and Distress; these may be honest Men, notwithstanding their Weakness, for I won't undertake that none of our honest Men shall be Fools: 'Tis true the good Man, is the wise Man, as to the main Part of Wisdom, which is included in his Piety, but many a Religious Man who would not do any Wrong wilfully to his Neighbour, is oblig'd at last to injure both his own Family, and other People's, for want of Discretion to guide him in his Affairs, and to judge for himself: and therefore I dare not Tax all our Fools with being Knaves, nor will I say but such a Man may be Honest.

значит, если некий тип обманет меня на 500 фунтов и придет ко мне плакаться о своем покаянии, говоря, что надеется, что Бог уже простил его, то мне будет трудно взыскать с него то, что Господь уже отпустил. Он искренне сожалеет о [своей] вине и тому подобное и просит моего прощения, то есть на самом деле вымогает мое имущество. И что в этом покаянии для моих денег? Пусть он заплатит мне, тогда и я прощу его. Бог мог простить ему грех, но это не имеет отношения к его долгу.

Что ж, действительно, – могу я ответить на это, – вы находитесь в своем праве, если человек может вернуть вам долг и не делает этого. Ибо я не подвергаю сомнению то, что каждое нарушение такого рода требует не только покаяния, но и возврата [долга] – вернуть столько, сколько возможно. И если последнее отсутствует, то и первое вряд ли будет искренним.

Но если человек либо совершенно не в состоянии заплатить вам, либо выплачивает часть долга, но на пределе своих возможностей, а затем приходит и говорит то, что описано выше, то бедный человек прав, а вы – нет. Ибо я совершенно не сомневаюсь и могу привести неоспоримые доводы, что *может быть честен тот, кто не в состоянии оплатить долги свои, но не тот, кто может заплатить, но не платит.*

Неисчислимы случайности низвергают чрезвычайно обеспеченных людей до бедственно низкого положения. Одни пали из-за своих собственных пороков и неумеренности, другие – по слабости и невежеству и просто по недостатку рассудительности в управлении своими делами, некоторые – обманом и мошенничеством посторонних, некоторые – из простой случайности и неизбежных несчастных случаев, в которых власть Провидения показывает нам, что в гонке не всегда побеждает самый быстрый, в битве – самый сильный, а богатства не всегда достаются разумному³⁹.

Во-первых, некоторые впадают в нищету и терпят бедствия из-за собственных пороков и невоздержанности. Наш честный человек не может быть ввергнут в несчастья такого рода, потому что тут сама бедность является грехом, будучи производной от греховных поступков. Так же, как убийце не разрешается приводить в оправдание то, что он был пьян, поскольку это означает оправдывать преступление другим преступлением, так и человек, разорившийся вследствие развратной жизни, подобно евангельскому блудному сыну, влечет своим поступком порочные и бесчестные последствия, так как они являются частью тех бесчестий, от которых происходят; тот не может быть честным человеком, кто хочет отпущения долгов после того, как спустил средства для их оплаты на роскошь и разврат⁴⁰.

Во-вторых, некоторых к нищете и страданиям приводят невежество и недостаток рассудительности в управлении делами. Это могут быть и честные люди, несмотря на их слабости, ибо я не буду ручаться, что среди них нет дураков. Верно, что добрый человек – это мудрый человек в той главной составляющей мудрости, что заключается в его благочестии. Но многие набожные люди, которые умышленно не сделали бы своему соседу ничего плохого, в конце концов причиняют ущерб собственной семье или другим из-за недостатка осмотрительности в делах и самостоятельных суждений. Поэтому я не осмелюсь заклеить всех дураков

Some will say, but such a Man should not venture into Business, which he is not able to manage, and therefore 'twas the Vice of his Understanding, and like the Case in the first Article, is excusing a Fault with a Fault.

I cannot allow this, for if I am askt why a Fool ventures into Trade, I answer, because he is a Fool, not because he is a Knave.

*If Fools could their own Ignorance discern,
They'd be no longer Fools, because they'd learn.*

If you would convince a Man that he wants Discretion, you must give him Discretion to be convinc'd: 'Till then he cannot know he has it not, because he has it not. No Man is answerable, either to God or Man, for that which he never was Master of: The most proper Expression that ever I met with in this Nature, was of a certain Ideot or Natural, which a Gentleman of my Acquaintance kept in his Family, who being on his Death-Bed, was observ'd to be very pensive, and much concern'd about dying; the Gentleman sent a Minister to him, who as well as he could to his Understanding, discoursed with him about Death and Judgment to come; the poor Creature who was hardly ever able to give a rational Answer to a Question before, after hearing him very attentively, broke out into Tears with this Expression, *That he hoped God would not require any Thing of him, that he had not given him Judgment to understand.* Whatever it may be as to the Soul, I am positive in the Case of human Affairs, no Man is answerable to Man for any more than his Discretion; Events are not in our Power, a Man may be nicely Honest in Life, tho' he may be weak enough in Judgment.

Thirdly, Some are ruin'd, and are yet merely passive, being either defrauded and cheated by Knaves, or plundered and rifled by Thieves, or by immediate Casualties, as Fire, Enemies, Storms, Floods, and the like; these are Things which neither touch the Man's Honesty, nor his Discretion. Thus *Job* was by God's Permission and the Agency of the Devil, reduc'd in a Moment from a plentiful Estate to be as naked as he came out of his Mother's Womb: I would fain ask those who say, no Man can be an honest Man if he does not pay his Debts, who paid *Job's* Debts if he own'd any, and where was his Dishonesty, if he did not pay them? I still readily grant that he cannot be an honest Man who does not pay his Debts if he can; but if otherwise, then the Words ought to be altered, and they should say, he cannot be an honest Man who borrows any Money, or buys any Thing upon his Credit, and this cannot be true.

But since I have led myself into the Argument, I cannot but make a small Digression concerning People who fail in Trade: I conceive the greatest Error of such is their Terror about Breaking, by which they are tempted while their Credit is good, tho' their Bottom be naught, to push farther in; expecting, or at least hoping, by the Profits of some happy

обманщиками, но и не назову такого человека честным. Некоторые скажут, что такой человек не должен пускаться в предприятие, которым он не в состоянии управлять, следовательно, это проблема его способностей, и, как и в первом случае, это оправдание ошибки другой ошибкой.

Я не согласен с этим, и если меня спросят, почему дурак решается пуститься в торговлю, я отвечу – потому что он дурак, а не потому, что обманщик.

*И коли б осознали неведение свое глупцы,
То сразу перестали б ими быть*⁴¹.

Если вы убеждаете человека, что он должен быть осмотрителен, вы должны продемонстрировать ему осмотрительность, чтобы он убедился [в ее пользе]. До тех пор он не может знать того, чего у него нет, поскольку его нет. Ни один человек не подготовлен ни Богу, ни [другому] человеку за то, чего он никогда не знал. Самый удачный пример, что мне когда-либо встречался в этой связи, был один идиот или простак, которого мой знакомый джентльмен приютил в своей семье и который, находясь на смертном одре, стал весьма печален и был очень озабочен [приближением] смерти. Джентльмен призвал к нему священника, который как можно доступнее его понимание обсудил с ним смерть и грядущий суд. Бедный малый, который вряд ли раньше мог дать рациональный ответ на какой-либо вопрос, выслушал его очень внимательно и расплакался с такими словами: дескать, *он надеется, что Бог не потребует от него ничего из того, о чем Он не дал ему возможности судить*. Чем бы это ни было в отношении души, я уверен, что в человеческих делах ни один человек не отвечает перед другим больше, чем по собственному уразумению. Мы не можем влиять на исход событий; человек бывает достаточно честен в жизни, но весьма слаб в суждениях.

В-третьих, некоторые из них разорились, и все же не по своей вине – они были либо обмануты и обведены вокруг пальца мошенниками, либо обокрадены и ограблены ворами, либо стали жертвами несчастных случаев – пожаров, [нападений] врагов, штормов, наводнений и тому подобного. Это события, которые не касаются ни честности человека, ни его благоразумия. Так, *Иов* был с Божьего соизволения и по наущению дьявола низвергнут в один момент от изобилия к такому обнаженному состоянию, каковым он вышел из чрева своей матери⁴². Я бы спросил тех, кто говорит, что ни один человек не может быть честным, если он не отдает свои долги, кто же выплатил долги *Иова*, если он был должен кому-либо, и где была его нечестность, если он их не оплатил? Я все еще охотно допускаю, что не может быть честным тот, кто не отдает свои долги, если он в состоянии сделать это. Но если верно и другое, то слова должны быть изменены, и они должны звучать так: не может быть честным тот, кто занимает деньги или покупает что-нибудь в кредит. А это невозможно.

Но так как я начал этот спор, я не могу не сделать небольшое отступление в отношении людей, которые терпят неудачу в торговле. Я считаю, что самая большая ошибка таких – страх перед признанием банкротства, который побуждает их, пока не иссякло к ним доверие, хотя и средства уже исчерпаны, поднажать еще, ожидая или, по крайней мере, надеясь вернуть себе положение

Voyage, or some lucky Hit, as they call it, to retrieve their Circumstances, and stand their Ground.

I must confess, I cannot vindicate the Honesty of this; for he, who knowing his Circumstances to be once naught, and his Bottom worn out; ought not in Justice to enter into any Man's Debt; for Then he Trades on their Risque, not on his own, and yet Trades for his own Profits, not theirs; this is not fair, because he deceives the Creditor, who ventures his Estate on that Bottom which he supposes to be good, and the other knows is not. Nay, tho' he really pays this Creditor, he is not honest; for in Conscience, his former Creditors had a Right to all his Effects, in Proportion to their Debts; and if he really pays one all, and the rest but a Share, 'tis a Wrong to the whole.

I would therefore advise all Tradesmen, who find their Circumstances declining, as soon, at least, as they first discern themselves to be incapable of paying their Debts, if not, while yet they can pay every one all, make a full Stop, and call all People together; if there is enough to pay them all, let them have it, if not, let them have their just Shares of it; by this Means you will certainly have God's Blessing, and the Character of an honest Man, left to begin again with; and Creditors are often prevail'd with, in Consideration of such a generous Honesty, to throw back something to put such a Man in a Posture to live again; or by further voluntary Credit and Friendship, to uphold him. This is much better also with respect to Interest, as well as Honesty, than to run on to all Extremities, till the Burthen falls too heavy, either for Debtor or Creditor to bear: This would prevent many of the Extremities, which, I say, puts the Honesty of a Man to so extraordinary a Tryal.

An honest Principle would certainly dictate to the Man, if it were consulted with, that when he knows he is not able to pay, it is not lawful for him to borrow. Taking Credit is a Promise of Payment; a Promise of Payment is tacitly understood, and he cannot be honest who promises what he knows he cannot perform, as I shall note more at large on another Head. But if the Man be paid, yet it was not an honest Act; 'twas deceiving the Man, and making him run a greater Risque than he knew of, and such a Risque as he would not have run, had he known your Circumstances and Bottom, as you do; so that here is Deceit upon Deceit.

This I know is a disputed Point, and a Thing which a great many practise, who pass for very honest Men in the World; but I like it not the better for that; I am very positive, that he who takes my Goods on the Foot of his Credit, when if he should dye the next Day, he knows his Estate will not pay me five Shillings in the Pound; tho' he should not dye, but does pay me at the Time appointed, is as much guilty of a Fraud, as if he actually robb'd my House. Credit is a receiv'd Opinion of a Man's Honesty and Ability, his Willingness to pay, and his having wherewith to pay; and he who wants either of these, his Credit is lame. Men won't sell their Goods to a litigious quarrelsome Man, tho' he be never so rich, nor to a needy Man, tho' he

каким-то счастливым вояжем или удачной сделкой, как они это называют, и устоять на ногах.

Я должен сказать, что не могу признать честность такого поступка. Тот, кто знает, что его положение трудно и состояние его на нуле, по справедливости не должен влезать в долги, потому что после этого он торгует не на свой собственный риск, а с риском для кредиторов, и все же он торгует для своей собственной прибыли, а не их. Это несправедливо, потому что он обманывает кредитора, вверявшего свои средства предприятию, которое считает крепким, а другой знает, что это не так. Нет, хотя он действительно заплатит этому кредитору, он нечестен. Ибо, по совести, его бывшие кредиторы имели право на все его прибыли пропорционально его долгам, и если он действительно заплатит все одному, а остальным – только часть, это неправильно в целом.

Поэтому я бы посоветовал всем торговцам, которые видят, что их дела ухудшаются, если уж не в тот момент, пока они все еще могут отдать все долги, то, по крайней мере, как только они впервые найдут себя не способными платить, приостановить дела и созвать всех [своих] кредиторов. Если есть достаточно средств, чтобы заплатить всем, пусть они заберут все. Если же нет, пусть они возьмут свои части по справедливости. Это означает, что вы, безусловно, получите Божье благословение, и звание честного человека останется с вами, чтобы начать с начала. Да и кредиторы частенько решают с учетом такой исключительной порядочности подкинуть еще немного, чтобы позволить такому человеку снова встать на ноги, или поддержать его добровольным продлением кредита и своею дружбой. Это гораздо лучше в отношении процентов и [сохранения] репутации, чем пускаться во все тяжкие, пока бремя не станет слишком тяжелым для должника или кредитора. Это предотвратило бы многие такие случаи, которые, я думаю, подвергают честность человека столь чрезмерному испытанию.

Человек, который руководствуется принципом честности, если только внимать ему, непременно знает, что когда он не в состоянии заплатить, то он не вправе и брать в долг. Заем кредита является обещанием его погашения, что предполагается по умолчанию, и не может считаться честным [человек], сознательно давший слово, которое он сдержать не может, о чем я больше напишу в следующей главе. И если даже вы и вернули долг, все-таки это был нечестный поступок, а обман, подвергший человека большему риску, чем он предполагал, не зная о ваших обстоятельствах и банкротстве так же хорошо, как вы сами. Так что здесь обман на обмане.

Я знаю, что это спорный момент и прием, который практикуют очень многие, слышущие в мире исключительно честными людьми, но от этого обман не становится меньшим в моих глазах. Я совершенно уверен, что тот, кто принимает мои товары в кредит и знает, что, умри он на следующий день, из всего его состояния я не получу и пяти шиллингов за фунт⁴³, столь же виновен в мошенничестве, как если бы он на самом деле ограбил мой дом, хотя в итоге он не умирает и платит мне в назначенное время. Кредит – это полученное заключение о честности и платежеспособности человека, о его готовности платить и о том, что у него имеются средства и возможность заплатить. И тому, кому недостает чего-то из перечисленного,

be never so honest. Now, if all the World believe I am honest and able, and I know I am not the last, I cannot be the first, if I take their Goods upon Credit; 'tis vain to pretend, Men Trade upon the general Risque of Men's Appearance, and the Credit of common Fame, and all Men have an equal Hazard. *I say no*: Men may venture their Estates in the Hands of a flourishing Bankrupt, and he by Virtue of his yet unshaken Credit is trusted; but he cannot be honest that takes this Credit, because he knows his Circumstances are quite otherwise than they are suppos'd to be, that the Man is deceiv'd, and he is privy to the Deceit.

This Digression is not so remote from the purpose, as I expected, when I began it; the Honesty that I am speaking of, chiefly respects Matters of Commerce, of which Credit and Payment of Debt are the most considerable Branches.

There is another Article in Trade, which many very honest Men have made familiar to themselves, which yet I think, is in no Case to be defended; and that is relating to Counterfeit Money. Custom, before the old Money was suppress'd in *England*, had prevail'd so far upon Honesty, that I have seen some Men put all their Brass Money among their running Cash, to be told over in every Sum they paid, in Order to have somebody or other take it; I have heard many People own they made no Scruple of it, but I could never find them give one good Reason to justify the Honesty of it.

First, They say it comes for Money, and it ought to go so: To which I Answer, that is just as good a Reason as this: a has cheated me, and therefore I may Cheat B. If I have received a Sum of Money for good, and knowing not that any of it is otherwise, offer it in Payment to another: This is Just and Honest; but, if on this other Man's telling it over, he returns me a Piece of Brass or Counterfeit Money which I change again, and afterwards knowing this to be such, offer the same Piece to another: I know no worse Fraud in its Degree in the World, and I doubt not to prove it so beyond Contradiction.

If the first Person did not take this Piece of Money, it was because being both watchful and skilful, he could discover it; and if I offer it to another 'tis with an Expectation, that he being either less watchful or less skillful, shall overlook it, and so I shall make an Advantage of my Neighbour's Ignorance, or want of Care.

I'll put some parallel Cases to this, to illustrate it: Suppose a blind Man comes into a Shop to buy Goods of me, and giving me a Guinea to change, I shall give him the Remainder in bad Money; would not every Body say 'twas a barbarous Thing? Why the other is all one, for if the Person be ignorant of Money, he is blind as to the Point in Hand; and nothing can be more unfair than to take the Advantage.

кредит не подходит. Люди не отдадут [в кредит] свои товары сутяжнику и вздорному человеку, пусть тот и будет ни в чем ни нуждающимся богачом, и пусть тот будет самым честным. Теперь, если все вокруг считают, что я честен и платежеспособен, а я знаю, что последнее неверно, я тоже не могу считаться честным, принимая их товары в кредит. Напрасно делать вид, что люди совершают сделки только на доверии к человеческой репутации и общей кредитоспособности и что все имеют равные шансы. *Это далеко не так*: человек может потерять свое состояние из-за приближающегося к катастрофе банкротства, которому доверяет в силу его безупречной кредитной истории. Но не может быть честен тот, кто получает этот кредит, потому что он знает, что его обстоятельства не столь благоприятны, какими он их представляет, что кредитор обманут и он сам причастен к обману.

Это отступление не так далеко от цели, какую я преследовал, когда начал его: честность, о которой я говорю здесь, в основном касается вопросов торговли, из которых кредит и выплата долга являются наиболее значительными.

Есть еще одна сторона торговли, с которой знакомы многие очень честные люди и которую, я думаю, ни в коем случае не нужно оправдывать, [она] касается фальшивых денег. До того, как старые монеты в *Англии* были выведены из употребления⁴⁴, традиция настолько преобладала над честностью, что я видел, как некоторые смешивали все свои [старые] латунные деньги с наличными для повседневных сделок, чтобы они были в каждой сумме, которую те платили, и таким образом они могли сбыть монеты тому или другому. Я слышал, многие признавались, что совершенно не стесняются этого, но я никогда не мог заставить их привести хоть один веский довод для оправдания такого поступка.

Во-первых, они говорят: поскольку эти монеты пришли как деньги, они должны и уйти так же, на что я отвечаю, что это столь же хорошая причина, как, например: А. обманул меня, и поэтому я могу обмануть Б. Если я получил сумму денег как полноценную, не зная, что какая-либо из монет старая, я предлагаю ее в качестве оплаты другому, это справедливо и честно. Но если другой покупатель совершил сделку и он возвращает мне фальшивую монету или подделку, которые я меняю снова, а потом, зная, что это фальшивка, сбываю ту же монету следующему, — худшей степени мошенничества я не знаю в целом мире, и я не сомневаюсь, что смогу доказать это бесспорно.

Если первый человек не принял эту фальшивку, так это потому, что он сумел распознать ее, будучи одновременно бдительным и опытным. Но если я предложу фальшивку другому с тем расчетом, что тот, будучи либо менее бдительным, либо менее опытным, не распознает ее, то получится, что я воспользуюсь невежеством или недостатком внимания моего соседа.

Приведу несколько случаев, подобных этому, чтобы прояснить его. Предположим, что слепой пришел в магазин, чтобы купить у меня товар, и дает мне гинею на размен, а я даю ему сдачу фальшивыми деньгами, так не скажут ли все: «Это варварский поступок»? Что ж, точно так же и в первом случае, ведь если человек не разбирается в деньгах, он все равно что слеп, и нет ничего более несправедливого, чем воспользоваться своим преимуществом.

Suppose again a young Boy, or a Servant newly entred in Trade, is sent to buy Goods, and by his Master's Order, he asks for such a Commodity; and you presuming upon the Rawness of the Messenger, deliver a Sort of meaner Quality, and take the full Price of him; would you grudge to be used scurvily for such a Trick? Why, no less or better is Offering Brass for Silver, presuming only the want of Care or Skill in the Receiver, shall pass it unobserv'd.

Ay, but says a learned Tradesman who would be thought honester than ordinary, I always change it again, if it be brought back: Yes Sir, so does a PickPocket give you your Handkerchief again when you have fasten'd on him, and threaten'd him with the Mob. The Matter in short is this; if the Man whom you have cheated, can cheat no Body else, then no Thanks to you; when he comes to you, and charges the Fraud upon you, you'll make Satisfaction, because if you won't, the Law will compel you to it.

But if the Fraud may be carried on, as you are manifestly willing, consenting, and instrumental in it that it should; behold the Consequence, your first sin against Honesty is multiplied in all the Hands thro' whom this Piece of bad Money knowingly so passes, till at last it happens to go single to a poor Man that can't put it off, and the Wrong and Injury may issue where it was wanted to buy Bread for a starving Family.

All the Excuses I could ever meet with could never satisfy me, that it can consist with Honesty, to put Brass or Copper away for Gold or Silver, any more than it would, to give a blind Messenger Sand instead of Sugar, or brown Bread instead of white.

Of HONESTY in Promises.

Man is known by his Word, and an Ox by his Horns, says an old English Proverb. If I understand the true Meaning of it, 'tis, that the Honesty of a Man is known by his punctual observing his Word, as naturally and plainly as any Creature is known by the most obvious Distinction. 'Tis the peculiar Quality of an honest Man, the distinguishing Mark to know him by. His Word or Promise is as sacred to him in all his Affairs in the World, as the strongest Obligation which can be laid on him; nor is it a Thing form'd by him from settled Resolutions, or Measures of Policy taken up of course to raise or fix his Reputation; but 'tis the native Produce of his honest Principle: 'Tis the Consequence, and his Honesty is the Cause; he ceases to be Honest, when he ceases to preserve this solemn Regard to his Word.

Предположим далее, что маленький мальчик или слуга, недавно поступивший на службу, послан что-то купить, и по приказу хозяина он просит некий товар. И торговец, рассчитывая на неопытность посланника, продаст сорт худшего качества, но возьмет с него полную цену. Затаите ли вы обиду, если вас так низко используют? Ведь это не хуже и не лучше подмены олова серебром, связанной с недостатком внимания или опыта у получателя, который пропустит монету незамеченной.

«Да, но...» — скажет опытный торговец, который считается честнее среднего. — Я всегда обменяю монету обратно, если ее возвратят». Да, сэр, так же и карманник отдаст вам ваш носовой платок, когда вы приперли его к стене и угрожаете ему расправой толпы. Дело, короче говоря, состоит в том, что если человек, которого вы обманули, не сможет обмануть никого другого, то вовсе не благодаря вам. Когда он вернется, обвиняя вас в мошенничестве, вы удовлетворите его требование, ведь не сделайте вы этого — закон принудит вас.

Но если вы собираетесь получить прибыль [ценой] мошенничества, к чему вы явно готовы, согласны и действуете, чтобы это совершилось, то вот вам следствие. Ваш изначальный грех против честности умножается в других руках, которые сознательно передают эту фальшивую монету, пока в конце концов она не попадает к бедному человеку, который не сможет избавиться от нее. И ущерб будет нанесен там, где монета была так необходима, чтобы купить хлеб для голодного семейства.

Все примеры, с которыми я когда-либо сталкивался, свидетельствовали в том, что выдать олово или медь за золото или серебро равносильно тому, как если бы дать слепому посыльному песок вместо сахара или черный хлеб вместо белого.

О ЧЕСТНОСТИ в обещаниях

« человек известен своим словом, а бык — своими рогами, как говорится в старой английской пословице. Если я правильно понимаю ее смысл, он в том, что честный человек определяется по точному соблюдению [им] своего слова. Что столь же естественно и явно, как любое существо узнается по своей наиболее очевидной особенности. Эта особенность честного человека — его отличительный знак. Слово или обещание для него во всех его мирских делах так же священны, как самое строгое обязательство, которое может быть возложено на него. Это не результат сформировавшихся умозаключений или некая стратегия, направленные на то, чтобы повисить или восстановить свою репутацию. Нет, это естественный результат его принципа честности.

If he gives his Word, any Man may depend upon it, for the Safety of his Life or Estate; he scorns to prevaricate or shift himself off from the punctual Observance of it, tho' it be to his Loss.

I can't abate an honest Man an Inch in the punctual Observance of a Promise made upon Parole, if it be in the Man's possible Power to perform it, because there seems to be something too base to consist with Honesty in the very Nature of a Man that can go back from his Word.

The Reverence our Ancestors paid to their Promises, or Word past, I am of the Opinion, gave that remarkable Brand of Infamy and Scandal upon the Affront of giving the Lie; a *Gentleman*, which is, in short, the modern Term for *an honest Man*, or, a Man of Honour, cannot receive a greater Reproach, than to be told, *he lies*; that is, that he forfeits his Word, breaks his Veracity; for the Minute he does that, he ungentlemaens himself, disgraces the Blood of his Family, degenerates from his Ancestors, and commences Rake, Scoundrel, and any Thing.

Some People, who have run their Points of Honour to the Extrems, are of the Opinion, that this Affront of the Lie ought not to be given to any Thing they call a Gentleman, or that calls himself so, till he has so far exposed himself to all other Degrees of Infamy, as to bear Kicking, or Caning, and the like; that after this, when he breaks his Word, he may be told, *he lies*, or any Thing else; but till then, the very Thing it self is so intolerable an Abuse, that the Person who ventures to trespass so foully on the Rules of good Manners, deserves not the Honour of fair Play for his Life: But as some Beasts of Prey are refused the fair Law of the Field, and are knock'd down in every Hedge; so these, like Bullies and meer Rakes, may be pistol'd in the Dark, and stabb'd at the Corner of an Alley; that is to say, any Measure may be used with them, to dismiss them from the Society of Mankind, as Fellows not sufferable in the Commonwealth of good Manners.

I do not argue for these Extremes; but I instance in this, to testify the Veneration all good Men have for the Word or Promise of an honest Man, and the Esteem which the Integrity of the Mind express'd by a zealous Regard to the Words of the Mouth, have obtain'd in the World. The French, when they express themselves in Vindication of their Honour, always bring it about by this, *Je suis homme de Parole*, I am an honest Man, or a Man of my Word; that is, I am a Man that may be trusted upon my Parole; for I never break my Word.

Such was the Value put upon the Promises of Men in former Time, that a Promise of Payment of Money was recoverable in our Courts by Law, till the Inconveniencies prov'd so many, that an Act was made on Purpose to restrain it to a Sum under ten Pounds: But to this Day, if a Man promises Marriage to a Woman, especially if she has granted him any Favours upon that Condition, the Laws of the Land, which therein have Regard to the Laws of Honour, will oblige

Это следствие, причина которого – [сама] его порядочность. Человек перестает быть честным, когда перестает сохранять священное отношение к данному им слову.

Если он дает слово, любой может верить ему неприкосновенность своей жизни или имущества. Он с презрением смотрит на то, чтобы уклониться от точно соблюдения своего слова или изменить ему, пусть и в ущерб себе.

Я не могу сбить порядочного человека ни на дюйм в точном соблюдении обещания, данного им под честное слово, и выполнении его, насколько это посилено, потому что в самой природе человека, способного отказаться от данного им слова, есть, очевидно, нечто действительно низменное.

Почтительное отношение наших предков к своим обещаниям и данному слову, я считаю, сформировало [среди нас] то обстоятельство, что оскорбление, нанесенное обманом, несет на себе печать позора и скандала. Для *джентльмена*, если говорить о современном обозначении *честного человека*, или человека чести, и не может быть худшего упрека, как если его назовут *лжецом*, то есть скажут, что он отказывается от своего слова и нарушает обещание. В ту же минуту, как он совершает это, он «разджентльменивает» себя, позорит кровь своей семьи, становится ублюдком, распутником, негодяем и т. д.

Те люди, чьи суждения о чести доходят до крайностей, считают, что обвинение во лжи непозволительно в отношении того, кого они называют джентльменом или кто так именует себя, пока он настолько не покрывает себя сам всеми возможными степенями позора, что его побьют ногами и палками и т. п. И уж после того, как он нарушает свое слово, ему можно сказать, что *он лжет*, или что-то еще, но до тех пор такое обвинение – столь невыносимое оскорбление, что человек, осмелившийся столь нагло нарушить правила хорошего тона, не заслуживает в своей жизни чести и справедливости. Подобно тем из диких зверей, которым отказывают в справедливой защите по закону об охоте и подстреливают у каждой изгороди, этих людей, как хулиганов и просто распутников, можно пристрелить в темноте и пырнуть ножом за углом переулка. То есть с ними можно сделать что угодно, лишь бы исключить их из человеческого общества как лиц, непереносимых в содружестве хороших манер.

Я не согласен с такими крайностями, но использую этот пример, чтобы свидетельствовать о почитании слова честного человека всеми добрыми людьми и о почтении, которое в мире получила разумная добросовестность, выраженная уважительным отношением к данному слову. Французы, выражая подтверждение своей чести, всегда говорят так: «Je suis homme de parole»⁴⁵, «Я честный человек» или «Я – человек слова». То есть я человек, которому можно верить на слово, потому что я никогда его не нарушаю.

Ценность обещаний в прежние времена была такова, что обещание выплаты денег можно было возместить в наших судах по закону, пока неудобства не оказались столь велики, что был принят закон, ограничивающий эту сумму десятью фунтами⁴⁶. Но и по сей день, если мужчина обещает взять женщину в жены, особенно если она выразила ему свою благосклонность на этом основании, законы страны, которые в этом отношении основаны на законах чести, обяжут его

him to make it good, and allow it to be a sufficient Plea to forbid his marrying with any body else.

There are innumerable Instances of the Veneration all Nations pay to the expressive Article of human Veracity. In the War, you meet with frequent Instances of Prisoners dismiss'd by a generous Enemy, upon their Parole, either to pay their Ransom, or to procure such or such Conditions, or come back and surrender themselves Prisoners; and he that should forfeit this Parole, wou'd be posted in the Enemy's Army, and hiss'd out of his own.

I know nothing a wise Man would not chuse to do, rather than by breaking his Word, give the World such an undeniable Testimony of his being a Knave: This is that good Name which *Solomon says is better than Life, and is a precious Ointment, and which, when a Man has once lost, he has nothing left worth keeping.* A Man may even hang himself out of the Way; for no Man that looks like a Man, will keep his Company.

When a Man has once come to breaking his Word, no Man, that has any Value for his Reputation, cares to be seen in his Company; but all good Men shun him, as if he were infected with the Plague.

There are Men indeed, who will be exceeding punctual to their Words and Promises, who yet cannot be call'd honest Men, because they have other Vices and Excursions that render them other Ways wicked: These give their Testimony to the Beauty of Honesty, by chusing it as the best Mask to put a Gloss upon their Actions, and conceal the other Deformities of their Lives; and so Honesty, like Religion, is made Use of to disguise the Hypocrite, and raise a Reputation upon the Shadow, by the Advantage it takes of the real Esteem the World has of the Substance: I say of this Counterfeit-Honesty, as is said of Religion in like Cases. If Honesty was not the most excellent Attainment, 'twould not be made Use of as the most specious Pretence; nor is there a more exquisite Way for a Man to play the Hypocrite, than to pretend an extraordinary Zeal to the Performance of his Promises; because, when the Opinion of any Man's Honesty that Way, has spread in the Thoughts of Men, there is nothing so great, but they will trust him with, nor so hard, but they will do it for him.

All Men reverence an honest Man; the Knaves stand in Awe of him, Fools adore him, and wise Men love him; and thus is Virtue its own Reward.

Honest Men are in more Danger from this one Hypocrite, than from 20 open Knaves; for these have a Mark plac'd upon them by their general Character, as a Buoy upon a Rock to warn Strangers from venturing upon it: But the Hypocrites are like a Pit cover'd over, like Shoals under Water, and Danger conceal'd which cannot be seen. I must confess, I have found these the most dangerous, and have too deeply suffer'd by throwing my self on their Protestations of Honesty: The Esteem I always entertain'd of the most beautiful Gift God has bestow'd, or Man could receive, has made me the easier to be deceiv'd with the Resemblance of it.

So much as I, or any one else, by the Vitiousness of our own Nature, or the prevailing Force of Accidents, Snares, and Temptations, have deviated from this shining Principle,

сделать это по правилам, и это обещание будет признано достаточным, чтобы запретить ему жениться на ком-то еще.

Есть неисчислимы́е примеры почитания всеми народами человеческой правдивости как исключительного качества. На войне часто встречаются примеры того, как великодушный враг отпускает пленных под честное слово – либо для того, чтобы они принесли выкуп, либо чтобы выторговать те или иные условия, либо чтобы они позже вернулись и снова сдались. И тот, кто нарушает такое слово, будет опозорен в армии противника и изгнан, освистанный, из своей собственной.

Нет ничего такого, что не предпочел бы мудрый человек, дабы не нарушить свое слово и не дать миру неоспоримое доказательство того, что он лжец. Это то самое доброе имя, о котором *Соломон говорил, что оно важнее, чем жизнь, что оно – как драгоценное миро*⁴⁷, и что если человек однажды потерял его, у него не остается ничего, что стоило бы сохранить. Он может даже удавиться, потому что ни один приличный человек больше не составит ему компанию.

Если кто-то однажды нарушает свое слово, ни один человек, который заботится о своей репутации, не желает видеть его в своей компании. Все добрые люди избегают его, словно чумного.

Есть и такие люди, которые чрезмерно точны в своих обещаниях и честном слове, но все же их нельзя назвать честными, потому что у них есть другие пороки и изъяны, которые делают их несправедливыми. Эти дают заверения в своей честности, выбрав ее в качестве наилучшей маски, чтобы приукрасить свои поступки и скрыть другие пороки своей жизни; здесь честность, как и религия, используется для того, чтобы замаскировать лицемера и бросить тень на доброе имя, используя уважение, которым мир ее наделяет. Я скажу об этой притворной честности, как говорится о религии в подобных случаях. Если бы честность не была самым выдающимся достижением, ее бы не использовали как самое благовидное прикрытие. И нет для человека более изощренного способа притворства, как изображать чрезмерное рвение к выполнению своих обещаний, вот почему, когда мнение о честности кого бы то ни было распространится в умах людей, нет ничего, что бы они ни доверили ему, никаких трудностей, на которые они бы не пошли ради него.

Все люди почитают честного человека. Лжецы от него в восторге, дураки обожают его, а мудрецы любят. Да, добродетель – сама по себе воздаяние.

Честные люди находятся в большей опасности от одного такого лицемера, чем от двадцати откровенных обманщиков. Ибо последние отмечены общим знаком, предупреждающим чужеземцев, как бакен, о присутствии [подводного] камня, дабы не наткнуться на него. Но лицемеры подобны ловчей яме, отмели под водой, скрытой опасности, которую невозможно увидеть. Должен признаться, что нахожу таковых опаснее всего и также познал тяжкие страдания, поведшись на их заверения в честности. Уважение, которое я всегда испытывал к самому прекрасному дару, ниспосланному Богом или полученному человеком, заставляло меня легко обманываться его подобием.

Насколько я или кто-либо другой – по порочности ли нашей собственной природы или в силу непреодолимых обстоятельств, житейских неприятностей

so far we have been foolish, as well as wicked; so much we have to repent of towards our Maker, and be ashamed of towards our Neighbour.

For my Part, I am never backward to own, let who will be the Reader of these Sheets, that to the Dishonour of my Maker, and the just Scandal of my own Honesty, I have not paid that due Regard to the Rectitude of this Principle, which my own Knowledge has own'd to be its due; let those who have been juster to themselves, and to the Giver of it, rejoice in the Happiness, rather than triumph over the Infirmity.

But let them be sure, they have been juster on their own Parts; let them be positive, that their own Integrity is untainted, and would abide all the Tryals and Racks, that a ruin'd Fortune, strong Temptations, and deep Distresses, could bring it into: Let them not boast till these Dangers are past, and they put their Armour off; and if they can do it then, I will freely acknowledge, they have less need of Repentance than I.

Not that I pretend, as I noted before, and shall often repeat, that these Circumstances render my Failing, or any Man's else, the less a Sin, but they make the Reason, Why we that have fallen, should rather be pity'd than reproach'd by those who think they stand; because, when the same Assaults are made upon the Chastity of their Honour, it may be every jot as likely to be prostituted as their Neighbours.

And such is the Folly of Scandal, as well as the Blindness of Malice, that it seldom fixes Reproach upon the right Foot: I have seen so much of it, with respect to other People, as well as my self, that it gives me a very scoundrel Opinion of all those People whom I find forward to load their Neighbours with Reproach. Nothing is more frequent in this Case, than to run away with a Piece of a Man's Character, in which they err, and do him Wrong; and leave that Part of him untouched which is really black, and would bear it; this makes me sometimes, when with the humblest and most abasing Thoughts of my self, I look up, and betwixt God and my own Soul, cry out, *What a Wretch am I!* at the same time smile at the hair-brain'd Enemy, whose Tongue tipt with Malice, runs ahead of his Understanding, and missing the Crimes for which I deserve more than he can inflict, reproaches me with those I never committed. Methinks I am ready to call him back, like the Huntsman, when the Dogs run upon the Foil, and say, hold, hold, you are wrong; *take him here, and you have him.*

I question not but 'tis the same with other People; for when Malice is in the Heart, Reproach generally goes a Mile before Consideration, and where is the Honesty of the Man all this while? This is trampling upon my Pride, *sed majori fastu*; but with greater Pride; 'tis exposing my Dishonesty, but with the highest Knavery; 'tis a Method no honest Man will take, and when taken, no honest Man regards; wherefore, let none of these Sons of Slander take Satisfaction in the frequent Acknowledgments I am always ready to make of my own failing, for that Humility with which I always find Cause to

и искушений – отклонились от этого блестящего принципа, насколько далеко мы зашли в глупости и безнравственности, настолько же глубоко мы должны раскаяться перед нашим Создателем и устыдиться перед нашим ближним.

Пусть читающий эти строки знает: со своей стороны я никогда не устаю признавать, что, неся бесчестье моему Создателю и причиняя ущерб моей репутации, я не всегда отдавал должное почтение правильности этого принципа, хотя осознавал, что должен. Пусть лучше те, кто были более рассудительными по отношению к себе и к Дающему это, возрадуются во счастья, нежели восторжествуют над немощью.

Но все же пусть они будут уверены, что были справедливее по отношению к себе. Пусть они действительно уверятся в том, что их собственная порядочность не запятнана и выдержит все испытания и муки, в которые могут ввергнуть их разорение, великие искушения и тяжкие страдания. Пусть они не хвалятся, пока эти опасности не минули и они не сложили своих успехов. И если они могут это сделать, то я открыто признаю, что они меньше нуждаются в покаянии, чем я⁴⁸.

Как я уже отмечал выше и буду часто повторять, я не желаю притворяться, что эти обстоятельства делают мое падение, как и [падение] любого другого человека, меньшим грехом, но они показывают причину того, почему мы, падшие, скорее достойны сожаления, нежели порицания со стороны тех, кто думают, что они устояли, потому что когда непорочность их чести подвергнется подобному насилию, она столь же вероятно будет запятнана, как и [непорочность] их ближнего.

И такова бессмысленность скандала, а также ослепленность злобой, но упреки редко наставляют на праведный путь. Я видел так много подобного – по отношению к другим людям, а также к себе, что составил низкое мнение обо всех тех, кто, как я вижу, бросаются на ближнего с упреками, как о негодях. В этом случае очень часто нападают на ту черту в характере человека, в которой они (эти негодяи) ошибаются, причиняют ему зло и оставляют нетронутой другую сторону его характера, действительно черную, которая выдержит эти нападки. Это заставляет меня иногда возопить, когда я возвожу глаза к Небесам с самыми смиренными и униженными размышлениями о себе, об [отношениях] между Богом и моей собственной душой: *Бедный я человек!*⁴⁹; и в то же время смеяться над легкомысленным врагом, язык которого источает злобу, прежде чем тот подумает, и не замечает преступления, за которые я заслуживаю большего наказания, чем он может мне причинить, но попрекает меня в том, чего я никогда не делал. Думаю, я готов отозвать его, как охотник, когда собаки напали на [неверный] след, и сказать: «Стой, стой, ты ошибся; *возьми след здесь, и ты его поймал*».

Не сомневаюсь, что то же случилось с другими людьми. Когда злоба поселилась в сердце, в упреках обыкновенно пренебрегают доводами разума. И что же было в это время с честным человеком? Это все равно, что попить мою гордость, *sed majori fastu*⁵⁰, однако еще большей нечестностью⁵¹. Это значит разоблачать мою нечестность, но с самой искусной ложью. Это способ, к которому не прибегнет ни один честный человек. А когда он уже использован, ни один честный человек не сочтет его достойным внимания. Поэтому пусть ни один

look into my own Heart, where I see others worse, and more guilty of Crimes than they can lay to my Charge, yet makes me look back upon their Weakness with the last Contempt, who fix their impotent Charges where there is not Room to take hold, and run away with the Air, and Shadow of Crimes never committed.

I have instanc'd this, not at all on my own Account, for 'tis not worth while; for if I am injur'd, what's that to troubling the World with, when I am forgotten; but while I am examining the nicest Article in the World, Honesty, I cannot but lay down these three Heads from the preceding Observations.

1. *He who is forward to reproach the Infirmities of other Mens Honesty, is very near a Breach of his own.*

2. *He that hastily reproaches another without sufficient Ground, cannot be an honest Man.*

3. *Where there may be sufficient Ground of Reproach, yet an honest Man is always tender of his Neighbour's Character from the Sense of his own Frailty.*

But I return to Honesty, as it affects a Man's pledging his Word, which is the Counterpart of his Principle, and this because as I said, I should chiefly regard this Honesty, as it concerns human Affairs Conversation, and Negotiation.

And here I meet with a Tradesman come just in from dunning one of his Neighbours: Well, I have been at a Place for Money, says *he*, but I can get none; there's such a one, he passes for an honest Man, but I am sure he is a great Rogue to me, for he has promised me my Money a long Time, but puts me off still from Time to Time; he makes no more of breaking his Word, than of drinking a Glass of Beer. I am sure he has told me forty Lies already; this is one of your honest Men, if all such honest Men were hang'd we should have a better Trade; and thus he runs on.

If all such honest Men were hang'd, they that were left might have a better Trade, but how many of them would there be?

Now tho' I shall no Way vindicate Mens hasty Promises absolutely to perform what is doubtful in the Event, yet I cannot agree, that every Man who having promis'd a Payment, does not perform it, to his Time, is a Knave or a Lyar; if it were so, the Lord have Mercy upon three Parts of the City.

Wherefore, to state this Matter clearly, it must be taken a little to Pieces, and the Articles spoken to apart.

First, Without Question, when a Man makes a Promise of Payment to another on a set Day, knowing in his own Thoughts that it is not probable he should be capable to

из этих сыновей клеветы не получит удовлетворения от частых признаний в моих собственных ошибках, которые я всегда готов сделать. Я всегда нахожу место смирению, заглядывая в свое собственное сердце, где я вижу тех [сыновей клеветы], кто хуже и виноваты в больших преступлениях, чем те [преступления], в которых они могут меня обвинять, но смирение заставляет меня оглянуться на их слабости с последней степенью презрения: они сосредоточивают свои бессильные обвинения там, где им не на чем задержаться, и исчезают с образом и тенью преступлений, которые никогда не совершались.

Я не приводил примеров из собственной жизни, она не стоит внимания, поскольку хоть мне и причинен ущерб – что он для мира, который забыл обо мне? Но в то время как я рассматриваю лучшее, что есть в мире – честность, я не могу не привести следующие три примера из моих предыдущих наблюдений.

1. *Тот, кто стремится упрекнуть в недостаточной порядочности других людей, подошел очень близко к потере своей собственной.*

2. *Тот, кто поспешно упрекает другого без достаточных на то оснований, и сам не может быть честным человеком.*

3. *Там, где может быть достаточно оснований для упрека, честный человек всегда деликатен по поводу нрава своего ближнего из чувства непостоянства собственного бытия.*

Но я возвращаюсь к честности, поскольку она влияет на то, как человек дает свое слово, которое является частью его принципов, потому что, как я уже сказал, я должен в первую очередь рассматривать честность в аспекте человеческих дел, разговоров и договоров.

И вот я встречаюсь с торговцем, только что вернувшимся от одного из своих соседей, из которого он выбивал долг. «Что ж, ходил я туда за деньгами, – *говорит он,* – но не смог получить ни пенни. Есть там такой, он слывет за честного человека, но я уверен, что он совершенный жулик, потому что он давно обещал вернуть мои деньги, но все еще переносит платеж дальше и дальше, ему нарушить слово не труднее, чем выпить стакан пива. Я уверен, что он уже сорок раз солгал мне. Вот вам один из ваших честных людей. Повесить бы всех таких честных – торговля стала бы [идти] лучше». И торговец бежит дальше.

Если бы все такие честные люди были повешены, у тех, кто остался, возможно, торговля и стала бы [идти] лучше, но сколько бы их осталось?

Итак, хотя я никоим образом не собираюсь оправдывать поспешные клятвы людей выполнять абсолютно точно то, что сомнительно в конкретном случае, но я не могу согласиться и с тем, что каждый человек, который, пообещав, не заплатил своевременно, обманщик или жулик. Если бы это было так – Господи, упаси три четверти горожан.

Далее, чтобы прояснить этот вопрос, нужно разделить его на составляющие и обсудить их по отдельности.

Первое. Без сомнения, когда человек дает обещание заплатить другому в установленный день, зная, что соблюсти это обещание для него маловероятно, или

comply with it, or really designing not to comply with it, or not endeavouring to comply with it: 'Tis a Deceit put upon the Party, 'tis a premeditated formal Lye, the Man that made it is a Stranger to Honesty, he is a Knave, and every Thing that is base and bad. But

Secondly, Promises ought to be understood both by the Person to whom, and the Person by whom, they are made as liable to those Contingencies that all human Affaris and Persons are liable to, as Death, Accidents, Disappointments, and Disorder: Thus, if a Man, who ought to pay me to Day, tells me, Sir, I cannot comply with you to Day, but if you call for it next Week, you shall have it.

If I may put this Answer into plainer *English*; and I suppose the Man to be an honest Man; I cannot understand his Meaning otherwise than thus:

“Sir, I acknowledge your Money is due; I have not Cash enough by me to pay you to Day; but I have several running Bills, and several Persons who have promised me Money, which I doubt not I shall receive against such a Time; and if you call then, I make no Question, but I shall be able to do it; and if it is possible for me to pay you, I will do it at that Time, without Fail.”

I confess, it were as well to express themselves thus at large, in all the Appointments People make for Payment; and would the Persons who make them consider it, they would do so: But Custom has prevail'd in our general Way of Speaking, whereby all Things that are subject to the common known Contingents of Life, or visible in the Circumstances of the Case, are understood without being expressed. For Example:

I make an Appointment of meeting a Man positively at such a Town, such a certain Day or Hour; if I were talking to a *Turk* or a *Pagan* that knows nothing, or believes nothing, of Supreme Providence; I would say, *If the Lord of Heaven and Earth that governs all my Actions, please to preserve and permit me*: But when I am talking to a Christian, it should seem to be so universally supposed, that every Appointment is subjected, and submits to the Government of Providence, that the Repetition would be needless; and that when a Man promises positively to meet, 'tis with a general *Subintelligitur*, a Reserve as natural as Nature it self, to the Divine Permission: All Men know, that unless I am alive, I cannot come there; or, if I am taken sick, both which may easily happen, I shall disappoint him: And therefore, if he shou'd urge me again to come without Fail, and I should reply, I won't fail, if I am alive and well, the Man ought to take it for an Affront, and ask me, if I take him for a Fool, to think, if I am taken sick, I should come with my Bed at my Back; or if Death should interveen, he had Occasion to speak with my Ghost.

In this Sense, a Tradesman who promises Payment of Money at a set Time; first 'tis supposed he has it not now in his Hands, because he puts off the Person demanding to a further Day, and promises to comply with it then: This Promise therefore, can be understood no otherwise, than that he expects to receive Money by that Time: Now, if this Man, by the like Disappointments from other Men, or any other involuntary

даже нарочно планируя не соблюдать его, это обман другого свойства – преднамеренная ложь. Человек, совершивший такое, не знаком с честностью – он мошенник, подлый и низкий человек.

Второе. Обещания должны быть поняты как тем, кому они даны, так и тем, кто их дает, как зависящие от тех непреодолимых обстоятельств, в которых разворачиваются все человеческие дела и от которых зависят все люди – [это] смерть, несчастные случаи, неудачи и беспорядки. Таким образом, человек, который сегодня должен мне заплатить, говорит: «Сэр, сегодня я не могу удовлетворить вас, но когда вы придете за деньгами на следующей неделе, вы их получите».

Если мне будет позволено привести этот ответ на более ясном английском, и если я полагаю, что этот человек честен, то я не могу понять его слова иначе, как следующим образом:

«Сэр, я признаю, что срок оплаты пришел. У меня нет достаточного [количества] наличных денег, чтобы заплатить вам сегодня, но у меня есть несколько неоплаченных счетов и несколько человек, которые обещали мне деньги, и я не сомневаюсь, что получу их к такому-то времени. И если вы придете тогда, я совершенно не сомневаюсь, что буду в состоянии вернуть вам долг. Если у меня появится возможность заплатить вам, я обязательно тотчас сделаю это».

Я признаю: было бы хорошо, если бы люди выражались таким образом на всех встречах, назначенных для оплаты [долгов], и если бы люди, назначающие их, задумывались об этом, они бы так и говорили. Но в привычку вошла наша обыденная болтовня, в которой все те вещи, что являются общеизвестными или очевидными в обсуждаемой ситуации, понимаются как сами собой разумеющиеся. Например:

Я назначаю встречу в таком-то городе в определенный день или час. Если бы я разговаривал с *турком* или *язычником*, который ничего не знает или совершенно не верит в высшее Провидение, я бы сказал: *Если Господь неба и земли, который управляет всеми моими действиями, соблаговолит хранить меня и разрешит мне.* Но когда я разговариваю с христианином, то должно казаться настолько обыденным, что любая наша встреча подчинена и определяется властью Провидения, что повторение было бы ненужным. Когда человек определенно обещает встретиться, он делает это с условием общего *subintelligitur*⁵², естественного, как сама природа, – Божественного соизволения. Все люди знают, что если я мертв или заболел, я не смогу прийти на встречу. Оба этих случая легко могут произойти, и я расстрою чьи-то планы. И, следовательно, когда он призовет меня обязательно прийти снова, а я отвечу: «Я не подведу вас, если только буду жив и здоров», он должен принять такой ответ за оскорбление и спросить меня, не держу ли я его за дурака, который будет ждать, что я приду больной, с кроватью за спиной, или, если вмешается смерть, он будет иметь возможность поговорить с моим призраком.

В этом смысле торговец, который обещает выплату денег в установленное время, во-первых, подразумевает, что сейчас денег на руках у него нет, поэтому он просит человека, требующего [вернуть] долг, перенести выплату на другой день, и обещает рассчитаться тогда. Таким образом, это обещание может быть понято не иначе как то, что он ожидает получить деньги к этому времени. Однако если

Casualty, is really and *bona fide* unable to comply with the Time of promised Payment; I cannot see, but this may befall an honest Man, and he neither designing to fail when he promised, nor being able to prevent the Accident that oblig'd him to do it, nor any way voluntary in the Breach, is not in my Opinion guilty of a Lie, or Breach of his Honour, tho' he did not make those verbal Reserves in the Promises he had given.

If every Man, who cannot comply with promised Payments, should be thus branded with Lying and Dishonesty, then let him, who is without the Sin, cast the Stone, for no body else ought to do it.

'Tis true, there is a Difference between an Accident, and a Practice; that is in short, there is a Difference between him who meets with a great many Occasions thus to break his Word, and he that meets with but a few: But if it be a Crime, he that commits it once, is no more an honest Man, than he that commits it forty Times; and if it be not a Crime, he that does it forty Times, is as honest as he that has Occasion to do it but once.

But let no Man take Encouragement from hence, to be prodigal of his Word, and slack in his Performance; for this nice Path is so near the Edge of the Pit of Knavery, that the least Slip lets you fall in.

These Promises must have Abundance of Circumstances to bring the honest Man out of the Scandal.

As, 1st. The Disappointments which occasioned this Breach of his Word, must have been unforeseen, and unexpected, otherwise the Expectation of performing his Promise, was ill grounded, and then his Honesty is answerable for the very making the Promise, as well as the breaking it.

2d. No Endeavours must be wanting to comply with the Promise; otherwise 'tis wrong to say, I am disappointed, and can't make good my Word; the Man ought to say, Sir, I have disappointed my self by my Negligence or Wilfulness, and have oblig'd my self to break my Word; or, in *English*, Sir, I am a Knave; for tho' I made you a Promise which I might have performed, I took no Care about it, not valuing the Forfeiture of my Word.

If then the Case is so nice, tho' in the Strictness of Speaking, such a Disappointment may oblige an honest Man to break his Word; yet every honest Man, who would preserve that Character to himself, ought to be the more wary, and industriously avoid making such absolute unconditional Promises, because we are to avoid the Circumstances of Offence.

этот человек благодаря подобным разочарованиям или иному невольному случаю на самом деле и *bona fide*⁵³ не в состоянии произвести вовремя обещанной оплаты, то я знаю, что такое может случиться и с честным человеком, который не задумывал нарушить свое слово, был не в состоянии предотвратить несчастный случай, заставивший его сделать это, либо каким-то иным образом невольно нарушил соглашение. Поэтому, на мой взгляд, он невиновен во лжи или нарушении своей чести, пусть он и не делал оговорки об этом [о чрезвычайных обстоятельствах] в обещаниях, которые давал.

Если каждый, кто не может вовремя выплатить обещанный долг, должен быть назван лгуном и бесчестным человеком, то пусть тот, кто без греха, бросит камень⁵⁴, потому что никто другой не должен этого делать.

Действительно, есть разница между случайностью и преднамеренным действием. То есть, если говорить коротко, есть разница между тем, кто оправдывает нарушение своего слова слишком большим количеством обстоятельств, и тем, кто лишь немногими. Если это будет преступление, то совершающий его однажды не более честен, чем совершающий то же преступление сорок раз. Если же это не преступление, то тот, кто делает это сорок раз, так же честен, как тот, кто делает это единожды.

Но пусть никто не найдет в моих словах побуждения [к тому, чтобы] отступать, подобно блудному сыну, от своего слова, и быть неточным в его исполнении, ведь эта узкая тропа лежит настолько близко к краю пропасти лжи, что и малейший промах может повергнуть вас в нее.

Эти доводы должны сопровождаться множеством оговорок, дабы уберечь честного человека от скандальной славы.

Итак, первая [оговорка]. Крушение планов, которое обусловило такое нарушение его слова, должно было быть непредвиденным и неожиданным, в противном случае то, что он собирался выполнить свое обещание, было плохо обосновано, и тогда за само обещание и за его нарушение отвечает только честное имя [этого] человека.

Вторая. Нельзя жалеть никаких усилий для выполнения обещания, в противном случае ошибочно будет утверждать: «Я сокрушен и не могу сдержать своего слова». [Вместо этого] человек должен сказать так: «Сэр, все мои планы расстроились по моему же недосмотру или недомыслию, и я сам вынудил себя нарушить слово»; или на простом *английском*: «Сэр, я обманщик; ибо, хотя я дал вам обещание, которое мог бы сдержать, я не позаботился об этом, недооценивая трудности выполнения своего слова».

Таким образом, случай решен, но, строго говоря, крушение планов хотя и может заставить честного человека нарушить свое слово, однако каждый честный человек, который желает сохранить это качество в себе, должен быть осторожным и старательно избегать таких абсолютно необоснованных обещаний, потому что мы тоже должны избегать обстоятельств их нарушения.

But as to the Nature of the Thing, 'tis plain to me, that a Man may in such Cases be obliged to break his Word unwillingly; and nothing can be a Fraud or dishonest Action in that Case, which is not either voluntary in it self, or the Occasion voluntarily procur'd.

Of Relative HONESTY.

S Honesty is simple and plain, without Gloss and Pretence, so 'tis universal: He that may uphold an untainted Reputation in one Particular, may be justly branded with Infamy in another. a Man may be punctual in his Dealings, and a Knave in his Relations; honest in his Ware-house, and a Knave at his Fire-side: He may be a Saint in his Company, a Devil in his Family; true to his Word, and false to his Friendship: But whosoever he be, he is no honest Man. An honest Man is all of a Piece, the whole Contexture of his Life, his general Conduct is genuine, and squar'd according to the Rules of Honesty; he never runs into Extremes and Excesses on one Hand or other.

I confess, I find this Thing, which they call *Relative Honesty*, very little thought of in the World; and that which is still worse, 'tis very little understood: I'll bring it down to but a few Examples; some of which frequently happen among us, and will therefore be the more familiarly receiv'd.

There are relative Obligations entail'd on us in our Family Circumstances, which are just Debts, and must be paid; and which, in a Word, a Man can no more be honest, if he does not make Conscience of Discharging, than he can in the Case of the most unquestionable Debts between Man and Man.

The Debts from Children to Parents, and from Wives to their Husbands, are in a Manner relatively chang'd, and the Obligation transferr'd into the Order of religious Duties. God the Guide and Commander of all Subordination, has as it were, taken that Part into his own Hand; 'tis rather call'd a Duty to him, than a relative Duty only: But if Men take this for a Discharge to them, of all relative Obligations to Wives and to Children, or that God had less required one than the other, they must act upon very wrong Principles.

Nature indeed dictates in general a Man's providing Subsistence for his Family, and he is declared to be so far from a Christian, that he is worse than an Infidel

Но что касается природы понятия [о честности], мне ясно, что в таких случаях человек может быть вынужден нарушить слово не по своей воле. Тогда это не является мошенничеством или нечестным поступком, поскольку это не добровольное отступление от слова и не «добровольно встреченная» случайность.

О ЧЕСТНОСТИ в семье

Какое количество честность проста и ясна без лоска и претенциозности, настолько же она универсальна. Тот, кто имеет незапятнанную репутацию в одном деле, может быть справедливо заклеймен позором в другом. Человек может быть пунктуальным в сделках, но обманщиком в отношениях. Честным на своем складе, но лжецом у камина. Он может быть святым в своей компании, но дьяволом в своей семье. Верным своему слову, но предателем в дружбе. Но кем бы он ни был, он нечестный человек. Честный человек – честный во всей своей жизни. Все его поведение подлинно и приведено в соответствие с правилами честности. Он никогда не ударяется в крайности и злоупотребления ни там, ни здесь.

Признаюсь, я нахожу, что в мире мало думают *о честности в семейных отношениях*, и что еще хуже, мало ее понимают. Приведу только несколько примеров, часто встречающихся среди нас и тем самым наиболее знакомых.

Есть относительные обязательства, налагаемые на нас нашим семейным положением, которые все равно что долги и должны быть выплачены. Одним словом, человек может быть не более честен, если сознательно не исполняет их, чем в случае самых настоящих долгов между людьми.

Долг детей перед родителями и жен перед мужьями в некоторой степени изменился, поскольку эти обязательства перенесены в религиозную сферу. Бог всемогущий и [Бог] вседержитель, как бы это ни было, держит все это в своей деснице. Это скорее долг перед Ним, чем перед кем бы то ни было [другим]. А если мужчины принимают это обстоятельство как освобождение от всех родственных обязательств перед женами и детьми или решают, что Богу требуется второго менее, чем первого, они поступают согласно совершенно неверным принципам.

Природа действительно диктует, что муж должен обеспечивать свою семью, и тот, кто пренебрегает этой обязанностью, объявляется нерадивым христианином

that neglects it: But there are other Parts of our Obligations, which Honesty calls upon us to perform.

A Wife and Children are Creditors to the Father of the Family; and he cannot be an honest Man that does not discharge his Debt to them, any more than he could, if he did not repay Money borrowed, to a Stranger and not to lead my Reader on to intricate and disputed Particulars; I instance principally in those that no body can dispute: As *First*, EDUCATION: By this I mean, not only putting Children to School, which some Parents think, is all they have to do with or for their Children; and indeed with some, is all that they know how to do, or are fit to do: I say, I do not mean this only, but several other additional Cares, as (1.) Directing what School, what Parts of Learning, is proper for them, what Improvements they are to be taught. (2.) Studying the Genius and Capacities of their Children, in what they teach them: Some Children will voluntarily learn one Thing, and can never be forc'd to learn another; and for Want of which observing the Genius of Children, we have so many learned Blockheads in the World, who are mere Scholars, Pedants, and no more. (3.) But the main Part of this Debt, which Relative Honesty calls upon us to pay to our Children, is the Debt of Instruction, the Debt of Government, the Debt of Example: He that neglects to pay any of these to his Family, is a *relative Knave*; let him value himself upon his Honesty, in paying his other Debts, as much as he will.

'Tis a strange Notion Men have of Honesty, and of their being honest Men, as if it related to nothing but Tradesmen, or Men who borrow and lend; or that the Title was obtain'd by an ordinary Observance of Right and Wrong between Man and Man. 'Tis a great Mistake, the Name of an honest Man is neither so easily gain'd, or so soon lost, as these Men imagine. David was a very honest Man, notwithstanding his Passion and Revenge in the Case of *Nabal*, his Murther in the Case of *Uriah*, or his Adultery in the Case of *Bathsheba*. The Intent and main Design of his Life was upright; and whenever he fell by the Power of that Temptation that overcame him, he rose again by Repentance.

Let no vain Men flatter themselves with the Pride of their Honesty, in mere Matters of Debtor and Creditor, tho' that's also absolutely necessary and essential to an honest Man.

But trace this honest Man home to his Family: Is he a Tyrant or a Churl to his Wife? Is he a Stranger to the Conduct and Behaviour of his Children? Is he an *Eli* to their Vices? Are they uninstructed, uncorrected, unexhorted, ungoverned, or ill governed? That Man's a *Knave*, a *relative Knave*; he neither does his Duty to God, or pays the Debt of a Husband, or of a Parent to his Wife or his Family.

Secondly, After the Debt of EDUCATION, there is the Debt of INDUCTION due from us to our Children. The Debt from a Parent is far from ending when the Children come

и становится хуже неверного, пренебрегающего ею [обязанностью]. Но честность призывает нас выполнять и другие пункты наших обязательств.

Супруга и дети являются кредиторами отца семьи, и он не может считаться честным человеком, если не выплачивает им этот долг,— не больше, как если бы он мог бы, но не возвращал деньги, взятые в долг у постороннего человека. И дабы не затянуть моего читателя в сложные спорные детали, я приведу такие примеры, которые никто не сможет оспорить. *Во-первых*, это образование. Под ним я имею в виду не только определение детей в школу — некоторые родители думают, что этого вполне достаточно для них. И в самом деле, иные и не умеют ничего более, и не приспособлены ни к чему другому. Я же говорю, что имею в виду не только это, но несколько других дополнительных обязанностей, таких как: (1) понять, какая школа и какие предметы для обучения являются правильными для них, какие знания им нужно преподавать; (2) определить склонности и способности своих детей в том, чему они их учат. Некоторые дети с удовольствием изучают одно, но их невозможно принудить выучиться другому; именно из-за отсутствия наблюдений за способностями детей в мире так много ученых болванов, просто школяров, педантов, но не более того; (3) но основная часть этого долга, который семейная честность призывает нас отдавать нашим детям, это долг наставления, долг руководства, долг примера. Тот, кто пренебрегает каким-либо из них по отношению к семье, *обманщик в родственных отношениях*, пусть он и ценит, сколько пожелает, свою честность в оплате других долгов.

Люди имеют странное представление о честности и том, насколько они честны, как будто бы честность не относится ни к чему, кроме торговли или занимающих и дающих в долг, будто бы это право достигается обычным соблюдением баланса правильного и неправильного [в отношениях] между людьми. Это большая ошибка. Звание честного человека не так легко получить, но и не так быстро [можно] потерять, как представляется. Давид был очень честным человеком, несмотря на его ярость и месть *Навалу*, убийство им Урии или его прелюбодеяние с Вирсавией⁵⁵. Намерение и основной жизненный помысел его были праведны. И всякий раз, когда он был низвергнут силою того искушения, которое одолевало его, он поднимался вновь благодаря покаянию.

Пусть ни один не льстит себе напрасно и не кичится своей честностью в простых делах должника и кредитора, хотя это также абсолютно необходимо и насушно для порядочного человека.

Но проследим за этим порядочным человеком дома, в его собственной семье. Тиран и скряга ли он для жены своей? Отстраняется ли он от наставления и руководства поведением детей своих? Не Илия ли он по отношению к их порокам⁵⁶? Быть может, они не обучены, не воспитаны, не имеют каких-либо убеждений и неуправляемы или [управляемы] с большим трудом? Этот человек — *лицемер в семейных отношениях*. Он не выполняет своего долга перед Богом и не отдает долг мужа и родителя своей жене и семейству.

Во-вторых, после обязанности [дать] ОБРАЗОВАНИЕ идет обязанность сопровождать СТАНОВЛЕНИЕ наших детей. Обязанности родителей не исчезают,

from School, as the Brutes who turn their Young off from them when they are just able to pick for themselves: It is our Business, doubtless, to introduce them into the World, and to do it in such a manner, as suits the Circumstances we are in, as to their Supply, and the Inclinations and Capacities of our Children: This is a Debt, the Want of paying which, makes many Children too justly reproach their Parents with neglecting them in their Youth, and not giving them the necessary Introduction into the World, as might have qualify'd them to struggle and shift for themselves.

Not to do this, is to ruine our Children negatively on one Hand, as doing it without Judgment, and without Regard to our Family Circumstances, and our Childrens Capacities, is a positive ruining them on the other. I could very usefully run out this Part into a long Discourse on the Necessity there is of consulting the Inclinations and Capacities of our Children, in our placing them out in the World. How many a martial Spirit do we find damn'd to Trade, while we spoil many a good Porter, and convert the able Limbs and Bones of a Blockhead into the Figure of a long Robe, or a Gown and Cassock?

How many awkward clumsy Fellows do we breed to Surgery, or to Musick, whose Fingers and Joints, Nature originally design'd, and plainly shew'd it us by their Size, were better suited for the Blacksmith's Sledge, or the Carpenter's Axe, the Waterman's Oar, or the Carman's Whip?

Whence comes it to pass, that we have so many young Men brought to the Bar, and to the Pulpit, with stammering Tongues; Hesitations, and Impediments in their Speech, unmusical Voices, and no common Utterance; while on the other Hand, Nature's Cripples, Bow-legg'd, Battleham'd, and half-made Creatures, are bred Tumblers and DancingMasters.

I name these, because they occur most in our common Observation, and are all miserable Examples, where the Children curse the Knavery of their Fathers, in not paying the Debt they ow'd to them as Parents, in putting them to Employments that had been suitable to their Capacities, and suitable to what Nature had cut them out for.

I came into a publick House once in London, where there was a black *Maletta* look'd Man sitting, talking very warmly among some Gentlemen, who I observ'd were listening very attentively to what he said; and I sat myself down, and did the like; 'twas with great Pleasure I heard him discourse very handsomly on several weighty Subjects; I found he was a very good Scholar, had been very handsomely bred, and that Learning and Study was his Delight; and more than that, some of the best of Science was at that Time his Employment: At length I took the Freedom to ask him, If he was born in *England*?

He reply'd with a great deal of good Humour in the Manner, but with an Excess of Resentment at his Father, and with Tears in his Eyes, Yes, yes, Sir, I am a true-born *English* Man, to my Father's Shame be it spoken; who being an *English* Man himself, could find in his Heart to join himself to a *Negro* Woman, tho' he must needs know, the Children he should beget, would curse the Memory of such an Action, and abhor his very Name for the sake of it. Yes, yes, says he, repeating

когда дети оканчивают школу. Но есть жестокие люди, выставляющие их за дверь, подобно животным, которые отказываются от своих детенышей, как только те научатся самостоятельно добывать пропитание. Несомненно, это наша задача – ввести их в мир и сделать это так хорошо, насколько позволяют обстоятельства, в которых мы находимся, чтобы обеспечивать их, учитывая их наклонности и возможности. Это долг, который исполняют недостаточно, что заставляет многих детей справедливо упрекать своих родителей в пренебрежении ими в молодости, в том, что те не ввели их [в большой мир] должным образом, что позволило бы им в дальнейшем бороться и справляться с жизнью самостоятельно.

С одной стороны, не делать этого – значит отрицательно повлиять на жизнь своих детей, но, с другой стороны, делать это без рассудительности и учета семейных обстоятельств и способностей детей – положительно погубить их. Я мог бы с большой пользой развернуть эту часть в долгий разговор о необходимости брать в расчет склонности и возможности наших детей, когда мы ищем для них место в мире. Сколько боевого духа будет потрачено в попытках торговать, в то время как мы потеряем много швейцаров и обречем члены и тело простака на длинную мантию судьбы, мантию университетского ученого или рясу священника?

Сколько же неловких, неуклюжих малых подвизаются в хирургии или музыке, в то время как их пальцы и суставы изначально предназначены природой и прямо явлены своим размером подходящими для кувалды кузнеца или топора плотника, весла гребца или плетки кучера?

Как получается, что так много молодых людей с заиканием, запинаящейся неверной речью, неблагозвучным голосом и плохим произношением у нас становятся адвокатами и проповедниками, а, с другой стороны, калеки от природы – кривоногие, ущербные существа – становятся акробатами и учителями танцев?

Я перечислил их потому, что мы часто наблюдаем таких, и все они – несчастливые примеры того, как дети проклинают ложь своих отцов, не отдавших свой родительский долг приставить их к занятию, подходящему к их возможностям и к тому, для чего природа выкроила их.

Однажды в Лондоне я зашел в пивную, где сидел чернокожий, похожий на мулата человек, очень тепло беседовавший с несколькими джентльменами, которые, как я заметил, весьма внимательно слушали то, что он говорил. Тогда я сел и тоже прислушался. Я с большим удовольствием послушал его интересные рассуждения о нескольких важных вопросах. Я обнаружил, что он был хорошо образован, прекрасно воспитан и что он находил наслаждение в обучении и студиях. Более того, в то время он обсуждал некоторые передовые научные проблемы. В конце концов я позволил себе спросить его, не в *Англии* ли он родился?

Он ответил с большой долей юмора, но с чрезвычайной обидой на своего отца и со слезами на глазах: «Да, да, сэр, я *англичанин*, рожденный в законном браке. К стыду моего отца, он сам, будучи *англичанином*, нашел свою сердечную привязанность в *негритянской женщине*, хотя он должен был бы знать, что дети, которые появятся, проклянут память об этом поступке и возненавидят из-за одного его собственное имя. Да, да, – повторил он, – Я *англичанин* и родился в законном браке.

it again, I am an English Man, and born in lawful Wedlock; happy had it been for me, tho' my Father had gone to the Devil for Whoredom, had he lain with a Cook-Maid, or produced me from the meanest Beggar Woman in the Street. My Father might do the Duty of Nature to his black Wife; but, God knows, he did no Justice to his Children. If it had not been for this damn'd black Face of mine, says he then smiling, I had been bred to the Law, or brought up in the Study of Divinity: But my Father gave me Learning to no manner of Purpose; for he knew I should never be able to rise by it to any Thing, but a learned *Valet de Chamber*. What he put me to School for, I cannot imagine: He spoil'd a good Tarpawlin, when he strove to make me a Gentleman: When he had resolv'd to marry a Slave, and lye with a Slave, he should have begot Slaves, and let us have been bred as we were born: But he has twice ruin'd me; first with getting me a frightful Face, and then going to paint a Gentleman upon me.

It was a most affecting Discourse indeed, and as such I record it; and I found it ended in Tears, from the Person who was in himself the most deserving, modest, and judicious Man, that I ever met with, under a *Negro* Countenance in my Life.

After this Story, I perswaded myself I need say no more to this Case; the Education of our Children, their Instruction, and the Introducing them into the World, is a Part of Honesty, a Debt we owe to them; and he cannot be an honest Man that does not to the utmost of his Ability and Judgment, endeavour to pay it.

All the other relative Obligations, which Family Circumstances call for the Discharge of, allow the same Method of arguing for, and are Debts in their Proportion, and must be paid upon the same Principle of Integrity. I have neither room, nor is there any Occasion to enlarge upon them.

Для меня было бы счастьем, хотя мой отец и отправился бы к дьяволу за распутство, если бы он возлег на ложе с посудомойкой или произвел бы меня от связи с последней уличной нищенкой. Мой отец, возможно, и выполнил свой природный долг перед своей темнокожей женой, но видит Бог, как он был несправедлив к своим детям. Если бы не это мое проклятое черное лицо, – произнес он, улыбаясь, – я изучал бы закон или был бы воспитан в размышлении над божественным; но мой отец обучал меня совершенно без всякой цели, потому что он знал, что я никогда не смогу в учении подняться выше, чем грамотный *valet de chambre*⁵⁷. Для чего он обучил меня, никак не могу взять в толк. Он испортил отличного матроса, когда пытался сделать из меня джентльмена. Когда он решил жениться на рабыне и возлечь с ней на ложе, он должен был породить рабов, и надо было воспитать нас такими, какими мы родились. Но он дважды уничтожил меня – во-первых, дав мне ужасное лицо, а, во-вторых, собравшись вылепить из меня джентльмена».

Это была действительно весьма трогательная речь, и я записываю ее без изменений. В слезах я нашел произнесшего ее человека, а ведь он был самым достойным, скромным и разумным человеком *негритянской* наружности, с которым я когда-либо встречался в моей жизни.

После этой истории я убедился: мне не нужно больше ничего говорить по этому вопросу. Образование наших детей, их обучение и их представление миру являются проявлением нашей порядочности, долгом, который мы должны им [отдать]. И не может считаться честным человеком тот, кто не стремится заплатить его по всей своей способности и суждению.

Те же аргументы подходят и ко всем другим относительным обязательствам, которые семейное положение требует выполнить. Они пропорциональны долгам и должны быть выплачены по тому же принципу добросовестности. У меня нет ни места, ни повода, чтобы более распространяться о них.

CHAP. III.
OF THE
Immorality of CONVERSATION,
AND
the Vulgar ERRORS of Behaviour.

onversation is the brightest and most beautiful Part of Life; 'tis an Emblem of the Enjoyment of a future State; *for suitable Society is a heavenly Life*: 'tis that Part of Life by which Mankind are not only distinguish'd from the inanimate World, but by which they are distinguish'd from one another. Perhaps I may be more particularly sensible of the Benefit and of the Pleasure of it, having been so effectually mortify'd with the Want of it: But as I take it to be one of the Peculiaris of the rational Life, that Man is a conversible Creature; so 'tis his most compleat Blessing in Life, to be blessed with suitable Persons about him to converse with. Bringing it down from Generals to Particulars, nothing can recommend a Man more, nothing renders him more agreeable, nothing can be a better Character to give of one Man to another, next to that of his being an honest and religious Man, than to say of him that he is very good Company.

How delightful is it to see a Man's Face always cover'd with Smiles, and his Soul shining continually in the Goodness of his Temper; to see an Air of Humour and Pleasantness sit ever upon his Brow, and to find him on all Occasions the same, ever agreeable to others and to himself; a steady Calm of Mind, a clear Head, and serene Thoughts always acting the Mastership upon him: Such a Man has something angelick in his very Countenance; the Life of such a Man is one entire Scene of Composure; 'tis an Anticipation of the future State, which we well represent by an eternal Peace.

To such a Man to be angry, is only to be just to himself, and to act as he ought to do; to be troubled or sad, is only to act his Reason; for as to being in a Passion, he knows nothing of it; Passion is a Storm in the Mind, and this never happens to him; for all Excesses, either of Grief or of Resentment, are Foreigners, and have no Habitation with him: He is the only Man that can observe that Scripture heavenly Dictate, *Be angry*

ГЛАВА 3

О СКВЕРНОСЛОВИИ И НЕПОДОБАЮЩЕМ поведении

Разговор – самая яркая и прекрасная часть жизни. Это также символ нашего будущего вечного блаженства, *ибо подходящее нам общество – это райская жизнь*. Это не только та часть жизни, которая отличает человечество от неодушевленного мира, но и то, чем люди отличаются друг от друга. Быть может, я столь чувствителен к пользе разговора и удовольствию от него, поскольку испытал в нем сокрушительную нужду. Но так как я считаю одной из отличительных черт разумной жизни то, что человек – существо говорящее, [тогда надо принять и то, что] самым совершенным благословением в его жизни являются подходящие для общения люди. Если от общего перейти к частностям, то ничто не может лучше рекомендовать человека, ничто не делает его более приятным, ничто не может быть лучшей характеристикой, [данной] одним человеком другому, чем сказать, что наряду с тем, что он порядочный и религиозный человек, он очень хороший собеседник.

Как приятно видеть лицо человека, всегда озаренное улыбкой, и его душу, непрестанно сияющую в его добронравии; видеть, как его лицо светится добротой, и находить его неизменно приятным для других и самого себя во всех обстоятельствах – ведомым твердым спокойствием ума, ясной головой и безмятежными мыслями. В самом облике такого человека есть нечто ангельское. Жизнь его – словно воплощение покоя. Это предвкушение будущей жизни, которую мы так правильно представляем вечным покоем.

Для такого человека сердиться – значит быть справедливым к самому себе и поступать так, как он должен поступать. Тревожиться или печалиться – значит поступать только по своему разумению. Такой человек ничего не знает о страсти, ведь страсть – это смятение ума, что никогда не случается с ним. Все [душевные] излишества – как скорби, так и обиды – чужды ему и не имеют с ним ничего

and sin not; and if ever he is very angry, 'tis with himself, for giving Way to be angry with any one else.

This is the truly agreeable Person, and the only one that can be call'd so in the World; his Company is a Charm, and is rather wonder'd at than imitated: 'tis almost a Vertue to envy such a man; and one is apt innocently to grieve at him, when we see what is so desirable in him, and cannot either find it, or make it in our selves.

But take this with you in the Character of this happy Man, namely, that he is always a good Man, a religious Man: 'tis a gross Error to imagine, that a Soul blacken'd with Vice, loaded with Crime, degenerated into Immorality and Folly, can be that Man, can have this calm, serene Soul, those clear Thoughts, those constant Smiles upon his Brow, and the steady Agreeableness and Pleasantry in his Temper, that I am speaking of; there must be Intervals of Darkness upon such a Mind; Storms in the Conscience will always lodge Clouds upon the Countenance; and where the Weather is hazey within, it can never be Sun-shine without; the Smiles of a disturb'd Mind are all but feign'd and forg'd; there may be a good Disposition, but it will be too often and too evidently interrupted by the Recoils of the Mind, to leave the Temper untouch'd, and the Humour free and unconcern'd; when the Drum beats an Alarm within, it is impossible but the Disturbance will be discover'd without.

Mark the Man of Crime; sit close to him in Company, at the End of the most exuberant Excursion of his Mirth; you will never fail to hear his reflecting Faculty whisper a Sigh to him; he'll shake it off, you will see him check it and go on; perhaps he sings it off, but at the End of every Song, nay perhaps of every Stanza, it returns; a kind of involuntary Sadness breaks upon all his Joy; he perceives it, rouzes, despises it, and goes on; but in the Middle of a long Laugh, in drops a Sigh; it will be, it can be no otherwise; and I never convers'd closely with a Man of Levity in my Life, but I could perceive it most plainly; 'tis a Kind of Respiration, natural to a stiff'd Conviction; a Hesitation that is the Consequence of a captivated Vertue; a little Insurrection in the Soul against the Tyranny of profligate Principles.

But in the good Man the Calm is compleat; 'tis all Nature, no Counterfeit; he is always in Humour, because he is always compos'd.

He's calm without, because he's clear within.

A stated Composure of Mind can really proceed from nothing but a Fund of Vertue; and this is the Reason why 'tis my Opinion, that the common Saying, That Content of Mind is Happiness, is a vulgar Mistake, unless it be granted, that this Content is first founded on such a Basis, as the Mind ought to be contented with; for otherwise a Lunatick in *Bedlam* is a compleatly happy Man; he sings in his Hutch, and dances in his Chain, and is as contented as any Man living: The Possession or Power, which that

общего. Только такой человек может соблюдать завет, что заповедует Писание небесное: *Гневаясь, не согрешайте*¹. И если когда-либо он и гневается, то только на себя – за то, что поддался гневу в отношении кого-то другого.

Это действительно приятный человек, и он единственный в мире заслуживает того, чтобы его так называли. Общение с ним очаровывает, восхищает, оно уникально. Завидовать такому человеку – почти добродетель, и мы склонны просто-душно огорчаться, когда видим в нем то, что столь желанно, но не можем ни найти подобного, ни создать одного в себе.

Но знайте, что самое важное в характере этого счастливого человека – то, что он всегда добрый и религиозный. Глубоко ошибочно представление, что у такого человека может быть душа, почерневшая от порока, отягощенная преступлениями, выродившаяся в аморальность и безрассудность. Его душа спокойна, безмятежна, его мысли ясны, его лицо осеняет постоянная улыбка, а его характер ровный и приятный. Тьма не властна над таким разумом. Приступы злобы всегда проступают на лице, и там, где совесть нечиста, никогда не будет солнечного света снаружи. Если на душе беспокойно, улыбка будет притворной, фальшивой. Приятная наружность слишком часто и очевидно будет омрачаться неполадками в голове, что не оставляет незатронутыми натуру человека, свободу и спокойствие его характера. Когда барабан бьет тревогу внутри, невозможно, чтобы беспорядки не были видны снаружи.

Возьмите преступника – сядьте рядом с ним в компании, и в конце самого бурного всплеска его веселья вы никогда не упустите случая услышать, как что-то скрытое [в глубине души] заставляет его вздохнуть. Человек словно стряхивает этот вздох. Вы увидите, как он сдерживает его и продолжает веселиться. Может быть, он прогонит вздох песнею, но в конце каждой песни – нет, наверняка в конце каждой строфы – этот вздох возвращается. Какая-то невольная грусть прорывается через любую его радость. Он воспринимает ее, осознает, отвергает и продолжает, но и в середине долгого приступа смеха он выпускает вздох. Так происходит всегда, это не может быть иначе. Я никогда в жизни не разговаривал по душам с человеком преступных наклонностей без того, чтобы не почувствовать это яснее ясного. Это своего рода дыхание, естественное для подавленной греховности, – колебание, являющееся следствием плененной добродетели, маленькое восстание души против тирании распутных принципов.

Но в добродетельном человеке спокойствие абсолютно – это его естество, никакой фальши. Он всегда в настроении, потому что всегда спокоен.

Он спокоен снаружи, потому что чист внутри.

Такое спокойствие ума действительно не может быть порождено чем-то иным, кроме добродетели. Вот почему я считаю, что расхожее выражение, что душевное спокойствие есть счастье², это вульгарная ошибка, если только не допустить, что такое спокойствие изначально основано на некоем базисе, на котором разум обретает покой. Ибо в противном случае сумасшедший в *Бедламе*³ – также совершенно счастливый человек: он поет в своей клетке, танцует на цепи и доволен

Vapour or Delirium has upon his Brain, makes him fancy himself a Prince, a Monarch, a Statesman, or just what he pleases to be; as a certain Dutchess, is said to have believ'd her self to be an Empress, has her Footmen drawn up, with Javelins, and dress'd in antick Habits, that she may see them thro' a Window, and believe them to be her Guards; is serv'd upon the Knee; call'd her Majesty, Imperial Majesty, and the like; and with this Splendor, her distemper'd Mind is deluded, forming Ideas of Things which are not, and at the same Time her Eyes are shut to the eternal Captivity of her Circumstances; in which she is made a Property to other Persons, her Estate manag'd by Guardianship, and she a poor demented Creature to the last Degree, an Object of human Compassion, and compleatly miserable.

The only Contentment which entitles Mankind to any Felicity, is that which is founded upon Vertue and just Principles; for Contentment is nothing more or less than what we call Peace; and what Peace, where Crime possesses the Mind, which is attended, as a natural Consequence, with Torment and Disquiet? What Peace where the Harmony of the Soul is broken by constant Regret, and SelfReproaches? What Peace in a Mind under constant Apprehensions and Terrors of something yet attending to render them miserable; and all this is inseparable from a Life of Crime.

For where there's Guilt, there always will be Fear.

Peace of Mind makes a Halcyon upon the Countenance, it guilds the Face with a chearful Aspect, such as nothing else can procure; and which indeed as above, it is impossible effectually to counterfeit.

*Bow Mighty Reason, to thy Maker's Name,
For GOD and PEACE, are just the same;
Heaven is the Emanation of his Face,
And want of Peace, makes Hell in every Place.*

*Tell us, ye Men of Notion, tell us why,
You Seek for Bliss and wild Prosperity,
In Storms and Tempests, Feuds and War,
Is Happiness to be expected there?
Tell us what Sort of Happiness,
Can Men in want of Peace possess?*

*Blest Charm of Peace, how sweet are all those Hours
We spend in thy Society!
Afflictions lose their Acid Powers,
And turn to Joys when join'd to thee.*

так же, как и любой другой. Одержимость или та власть, в которой химера или безумие держат ум сумасшедшего, заставляют его воображать себя принцем, монархом, государственным деятелем или кем ему угодно. Как одна герцогиня, как говорят, считает себя императрицей, выстраивает своих лакеев с копьями, одетых в старинные наряды, так, чтобы видеть их в окно и самой верить, что они – ее личные гвардейцы. Ей прислуживают на коленях, называя ее величеством, императорским величеством и тому подобным. Всем этим великолепием ее смятенный ум обманывается, образуя представления о вещах, которых вовсе не существует, и в то же время ее глаза слепы к вечному плену ее обстоятельств, в котором она становится собственностью других людей, а ее поместьем управляет опекун, и она, бедное до последней степени безумное существо – объект человеческого сострадания и совершенно жалка⁴.

Единственное довольство, которое дает человечеству право на какое-либо счастье, – то, что основано на добродетели и справедливых принципах, ибо довольство есть не что иное, как то, что мы называем покоем. А какой покой может быть там, где преступление овладевает умом, который как естественное следствие исполняется мучениями и беспокойством? Какой покой [может быть] там, где гармония души нарушается постоянным сожалением и самобичеванием? Какой покой ума может быть при постоянных опасении и страхе перед чем-то, что все же может сделать их несчастными? Все это неотделимо от преступной жизни –

Там, где вина, всегда пребудет страх⁵.

Покой ума придает безмятежность облику, украшает лицо жизнерадостным выражением, как ничто другое. Его, как уже было сказано выше, невозможно подделать.

*Во имя Господа склонись, могучий разум,
покой, и МИР, и БОГ едины.
И Небеса – лишь эманация Его лица,
и ад разлит везде, где нет покоя.*

*Скажите нам, мужи, скажите, почему
вы ищете блаженство, процветание
в войне, вражде и в буре, шторме...
Но разве счастье можно в них найти?
Какого счастья, нам скажите, жаждут
желающие мира и покоя?*

*Блаженного покоя время благостно,
страдание теряет силу едкую
и радостью становится, когда
с Тобю навсегда соединится.
Темнейшее покой преобразит,
для всех открыв врата блаженства.*

*The darkest Article of Life with Peace,
 Is but the Gate of Happiness;
 Death in its blackest Shapes can never fright,
 Thou can'st see Day, beyond his Night;
 The Smile of Peace, can calm the Frown of Fate.
 And, Spight of Death, can Life anticipate:
 Nay, Hell itself, could it admit of Peace,
 Would change its Nature, and its Name would cease.
 The Bright Transforming Blessing would destroy
 The Life of Death, and damn the Place to Joy;
 The Metamorphosis would be so strange,
 'Twould fright the Devils, and make them bless the Change
 Or else the Brightness would be so intense,
 They'd shun the Light, and flye from thence.*

*Let Heaven, that unknown Happiness,
 Be what it will, 'tis best describ'd by Peace.
 No Storms without, or Storms within;
 No Fear, no Danger there, because no Sin:
 'tis bright essential Happiness,
 Because He dwells within, whose Name is P E A C E.*

*Who would not sacrifice for thee,
 All that Men call Felicity!
 Since Happiness, is but an empty Name,
 A Vapour without Heat or Flame;
 But what from thy Original derives,
 And Dyes with thee by whom it Lives.*

But I return to the Subject of Conversation, from which this Digression is made only to shew that the Fund of agreeable Conversation is, and can only be founded in Virtue; this alone is the Thing that keeps a Man always in Humour, and always agreeable.

They mistake much, who think Religion, or a strict Morality, discomposes the Temper, sowres the Mind, and unfits a Man for Conversation. 'tis irrational to think, a Man can't be bright, unless he is wicked; It may as well be said, a Man cannot be merry till he is mad, not agreeable till he is offensive, not in Humour till he is out of himself. 'tis clear to me, no Man can be truly merry, but he that is truly virtuous: Wit is as consistent with Religion, as Religion is with good Manners; nor is there any Thing in the Limitations of Virtue and Religion; I mean, the just Restraints which Religion and Virtue lay upon us in Conversation; that should abate the Pleasure of it, on the contrary they encrease it: *For Example*: Restraints from vicious and indecent Discourses: There's as little Manners in those Things, as there is Mirth in them;

Обличье смерти тех не ужаснет,
кто день увидит за ее спиною.
Улыбка мира хмурый взгляд судьбы
смягчит и – несмотря на смерть –
предвидит жизнь, нет, преисподняя сама
предвидит жизнь в покое и изменит
свою природу, имя потеряет;
и светлое блаженство изменений
во имя радости жизнь смерти уничтожит,
метаморфоза будет странной
и испугает даже бесов,
благословить заставив перемены,
или сиянье будет столь велико,
что их прогонит.

Пусть Небеса, неведомое счастье,
пребудут в мире: нет там ураганов –
покой внутри, покой снаружи;
и в них, безгрешных, нет для страха места,
но есть сиянье сущностного счастья,
ведь Он, чье имя – МИР, пребудет там.

Кто не пожертвовал бы всем ради Тебя,
всем, что зовем блаженством?
Ведь счастье вне Тебя – лишь звук пустой,
дым без тепла и пламени, оно
в Тебе пребудет и с Тобой умрет⁶.

Но я возвращаюсь к предмету разговора, от которого это отступление сделано лишь для того, чтобы показать, что приятная беседа может быть основана только на добродетели. Это единственное, что всегда держит человека в хорошем настроении и делает его приятным [для окружающих].

Заблуждаются те, кто думают, что религия или строгая мораль портят характер, иссушают ум и делают человека непривлекательным как собеседника. Неразумно думать, что человек не может быть ярким, если он не грешен. С тем же успехом можно сказать, что человек не может быть веселым, пока он не сошел с ума; с ним невозможно согласиться, пока он не перейдет в наступление; и он не может быть в добром расположении духа, пока он не выплеснул свою энергию. Мне совершенно ясно, что истинно веселым может быть только тот, кто истинно добродетелен. Остроумие так же согласуется с религией, как религия – с хорошими манерами. Нет ничего такого в ограничениях добродетели и религии – я имею в виду справедливые ограничения, которые религия и добродетель накладывают на нас

nor indeed does Religion or Virtue rob Conversation of one Grain of true Mirth: On the contrary, the religious Man is the only Man fully qualify'd for Mirth and good Humour; with this Advantage, that when the vitious and the virtuous Man appear gay and merry, but differ, *as they must do*, in the Subject of their Mirth, you may always observe the virtuous Man's Mirth is superior to the other; more suitable to him, as a Man, as a Gentleman, as a wise Man, and as a good Man; and generally speaking, the other will acknoweldge it; at least, afterward, when his Thoughts cool, and as his Reflections come in.

But what shall we do to correct the Vices of Conversation? How shall we shew Men the Picture of their own Behaviour? There is not a greater Undertaking in the World, or an Attempt of more Consequence to the Good of Mankind than this; but 'tis as difficult also, as it is useful; and at best I shall make but a little Progress in it in this Work; *let others mend it*.

Of Unfitting Our Selves for CONVERSATION.

efore I enter upon the Thing which I call the Immorality of Conversation, let me say a little about the many weak and foolish Ways, by which Men strive, as it were, to unfit themselves for Conversation. Human Infirmities furnish us with several Things that help to make us unconvertible; we need not study to encrease the Disadvantages we lye under on that Score: Vice and Intemperance, *not as a Crime only, that I should speak of by itself*, but even as a Distemper, unfit us for Conversation; they help to make us cynical, morose, surly, and rude. Vicious People boast of their polite Carriage and their nice Behaviour, how gay, how good humour'd, how agreeable? for a While it may be so: But trace them as Men of Vice, follow them till they come to Years, and observe, while you live, you never see the Humour last, but they grow fiery, morose, positive, and petulant. An ancient Drunkard is a Thing indeed not often seen; because the Vice has one good Faculty with it, viz. That it seldom hands them on to old Age; But an ancient *and good humour'd Drunkard*, I think I never knew.

в разговоре, что могло бы свести к минимуму удовольствие от него. Напротив, они усиливают таковое. *К примеру*, воздержание от порочных и непристойных разговоров – в этих вещах так же мало нравственности, как и веселья, и даже религия или добродетель не лишают беседу ни одной крупинки истинного веселья. В противоположность этому верующий человек – единственный, кто совершенно подходит для радости и хорошего настроения – с тем преимуществом, что, когда [два разных человека], порочный и добродетельный, кажутся веселыми и радостными, однако различаются, как это и должно быть, в предмете своего веселья, вы всегда можете заметить, как веселье добродетельного человека превосходит [того], другого, более подходит ему как представителю рода людского и джентльмену, как мудрому и хорошему человеку. Вообще говоря, и порочный человек признает это, по крайней мере впоследствии, когда его мысли остынут и придет время осознания.

Но что же нам делать, чтобы исправить эти пороки и избавиться от сквернословия? Как мы покажем людям картину их собственного поведения? Нет в мире ни более важного начинания, ни попытки, более значимой для блага человечества, чем сия. Но она столь же трудна, сколь и полезна. И в лучшем случае я достигну лишь небольшого прогресса в этой работе. *Пусть другие продолжают ее.*

О том, как мы становимся никчемными СОБЕСЕДНИКАМИ

реже чем я перейду к тому, что я называю сквернословием, позвольте мне сказать немного о различных глупых и безрассудных способах, с помощью которых люди как будто стремятся сделать себя неудобными в беседе. [Сами по себе] человеческие слабости определяют эту нашу предрасположенность в разговоре; нам точно этому не нужно учиться. *Порок и несдержанность не только как преступления, о которых я должен говорить отдельно*, но и как [проявления] раздражительности не способствуют приятной беседе, они делают нас циничными, угрюмыми, неприветливыми и грубыми. Порочные люди хвастаются своей вежливостью и любезным поведением. Как они веселы, как добродушны, как приятны! Какое-то время это может быть и так; но проследите за ними, за людьми порока, следуйте за ними, пока они не состарятся, и наблюдайте, пока вы живы – вы никогда не услышите этих прибауток в конце. Они становятся раздражительными, угрюмыми, нетерпимыми и обидчивыми. Пьяница-старик – явление действительно нечасто встречающееся, потому что порок обладает одной хорошей способностью, а именно – он редко доводит до старости; но *старого добродушного пьяницу* я, кажется, никогда не знал.

It seems strange, that Men should affect unfitting themselves for Society, and study to make themselves unconvertible, whereas their being truly Sociable, as Men, is the Thing which would most recommend them, and that to the best of Men, and best answers to the highest Felicity of Life. Let no Man value himself upon being morose and cynical, sour and unconvertible, 'tis the Reverse of a good Man; a truly religious Man follows the Rule of the Apostle, *be Affable, be Courteous, be Humble; in Meekness, esteeming every Man better than our selves;* whereas Conversation now is the Reverse of the Christian Rule; 'tis interrupted with Conceitedness and Affectation, *a Pride, esteeming our selves better than every Man;* and that which is worse still, this happens generally, when indeed the Justice of the Case is against us; for where is the Man who thus overruling himself, is not evidently inferiour in Merit to all about him? Nay, and frequently those who put most Value upon themselves, have the least Merit to support it. *Self-Conceit* is the Bane of human Society, and generally speaking is the Peculiar of those who have the least to recommend them; 'tis the Ruin of Conversation, and the Destruction of all Improvement; for how should any Man receive any Advantage from the Conversation of others, who believes himself qualified to teach them, and not to have Occasion to learn any Thing from them?

Nay, as the Fool is generally the Man that is conceited most of his own Wit, so that very Conceit is the Ruin of him; it confirms him a Fool all the Days of his Life, for he that thinks himself a wise Man, is a Fool, and knows it not; nay, 'tis impossible he should continue to be a Fool, if he was but once convinc'd of his Folly.

*If Fools could their own Ignorance discern,
They'd be no longer Fools; because they'd learn.*

It will be objected here indeed, that Folly and Conceit may be hurtful to Conversation, may rob Men of the Advantage of it, unfit one Side for Conversing, and make it unprofitable, as well as unpleasant to the other; But that this is nothing to the Immorality of Conversation; that Ignorance and Conceit may be an Infirmary, but is not always a Crime; that the Mischief of Mens being Fools is generally their own, but the Mischief of their being Knaves is to other People, and this is very true. But certainly, egregious Folly merits one Paragraph of Rebuke; perhaps it may touch the Senses of some weak Brethren one time or other, and the Labour may not be lost.

I never saw a more simple, or yet a more furious irreconcilable Quarrel, than once between two of the most empty conceited People that ever I knew in the World; and it was upon one calling the other *Fool*, which on both Sides was unhappily very true; they fought upon the Spot, but were parted by the Company; they challeng'd, and could not meet, their Friends getting Notice of it; in short, it ruin'd them both; they made new Appointments, and at last deceiv'd their Friends, and fought again; they were both wounded, and one died, the other fled the Country, and never return'd.

Кажется странным, что люди должны чувствовать себя в обществе неудобно и стараться избегать разговоров, в то время как истинная общительность людей – это то, что более всего следует рекомендовать им, это лучшее, что вообще может быть у человека и что лучше всего соответствует наивысшему счастью жизни. Пусть ни один человек не ценит себя за то, что он угрюм и циничен, сердит и неудобоварим для разговора – это противоположность добродетельного человека. Истинно религиозный человек следует заповеди апостола [Павла]: *Будьте... милосерды, дружелюбны, смиренномудры; в смирении почитай каждого человека лучше себя*⁷. То есть разговор является обратной стороной этой христианской заповеди. Он прерывается тщеславием и притворством – *гордыней, то есть оценкой себя выше других*. И, что еще хуже, это обычно происходит, когда справедливость действительно [восстает] против нас, ибо существует ли человек, который, превознося себя, не посягает на достоинство всех окружающих? Нет. И часто те, кто больше всего ценят себя, имеют меньше всего заслуг, которые бы подтвердили эту ценность. *Самомнение* – это проклятие человеческого общества. Вообще говоря, это особенность тех, кого меньше всего можно рекомендовать. Это разрушает разговор и уничтожает любое его продолжение. Ибо как может человек получить пользу от общения с другими, если он считает себя способным учить их, а не воспользуется случаем чему-либо поучиться у них?

Нет, дурак обыкновенно бывает больше всего доволен своим собственным остроумием, так что само это тщеславие губит его; оно утверждает его дураком на всю жизнь, ибо тот, кто считает себя мудрецом, и есть дурак, но не знает этого. Но невозможно продолжать быть дураком, если хотя бы однажды убедись в своей глупости.

*И если б осознали неведение свое глупцы,
то сразу престали б ими быть*⁸.

Здесь, конечно, возразят, что глупость и тщеславие могут быть вредны для разговора, могут лишить людей его полезности, так как это не способствует, с одной стороны, приятной и благостной беседе, и делает ее [беседу] бессмысленной для общения, с другой. Но это ничто по сравнению со сквернословием. Невежество и тщеславие могут быть немощью, но не всегда преступлением. Вред от того, что люди глупы, обычно наносится им самим, но вред от того, что они лжецы, – другим людям. Это совершенно верно. Но, конечно, вопиющая глупость заслуживает одного абзаца осуждения, возможно, она может затронуть чувства некоторых слабых братьев наших в тот или иной момент, и труд не будет напрасным.

Я никогда не видел более примитивной и в то же время более яростной и непримиримой ссоры, чем та, что однажды [произошла] между двумя самыми пустыми и тщеславными людьми, которых я когда-либо знал на свете. Причина была в том, что один назвал другого *дураком*, что, к несчастью, было очень верно в отношении обеих сторон. Они было начали драться на месте, но были разняты компанией. Они бросали вызов один другому, но не могли встретиться, так как их друзья узнавали об этом. Короче говоря, это погубило их обоих. Они

The first own'd he was a Fool, which was indeed some Diminution of his Folly. I say, he knew himself to be a Fool, but could not bear the other should tell him so, who was more a Fool than himself. The other boldly asserted his own Capacities to be infinitely greater than they were, and despised the first to the last Degree, who indeed, if he had not more Wit, had more Modesty than the other; but both like Fools fought about *Nothing*, for such indeed the Question about their Wit might very well have been call'd.

But, it is true, after all, the Want of a conversible Temper, if from a Want or Defect of Sense may be an Infirmary, not an Immorality; that is to say, the Cause is not so in itself, but it may be so in its Consequences, that way also. *For the Conversation of Fools is Vanity in the Abstract*. I might here indeed find Subject for a large Tract, upon the infinite Diversity of Fools, and by consequence the wondrous Beauty of their Conversation: I have on this Occasion reckon'd up a List of about Seven and Thirty several Sorts of Fools, besides *Solomon's Fool*, whom I take to be the *wicked Fool* only; these I have diversified by their Tempers and Humours, and in the infinite Variety of their Follies of several Sorts, in every one of which they rob themselves, and all that keep them Company of the Felicity of Conversation, there being nothing in them but Emptiness, or a Fulness of what is Ridiculous, and only qualified to be laugh'd at, or found Fault with.

I have likewise describ'd some of their Conversation, their vain Repetitions, their CatchWords, their Laughings and Gestures, and adapted them to make the World merry. I have Thoughts of running it on into foreign Characters, and describe *French, Spanish, Portuguese* Fools, and Fools of *Russia, China*, and the East Indies: But as this is something remote from the Design in Hand, which is more serious, and done on a much better View, and likewise of an unmeasurable Length, like the weighty Subject it is upon (*for Folly is a large Field*) so I refer it to another Opportunity.

The Truth is, that Part of Conversation which I am now to speak of, or which I mean by what I have said upon this Subject, is the weighty and serious Part, and is not the meer common Talk, or a Conversation which Fools are capable of; 'tis exercised in a solid and well temper'd Frame, and when regulated as it ought to be, by Virtue, and good Morals, is qualified to make Mankind happy in the Enjoyment of the best Things, and of the best Company, and therefore, the Evils that creep into, and corrupt this Part of our Conversation, are of the more fatal Quality, and worth our exposing, that People may see and shun them, and that Conversation may be restored among us to what it should be.

назначили новое место встречи, наконец обманули своих друзей и вновь дрались. Оба были ранены. Один из них умер, а другой бежал из страны и больше не вернулся. Первый признал, что был дураком, и это действительно умалило степень его глупости. Я думаю, он знал, что он дурак, но не мог вынести, чтобы ему сказал об этом кто-то, кто был еще большим дураком, чем он сам. Второй же дерзко полагал свои собственные способности гораздо более высокими, чем они были на самом деле, и презирал первого до последней степени. Тот же, если и не был умнее, все же был скромнее, чем другой. Спор этих дураков был *бессмысленным*, что на самом деле ясно говорит об их уме⁹.

Но в конце концов верно, что отсутствие подходящего для разговора нрава, вызвано ли оно недостатком или неразвитостью чувственности, может быть всего лишь [проявлением] немощи, а не безнравственности. Я хочу сказать, что даже если причина и в этом, последствия могут быть именно такими, потому что *для дураков разговор – это [средство] удовлетворения тщеславия* в чистом виде¹⁰. Здесь я действительно мог бы найти тему для большого трактата о бесконечном разнообразии дураков и, как следствие, об удивительной прелести их разговоров. По этому случаю я составил список примерно из тридцати семи различных видов дураков, кроме *Соломонова глупца*, которого я принимаю только за *нечестивого дурака*¹¹. Я распределил дураков по их темпераментам и нравам, а также по бесконечному разнообразию видов их безумств, в каждом из которых они лишают себя и всех, кто составляет им компанию, счастья беседы, так как в них нет ничего, кроме пустоты, или же, [точнее,] они полны нелепостями, которые годятся только для того, чтобы смеяться над ними или порицать их.

Я также описал некоторые из их разговоров, их ненужные повторы, их брошенные слова, их смех и жесты и приукрасил их для веселья всего света. Я подумываю о том, чтобы перевести это на иностранные языки и описать *французских, испанских, португальских* дураков и дураков *России, Китая* и *Ост-Индии*. Но так как это далеко от моего замысла, который более серьезен и создан с гораздо лучшей точки зрения, а также неизмеримо длинен, как и весомый предмет, на который он направлен (*хотя глупость – это огромное поле [для исследований]*), то я оставляю эту классификацию до другого случая.

По правде говоря, та область общения, о которой я сейчас напишу или которую я подразумеваю под тем, что говорил ранее по этому поводу, является весомой серьезной сферой, а не просто рядовой беседой или разговором, на который способны и глупцы. Она осуществляется в определенных твердых рамках, и когда она руководствуется, как подобает, добродетелью и моралью, она способна сделать человечество счастливее в наслаждении лучшими вещами и лучшим обществом. Поэтому зло, которое проникает в эту область нашего разговора и портит его, более фатально и стоит нашего разоблачения, чтобы люди могли видеть таковое и избегать его и чтобы разговор стал таким, каким должен быть.

1. Of the Immorality of CONVERSATION in General.

OME may object against the Term the Immorality of Conversation, and think the Word improper to the Subject; but to save any Critick the dearly beloved Labour of cavilling in Favour of ill Manners and unbecoming Behaviour, I shall explain myself before I go any farther.

I call Conversation immoral, where the Discourse is indecent, where 'tis irreligious or profane, where 'tis immodest or scandalous, or where 'tis slanderous and abusive. In these and such Cases, *loqui est agere*, thus talking lewdly, or talking profanely, is an immodest Action. Such is the Power of Words that Mankind is able to act, as much Evil by their Tongues, as by their Hands; the Ideas that are formed in the Mind from what we hear, are most peircing and permanent; and the Force of Example in this Case, is not more powerful than the Force of Argument.

Some of the worst Sins are not to be committed but by the Tongue, as the Sin of Blasphemy, speaking Treason against the Majesty of God, Cursings and Imprecations among Men, Lies, *Slanders*, and a vast Variety of petty Excursions, which are grown modish by Custom, and seem too small to be reproved.

We are here in *England*, after many Years Degeneracy, arriv'd to a Time, wherein Vice is in general discountenanc'd by Authority; God in Mercy to the Age has inspir'd our Government with a Resolution to discourage it: The King now, his Wars are over, and his foreign Enemies allow him some Rest, will, we hope, declare War against this Domestick Enemy.

The late Queen *Mary*, of heavenly Memory, for her Piety and blessed Example, appear'd in her Time gallantly in the Cause of Virtue: Magistrates were encourag'd to punish Vice, new Laws made to restrain it, and Justice seem'd to be at Work to reclaim it: But what can Kings, or Queens, or Parliaments do? Laws and Proclamations are weak and useless Things, unless some secret Influence can affect the Practices of those whom no Laws can reach.

To make Laws against Words, would be as fruitless as to make a shelter against the Lightning; there are so many Inlets to the Breach, that the Informers would be as numerous as the Criminals, and the Trespass as frequent as the Minutes we live in.

Conversation has received a general Taint, and the Disease is become a Charm; the Way to cure it, is not by forcible Restraints on Particulars, but by some general Influence on the publick Practice; when a Distemper becomes pleasant to a Patient,

1. О СКВЕРНОСЛОВИИ

в общих чертах

Некоторые могут возразить против этого понятия – сквернословие – и счесть его неподобающим для предмета разговора; но чтобы избавить любого критика от столь любимого им труда придираться к дурным манерам и неподобающему поведению, я объяснюсь прежде, чем пойду дальше.

Я называю сквернословием такой разговор, который непристойен, нерелигиозен или нечестив, нескромен или скандален, или когда [в нем] присутствуют клевета и оскорбления. В этих и подобных случаях *logui est agere*¹². Таким образом, говорить непристойно или нечестиво – это нескромный поступок. Сила слов такова, что люди способны творить столько же зла своими языками, сколько и руками. Идеи, которые проистекают из того, что мы услышали, – наиболее острые и неоступные, и сила примера в этом случае так же сильна, как сила аргументации.

Некоторые из тягчайших грехов совершаются никак иначе, как при словоблудии, – это грех богохульства, то есть грех измены величию Божию на словах, проклятий, лжи, *клеветы* и огромное разнообразие мелких грехов, которые входят в моду и кажутся слишком мелкими, чтобы их осуждать.

Мы здесь, в *Англии*, после многих лет вырождения пришли к тому времени, когда порок вообще не одобряется властью. Бог из милости к веку внушил нашему правительству решимость препятствовать ему. Король же теперь, когда его войны закончены и внешние враги позволяют ему немного отдохнуть¹³, мы надеемся, объявит войну этому внутреннему врагу.

Покойная королева *Мария*¹⁴, блаженно памятная своим благочестием и благословенным примером, в свое время доблестно выступала в защиту добродетели. Она поощряла судей к наказанию пороков; чтобы сдерживать их, создавались новые законы¹⁵. Правосудие, казалось, вернулось на службу добродетели. Но что могут сделать короли, королевы или парламенты? Законы и заявления – слабые и бесполезные вещи, если только какое-то тайное влияние не изменит деяния тех, до кого не могут добраться никакие установления.

Создавать законы против слов было бы так же бесполезно, как строить убежище от молнии¹⁶. В таком убежище окажется так много щелей, что доносчиков будет столько же, сколько и преступников, а преступлений – столько, сколько минут в нашей жизни.

Сквернословие стало общим местом, и то, что является болезнью, [даже] приобрело некое обаяние. Излечить эту болезнь можно не принудительным ограничением в частностях, а скорее широким влиянием на общественные практики.

he is the harder to be cur'd; he has a sort of Aversion to the Remedy because he has none to the Disease. Our modern People have such a Passion for the Mode, that if it be but the Fashion to be Lewd, they will scandalize their Honour, debauch their Bodies, and damn their Souls to be Gentile; if the Beaux talk Blasphemy, the rest will set up for Athiests, and deny their Maker, to be counted witty in the Defence of it; when our Tradesmen would be thought wise, and make themselves appear nice and learned in their Conversation, nothing will satisfy them but to criticise upon Things sacred; run up to discuss the Inscrutables of Religion; search the Arcana even of Heaven itself: The Divinity of the Son of God, the hypostatick Union, the rational Description of the State Everlasting, nay, the Demonstrations of undemonstrable Things, are the common Subject of their fancied affected Capacities.

Hence come Heresies and Delusions, Men affecting to search into what is impossible they should clearly discover, learn to doubt, because they cannot describe, and deny the Existence because they cannot explain the Manner of what they enquire after; as if a thorow impossibility of their acting by their Sense upon Objects beyond its Reach, was an Evidence against their Being. Thus because the Trinity cannot appear to their Reasoning, they oppose their Reasoning to its Reality; they will divest the Son of God of his Divinity, and of the hypostatick Union of the Godhead in the Person of Christ, because they cannot distinguish between the Actions done by him in his Mediatorial Capacity, in Virtue of his Office, and those Actions, which he did in Virtue of his Omnipotence and Godhead.

This is not an Immorality and Error in Conversation only, or not so much, so as I think it is a Judgment upon it, a Blast from Heaven upon the Arrogance of the Tongue; when proud Men give themselves a Loose to talk Blasphemously to be thought witty, their Maker gives them up to suggest damnable Errors till they begin to believe them, and to broach their own wicked Hints, till they by Custom learn to espouse and defend them, as Children tell feigned Stories till they believe them to be true. If our Town Fopperies were visible only in the little Excursions of Dress and Behaviour, it would be Satisfaction enough for a wise Man, either to pity or laugh at them; but when Wit is set on work, and Invention rack'd to find out Methods, how they may be more than superlatively wicked, when all the Endowments of the Mind and Helps of Art, with the Accomplishments of Education are rang'd in Battel against Heaven, and joyn'd in Confederacy to make Mankind more wicked, than ever the Devil had the Impudence to desire of them; This calls out aloud for the Help of all the Powers of Government, and all the Strength of Wit and Virtue to detect and expose it.

Indeed I had some Thoughts to leave upon Record a melancholly kind of Genealogy, of this horrid Perfection of Vice, which so increases in our Age, I mean as it respects this Nation, in which 'tis too ancient indeed to trace it back to its Original; yet since

Когда болезнь становится приятной для пациента, его труднее вылечить. Он испытывает своего рода отвращение к лекарству, потому что у него нет отвращения к болезни. Современные люди питают такую страсть к моде, что если бы распутничать было модным, они бы опозорили свою честь, предались телесному разврату и прокляли свои души в угоду галантности. Если модные джентльмены богохульничают, то и остальные будут выставять себя атеистами и отрекаться от своего Создателя, дабы их сочли остроумными. Когда наши торговцы хотят показать себя мудрыми, и приятными, и эрудированными в беседе, они не могут удовлетвориться ничем, кроме как критикой священных вещей – [это] обсуждение непостижимости религии и поиск таинства самих Небес, божественность Сына Божия, ипостасное соединение, рациональное описание вечного¹⁷. Более того, демонстрация недоказуемости этих вещей является общим местом в приложении их мнимых показных способностей.

Отсюда происходят ереси и заблуждения. Люди, напоказ стремящиеся исследовать то, что явно невозможно постичь, учатся сомнению, потому что не могут описать открытое [ими], и отрицают существование [таинств], потому что не могут объяснить порядок того, что исследуют; как если бы их полная неспособность осязать предметы, находящиеся за пределами их досягаемости, была доказательством отсутствия их [предметов] существования. Например, поскольку Троица не может явиться [здесь и сейчас], в их аргументации они противопоставляют свои рассуждения ее реальности. Они лишают Сына Божьего его Божественности и ипостасного соединения божества в лице Христа, потому что не могут различать действия, совершенные Им в Его человеческой ипостаси, в силу Его служения, и те действия, которые Он совершил в силу Своего всемогущества как божества.

Это не только или не столько [проявление] аморальности и оплошности в разговоре, сколько, я думаю, суд над данным [явлением], кара небесная за высокомерные речи. Когда гордецы дают себе волю говорить богохульно, чтобы их сочли остроумными, их Создатель оставляет им возможность совершать греховные ошибки, пока они сами не начнут верить в таковые, и оглашать свои собственные нечестивые [мысли], пока они не приобретут привычку поддерживать и защищать их, как дети рассказывают выдуманные истории, пока сами не поверят, что те правдивы. Если бы наши городские щеголи [проявляли свои наклонности] только в небольших излишествах в одежде и поведении, то мудрому человеку было бы достаточно либо пожалеть их, либо посмеяться над ними. Но когда в ход идет остроумие, а вся сила изобретательности направлена лишь на то, чтобы выяснить, насколько они могут превзойти себя в пороке, когда весь капитал ума, и уловки искусства, и достижения образования собраны в битве с небом и объединены в конфедерацию, чтобы сделать человечество даже более порочным, чем когда-либо дьявол имел дерзость желать, мы громко взываем о помощи всей мощи правительства и всех сил ума и добродетели, дабы обнаружить и разоблачить подобную нечестивость.

В самом деле, у меня были некоторые мысли о том, чтобы запечатлеть на бумаге печальную генеалогию ужасного совершенствования [этого] порока, который так множится в наш век (я имею в виду то, что порок укоренился в этом народе) и который

its visible Increase has been within the reach of our own Memory, and 'tis as I may say, the adopted Child of our Age, we may judge of the Extent of its Influence, and may take a short View of it in Miniature. None indeed can judge of the Extent of its Influence, but such as have conversed with all Sorts of People, from the Court to the Plough-tail, where you may too sadly see the Effect of it, in the general debauching both the Principles and Practice of all Sorts and Degrees of this Nation: But it will be an ungrateful Task, 'twould lead me to the Characters of Persons, and to write Satyrs upon the Times, as well those past, as these present, which indeed is not my Business in this Work; and therefore I throw by some keen Observations which I had made upon this Subject, my Business here, or at least my Design being rather to instruct the Age, than to reproach it; and as for the Dead, *they are gone to their Place*.

St. Augustin observes, *de Civitate dei*, that the Ancients justified their Liberty in all Excesses of Vice, which they practised in those Times from the Patterns of their Gods, that the Stories of the Rapes and Incest of *Jupiter*, the Lewdness of *Venus* and *Mars*, and the like, made those Crimes appear less heinous, since People had them frequent in the Histories of the Deities they worshipped; and that they must of Necessity be lawful, seeing they were practised by those famous Persons, who they had placed above the Skyes and thought fit to adore.

If modern Times have received unhappy Impressions from vicious Courts; and Princes, have not taken the needful Caution not to guide to Evil by their Example; instead of turning this into Satyr upon those that are past, I choose to give it another Turn, which our Kings and People too in Time to come may make good Use of, and I hope will not be offended at supposing that they will do so.

1. To Kings or Sovereigns in future Reigns; for I am not in this intending the present Reign; it may without Offence be said, that they have a glorious Advantage put into their Hands, to Honour their Maker, and advantage their People, to the immortal Glory of their own Memory, by prompting Virtue and discouraging Vice by their happy Examples; by removing the vicious Habits of Conversation from the Court-Modes, and making Vice unfashionable as it is unseemly; why may not the Royal Example go as far to reform a Nation, as it has formerly done to debauch and ruin it? But as this respects the (a) Heads of the People, I desire to speak it with the Deference of a Subject, and close this Discourse with only saying, that I pray and wish it may be so.

(a) *This was all Written in King William's Reign and refers to that Time.*

действительно слишком древен, чтобы проследить его [порока] точное происхождение. Но так как его очевидное усугубление происходило в пределах досягаемости нашей собственной памяти, и он, можно сказать, приемное дитя нашего века, мы можем судить о степени его влияния и кратко рассмотреть его в миниатюре. На самом деле никто не может лучше судить о степени его влияния, чем тот, кто беседовал со всевозможными людьми – от придворного до пахаря – и с печалью наблюдал его воздействие на общее развращение как моральных принципов этого народа, так и его жизненного уклада всех видов и степеней. Но это неблагодарная задача. Она приведет меня к характерам конкретных людей и заставит писать сатиру на прошлые и нынешние времена, что я совсем не планировал в этой работе. Поэтому лишь предложу здесь некоторые меткие наблюдения на эту тему, которые я сделал. Моя задача здесь или, по крайней мере, мой замысел состоят скорее в том, чтобы наставить поколение, чем в том, чтобы упрекнуть его. А что касается мертвых, то *они ушли, куда полагается*.

Святой Августин замечает в *De civitate Dei*¹⁸, что древние оправдывали свою свободу во всех проявлениях порока, которые они практиковали в те времена, примером своих богов, что рассказы об изнасилованиях и кровосмешении *Юпитера*, распутстве *Венеры* и *Марса* и тому подобное делали эти преступления менее отвратительными, так как люди часто видели их в историях божеств, которым они поклонялись, и признавали их законными, поскольку они практиковались теми известными персонажами, которых они ставили выше Небес и считали достойными поклонения.

Если же современность оказывается под дурным влиянием порочных дворов¹⁹ и принцы не приняли необходимых мер предосторожности, чтобы не потакать злу своим примером, то и я вместо того, чтобы превратить это [сочинение] в сатиру на ушедших, предпочитаю дать моим рассуждениям другой поворот, который наши короли, да и народ тоже в будущем могут использовать во благо, и, я надеюсь, не будет оскорблением предположить, что они сделают это.

1. Королям или будущим государям – ибо здесь я не имею в виду настоящего царствования²⁰ – можно без обиды напомнить, что они обладают восхитительным преимуществом, данным им в руки, дабы почитать своего Создателя и приносить пользу своему народу, а в память о себе оставить бессмертную славу, пробуждая добродетель и обескураживая порок своим счастливым примером, искореняя порочные практики разговора из придворных обычаев и делая порок столь же немодным, сколь он неподобающ. Почему бы монарху своим примером не зайти столь же далеко в реформе целого народа, сколь он раньше зашел, дабы развратить и погубить его? Но так как это предложение относится к главам государств^(a), я бы желал говорить об этом с почтением подданного и завершить эту речь лишь словами о том, что я молюсь и желаю, чтобы это осуществилось.

(a) Все это было написано во времена правления короля Вильгельма и относится к тому времени [Дефо действительно мог написать это в правление Вильгельма Оранского, поддерживая «реформацию нравов» того времени, но он также вставляет этот комментарий, стремясь отвести любое обвинение в нелояльности Георгу I].

2. To the People with more Freedom I apply it thus; Let past Examples be what they will, the present Reign encourages no Crime, why then should our modern Conversation receive this Taint? why should we be Voluntiers in the Devil's Service? while the Power we are under gives us neither Precept or Example; if we are Guilty, 'tis by meer Choice, the Crime is all our own, and we are Patterns to our selves.

2. Of Reforming the Errors of Conversation.

UT I leave this Part as less grateful, and perhaps not more significant than what I have yet to say upon this Subject; 'tis not so absolutely material to inquire how his Conversation came first to be corrupted, as how it shall be reform'd or recovered. The Question before us is, by what Method to retrieve this miserable Defection, and to bring back the Nation to some tolerable Degree of good Manners, that Morality at least may regain its Authority, and Virtue, and Sobriety be valued again as it ought to be; this, I say, is a difficult Thing to direct.

– *Facilis descensus averni:
Sed revocare gradum,
Hoc opus hic labor est.*

Virg. *Æneid.* VI.

English'd thus:

'Tis easy into Hell to Fall,
But to get back from thence is all.

The Method might be easier prescrib'd than practis'd; tho' it cannot be perfectly prescrib'd neither, something may however be said by way of Observation, perhaps other Well-wishers, may hereafter throw their Mites into this Treasury, and some zealous Reformers may at last make the Attempt upon these Foundations.

I. A strict Execution of the Laws against Vice; we have already, and are every Day making very good Laws to reform the People: But the Benefit of Laws consists in the executive Power, which if not vigorously put forth, Laws become useless, and it were better they were not made at all. I was once going to have added here a Treatise,

2. К народу же я обращаюсь с большею свободой так. Пусть примеры прошлого останутся такими, какими они были. Однако нынешнее царствование ведь не поощряет преступлений, тогда почему же наша нынешняя беседа должна быть столь запятнана? Почему мы должны добровольно служить дьяволу, когда власть, которой мы подчиняемся, не дает нам в этом ни наставления, ни примера? Если мы и виновны, то только по собственному выбору; преступление это – наше собственное, и мы сами за себя в ответе.

2. Об исправлении ошибок в разговоре

оставляю эту часть как менее благодарную и, возможно, не более значимую, чем то, что я еще имею сказать по этому поводу. Не так уж важно выяснить, как наш разговор был испорчен, как то, каким образом его можно исправить или восстановить. Вопрос, стоящий перед нами, состоит в том, каким способом исправить это убогое отступничество и вернуть народу хоть сколь-нибудь терпимую степень хороших манер, чтобы мораль, по крайней мере, могла восстановить свой авторитет, а добродетель и трезвость снова были оценены как должно. Я думаю, организовать это трудно.

– *Facilis descensus Averno:
Sed revocare gradum...
Hoc opus, hic labor est*²¹,

Вергилий. Энеида, Песнь VI

*Переведем так*²²:

В Аверн спуститься нетрудно...
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться –
Вот что труднее всего!²³

Этот метод легче предписать, чем исполнить, хотя и идеально предписать его точно так же невозможно. Кое-что можно, однако, вывести путем наблюдения. Возможно, что другие доброжелатели впоследствии внесут свою лепту в эту сокровищницу, и некоторые ревностные реформаторы смогут наконец попытаться подорвать эти устои.

1. [Прежде всего] строгое исполнение законов против порока. Мы уже издавали и каждый день издаем очень хорошие законы, касающиеся перевоспитания народа, но польза законов состоит в исполнительной власти, и если она не применяется строго, законы становятся бесполезными, и лучше бы их вообще

entitled, an Essay upon the Insignificancy of Laws and Acts of Parliament in *England*; but upon second Thoughts, resolving to mingle no Satyr with my serious Observations, I omitted this also. The Deficiency of our Laws, is chiefly in the Want of Laws to reform the Law-makers, that the Wheel of executive Justice might be kept going; Of what Use else can Laws be?

(2) An exemplar Behaviour in our Gentry, after whose Copy the poor People generally write; not but that I acknowledge it will be harder, to reform a Nation, than it would to debauch it; though Virtue should obtain upon Custom; and become the Fashion, because Inclination does not stand neuter; but it would be a great Step to this Reformation, if we could all joyn to discourage Immorality by Example; That if a Man will be drunk or lewd, he shall *as a Thief robs a House*, do it in the Dark, and be ashamed of it. If these two Heads were brought to pass I question not but Reformation would come to such an heighth, that if a poor Man happened to be drunk, he should come and desire the Constable to set him in the Stocks, for fear of worse Punishment; and if a rich Man swore an Oath in his Passion, he should send his Footman to the next Justice of the Peace with his Fine, and get a Discharge for fear of being inform'd against and expos'd.

In order to the furthering this great Work, it would be very necessary, if possible, to draw the Picture of our modern Vices, to let Mankind see by a true Light what they are doing, and how ugly a Phyz the Mistress they court really appears with, when Inclination which paints her in different Colours is taken off.

'Twill be impossible to bring Vice out of Fashion, if we cannot bring Men to an Understanding of what it really is: But could we prevail upon a Man to examine his Vice, to dissect its Parts, and view the Anatomy of it; to see how disagreeable it is to him as a Man, as a Gentleman, or as a Christian; how despicable and contemptible in its highest Fruition, how destructive to his Senses, Estate, and Reputation; how dishonourable, and how beastly, in its publick Appearances, such a Man would certainly be out of Love with it, and be but Mankind once out of love with Vice, the Reformation is half brought to pass.

I shall not pretend to invade the Province of the Learned, nor offer one Argument from Scripture or Providence; for I am supposed to be talking to Men that doubt or deny them both. Divinity is not my Talent, nor ever like to be my Profession, the Charge of Priestcraft and Schoolmen would not lie against me; besides, 'tis not the way of talking that the World relishes at this Time; in a Word, talking Scripture is out of Fashion: But I must crave leave to tell my Reader, that if there were no God or Providence, Devil or future State, yet they ought not to be Drunken and Lewd, Passionate, Revengeful or Immoral; 'tis so Unnatural, so Unruly, so Ingenteel, so Foolish and Foppish, that no wise Man as a Man can justify it so much as to his own Reason, or the Memory of his Ancestors. I suppose my self talking to Men that have

не издавали. Было время, когда я собирался включить сюда трактат под названием «Очерк о незначительности законов и актов парламента в Англии», но, поразмыслив, решив не смешивать сатиру с моими серьезными наблюдениями, опустил эту часть. Недостаток наших законов состоит главным образом в том, что они не могут реформировать самих законодателей так, чтобы колесо исполнительной юстиции продолжало вращаться. Иначе какая еще польза от законов?

2. Примерное поведение нашего дворянства, по образцу которого обычно поступают бедняки. Но я признаю, что преобразовать нацию будет труднее, чем развратить ее, хотя добродетель должна войти в обычай и стать модной, потому что [людские] склонности изменчивы. Но в подобной реформе было бы великим шагом, если бы мы все могли объединиться, чтобы воспрепятствовать безнравственности собственным примером. Так, если человек напьется или станет распутничать, он будет, подобно *грабителю*, делать это в темноте и [утром] стыдиться этого²⁴. Если бы эти два пункта были приведены в исполнение, я не сомневаюсь, что исправление достигло бы такой высоты, что если бы случилось бедняку напиться, он сам пришел бы и попросил констебля посадить его в колодки из страха перед худшим наказанием; а если бы богатый человек в сердцах выругался, он отправил бы своего лакея со штрафом к первому же мировому судье и заплатил бы сполна из страха быть обвиненным и разоблаченным.

Чтобы продолжить эту трудную работу, было бы необходимо, если возможно, рисовать картины наших современных пороков, чтобы люди увидели в истинном свете свои деяния и то, какой в действительности уродливой [становится] физиономия любовницы, за которой они волочатся, как только исчезает дурная склонность, которая заставляет приукрашивать ее на все лады.

Невозможно вывести порок из моды, если мы не можем привести людей к пониманию того, что он представляет собой на самом деле. Но можно заставить человека исследовать его порок, препарировать его части и рассмотреть анатомию, увидеть, как он неподобающ человеку, джентльмену или христианину; как отвратителен и презрен порок в своем высшем цветении; как разрушителен для чувств, состояния и репутации; как бесчестен и как мерзок в своих публичных проявлениях. [В этом случае] такой человек, конечно, разлюбил бы порок. И как только однажды человечество разлюбит порок, можно будет считать, что Реформация наполовину осуществится.

Я не стану претендовать на то, чтобы вторгнуться в область людей ученых, и не приведу ни одного довода из Писания или Провидения, ибо предполагается, что я говорю с людьми, которые сомневаются в оных или отрицают их. Говорить о божественном – не мой талант, и непохоже, чтоб это когда-либо стало моей профессией. Обвинения в священствовании и схоластике не оболгут меня. Кроме того, это не тот способ говорить, который бы ценился в мире в наше время. Одним словом, цитировать Священное Писание вышло из моды. Но я должен просить позволения сказать моему читателю, что даже если бы не было Бога и Провидения, дьявола и загробной жизни, все же люди не должны были бы напиваться и быть похотливыми, предаваться страстям, быть мстительными или

nothing to do with God, and desire he should have nothing to do with them; and yet even to such, a vicious Conversation, look'd on without the Gust of Inclination, would appear too brutish to be meddled with, if we will but choose *like Men*, not to say *like Christians*; Virtue and Morality is more agreeable to human Nature, more manly than Vice and Intemperance; 'tis more suitable to all the Ends of Life, to the Being of Society, to the publick Peace of Families, as well as Nations. Mankind would rather be virtuous than vicious, if they were to choose only for their own Case and Convenience. Vice tends to Oppression, War and Confusion; Virtue is peaceable and honest; Vice is a Poison to Society, no Man is safe if Men have neither Sobriety or Honesty; for the Innocent will be robb'd by the Thief, ravisht by the Lewd, and murther'd by the Drunkard.

It might not be a needless Digression if I should examine here, whether Whoring and Drunkenness be not the two Mother Sins of the Times, the Spring and Original of all our fashionable Vices; I distinguish this because other Sins, as Murders, Thefts, Rapes and the like, are now come so much in Vogue; we are content the Laws should be executed for them, but should think it very hard a Man shou'd be hang'd for Whoring, or transported for being Drunk.

I would not have any of our Gentlemen think, that my laying the Charge of our Debauchery on the Examples of the Gods, has taken off any Thing of the Blame from those who have industriously propogated the spreading Evil, among their Tenants and Neighbours, by their own vicious Example; and I could turn the whole Observation into a Satyr on the manners of our Gentlemen, and describe with what Easiness our Magistrates let fall the Reins of their Authority, and connive at the Practice of all manner of Intemperance and Excess among the People; with what Eagerness the poor Countrymen are call'd in to be made drunk upon every Occasion; with what Contempt any Person is look'd upon either in Town or Country, that either will not be drunk, or cannot bear an excessive Quantity of Wine: How our common Mirth is fill'd with Songs and Poems, recommending Drunkenness and Lewdness, and rampant Vice rides Riot through the Nation. But as above I avoid Satyr, I shall endeavour to treat this foul Subject, in as civil Terms as the Case will bear, and only examine general Conversation in particular Heads, with some vulgar Errors of Behaviour which are crept in, and which seem authorized by Custom.

аморальными. Это так неестественно, так неправильно, так неблагородно, так глупо и тщеславно, что ни один воистину мудрый человек не может оправдать это с человеческой точки зрения ни по отношению к себе, ни в отношении своих предков. Полагаю, что разговариваю с людьми, которые не имеют ничего общего с Богом и желают, чтобы Он не имел ничего общего с ними. И все же даже такой порочный разговор, если смотреть на него без предубеждения, показался бы слишком грубым, чтобы вмешиваться в него, если бы мы относились к нему просто как люди, не говоря уже – как христиане. Добродетель и нравственность более приятны человеческой природе, более человечны, чем порок и невоздержанность. Они более подходят для всех целей жизни – для бытия общества, для спокойствия в семье, равно как и в народе. Человечество предпочло бы быть добродетельным, а не порочным, если бы оно выбирало только в интересах своей собственной простоты и удобства. Порок ведет к угнетению, войне и смуте – добродетель миролюбива и честна. Порок – яд для общества, ни один человек не будет в безопасности, если люди вокруг нетрезвы и нечестны, ибо невинный будет ограблен вором, изнасилован развратником и убит пьяницей.

Думаю, не будет излишним отступлением, если я рассмотрю здесь, являются ли блуд и пьянство двумя основными грехами нашего времени, источником и первопричиной всех наших модных пороков. Я выделяю эти грехи потому, что другие грехи – такие как убийства, кражи, изнасилования и тому подобные – теперь стали столь распространены, что мы вполне довольствуемся исполнением законов по отношению к ним, но в то же время полагаем, что очень трудно повесить человека за блуд или осудить за пьянство.

Я не хотел бы, чтобы кто-нибудь из наших джентльменов думал, что я возлагаю вину за наш разврат на поведение богов и отрицаю вину тех, кто усердно распространял зло среди своих арендаторов и соседей собственным порочным примером. Я мог бы превратить все эти наблюдения в сатиру на нравы наших джентльменов и описать, с какой легкостью наши судьи отпускают бразды правления своей власти и на практике потворствуют пьянству и невоздержанности в народе; как упорно уговаривают бедных соотечественников всякий раз напиваться; с каким презрением смотрят на любого человека в городе или в деревне, который либо не хочет быть пьяным, либо не может вынести чрезмерного количества вина; как наше общее веселье сопровождается песнями и стихами, прославляющими пьянство и распутство. Разгул порока торжествует по всей стране. Но, как я говорил выше, я избегаю сатиры. Я постараюсь относиться к этой скверной теме настолько цивилизованно, насколько это позволительно в данном случае, и рассмотрю разговор в общем лишь в отдельных главах о некоторых распространенных ошибках поведения, которые закрались в нашу повседневность и кажутся разрешенными и привычными.

3. Of Atheistical and Profane Discourse.

OD Almighty himself is the least beholding to this Age, of any that ever was from the Beginning of Time; for that being arriv'd to a Degree of Knowledge superior to all that went before us, or at least fancying it to be so. Whereby the greater Glory might accrew to himself the Author of all Wisdom, that very Gift, the brightest of all the heavenly Blessings, is made use of to put the greatest Contempt upon his Majesty that Mankind is capable of, to deny his Essence: Such an Affront that the Devils themselves never had the Impudence to suggest to the World, till they found Man arriv'd to a Degree of Hardness fit for something never done before. All the Heathen Nations in the World came short of this; the most refin'd Philosophers own'd a *first Cause* of all Things, and that something was superior, whose Influence govern'd, and whose being was Sacred and to be Ador'd. The Devil himself, who is allow'd to be full of Enmity against the supreme Being, has often set up himself to be worshipp'd as a God, but never prompted the most barbarous Nations to deny the Being of a God; and 'tis thought that even the Devil himself believ'd the Notion was too absurd to be imposed upon the World. But our Age is even with him for his Folly; for since they cannot get him to joyn in the Denial of a God, they will deny his Devilship too, and have neither one nor other.

'Tis worth Observation, after the most convincing Arguments that Nature and Reason can produce for the Existence of a Deity, what weak, foolish, ridiculous Shifts the most refin'd of our Atheistical Disputants fly to in Defence of their Notion; with what senseless Pains they Labour to reason themselves into an Opinion, which their own Constitution, Nature and way of Living gives the Lie to, every Moment; with how little Consistency they solve all the other Phœnomena of Nature, and Creation; that when in all other Points they are capable of arguing strenuously, and are not to be satisfied but with Strength of Reason and sound Argument; here they admit Sophisms, delusive Suppositions, and miserable Shams and Pretences to prevail upon their own Judgments. This is touch'd at in the following Lines upon the System of *Prometheus*, which I could not omit upon this Occasion, relating to the Heathens Ignorance in the great Doctrine of first Causes.

*The Great Promethean Artist, Poets say,
First made the Model of a Man in Clay*

3. Об атеистическом и мирском в беседе

ам Бог Всемогущий испокон веков, что существовали от начала времен, меньше всего держит ответ за наш век, который достиг уровня знаний, превосходящего все, что было до нас, или, по крайней мере, полагая, что это так. Благодаря этому еще большая слава могла бы достаться Ему, Автору всей мудрости, за каждый Его дар, используемый людьми, ярчайшее из всех небесных благословений, в то время как этот самый дар [знаний] используется для того, чтобы нанести величайшее оскорбление Господу, на которое только способно человечество,— отрицать саму Его сущность. Такое оскорбление, что и сам дьявол никогда не имел дерзости предложить миру, пока не нашел человека, дошедшего до такой степени черствости, что он сгодился для того, чего никогда не существовало раньше. Даже все языческие народы мира не дошли до такого. Даже самые великие философы²⁵ признавали первопричину всего сущего²⁶. И эта первопричина была чем-то наивысшим, неким управляющим влиянием, чье бытие было священным и достойным поклонения. Да и сам дьявол, которому дозволено быть полным вражды к Высшему существу и который часто подставлял людей, чтобы ему поклонялись как Богу, никогда не побуждал даже самые варварские народы отрицать Его существование. И думается, что даже сам дьявол считал эту идею слишком абсурдной, чтобы навязывать ее миру. Но наш век сравнялся с ним в его безрассудстве, ибо, поскольку люди не могут заставить его принять отрицание Бога, они также будут отрицать его дьявольскую силу и не будут поклоняться ни тому, ни другому.

Стоит отметить, что после столь убедительных доводов природы и разума в пользу существования Божества к каким слабым, глупым, нелепым подтасовкам прибегают самые утонченные из наших атеистических спорщиков в защиту своих представлений, с каким бессмысленным трудом они возвращают в себе мнение, которому их собственное телосложение, природа и образ жизни противятся каждое мгновение; с какой непоследовательностью они судят обо всех других явлениях природы и творения²⁷. Если во всех других вопросах они способны упорно спорить и руководствоваться силой рассуждения и весомостью аргумента, то в этом вопросе [о существовании Бога] они пользуются в своих суждениях преимущественно софизмами, обманчивыми предположениями, [выказывают] притворство и [предъявляют] жалкие претензии. Об этом говорится в следующих строках системы Прометей, касающихся невежества язычников, в его великом учении о первопричинах, которые я не мог в данном случае пропустить:

*Поэты говорят: великий Прометей
из глины человека сотворил²⁸*

*Contriv'd the form of Parts, and when he had done,
Stole vital Heat from the Prolifick Sun:
But not a Poet tells us to this Day,
Who made Prometheus first, and who the Clay,
Who gave the great Prolifick to the Sun,
And where the first productive Work begun.*

Also *Epicurus* his Phylosophy will satisfy some People, who fancies the World was made by a strange fortuitous Conjunction of Atoms, without any pre-existent Influence, or without any immediate Power, which Mr. Creech very well translates thus:

*But some have dreamt of Atoms strangely hurl'd,
Into the decent Order of the World,
And so by Chance combin'd, from whence began
The Earth, the Heaven, the Sea, and Beast, and Man.*

To which I crave leave to subjoin one Complement, by way of Confutation of this Folly;

*Forgetting first that something must bestow,
Existence on those Atoms that did so.*

The Arguments for the Existence of a Deity, are so many, so nicely handled, and so unanswerable, that 'tis needless to attempt any Thing that Way, no Man in his Wits needs any further Demonstration of it, than what he may find within himself; nor is it any Part of the Work I am upon, I have only a few Things to ask of our modern Atheists.

I. Whether their more serious Thoughts do not reflect upon them in the very Act, and give the Lie to their Arguments. My Lord *Rochester*, who was arriv'd to an extraordinary Pitch in this Infernal Learning, acknowledg'd it on his Death Bed; the Sense Nature has upon her of the Certainty of this great Truth, will give some Convulsions at so horrid an Act.

*Nature pays Homage with a trembling Bow,
And Conscious Men but faintly disallow,
The secret Trepidation racks the Soul,
And while he says, no God, replies, Thou Fool.*

2. I would ask the most confident Atheist, what Assurance he has of the Negative, and what a Risque he runs if he should be mistaken? This we are sure of, if we want Demonstration to prove the Being of a God, they are much more at a Loss for

*и жар у солнца щедрого украл,
чтобы вдохнуть в него.
Но ни один поэт не скажет:
кто Прометей сотворил?
Кто глину сотворил?
Кто солнце щедрое зажег
и кто начало положил всему?*²⁹

Возьмем также Эпикура. Его философия удовлетворит тех, кто воображает, что мир был создан странным случайным соединением атомов без какого-либо предшествующего воздействия или без какой-либо непосредственной силы³⁰. Мистер Крич³¹ очень хорошо переводит Эпикура так:

*Кому-то снилось: брошенные странно
в порядок мира стройный атомы
соединились так, что стали
землей и небом, морем, зверем, человеком.*

Я прошу разрешения присоединить сюда одно дополнение, чтобы опровергнуть это безумие:

*Забыв о том, что кто-то должен даровать
существование атомам*³².

Доводы в пользу существования божества так многочисленны, так хорошо известны и так неопровержимы, что нет необходимости пытаться что-либо доказывать в этой области. Ни один человек, [пребывающий] в своем уме, не нуждается в дальнейших доказательствах, кроме тех, что он может найти в своей душе. И это не является частью работы, которую я здесь предлагаю [осуществить]. У меня есть только несколько вопросов, которые я хочу задать нашим современным атеистам.

1. Не обращаются ли самые их серьезные идеи против них в процессе этого отрицания и не делают ли они ложными все их доводы? Милорд Рочестер, достигший необычайной высоты в своей адской учености, признал это на смертном одре. Чувство уверенности, которое сама природа вызывает при обращении к этой неопровержимой истине, вызовет конвульсии от столь ужасного поступка³³.

*В дрожащем поклоне природа
почтение Богу окажет,
но трепетом тайным измучит
сомнение душу людскую:
кто скажет надменно: «Нет Бога»,
тому он ответит: «Глупец»*³⁴.

2. Я бы спросил самого убежденного атеиста, как он может быть уверен в своем отрицании и чем рискует, если ошибается³⁵? Мы уверены в этом, если мы хотим, чтобы демонстрация доказывала бытие Бога, они еще пуше заблуждаются,

a Demonstration to prove the Negative. Now no Man can Answer it to his Prudence, to take the Risque they run, upon an uncertain supposititious Notion; for if there be such a Thing as a first Cause, which we call God, they have very little Reason to expect much from him, who have made it their Business to affront him by denying his Existence. Nor have they acted in their Denial like wise Men, for they have not used so much as the Caution of good Manners, but as if they were as sure of his Nonentity, as of the strongest Demonstration, they have been witty upon the Thing, and made a jest of the Supposition, turn'd all Matters of Faith into Ridicule, burlesqu'd upon Religion it self, and made Ballads and Songs on the Bible; thus Rochester has left us a long lewd Song, beginning thus:

*Religion's a Politick Cheat
Made up of many a Fable,
Ne're trouble the Wise or the Great,
But only amuses the Rabble.*

Now, I am not in this Discourse entring into any of the Arguments in these grand Questions on one side or other, that would be to make this Work a Collection of Polemicks; nor am I Casuist enough for such a Work; but I am observing or remarking upon the Wickedness of the treating these Subjects with Levity and Ignorance in the common Road of Conversation.

Methinks these Gentlemen act with more Courage than Discretion; for if it should happen at last, that there should be a God, and that he has the Power of Rewards and Punishments in his Hand, as he must have or cease to be Almighty, they are but in an ill Case.

*If it should so fall out, as who can tell,
But there may be a God, a Heaven, a Hell,
Mankind had best consider well for fear,
T'should be too late when their Mistakes appear.*

Nor do they in my Opinion discover any great Wit in it; there is if I might pass for a Judge, something flat, something that shocks the Fancy, in all the Satyr upon Religion that ever I saw; as if the Muse were not so much an Atheist as the Poet, but bauks the Hint, and could not favour a blasphemous Flight with so much Freedom and Spirit that at other Times it has shown; which is a Notice that there is a *tacit* Sense of the Deity, though they pretend to deny it lodg'd in the Understanding, that it is not stifled without some Difficulty, and struggles hard with the Fancy, when the Party strives to be more than ordinary Insolent with his Maker.

In the next Place as 'tis one of the worst Immoralities of Conversation when it is prophane, so Blasphemy is the Extream of Prophaneness; you cannot come into Company with an Atheist, but you have it in his common Discourse; he is always putting

что демонстрация может доказать нечто обратное. Итак, ни один человек не может честно пойти на риск, которому подвергаются такие отрицатели, приверженцы неопределенного предположения. Если существует такая вещь, как первопричина³⁶, которую мы называем Богом, то у них [найдется] ничтожно мало оснований ожидать многого от Того, Кто позволил им оскорблять Его, отрицая само Его существование. И в своей отрицании они не проявляют мудрости, ибо даже из предосторожности не выказывают хорошие манеры. Но они столь же уверены в Его отсутствии, как были бы [уверены] при самой убедительной демонстрации оного. Они чрезвычайно остроумны и превращают гипотезы в остроты, а все вопросы веры – в насмешку, пародируют саму религию и сочиняют баллады и песни на библейские темы. Например, Рочестер оставил нам длинную непристойную песню [о Библии]³⁷, начинающуюся так:

*Религия – расчетливый обман –
созворена из небылиц
не для великих, не для мудрых,
но лишь для развлеченья черни*³⁸.

Итак, я не вступаю в спор ни с одной из сторон в этих глобальных вопросах. Это означало бы превратить мой труд в собрание полемики. Я недостаточно казуистичен для такой работы, но я наблюдаю порочность легкомысленного и невежественного обращения с этими предметами в обычных разговорах.

Мне кажется, что эти господа действуют скорее безрассудно, чем осмотрительно, ибо если в конце концов окажется, что Бог существует и что Он имеет в своих руках власть карать и миловать, как Ему и полагается – иначе Он не всемогущий Бог, – то все они окажутся в довольно скверной ситуации:

*И если так окажется, как говорят,
что существуют Бог, и рай, и ад,
то нужно жизнь скорее изменить,
пока не стало слишком поздно*³⁹.

К тому же, на мой взгляд, они [критики религии] не обнаруживают большого остроумия. Есть, если позволите, что-то плоское, что-то убивающее воображение во всей той сатире на религию, что я когда-либо видел. Как будто муза не столько атеистка, сколько поэт, и отвергает намек, и не может одобрить богохульный полет фантазии с той же свободой и вдохновением, как в ином случае. Получается, что существует *молчаливое присутствие* Божества, заключенное в разуме, хотя они [атеисты] и притворяются, что отрицают его. Его не задушить без некоторого труда. Оно упорно борется с [богохульной] фантазией, когда пишущий стремится быть более обыкновенного дерзким со своим Создателем.

Во-вторых, так как богохульство – одна из худших сторон сквернословия, то оно есть крайняя степень осквернения. В компании атеиста вы всегда услышите его [голос] в общем разговоре. Он обязательно вставит какую-нибудь шуточку

some Banter or foolish Pun upon Religion, affronting the invisible Power, or ridiculing his Maker; all his Wit runs out into it, as all Diseases run, into the Plague in a Time of Infection, and you must have Patience to hear it or quarrel with him.

Below these we have a Sort of People who will acknowledge a God, but he must be such a one as they please to make him; a fine well bred good natur'd Gentleman like Deity, that cannot have the Heart to damn any of his Creatures to an Eternal Punishment, nor could not be so weak as to let the Jews crucify his own Son; these Men expose Religion, and all the Doctrines of Repentance, and Faith in Christ, with all the Means of a Christian Salvation, as matter of Banter and Ridicule. The Bible they say is a good History in most Parts, but the Story of our Saviour they look upon as a meer Novel, and the Miracles of the New Testament as a Legend of Priestcraft.

Further, besides these we have *Arians* and *Socinians*, the Disciples of an ancient Heretick, who went out of the Church always at the singing the *Gloria Patri*, that he might be out of the Noise, and would sit down at the Doxology of the Prayers, to note his disowing the Godhead of Jesus Christ.

These are Iniquities, as Job said, should be punished by the Judges, cap. XXXI.V.XI. and these are the Things which have given such a Stroke to the Ruin of the Nation's Morals; for no Method can be so direct to prepare People for all Sorts of Wickedness, as to persuade them out of a Belief of any supreme Power to restrain them; make a Man once cease to believe a God, and he has nothing left to limit his Appetite but meer Philosophy; if there is no supreme Judicature, he must be his own Judge and his own Law, and will be so; the Notion of Hell, Devil, and Infernal Sprights are empty Things, and have nothing of Terror in them, if the Belief of a Power superior to them be obliterated.

But to bring this particular Case nearer to the Point of Conversation, the Errors of which lie before me; though we live in an Age where these horrid Degrees of Impiety are too much practised; yet we live in a Place where Religion is professed, the Name of God owned and worshipped, Religion and the Doctrines of Christianity established; and as it is so, it ought as much to be preserved by the Civil Power, from the horrid Invasion of Atheists, Deists and Hereticks, as the Publick Peace, ought to be defended against Freebooters, Thieves, and Invaders.

'Tis very improbable any Reformation of Manners should be brought to pass, if the debauching the religious Principles of the Nation, goes on with an unrestrain'd Liberty. How incongruous is it to the Decoration of Government, that a Man shall be punished for Drunkenness, and set in the Stocks for Swearing, but shall have Liberty to deny the God of Heaven, and dispute against the very Sum and Substance of the Christian Doctrine, shall banter the Scripture, and make Ballads of the Pentateuch, turn all the Principles of Religion, the Salvation of the Soul, the Death of our Saviour, and the Revelation of the Gospel, into Ridicule? And shall we pretend to Reformation of Manners, and suppressing Immoralities, while such as this, is the general Mixture of Conversation? If a Man talk against the Government, or speak scurrilously of the King, he is had to the *Old Bayly*, and from thence to the Pillory, or Whipping Post,

или глупый каламбур по отношению к религии, оскорбляя невидимую Власть или высмеивая своего Создателя; все остроумие атеиста сосредоточено в богохульстве, как все болезни оканчиваются чумой во время эпидемии. И вы должны или терпеть и выслушивать это, или же рассориться с ним.

Еще ниже стоят те, кто признают Бога, но лишь такого, каким они хотят Его видеть. Этаким божеством наподобие благовоспитанного господина⁴⁰, бессердечного, способного обречь любое из Его созданий на вечное наказание, не проявившего сострадание и позволившего евреям распять собственного Сына. Эти люди выставляют на посмешище и религию, и учение о покаянии, и веру во Христа, и пути христианского спасения. «Библия, – говорят они, – по большей части правдивая история», но историю нашего Спасителя они считают всего лишь романом⁴¹, а чудеса Нового Завета – легендой о священстве.

Далее, кроме них, у нас есть *ариане*⁴² и *социниане*⁴³, ученики одного древнего еретика, который всегда выходил из церкви при пении *Gloria Patri*⁴⁴, чтобы не слышать этих звуков, и возвращался к славословиям, чтобы продемонстрировать свое отречение от [идеи] Божественности Иисуса Христа.

Такое беззаконие, как сказал Иов, должно быть наказано судьями (гл. XXII, V, стих 20)⁴⁵, и именно это беззаконие нанесло существенный удар по разрушению нравственности нации. Ибо ни один другой метод столь прямо не готовит людей ко всякого рода злу, как разрушение их веры в Высшую Силу, способную сдержать их. Заставьте человека однажды перестать верить в Бога, и у него не останется ничего, что могло бы ограничить его аппетит, кроме простой философии. Если нет высшего суда, он должен стать своим собственным судьей и своим собственным законом и станет им. Представления об аде, дьяволе и адских духах – пустые вещи, и в них нет ничего ужасного, если вера в силу, превосходящую их, уничтожена.

Но чтобы приблизить этот конкретный случай к предмету разговора, назову очевидные для меня ошибки. Хотя мы живем в эпоху, когда нечестивость самой ужасающей степени практикуется слишком широко, мы все же живем там, где исповедуется религия, имя Бога признается и почитается, где установились доктрины христианства. Поскольку это так, то гражданская власть должна так же охранять нас от ужасного вторжения атеистов, деистов и еретиков, как общественное спокойствие должно быть защищено от грабителей, воров и захватчиков.

Весьма маловероятно, что осуществится какая-либо реформа нравов, если возвращение религиозных принципов народа будет продолжаться с неограниченной свободой. Как неуместно для справедливого правительства наказывать человека за пьянство, сажать в колодки за нечестивость и в то же время оставить ему свободу отрицать Отца Небесного и спорить против самого содержания христианского учения, насмехаться над Писанием и сочинять [сатирические] баллады на Пятикнижие, превращать все принципы религии – спасение души, смерть нашего Спасителя и откровение Евангелия – в насмешку. И можем ли мы претендовать на исправление нравов и подавление сквернословия, в то время как подобные разговоры являются всеобщим явлением? Если человек выступает против правительства или грубо отзывается о короле⁴⁶, его отправляют в *Олд-Бейли*⁴⁷, а там

and 'tis fit it should be so: But he may speak Treason against the Majesty of Heaven, deny the Godhead of his Redeemer, and make a Jest of the Holy Ghost, and thus affront the Power we all adore, and yet pass with Impunity; perhaps some in the Company may have Courage enough to blame him, and vindicate their Religion with a *Why do ye talk so?* But where is the Man, or the Magistrate, that ever vindicated the Honour of his Maker, with a Resentment becoming the Crime? If a Man give the Lie to a Gentleman in Company, he takes it as an Affront, flies into a Passion, quarrels, fights, and perhaps murders him; nay, some have done it for an absent Friend, whom they have heard abused: But where is the Gentleman that ever thought himself so much concern'd in the Quarrel of his Maker, but that he could hear him affronted, his Being deny'd, the Lie given to his divine Authority, nay, to his divine Being, and all his Commands ridicul'd and expos'd, without any Motion of Spirit to punish the Insolence of the Party, and without drawing his Sword in the Quarrel, or letting him know he does not like it.

Methinks, I need not make an Apology for this, as if I meant, that Quarrelling and Fighting were a proper Practice in the Case; the Law does not admit it in any Case; nor is it reasonable it should, and God Almighty is far from desiring us to run any Risque in his Service: But I chuse to bring the Cases into a Parallel, to signify, that I think 'tis a vulgar Error in our Behaviour, not to show our Resentment, when we hear the Honour and Essence of God slighted and denied, his Majesty abused, and Religion banter'd and ridicul'd in common Discourses. I think it would be very reasonable, to tell a Gentleman he wants Manners, when he talks reproachfully of his Maker, and to use him scurvily if he resented it. It would very well become a Man of Quality to cane a lew'd Fop, or kick him down Stairs, when his Insolence took a Loose at Religion in his Company, else Men may be bullied out of their Christianity, and lampoon'd into Prophaneness, for Fear of being counted Fools.

Besides, 'tis in in this as in all other like Cases; he that will talk atheistically in my Company, either believes me to be an Atheist like himself, or ventures to impose upon me; and by imposing upon me, either accounts me a Fool that can't tell when I am put upon, or a Coward that dare not resent it.

Upon which Account, even in good Manners, it ought to be avoided; for it can't be introduc'd into any Part of Conversation, where the Company are not all alike, without the greatest Affront upon the rest that can be offered them.

приговаривают к позорному столбу или ударам кнутом, и так и должно быть⁴⁸. Но он может возносить хулу на Святые Небеса, отрицать Божественность своего Искупителя и насмехаться над Святым Духом – и таким образом оскорблять Власть, которой мы все поклоняемся, – и все же остаться безнаказанным. Возможно, у кого-то в окружении и хватит смелости обвинить его и защитить свою веру словами: *Почему ты говоришь все это?*, но где же тот человек или судья, который когда-либо защищал честь своего Создателя с негодованием, равным преступлению? Если человек лжет некоему джентльмену в [приличном] обществе, тот воспринимает это как оскорбление, впадает в ярость, ссорится [с ним], вызывает на дуэль и, возможно, убивает его. Более того, некоторые сделают то же и за отсутствующего друга, которого при них оскорбили. Но где же такой джентльмен, который когда-либо считал себя столь возмущенным оскорблением своего Создателя, что, слыша поношения в Его адрес, отрицание Его, ложь о Его божественной власти и даже о Его божественном существовании, высмеивание и разоблачение Его заповедей, не проявил бы ни малейшего колебания духа, дабы наказать дерзость богохульника, не обнажил бы меч в защиту Его или не дал бы понять, что ему это не нравится?

Думаю, что мне не нужно разъяснять того, что я вовсе не имею в виду – что ссора и драка были бы в таком случае надлежащим последствием. Закон в любом случае не допускает этого, и это неразумно. Бог Всемогущий далек от того, чтобы мы подвергались какому-либо риску в служении Ему. Но я предпочитаю провести параллель между этими случаями, чтобы показать, что я считаю распространенной ошибкой в нашем поведении не показывать своего негодования, когда мы слышим, что богохульники пренебрегают честью и сущностью Бога, отрицают Его, оскорбляют Его величие, а также подтрунивают над религией и высмеивают ее в бытовой болтовне. Думаю, что было бы очень разумно сказать джентльмену, что ему не хватает хороших манер, когда он говорит с вызовом о своем Создателе, и грубо одернуть его, если он не признает это. Добропорядочному человеку вполне приличествовало бы высечь нечестивого щеголя или спустить его с лестницы, если в его обществе наглец непочтительно отзовется о религии, иначе людей, боящихся, что их сочтут дураками, можно, унизив, отвратить от христианства и превратить в богохульников.

Кроме того, в этом случае, как и во всех других подобных, тот, кто в моем обществе несет атеистическую чушь, либо считает меня таким же атеистом, как и он сам, либо осмеливается навязывать мне свое мнение; он считает меня или глупцом, который не видит, когда над ним насмеваются, или трусом, который не смеет возмущаться этим.

По этой причине даже из соображения приличий не следует вести атеистических разговоров, ибо их невозможно вести в компании единомышленников, не нанеся им глубочайшего оскорбления.

4. *Of Lewd and Immodest Discourse.*

Alking Bawdy, that Sodomy of the Tongue has the most of ill Manners, and the least of a Gentleman in it, of any Part of common Discourse. Sir *George Mackenzie* has very handsomely expos'd it in its proper Colours: But it may not be an Intrenchment at all upon his Province, to say something to it in these Observations.

This Part is the peculiar Practice of such Person as are hardened to a Degree beyond other Men; Proficients in Debauchery, whose Lives are so continually devoted to Lewdness, that their Mouths cannot contain it; who can govern their Tongues no better than their Tails, and are willing to be thought what really they are. In these, it is neither so strange, nor so much a Crime as in others; these are Persons not to be reclaim'd. This Part of my Observation is not designed for their Use; they are not to be talk'd out of their Vice; they must go on and run their Length: Nothing but a Goal or an Hospital ever brings them to a Reformation; they repent sometimes in that Emblem of Hell, a fluxing House, and under the Surgeons Hands, wish a little they had been wiser; but they follow one Sin with another, till their Carcass stinks as bad as their Discourse, and the Body becomes too nasty, for the Soul to stay any longer in it: From these no Discourse is to be expected, but what is agreeable to the Tenor of their Lives; for them to talk otherwise, would be strain'd and excentrick, and become them as little, as it would be tedious to them; but for a Gentleman, a Man of seeming Modesty, and a Man of Behaviour, not arriv'd to that Class in the Devil's School, for such a one to mix his Discourse with lew'd and filthy Expressions, has something in it of a Figure, which intends more than is express'd.

Either we must believe such a one to be very lew'd in his Practice; or else, that not being able yet to arrive to such a Degree of Wickedness as he desires, he would supply that Defect with a Cheat, and perswade you to believe he is really worse than he is.

Which of these two Characters I would chuse to wear, I cannot tell; for he that desires to be worse than he thinks he is, is certainly as bad as he desires to be; and he that is so bad as to let fly the Excrescencies of it at his Mouth, is as wicked as the Devil can in Reason desire of him.

But I descend from the Wickedness to the Indecency of the Matter; its being a Sin against God, is not so much the present Argument, as its being unmannerly, a Sin against Breeding, and Society, a Breach of Behaviour, and a saucy insolent Affront to all the Company.

4. О непристойных и нескромных разговорах

непристойной болтовне – этой содомии языка – гораздо больше дурного, нежели джентельменского, с какой стороны ни глянь. Сэр Джордж Маккензи великолепно описал это в надлежащих тонах⁴⁹. Ни в коем случае не посягая на его суждения, я могу здесь высказать некоторые свои соображения.

Сквернословие является характерной практикой таких людей, которые циничны в большей степени, чем другие; они опыты в разврате, их жизнь настолько посвящена распутству, что их уста уже не могут сдерживать его. Они могут управлять своим языком не лучше, чем своими «хвостами» [половыми органами], и хотят, чтобы их считали таковыми, какие они и есть на самом деле. Непристойности [в устах] таких людей звучат не так странно и не так преступно, как [в устах] других. [Но] это заблудшие души, которые нельзя спасти. Эта часть моего наблюдения и не предназначена для них. Их нельзя отговаривать от порока. Они все равно будут продолжать и дойдут до конца. Ничто, кроме тюрьмы или больницы, никогда не приводит их к исправлению. Иногда, [находясь] в венерической лечебнице, этом символе ада, они раскаиваются и под руками хирурга жалеют, что не были хоть немного мудрее. Но они пускаются в один грех за другим, пока их бранные останки не начинают вонять так же плохо, как и их речь, и тело не становится столь мерзким, что душа больше не может держаться в нем. От них не следует ожидать иных речей, кроме тех, что соответствуют их образу жизни. Говорить иначе было бы для них неудобно и странно, скучно, да и вовсе неподходяще. Но для джентельмена, человека надлежащей скромности и достойного поведения, не вступившего в этот класс школы дьявола, – для такого человека вставлять в свою речь грязные непристойные выражения означает, что он намеревается сказать больше, чем он может выразить.

Либо мы должны заключить, что этот человек исключительно распутен в делах своих, либо, не будучи еще в состоянии достичь той степени порочности, какой он желает, он восполняет эту недостачу обманом и заставляет вас поверить в то, что он хуже, чем есть на самом деле.

Какого из этих двоих я предпочел бы, не могу сказать. Тот, [второй], кто хочет казаться хуже, чем о нем думают, несомненно, настолько же плох, насколько желает таковым казаться. Он плох уже тем, что с языка его слетают гадости, и настолько нечестив, что дает этим повод дьяволу призвать его.

Но я перехожу от [размышлений о] сквернословии к рассуждениям о нарушении приличий. Грех против Бога – это не самая важная составляющая в предмете моего размышления. Скорее [в центре моего внимания] непристойность, то есть грех против наставлений и общества, нарушение правил поведения и не позволенное дерзкое оскорбление всех окружающих.

I do not deny, but that Modesty, as it respects the Covering our Bodies, was at first an Effect of the Fall of our Parents into Crime, and is therefore said still to be the Consequences of criminal Nature, and no Virtue in itself, because no Part of the Body had been unfit to be exposed, if Vice had not made the Distinction necessary.

But from this very Argument, lewd Discourse appears to be a Sin against Custom and Decency; for why must the tongue industriously expose Things and Actions at which Nature blushes, and which Custom, *let the Original be what it will*, has dedicated to Privacy and Retirement? What if it be true, that Shame is the Consequence of Sin, and that Modesty is not an original Virtue; it cannot but be allowed, that Sin has thereby brought us to a Necessity of making Modesty be a Virtue, and Sin would have a double Influence upon us, if after it had made us asham'd, it should make us not asham'd again.

'Tis in my Opinion a Mistake, when we say, Sin was the immediate Cause of Shame; 'twas Sin indeed gave a Nudity to our Natures and Actions; the Innocence which serv'd as a Glory and Covering, being gone, then Shame came in as the Effect of the conscious Sinner; so the Text says, *They knew that they were naked*: Shame was the Effect of Nakedness, as Nakedness was the Effect of Sin.

From hence then I argue, and this is the Reason of my naming it, That to be asham'd of our Nakedness, is a Token of our Wisdom, and a Monument of our just Sense of the first Sin that made it so, and as much a Duty now, as any other Part of our Repentance.

To give the Tongue then a Liberty in that which there is so much Reason to blush at, argues no Sense of the Original Degeneracy. Where is the Man that partakes not of *Adam's* Fall, has no vicious contracted Habit and Nature convey'd to him from his Grand-Predecessor? Let him come forth, let him go naked, and live by himself, and let his Posterity partake of his Innocence; his Tongue cannot offend, nothing can be indecent for him to say, nothing uncomely for him to see.

But if these Gentlemen think it proper to cover their Nakedness with their Clothes, methinks they should not be always uncovering it again with their Tongues; if there are some needful Things, which Nature requires to be done in secret, and which they by Inclination chuse to act in Private: What Reason can they give for speaking of them in Publick.

There is a strange Incongruity in the Behaviour of these People, that they fill their Mouths with the foul Repetition of Actions, and Things which their own Practicing in Private condemns them for, nay, which they would be asham'd to do in Publick; such Men ought to act the common Requirements of Nature, in the most publickest Places of the Streets, bring their Wives or Whores to the Exchange, and to the Market Places, and lye with them in the Street, or else hold their Tongues, and let their Mouths have no more the Stench of their Vices in Publick, than their Actions.

Я не отрицаю, что скромность⁵⁰ в том, что касается прикрытия наших тел, была изначально следствием грехопадения наших прародителей, и поэтому до сих пор [стыдливость] считается следствием греховности [человеческой] природы, а не добродетелью самой по себе, потому что ни одна часть тела не считалась бы обнаженной непристойно, если бы порок не создал этого различия⁵¹.

Но из этого самого рассуждения следует, что сквернословие есть грех против обычая и приличия. Ибо зачем языку усердно разоблачать вещи и поступки, от которых сама природа краснеет и которые обычай (*оставим в стороне его происхождение*) счел интимными и сокровенными? И если правда в том, что стыд есть следствие греха и что скромность – вовсе не врожденная добродетель, нельзя не допустить, что грех тем самым привел нас к необходимости сделать скромность добродетелью. Грех оказал бы на нас двойное воздействие, если бы после того, как он [единожды] заставил нас устыдиться, он не заставил бы нас снова испытывать чувство стыда.

По моему мнению, когда мы говорим, что грех был непосредственной причиной стыда, это ошибка. Действительно, грех заставил нас осознать нашу наготу. Невинность, которая служила человеку нимбом и покровом, исчезла. И тогда пришел стыд – результат осознанного греха. Таким образом, Писание говорит: *они узнали, что были наги*. Стыд был следствием наготы, как нагота была следствием греха.

Следовательно, утверждаю я, стыдиться своей наготы – признак нашей мудрости и признания справедливого чувства первородного греха, который был причиной стыда, и такой же долг, как и любая другая стезя нашего покаяния.

Следовательно, давать языку свободу в отношении того, за что есть столько причин краснеть, – значит отрицать смысл первоначального грехопадения. Ибо где тот человек, который не разделяет грехопадения *Адама*, не приобрел порочных привычек и природы, данной ему от первочеловека? Пусть он покажет себя, пусть ходит нагим и живет сам по себе, и пусть его потомство вкушает плоды его невинности. Его речи не могут оскорбить, и нет для него ни того, что говорить неприлично, ни того, что неподобающе видеть.

Но если эти джентльмены считают нужным прикрывать свою наготу одеждой, то, по моему, им не следует постоянно вновь демонстрировать ее в речи. Если существуют какие-то вещи, которые природа требует совершать тайно и которые они по своей склонности предпочитают делать наедине, то какой же смысл говорить об этом публично?

Есть странная несообразность в поведении таких людей. Они полнят свои уста нечестивым повторением тех поступков и [тех] вещей, которые они практикуют в их собственной частной жизни. Более того, которые постыдились бы совершать публично. Такие люди должны были бы удовлетворять свои самые низменные природные потребности в публичных местах на улице, приводить своих жен или шлюх на биржу и на рынок и возлежать с ними, или же пусть держат язык за зубами, и пусть на публике в их устах будет не больше зловония от их порочности, чем в их действиях.

And why of all the rest of the Parts of Life, must the Tongue take a peculiar Licence to revel thus upon Nature? as if she had a Mind to reproach her with the Infirmities she labours under: The Customs we are obliged to, tho' they are Cloggs upon Nature, and a Badge of original Defection; yet neither is there any thing so odious, or so burdensome, that these Gentlemen should triumph over the Nurse that brought them up.

Take the lewdest and most vicious Wretch that ever gave his Tongue a Loose in this hateful Practice, and turn him about to his Mother, you shall hardly prevail upon him to talk his lewd Language to her; there is something nauseous and surfeiting in that Thought. This talking Bawdy, is like a Man going to debauch his own Mother; for 'tis raking into the *Arcana*, and exposing the Nakedness of Nature, the common Mother of us all.

If, as a famous Man of Wit pretended, lying with a Woman was *the homliest thing that Man can do*; 'tis much more true, that talking of it is the homliest thing that Man can say.

Nor is there to me any Jest in these things, no Appearance of Mirth: There may be some Pleasure in wicked Actions, as the World rates Pleasure, but I must profess 'tis dull, and for Want of other more regular Tastes, that there should be Pleasure in the Discourse: 'Tis a prophaning of Nature, and bringing forth those Things she has hallowed to Secresy and Retirement, to the scandalous Indecency of publick Banter and Jest.

But Men, who have always something to say for their Folly, tell us, 'tis Custom only which has made any of these things uncommon; and there's no Sin in speaking that which there is no Sin in doing.

Let us grant them, that Custom only has done this: But if Custom has made these things uncommon, and conceal'd, or at least, banish'd them from the Voice of Conversation. 'Tis a Sin then against Custom to expose them again. Lawful Customs become allowed Virtues, and ought to be preserved. Custom is a good Reason in such Concealments; if Custom has lock'd them up, let them remain so; at least, till you can give a better Reason for calling them abroad again, than Custom has given for restraining them. Custom has made these things uncommon, because that Sin, which first made Nature naked, left her so captivated, by some of her Parts more than others, that she could not but blush at those, where Sin had taken up its peculiar Residence. Now, as I noted before, no Man can with any tolerable Satisfaction, expose the Parts, till he has first abstracted and separated the Sin, which having possess'd them, cover'd them at first with Shame: He that can do this, may go naked, and talk any thing.

И почему только язык из всех остальных частей тела должен иметь особое право так вольно злоупотреблять природой⁵², как если бы она хотела упрекнуть разум в ее немощах, под гнетом которых она должна трудиться? В традициях, что слерживают природу и являются «отметинами» первородного греха, которым мы столь обязаны, все же нет ничего столь отвратительного или обременительного, чтобы эти джентльмены [говорящие непристойности] восторжествовали над воспитавшей их няней [природой].

Возьмите самого последнего порочного негодяя, который когда-либо распускал язык, предаваясь этому отвратительному занятию, и поставьте его перед его собственной матерью. Едва ли вы заставите его говорить с ней на языке непристойностей. Есть что-то тошнотворное и мучительное в этой мысли. Такая болтовня похабна, как человек, развращающий свою собственную мать, ибо это посягает на *Тайну* и обнажает наготу природы, нашей общей матери.

Если, как утверждал один знакомый остроумец⁵³, возлечь с женщиной – это *самое неприглядное, что может сделать мужчина*, то гораздо более верно сказать об этом – самое отвратительное, что может сделать мужчина, так это говорить [об этом].

И нет для меня в этих вещах ни шутки, ни намек на веселье. Может быть, в дурных поступках и есть какое-то удовольствие в том смысле, как мир понимает удовольствие, но я должен сказать, что это скучно; и лишь за неимением других нормальных наклонностей [мы] должны находить удовольствие в обсуждении этого [вопроса]. Это осквернение природы и скандальная непристойность – выносить на обсуждение то, что освящено ею для секретности и уединения, на поругание шутками и насмешками.

Но люди, которым всегда есть что сказать в оправдание своей глупости, говорят нам, что лишь традиция сделала все это нежелательным, и нет греха в том, чтобы говорить о том, что [первоначально] совершать было не грешно.

Допустим, что только традиция – причина этого запрета. Но если традиция сделала эти вещи нежелательными и скрыла или, по крайней мере, изгнала их из обычного разговора, то получается, что снова впустить их означает противопоставить грех традиции. Узаконенные обычаи становятся дозволенными добродетелями и должны быть сохранены. Традиция – хороший аргумент для такого сокрытия. И если обычаем запретил их, то пусть они и остаются запрещенными, по крайней мере, до тех пор, пока вы не сможете найти более вескую причину для того, чтобы снова выйти из границ, предписанных традицией. Обычай сделал эти вещи нежелательными, потому что тот грех, который впервые обнажил природу, оставил его [человека] плененным некоторыми ее частями больше, чем другими⁵⁴, так что уже нельзя было больше не краснеть перед ними, пока грех не занял свое особое место. Теперь же, как я уже отмечал, ни один человек не может со сколь-нибудь сносным удовлетворением обнажить эти части [тела] до тех пор, пока не избежится от первородного греха, который, владея им, заставляет [его] стыдиться⁵⁵. Тот же, кто сможет так сделать, может ходить голым и говорить что угодно.

And for the same Reason, no Man can justify talking lewdly, but he that at the same Time throws away his Clothes, for to cover himself with his Hands, and uncover himself with his Tongue, are Contradictions in their own Nature, and one condemns the other. He that scorns the Decency of Words, should also scorn the Decency of Clothes, let his Body be as bald as his Discourse, and let him scorn the Shame of one, as well as the Shame of the other.

It is no Sin, they say, to talk of, what it is no Sin to do; and I may add, 'tis no Sin at all to shew, what 'tis no Sin to describe. Why is the Eye to be less offended than the Ear, since both are but the common Organs of the Understanding?

But the Weather and Inconveniencies of the Climate, are urged for clothing our Bodies, and I urge, Decency and good Manners for the Government of our Tongues; and let any one contend it with me, that thinks he can prove, that the Obligation of the first is greater than the Obligation of the last.

Much more might be said to this, but I make but an Essay, and am unwilling to run out into a long Discourse.

Of Talking Falsely.

BY Talking falsly, I do not design to enter upon a long Dissertation upon the Sin of Lying in general, I suppose all Men that read me will acknowledge Lying to be one of the most scandalous Sins between Man and Man; a Crime of a deep Dye, and of an extensive Nature leading into innumerable Sins; That is, as Lying is practised to deceive, to injure, betray, rob, destroy, and the like. Lying in this Sense is the concealing of all other Crimes, 'tis the Sheeps Clothing hung upon the Wolves back, 'tis the Pharisee's Prayer, the Whore's Blush, the Hypocrite's Paint, the Murderer's Smile, the Thief's Cloke, 'tis Joab's Embrace, and Judas's Kiss; in a Word, 'tis Mankind's Darling-Sin, and the Devil's distinguishing Character.

But this is not the Case I am upon, this is not the talking falsly I am upon, but a strange Liberty which (particularly in Conversation) People take to talk falsly, *without charging themselves with any Offence in it, either against God or Man*: This is to be considered in two or there Parts, not but that it has many more.

I. The Liberty of telling Stories, *a common Vice in Discourse*; the main End of this extraordinary Part of Tittle Tattle is to divert the Company, and make them laugh; but we ought to consider, whether that very empty Satisfaction either to ourselves

И по той же причине ни один человек не может оправдать непристойности речи, за исключением того, кто одновременно сбрасывает с себя одежду, прикрывая себя руками, и обнажает себя сквернословием – противоречие по определению, и одно отрицает другое. Тот, кто отрицает благопристойность слов, должен также отрицать благопристойность одежды. Пусть его тело будет таким же обнаженным, как и его речь, и пусть он отрицает стыд первого так же, как и стыд второго.

Не грех, толкуют, говорить о том, что не грешно совершать. Я могу добавить, что совсем не грех показать то, что не грешно описать. Почему глаз должен быть менее оскорблен, чем ухо, ведь оба они – лишь обычные органы восприятия?

Чтобы одевать наши тела, мы приводим в оправдание погоду и несовершенство климата, но я также призываю к порядочности и хорошим манерам для управления нашим языком. Пусть тот, кто думает, что может доказать, что первая обязанность важнее второй, оспорит мои слова.

Об этом можно было бы сказать гораздо больше, но я пишу всего лишь эссе и не хочу пускаться в долгие рассуждения.

О лживых речах

Говоря о лживых речах, я не собираюсь вступать в длинную дискуссию о грехе лжи вообще. Я полагаю, все мои читатели признают ложь одним из самых позорных людских грехов, проступком, совершаемым часто и встречающимся повсеместно, приводящим к бесчисленным грехам, поскольку ложь практикуется для обмана, причинения вреда, предательства, грабежа, разорения и тому подобного. Ложь в этом смысле есть сокрытие всех других преступлений. Это овечья шкура, наброшенная на спину волка⁵⁶. Это молитва фарисея⁵⁷, румянец блудницы, маска лицемера, улыбка убийцы, плащ вора. Это объятия Иова⁵⁸ и поцелуй Иуды⁵⁹. Одним словом, это излюбленный грех человечества и отличительный знак Сатаны.

Но это не тот случай, о котором я говорю; тот лживый разговор, что я имею в виду – странная вольность, которую люди (особенно в беседе) испытывают, произнося лживые слова и не думая, что *грешат при этом против Бога и против человека*. Я рассмотрю эту ложь с двух или трех сторон, но это не значит, что она не включает многих других.

I. Вольность в передаче историй – *распространенный порок в беседе*. Главная цель этой необычайно распространенной пустой болтовни состоит в том, чтобы развеселить компанию и рассмешить ее. Но мы должны подумать, можно ли

or Friends, is to be purchased at so great an Expence as that of Conscience, and of a Dishonour done to Truth.

'Tis scarce fit to say, how far some People go in this Folly, to call it no worse, even till sometimes they bring the general Credit of their Conversation into decay, and People that are used to them, learn to lay no Stress upon any Thing they say.

For once we will suppose a Story to be in its Substance true, yet to what monstrous a Bulk doth it grow, by that frequent Addition put to it in the Relation, till not only it comes to be improbable, but even impossible to be true; and the ignorant Relator is so tickled with having made a good Story of it, whatever it was when he found it, that he is blind to the Absurdities and Inconsistencies of Fact in Relation, and tells it with a full Face, even to those that are able to confute it, by proving it to be impossible.

I once heard a Man who would have taken it very ill to be thought a Lyar, tell a Story, the Facts of which were impossible to be true; and yet assert it with so much Assurance, and declare so positively, that he had been an Eye-Witness of it himself, that there was nothing to do but in respect to the Man, let him alone and say nothing. a Gentleman who sat by, and whose good Breeding restrained his Passion, turn'd to him, and said, did you see this Thing done Sir? yes, I did Sir, says Relator: Well Sir, replies the Gentleman, *since you affirm that you did see it, I am bound in regard to you to believe it; but upon my Word, 'tis such a Thing, that if I had seen it my self, I would not have believed it:* This broke the Silence, set all the Company a laughing, and exposed the Falsehood, more than down right telling him it was a Lye, which might besides have made a Broil about it.

'Tis a strange Thing, that we cannot be content to tell a Story as it is, but we must take from it on one Side, or add to it on another; till the Fact is lost among the *Addenda*, and till in Time even the Man himself remembring it only as he told it last, really forgets how it was Originally; this being so generally practised now, nothing is more common, than to have two Men tell the same Story quite differing one from another, yet both of them Eye-Witnesses to the Fact related. These are that sort of People, who having once told a Story falsly, tell it so often in the same or like manner, till they really believe it to be true.

This supplying a Story by Invention, is certainly a most scandalous Crime and yet very little regarded in that Part, it is a sort of Lying that makes a great Hole in the Heart, at which by Degrees a Habit of Lying enters in: Such a Man comes quickly up, to a total disregarding the Truth of what he says, looking upon it as a Trifle, a Thing of no import, whether any Story he tells be true or no, so it but commands the Company as they call it; that is to say, procures a Laugh, or a kind of Amazement Things equally agreeable to these Story-Tellers; for the Business is to affect the Company, either startle them with

купить настолько пустое для нас самих и для наших друзей удовлетворение за такие большие средства, как совесть и бесчестие, причиненное истине.

Нет слов описать то, как далеко заходят некоторые люди в этом безумии, если не сказать хуже. До тех пор, пока однажды они совершенно не потеряют веру в их слова, и люди, привыкшие к ним, не научатся не обращать внимание на то, что они говорят.

Предположим для примера, что на этот раз история по существу своему истинна, но до какого чудовищного размера она вырастает благодаря щедрому приукрашиванию и добавлениям, пока не становится не только невероятной, но даже и совершенно невозможной. Невежественный рассказчик так доволен тем, что сделал из нее хорошую историю, какой бы она ни была, когда он ее нашел, что он остается слеп к нелепостям и несоответствиям фактов в своем рассказе и бесстыдно излагает ее даже тем, кто могут опровергнуть ее, доказав, что она невозможна.

Однажды я слышал, как один человек, которому было бы очень неприятно, если бы его сочли лжецом, изложил историю, факты которой не могли быть правдой. И все же он утверждал это с такой уверенностью и так решительно заявлял, что он сам был очевидцем, что ничего не оставалось делать, как из уважения к нему оставить его в покое и не возражать. Джентльмен же, который сидел рядом и чье хорошее воспитание сдерживало его негодование, повернулся к нему и спросил: «Видели ли вы, как это случилось, сэр?» – «Да, сэр, видел», – отвечает рассказчик. «Ну что ж, сэр, – отвечает джентльмен, – *раз вы утверждаете, что видели это, я обязан вам поверить; но, честное слово, если бы я сам это увидел, то не поверил бы*». Это нарушило молчание, рассмешило всю компанию и разоблачило лжеца лучше, чем если бы ему напрямую заявили, что это ложь, что, помимо прочего, могло бы вызвать скандал.

Странно, что мы не можем довольствоваться тем, чтобы поведать историю такой, какая она есть. Нет, мы должны отнять у нее с одной стороны или прибавить с другой, пока [подлинные] факты не затеряются среди *добавлений* и пока со временем даже сам человек, помнящий ее только так, как он рассказывал эту историю в последний раз, действительно не забудет, какой она была изначально. Теперь это практикуется столь широко, что нет ничего более распространенного, чем два человека, рассказывающих одну и ту же историю совершенно по-разному, и при этом оба они являются очевидцами произошедшего. Такие люди, однажды солгав, впоследствии так часто излагают ее в той же или подобной манере, что действительно начинают верить, что она правдива.

Приукрашивание истории выдумкой – несомненно, чрезвычайно скандальный проступок, и все же очень редко это рассматривается подобным образом. Это ложь такого рода, что создает огромную дыру в сердце, и в него постепенно проникает привычка лгать. Такой человек быстро приходит к полному пренебрежению истиной в том, что он говорит, рассматривая это как пустяк, вещь, не имеющую значения, независимо от того, правдива ли та история, которую он рассказывает, или нет, так что она служит, как говорится, лишь для потехи

something wonderful, never heard of before; or make them laugh immoderately, as at something prodigiously taking, witty, and diverting.

It is hard to place this Practice in a Station equal to its Folly, 'tis a Meanness below the Dignity of common Sense: They that lye to gain, to deceive, to delude, to betray as above, have some End in their Wickedness; and though they cannot give the Design for an excuse of their Crime, yet it may be given as the Reason and Foundation of it: But to lye for Sport, for *Fun*, as the *Boys* express it, is to play at Shuttle-cock with your Soul, and load your Conscience for the meer sake of being a Fool, and the making a meer Buffoonry of a Story, the Pleasure of what is below even Madness itself.

And yet, how common is this Folly? How is it the Character of some Men's Conversation, that they are made up of Story? And how mean a Figure is it they bear in Company? Such Men always betray their Emptiness by this, and having only a certain Number of Tales in their Budget, like a Pedlar with his Pack, they can only at every House shew the same Ware over again, tell the same Story over and over, 'till the Jest is quite worn out; and to convince us, that much of it, *if not all*, is born of Invention, they seldom tell it the same Way twice, but vary it even in the most material Facts: So that though it may be remembered, that it was the same Story, it ought never to be remembered, that it was told by the same Man.

With what Temper should I speak of these People? What Words can express the Meanness and Baseness of the Mind, that can do thus? that sin without Design, and not only have no End in the View, but even no Reflection in the Act: the Folly is grown up to a Habit, and they not only mean no Ill, but indeed mean nothing at all in it.

It is a strange Length that some People run in this Madness of Life, and it is so odd, so unaccountable, that indeed 'tis difficult to describe the Man, tho' not difficult to describe the Fact. what Idea can be form'd in the Mind, of a Man, who does ill without meaning ill? that wrongs himself, affronts Truth, and imposes upon his Friends, and yet means no Harm; or to use his own Words, means nothing? That if he thinks any Thing, 'tis to make the Company pleasant, and what is this but making the Circle a Stage, and himself the Merry *Andrew*.

The best Step such Men can take is to LYE ON; *and this shews the Singularity of the Crime*; it is a strange Expression, but I shall make it out; their Way is, I say, to Lye on; 'till their Character is compleatly known, and then they can lye no longer; for he whom no Body believes, can deceive no Body, and then the Essence of Lying is removed; for

честной компании, то есть вызывает смех или своего рода изумление. [Это] вещи одинаково приятные для подобных рассказчиков, ибо их интерес состоит в том, чтобы развлечь компанию: либо удивить ее чем-то замечательным, никогда прежде не слышанным, либо заставить неумеренно смеяться, словно над чем-то необычайно захватывающим, остроумным и забавным.

Трудно сравнить эту привычку с чем-либо равным ей по глупости. Эта низость ниже достоинства и здравого смысла. Те, кто лгут, чтобы получить прибыль, обмануть, ввести в заблуждение или предать, как я говорил выше, имеют некую цель своего злодейства. Хотя они не могут оправдать свое преступление наличием умысла, все же оный может быть понят как причина и основание преступления. Но лгать для развлечения, для забавы, как выражаются мальчишки, играть в воланчик с вашей душой и обременять вашу совесть просто ради того, чтобы быть шутком, и превращать рассказ в шутовство, – это удовольствие даже ниже, чем безумие.

И все же насколько распространена эта глупость? Как это возможно, что у некоторых беседа состоит целиком из [вымышленных] историй?! И какое жалкое зрелище они представляют собой в любой компании! Такие люди всегда выдают этим свою пустоту и, имея в своем запасе лишь несколько историй, как корабейник со своей котомкой, в каждом доме могут только снова и снова доставать один и тот же товар, снова и снова пересказывать одну и ту же историю, пока шутка не станет совсем избитой. И чтобы убедить нас, что большая ее часть, *если не вся*, рождена выдумкой, они редко повторяют одно и то же, но варьируют ее даже в самых существенных фактах. Так что, хотя всем известно, что это была одна и та же история, совершенно невозможно поверить то, что она была рассказана одним и тем же человеком.

С каким чувством я должен говорить об этих людях? Какие слова могут выразить подлость и низость того ума, что способен совершить сей грех без умысла, ничего не дающего ни уму, ни сердцу? Эта глупость становится привычкой, и лгуны не только не имеют в виду ничего плохого, но и на самом деле не видят ничего особенного в своем поведении.

Эта странная дистанция, которую некоторые люди преодолевают в безумии жизни, так чудна и необъяснима, что действительно трудно описать такого человека, хотя и нетрудно описать сам факт. Какая мысль может возникнуть в голове человека, который совершает низкий поступок, не имея в виду ничего дурного, который вредит самому себе, искажает истину и навязывает ложь своим друзьям, но при этом не хочет причинить вреда или, говоря его собственными словами, ничего такого не подразумевает, а если он и думает о чем-то, то только о том, чтобы развлечь честную компанию? И что это такое, как не превращение круга друзей в сцену, а самого себя – в «веселого Эндрю»⁶⁰?

Лучшее, что могут сделать такие люди, это продолжать ЛГАТЬ. *И это показывает необычность их преступления.* Это странный вывод, но я разъясню его. Их путь, сказал бы я, состоит в том, чтобы продолжать врать до тех пор, пока их характер не станет до конца понятен, и тогда они больше не смогут делать это.

the Description of a Lye is, that 'tis spoken to deceive, or 'tis a Design to deceive. Now, he that no Body believes, can never lye any more, because no Body can be deceiv'd by him. Such a Man's Character is a Bill upon his Forehead, by which every Body knows, *Here dwells a Lying Tongue*: When every Body knows what is to be had of him, they know what to expect; and so no Body is deceiv'd; if they believe him afterwards, 'tis their Fault as much as his.

There are a great many Sorts of those People, who make it their Business to go about telling Stories; it would be endless to enumerate them, some tell formal Stories forg'd in their own Brain without any Retrospect either on Persons or Things; I mean, as to any particular Person, or Passage known, or in Being, and only with the ordinary Introduction of, *There was a Man, or, there was a Woman, and the like*.

Others again, out of the same Forge of Invention, hammer out the very Person, Man or Woman, and begin, *I knew the Man, or I knew the Woman*, and these ordinarily vouch their Story with more Assurance than others; and vouch also, that they knew the Persons who were concern'd in it.

The telling or writing a Parable, or an allusive allegorick History is quite a different Case, and is always Distinguish'd from this other Jestings with Truth; that it is design'd and effectually turn'd for instructive and upright Ends, and has its Moral justly apply'd: Such are the historical Parables in the holy Scripture, such the Pilgrims Progress, and such in a Word the Adventures of your fugitive Friend, *Robinson Crusoe*.

Others make no Scruple to relate real Stories with innumerable Omissions and Additions: I mean, Stories which have a real Existence in Fact, but which by the barbarous Way of relating, become as romantick and false, as if they had no real Original. These Tales, like the old Galley of *Venice*, which had been so often new vamped, doubl'd and redoubl'd, that there was not one Piece of the first Timber in her, have been told wrong so often, and so many Ways, 'till there would not be one Circumstnnce of the real Story left in the relating.

There are many more Kinds of these, such namely, as are personal and malicious, full of Slander and Abuse; but these are not of the Kinds I am speaking of; the present Business is among a Kind of white Devils, who do no Harm or Injury to any but to themselves; they are like the Grasshopper, that spends his Time to divert the Traveller, and does nothing but starve himself. The Conversation of these Men is *full of Emptiness*, their Words are Levity itself, and according to the Text, they not only tell Untruths, but *the Truth is not in them*. There is not a settl'd Awe or Reverence of Truth upon their Minds; 'tis a Thing of no Value to them, 'tis not regarded in their Discourse, and they give themselves a Liberty to be perfectly unconcern'd about the Thing they say, or the Story they tell, whether it be true, or no.

Тот, кому никто не верит, не может никого обмануть, и тогда суть лжи устраняется. Она состоит в том, что ее произносят или замышляют, чтобы обмануть. Так вот, тот, кому никто не верит, никогда больше не сможет лгать, потому что он никого не может обмануть. Характер такого человека – как «объявление» на лбу, по которому все знают: «Здесь живет пустомеля»⁶¹. Когда все знают, что услышат от такого вруна, они знают и чего ожидать, и поэтому никто не обманывается. Если же они впоследствии верят суеслову, то это их вина – так же, как и его.

Существует великое множество людей, которые считают своим долгом рассказывать истории. Перечислять их можно бесконечно. Некоторые излагают выдуманные истории, созданные в их собственном мозгу, безотносительно к конкретным людям или вещам – я имею в виду, не касаясь конкретного человека или того, что было, предваряя рассказ всего лишь обычным предисловием *Жил-был однажды человек...* или *Одна женщина как-то...* и тому подобным.

Другие же выковывают самого человека, мужчину или женщину, в той же самой кузнице изобретений, и начинают: *Я знал одного человека...* или *Знавал я эту женщину...*; такие люди обычно стоят на своем с большей уверенностью, чем первые, и часто утверждают, что они знают людей, которые были вовлечены в нее.

Пересказ или написание притчи или вымышленной аллегорической истории – это совершенно другой случай, и он всегда отличается от этого шутовства с тем, что притча изначально предназначена и на практике обращена к поучительным праведным целям, и ее мораль находит справедливое применение. Таковы исторические притчи в Священном Писании, таково «Путешествие пилигрима»⁶² и таково, в конце концов, приключения вашего скитающегося друга *Робинзона Крузо*⁶³.

Есть и те, кто не стесняются рассказывать реально произошедшие с ними истории с бесчисленными пропусками и домыслами. Я имею в виду истории, которые действительно имели место, но их рассказывают таким чудовищным образом, что они становятся такими же вымышленными и фальшивыми, как если бы под ними не было реальной почвы. Как старая «Венецианская галера», которую так много латали, переделывали и перекраивали, что в ней не осталось ни одного куска оригинальной древесины⁶⁴. Эти истории столько раз пересказывались неверно, что в пересказах не осталось ни одного обстоятельства от настоящих.

[Встречается] еще много других историй, задевающих [людей] лично и злонамеренных, полных клеветы и оскорблений. Но это не те истории, которые я имею в виду. Настоящая работа говорит о тех «белых дьяволах»⁶⁵, которые не причиняют вреда никому, кроме самих себя. Они подобны кузнечнику, который тратит свое время, чтобы развлечь прохожего, но сам умирает от голода⁶⁶. Болтовня этих людей *пуста*, их слова – само легкомыслие, и, согласно Писанию, они не только говорят неправду, но и *истины нет в них*⁶⁷. В них нет истинного благоговения и преклонения перед истиной. Она не имеет для них никакой ценности, ее не уважают в беседе. Они дают себе свободу быть совершенно безразличными к тому, что они говорят, или к истории, которую они рассказывают, будь она правдой или нет.

This is a most abominable Practice on another Account, namely, that these Men make a Jest of their Crime; they are a Sort of People that Sin laughing; that play upon their Souls as a Man plays upon a Fiddle, to make other People dance and wear itself out; they may be said to make some Sport indeed, but it is all at themselves, they are the Hearers Comedy and their own Tragedy; and like a penitent Jack-pudding, they will at last say, I have made others merry, but I have been the Fool.

I would be glad to shame Men of common Sense, out of this horrid Piece of Buffoonry; and one Thing I would warn them of, namely, that their learning to Lye so currently in Story, will insensibly bring them to a bold entrenching upon Truth, in the rest of their Conversation; the Scripture Command is, *Let every Man speak Truth unto his Neighbour*; if we must tell Stories, tell them as Stories, add nothing willfully to illustrate or set forth in the Relation; if you doubt the Truth of it, say so, and then every one will be at Liberty to believe their Share of it.

Besides, there is a spreading Evil in telling a false Story as true, namely, that you put it into the Mouths of others, and it continues a brooding Forgery to the End of Time; 'tis a Chimney-corner Romance, and has in it this distinguishing Article, that whereas Parables, and the Inventions of Men publish'd Historically, are once for all related, and the Moral being drawn, the History remains allusive only, as it was intended, as in several Cases (*a*) may be instanced within our Time (*b*) and without; here the Case alters, Fraud goes unto the World's End, for Story, never dies every Relator Vouches it for Truth, tho' he knows nothing of the Matter.

These Men know not what Foundations they are laying for handing on the Sport of Lying, *for such they make of it* to Posterity, not only leaving the Example, but dictating the very Materials for the Practice; like Family-Lies handed on from Father to Son, till what begun in Forgery Ends in History, and we make our Lies be told for Truth, by all our Children that come after us.

If any Man object here, that the preceeding Volumes of this Work seem to be hereby condemn'd, and the History which I have therein publish'd of my self, censur'd; I demand in Justice, such Objector stay his Censure, till he sees the End of the Scene, when all that Mystery shall discover it self, and I doubt not, but the Work shall abundantly justify the Design, and the Design abundantly justify the Work.

(*a*) *The Pilgrims Progress.*

(*b*) *The Family Instructor and others.*

Такая практика совершенно отвратительна по другой причине, а именно – потому что эти люди представляют свое преступление как некое шутовство. Это такие люди, которые грешат, смеясь, и играют со своей душой, как человек играет на скрипке, чтобы заставить других плясать и изнурять себя. Можно сказать, что они действительно забавляются, но все это за свой счет. Они – комедия для слушателей, но трагедия – для себя. И, как раскаявшийся Джек Пудинг, они в конце концов скажут: «Я веселил других, но сам был дураком⁶⁸».

Я был бы рад, если бы приверженцы здравого смысла устыдились этого ужасного шутовства. Я бы предупредил их об одном, а именно – что их привычка лгать, рассказывая истории, незаметно приведет их к вольному обращению с истиной и в остальной части их разговоров. Заповедь Писания гласит: *Говорите истину друг другу*⁶⁹. Если мы хотим рассказывать истории, давайте рассказывать их именно как истории и ничего умышленно не преувеличивать и не выставлять напоказ в своем пересказе. Если вы сомневаетесь в истинности сюжета – так и скажите, и тогда каждый будет свободен поверить ему настолько, насколько захочет.

Кроме того, есть приумноженное зло и в том, чтобы поведать ложную историю как истинную. Получается, что вы вкладываете ее в уста других, и она продолжает расплзаться подделкой до конца времен. Эта небылица устраивается в кресле у камина, и в ней есть отличительная черта – если притчи и выдумки людей, сложившиеся исторически⁷⁰, рассказаны раз и навсегда, и, поскольку мораль определена, история говорит или намекает только о том, о чем она была задумана (можно привести несколько примеров и в наше время (а), и за его пределами (b)), то здесь дело меняется. Подделка не знает границ, ибо [живая] байка никогда не умирает. Каждый рассказчик ручается за ее истинность, хотя он ничего не знает об этом.

Эти люди не представляют, какие основы они закладывают для того, чтобы ложь становилась развлечением, ибо именно это они и делают для потомства, не только подавая пример, но и оставляя практическое пособие. Подобно семейной лжи, передаваемой от отца к сыну, пока то, что началось как ложь, не закончится как истинная история. Пока мы не заставим всех наших потомков принимать нашу ложь за правду.

Если кто-нибудь возразит здесь, что таким образом можно осудить предыдущие тома этого труда [«Робинзона Крузо»], а историю, которую я в них опубликовал, подвергнуть порицанию, я требую по справедливости, чтобы оный возражающий воздержался от порицания до тех пор, пока не увидит конца всей сцены. Тогда тайна откроется сама собой, и я не сомневаюсь, что мое произведение полностью оправдает свой замысел, а замысел полностью оправдает произведение⁷¹.

(a) «Путешествие пилигрима» [сочинение Дж. Беньяна].

(b) «Семейное руководство» и др. [сочинение Д. Дефо 1715 г.].

CHAP. IV.

An ESSAY on the Present State of RELIGION in the World.

IN that Part of my Work, which may be called History, I have frequently mention'd the unconquerable Impressions which dwelt upon my Mind, and fill'd up all my Desires immoveably pressing me to a wandring travelling Life, and which push'd me continually on, from one Adventure to another, as you have heard.

There is an inconsiderate Temper which reigns in our Minds, that hurries us down the Stream of our Affections, by a kind of involuntary Agency, and makes us do a thousand things, *in the doing of which*, we propose nothing to our selves, but an immediate Subjection to our WILL, that is to say, our Passion, even without the Concurrence of our Understandings, and of which we can give very little Account, after 'tis done.

You may now suppose me to be arriv'd, after a long Course of infinite Variety, on the Stage of the World, to the Scene of Life, we call *Old Age*; and that I am writing these Sheets in a Season of my Time, when (if ever) a Man may be supposed capable of making just Reflections upon things past, a true Judgement of things present, and tolerable Conclusions of things to come.

In the Beginning of this Life of Composure; for now, and not till now, I may say, that I begun to live, that is to say, a sedate and compos'd Life, I enquir'd of my self very seriously one Day, what was the proper Business of old Age? The Answer was very natural, and indeed return'd quick upon me, namely that two things were my present Work, as above.

1. Reflection upon Things past.
2. Serious Application to Things future.

Having resolved the Business of Life into these Heads, I began immediately with the First; and as sometimes I took my Pen and Ink to disburden my Thoughts, when the Subject crowded in fast upon me, so I have here communicated some of my Observations for the Benefit of those that come after me.

ГЛАВА 4

ЭССЕ о современном состоянии РЕЛИГИИ в мире

той части моего труда, которую можно назвать историей [моей жизни], я часто упоминал о неумной фантазии, занимавшей мой ум и полнившей все мои желания, неизменно подталкивавшей меня к кочевой жизни путешественника и непрестанно швырявшей меня, как вы знаете, от одного приключения к другому.

Нашим разумом порой правит неугомонный нрав, невольно несущий нас вниз по течению наших наклонностей и заставляющий совершать тысячи поступков, *которые не приносят нам ничего*, кроме полного подчинения нашим ЖЕЛАНИЯМ, иначе говоря, нами без нашего собственного согласия на то или осознания руководят страсти, в которых мы и *по совершении [поступков] часто не можем даже дать себе отчета*¹.

Вы можете справедливо предположить, что, завершая свое долгое участие в бесконечном действе на сцене мира, я пришел к тому возрасту, который мы именуем *старостью*, и пишу эти строки в ту пору моей жизни, когда (если вообще это когда-либо случается) человек наконец может справедливо судить о вещах прошлых, истинно – о вещах настоящих и делать приемлемые выводы о вещах будущих.

В начале этой спокойной жизни (ибо теперь могу сказать, что начал жить [по-настоящему], то есть размеренной и спокойной жизнью) я однажды весьма серьезно спросил себя, какое же занятие подходит старости.

Ответ был абсолютно естественным и действительно не заставил себя долго ждать, а именно – что две вещи занимали меня, как было указано выше:

1. Размышления о прошлом.
2. Серьезное внимание к будущему.

Определив в эти пункты дело жизни, я безотлагательно начал с первого; и как иногда [ранее] брал перо и чернила, чтобы излить свои мысли, когда тема нахлынет на меня, так и здесь поделился некоторыми своими наблюдениями на благо тех, кто придет после меня.

About the Time that I was upon these Inquiries, Being at a FriEnd's House, and talking much of my long Travels, *as you know Travellers are apt to do*, I observed an ancient Gentlewoman in the Company listened with a great deal of Attention, and as I thought, with some Pleasure, to what I was saying; And after I had done, "Pray, Sir," says she, turning her Speech to me, give me Leave to ask you a Question or two. *With all my Heart, Madam, said I*; so we began the following short Dialogue.

Old Gent. Pray, Sir, in all your Travels, can you tell what is the World a-doing? What have you observed to be the principal Business of Mankind?

Rob. Cru. Truly, Madam, 'tis very hard to answer such a Question, the People Being so differently employed, some one Way, and some another; and particularly, according to the several Parts of the World, through which our Observations are to run, and according to the differing Manners, Customs, and Circumstances of the People in every Place.

Old Gent. Alas! Sir, that is no Answer at all to me, because I am not a Judge of the differing Customs and Manners of the People you may speak of; *But*, Is there not one common End and Design in the Nature of Men, which seems to run through all their Actions, and to be formed by Nature, as the main End of Life, and by Consequence is made the chief Business of Living? Pray, how do they spend their Time?

R. C. Nay; now, Madam, you have added a Question to the rest of a different Nature from what, *if I take you right*, you meant at first.

Old Gent. What Question, Sir?

R. C. Why! how Mankind spend their Time; for I cannot say that one-half of Mankind spend their Time in what they themselves may acknowledge to be the main End of Life.

Old Gent. Pray, don't distinguish me out of my Question; we may talk of what is the true End of Life, as we understood it here in a Christian Country, another Time; But take my Question as I offer it, What is Mankind generally a-doing as their main Business?

R. C. Truly, the main Business that Mankind seems to be doing is to eat and drink; that's their Enjoyment, and to get Food to eat is their Employment, including a little their eating and devouring one another.

Old Gent. That's a Description of them as Brutes.

R. C. It is so in the First Part, namely, their Living to eat and drink; But in the last Part they are worse than the Brutes; for the Brutes destroy not their own Kind, but all prey upon a different Species; and besides, they prey upon one another for Necessity, to satisfy their Hunger, and for Food; But Man for baser Ends, such as Avarice, Envy, Revenge, and the like, devours his own Species, nay, his own Flesh and Blood, as my Lord Rochester very well expresses it.

Примерно в то же время, когда я занимался этими вопросами, будучи [в гостях] в доме друга и [погрузившись] в рассказы о своих долгих путешествиях (как вам известно, путешественники обычно имеют к этому расположение), я заметил, что одна древняя дама² с большим вниманием, и, как мне казалось, с неким удовольствием прислушивалась к тому, что я говорил; и после того, как я закончил, она сказала, обращаясь ко мне: «Прошу вас, сэръ, позвольте мне задать вам пару вопросов». – «От всей души, сударыня», – сказал я; так мы начали следующий короткий диалог:

Пожилая дама. Будьте добры, сэръ, после всех ваших путешествий можете ли вы рассказать, чем занят мир? Что, по вашему мнению, составляет основное занятие человечества?

Роб. Кр. По правде, сударыня, весьма трудно ответить на вопрос такого рода, ибо люди заняты столь различными делами, одни – такими, а другие – эдакими; и, в частности, согласно с разными частями света, в которых совершались наши наблюдения, и в согласии с различными нравами, обычаями и условиями жизни людей в каждом отдельном месте.

Пожилая дама. Увы! Сударь, это вовсе не ответ на мой вопрос, ибо я не разбираюсь в различных обычаях и нравах людей, о которых вы говорите; но разве в человеческой природе нет одной общей цели и единого умысла, которые, по всей видимости, пронизывают все их действия и предназначены природой в качестве главной цели жизни, вследствие чего составляют ее главное дело? Будьте добры, скажите, как они проводят время?

Р. К. Теперь, сударыня, если я правильно понимаю вас, вы добавили ко всему прочему вопрос иного характера, чем тот, что имелся в виду вначале.

Пожилая дама: Какой вопрос, сэръ?

Р. К. Ну [вот] же – как человечество проводит свое время; однако я не могу утверждать, что половина человечества тратит свое время совсем не на то, что оно считает основным своим занятием.

Пожилая дама. Прошу вас, не уходите от моего вопроса; мы можем обсудить, какова истинная цель жизни, как мы понимали ее здесь, в христианской стране, в иное время; но примите мой вопрос в том виде, в каком я его задаю: чем человечество обычно занято в качестве своего основного дела?

Р. К. Честно говоря, главными делами человечества, по-видимому, являются еда и питье, это [приносит] им [людям] удовольствие; а добывать пищу – их [необходимое] занятие, в том числе, фигурально выражаясь, пожирать друг друга.

Пожилая дама. Вы [так] их описываете, будто они животные.

Р. К. Так обстоит дело с первым пунктом, а именно с их способностью есть и пить; но в последнем они хуже зверей; ибо животные не уничтожают себе подобных, а всегда охотятся на другой вид; кроме того, они охотятся друг на друга из необходимости утолить голод и ради [добычи] пропитания; но человек из низменных побуждений, таких как жадность, зависть, месть и тому подобные, пожирает себе подобных³, и даже более того – свою собственную плоть и кровь, как весьма ладно выразился милорд Рочестер:

*But judge yourself, I'll bring it to the Test,
 Which is the basest Creature, Man or Beast?
 Birds feed on Birds, Beasts on each other Prey,
 But Savage Man alone does Man betray.
 Pressed by Necessity, they kill for Food,
 Man undoes Man, to do himself no Good.
 With Teeth and Claws, by Nature armed they hunt,
 Nature's Allowance to supply their Want:
 But Man with Smiles, embraces, Friendship, Praise,
 Inhumanly his Fellow's Life betrays.
 With voluntary Pains works his Distress,
 Not for Necessity, but Wantonness.*

Old Gent. All this I believe is true; but this does not reach my Question yet. There is certainly something among them which is Esteemed as more particularly the End of Life and of Living than the rest; to which they apply in common as the main Business, and which is always Esteemed to be their Wisdom to be employed in. Is there not something that is apparently the great Business of Living?

R. C. Why, really, Madam, I think not. For Example: Great Part of the World, and a greater Part by far than we imagine, is resolved into the lowest Degeneracy of human Nature, I mean, the Savage Life; where the chief End of Life seems to be merely to eat and drink, that is to say, to get their Food, just as the brutal Life is employed, and indeed with very little Difference between them; for except only Speech and Idolatry, I see nothing in the Life of some whole Nations of People, and for ought I know, containing Millions of Souls, in which the Life of a Lion or an Elephant in the Deserts of *Arabia* is not equal.

Old Gent. I could mention many Things, Sir, in which they might differ, but that is not the present thing I inquire about; But, pray, Sir, Is not Religion the principal Business of Mankind in all the Parts of the World? for I think you granted it when you named Idolatry, which they, no doubt, call Religion?

R. C. Really, Madam, I cannot say it is; because, what with Ignorance on one hand, and Hypocrisy on the other, 'tis very hard to know where to find Religion in the World.

Old Gent. You avoid my Question too laboriously, Sir; I have nothing to do either with the Ignorance or Hypocrisy of the People; Whether they are blindly devout, or knavishly and Designedly devout, is not the Case; but Whether Religion is not apparently the main Business of the World, the principal apparent End of Life, and the Employment of Mankind.

R. C. What do you call Religion?

Old Gent. By Religion, I mean the Worshipping and Paying Homage to some supreme Being; some God, *known or unknown* is not to the Case, so it be but to something counted supreme.

Но посудите сами, я прошу,
кто низменнее – зверь иль человек?
Ведь птицы ловят птиц, и зверя – зверь,
но лишь дикарь на человека нападет.
Необходимость
их заставляет убивать себе подобных,
но человек убьет другого не к добру.
Природа одарила зверя когтями и клыками,
позволив голод утолять:
Но человек с его улыбками, объятьями и дружбой
бесчеловечно ближнего предаст
и горе безрассудно сотворит⁴.

Пожилая дама. Полагаю, что все это правда; но все равно [это] не касается моего вопроса. Определенно, есть у них нечто, что ценится как особая цель жизни и бытия, нежели все остальное; к чему они вместе относятся как к главному делу и что всегда почитается за мудрость, дабы быть ею занятыми. Разве нет чего-то, что безусловно является [для них] великим делом жизни?

Р. К. Право, я и в самом деле, мадам, так не думаю. Например: большая часть мира, и гораздо большая, чем мы себе представляем, опустилась до низшей степени вырождения человеческой сущности, я имею в виду жизнь дикаря⁵; главная цель его жизни, кажется, состоит только в том, чтобы есть и пить, то есть добывать себе пищу, что и подразумевает животное существование, и впрямь с весьма небольшой разницей между [первым и вторым]; ибо, кроме способности разговаривать и идолопоклонства, ничего не вижу я в жизни иных народов (а, насколько знаю, это миллионы душ), чему бы не соответствовала жизнь льва или слона в пустынях *Аравии*.

Пожилая дама. Я могла бы, сэр, назвать множество черт, отличающих их [друг от друга], но сейчас я спрашиваю не об этом; однако, сэр, разве религия не является главнейшим делом человечества во всех частях света? Думаю, что вы это имели в виду, когда назвали идолопоклонство, которое они, без сомнения, именуют религией.

Р. К. Мадам, я действительно не могу сказать, что это так; ибо, учитывая невежество, во-первых, и лицемерие, во-вторых, очень трудно взять в толк, где в мире отыскать [истинную] веру.

Пожилая дама. Вы слишком старательно избегаете моего вопроса, сэр; я не имею в виду ничего общего ни с людским невежеством, ни с лицемерием; слепо ли они набожны или же лживо и нарочито – не в этом дело; вопрос в том, не составляет ли религия, со всей очевидностью, главную [часть жизни] всего мира, основную цель жизни и [первейшее] дело всего человечества?

Р. К. Что вы называете религией?

Пожилая дама. Под религией я подразумеваю почитание некоего высшего существа и поклонение Богу, известно [о нем кому-либо] или неизвестно – это не относится к делу, словом, тому, что считается высшим [божеством].

R. C. It is true, Madam, there are scarce any Nations in the World so stupid, but they give Testimony to the Being of a God, and have some Notion of a supreme Power.

Old Gent. That I know also, but that is not the main Part of my Question; but my Opinion is, that Paying a divine Worship, Acts of Homage and Adoration, and particularly that of Praying to the Supreme Being which they acknowledge, is derived to Mankind from the Light of Nature with the Notion or Belief itself.

R. C. I suppose, Madam, you mean by the Question then, Whether the Notion or Belief of a God in general, and the Sense of Worship in particular, are not one and the same natural Principle.

Old Gent. I do so, if you and I do but agree about what we call Worship.

R. C. By Worship, I understand Adoration.

Old Gent. But there you and I differ again a little; for by Worship, I understand Supplication.

R. C. Then you must take them both in together, for some Part of the Indian Savages only adore.

Old Gent. I confess there is much Adoration, where there is little Supplication.

R. C. You distinguish too nicely, Madam.

Old Gent. No, no, I do not distinguish in what I call Worship; I allege that all the Adoration of those poor Savages is mere Supplication: you say they lift up their Hands to their Idols, for Fear they should hurt them.

R. C. I do say so, and it is apparent.

Old Gent. Why, that is the same thing, for then they lift up their Hands to him, that is to say, pray to him not to hurt them; for all the Worship in the World, especially the outward Performance, may be resolved into Supplication.

R. C. I agree with you in that, if you mean the apparent End of Worship.

Old Gent. Why, did not your Man *Friday* and the *Savage* Woman you tell us of, talk of their old Idol they called *Benamuckee*? And what did they do?

R. C. It is very true they did.

Old Gent. And did not *Friday* tell you they went up to the Hills, and said “O” to him? Pray, what was the Meaning of saying “O” to him, But “O do not hurt us; for thou art Omnipotent, and canst kill us: O heal our Distempers; for thou art Infinite, and canst do all Things: O give us what we want, for thou art Bountiful: O spare us, for thou art Merciful.” and so of all the other Conceptions of a God?

R. C. Well, Madam, I grant all this; pray what do you infer from it? What is the Reason of your Question?

Old Gent. O Sir, I have many Inferences to draw from it for my own Observation; I do not set up to instruct you.

Р. К. Истинно, мадам, в мире мало народов настолько глупых, но и они подтверждают существование Бога и имеют некое представление о высшей силе.

Пожилая дама. Мне это тоже известно, но суть моего вопроса не в этом; ведь я считаю, что поклонение Богу, проявления благоговения и обожания, и особенно молитва высшему существу, которые они признают, возникли у человечества из света самой природы [вместе] с идеей веры или с самой верой⁶.

Р. К. Полагаю, сударыня, вы имеете в виду вопрос о том, не являются ли понятия [о вере] или вера в Бога вообще и чувство благоговения в частности проявлением одного и того же природного начала.

Пожилая дама. Именно так, если мы с вами договоримся относительно того, что мы называем поклонением.

Р. К. Под поклонением я понимаю богопочитание.

Пожилая дама. Но здесь мы снова несколько расходимся; ибо под поклонением я понимаю молитву.

Р. К. Тогда вы должны принять их за целое, ибо некая часть индейцев-дикарей всего лишь совершает поклонение.

Пожилая дама. Согласна, признаюсь, [нередко] много [внешних атрибутов] поклонения [появляется] там, где мало [подлинной] молитвы.

Р. К. Вы чересчур разделяете [эти явления], мадам.

Пожилая дама. Нет, нет, я не отграничиваю то, что называю богопочитанием; я утверждаю, что все поклонение этих бедных дикарей [заключается] лишь в молитве: вы [же сами] говорите, что они поднимают руки к своим идолам, опасаясь, что те причинят им страдания.

Р. К. Именно так я и говорю, и это очевидно.

Пожилая дама. Ведь это то же самое, ибо они поднимают к ним руки, то есть молятся им, чтобы они не обидели их; ибо все поклонение в мире, особенно показное, может быть сведено к совершению молитвы.

Р. К. В этом я согласен с вами, если вы имеете в виду очевидную цель поклонения.

Пожилая дама. Разве ваш *Пятница* и *дикарка*⁷, о которых вы нам рассказывали, не говорили о своем древнем идоле, которого они называли *Бенамаки*? И что они делали?

Р. К. Это правда, говорили.

Пожилая дама. И разве *Пятница* не говорил вам, что они поднимались на холмы и говорили ему: «О»? Молитва – вот в чем был смысл говорить ему «О», то есть «О, не причиняй нам вреда, ибо ты всемогущ и можешь убить нас; о, исцели наши недуги, ибо ты безграничен и все можешь; о, дай нам то, чего мы хотим, ибо ты щедрый; о, пощади нас, ибо ты милосерден», – и так обо всех ипостасях Господа?

Р. К. Что ж, мадам, все это я допускаю; [но] какой вывод вы из этого сделаете? И в чем смысл вашего вопроса?

Пожилая дама. О, сэр, я прихожу ко множеству выводов, которые можно извлечь из этих наблюдений, но я вовсе не собираюсь наставлять вас.

I thought this serious old Lady would have entertained a farther Discourse with me on so fruitful a Subject, but she declined it, and left me to my own Meditation, which, indeed, she had raised up to an unusual Pitch; and the first thing that occurred to me, was to put me upon inquiring after that nice thing I ought to call Religion in the World, seeing really I found Reason to think that there was much more Devotion than Religion in the World; in a Word, much more Adoration than Supplication; and I doubt, as I come nearer Home, it will appear that there is much more Hypocrisy than Sincerity: Of which I may speak by itself.

In my first Enquiries, I looked back upon my own Travels, and it afforded me but a melancholy Reflection, that in all the Voyages and Travels which I have employed two Volumes in giving a Relation of, I never set my Foot in a Christian Country; no, not in circling three Parts of the globe; for excepting the *Brazils*, where the *Portuguese* indeed profess the Roman Catholic Principles, which, however, in Distinction from Paganism, I will call the Christian Religion – I say, except the *Brazils*, where also I made little Stay, I could not be said to set Foot in a Christian Country, or a Country inhabited by Christians, from the Bay of *Larache*, and the Port of *Sallee*, by the *Strait's* Mouth, where I escaped from Slavery, through the *Atlantic* Ocean, the Coasts of *Africa* on one Side, and of *Caribbee*, on the *American* Shore, on the other Side; from thence to *Madagascar*, *Malabar*, and the Bay and City of Bengal, the Coast of Sumatra, Malacca, Siam, Cambodia, Cochin China, the Empire and Coast of China, the Deserts of Karakathie, the Mongol Tartars, the Siberian, the Samoiede Barbarians, and till I came within four or five Days of Archangel in the Black Russia.

It is, I say, a melancholy Reflection to think how all these Parts of the World, and with infinite numbers of Millions of People, furnished with the Powers of Reason and Gifts of Nature, and many Ways, if not every Way, as capable of the Reception of sublime Things as we are, are yet abandoned to the grossest Ignorance and Depravity; and that not in Religion only, but even in all the desirable Parts of human Knowledge, and especially Science and acquired Knowledge.

What the Divine Wisdom has determined concerning the Souls of so many Millions, it is hard to conclude, nor is it my present Design to inquire; but this I may be allowed here, as a Remark: if they are received to Mercy in a Future State, according to the Opinion of some, as having not sinned against saving Light, then their Ignorance and Pagan Darkness is not a Curse, but a Felicity; and there are no unhappy People in the World, but those lost among Christians, for their Sins against revealed Light; nay, then being born in the Regions of Christian Light, and under the Revelation of the Gospel Doctrines, is not so much a Mercy to be acknowledged as some teach us, and it may in a negative Manner be true that the Christian Religion is an Efficient in the Condemnation of Sinners, and loses more than it saves, which is impious but to imagine. On the other Hand, if all those Nations are included under the Sentence of eternal Absence from God, which is Hell in the Abstract, then what becomes of all

Я думал, что эта серьезная пожилая дама питала надежду продолжить со мной беседу на столь плодотворную тему, но она от нее уклонилась и предоставила меня моему собственному размышлению, которое она на самом деле подняла на новый уровень. И первое, что пришло мне в голову, это желание исследовать ту непростую проблему, которую я должен сформулировать как «религия в этом мире», поскольку я действительно нашел причину полагать, что в мире гораздо больше [показной] набожности, нежели [истинной] веры. Иначе говоря, гораздо больше поклонения, чем [искренней] молитвы. И я опасаясь того, что, когда в своем исследовании подойду ближе к рассмотрению Англии, я найду, что здесь гораздо больше лицемерия, чем искренности, о чем могу свидетельствовать и сам.

В начале моего исследования я оглянулся на свои собственные странствия, и это вызвало лишь грустную мысль о том, что во всех плаваниях и путешествиях, которые я поместил в два тома, я никогда и ногой не ступал в какую бы то ни было христианскую страну; да, ни разу, обогнув три четверти земного шара; за исключением *Бразилии*, где *португальцы* действительно исповедуют римско-католическую веру, которую, в отличие от язычества, я буду называть христианской религией – так вот, за исключением *Бразилии*, где я тоже ненадолго задержался, нельзя сказать, что я ступал в христианскую страну или страну, населенную христианами, от бухты *Лараиш* и порта *Салле*, что в устье [реки Бу-Регрег], где я сбежал из рабства, через *Атлантический* океан по побережью *Африки*, с одной стороны, и *Карибских* островов у берегов *Америки*, с другой; после же – на *Мадагаскаре*, *Малабаре*, и в Бенгалии, и на побережье Суматры, Малакки, в Сиаме, Камбодже, Кохинхине⁸, в материковом и прибрежном Китае, в пустынях Каракатая, у монголо-татар, у сибирских самоедов-варваров, пока я не приблизился на расстояние в четыре или пять дней хода до Архангельска в Черной Руси⁹.

Печально, скажу я вам, думать о том, как все эти части света с [населяющими их] несметными миллионами людей, наделенных силой разума и природными способностями, и почти столь же – если не столь же – способных воспринимать возвышенные идеи, как мы, – как эти люди остаются в грубейшем невежестве и разврате; и не только с точки зрения веры, но даже во всех желаемых областях человеческого знания, особенно в науке и благоприобретенном знании.

Трудно сделать вывод, что именно Божественная мудрость предопределила в отношении душ стольких миллионов¹⁰, да я и не мыслил теперь задаваться этим вопросом; но здесь могу позволить себе в качестве замечания: если они получают прощение в загробной жизни, согласно мнению иных, как не согрешившие против спасительного света, то их невежество и языческая тьма не проклятие, а счастье; и в мире нет несчастных людей, кроме тех пропащих среди христиан за их грехи против явленного света; более того, тогда выходит, что родиться в странах, осиянных христианским светом, и под богооткровением евангельских доктрин – это не такая уж и милость, за которую нам следует быть благодарными, как учат нас некоторые; и, если мыслить от противоположного, можно сказать, что христианская религия действительна только в осуждении грешников и теряет [их] больше, чем спасает, – но нечестиво даже помыслить о таком. С другой стороны, если все эти народы

the sceptical Doctrines of its being inconsistent with the Mercy and Goodness of an infinite and beneficent Being to condemn so great a Part of the World, for not believing in Him of whom they never had any Knowledge or Instruction? But I desire not to be the Promoter of unanswerable Doubts in Matters of Religion; much less would I promote Cavils at the Foundations of Religion, either as to its Profession or Practice, and therefore I only Name Things. I return to my Inquiry after Religion as we generally understand the Word.

And in this I confine myself in my present Inquiries to the particular Nations professing the Christian Religion only; and I shall take Notice afterward what Influence the want of Religion has upon the Manners, the Genius, and the Capacities of the People, as to all the unprovable Parts of human Knowledge.

The *Moors of Barbary* are *Mahometans*, and that of the most unpolished and degenerate Sort, especially of that Part of the World where they live; they are cruel as Beasts, vicious, insolent, and inhuman as degenerated Nature can make them: Moral Virtues have so little recommended themselves to any among them, that they are accounted no Accomplishment, and are in no Esteem; nor is a Man at all respected for being grave, sober, judicious, or wise, or for being just in his Dealings, or most easy in his Conversation; but Rapine and Injury is the Custom of the Place, and it is to recommend a great Man that he is rich, powerful in Slaves, merciless in his Government of them, and imperiously haughty in his whole Household. Every Man is a King within himself, and regards neither Justice or Mercy, Humanity or Civility, either to those above him or those below him, but just as his arbitrary Passions guide him.

Religion here is confined to the *Biram* and the *Ramadan*, the Feast and the Fast, to the Mosque and the Bath; reading the Alcoran on one Hand, and performing the Washings and Purifications on the other, make up their religious Exercises; and for the rest, Conversation is eaten up with Barbarisms and Brutish Customs; so that there is neither Society, Humanity, Confidence in one another, or Conversation with one another; but Men live like the wild Beasts, for every Man here really would destroy and devour the other if he could.

This guided me to a just Reflection, in Honour of the Christian Religion, which I have often since made Use of, and which on this Occasion I will make a Digression to, viz., That it is to be said for the Reputation of the Christian Religion in general, and by which it is justly distinguished from all other Religions, that wherever Christianity has been planted or professed nationally in the World, even where it has not had a *Saving* Influence, it has yet had a *Civilising* Influence. It has operated upon the Manners, the Morals, the Politics, and even the Tempers and Dispositions of the People; it has reduced them to the Practice of Virtue, and to the true Methods of Living; has weaned them from the *Barbarous* Customs they had been used to, infusing a Kind of Humanity and Softness of Disposition into their very Natures; civilising and softening them, teaching

подпадают под приговор о вечном отлучении от Бога, что в отвлеченном смысле является адом, то что же станется со всеми сомнительными учениями о несовместимости ада с милосердием и благостью бесконечного и благодетельного Сушего, проклявшего столь значительную часть мира за то, что она не верит в Него, [но] о Ком они никогда не имели никакого знания или учения? Однако я не желаю быть распространителем недоказуемых сомнений в вопросах веры; тем более я не собираюсь поощрять придирки к основам религии в отношении как Символа веры, так и [религиозной] практики, и поэтому я лишь описываю [то, что вижу]¹¹. Я возвращаюсь к своему исследованию религии в нашем обычном понимании этого слова.

И здесь я ограничусь в своих нынешних исследованиях отдельными народами, исповедующими лишь христианство, и затем укажу, какое влияние отсутствие глубокой веры оказывает на нравы, дух и способности, а также на их отношение к рационально недоказуемым явлениям.

Берберийские мавры – магометане, причем магометане самого неотесанного и вырождающегося толка, особенно в той части мира, где они живут; они жестоки, как звери, злобны, дерзки и бесчеловечны, и их натура испорчена; моральные добродетели столь мало говорят в их пользу, что они не признаются образованными [людьми] и не вызывают уважения; [они] не будут уважать человека за то, что он серьезен, трезв, рассудителен или мудр, или за то, что справедлив в своих делах, или за то, что он непринужден в беседе; но насилие и причинение вреда – обычай этого места, и восхвалять великого [по их мнению] человека – значит восхвалять богатого, не обделенного рабами, беспощадного в своей власти над ними и деспотически высокомерного со всей своей семьей. Каждый человек [здесь] сам себе хозяин и не проявляет справедливости, милосердия, человечности, вежливости ни по отношению к тем, кто выше его, ни по отношению к тем, кто ниже его, но поступает так, как велют его необузданные страсти.

Религия здесь ограничивается *Байрамом* и *Рамаданом*, праздником и постом, мечетью и омовением; чтение Аль Корана, с одной стороны, и совершение омовений и очищений, с другой, составляют их религиозные службы, а в остальном их поведение определяется грубыми обычаями; так что [здесь не встретишь] ни [приятного] общества, ни человеческих отношений, ни взаимного доверия, ни [достойного] обращения друг с другом; ведь люди [здесь] живут, как дикие звери, ибо, в сущности, любой здесь мог бы убить и поглотить другого.

Это обстоятельство, к чести христианской религии, привело меня к одному точному наблюдению, которое я с тех пор часто использовал и на тему которого по этому случаю сделаю отступление. Нам следует сказать о репутации христианства вообще и о том, чем оно по праву отличается от всех других вероисповеданий: во всем мире, где христианство было насаждено или проповедовалось на национальном уровне, даже там, где оно не привело к [христианскому] спасению, оно все же оказало несомненное *цивилизующее* влияние. Оно воздействовало на нравы, мораль, политику и даже на поведение и склонности людей; оно заставляло их быть добродетельными и [искать] праведный путь жизни; оно отучало их от *варварских* обычаев, к которым они привыкли, прививая им в самую их природу человечность и мягкость

them to love a Regularity of Life, and filling them with Principles of generous Kindness and Beneficence one to another; in a Word, it has taught them to live like Men, and act upon the Foundations of Clemency, Humanity, Love, and good Neighbourhood, suitable to the Nature and Dignity of God's image, and to the Rules of Justice and Equity, which it instructs them in.

Nay, farther, I must observe also, That as the Christian Religion has worn out, or been removed from any Country, and they have returned to Heathenism and Idolatry, so the Barbarisms have returned, the Customs of the Heathen Nations have been again restored, the very Nature and Temper of the People have been again lost, all their generous Principles have forsaken them, the Softness and Goodness of their Dispositions have worn out, and they have returned to Cruelty, Inhumanity, Rapine, and Blood.

It is true, and it may be named as an Objection to this Remark of mine, that the *Romans* though Heathens, and the *Grecians* by the Study of Philosophy in particular Persons, and by the Excellency of their Government in their general or national Capacity, were filled with Notions of Virtue and Honour, with most generous and just Principles, and acted with an heroic Mind on many Occasions; practising the most sublime and exalted Height of Virtue, such as sacrificing their Lives for their Country with the utmost Zeal; descending to great Examples of Humanity and Beneficence, scorning to do base or vile Actions, as unworthy the *Roman* Name, to save their Lives; and a great many most excellent Examples of Virtue and Gallantry are found in the Histories of the *Roman* Empire.

This does not oppose, or rather indeed illustrates, what I say; for with all the Philosophy, all the Humanity and Generosity they practised, they had yet their Remains of Barbarity, were cruel and unmerciful in their Natures, as appeared by the Barbarity of their Customs, such as throwing Malefactors to wild Beasts, the Fightings of their Gladiators, and the like; which were not only appointed as Punishments and Severities by the Order of Public Justice, but to show it touched the very Article I am upon, it was the Subject of their Sport and Diversion, and these Things were exhibited as Shows to entertain the Ladies; the Cutting in Pieces forty or fifty Slaves, and the Seeing twenty or thirty miserable Creatures thrown to the Lions and Tigers, was no less pleasant to them than the Going to see an Opera, a Masquerade, or a Puppet-Show is to us; so that I think the *Romans* were very far from a People civilised and softened in their Natures by the Influences of Religion. And this is evident because that as the Christian Religion came among them, all those cruel Customs were abhorred by them, the famous Theatres and Circles for their public Sports were overthrown, and the Ruins of them testify the Justice of my Observation at this very Day.

Nor will it be denied if I should carry this yet farther, and observe, That even among Christians, those who are reformed, and farther and farther christianised, are still in Proportion rendered more human, more soft and tender; and we do find, without being

нравов, распространяя [среди них] цивилизованные [обычай] и смягчая их [характеры], научая любить размеренную жизнь и наполняя их принципами душевной щедрости и милосердия друг к другу; словом, научило их жить, как живут люди, и действовать, основываясь на [принципах] милосердия, человечности, любви и добрососедства, соответствующих природе и достоинству образа и подобия Господа, а также правилам справедливости и равенства, которым оно их наставляло.

Более того, я также должен заметить, что как только христианская религия изживает себя или исчезает из какой-либо страны, и та возвращается к язычеству и идолопоклонству, там тут же возрождается и варварство, снова обычаи берут свое, сама человеческая природа и нравы людей вновь огрубляются, все благородные принципы оставляют этих людей, их мягкость и доброта улетучиваются, и они возвращаются к жестокости, бесчеловечности, грабежам и кровопролитию.

Верно, однако, – и это можно назвать возражением против моего наблюдения, – что *римляне* и *греки*, хотя и были язычниками, все же благодаря отдельным ученым-философам в частности и своему превосходному правительству в целом общенациональном аспекте были преисполнены понятий о добродетели и чести, а также самых великодушных и справедливых принципов, и во многих ситуациях действовали с героическим настроем; они демонстрировали самые возвышенные и непостижимые пределы добродетельности, жертвуя жизнью за свою страну с величайшим самоотвержением, подавая великие примеры гуманности и милосердия, презирая низменные или подлые поступки во имя спасения собственной жизни как недостойные имени *римлянина*; и еще много превосходнейших примеров добродетели и доблести можно найти в истории *Римской империи*¹².

Это не противоречит тому, что я говорю, а скорее иллюстрирует то, что при всей [их] философии, при всех гуманности и великодушии, которые они практиковали, у них все же [сохранялись] рудименты варварства: они были жестоки и немилосердны по своей природе, как это видно из их варварских обычаев, таких как бросание преступников на съедение диким зверям, бои гладиаторов и тому подобное, которые не только назначались в качестве наказания по решению общественного правосудия, но и (в доказательство того, о чем я говорю) были предметом их спортивных забав и развлечений и выставлялись на всеобщее обозрение на потеху дам. Разрубить на куски сорок или пятьдесят рабов и увидеть двадцать или тридцать несчастных существ, брошенных на съедение львам и тиграм, было им не менее приятно, чем нам – поход в оперу, на маскарад или кукольный спектакль. Поэтому, как мне кажется, *римляне* были очень далеки от людей цивилизованных и смягченных в своих нравах влиянием [истинной] веры. И это очевидно, поскольку, когда христианство получило среди них распространение, все эти жестокие обычаи стали вызывать у них отвращение, знаменитые театры и цирки, созданные для публичных состязаний, были разрушены, и их руины и по сей день свидетельствуют о справедливости моих наблюдений.

Но не будем отступать от темы, так что продолжу дальше и замечу, что даже среди христиан те, кто стали протестантами и приблизились к первоначальным принципам христианства, становятся более человечными, более мягкими

partial to ourselves, that even the Protestant Countries are much distinguished in the Humanity and Softness of their Tempers ; the meek, merciful Disposition extends more among Protestants than among the Papists, as I could very particularly demonstrate from History and Experience.

But to return back to the Moors, where I left off; they are an Instance of that Cruelty of Disposition which was anciently in their Nature, and how in a Country abandoned of the true Christian Religion, after it has been first planted and professed among them, the Return of Heathenism or Mahometanism has brought back with it all the Barbarisms of a Nation void of Religion and good Nature.

I saw enough of these dreadful People to think them at this Time the worst of all the Nations of the World; a Nation where no such thing as a generous Spirit, or a Temper with any Compassion mixed with it, is to be found; among whom Nature appeal's stripped of all the additional Glories which it derives from Religion, and yet whereon a Christian flourishing Church had stood several hundred Years.

From these I went among the Negroes of *Africa*; many of them I saw without any the least Notion of a Deity among them, much less any Form of Worship; but I had not any Occasion to converse with them on Shore, other than I have done since by Accident, but went away to the *Brazils*. Here I found the Natives, and that even before the *Portuguese* came among them, and since also, had Abundance of Religion, *such as it was*; But it was all so bloody, so cruel, consisting of Murders, human Sacrifices, Witchcrafts, Sorceries, and Conjurings, that I could not so much as call them honest Pagans, as I do the Negroes.

As for the Cannibals, as I have observed in the Discourse of them, on Account of their Landing on my Island, I can say but very little of them. As to their eating human Flesh, I take it to be a Kind of martial Rage rather than a civil Practice, for it is evident they eat no human Creatures, but such as are taken Prisoners in their battles, and, as I have observed in giving the Account of those Things, they do not Esteem it Murder, no, nor so much as unlawful. I must confess, saving its being a Practice in itself unnatural, especially to us, I say, saving that Part, I see little Difference between that and our Way, which in the War is frequent in Heat of Action, viz., refusing Quarter; for as to the Difference between Eating and Killing those that offer to yield, it Matters not much. And this I observed at the same Time, that in their other Conduct those Savages were as human, as mild, and gentle as most I have met with in the World, and as easily civilised.

From these Sorts of People I come to the *Indians*; for as to the *Madagascar* Men, I saw very little of them, but that they were a Kind of Negroes, much like those on the Coast of *Guinea*, only a little more used and accustomed to the *Europeans* by their often Landing among them.

и чувствительными. И мы действительно обнаруживаем, не будучи пристрастными к себе, что протестантские страны сильно отличаются гуманностью и мягкостью своих нравов. Кроткие и милосердные нравы распространены более среди протестантов, нежели среди папистов, что я мог бы весьма подробно проиллюстрировать [фактами] из истории и [из личного] опыта.

Но вернемся к маврам, на которых я остановился. Они – пример той природной жестокости нрава, что была присуща им в древности; истинная христианская религия покинула их страну после того, как она была впервые введена и проповедована там, а возвращение язычества или магометанства вернуло и все варварство нации, лишенной [истинной] веры и добронравия.

Я повидал достаточно этих ужасных людей, чтобы считать их на настоящий момент худшими из всех народов мира. [Это] народ, в [сознании] которого отсутствуют такие понятия, как великодушие или сдержанность, замешенные хотя бы на минимальном сострадании; их природа лишена ореола благодати, снисходящей от религии, – и это несмотря на то, что христианская церковь процветала там несколько столетий.

После них я посетил негров *Африки*. Многие из них, как я понял, не имели ни малейшего понятия о Божестве, не говоря уже о какой-либо форме богопочитания; но у меня не было возможности поговорить с ними на берегу, кроме [нескольких] случайных встреч, ибо я уехал в *Бразилию*. Здесь я нашел туземцев, у которых, как оказалось, до и после прихода *португальцев*, религия имела, если можно так сказать, в изобилии, но была она столь кровавой, столь жестокой, предполагавшей убийства, человеческие жертвоприношения, колдовство, чародейство и магию, что я не могу назвать их даже честными язычниками, как я именую негров.

Что касается каннибалов, то, как я уже отметил в своем рассказе об их высадке на моем острове, я могу о них сказать очень мало. Да, они едят человеческое мясо, я считаю это [проявлением] своего рода воинственного гнева, а не обыденной практикой, поскольку очевидно, что они не едят представителей человеческого рода, кроме тех, что взяты в плен в битвах, и, как я заметил, давая отчет об этих событиях, они не считают это ни убийством, ни [вообще] чем-либо незаконным. Должен признаться: если не учитывать того, что это само по себе неестественно, особенно для нас, – так вот, если не учитывать этой детали, я не вижу большой разницы между их практикой и тем нашим обычаем, который на войне часто проявляется в пылу сражения, а именно – не шадить врага своего; ибо разница между съедением и убийством тех, кто готовы сдать, не так уж велика. И в то же время я отметил, что в остальном эти дикари были такими же человеческими, такими же кроткими и добрыми, как большинство [обычных] людей, которых я встречал на свете, и столь же легко цивилизовавшимися.

От них я перехожу к *индийцам*; что касается жителей *Мадагаскара*, то я видел их очень мало, и они чрезвычайно походили на негров, что живут на побережье *Гвинеи*, только обычных и более привычных *европейцам*, часто сходящим на их берег.

The *E. Indians* are generally Pagans or Mahometans, and have such Mixtures of Savage Customs with them, that even Mahometanism is there in its Corruption; neither have they there the upright just Dealing, in Matters of Right and Wrong, which the *Turks* in *Europe* have, with whom 'tis generally very safe trading, But here they act all the Parts of Thieves and Cheats, watching to deceive you, and proud of Being thought able to do it.

The Subjects of the great *Mogul* have a seeming polite Government, and the Inhabitants of *Ceylon* are under very strict Discipline, and yet what Difficulty do we find to trade with them? Nay, their very Economy renders them fraudulent, and in some Places they cannot turn their Thoughts to being honest.

China is famous for Wisdom, *that is to say*, that they, having such a boundless conceit of their own Wisdom, we are obliged to allow them more than they have; the Truth is, they are justly said to be a wise Nation among the foolish ones, and may as justly be called a Nation of Fools among the wise ones.

As to their Religion, 'tis all summed up in *Confucius* Maxims, whose Theology I take to be a Rhapsody of Moral Conclusions; a Foundation, or what we may call Elements of Polity, Morality, and Superstition, huddled together in a Rhapsody of Words, without Consistency, and, indeed, with very little Reasoning in it; Then 'tis really not so much as a refined Paganism, for there are, in my Opinion, much more regular Doings among some of the *Indians* that are Pagans, in *America*, than there are in *China*; and if I may believe the Account given of the Government of *Montezuma* in *Mexico*, and of the *Unca's* of *Cusco* in *Peru*, their Worship and Religion, such as it was, was carried on with more Regularity than these in *China*. As to the human Ingenuity, as they call it, of the *Chinese*, I shall account for it by itself. The utmost Discoveries of it to me appeared in the Mechanics, and even in them Infinitely short of what is found among the *European* Nations.

But let us take these People to Pieces a little, and examine into the great Penetration they are so famed for. First of all, their Knowledge has not led them that Length in religious Matters which the common Notions of Philosophy would have done, and to which they did lead the wise Heathens of Old among the *Grecian* and *Roman* Empires, for they, having not the Knowledge of the true God, preserved, notwithstanding, the Notion of a God to be something Immortal, Omnipotent, sublime; exalted above in Place as well as Authority, and therefore made Heaven to be the Seat of their Gods, and the Images by which they represented their Gods and Goddesses had always some Perfections that were really to be admired as the Attendants of their Gods, as *Jupiter* was called the Thunderer for his Power, Father of Gods and Men, for his Seniority; *Venus*, adored for her Beauty; *Mercury* for Swiftmess; *Apollo* for Wit, Poetry, Music; *Mars* for Terror and Gallantry in Arms, and the like. But when we come to these polite Nations of *China*, which yet we cry up for Sense and Greatness of Genius, we see them grovelling in the very Sink and Filth of Idolatry; their Idols are the most frightful monstrous Shapes, not the Form of any real Creature, much less the images of Virtue,

*Жители Ост-Индии*¹³, как правило, язычники или магометане, и у них [наблюдается] такая смесь диких обычаев, что даже магометанство их извращено; у них также отсутствуют справедливые законы коммерции, как у *турок* в *Европе*, с которыми обычно довольно безопасно торговать, но здесь они действуют как совершеннейшие воры и мошенники – только того и ждут, чтобы обмануть вас, и гордятся тем, что слывят обманщиками.

Правительство подданных Великого *Могола* кажется весьма сильным, а жители *Цейлона* подчиняются очень строгой дисциплине, так какие же трудности мы находим в торговле с ними? Даже сама их экономика делает их мошенниками, а в некоторых делах у них и в мыслях нет быть честными¹⁴.

Китай славится своей философией, *то есть тем*, что они [его жители] имеют такое безграничное самомнение в отношении своей собственной мудрости, что мы вынуждены приписывать им ее в большей мере, чем есть на самом деле; истина в том, что они справедливо считаются мудрым народом среди народов глупых¹⁵, и с таким же правом их можно назвать народом глупцов среди мудрых.

Что касается их религии, то вся она сконцентрирована в максимах *Конфуция*¹⁶, богословие которого я считаю рапсодией моральных умозаключений, фундаментом или тем, что мы можем назвать элементами лукавства, морали и суеверий, сбитых вместе в рапсодию слов, без согласованности и на самом деле с очень небольшим количеством логических аргументов¹⁷. Это не что иное, как слегка облагороженное язычество, ибо, на мой взгляд, иные *индейцы-язычники* в *Америке* совершают гораздо более формальные обряды, нежели здесь, в *Китае*. И если я могу верить рассказам о правительстве *Монтесумы* в *Мексике* и об инках из *Куско* в *Перу*¹⁸, то их религия и культы, какими бы они ни были, отправлялись с большим порядком, чем в *Китае*. Что касается так называемой человеческой изобретательности *китайцев*, я поясню ее особо. Полагаю, что величайшие ее открытия совершались в области механики, но даже в этой сфере крайне недостает того, что можно найти у *европейских* народов.

Но давайте слегка разберем этот народ и исследуем ту великую прозорливость, которой он так славится. Во-первых, их [китайцев] познания не столь далеко завели их в религиозных вопросах, чтобы они стали общепринятыми философскими понятиями, как это сделали мудрые язычники древности в *империи Александра Македонского* и *Римской империи*, ибо они, не имея познания об истинном божестве, сохранили, несмотря на это, представление о Боге как о некоем бессмертном, всемогущем, возвышенном, вознесенном как положением, так и властью, и поэтому сделали Небеса жилищем своих богов, а образы, в которых они представляли своих богов и богинь, всегда были достаточно совершенными, чтобы ими действительно можно было восхищаться; так, *Юпитер* был назван громовержцем за его могущество, отцом богов и людей – за его старшинство; *Венера* обожаема [ими] за ее красоту; *Меркурий* – за стремительность; *Аполлон* – за остроту ума, поэзию, музыку; *Марс* – за [вызываемый им] ужас и храбрость в бою и тому подобное. Но когда мы обращаемся к этим благовоспитанным народам *Китая*, которые так или иначе восхваляем за разум и величие гения, мы видим, как они пресмыкаются

of Chastity, of Literature, but horrid Shapes, of their Priests' Invention; neither hellish or human Monsters, composed of invented Forms, with neither Face or Figure, but with the utmost Distortions, formed neither to walk, stand, fly, or go, neither to hear, see, or speak, but merely to instil horrible Ideas of something nauseous and abominable into the Minds of Men that adored them.

If I may be allowed to give my Notions of Worship, I mean as it relates to the Objects of natural Homage, where the Name and Nature of God is not revealed, as in the Christian Religion, I must acknowledge the Sun, the Moon, the Stars, the Elements, as in the Pagan and Heathen Nations of old; and above all these, the Representations of superior Virtues and Excellences among Men, such as Valour, Fortitude, Chastity, Patience, Beauty, Strength, Love, Learning, Wisdom, and the like – the Objects of Worship in the *Grecian* and *Roman* Times – were far more eligible and more rational Objects of divine Rights than the Idols of *China* and *Japan*, where, with all the Economy of their State Maxims and Rules of Civil Government, which we insist so much on as Tests of their Wisdom, their great Capacities and Understandings, their Worship is the most brutish, and the Objects of their Worship the coarsest, the most unmanly, inconsistent with Reason or the Nature of Religion, of any the World can show; bowing down to a mere Hobgoblin, and doing their Reverence not to the Work of Men's Hands only, but the ugliest, basest, frightfullest things that Man could make; Images so far from being lovely and amiable, as in the Nature of Worship is implied, that they are the most detestable and nauseous, even to Nature.

How is it possible these People can have any Claim to the Character of wise, ingenious, polite, that could suffer themselves to be overwhelmed in an Idolatry repugnant to common-Sense, even to Nature, and be brought to choose to adore that which was in itself the most odious and contemptible to Nature; not merely terrible, that so their Worship might proceed from Fear, but a Complication of Nature's Aversions?

I cannot omit, that Being in one of their Temples, or rather in a Kind of Oratory or Chapel, annexed to one Part of the great Palace at *Pequin*, there appeared a Mandarin with his Attendants, or, as we may say, a great Lord and his Retinue, prostrate before the image, not of any one of God's Creatures, but a Creature of mere human Forming, such as neither was alive, nor was like anything that had Life, or had ever been seen or heard of in the World.

The like Image, or something worse, if I could give it a true Representation, may be found in a Garden Chapel, if not defaced by wiser Heads, of a great *Tartarian* Mandarin, at a small Distance from *Nanquin*, and to which the poor abandoned Creatures pay their most blinded Devotions.

в канаве и грязи идолопоклонства. Их идолы принимают воистину ужасные, чудовищные формы¹⁹ – это не воплощения каких-либо реальных существ и тем более не образцы добродетели, целомудрия или просвещенности, а ужасающие фигуры, изобретенные жрецами; [это] не адские, [но] и не человеческие монстры, имеющие вымышленные формы, не имеющие ни лиц, ни фигур, крайне искаженные, созданные не для того, чтобы ходить, стоять, летать или двигаться по земле; они не могут ни слышать, ни видеть, ни говорить, но способны лишь внушать мрачные мысли о чем-то тошнотворном и отвратительном в сознание своих почитателей.

Позвольте же мне предложить мое понимание богопочитания – я имею в виду то, каким образом оно соотносится с объектами природного поклонения, где имя и сущность Бога не проявлены, как в христианской религии. Солнце, луна, звезды и природные стихии у древних язычников, а более всего – образы высшей добродетели и совершенства среди людей, такие как доблесть, стойкость, целомудрие, терпение, красота, сила, любовь, познание, мудрость и тому подобное, – вот объекты поклонения *греческих* и *римских* [славных] времен, я должен признать, гораздо более подходящие и рациональные аспекты божественного права, чем идолы из *Китая* и *Японии*. Несмотря на впечатляющую экономическую систему государственных максим и правил гражданского управления, которые, как мы утверждаем, свидетельствуют о мудрости китайцев, об их больших возможностях и [глубоких] знаниях, [формы] их богопочитания являются самыми жестокими, а объекты их поклонения – грубейшие, нечеловеческие, несовместимые с разумом или природой религии из всех, что известны в мире. Они поклоняются не более чем пугалу и отдают свое предпочтение даже не делу рук человеческих²⁰, но самому гадкому, низменному, ужасающему, что только может сотворить человек, образам, столь далеким от того, чтобы казаться желанными и приятными глазу, как предполагала бы природа богопочитания, что и сами они, по сути, становятся чрезвычайно отвратительными и тошнотворными.

Как могут эти люди претендовать на роль мудрых, изобретательных, культурных и в то же время позволить идолопоклонству, противному здравому смыслу и самой природе, одолеть себя; зачем они позволяют себе поклоняться тому, что само по себе является самым отвратительным и презренным для природы; не просто ужасным – тогда бы их поклонение исходило из страха, – но запутанным клубком всего отвратительного природе?

Я не могу не упомянуть, что когда я был в одном из их храмов, или, вернее, в некоем подобии молельни или часовни, пристроенной к одной из частей большого дворца в *Пекине*²¹, в ней появился мандарин со своими слугами – видимо, знатный вельможа со своей свитой, которые распростерлись перед образом существа, не сотворенного Богом, но сделанного человеком – неживого и непохожего на что-либо живое, виданное или слыханное.

Подобное изображение, если не что-то худшее в моем истинном понимании, можно найти в садовой часовне знатного татарского мандарина на небольшом расстоянии от *Нанкина*, если его еще не уничтожил кто-нибудь помудрее; несчастные покинутые [Богом] существа обращают к оному свои самые страстные молитвы.

It had a thing instead of a Head, but no Head; it had a Mouth distorted out of all Manner of Shape, and not to be described for a Mouth, being only an unShapen Chasm, neither representing the Mouth of a Man, Beast, Fowl, or Fish; The Thing was neither any of the four, but an incongruous Monster; it had Feet, Hands, Fingers, Claws, Legs, Arms, Wings, Ears, Horns, every Thing mixed one among another, neither in the Shape or Place that Nature appointed, but blended together and fixed to a Bulk, not a Body, formed of no just Parts, but a shapeless Trunk or Log, whether of Wood or Stone, I know not a thing that might have stood with any Side forward, or any Side backward, any End upward, or any End downward, that had as much Veneration due to it on one Side as on the other a Kind of celestial Hedgehog, that was rolled up within itself, and was everything every Way; that to a Christian could not have been worthy to have represented even the Devil, and to Men of common-Sense must have been their very Soul's Aversion. In a Word, if I have not represented their monstrous Deities right, let Imagination supply anything that can make a misshapen Image horrid, frightful, and surprising; And you may with Justice suppose those sagacious People called the *Chinese*, whom, forsooth, we must admire I say, you may suppose them prostrate on the Ground, with all their Pomp and Pageantry, which is in itself not a little, worshipping such a mangled, promiscuous-gendered Creature.

Shall we call these a wise Nation who represent God in such hideous, monstrous Figures as these, and can prostrate themselves to things ten thousand Times more disfigured than the Devil? Had these images been contrived in the *Romans'* Time, and been set up for the God of Ugliness, as they had their God of beauty, they might, indeed, have been thought exquisite, but the *Romans* would have spurned such an image out of their Temples.

Nothing can render a Nation so completely foolish and simple as such an Extravagance in Matters of religious Worship; for if gross Ignorance in the Notion of a God, which is so extremely natural, will not demonstrate a Nation unpolished, foolish, and weak, even next to Idiotism, I know nothing that will.

But let me trace this wise Nation that we talk so much of, and who not only think themselves wise, but have drawn us in to pay a Kind of Homage to their low-prized Wit.

Government and the Mechanic Arts are the two main things in which our People in *England*, who have admired them so much, pretend they excel. As to their Government, which consists in an absolute Tyranny, which, by the Way, is the easiest Way of Ruling in the World where the People are disposed to obey as blindly as the *Mandarin* commands or governs imperiously, what Policy is required in governing a People of whom it is said, that if you command them to hang themselves, they will only cry a little, and then submit immediately? Their Maxims of Government may do well enough among themselves, but with us they would be all Confusion. In their Country it is not so, only because whatever the *Mandarin* says is a Law, and God himself has

Вместо головы у него было нечто, но не голова; его рот был искажен до бесформенности, и нельзя [его] описать как рот, поскольку он был всего лишь бездонной пропастью, не представлявшей собой рот человека, зверя, птицы или рыбы; оно [это существо] не было ни одним из четырех вышеназванных, а [было] несообразным чудовищем; у него были ступни, кисти, пальцы, когти, ноги, руки, крылья, уши, рога – все смешалось одно с другим не тем образом или местом, что назначено Природой, но [было] соединено вместе и прикреплено к громадине, а не к телу, состоящему не из соразмерных частей, но из бесформенного ствола или бревна, деревянного или каменного – мне неизвестно; [это было] нечто, что могло стоять любой стороной вперед или любой стороной назад, любым концом вверх или любым концом вниз и вызывать одинаковое благоговение как с одной стороны, так и с другой, своего рода небесный еж, свернувшийся внутрь себя и являвшийся «всем во всех отношениях»; для христианина оно недостойно представлять даже дьявола, а у здравомыслящих людей должно вызвать в душе отвращение. Одним словом, если я недостаточно точно отобразил чудовищность их божеств, пусть ваше воображение дополнит ее всем тем, что может сделать уродливый образ ужасным, пугающим и поражающим; и вы можете с полным правом представить себе, как эти мудрые люди, именуемые *китайцами*, которыми, я уверен, мы должны восхищаться, – вы можете представить их распростертыми на земле во всей их пышности и во всем великолепии, поклоняющимися такому уродливому отвратительному порождению зла.

Можем ли мы называть мудрым народом тот, что представляет божество в столь ужасных, чудовищных образах, как эти, и может падать ниц перед вещами, в десять тысяч раз более уродливыми, нежели дьявол? Если бы эти образы были измышлены во времена *римлян* и были созданы для бога уродства, как у них был и бог красоты, они действительно могли бы считаться совершенными, но *римляне* низвергли бы такой образ из своих храмов.

Ничто настолько не говорит о глупости и простоте народа, как подобные извращения в вопросах религиозного поклонения; ибо если полное отсутствие понятия о Боге, чрезвычайно естественного по своей сути, не говорит о том, что перед нами – народ нецивилизованный, глупый и слабый, даже граничащий с идиотизмом, я даже и не знаю, что [еще] сказать.

Но позвольте мне подробнее рассмотреть этот народ, о котором мы так много говорим и который не только считает себя мудрым, но и вынудил нас отдать дань уважения своему столь низко оцененному остроумию.

Форма правления и кустарные ремесла – вот две главные вещи, которыми *англичане* столь восхищаются, ссылаясь на свое превосходство в этом. Что касается их формы правления, которая заключается в абсолютной тирании, кстати, являющейся самым примитивным способом правления в мире, когда народ склонен подчиняться так же слепо, как деспотически повелевает *мандарин*, то какая же политика требуется для управления народом, о котором сказано: если вы прикажете ему повеситься, он лишь немного поплачет, а затем немедленно подчинится? Их максимы правления, возможно, достаточно хороши для них самих, но для нас они будут полнейшей мороккой. В их стране это не так только потому, что все,

no Power or Interest among them to contradict it, unless he pleases to execute it *brevi manu* from Heaven.

Most of their Laws consist in immediate Judgment, swift Executions, just Retaliations, and fair protection from Injuries. Their punishments are cruel and exorbitant, such as Cutting the Hands and the Feet off for Theft, at the same Time releasing murders and other flagrant Crimes.

Their *Mandarins* are their Judges in very many Cases, like our Justices of the Peace; but then they judge by Customs, Oral Tradition, or immediate Opinion, and execute the Sentence immediately, without room or Time to reflect upon the Justice of it, or to consider of Mitigations, as in all Christian Countries is practised, and as the Sense of human Frailty would direct.

But let me come to their Mechanics, in which their Ingenuity is so much cried up. I affirm there is little or nothing sufficient to build the mighty Opinion we have of them upon, but what is founded upon the Comparisons which we make between them and other Pagan Nations, or proceeds from the Wonder which we make that they should have any Knowledge of Mechanic Arts, because we find the remote inhabitants of *Africa* and *America* so grossly ignorant and so entirely destitute in such Things; whereas we do not consider that the *Chinese* inhabit the Continent of Asia, and though they are separated by Deserts and Wildernesses, yet they are a continuous Continent of Land with the Parts of the World once inhabited by the politer Medes, Persians, and Grecians; that the first Ideas of Mechanic Arts were probably received by them from the *Persians*, *Assyrians*, and the banished transplanted *Israelites*, who are said to be carried into the Regions of *Parthia* and the Borders of *Karakathie*, from whence they are also said to have communicated Arts, and especially Handicraft, in which the *Israelites* excelled, to the Inhabitants of all those Countries, and, consequently, in Time to those beyond them.

But let them be received from whom they will, and how long ago soever, let us but compare the Improvement they have made with what others have made; and, except in Things peculiar to themselves, by their Climate, we shall find the utmost of their Ingenuity amounts but to a very Trifle, and that they are outdone even in the best of their Works by our ordinary Artists, whose Imitations exceed their Originals beyond all Comparison.

For Example, they have Gunpowder and Guns, whether they have learned to make them by Direction of *Europeans*, which is most likely, or that they found it out by mere Strength of Invention, as some would advance, though without Certainty, in their Favour – be it which it will, as I say, it Matters not much, their Powder is of no Strength for the needful Operations of Sieges, Mines, Batteries, no, nor for shooting of Birds, as ours is, without great Quantities put together; their Guns are rather an Ostentation than for Execution, clumsy, heavy, and ill-made; neither have they arrived to any tolerable Degree of Knowledge in the Art of Gunnery or Engineering, they have no Bombs, Carcasses, Hand-grenades; their artificial Fireworks are in no Degree

что говорит *мандарин*, является законом, и Сам Бог не обладает властью и не имеет интереса противоречить ему, если только Он не пожелает [незамедлительно] применить закон *brevi manu* с Небес²².

Большинство их законов заключается в безотлагательном суде, спешной казни, беспристрастном возмездии и законной же защите от ущерба. Их наказания, например, отрубание кистей и ступней за кражу, жестоки и непомерны, но в то же время [там] прощают убийства и другие гнусные преступления.

Их *мандарины* во многих случаях являются и судьями, как и наши мировые судьи; но они судят по обычаям, традиции или в соответствии с собственным мнением и приводят приговор в исполнение немедленно, не имея возможности или времени обдумать его справедливость или рассмотреть меры по его смягчению, как это принято во всех христианских странах и как подсказывает здравый смысл.

Но позвольте мне перейти к механике, в которой их изобретательность столь восхваляема. Я утверждаю, что наше лестное мнение о них не строится ни на чем или почти ни на чем, кроме сравнения их с другими языческими народами; другими словами, оно исходит из удивления [тем], что они вообще обладают какими-либо знаниями механических ремесел, потому что мы знаем, что жители отдаленных [от нас] *Африки* и *Америки* столь грубы и невежественны и столь же совершенно несведущи в таких изобретениях; в то же время мы забываем о том, что *китайцы* населяют Азиатский континент, и хотя они отделены пустынями и дикими лесами, все же они населяют один и тот же континент, на котором когда-то обитали более цивилизованные мидяне, персы и греки; что первые идеи механических ремесел были, вероятно, получены ими от *персов*, *асирийцев* и изгнанных переселенных *израильтян*, которые, как говорят, переместились в области *Парфии* и на границы *Каракатии*, откуда они также, как говорят, передали искусство, и особенно ремесла, в которых преуспели израильтяне, жителям всех этих стран, и, следовательно, со временем – и тем, кто находился за их пределами.

Но от кого бы эти ремесла ни перенимались и сколь бы давно это ни происходило, давайте лишь сравним те усовершенствования, в которых они преуспели, с теми, что создали другие; и, за исключением изобретений, принадлежавших им самим благодаря их местоположению, мы обнаружим их ограниченность и то, что даже в лучших своих достижениях их превосходят наши обычные мастера, чьи копии, вне всякого сомнения, превосходят их оригиналы.

Например, у них есть порох и ружья, и неважно, переняли ли они их у *европейцев*, что наиболее вероятно, или изобрели сами, как предполагают некоторые, хотя и без уверенности, говоря в пользу китайцев, – я полагаю, это не имеет большого значения, поскольку их порох, в отличие от нашего, не годится ни для целей осад, ни для подрывов и атак, ни для стрельбы по птицам, без того, чтобы использовать большие его количества; их ружья – скорее для вида, нежели настоящие: неуклюжие, тяжелые и сделаны плохо; не достигли они и сколь-нибудь сносной степени познаний в артиллерийском или инженерном искусстве. У них нет бомб, корпусов [артиллерийских снарядов], ручных гранат; их фейерверки

comparable or to be named with ours; nor have they arrived to anything in the military Skill in marshalling Armies, handling Arms, Discipline, and the Exercise in the Field as the *Europeans* have; all which is depending on the Improvement of Firearms, &c., in which, if they have had the Use of Gunpowder so many Ages as some Dream, they must be unaccountable Blockheads that they have made no farther Improvement; and if it is but lately, they are yet apparently dull enough in the managing of it, at least compared to what ought to be expected of an ingenious People, such as our People cry them up to be.

I might go from this to their Navigation, in which it is true they outdo most of their Neighbours; But what is all their Skill in Sailing compared to ours? Whither do they go? and how manage the little and foolish Barks and Jonks they have? What would they do with them to traverse the great *Indian, American, or Atlantic* Oceans? What Ships, what Sailors, what poor, awkward, and ignorant Doings are there among them at Sea! And when our People hire any of them, as sometimes they are obliged to do, How do our Sailors kick them about, as a Parcel of clumsy, ignorant, unhandy Fellows?

Then for building of Ships, What are they? And what are they able to do towards the glorious Art of building a large Man-of-War? It is out of Doubt with me, that all the People of *China* could not build such a Ship as the *Royal Sovereign* in a hundred Years; no, not though she was there for them to look at and take Pattern by.

I might go on to abundance more things, such as Painting, making Glasses, making Clocks and Watches, making Bone-lace, Frame-work Knitting; all of which, except the two first, they know little or nothing; and of the two first nothing compared to what is done in *Europe*.

The Height of their Ingenuity, and for which we admire them with more Colour of Cause than in other things, is their Porcelain or Earthenware Work, which, in a Word, is more due to the excellent Composition of the Earth they make them of, and which is their Peculiar, than to the Workmanship; in which, if we had the same Clay, we should soon outdo them as much as we do in other Things. The next Art is their Manufacturing in fine Silks, Cotton, Herba, Gold, and Silver, in which they have nothing but what is in common with our ordinary poor Weavers.

The next Mechanic Art is their Lacquering, which is just, as in their *China* Ware, a Peculiar to their Country, in the Materials, not at all in the Workmanship; and as for the Cabinet-Work of it they are manifestly outdone by us; and abundance is every Year sent thither framed and made in *England*, and only lacquered in *China*, to be returned to us.

I might run the like Parallel through most of the Things these People excel in, which would all appear to be so deficient as would render all their famed Wisdom and Capacity

ни в коей мере не сопоставимы и не могут быть поставлены в один ряд с нашими; они также не достигли чего-либо в военном искусстве – в выстраивании армии в боевой порядок, в обращении с оружием, дисциплине и полевых учениях, как *европейцы*; что касается совершенствования огнестрельного оружия, то, если они [действительно] использовали порох так много веков, как некоторые им приписывают, они должны быть непроходимыми тупицами, так как совсем не преуспели в его модернизации; а если же они открыли его недавно, они все же достаточно несведущи в его использовании, по крайней мере, в отношении того, чего следовало бы ожидать от столь гениального народа, каковым некоторые наши соотечественники представляют их.

Я мог бы перейти к их мореходству, в котором они действительно превосходят большинство своих соседей. Но каковы все их навыки мореходства по сравнению с нашими? Куда они ходят? И как управляют с этими маленькими глупыми барками и джонками, что у них есть? Как они будут с ними справляться, чтобы пересечь великий *Индийский*, *Американский* или *Атлантический* океаны? Что это за корабли, что это за матросы, что за никудышные, неуклюжие и бестолковые действия [можем мы наблюдать] у них на море! И когда наши соотечественники нанимают кого-нибудь из них (а иногда им приходится это делать), наши моряки тычками гоняют их туда-сюда, как свору неуклюжих неумелых неловких малых!

Что же тогда насчет кораблестроения? И чего они могут достичь в славном деле строительства большого военного корабля? Я не сомневаюсь, что весь народ Китая не смог бы построить такое судно, как *Royal Sovereign*²³, и за сто лет, даже если бы он прибыл сюда, чтобы рассмотреть его и взять за образец.

Я мог бы перечислить множество других вещей, таких как живопись, изготовление очков, стальных и наручных часов, плетение кружева на коклюшках, вышивание на пяльцах; обо всем, кроме двух первых, они мало или совсем ничего не знают, а из двух первых нечего и сравнивать [их изделия] с теми, что изготавливают в *Европе*.

Вершина их изобретательности, за что мы восхищаемся ими с большим основанием, нежели в отношении других искусств, – их изделия из фарфора или глины – словом, то, что, больше зависит от превосходного состава глины, из которой они их делают, нежели от мастерства изготовления, и что является отличительной чертой их страны. Если бы у нас имелась такая же глина, мы скоро превзошли бы их в этом ремесле так же, как и в других вещах. Еще один вид их искусства – изготовление тканей из тонкого шелка, хлопка, трав, золота и серебра, в котором они не ничем не превосходят наших обычных бедных ткачей.

Следующее их ремесленное искусство – лакировка, которая, как и в случае с *китайским фарфором*, распространена в их стране благодаря наличию материалов, а вовсе не мастерству. Что касается столярного дела, то мы явно превзошли их, и каждый год туда отправляются в изобилии изделия, созданные и изготовленные в *Англии*, а в *Китае* их лишь покрывают лаком, чтобы вернуть обратно.

Я мог бы провести аналогичные параллели по большинству видов искусств, в которых этот народ якобы преуспевает, и все они окажутся настолько

most scandalously imperfect. But I am not so much upon their Cunning in arts as upon their Absurdity and ridiculous Folly in Matters religious, and in which I think the rudest *Barbarians* outdo them.

From this wise Nation we have a vast Extent of Ground, near 2000 Miles in Breadth, partly under the *Chinese* Government, Partly under the *Muscovite*, but inhabited by *Tartars* of *Mongol Tartary*, *Karakathie*, *Siberian*, and *Samoiedes* Pagans, whose Idols are almost as hideous as the *Chinese's*, and whose Religion is all Nature – and not only so, but Nature under the greatest Degeneracy, and next to Brutal. *Father le Comte* gives us the Pictures of some of their House Idols, and an Account of their Worship; and this lasts, as I have observed, to within a few Days of *Archangel*. So that, in a Word, from the Mouth of the *Straits*, that is to say, from *Sallee* over to *Caribbee*, from thence round *Africa* by the Cape of Good Hope, across the vast *Indian Ocean*, and upon all the Coast of it, about by *Malacca* and *Sumatra*, through the straits of *Singapore* and the Coast of *Siam* northwards to *China*, and through *China* by Land over the Deserts of the *Grand Tartary* to the River *Dwina*, being a Circuit three Times the Diameter of the Earth, and every jot as far as the whole Circumference. The Name of God is not heard of, except among a few of the *Indians* that are *Mahometans*; the Word of God is not known, or the Son of God spoken of.

Having some Warmth in my Search after Religion, occasioned by this Reflection, and so little of it appearing in all the Parts which I had travelled, I resolved to travel over the rest of the World in Books, for my wandering Days are pretty well over; I say, I resolved to travel the rest in Books; and sure, said I, there must appear abundance of serious Religion in the rest of the World, or else I know nothing at all of where I shall find it.

But I find by my Reading, just as I did in Travelling, that all the Customs of Nations, as to Religion, were much alike; that, one with another, they are more devout in their Worship of something, *whatever it be*, than inquisitive after what it is they worship; and most of the Altars of Worship in the World might to this Day be inscribed to the Unknown God.

This may seem a strange thing; but that Wonder may cease when further Inquiry is made into the particular Objects of Worship which the several Nations of the World bow down to, some of which are so horrid, so absurd, as one would think human Nature could not sink so low as to do her Homage in so irrational a Manner.

And here, being to speak of Religion as idolatrous, it occurs to me that it seemed strange that, except in *Persia* and some Part of *Tartary*, I found none of the People look *Up* for their Gods, but *Down*; by which it came into my Mind that, even in Idolatry itself, the World was something degenerated, and their Reason was more hoodwinked than their Ancestors.

несостоятельными, что явят всю их знаменитую мудрость и способности несовершенными самым вопиющим образом. Но меня интересует не столько их искусство в ремеслах, сколько их вздор и нелепая блажь в вопросах религии, в которых, как мне кажется, самые грубые *варвары* не превзойдут их.

Далее от этого «мудрого» народа имеется обширная территория около двух тысяч миль шириной, частично [находящаяся] под властью Китая, частично – под властью *московитов*, но населенная *татарами* Монгольской *Тартарии*, *каракафскими*, *сибирскими* и *самоедскими* язычниками, чьи идолы почти такие же отвратительные, как у китайцев, религией которых является обожествление природы (хотя [это] не совсем так), но природы, находящейся в состоянии величайшего вырождения и граничащей с животным существованием. *Отец Ле Конт* дает нам иллюстрации иных из их домашних идолов и обзор их идолопоклонства²⁴; и эта [местность] простирается, как я понял, в нескольких днях пути от *Архангельска*. Словом, от устья пролива, то есть от *Салле* до *Карибов*, оттуда – вокруг *Африки* через мыс *Доброй Надежды*, через бескрайний *Индийский океан* и по всему его побережью через *Малакку* и *Суматру*, через *Сингапурский пролив* и побережье *Сиамы*²⁵ на север в *Китай*, и через *Китай* по суше через пустыни *Великой Тартарии* до реки *Двины* по окружности, в три раза превышающей диаметр Земли, и на каждой йоте во всей окружности об имени Бога не слышали, за исключением нескольких индийцев, являющихся магометанами; Слово Божье [здесь] неизвестно, Сын Божий не упоминается.

Испытав в моих поисках [подлинной] веры некоторое вдохновение, вызванное данными размышлениями и столь слабыми ее проявлениями во всех пройденных мной частях света, я решил путешествовать по остальному миру по книгам, поскольку дни моих странствий уже закончились; да, я решил путешествовать по остальному миру посредством книг; и конечно, сказал я [себе], в этом мире [книг] должно быть [заключено] достаточно глубокой веры, иначе я не знаю, где ее вообще можно отыскать.

Но я обнаружил, читая, как и во время путешествий, что все обычаи [самых разных] народов, касающиеся веры, весьма схожи; что те и другие весьма набожны в своем поклонении чему-либо, *что бы это ни было*, но не проявляют любознательности [по отношению] к тому, чему они поклоняются; и, может быть, большинство алтарей в мире до сих пор посвящены неизвестному богу²⁶.

Может показаться странным, но это удивление может исчезнуть, когда будет проведено дальнейшее исследование конкретных объектов поклонения у различных народов мира, иные из которых настолько ужасны, настолько нелепы, что можно было бы подумать, что человек не может пасть столь низко, дабы поклоняться чему-либо таким неразумным образом.

И здесь в процессе рассуждений о религии как об идолопоклонстве мне пришло в голову, что, за исключением *Персии* и некоторой части *Тартарии*, никто не смотрит на своих богов снизу *вверх*, но скорее сверху *вниз*; и тогда мне пришло в голову, что даже в самом идолопоклонстве мир предстает как что-то выродившееся, и их [идолопоклонников] разум еще более обманывается, чем разум их предков.

By looking up and looking down, I mean, they do not, as the *Romans*, look up among the Stars for their Idols, place their Gods in the Skies, and Worship, as we might say, like Men, but look down among the Brutes, form Idols to themselves out of the Beasts, and figure things like Monsters, to adore them for their Ugliness and horrible Deformity.

Of the Two, the former, in my Opinion, was much the more rational Idolatry, as particularly the *Persians* worshipping the Sun; and when I had a particular Account of that of *Bengal*, it presently occurred to my Thoughts that there was something awful, something glorious and *Godlike* in the Sun, that, in the Ignorance of the True God, might rationally bespeak the Homage of the Creatures; and to whom it seemed reasonable, *where Reason was its own Judge only, without the Helps of Revelation*, to pay an Adoration as the Parent of Light, and the Giver of Life to all the Vegetative World, and as in a visible Manner enlivening and influencing the rational and sensitive Life, and which might, for aught they knew, at first create, as it did since so plainly affect, all things round us.

This Thought gave Birth to the following Excursion, with which I shall close this Observation.

*Hail! Glorious Lamp, the Parent of the Day,
Whose Beams not only Heat and Life convey;
But may that Heat and Life, for aught we know,
On many, many distant Worlds bestow.
Immense, amazing Globe of heavenly Fire.
To whom all Flames ascend, in whom all Lights expire.
Rolling in Flames, emits eternal Ray,
Yet Self-sufficient suffers no Decay.
[Thy Central Vigour never, never dies,
But Life the Motion, Motion Life supplies,
When lesser Bodies rob us of thy Beams,
And intercept thy flowing, heavenly Streams;
Fools by Mistake eclipse thee from their Sight,
When 'tis the Eyes eclipsed, and not thy Light
Thy Absence constitutes effectual Night
When rolling Earth deprives us of thy Light;
And Planets all opaque and beggarly,
Borrow thy Beams, and strive to shine like thee;
In their mock, lifeless Light we starve and freeze,
And wait the Warmth of thy returning Rays.
Thy Distance leaves us all recline and sad,
And hoary Winter governs in thy Stead:
Swift thy returning Vigour, warm and mild,
Salutes the Earth, and gets the World with Child.*

Под выражениями «смотрят снизу вверх» и «смотрят сверху вниз» я подразумеваю, что эти идолопоклонники, в отличие от римлян, не ищут своих идолов среди звезд, не помещают своих богов на небесах и не поклоняются им, как мы могли бы сказать, подобно людям, но смотрят сверху вниз на диких зверей, создают себе идолов по звериному подобию и ваяют чудовищ, чтобы поклоняться им [идолам] за их уродство и ужасающую бесформенность.

Из этих двух, на мой взгляд, первое было гораздо более рациональным [видом] идолопоклонничества, особенно у персов, поклоняющихся Солнцу²⁷; и когда я получил подробный обзор об особенностях культов в Бенгалии²⁸, мне сразу пришла в голову мысль, что в образе [Солнца для них] заключено нечто ужасное, великолепное и богоподобное, что в неведении истинного Бога могло бы рационально выражать признание Его созданий; там, где разум был только своим собственным судьей, без помощи Откровения, им казалось правильным поклоняться Солнцу как родителю света и дарителю жизни для всего растительного мира, а также как тому, что видимым образом оживляет разумную жизнь и влияет на нее, которое могло, насколько нам известно, вначале создать все вокруг нас и с тех пор явно влияет на все окружающее.

Сия мысль породила следующий экскурс, которым я и завершу это наблюдение:

*Великое светило, ты рождаешь день,
твои лучи даруют жар и жизнь
не только нам, но, как известно,
и множеству миров далеких.
Небесного огня чудесный шар,
к тебе восходит пламя – умереть.
Ты, обретя его, даруешь вечный луч,
самодостаточно – не терпишь ты распада,
и в сердцеvine мощь в тебе не умирает,
живет, движеньем жизнь питая,
когда же малые тела крадут твои лучи
и преграждают путь сиянью твоему,
глупцы, невежды взгляд отводят,
смыкают веки.
Твое отсутствие – вот подлинная ночь,
когда земля, вращаясь, нас лишает
сиянья твоего, и все планеты темны и жалки, и крадут лучи
твои, чтобы светить, как ты,
но в их притворном, мертвом свете мы замерзаем, голодаем,
мы ждем тепла вернувшихся лучей.
Ты – далеко, и горе нас терзает,
зима седая правит нами:
скорее возврати могущество свое,
приветствуй Землю, как ребенка своего.*

*Great Soul of Nature, from whose vital Spring
 Due Heat and Life diffused through everything:
 Govern'st the Moon and Stars by different Ray,
 She Queen of Night, thee Monarch of the Day,
 The Moon, and Stars, and Earth, and Plants obey.* }
*When darker Nations see thee placed on high,
 And feel thy Warmth their Genial Heat supply;
 How imperceptible thy Influence
 Slides through their Veins, and touches every Sense;
 By glimmering Nature led, they bow their Knee,
 Mistake their God, and sacrifice to thee,
 Mourn thy declining Steps, and hate the Night,
 But when in Hope of thy approaching Light,
 Bless thy Return, which brings the cheerful Day,
 And to thy wond'rous Light false Adorations pay.
 Nor can we blame the Justice of the Thought,
 In Minds by erring Reason only taught.
 Nature, it seems, instructs a Deity,
 And Reason says there's none so bright as thee.
 Nor is thy Influence so much a Jest,
 There's something shocks our Nature in the Rest:
 To make a God, and then the Tool adore,
 And bow to that that Worshipped us before.
 The Nonsense takes off all the Reverence,
 That can't be Worshipping that is not Sense.
 But when the Spring of Nature shows its Face,
 The Glory of its Rays, the Swiftmess of its Race,
 Stupendous Height and Majesty Divine,
 And with what awful Splendour it can shine,
 Who that no other News from Heaven could hear,
 Would think but this was God, would think and Fear,* }
No other Idol ever came so near.

Certain it is that the Persians, who thus paid their Adoration to the Sun, were at that Time some of the wisest People in the World. Some tell us that the great image that *Nebuchadnezzar* set up for all his People to worship, was represented holding the Sun in his Right hand; and that it was to the Representation of the Sun that he commanded all Nations and Kindreds to bow and to worship. If so, then the Assyrians were Worshippers also of the Sun as well as the Persians, which is not at all improbable. We read also in the Scripture of those Nations who worshipped all the Host of Heaven, a Thing much more rational, and nearer of kin to Worshipping the Great God of heaven than worshipping the whole Host of the Earth, and worshipping the most abject and loathsome Creatures, or but even the Representations of those Creatures, which was still worse than the other.

Душа великая природы, ты даруешь
 тепло и жизнь кругом:
 ты правишь светом звезд и отблеском луны,
 Она – ночи княжна, ты – королева дня
 (растения, и звезды, и земля тебе подвластны). }
 Когда народы темные тебя узрят,
 почувствуют, как разливается тепло,
 о, незаметное, скользит по венам
 и задевает каждое из чувств,
 тогда они колени преклонят,
 тебе, как Богу, жертву принесут.
 О, мы оплакиваем твой уход и ненавидим ночь,
 в надежде ждем, когда твой свет благословенный
 вернется и дарует радость,
 твой свет чудесный мы обожествляем.
 Поэтому не нам судить
 заблудшие и темные народы.
 И, кажется, сама природа вслед за разумом
 уверена, что ярче нет тебя.
 Твое влияние – не шутка, не насмешка,
 оно природу повергает в трепет:
 она дала Создателя, учила
 нас преклонять колени пред великим –
 не пред бессмысленным:
 нельзя бессмысленное чтить.
 Когда придет весна и обнажит лицо,
 лучи ее, стремительная поступь,
 недостижимое величие
 так невозможно воссияют,
 что те, кто Бога никогда не знали,
 подумают, что это Он, и убоятся, }
 нет, ни один кумир так не был близок к Богу²⁹. }

Несомненно, что персы, которые таким образом поклонялись Солнцу, были в то время одним из самых мудрых народов в мире. Есть мнение, что великий [идол], который *Навуходносор* установил для поклонения всему своему народу³⁰, был создан держащим Солнце в своей правой руке, и что именно изображению Солнца он повелел поклониться и почитать его всем народам и потомкам своим. Если так, то *ассирийцы* тоже поклонялись Солнцу, как и *персы*, что вовсе не исключено. Мы также читаем в Священном Писании о тех народах, что поклонялись всему небесному воинству, что было гораздо более разумным и более близким к поклонению великому Отцу Небесному, нежели поклонение всему воинству земному и поклонение самым презренным и мерзким [существом]³¹.

But what are all the Absurdities of Heathenism, which at last are resolved into the Degeneracy of Mankind, and their being fallen from the Knowledge of the true God, which was once, as we have Reason to believe, diffused to all Mankind.

I say, What are these? And how much Ground for just Reflection do they afford us, compared to the gross things in Practice which we find every Day among those Nations who profess to have had the clear Light of Gospel Revelation?

How many Self-contradicting Principles do they hold? How contrary to their Profession do they act? How does one Side burn for what another Side abhors? And how do Christians, *taking that venerable Name for a general Appellation*, doom one another to the Devil for a few disagreeing Clauses of the same Religion, while all profess to Worship the same Deity, and to expect the same Salvation?

With what preposterous Enthusiasms do some mingle their Knowledge, and with as gross absurdities others their Devotion? How blindly superstitious; how furious and raging in their Zeal? How cruel, inexorable, and even inhuman and barbarous to one another, when they differ? as if Religion divested us of Humanity, and that in our worshipping a God of Mercy, and in whose Compassions alone it is that we have room to hope, we should, to please and serve him, banish Humanity from our Nature, and show no Compassion to those that fall into our Hands.

In my Travelling through *Portugal*, it was my Lot to come to *Lisbon* while they held there one of their Courts of Justice called *Auto-de-fe* that is to say, a Court of Justice of the Inquisition. It is a Subject which has been handled by many Writers, and indeed exposed by some of the best Catholics; and my present Business is not to write a History, or engage in a Dispute, but to relate a Passage.

They carried in Procession all their Criminals to the great Church, where eight of them appeared first, dressed up in Gowns and Caps of Canvas, upon which were painted all that Man could devise of Hell's Torments, Devils broiling and roasting human Bodies, and a thousand such frightful Things, with Flames and Devils besides in every Part of the Dress.

Those I found were eight poor Creatures condemned to be burnt, and for they scarce knew what, but for Crimes against the Catholic Faith, and against the Blessed Virgin, and they were burnt. One of them, it was said, rejoiced that he was to be burnt, and being asked Why, Answered That he had much rather die than be carried back to the Prison of the Inquisition, where their Cruelties were worse than Death. Of those eight, as I was told, some were Jews, whose greatest Crime, as many there did not scruple to say, was that they were very rich; and some Christians were in the Number at the same Time, whose greatest Misery was that they were very poor.

Но что такое все нелепости язычества, которые в конце концов сводятся к вырождению человечества и к тому, что оно отошло от познания истинного Бога, которое когда-то, как мы имеем основания полагать, было распространено на весь людской род³²?

Что же они [язычники] такое есть, вопрошаю я? И какие основания для справедливого размышления они являют нам по сравнению с ужасными деяниями в практике богопочитания, которые мы находим каждый день среди народов, заявляющих, что испытали ясный свет евангельского откровения?

Сколько противоречащих друг другу принципов найдем мы у них? Насколько противоречат они самому вероисповеданию? Как одна сторона горит за то, что другая сторона ненавидит? И как христиане, *приняв это почтенное имя за общее наименование*, проклинают друг друга, суля адские муки за несколько не совпадающих положений одной и той же религии, в то время как все они заявляют, что поклоняются одному и тому же Божеству и ожидают одного и того же спасения?

С каким превратным исступлением одни смешивают свои знания, а другие – благочестие с такими тупыми нелепостями? Как слепо они суеверны; сколь яростны и свирепы в своем рвении? Насколько жестоко, неумолимо и даже бесчеловечно и варварски они относятся друг к другу, когда разнятся во мнениях? Будто религия лишила нас человечности, и, поклоняясь Богу милосердия, на сострадание которого мы только и можем надеяться, мы должны, чтобы служить и угождать Ему, исключить человечность из нашей природы и не проявлять сострадания к тем, кто попадают в наши руки.

Во время моего путешествия по *Португалии* мне довелось посетить *Лиссабон*, где они как раз устраивали один из своих судов справедливости, называемый *Auto-de-fe* [*порт.* *Auto-da-fe* – аутодафе], то есть суд инквизиции.

Эта тема была затронута многими писателями и хорошо раскрыта иными из лучших [авторов] – католиками³³; и моя нынешняя задача – не писать историю или вступать в спор, а изложить событие [на бумаге].

Своих преступников они сопровождали процессией в большую церковь, где первыми появились восемь [из них], одетые в балахоны и колпаки из холста, на которых было нарисовано все, что только мог измыслить человек о муках ада: дьяволы, варящие и жарящие человеческие тела, и еще тысячи подобных ужасных сюжетов с [изображениями] огня и дьявола по всему одеянию.

Как я узнал позже, этих восьмерых несчастных приговорили к сожжению, и они вряд ли знали, за что именно, но явно за преступления против католической веры и против Пресвятой Девы, и они были сожжены. Говорили, что один из них обрадовался, что его должны сжечь, и, когда его спросили, почему, ответил: лучше он умрет, чем попадет обратно в застенки инквизиции, где жестокость инквизиторов была страшнее смерти. Из этих восьмерых, как мне сказали, иные были евреями, величайшим преступлением которых, как многие там не постеснялись признать, было то, что они весьма богаты; и в то же время в их числе были и христиане, величайшим несчастьем их было то, что они крайне бедны.

It was a Sight that almost gave me a Shock in my Notion of Christianity itself, till I began to recollect that it might be possible that Inquisitors were scarce Christians, and that *I knew* many Catholic Countries do not suffer this abominable Judicature to be erected among them.

I have seen much, and read more, of the unhappy Conduct, in Matters of Religion, among the other Nations of the World professing the Christian Religion; and upon my Word I find some Practices Infinitely scandalous, some which are the common received Customs of Christians, which would be the Abhorrence of Heathens; and it requires a strong Attachment to the Foundation, which is indeed the principal Part in Religion, to guard our Minds against being offended even at the Christian Religion itself, but I got over that Part afterward.

Let it not offend the Ears of any true Lover of the Christian Religion that I observe some of the follies of the Professors of the Christian Religion, assuring you 'tis far from being my Design to bring the least Scandal upon the Profession itself.

And here, therefore, let me give the Words of a judicious Person who travelled from *Turkey* through *Italy*. His Words are these.

When I was in *Italy* I ranged over great Part of the patrimony of *St. Peter*, where one would think, indeed, the Face of Religion would be plainest to be seen, and without any Disguise; but, in short, I found there the Face of Religion, and no more.

At *Rome* there was all the Pomp and Glory of religious Habits: the Pope and the Cardinals walked with a religious Gravity, but lived in a religious Luxury, kept up the Pomp of Religion and the Dignity of religious Titles; But, like our Lord's Observation on the *Pharisees*, I found within they were all ravening Wolves.

The religious Justice they do there is particularly remarkable, and very much recommends them. The Church protects Murderers and Assassins, and then delivers the Civil Magistrates over to Satan for doing Justice. They interdict whole Kingdoms, and shut up the Churches or Want of Paying a few Ecclesiastic Dues, and so put a Stop to Religion for Want of their Money. I found the *Courtesans* were the most constant Creatures at the Church, and the most certain Place for an Assignment with another Man's Wife was at Prayers.

The Court of Inquisition burnt two Men for speaking dishonourably of the Blessed Virgin, and the Missionaries in *China* tolerated the Worshipping the Devil by their new Convert. A Jew was likewise burnt for denying Christ, while the Jesuits joined the Paganism of the Heathen with the high mass, and sung anthems to the immortal Idols of *Tonquin*.

When I saw this I resolved to inquire no more after *Religion* in *Italy*, till by Accident meeting with a Quietist, he gave me to understand that all Religion was internal, that the Duties of Christianity were summed up in Reflection and Ejaculation. He inveighed bitterly against the Game of Religion which he said was playing over the World by the

Это было зрелище, которое возмутило меня в самом моем понимании христианства, пока я не начал собираться с мыслями и не понял, что, возможно, инквизиторы едва ли были [истинными] христианами; и я *знал* также, что многие католические страны не потерпят, чтобы это гнусное отправление правосудия было учреждено у них.

Я много видел и читал о чудовищном поведении в вопросах религии среди иных народов мира, исповедующих христианскую религию. И, честное слово, нахожу некие обычаи бесконечно вопиющими, некоторые из них являются общепринятыми у христиан, но вызвали бы отвращение у язычников. И требуется глубокая укорененность в самом основании веры, которое действительно является основой религии, чтобы уберечь наши умы от крайних проявлений даже самой христианской религии, но я завершу эту тему позже.

Да не оскорбит ухо истинного почитателя христианской религии то, что я излагаю свои наблюдения за некоторыми глупостями, которые исповедуют приверженцы христианства; уверяю вас, я вовсе не намерен очернить хоть малейшей сплетней само вероисповедание.

И поэтому позвольте мне привести свидетельства одного здравомыслящего человека, путешествовавшего из *Турции* через *Италию*. Слова его таковы:

«Когда я был в Италии, я объехал большую часть вотчины святого *Петра*³⁴, где, казалось бы, на деле облик религии должен был представлять в истинном свете и безо всякой маскировки; но если коротко – там я нашел только внешние проявления религиозности, и не более того.

В *Риме* налицо были вся пышность и великолепие религии: папа и кардиналы ходили с приличествующей им серьезностью, но [при этом] жили в роскоши, поддерживали пышность обрядов и значимость религиозных титулов; однако, как и в притче нашего Господа о *фарисеях*, я обнаружил, что на самом деле они были хищными волками³⁵.

Религиозная “справедливость”, которую они там вершат, особенно примечательна и премного их возвышает. Церковь защищает убийц и наемников, а затем предаёт гражданских судей Сатане за свершение правосудия. Они отлучают от церкви целые королевства и закрывают храмы из-за неуплаты церковных налогов, таким образом пороча веру из-за жадности денег. Я обнаружил, что самыми постоянными посетительницами церкви были *куртизанки*, а лучшее место для свидания с чужой женой – в церкви во время молитвы.

Суд инквизиции сжег двух человек за неуважительные высказывания о Пресвятой Деве, в то время как миссионеры в *Китае* были терпимы к поклонению дьяволу со стороны своих новообращенных. Один еврей был сожжен за отречение от Христа, в то время как иезуиты³⁶ объединяли язычество дикарей со священной мессой и пели церковные гимны бессмертным идолам *Тонкина*³⁷.

Осознав это, я решил больше не исследовать [особенности] религии в *Италии*, пока случайно не встретился с квинтистом³⁸, который дал мне понять, что [истинная] вера – [это вера] внутренняя, что обязанности христианства сводятся к размышлению и усердной молитве. Он яростно критиковал ту игру в религиозность,

Clergy; and said *Italy* was a Theatre, where Religion was the Grand *Opera*, and the Popish Clergy were the Stage Players.

I liked him in many of his Notions about other People's Religion; but when I came to talk with him a little closely about *his own*, it was so wrapped up in his Internals, concealed in the Cavities and dark Parts of the Soul, viz., Meditation without Worship, Doctrine without Practice, Reflection without Reformation, and Zeal without Knowledge, that I could come to no Certainty with him but in this, that Religion in *Italy* was really *invisible*".

This was very agreeable to my Notions of *Italian* Religion, and to what I had met with from other People that had travel'd the Country: But one Observation of Blindness and Superstition I must give within my own Knowledge, and nearer Home; when passing thro' *Flanders*, I found the People in a certain City there, in a very great Commotion: The Case was this; A certain *Scelerate*, so they call an abandon'd Wretch given up to all Wickedness, had broken into a Chapel in the City, and had stoln the Pix or Casket wherein the Sacred Host was deposited; which Host, after rightly consecrated, they believe to be the real body of our Blessed Saviour, being transubstantiated, as they call it, from the Substance of Bread.

The Fact being discover'd, the City, as I said above, was all up in a Tumult; the Gates were shut up, no Body suffer'd to go out; every House was searched, and the utmost Diligence used; and at length, as it was next to Impossibility he should escape, he was discover'd.

His Execution was not long deferr'd: But first he was examin'd, and I think by Torture, What he had done with the sacred thing which was in the Pix, which he had stoln? And at length he confess'd, That he had thrown it into a House of Office; and was carry'd with a Guard to shew them the Place.

As it was impossible to find a little Piece of a Wafer in such a Place, tho' no Pains was spar'd in a most filthy Manner to search for it; but, as I say, it could not be found, immediately the Place was judg'd consecrated *ipso facto*, turn'd into an Oratory, and the devout People flock'd to it, to expiate by their Prayers, the Dishonour done to the Lord God, by throwing his precious Body into so vile a Place. It was determin'd by the Wiser part, that the Body would not fall down into the Place, but be snatch'd up by its inherent Power, or by the holy Angels, and not be suffer'd to touch the Excrements in that Place. However, the People continu'd their Devotions for some Time, just in the Place where it was, and afterwards a large Chapel was built upon it, where the same Prayers are continued, as I suppose, to this Day.

I had a particular Occasion to come at a very accurate Account of Poland, by a Polish Gentleman, in whose Company I travell'd, and from whom I learn'd all that was worth enquiring of, about religious Affairs in Prussia on one Side, and *Muscovy* on the other.

в которую, по его словам, играло духовенство по всему миру, и сказал, что *Италия* есть театр, где религия – “гранд *опера*”, а папское духовенство – “актеры сцены”.

Мне понравились многие его мысли о вероисповеданиях других народов; но когда я немного подробнее заговорил с ним *о его собственной [вере]*, та оказалась глубоко скрыта у него внутри, скрыта в глубинах, в потаенных уголках его души – это было созерцание без богопочитания, учение без практики, размышление без одухотворения и религиозное рвение без знания, и я не мог разделить его взглядов, за исключением одного: [истинную] веру в *Италии не сыщешь* днем с огнем».

Это весьма соответствовало моим представлениям об [особенностях] *итальянских* религиозных установлений и тому, что я узнавал от других людей, путешествовавших по стране, но один пример религиозной слепоты и суеверий я должен привести в пределах моих собственных знаний и ближайших к родине мест. Проезжая через *Фландрию*, в одном городе я застал людей в весьма сильном волнении. Дело обстояло так. Некий *злодей* (так они называют конченого негодяя, преданного всякому беззаконию) ворвался в часовню и украл дароносицу, или ларчик, в котором находились святые дары, что после надлежащего освящения почитаются как истинное тело нашего благословенного Спасителя, пресуществленное, как они это называют, из хлеба.

После того, как факт кражи был установлен, город, как я сказал выше, пришел в смятение; ворота были заперты, выходить никому не разрешалось, в каждом доме был произведен обыск, и [к этому] было приложено самое большое усердие; в конце концов, поскольку сбежать [оттуда] было почти невозможно, вор был обнаружен.

Казнь его была назначена безотлагательно. Но сначала его допросили, думаю, под пыткой, [чтобы выяснить,] что он сотворил со священной облаткой, которая была в украденной дароносице. Он признался, что бросил ее в отхожее место, и его в сопровождении стражника отвели туда, чтобы он указал, куда именно.

Невозможно было отыскать маленький кусочек облатки в такого рода месте, несмотря на отчаянные усилия и буквально роясь в нечистотах, чтобы найти ее; как я уже сказал, найти ее не удалось; это место немедленно было признано освященным *ipso facto*³⁹, превращено в молельню, и набожные люди стекались туда, дабы искупить своими молитвами бесчестие, нанесенное Господу Богу тем, что Его драгоценное тело было брошено в столь гнусное место. Люди более мудрые определили, что тело не могло упасть туда, но было подхвачено присущей ему силой или святыми ангелами, не допустившими его прикосновения к экскрементам в этом помещении. Однако люди еще некоторое время продолжали свои богослужения именно на том месте, где это случилось, а затем на нем была построена большая часовня, где те же молитвы продолжают, как я полагаю, и по сей день.

Мне довелось получить весьма точный отчет о Польше от одного польского джентльмена, в компании которого я путешествовал и от которого [так же] узнал все, что стоило разузнать о делах веры в Пруссии, с одной стороны, и в Московии, с другой.

As for *Poland*, he told me they were all Confusion, both in Church and in State; that notwithstanding their Wars, they were Persecutors of the worst Kind; that they let the Jews live among 'em undisturb'd, to such a Degree, that in the Country about *Lemberg* and *Kiow*, there were reckon'd above 30000 Jews: That these had not Toleration only, but many Privileges granted them, tho' they deny'd Christ to be the Messiah, or that the Messiah was come in the Flesh; and blasphemed his Name upon frequent Occasions; and at the same Time they persecuted the Protestants, and destroy'd their Churches, where-ever they had Power to do it.

On the other Hand, when I came to enquire of those Protestants, and what Kind of People they were, who suffer'd so severely for their Religion, I found they were generally a Sort of Protestants, call'd Socinians, and that *Lelius Socinus* had spread his Errors so universally over this Country, that our Lord Jesus Christ was reduc'd here to little more than a good Man sent from Heaven to instruct the World, and far from capable of effecting by the Influence of his Spirit, and Grace, the glorious Work of redeeming the World; As for the Divinity of the Holy Ghost, they have no Trouble about it.

Having given this Account of Knowledge and Piety in the Countries inhabited by Christians of the *Roman* Church, it seems natural to say some thing of the Greek Church.

There are in the *Czar of Muscovy's* Dominions abundance of Wooden Churches; and had not the Country been as full of Wooden Priests, something might have been said for the Religion of the *Muscovites*; for the People are wonderfully devout there, which would have been very well, if it had not been attended with the profoundest Ignorance that was ever heard of in any Country, where the Name of Christian was so much as talk'd of.

But when I came to enquire about their Worship, I found our Lord Jesus Christ made so much a meaner Figure among them than St. *Nicholas* that I concluded Religion was swallow'd up of Superstition; and so indeed I found it was upon all Occasions; as to the Conduct of the People in religious Matters, their Ignorance is so establish'd upon Obstinacy, *which is the Muscovite's national Sin*, that it would be really to no Purpose to look any longer for a Reformation among them.

In short, no Man will, I believe, say of me, that I do the *Muscovites* any Wrong, when I say they are the most ignorant, and most obstinate People in the Christian World, when I tell the following Story of them.

It was after the Battle at *Narva*, where the late King of *Sweden Charles XII* defeated their great Army, and after the Victory, extended his Troops pretty far into their Country, and perhaps plunder'd them a little, as he advanc'd; when the *Muscovites*, we may be sure, being in the utmost Distress and Confusion, fell to their Prayers. We read of nothing they had to say to God Almighty in that Case; but to their Patron Saint they address'd this extraordinary Prayer.

Что касается *Польши*, он поведал мне, что там царила полная неразбериха как в церкви, так и в государстве; что, несмотря на их войны, у них подвизаются гонители наилучшего толка, что они до такой степени невозмутимо позволяют евреям жить рядом с ними, что в стране около *Лемберга*⁴⁰ и *Киева* насчитывается более 30000 евреев; что их не только терпят, но и предоставили им множество привилегий, хотя они и отрицают, что Христос был Мессией или что Мессия пришел во плоти, и часто хулят Его имя; и в то же время они преследуют протестантов и разрушают их церкви повсюду, где есть у них такая власть⁴¹.

С другой стороны, когда я решил расспросить об этих протестантах, о том, что это за люди, терпящие столько страданий за свою религию, я обнаружил, что чаще всего их называли социнианами, и что *Лелий Социн*⁴² настолько широко внедрил свои заблуждения в этой стране, что [образ] нашего Господа Иисуса Христа был здесь сведен немногим более чем к [образу] некоего доброго человека, посланного с Небес, дабы наставлять мир, и совсем не способного под влиянием Своего Духа и благодати свершить славное дело искупления грехов мира сего. Что касается божественности Святого Духа, то их это вообще не волнует.

С учетом этого рассказа о богопознании и о набожности [жителей] в странах, населенных христианами *Римской* церкви, кажется естественным сказать кое-что и о греческой церкви.

Во владениях *царя Московии* имеется множество деревянных церквей, и если бы страна не имела в таком изобилии деревянных же священников, то можно было бы сказать нечто и о религии *москвитов*, ибо народ там удивительно богомольный; это было бы весьма похвально, если бы не сопровождалось наиглубочайшим невежеством, неслыханным ни в одной стране, где хотя бы упоминалось христианство.

Но когда я стал спрашивать об [особенностях] их культа, я обнаружил, что наш Господь Иисус Христос слыл здесь фигурой настолько менее значительной, нежели святой *Николай*, что я пришел к выводу, что они проникнуты суеверием, и действительно обнаружил, что так и было во всех случаях: что касается поведения людей в вопросах веры – их невежество настолько основано на упрямстве, что является национальным грехом *москвитов*, и было бы бесполезно и дальше рассчитывать на их исправление⁴³.

Короче говоря, полагаю, что никто не скажет обо мне, что я заблуждаюсь по поводу *москвитов*, когда говорю, что они самые невежественные и самые упрямые люди в христианском мире, после того как поведаю о них следующую историю.

Это было после битвы при *Нарве*, где покойный король *Швеции Карл XII* разбил их великую армию, а после победы продвинул свои войска довольно далеко вглубь страны и, возможно, понемногу грабил их по мере продвижения. Тогда *москвиты*, можно быть уверенными, находясь в крайнем бедствии и разорении, обратились к своим молитвам. Думаю, что им в этом случае нечего было сказать их святому патрону [Николаю], но к своему святому покровителю они обратились с такой необыкновенной молитвой:

O Thou our perpetual Comforter in all our Adversities! Thou infinitely Powerful St. NICHOLAS, by what Sin, and how have we highly offended thee in our Sacrifices, Genuflections, Reverences and Actions of Thansgiving, that thou has thus forsaken us? we had therefore sought to appease thee entirely, and we had implor'd thy Presence and thy Succour against the Terrible, Insolent, Dreadful, Enrag'd, and Undaunted Enemies and Destroyers; when like Lyons, Bears, and other Savage Beasts, that have lost their young ones, they attack'd us after an insolent and terrible Manner; and terrify'd and wounded, took and killed us by thousands, us who are thy People: Now as it is impossible that this should happen without Witchcraft, and Enchantment, seeing the great Care that we had taken to fortify our selves after an impregnable Manner, for the Defence and Security of thy Name. We beseech thee, O St. Nicholas, to be our Champion, and the Bearer of our Standard, to be with us, both in Peace and in War, and in our Necessities, and at the Time of our Death to protect us against this horrible and Tyrannical Crew of Sorcerers, and to drive them far enough off from our Frontiers, with the Recompence which they deserve.

It may be hoped I may give a better Account of Religion among Protestants than I have among the Roman and Grecian Churches; and I will, if in Justice it is possible.

The next to the Nations I have been mentioning, I mean, in Geographical Order, are those reform'd Christians, call'd Lutherans; to say no worse of them, the Face of Religion indeed is alter'd much between these and the latter: But I scarce know what Name to give it, at least as far as I have enquir'd into it, or what it is like.

It was Popery and no Popery; there was the *Consub*, but not the *Transub*. The Service differ'd indeed from the *Mass*, but the Deficiency seem'd to be made up very much with the Trumpets, KettleDrums, Fiddles, Hautboys, &c. and all the merry Part of the Popish Devotion; upon which it occur'd to me presently, that if there was no Danger of Popery among the Lutherans, there was Danger of *Superstition*; and as for the pious Part, I saw very little of it in either of them.

By Religion therefore, the Reader is desired to understand here, not the Principles upon which the several Nations denominate themselves so much, as the Manner in which they discover themselves to be sincere in the Profession which they make. I had no Inclination here to enter into the Enquiry after the Creeds, which every Nation profess'd to believe; but the Manner in which they practised that Religion which they really profess'd; for, What is Religion to me without Practice? And altho' it may be true, that there can be no true Religion, where it is not profess'd upon right Principles; yet that which I observe here, and which to me is the greatest Grievance among Christians, is the Want of a religious Practice, even where there are right Principles at Bottom, and where there is a Profession of the Orthodox Faith.

— **О**ты, наш вечный утешитель во всех наших невзгодах! Ты, беспредельно могущественный святой НИКОЛАЙ, какими грехами своими мы глубоко оскорбили тебя в наших жертвах, коленопреклонении, благоговении и благодарственных деяниях, что ты оставил нас? Мы желаем полностью умиловить тебя и умоляем об участии и помощи против ужасных, дерзких, опасных, разъяренных и неустрашимых врагов и разрушителей; подобно львам, медведям и другим диким зверям, потерявшим своих детенышей, они напали на нас самым дерзким и ужасающим образом и пленили и убивали нас, испуганных и раненых, тысячами — нас, твой преданный народ. И вот, поскольку невозможно, чтобы это поражение случилось без колдовства и чар,— принимая во внимание чрезвычайное старание, с коим мы укрепляли свои владения самым неприступным образом для защиты и безопасности твоего имени,— мы умоляем тебя, о святой Николай, быть нашим защитником и носителем нашего знамени, быть с нами и в мире, и в войне, и в наших нуждах, и в нашей смерти, дабы защитить нас от этой ужасной тиранической шайки колдунов и отогнать их далеко от наших границ с возмездием, которого они заслужили.

Надеюсь, что я смогу лучше описать особенности вероисповедания протестантов, нежели религию Римской и Греческой церкви; и я сделаю это должным образом, насколько это возможно.

Следующими за упомянутыми мною народами, я имею в виду в географическом порядке, являются те христиане-реформаторы, что называются *лютеранами*. Не злословя о них, скажем лишь, что внешне действительно видны существенные отличия между теми [католиками] и этими [лютеранами]. Но не знаю, как поименовать такое [христианство] или на что оно похоже, по крайней мере, насколько я разобрался в нем [лютеранстве].

Это было и *папство*, и не *папство*. Здесь присутствовал *Единосуций*, но не *Пресуществленный*⁴⁴. Служба здесь действительно отличалась от мессы, но этот недостаток, казалось, был в значительной степени восполнен трубами, литаврами, скрипками, гобоями и т. д. и всей пышностью папской литургии. По этому поводу мне тут же пришло в голову, что если среди лютеран не существует опасности впасть в *папство*, то есть опасность впасть в *суеверие*, а что до благочестия, то я почти не наблюдал его ни в том, ни в другом.

Таким образом, под *религией* читателю желательно понять здесь не принципы веры, на основе которых отдельные народы именуют себя [христианами], а скорее то, насколько они искренни в своем вероисповедании. У меня нет никакого желания углубляться здесь в исследование вероучений каждого народа, вопрос здесь в том, каким образом они практиковали ту религию, которую они действительно исповедовали; ибо чего стоит вера без практики? И хотя, возможно, и верно то, что не может быть истинной веры, если она не исповедуется на правильных началах, все же то, что я наблюдаю здесь и что является, по мне, величайшим несчастьем среди христиан,— это отсутствие [живой] религиозной практики даже там, где в основе лежат правильные принципы и где исповедуется истинная вера.

In Brief, I am not hunting after the Profession of Religion, but the Practice: The first I find almost in every Nation, *Nulla gens tam barbara* – But the last I am like to travel thro' the Histories of all Christendom *with my Search*, and perhaps may hardly be able, when I have done, to tell you where it is.

All the Satyr of this Enquiry will look this Way; for where God has not given a People the Blessing of a true Knowledge of himself, it would call for our Pity, not Reproach. It would be a very dull Satyr indeed, that a Man should be witty upon the Negroes in *Africa* for not knowing Christ, and not understanding the Doctrine of a Saviour: But if turning to our modern Christians of *Barbadoes* and *Jamaica* for not teaching them, not instructing them, and for refusing to baptize them; there the Satyr would be pointed and seasonable, as we shall hear farther by and by.

But to return to the *Lutherans*, for there I am supposed to be at this Time, I mean, among the Courts and Cities of *Brandenburgh*, *Saxony*, &c. I had Opportunity here to view a Court, affecting Gallantry, Magnificence, and gay things, to such a Height, and with such a Passion, to exceed the whole World in that empty Part of human Felicity, call'd *Show*, that I thought it was impossible to pursue it with such an impetuous Torrent of the Affections, without sacrificing all things to it, which wise Men esteem more valuable.

Nor was my Notion wrong; for the first thing I found sacrific'd, as I say, to this voluptuous Humour, was the Liberties of the People, who being by Constitution or Custom, rather under absolute Government, and at the arbitrary Will of the Prince, are sure to pay, not all they can spare, but even all they have, to gratify the unbounded Appetite of a Court given up to Pleasure and Exorbitance.

By all I have read of the Manner of Living there, both Court and People; the latter are entirely given up to the former; not by Necessity only, but by the Consent of Custom, and the general Way of Management thro' the whole Country; nay, this is carry'd to such a Height, that as I have been told, the King's Coffers are the general Cess-Pool of the Nations, whither all the Money of the Kingdoms flow, and only disperses again, as that gives it out; whether by running over or running out at its proper Vent, I do not enquire; so that as all the Blood in the human Body circulates in 24 Hours thro' the Ventracles of the Heart, so all the Money in the Kingdom is said to pass once a Year thro' the King's Treasury.

How far Poverty and Misery may prompt Piety and Devotion among the poor Inhabitants, I cannot say: But if Luxury and Gallantry, together with Tyranny and Oppression to support it, can subsist with true Religion in the great Men, than for ought I know, the Courts of *Prussia* and *Dresden* may be the best qualify'd in the World to produce this Thing call'd Religion which I have hitherto seen, is hard to be found.

It is true, that the Magnificence of the wisest King in the World in *Jerusalem*, was esteemed the Felicity of his People: But it seems to be express'd very elegantly, not as

Словом, я охочусь не за внешними проявлениями веры, а за [внутренней] религиозной практикой. Первое [внешнюю обрядовость] я нахожу почти у каждого народа, *nulla gens tam barbara*⁴⁵, но в поисках последнего [истинной веры] я в своем исследовании путешественник по истории всего христианского мира, и, возможно, [даже] когда завершу это путешествие, и тогда едва ли смогу сказать вам, где оно.

Весь сарказм в моем исследовании будет направлен на это; ибо если Бог не дал народу благословения для истинного познания Самого Себя, это вызывает у нас жалость, а не упрек. Да, сатира была бы весьма скучна, если бы кто-то остроумно высмеял негров Африки лишь за то, что они не знают Христа и не понимают учения Спасителя; но если обратить сатиру к нашим современным христианам Барбадоса и Ямайки за то, что они не учат, не наставляют и отказываются крестить их, вот здесь она была бы остроумной и уместной, как мы увидим далее.

Но вернемся же к лютеранам, ибо там я должен быть теперь, я имею в виду – среди дворов и городов Бранденбурга, Саксонии и т. д. – здесь я имел возможность видеть двор, возведший галантность, великолепие и веселье на такую высоту и с такой же страстью, дабы превзойти весь мир в суетной доле человеческого счастья, называемой шоу, что я подумал, что невозможно делать это с такой неистовой страстью и при этом не жертвовать всем тем, что люди помудрее считают более ценным.

Да, в этом я не ошибся, ибо первое, что они принесли в жертву, так сказать, сим сладострастным наклонностям, была свобода народа, который, будучи по конституции или скорее по [тамошнему] обычаю под абсолютным правлением и произволом государя, несомненно, отдаст не только все, что может себе позволить, но и все, что у него есть, дабы удовлетворить безграничный аппетит двора, предающегося удовольствиям и непомерной роскоши.

Судя по всему тому, что я читал об образе жизни там (как при дворе, так и среди [простых] людей), последние полностью подчиняются первым не только по необходимости, но и сообразно обычаям и общему способу управления во всей стране. Более того, этот [обычай] доведен до такой степени, что, как мне сказали, королевская казна является общей «сточной канавой», куда стекаются все деньги королевства и [откуда они] рассасываются только тогда, когда либо переливаются через край, либо истекают в определенное отверстие. Так что, как и вся кровь в человеческом теле циркулирует в течение двадцати четырех часов через желудочки сердца, так и все деньги в королевстве, как говорилось ранее, проходят раз в год через королевскую казну.

Я не могу предположить, насколько бедность и нищета могут пробудить благочестие и набожность среди бедняков; но если роскошь и галантность вместе с тиранией и угнетением, на которых они держатся, могут у великих людей совмещаться с истинной верой, то, скорее всего, дворы Пруссии и Дрездена могут быть более всех пригодными в воспроизводстве так называемой религии, которую, как я убедился к настоящему времени, весьма трудно обнаружить.

Воистину, величие мудрейшего в мире царя в Иерусалиме считалось счастьем его народа⁴⁶; [в Библии] это отражено очень изящно: [оно было] не только

a Testimony of his Glory only, but of the flourishing Condition of his People at the same Time, under the prosperous Circumstances which his Reign brought them to, viz. That he made Gold to be for Plenty like the Stones in the Streets, amply expressing the flourishing Condition of his People under him.

I have likewise read indeed, and heard much of the same Kind of the King of *Prussia*, and that even from his own Subjects, who were always full of the generous and truly royal Qualities of that Prince: He was the first King of the Country, which before was a Dukedom or Electorate only: The Summ of their Discourse is, That is Majesty was so true a Father of his Country and of his People, that his whole care was the Flourishing of their Trade, establishing their Manufactures, encreasing their Numbers, planting Foreigners, *French*, *Swiss*, and other Nations, among them, to instruct and encourage them; and being noway accessory to any of their Oppressions, but relieving and redressing all their Grievances, as often and as soon as they came to his Knowledge: And indeed, I could not but entertain a great Regard to the Character of so just and good a Prince. But all I could infer from that was, That a Government may be tyrannical, and yet the King not be a Tyrant; but the Grievances to the People are oftentimes much the same: And every Administration, where the Constitution is thus stated, as it seems to be in most, if not all of the Northern Courts, Protestant as well as others, seems inconsistent with the true Ends of Government; the thing we call Government was certainly established for the Prosperity of the People; Whereas, on the contrary, in all those *German* Courts, where I have made my Observations, the Magnificence of the Court, and the Prosperity of the People, stand like the two poles; what Excess of Light you see at one, is exactly balanced by so much Darkness at t'other.

And where, pray, is the Religion of all this? That a whole Nation of People should appear miserable, that their Governours may appear gay, the People starve, that the Prince may be fed; or rather, the People be lean, that their Sovereign may be fat; the Subjects sigh, that he may laugh; be empty that he may be full; and all this for meer Luxury, not for the needful Defence of the Government, resisting Enemies, preserving the public Peace, and the like, but for meer Extravagance, Luxury, and Magnificence, as in *Prussia*; or for Ambition, and pushing at Crowns, and the Lust of Domination, as in *Saxony*.

But to come back to the religious Transactions of these Countries, How are the Ecclesiastics jealous of their Hierarchy, afraid to reform farther, least, as they gave a mortal Stabb to the Perquisites and Vails of God Almighty's Service in the *Roman* Church, modern Reformation might give the like to them? For this Reason they set a Pale about their Church, and there, as well as in other Places, they cry to their Neighbours, *Stand off, I am holier than thou*; and with what Persecution and Invasion, persecuting for Religion, and invading the Principles of one another. If there was any Peace among them, it was that only which *passes all Understanding*. It presently

свидетельством его славы, но и в то же самое время свидетельством процветания его подданных и [следствием] благоприятных обстоятельств, к которым привело его царствование, – к примеру, золото в его царстве имелось в такой изобилии, что камней на улицах⁴⁷, [и это] ясно обозначало процветание подчиненного ему народа.

Я также читал и слышал много подобного и о короле *Пруссии*⁴⁸, и даже от его подданных, которые всегда гордились щедрыми, поистине королевскими качествами этого правителя; он стал первым королем этой страны, которая до этого была только герцогством или курфюршеством. Суть их рассуждения состоит в том, что его величество был настолько истинным отцом своей страны и своего народа, что все его заботы заключались в процветании торговли, создании мануфактур, увеличении численности населения, приглашении иностранцев – *французов, швейцарцев* и [представителей] других народов, дабы те обучали и наставляли [его] народ; и он никоим образом не был соучастником гонений по отношению к своим [подданным], но тут же облегчал и исправлял любую несправедливость, коль скоро она становилась ему известна; и действительно, я не мог не питать большего уважения к характеру столь справедливого и доброго монарха. Вывод, который можно из этого сделать, это то, что правление может быть тираническим, а король при этом может и не быть тираном; тем не менее, поводы для недовольства у народа почти всегда найдутся. И любое управление, при котором конституция изложена таким образом, как это сделано в большинстве, если не при всех северных дворах – и протестантских, и иных конфессий, – кажется несовместимым с истинными его целями, ведь то, что мы называем управлением, несомненно, было установлено для процветания народа; тогда как, напротив, при всех тех *немецких дворах*, где я делал свои наблюдения, великолепие двора и процветание народа противопоставлены, как два полюса; тот избыток света, который вы видите в одном, уравнивается таким же количеством тьмы в другом.

И где, скажите на милость, проявление религиозности во всем этом? Целый народ должен стать несчастным, чтобы его правители веселились; целый народ должен голодать, чтобы принц был сыт; или, вернее, нужно, чтобы народ был тощ, дабы государь был толст; подданные бы охали, чтобы он смеялся; те были бы голодны, чтобы он был сыт; и все это – всего лишь ради роскоши, а не для необходимой заботы об управлении – сопротивления врагам, сохранения общественного спокойствия и тому подобного, но ради простой расточительности, роскоши и великолепия, как в *Пруссии*; или ради честолюбия, стремления к власти и жажды господства, как в *Саксонии*.

Но вернемся к состоянию религиозных дел в этих странах: почему церковники, ревнительно блюдущие свою иерархию, боятся реформировать церковь дальше, особенно если вспомнить, как они нанесли смертельный удар по привилегиям и почестям служителей Всемогущего Бога в *Римской* церкви, современным реформированием разве нельзя достичь подобного? По этой причине они огородили свою церковь частоколом и оттуда, как и в других местах, вопят своим соседям: *Прочь, прочь, я святее вас!*⁴⁹ – и практикуют преследование за религию, и вторгаются в принципы друг друга. Если между ними и был мир, то только тот,

occurr'd to me, what Charity can here be, where there is no Peace? And what Religion, where is no Charity? And I began to fear I should find little of what I look'd for in those odd Climates.

I had travell'd personally thro' the Heart of *France*, where I had Occasion to look round me often enough in my Rout from the Foot of the *Pyreanean* Mountains to *Thoulouse*, from thence to *Paris* and *Calais*. Here I found the People so merry, and yet so miserable, that I knew not where to make any Judgment. The Poverty of the Poor was so great, that it seem'd to leave them no room to sigh for any thing, but their Burthens, or to pray for any thing, but Bread: But the Temper of the People was so volatile, that I thought, they went always dancing to Church, and came singing out of it.

I found a World of Teachers here, but no body taught: The Streets were every where full of Priests, and the Churches full of Women, But as for Religion, I found most of the Clergy were so far from having much of it, that few of them knew what it was. Never sure was a Nation so full of truly *blind Guides*; for nothing can be more grossly ignorant of Religion, than many of their Clergy are; nothing more void of Morals, than many of those to whom other People go to confess their Sins.

I made some Enquiry about Religion; and among the rest, I happen'd to fall in Company with a good honest Hugonot *incognito*; and he told me very honestly, that the State of Religion in *France* stood thus: First, That for some Years ago it was put to the Test by the King, and that was, when the Edicts came out to banish and ruin the Hugonots; at which Time, *said he*, we thought there had been a great deal of Religion in it: But really when it came to the Push, *said he*, it was hard to tell where we should find it. The Persecution, as it was thought at first, would be ingrateful to the more religious RomanCatholicks, and that some would be found too good to do the Drudgery of the Devil.

But we were mistaken, the best fell in with Persecution, when it was done by other Hands, and not their own; and those that would not do it, acknowledg'd they rejoic'd that it was done; which shew'd, *said he*, that the Catholicks either had no Principle, or acted against Principle, which is much at one. And as for us Hugonots, *says he*, we have shewn that we have no Religion lost among us: For first, some run away for their Religion, and yet left it behind them, and we that stay'd behind did it at the Price of our Principles: For now, *says he*, we are meer Hypocrites, neither Papists nor Hugonots, for we go to Mass with Protestant Hearts; and while we call our selves Protestants, we bow in the House of Rimmon, Where then, *said I*, is the Religion, once boasted of here, to be found? Indeed, *said he*, it is hard to tell you, and except a little that is in the Gallies, I can give you no good Account of it. This indeed was confining the Remains of a flourishing Church to about 350 Confessors, who really suffer'd Martyrdom for it, for it was no less; so I minuted down French Religion, tugging at the Oar, and would have come away.

который *не подразумевает никакого взаимопонимания*⁵⁰. Теперь же я думаю: какое милосердие может быть там, где нет покоя? И о какой религии [можно говорить] там, где нет милосердия? И я начал опасаться, что и в этом нездоровом климате отыщу немного из того, что искал.

Я путешествовал в сердце *Франции*, где мне посчастливилось довольно хорошо осмотреться по пути от подножия *Пиренейских гор* до *Тулузы*, а оттуда – до *Парижа* и *Кале*. Здесь люди были так веселы и в то же время так несчастны, что я не знал, что и подумать. Нищета бедняков была так безгранична, что, казалось, не оставляла им возможности ни вздохнуть о чем-то, кроме своего бремени, ни помолиться о чем-то, кроме хлеба. Но нравы у людей были такие легкие, что мне казалось, будто они всегда ходят в церковь, танцуя, и выходят оттуда с песнями.

Я нашел здесь целый мир учителей, но при этом никто [никого] не учил. На улицах повсюду было полно священников, а в церквях – женщин; но что касается религии, то я обнаружил, что большинство священнослужителей были так далеки от нее, что мало кто из них знал, что это такое. Еще ни у одного народа не было такого множества *недалеких наставников*⁵¹; ибо невозможно быть более невежественным, чем многие из местного духовенства, и невозможно быть настолько лишенным нравственности, как многие из тех, к кому другие люди идут исповедовать свои грехи.

Я заинтересовался состоянием религиозных дел [во Франции], и среди прочего мне довелось составить компанию доброму честному гугеноту, живущему *инкогнито*. И он весьма честно поведал мне, что состояние религии во Франции таково. Во-первых, несколько лет назад она была подвергнута испытанию королем, и именно тогда вышли указы об изгнании и уничтожении гугенотов⁵². «В то время, – сказал он, – мы думали, что дело в различиях веры; но на самом деле, когда дело дошло до изгнания, – сказал он, – трудно было сказать, где ее [религию] обрести. Поначалу [нам] казалось, что глубоко верующие католики отнесутся к гонениям как к неблагодарному делу, и только некоторые из них окажутся способными выполнять эту адскую работу дьявола.

Но мы ошибались. Лучшие из них присоединились к гонениям, когда те вершились чужими руками, а не их собственными, а те, кто не захотели этого делать, признались, что радовались тому, что сие свершилось. Это показало, – сказал он, – что католики либо не имели принципов, либо действовали вопреки принципам, что почти одно и то же. А что касается нас, гугенотов, то мы показали, что в нашей среде не найти и толики религии. Ибо, во-первых, некоторые бежали из-за религиозных убеждений и все же оставили их после, а мы, оставшиеся, сделали это потом ценой наших принципов. Ведь теперь мы просто лицемеры – не паписты, не гугеноты, ибо ходим к мессе с протестантскими сердцами; и пока мы называем себя протестантами, мы кланяемся в доме Риммона⁵³». – «Где же тогда, – сказал я, – можно отыскать некогда хваленую вами религию?» – «Да уж, – сказал он, – трудно сказать, и, за исключением того небольшого, что есть на галерах, я не могу дать вам доброго ответа». Да, действительно, остатки процветающей церкви свелись примерно к 350 исповедникам, которые и вправду приняли

But it came into my Thought to ask him, What he meant by telling me, that those who run away for their Religion out of *France*, left most of it behind them? He answer'd, I should judge of it better, if I observ'd them when I came into my own Country; where, if I found they liv'd better than other People, or shew'd any thing of Religion suitable to a People that suffer'd Persecution for their Profession, I should send Word of it; for he had heard quite otherwise of them, which was the Reason why he and Thousands of others did not follow them.

It happen'd, while I was warm in my Enquiries thus after Religion, a Proclamation came out in *London*, for appointing a General Thanksgiving, for a great Victory obtain'd by the *English* Forces and their Confederates, over the *French* at --- I care not to put Names to the particular Times of things.

I started at the Noise, when they cry'd it in the Streets: Hah, *said I*, then I have found it at last; and I rejoyc'd in particular, that having look'd so much abroad for Religion, I should find it out at home: Then I began to call myself a thousand Fools, that I had not sav'd myself all this Labour, and look'd at home first; tho' by the By, I had done no more in this than other Travellers often, or indeed generally do, *viz.* go abroad to see the World, and search into the Curiosities of foreign Countries, and know nothing of their own.

But to return my Observations: I was resolv'd to see the Ceremonies of this pious Piece of Work; and as the Preparations for it were prodigious great, I enquir'd how it would be; but no body could remember that the like had ever been in their Time before: Every one said, it would be very fine, that the Queen would be there her self, and all the Nobility; and that the like had never been seen since Queen *Elizabeth's* Time.

This pleased me exceedingly; and I began to form Ideas in my Mind, of what had been in former Times among religious Nations; I could find nothing of what I was made to expect, unless it was *Solomon's* Dedication of the Temple, or *Josiah's* Great Feast of the Reformation; and I expected God would have a most royal Tribute of Praise.

But it shock'd me a little, that the People said there had never been such a Thanksgiving since Queen *Elizabeth's* Time. What thought I can be the Reason of that? and musing a little, O! says I to myself, now I have found it: I suppose, no body gives God Thanks in our Country, but Queens: But this look'd a little harsh; and I rumag'd our Histories a little for my farther Satisfaction, but could make nothing of it: At last, talking of it to a good old Cavalier, that had been a Soldier for King *Charles*, O, *says he*, I can tell you the Reason of it: They have never given Thanks, says he, because they have had nothing to give Thanks for. Pray, says he, When have they had any Victories in *England* since Queen *Elizabeth's* Time, except two or three in *Ireland* in King *William's* Time; and then they were so busy, had so many other Losses with them abroad, that they were asham'd to give Thanks for them.

за нее мученичество – не меньше. Так что я набросал вчерне [заметки] о французской религии, налегающей на весло, и собрался было уйти.

Но мне пришлось в голову спросить его, что он имел в виду, говоря мне, что те, кто сбежали из *Франции* за своей религией, оставили большую ее часть позади. Он ответил, что было бы лучше судить об этом, лично понаблюдав за уехавшими, когда я вернусь в свою страну; если я обнаружу, что они живут лучше других людей или практикуют [настоящую] веру, подходящую народу, пострадавшему от преследований за свою конфессию, то пусть я пошлю ему об этом известие; ибо он слышал о них совсем другое, и это было причиной того, что он и тысячи других не последовали за беглецами.

Случилось так, что в то время, как я горел своим исследованием вопросов веры, в *Лондоне* вышло воззвание о всеобщем благодарении за великую победу, одержанную *английскими* войсками и их союзниками над *французами* ----⁵⁴. Я не забочусь о том, чтобы указывать конкретные даты событий.

Я вздрогнул от шума, когда кричали на улицах. «А! – сказал я, – значит, я наконец нашел ее». В частности, я радовался тому, что после столь долгих поисков [истинной] веры за границей я нашел ее на родине. Тогда я назвал себя тысячу раз глупцом за то, что не избавил себя от всех этих трудов и не заглянул сначала [чтобы узнать], как обстоят дела у нас, хотя, между прочим, и ошибся в этом не больше других путешественников, которые часто или почти всегда ездят за границу посмотреть мир и исследовать диковинки чужих стран, но ничего не знают о своих собственных.

Но вернемся к моим наблюдениям. Я решил посмотреть церемонию, [организованную по случаю] этого благочестивого события; и поскольку подготовка к ней была потрясающе грандиозна, я спросил, как она будет проходить, но никто не мог припомнить, чтобы что-то подобное случалось ранее. Все говорили, что было бы превосходно, если бы там были сама королева и вся знать и что ничего подобного не было видано со времен королевы *Елизаветы* [Тюдор].

Это чрезвычайно меня обрадовало. Я начал перебирать в уме мысли о том, что было в прежние времена у религиозных народов, и не смог найти ничего из того, чего можно было бы ожидать, кроме посвящения храма *Соломоном*⁵⁵ или великого праздника реформации *Иосии*⁵⁶. И я ожидал, что Богу будет воздана самая царственная хвала.

Но меня несказанно потрясло то, что люди говорили, что, дескать, такого Дня благодарения не было со времен королевы *Елизаветы*. «Что же, – подумал я, – может быть причиной этого?» И, немного поразмыслив, сказал себе: «О! Теперь я понял: думаю, в нашей стране никто не благодарит Бога, кроме королей». Впрочем, это выглядело довольно жестко, и я немного покопался в наших хрониках для удовлетворения своего любопытства, но ничего не смог найти. Наконец я поведал об этом старому доброму кавалеру, который был солдатом короля *Карла*⁵⁷. «О, – сказал он, – я могу объяснить вам причину этого. Они никогда не благодарили, ибо им не за что было благодарить. Скажите на милость, когда они одерживали победы в *Англии* со времен королевы *Елизаветы*, кроме двух или трех

This I found had too much Truth in it, however bitter the Jest of it: But still heighten'd my Expectation, and made me look for some strange Seriousness, and religious Thankfulness in the Appearance that was to be on the Occasion in Hand; and accordingly I secur'd myself a Place, both without and within the Church, where I might be a Witness to every Part of the Devotion and Joy of the People.

But my Expectations were wound up to a yet greater Pitch, when I saw the infinite Crowds of People throng with so much Zeal, *as I, like a charitable Coxcomb, thought it to be*, to the Place of the Worship of God; and when I considered, that it was to give God Thanks for a great Victory, I could think of nothing else than the Joy of the *Israelites*, when they landed on the Banks of the Sea, and saw *Pharoah's Army*, Horses, and Chariots, swallow'd up behind them; and I doubted not I should hear something like the Song of *Moses* and the Children of *Israel*, on the Occasion, and should hear it sung with the same Elevation of Soul.

But when I came to the Point, the first thing I observ'd was, That nine Parts of ten of all the Company, came there only to see the Queen, and the Show, and the other tenth Part, I think, might be said to make the Show.

When the Queen came to the Rails, and descended from her Coach, the People, instead of crying out *Hosannah*, blessed be the Queen that cometh in the Name of the Lord; I say, the People cry'd Murder, and Help, for God's sake; treading upon one another, and stifling one another, at such a rate, that in the Rear of the two Lines or Crowds of People, thro' which the Queen Pass'd, it look'd something like a Battle, where the wounded were retir'd to die, and to get Surgeons to come to them, for there lay Heaps of Women and Children dragg'd from among the Feet of the Crowd, and gasping for Breath. I went among some of them, and ask'd them, What made them go into such a Crowd? And their Answer was all the same, O Sir, I had a Mind to see the Queen, as the rest did.

Well, I had my Answer here indeed; for in short, the whole Business of the Thanksgiving without Doors, was to see the Queen, that was plain; so I went away to my Stand, which, for no less than three Guineas, I had secur'd in the Church.

When I came there, it was my Fate to be placed between the Seats, where the Men of God perform'd the Service of his Praise, and sung out the Anthems and the *Te Deum*, which celebrated the religious Triumph of the Day.

As to the Men themselves, I lik'd their Office, their Vestments, and their Appearance; all look'd awful and grave enough, suitable in some Respects to the Solemnity of a religious Triumph; and I expected they would be as solemn in their Performances, as the *Levites* that blow'd the Trumpets at *Solomon's Feast*, when all the People shouted and praised God.

But I observed these grave People, in the Intervals of their worshipping God, when it was not their Turn to sing, or read, or pray, bestow'd some of the rest of their Time

в Ирландии во времена короля *Вильгельма*⁵⁸? А потом они были так заняты, они понесли столько потерь за границей, что им было стыдно за них благодарить⁵⁹».

Я нашел, что в этом была большая доля правды, как бы горька ни была шутка. Но все же это усилило мое ожидание и заставило искать необычайную серьезность и религиозную благодать в появлении, которое должно было произойти по этому случаю. И, соответственно, я обеспечил себе место как снаружи, так и в помещении церкви, где мог бы быть свидетелем каждой сцены, каждого мгновения преданности и радости людей.

Но мои ожидания еще больше возросли, когда я увидел бесконечные толпы народа, преисполненного религиозного рвения, [устремившегося], как думал я, *шутовской колтак*, к месту поклонения Богу; и пока я считал, что это должно быть благодарением Богу за великую победу, я не мог думать ни о чем другом, как только о радости *израильтян*, дошедших до берега моря и увидевших, что армию *фараона*, всех его лошадей и колесницы поглотила пучина⁶⁰. И я не сомневался, что услышу по этому поводу что-то вроде песни Моисея и детей *Израиля*⁶¹, исполненной с подобным же душевным подъемом.

Но когда я дошел до своего места, первое, что я увидел, это то, что девять десятых всей толпы пришли туда только чтобы увидеть королеву и [уникальное] зрелище, а десятая часть – думаю, чтобы участвовать в представлении.

Когда королева подъехала к ограждению и вышла из кареты, народ вместо «*Осанна*, благословенна королева, которая грядет во имя Господа!», кричал: «Убивают!» и «Помогите ради Бога!»; люди напирали на передние ряды с такой силой, что в тылу этих двух линий или толп, разграниченных огороженным проходом для королевы, это походило на поле брани, где раненых оттаскивали умирать или ожидать хирургов, так как там скопились горы [тел] женщин и детей, вытасненных из-под ног толпы и еще дышавших. Я подходил к иным из них и спрашивал, что же заставило их давиться в такой толпе? И все они отвечали одно и то же: «О, сэръ, я хотела увидеть королеву, как и все остальные».

Что ж, вот я и получил ответ. Короче говоря, та часть церемонии, которая проходила на открытом воздухе, заключалась [лишь] в том, чтобы увидеть королеву, это было ясно [как божий день], так что я отправился к своему месту, занятому мною в церкви, за которое заплатил по меньшей мере три гиней.

Когда я туда добрался, мне суждено было оказаться между сиденьями, на которых люди Божьи возносили Ему хвалу и пели гимны и *Te Deum*, празднуя религиозный триумф дня сегодняшнего.

Что касается самих людей, то мне понравились их [поведение на] службе и внешний вид; все они внушали благоговение и выглядели достаточно серьезно, что в некотором отношении соответствовало торжественности религиозного триумфа. И я ожидал, что они будут столь же торжественны в своих действиях, как *левиты*, трубившие в трубы на *Соломоновом* пиру, когда весь народ восхвалял Господа своими криками⁶².

Но я подметил, как эти серьезные люди в промежутках между поклонением Богу, пока не подходила их очередь петь, читать или молиться, в оставшееся

in taking Snuff, adjusting their Perukes, looking about at the fair Ladies, whispering, and that not very softly neither to one another, about this fine Lady, that pretty Woman, this fine Dutchess, and that great Fortune, and not without some Indecencies, as well of Words, as of Gestures. Well, says I, you are none of the People I look for, where are they that give God Thanks?

Immediately the Organ struck up for the *Te Deum*; up starts all my Gentlemen, as if inspir'd from above, and from their talking together, not over modestly, fall to praising God with the utmost Precipitation, singing the heavenly Anthems, with all the Grace and Music imaginable.

In the Middle of all this Musick and these exalted things, when I thought my Soul elevated with divine Melody, and began to be reconcil'd to all the rest, I saw a little rustling Motion among the People, as if they had been disturb'd or frighted: Some said it thunder'd, some said the Church shook. The true Business was, the *Te Deum* within was answer'd without by the Thunder of 100 Pieces of Cannon, and the Noise of Drums, with the Huzza's and Shouts of great Crowds of People in the Streets. This I did not understand, so it did neither disturb or concern me; I found indeed no great Harmony in it; it bore no Consort in the music, at least, as I understood it; but it was over pretty soon, and so we went on.

When the Anthem was sung, and the other Services succeeded them, I that had been a little disturb'd with the lucid Intervals of the Choristers, and the Gentlemen that sat crowded in with them, turn'd my Eyes to other Places, in Hopes I should find some Saints among the Crowd, whose Souls were taken up with the exalted Raptures of the Day.

But alas, it was all one, the Ladies were busy singling out the Men, and the Men the Ladies. The Star and Garter of a fine young Nobleman, beautiful in Person, rich in Habit, and sparkling in Jewels, his blew Ribbond intimating his Character, drew the Eyes of so many Women off of their Prayer Books, that I think his Grace ought to have been spoken to by the Vergers, to have withdrawn out of the Church, that he might not injure the Service, and rob God Almighty of the Homage of the Day.

As for the Queen, her Majesty was the Star of the Day, and infinitely more Eyes were directed to her than were lifted up to Heaven, tho' the last was the Business of the whole Procession.

Well, *said I*, this is mighty fine, that's true: But where's the Religion of all this? Heavens bless me, *said I*, out of this Crowd, and I'll never mock God any more here, when the Queen comes again. Cannot these People go and see the Queen, where the Queen is to be seen, but must they come hither to prophane the Church with her, and make the Queen an Idol? And in a great Passion I was both at the People and at the Manner of the Day, as you may easily see by what follows.

N. B. I had made some other satyrical Reflections upon the Conduct of the Day; but as it looks too near home, I am not willing, that poor *Robinson Crusoe* should disoblige any body.

время нюхали табак, поправляли парики, разглядывали прекрасных дам, шептались, да и то не слишком тихо, друг с другом о той или иной красивой даме, хорошенькой девушке, блистательной герцогине и о том, что фортуна [им] улыбнется, и не без некоторых непристойностей как в словах, так и в жестах. Что ж, сказал я, вы не из тех, кого я ищу. Где же те, что [искренне] благодарят Бога?

Тотчас же орган заиграл *Te Deum*, все мои джентльмены, словно бы вдохновенные свыше, перешли от не слишком скромных разговоров к прославлению Господа Бога, с величайшей поспешностью распевая гимны Небесам со всеми благозвучностью и мелодичностью, какие только можно вообразить.

В середине исполнения и этого возвышенного действия, когда мне казалось, что душа воспаряет от божественной мелодии и начинает примиряться со всем остальным, я заметил среди людей [такое] возбуждение, словно они были встревожены или напуганы. Одни говорили, что это звук грома, другие – что церковь содрогнулась. На самом деле на звучавший внутри храма *Te Deum* отвечали гром сотен орудий и шум барабанов, гул и крик огромных толп людей на улицах. Я этого не осознал, ибо меня это не беспокоило и не занимало. Я на самом деле не нашел в этом шуме большой гармонии. Он никак не сочетался с музыкой, по крайней мере, как я это понимал. Но это довольно скоро закончилось, и служба продолжилась.

Когда гимн был исполнен и за ним последовали другие службы, я, будучи немного обеспокоен минутами просветления певчих и обступивших их джентльменов, обратил свой взор по сторонам в надежде найти среди толпы тех немногих святых, души которых были охвачены возвышенным восторгом дня.

Но увя! Везде было одно и то же. Дамы были заняты тем, что разглядывали мужчин, а мужчины – женщин. Орден и подвязка прекрасного молодого дворянина – красивого лицом, богато одетого, в блеске драгоценных камней, его голубая лента намекала на его характер – отвлекли взгляды стольких женщин от молитвенников, что, думаю, служителям церкви следовало бы попросить его светлость удалиться из церкви, дабы не навредить службе и не лишить Всемогущего Бога благоговения дня.

Что касается королевы – ее величество была звездой дня, и на нее было обращено бесконечно больше взглядов, нежели было вознесено к небу, хотя последнее было целью всего торжественного шествия.

Что ж, *подумал я*, все это и правда очень хорошо, но где же в этом [истинная] вера? «Да благословят меня Небеса, – сказал я, выбираясь из этой толпы, – и я больше никогда не буду здесь кошунствовать над Богом, когда королева вновь явится сюда. Разве эти люди не могут пойти и увидеть королеву там, где ее видеть уместно, разве следует им приходить сюда, чтобы осквернять храм и сотворять из королевы кумира?» Я был чрезвычайно разгневан как людьми, так и событиями дня, как вы легко увидите из дальнейшего.

Н. В. У меня родились некие сатирические мысли по поводу событий [того] дня, но поскольку они [события] слишком близки к нашему кругу, я не хочу, чтобы бедный *Робинзон Крузо* осуждал кого-либо.

I confess, the Close of the Day was still more extravagant; for there the Thanksgiving was adjourned from the Church to the Tavern, and to the Street; and instead of the Decency of a religious Triumph, there was indeed a Triumph of religious indecency, and the Anthems *Te Deum* and Thanksgiving of the Day ended in the Drunkenness, the Bonfires, and the Squibs and Crackers of the Street.

How far Religion is concern'd in all this, or whether God Almighty will accept of this noisy Doings for Thanksgivings, that I have nothing to do with; let those People consider of it, that are concern'd in it.

Of Differences in Religion.

 IS known alone to the Divine Wisdom, why he has been pleased to suffer any Part of Religion, and the Adoration paid to his Majesty, the Supplications made to him, and the Homage which his Creatures owe to his glorious Being, to be so doubtfully directed, or so differently understood by his Creatures, as that there should be any Mistakes or Disagreements about them.

How comes it to pass, that the paying a Reverence to the Name and Being of God, should not be incapable of being disputed in the Manner of it, as in the thing itself? That all the Rules of Worshipping, Believing in, and Serving the Great God of Heaven and Earth, should be capable of being understood any more than one Way? And that the Infallible Spirit of God, who is our Guide to Heaven, should leave any one of its Dictates in a State of being misunderstood?

Why have not the Rules of Religion, as well those of Doctrine as of Life, been laid down in Terms so plain, and so impossible to be mistaken, that all Men in the World in every Age, should have the same Notions of them, and understand them in every Title of them exactly alike? Then as Heaven is but one blessed great Port, at which all Hope to arrive, there would have been but one Road to travel the Journey in; all Men would have gone the same Way, steer'd the same Course; and Brethren would no more have fallen out by the Way.

God alone, who for wise and righteous Reasons, because he can do nothing but what is wise and righteous, has otherwise order'd it, and that is all we can say of it: As to the Reason and Justice of it, that is a thing, of which, like as of the Times and of the Seasons, we may say, *Knoweth no Man*.

In the State of Uncertainty we are now in, so it is; two Men believing in the same God, holding the same Faith, the same Saviour, the same Doctrine, and aiming at the same Heaven; yet cannot agree to go to that Heaven, or worship that God, or believe in that Saviour the same Way, or after the same Manner: Nay, they cannot know,

Признаюсь, конец дня был еще более безобразным, ибо «благодарение» перенеслось из церкви в таверну и на улицу. И вместо благопристойности религиозного триумфа в реальности свершилось торжество религиозной непристойности, и [исполнение] гимнов, *Te Deum*, и благодарения дня закончились пьянством, кострами, шутихами и петардами на улице.

Насколько [истинная] вера присутствует во всем этом, и примет ли Всемогуший Бог эту шумную возню за благодарение [Ему], я не имею ни малейшего представления; пусть об этом думают те, кто замешаны в подобном.

О различиях в религиозности

дной лишь Божественной Мудрости ведомо, почему Ему было угодно терпеть всякие религиозные практики; почему и поклонение, оказываемое величию Его, и мольбы, обращенные к Нему, и уважение, которым Его создания обязаны Его славному существу, люди исповедуют столь сомнительно или столь по-разному понимают, что все это порождает ошибки или разногласия.

Как же так вышло, что почтение к имени и бытию Бога не является столь же неоспоримым, сколь и Сам Господь? Почему правила поклонения, веры и служения великому Богу неба и земли могут быть поняты столь по-разному? И что непогрешимый Дух Божий, наш проводник на Небеса, может допустить, чтобы хоть какой-то из Его заветов остался непонятым?

Почему правила религии, равно как и правила жизни, не изложены языком столь простым и не допускающим превратного толкования, чтобы все люди в мире во все времена имели бы одинаковые представления о них и понимали бы их совершенно одинаково? Тогда Небеса – всего лишь один благословенный великий порт, в который все надеются прибыть, – были бы единственным местом прибытия, все люди шли бы одним и тем же путем, следуя одним курсом, и бра́тия более не сбивалась бы с него.

Однако Бог по мудрым и праведным причинам, ибо Он не может вершить ничего, кроме мудрого и праведного, устроил иначе, и больше мы ничего не можем сказать по этому поводу; что касается причины и справедливости, то это вещи, о которых, как и о времени и временах года, так сказать, *неведомо смертному*⁶³.

В состоянии неопределенности, в котором мы сейчас находимся, так оно и есть; два человека, верующие в одного Бога, исповедующие одну веру в единого Спасителя, придерживающиеся одной и той же доктрины и стремящиеся к одним Небесам, все же не могут согласиться отправиться на эти Небеса,

or conceive of God, or of Heaven, or of the Redeemer, or indeed of any one Principle of the Christian Religion, in the same Manner, or form the same Ideas of those things in their Minds.

It is true, the different Capacities and Faculties of Men, are in Part a Reason for this; by which it is occasioned, that scarce two Men together have the same Notions and Apprehensions even of one and the same thing, because their Understandings are led by different Guides, and they see by different Lights.

But this is not all; they are not alike honest to the Light they have: Three Men read the same doctrinal Article, say it be of the Trinity, or of any other, and they all examine the Foundation of it in the Scripture. One thinks verily he has found out the Mystery effectually, goes on with his Enquiries, and brings every Scripture and every Passage to correspond exactly with his first Notion; and thus he confirms himself immoveably in his Opinion; and it is so clear to him, that he can not only never be argued out of it, but can entertain no good Opinion of any Man, that conceives of it in any other Way, but takes him for an Enemy to the Orthodox Doctrine, and that he merits to be expell'd out of Christ's Church, deny'd the Christian Communion; and in short, treats him with no Respect, no nor thinks of him with Charity.

Another comes to the same Scripture, and in quest of the same Doctrine, and he reads over the same Texts, and receives Notions from them directly opposite to the other, or at least, very remote from them: He follows in his Search thro' all the corroborating Texts, and is confirm'd in his first Opinion from them all: He grows as immoveable in his receiv'd Construction of the Scripture, as the other; and all is so clear to him, that he not only can never be argued out of his Opinion, but can entertain no good Opinion of any Man that conceives of it any other Way, but takes him for an Enemy to the Orthodox Doctrine.

The third Man, he reads over all the same Texts of Scripture, but doing it with an Indifferency as to the Substance, and whether he receives right information or no, truly he comes away with a Calmness of Mind as to the Substance; and as he went with no great Concern about being certain, so he comes back as uncertain as he went.

These three Men are enough to fill the whole World full of Disputes about Religion.

The first two meet, and being equally positive of their being infallibly guided, equally warm in defending their Opinions, and equally tenacious of them, and above all equally void of Charity to the other; truly they fall out, Part, condemn, censure, revile, and as Opportunity and Power offers, at last, persecute one another, and all one another's Adherents.

The third, half inform'd indifferent Man, he comes in between these two, laughs at them both, says they are a Parcel of furious Christians, that the thing is not absolutely

или поклоняться этому Богу, или верить в этого Спасителя одинаковым образом или способом; более того, они не могут познать или представить себе Бога, или Небеса, или Искупителя, или даже какой-либо один принцип христианской веры или сформировать в своих умах одни те же представления об этих вещах.

И правда, различные способности и дарования людей отчасти являются причинами таких разногласий, редко два человека имеют одинаковые представления и мнения даже об одном и том же предмете, ибо их пониманием руководят разные предпосылки, и предмет они видят в разном свете.

Но это еще не все. Они неодинаково честны даже перед тем светом, который у них есть. Так, три человека читают одно и тот же доктринальное положение, скажем, о Троице или о чем-либо ином, и все они исследуют ее основания в Писании⁶⁴. Первый полагает, что он действительно раскрыл тайну, продолжает свои изыскания и приводит каждое место Писания и каждый отрывок в точное соответствие со своей изначальной идеей, и, таким образом, он непоколебимо утверждает в своем мнении; и это настолько ясно для него, что его [утверждения] не только невозможно опровергнуть, но он и не может иметь хорошего мнения о другом человеке, который понимает предмет каким-либо иным образом, но принимает его за врага правоверного учения, который достоин быть изгнанным из Церкви Христовой, лишенным христианского причастия, и можно относиться к такому без уважения и не думать о нем с милосердием в сердце.

Второй приходит к тому же Писанию в поисках той же доктрины, перечитывает те же тексты и находит в них понятия, прямо противоположные первому или, по крайней мере, очень далекие от них. Он следует в своем поиске по все тем же подтверждающим текстам, и все они лишь утверждают его в изначальном мнении. Он становится таким же непоколебимым в своей трактовке Писания, как и первый, и все для него настолько же ясно, что его не только невозможно разубедить, но он и не может иметь хорошего мнения о другом человеке, который понимает его предмет каким-либо иным образом; напротив, такой оппонент принимается [им] за врага правоверного учения.

Третий прочитывает все те же самые тексты Писания, но делает это с безразличием к их сути, и независимо от того, получает ли он правильную информацию или нет, на самом деле он сохраняет спокойствие ума; и поскольку он начинал [свои штудии], не особо заботясь о том, чтобы в чем-то увериться, он и остается таким же сомневающимся, как и в начале.

Даже этих троих достаточно, чтобы весь мир наполнился спорами о религии.

Первые двое встречаются и, будучи одинаково уверенными в том, что их пути непогрешимы, одинаково горячо отстаивают свои мнения и упорствуют в них, но, что хуже всего, оба в равной степени; лишенные милосердия по отношению друг к другу, они и впрямь враждуют, расходятся, осуждают, порицают и, как только им представляется такая возможность и власть, наконец уничтожают друг друга и всех «вражеских» адептов.

Третий, недостаточно сведущий, равнодушный человек стоит между этими двумя, посмеивается над обоими и говорит, что они – фанатики, что все это

necessary to be known, that it is no Article of Faith, so as that without deciding it, a Man cannot be sav'd; says, they are a Parcel of Fools to fall out thus about what they cannot be certain of, and which they may go to Heaven tho' they should not understand it till they come there: And thus the World comes to be divided.

Could they differ with Humility, they would differ with Charity; but it is not to be, in Religion, whatever it may be in civil or politick Affairs; for there is a thing call'd Zeal, which Men call a *Grace* in Religion, and esteem a Duty; and this makes Men fall out in religious Matters, with a more fatal Warmth, and more Animosity, than in other Cases, according to *Hudibrass*.

*Zeal makes men fight like mad or drunk,
For Dame Religion as for Punk.*

Nor is this the Fate only of the Christian Religion, tho' 'tis more so there than in any other; but 'tis the same in other Cases, as between the *Persians* and the *Turks*, about the Successors of their Prophet *Mahomet*. It was so of Old between the Heathen and the Jews: And the *Assyrian* Monarch prepar'd a fiery Furnace for those that would not fall down and worship the great Image that he had set up.

In the Primitive Times of God's Church, the Heathen did the like by the Christians, and *Christianos ad Leones* was the common Cry: But when the Church came to its Halcyon-Days, *Constantine the Great* gave Peace to the Christians, and it was but a little While that they enjoy'd that Peace, before they fell out by the Way, the Arian Heresies rose up, and differing Opinions rent the State into Factions, the Church into Schisms, and in the Space of two Reigns, the Arians persecuted the Orthodox, and the Orthodox the Arians, almost with the same Fury as the Heathen had persecuted them both with before.

From thence to our Time, Persecution has been the Practice even of all Parties, as they have been clothed with Power, and as their Differences have mov'd them: For Example, in all the Christian Countries, there is a mortal Feud between Popish and Protestant; and tho' indeed the former have carry'd their Zeal farthest, yet the latter have not been able to say they have not persecuted in their Turn, tho' not with Fire and Faggot.

What Wars and Bloodshed molested Europe on the Account of Religion in *Germany*? especially till the general Pacification of those Troubles at the Treaty of *Westphalia*? when the Protestants having had the apparent Advantage of the War, obtain'd the everlasting Settlement of their Religion, as well as Liberties thro' the whole Empire.

Since those times, what Persecution in the same Country, between the Lutheran and Calvinist Churches? And how little Charity is among them? insomuch, that the Lutherans to this Day will not allow the reformed Evangelick Churches, so the

совершенно необязательно знать, поскольку именно это [доктринальное положение] не является столь уж важной частью Символа веры, человек может спастись и без него; он также говорит, что они – глупцы, рассорившиеся в отношении предмета, в котором не могут быть уверены, и что они даже могут попасть на Небеса и понять его [истинный смысл] только когда окажутся там; таким образом, весь мир становится разделен.

Если бы они отличались смирением, они отличались бы и милосердием, но такого не может быть в религии, как бы она ни проявлялась в гражданских или политических делах; ибо существует то, что называется религиозным *рвением*, которое люди называют *благодатью* и почитают [своим] долгом, и это заставляет их сражаться в религиозных вопросах с губительной горячностью и с еще большей враждебностью, чем в других случаях, согласно Гудибрасу⁶⁵:

*Рвение бросает мужчин в бой, словно сумасшедших или пьяных,
за госпожу религию, как за шлюху.*

Такова судьба не только христианской религии, хотя в ней это проявляется в большей степени, в других вероисповеданиях случается то же самое, [вспомним,] например, раздор между *персами* и *турками* по поводу преемников их пророка *Магомета*⁶⁶. В старину так происходило между язычниками и иудеями; и у *ассирийского* монарха была наготове огненная печь для тех, кто не падает ниц и не поклоняется великому образу, им установленному⁶⁷.

В начальные времена Церкви Божьей язычники поступали так же по отношению к христианам, и *Christianas ad leones!*⁶⁸ было общим воззванием. Однако когда Церковь вступила в свои безмятежные дни, *Константин Великий* дал христианам мир⁶⁹, но совсем недолго они наслаждались этим миром, прежде чем разошлись во мнениях. Возникли арианские ереси⁷⁰, различные мнения раскололи государство на партии, церковь – на схизмы, и в течение двух царствований ариане преследовали ортодоксов, а ортодоксы – ариан почти с той же яростью, с какой и тех, и других раньше преследовали язычники.

С тех пор и до наших дней гонения были практикой равно всех партий, поскольку они [партии] были облечены властью и движимы собственными разногласиями; например, во всех христианских странах существует смертельная вражда между папистами и протестантами. И хотя на самом деле первые зашли далее всех в своем рвении, все же вторые не смогли сказать, что они, в свою очередь, никого не преследовали, пусть и не огнем и хворостом.

А какие войны и кровопролития обрушились на Европу из-за религиозного раскола в *Германии!* Особенно до всеобщего разрешения этих проблем *Вестфальским миром*⁷¹, когда протестанты, добившись очевидного преимущества в войне, получили вечное признание своей веры, а также [гражданские] свободы по всей империи.

Со времен гонений за веру в той же стране началась вражда между лютеранской и кальвинистской церквями – и так мало оказалось у них милосердия; настолько мало, что лютеране и по сей день не разрешают реформированным

Calvinists are call'd, Liberty to assemble for Worship within the Gates of their Cities, or give them Christian Burial.

I avoid looking too near Home, or searching in *Scotland* and *England* among the unhappy Divisions of Episcopal and Presbyterian, Church of England and Dissenter; and this I do, because it is at Home: But it is too evident, that all these come either from Mens being negligent of right Informations, or too tenacious when they have it; for 'tis evident, if all Men would be honest to the Light they have, and favourable to their Neighbours, we might hope, that how many several Ways soever, we chose to walk towards Heaven, we should all meet there at last.

I look upon all the Seeds of religious Dissention, as Tares sow'd by the Devil among the Wheat: And it may be observed, that tho', as I have already said, the *Assyrians* persecuted the *Jews*, and the *Romans* the Christians; yet where the Devil is immediately and personally worshipped, there we meet with little or no Persecution; for Satan having a kind of peaceable Dominion there, offers them no Disturbance: He desires no Innovation for ever; he finds the Sweetness of it, and lets it all alone.

But if once they talk of *other Gods before him*, he is far less easy; there he is continually sowing Strife, and hatching Divisions among them; *for like all other Monarchs*, the Devil loves to reign alone.

It would be too long a Task here, to reckon up the several Sorts of Differences in Religion, even among us in *England*; where, if two happen to differ, presently like St. Paul to St. Peter, they *withstand one another to the Face*: that is to say, carry on the Dispute to the utmost Extremity.

But there is another Question before me, and that is not only, Why there are such Differences in the Points of Religion? And, why are religious Differences hotter and more irreconcilable than other Breaches? But, why are there more Differences of this Kind among us, than among any other Nation in the World?

Certainly this pushing on our religious Broils to the Extremity, is the Peculiar of this Country of *England*, and is not the same thing in other Places; and the Variety is such here, that 'tis said, there are more several Communion or Communities of religious Kinds in *England*, than in all the other Protestant Countries in the World.

The best and most charitable Answer that I can think of to give for this, is to compliment our selves, and say, 'tis because we are the most religious Nation in the World; that is to say, that we in general set more seriously to work, to enquire into the Substance and Nature of Religion; to examine Principles, and weigh the Reasons of things, than other People; being more concern'd for, and anxious about, the Affairs of God, of Heaven, and our Souls; that thinking, as we ought to do, that Religion is of the utmost Concern to us, and that it is of the last Moment to us to be certain about it, and well grounded in the Points before us, particularly whether we are rightly inform'd

евангельским церквям – так называются кальвинисты – свободно собираться для богослужения внутри городских стен или устраивать похороны по христианским обрядам.

Я избегаю того, чтобы слишком близко приближаться в исследовании этого вопроса к родине, то есть искать примеры в *Шотландии* и *Англии* среди неблагоприятных расколов епископальной и пресвитерианской церквей, англиканской церкви и баптистов – я не делаю этого, потому что это моя родина. Но слишком очевидно, что все это происходит из-за того, что люди либо пренебрегают знанием истин, либо слишком упрямы, обладая таковыми; ибо очевидно, что если бы все люди были честны перед светом [истины] и благосклонны к ближним своим, мы могли бы надеяться, что, сколько бы дорог мы ни выбрали на пути к Небесам, мы все в конце концов встретимся там.

Я смотрю на все зерна религиозных разногласий как на плевелы, посеянные врагом среди пшеницы⁷². И можно заметить, что, хотя, как я уже сказал, *ассирийцы* преследовали *евреев*, а *римляне* – христиан, все же там, где дьяволу поклоняются непосредственно и лично, мы почти или вовсе не сталкиваемся с преследованиями, ибо Сатана, обладающий в таких культурах своего рода мирной властью, не причиняет им беспокойства. Он не желает никаких нововведений навечно, он считает такое поклонение сладостным и оставляет всех в покое.

Но если однажды заговорить *в его присутствии о других богах*, он будет гораздо менее спокоен. Тогда он будет постоянно сеять раздор и разногласия меж ними, ибо, как и *все иные монархи*, дьявол любит править единолично.

Задача описать все виды религиозных разногласий была бы слишком длинной для данного труда – даже у нас, в *Англии*, где, если уж двое случайно расходятся [во мнениях], как святой Павел и святой Петр⁷³, *они противостоят друг другу до последнего*, доводя спор до крайности.

Но я задаю себе и другой вопрос – не только о том, почему существуют такие разногласия в вопросах религии и почему религиозные разногласия более остры и непримиримы, чем иные расхождения во взглядах, но и о том, почему у нас больше различий такого рода, чем у любой другой нации в мире?

Конечно, такое доведение до крайности наших религиозных разногласий – особенность нашей страны, *Англии*, в других местах это не так очевидно; а разнообразие вероисповеданий здесь таково, что, как говорят, в *Англии* больше религиозных общин или течений, чем во всех других протестантских странах мира, вместе взятых.

Лучший и самый верный ответ, который я могу придумать, это похвалить себя и сказать: это потому, что мы самая религиозная нация в мире; то есть что мы в целом стали более серьезно изучать сущность и природу религии, исследовать принципы и взвешивать причины вещей, нежели иные народы, будучи более озабоченными и обеспокоенными делами Бога, Небесами и нашими душами; что считаем (как и должны), что религия имеет для нас первостепенное значение и что быть уверенными в этом и в [других] спорных вопросах, возникающих перед нами, для нас важно, – в частности, правильно ли мы толкуем

or not; this anxious Concern makes us jealous of every Opinion and Tenacious of our own, breaks much in upon the Custom of submitting our Judgments to the Clergy, as is the Case in Countries, where People are more indifferent in their Search after these things, and more unconcern'd in the Certainty or Uncertainty of them.

I must acknowledge, that I think the true and the only just Reason that can be given for this Matter, is not, that we are more furious than other People, more censorious and rash in our Judgment, that we have less Charity, or less Patience, in debating religious Points, than other People: But the Truth is, that we have less Indifference about them; and we cannot sit down contented with a Slight and overly Enquiry, or a Cursory or School Answer to the Doubts in Question: But we make it a Thing of absolute necessity, to be fully inform'd of, and therefore are earnest in the Enquiry, and knowing the Scripture to be the great Rule of Faith, the Standard for Life and Doctrine, we flie thither and search for our selves, not having Popery enough to expect an infallible Judge, not Indifference enough to acquiesce in the Judgment of the Clergy; and perhaps a little too tenacious of our own Interpretation, even in things we are uninstructed about.

This indeed I take to be the true Reason why religious Disputes encrease so much here, and why there are such Separations and Schisms among us, more than they are in any other Nation in the World.

I know much of it is laid to the Door of the Confusions they were all in here, during the bloody intestine Wars in the Years 1640 to 1656, and the Liberty given to all Opinions to set up themselves at that Time: But I wave that as a question that tends to more Division. I believe, the Reason I have given for it, stands as well grounded, and as likely to be approved as any I can give, or as any that has been given in this Case.

There is another difficult Question, which still remains before us; and that is, What Remedy can we apply to this Malady? And first, I must answer negatively; not to have us be less religious, that we might differ less about it: But to have us exercise more Charity in our Disputes, that we might differ more like Men of Temper, and more like Christians, than we do:

This is striking at the Root of religious Differences; for if they were carry'd on mildly with a peaceable Spirit, willing to be inform'd, a Disposition to Love as Brethren, tho' in every thing not like minded: Our Variety of Opinions would not then have the Name of Differences, we should not separate in Communion and in Charity, tho' we did not agree in every thing we were to believe or not believe, about Religion.

It is hard that we should say these Differences are the Consequences of a Nation, having more Religion than their Neighbours, since we have still this one Part too little;

благую весть [Христа] или нет. Эта тревога заставляет нас ревностно относиться ко всякому мнению и упорно отстаивать свое собственное, во многом нарушает обычай подчинять наши суждения [мнению] духовенства, как это имеет место в странах, где люди равнодушны к религиозным изысканиям и не столь озабочены прояснением этих вопросов.

Должен признать, что, на мой взгляд, настоящая и единственная истинная причина, которой можно объяснить такое наше отношение, заключается не в том, что мы более нетерпемы, чем другие люди, более строги и опрометчивы в своих суждениях; не в том, что мы проявляем меньше милосердия или терпения в обсуждении вопросов веры, чем другие народы; нет, истинная причина – в том, что мы менее равнодушны к ним и не можем довольствоваться доверительным и поверхностным рассмотрением [вопросов веры] или беглым школярским ответом на те вопросы, о которых идет речь; напротив, мы считаем абсолютно необходимым быть полностью в курсе дела, следовательно, серьезно относимся к нашим разысканиям, и, зная, что Писание является великим правилом веры, стандартом для жизни и учения, мы устремляемся к нему в поисках самих себя, а не веры в папу [римского] как непогрешимого судью; мы не [настолько] равнодушны, чтобы просто принять мнение духовенства, и, возможно, сами мы слишком упорны в нашем толковании тех аспектов [Библии], в которых не осведомлены.

Вышеуказанное я действительно считаю истинной причиной, по которой религиозные споры здесь так сильно обостряются, и [того,] почему у нас таких размежеваний и расколов больше, чем в любой другой стране мира.

Знаю, что многое из этого связано с неразберихой, в [ситуации] которой все оказались здесь во время кровопролитных междоусобных войн с 1640 по 1656 г.⁷⁴, а также со свободой, предоставленной в то время в равной степени всем конфессиям. Но я отказываюсь обсуждать эти обстоятельства, поскольку они ведут лишь к большему расколу. Я считаю, что причина, которую я привел, столь же обоснованна и, скорее всего, будет принята, как и любая другая, которую я мог бы привести, или как любая другая, проведенная ранее в этом случае.

Перед нами остается еще один сложный вопрос, а именно: какое лекарство мы можем принять от этого недуга? Во-первых, я должен уточнить: не для того, чтобы мы были менее религиозными, чтобы мы меньше расходились по поводу [вопросов веры], а для того, чтобы мы проявляли больше милосердия в спорах, чтобы мы могли различаться скорее как люди с разными характерами, нежели как христиане.

Это вскрывает корень религиозных различий, ибо если бы они [дискуссии] велись кротко, в миролюбивом духе, с готовностью узнать истину, со склонностью любить наших единомышленников как братьев своих, пусть и не во всем, – тогда разнообразие мнений не называлось бы разногласиями; мы должны быть едины как в причащении, так и в милосердии, хотя бы и не были согласны во всем, во что мы должны или во что не должны верить в вопросах, [касающихся] религии.

В связи с вышеизложенным трудно сказать, что эти различия – следствие того, что наш народ более религиозен, чем наши соседи, поскольку в нас все еще

and as I suppose us to have more Religion, I must be oblig'd to grant we have not *enough more*; for if, as we have just so much more Religion, as is sufficient to make us quarrelsome in religious Disputes; we had yet as much more, as were sufficient to make us peaceable again after it, then we should be religious to Purpose.

So that, in a Word, our being so religious, as above, is only an unhappy middle Composition between the enquiring and fully inform'd Christian on one Hand, and the careless, indifferent, unconcern'd Temper, that takes up with any thing, on the other Hand: And this I take to be a just tho' short Account of our *Differences in England about Religion*.

It might be a very useful Question to start here, namely where all our unhappy religious Differences will end. I that am not willing to give the worst natur'd Answer, where the best and kindest will hold Water, am for the present dispos'd to answer in general, rather than descend to Particulars, viz. in Heaven: There all our unkind, unchristian, unneighbourly, unbrotherly Differences will end: We shall freely shake Hands there with many a pardon'd Sinner, that here we *bid stand off*; embrace many a Publican, that here we think it a Dishonour to converse with; see many a Heart that we have broken here with Censures, Reproachings, and Revilings, made whole again by the Balm of the same Redeemer's Blood.

There we shall see, that there have been other Flocks than those of our Fold, other Paths to Heaven than those we shut Men out from; that those we have excommunicated have been taken into that superiour Communion; and those we have plac'd at our Lefthands, have been there summon'd to the Righthand; all Separations will be there taken away, and the Mind of every Christian be entirely reconcil'd to one another; no Divisions, no Differences, no charging sincere Minds with Hypocrisy, or embracing painted Hypocrites for Saints; every thing to be seen, and to be known, as it really is, and by a clear Light; none will desire to deceive, none be subject to be deceived.

There we shall look upon all we have done and said in prejudice of the Character of our Brethren with a just Change, and sufficiently repair to one another all the injurious things we have said, or indeed but thought of one another, by rejoicing in the common Felicity; and praising the sovereign Glory, that had receiv'd those we had foolishly rejected, and let those into the same Heaven, whom we had in the Abundance of our Pride, and the Penury of our Charity, shut out.

How many Actions of Men, which we, seeing only their Out-side, have now censur'd, shall we find there, by that Penetration that cannot err, be accepted for their in-side Sincerity? How many an Opinion that we condemn here, shall we see then to be Orthodox? In a Word, How many contradicting Notions and Principles, which we thought inconsistent with true Religion, shall we find then to be reconcilable to themselves, to one another, and to the Fountain of Truth?

слишком мало такого миролюбия; и поскольку я все же полагаю, что мы более религиозны, я должен признать, что и этой *религиозности недостаточно*; ибо если мы настолько ревностны в вопросах веры, чтобы рассориться, то мы [должны быть] верующими настолько, чтобы снова примириться, вот тогда мы были бы по-настоящему верующими.

Одним словом, такая наша религиозность, как описано выше, является лишь несчастливым промежуточным положением между состоянием пытливого и полностью осведомленного христианина, с одной стороны, и христианина беспечного, равнодушного, беззаботно верующего, который готов верить любой идее, с другой. Все это, я думаю, справедливый, хотя и краткий отчет о наших *разногласиях в Англии по поводу [вопросов] веры*.

Возможно, было бы весьма полезно начать с вопроса: где закончатся все наши несчастливые разногласия? Я не желаю давать неприглядный ответ, критикуя все самое лучшее и доброе, [и] склонен в настоящее время не опускаться до деталей и отвечать в целом, а именно – на Небесах. Там и закончатся все наши недобрые нехристианские недобрососедские небратские разногласия. Мы свободно пожмем там руки многим прощеным грешникам, от которых нам здесь *велено держаться подальше*; обнимем многих мытарей, с которыми здесь считаем бесчестием даже разговаривать; увидим, как многие сердца, что мы здесь разбили осуждением, упреками и бранью, [оказались] вновь исцелены бальзамом из той же крови Искупителя.

Там мы увидим, что существовали и другие стада, не только те, что были в нашей овчарне; другие пути к небу, чем те, от которых мы отлучаем людей; что те, кого мы отлучили, были удостоены этого высшего причащения; и те, кого мы поместили по нашу левую руку, здесь были призваны по правую⁷³; там будут устранены все разногласия, и разум каждого христианина будет полностью примирен с [разумом] ближнего; никаких расколов, никаких различий, никакого обвинения искренних умов в лицемерии или принятия облаченных в личины лицемеров за святых; все, что можно увидеть и узнать таким, каковое оно есть на самом деле и при ясном свете; никто не захочет обманывать, никто не будет подвержен обману.

Там мы взглянем на все, что мы сделали и сказали во вред нашим братьям; праведной переменой [в душе] и в достаточной мере искупим друг перед другом все оскорбительные слова, что мы сказали или даже подумали друг о друге, радуясь общему счастью и вознося хвалу Всевышнему, принявшему тех, кого мы по глупости отвергли, и впустившему [их] на те же самые Небеса, из которых мы в избытке нашей гордыни и нищете нашего милосердия их исключили.

Сколько поступков, которые мы, видя только их внешнюю сторону, осуждали, найдем мы там [оправданными] благодаря тому ясному суждению, которое не может ошибаться и которое примет их [этих людей на Небеса] за их глубокую искренность? Сколько убеждений, которые мы осуждаем здесь, мы тогда узрим правоверными? Словом, сколько противоречащих друг другу понятий и принципов, которые мы считали несовместимыми с истинной верой, мы тогда найдем примиренными с нами, друг с другом и с источником истины?

All the Difficulties in our Conceptions of things invisible, will then be explain'd; all the Doctrines of the Immutability of the divine Councils will then be reconcilable to the changeable Events of things, and to the Varieties often happening in the World: The Unchangeableness of the eternal Decrees will then appear; and yet the Efficacy of praying to God to do this, or not do that, to pardon, forgive, spare, and forbear, which we now say is inconsistent with those unchangeable Decrees, shall be reconcilable to that Unchangeableless, in a Manner to us now inconceivable.

And this is the Foundation of what I now advance, viz. That in Heaven all our Differences in Religion will be reconcil'd, and will be at an End. If any Man ask me, whether they cannot be ended before? I answer, If we were all thoroughly convinc'd, that they would be reconcil'd then, we should certainly put an End to them before; but 'tis impossible to be done. Mens Convictions of the greatest and most certain Truths, are not equal to one another, or equal to the Weight and Significancy of those Truths; and therefore, such a general Effect of this Affair cannot be expected on this Side of Time.

There is one very great Reconciler of religious Differences in this World, which has sometimes been made use of by Providence to heal the Breaches in Christian Charity among religious People; and it is, generally speaking, very effectual: But it is a bitter Draught, a Potion that goes down with great Reluctance, and that is PERSECUTION. This generally reconciles the Differences of Christians, about the lesser Matters in Religion: The Primitive Churches, while under the *Roman* Persecutions, had a much greater Harmony among themselves, and very few Schisms and Divisions broke out among them. When they did differ in any Particular Points, they wrote healing Epistles to one another, contended with Modesty and with Charity, and referr'd willingly their Notions to be decided by one another. They did not separate Communion, and excommunicate whole Churches and Nations, for a Dispute about the Celebration of Easter, or unchurch one another for the Question of receiving and re-baptizing of Penitents, as was afterwards the Case. The Furnace of Affliction burnt up all that Dross, the Fury of their Persecutors kept their Minds humble, their Zeal for Religion hot, and their Affection for, and Charity to one another encreased as their Liberty, and their Number was lessened.

Thus Bishop *Ridley*, and Bishop *Hooper*; the first, a rigid Church of England Bishop, the other, almost a Presbyterian, or at least a Calvinist, like Peter and Paul, differ'd hotly, and withstood one another to the Face, in the very Beginning of the Reformation: But when they came to burn for their Religion, Fire and Faggot shew'd them the Reconcilableness of all their Disputes; convinc'd them, that it was possible for both to hold fast the Truth in Sincerity, and yet entertain differing Notions of the Rites and Outsides of the divine OEconomy, and at the Stake they ended all their Disputes, wrote healing Letters to one another, and became Fellow-Martyrs and Confessors for that very Profession which was so intermix'd with Censure and Dislike before.

Тогда будут разрешены все затруднения, [связанные с] нашими представлениями о невидимом мире; и все доктрины о неизменности Божественных откровений будут тогда согласованы с изменчивыми обстоятельствами и с разнообразием происходящего в мире. Тогда проявится неизменность Вечных [Божественных] предопределений; и молитвы, [обращенные] к Богу, о том, чтобы Он сделал это или не делал того, чтобы простил, отпустил грехи, пощадил и был терпелив с нами, что, как мы сейчас считаем, несовместимо с незыблемыми Божественными установлениями, все же примирят нас с этой неизменностью способом, для нас сейчас непостижимым⁷⁶.

И сие есть основание того, что я сейчас предлагаю, а именно – что на Небесах все наши религиозные разногласия прекратятся. Если кто-нибудь спросит меня, нельзя ли с ними покончить раньше, я отвечу: если бы мы все были полностью убеждены в том грядущем примирении, то мы, безусловно, должны были бы это сделать раньше. Но этого сделать невозможно. Убеждения людей в величайших и наиболее достоверных истинах не равны друг другу, равно как и не равны весу и значимости сих истин. И поэтому какого-либо общего итога от данного убеждения нельзя ожидать по эту сторону времени.

В этом мире есть один весьма великий примиритель религиозных различий, который иногда использовался Провидением для заживления трещин в христианском милосердии среди набожных людей, и это, вообще говоря, весьма действительно; но сие есть горький напиток, зелье, принимаемое с большим отвращением, и это гонение за веру. Оно обычно примиряет христиан в их разногласиях и по второстепенным вопросам веры. Раннехристианские церкви, испытывая гонения *римлян*, имели гораздо большее сродство между собой, и между ними возникало весьма мало расколов и раздоров. Когда они действительно расходились по каким-либо конкретным вопросам, они писали друг другу исцеляющие послания, спорили со смирением и милосердием и охотно обменивались мнениями для взаимного обсуждения. Они не разделяли общину [верующих] и не отлучали целые церкви и народы из-за спора о праздновании Пасхи или не отлучали друг друга от церкви по вопросу о причастии и повторном крещении кающихся, как это было впоследствии. Горнило скорби сжигало все их разногласия, ярость их гонителей держала их умы в смирении, их религиозное рвение [оставалось] горячим, а их привязанность и милосердие друг к другу возрастали по мере того, как их свобода и число уменьшались⁷⁷.

Таким образом, епископ *Ридли*⁷⁸ и епископ *Хунер*⁷⁹, первый – непреклонный епископ англиканской церкви, второй – практически пресвитерианин или, по крайней мере, кальвинист, как Петр и Павел, горячо спорили и противостояли друг другу лицом к лицу в самом начале Реформации. Но когда им пришлось гореть [на костре] за свои убеждения, огонь и хворост явили им возможность примирения всех их споров, убедили их, что оба могут искренне и твердо придерживаться истины и при этом иметь различные представления о [церковных] ритуалах и о внешних проявлениях промысла Божьего, и перед тем, как сгореть на костре, они прекратили все свои ссоры, написали друг другу исцеляющие

And let all that think of this Remedy remember, that whenever these quarrelsome Christians come, by Persecution, or any other Incident, to be thus reconcil'd in their Charity, they find always a great deal to ask pardon of one another for, with respect to what is past; all their Violence, Heat of Zeal, and much more Heat of Passion, all their Breach of Charity, their Reproaches and Censures, and hard Words, which have pass'd between them, will only then serve to bring them together with more Affection, and to Embrace more warmly; for, depend upon it, all the Differences in Religion among good Men, (*for I do not mean Essential, Doctrinal, and Fundamental Differences*) serve only to make them all asham'd of themselves at last.

Of the Wonderful Excellency of Negative Religion and Negative Virtue.

egative Virtue sets out like the Pharisee, with *God I thank thee*; 'tis a Piece of religious Pageantry; a jointed Baby dress'd up gay, but stript of its Gewgaws, it appears a naked Lump, fit only to please Children and deceive Fools. 'Tis *the Hope of the Hypocrite*, 'tis a Cheat upon the Neighbourhood, a Dress for without Doors, for 'tis of no Use within; 'tis a Mask put on for a Character, and as generally 'tis used to cheat others, 'tis so ignorantly embrac'd, that we cheat even ourselves with it.

In a Word, Negative Virtue is *Positive Vice*, at least when it is made use of in any of the two last Cases; namely, Either as a *Mask* to deceive others, or as a *Mist* to deceive ourselves. If a Man were to look back npon it, to see in what Part he could take up his Nest, or lay a Foundation of Hope for the Satisfaction of his Mind, as to future things, he would find it the most uncomfortable Condition to go out of the World with, that any Man in the World can think.

The Reason is plain, compare it with the Publican, whom such a Man despises: Here is my Landlord is a Drunkard, one of my Tenants is a Thief, such a poor Man is a Swearer, such a rich Man a Blasphemer, such a Tradesman is a Cheat, such a Justice of the Peace is an Atheist, such a rakish Fellow is turn'd Highwayman, such a Beau is debauch'd; But ! I that am cloath'd in Negatives, and walk in the Light of my own Vanity, I live a sober, regular, retir'd Life, I am an honest Man:

письма и оба стали мучениками и исповедниками той самой веры, что прежде [разделяла их и] была сопряжена с осуждением и неприязнью.

И пусть все, кто думают об этом лекарстве, помнят, что всякий раз, когда эти непримиримые христиане в результате гонений за веру или любого иного побочного обстоятельства приходят таким образом к примирению, они всегда находят немало поводов просить друг у друга прощения за то, что было в прошлом. Все их неистовство, пыл религиозного рвения и, более того, накал страстей, немилосердие, их упреки, [взаимное] осуждение и грубые слова, сказанные друг другу, только тогда послужат тому, чтобы сблизить их большей любовью и теплыми объятиями; ибо, будьте покойны, все различия в вероисповедании у добрых людей (*я не имею в виду различия по существу, догматические и фундаментальные*) [существуют] только для того, чтобы наконец заставить их всех устыдиться самих себя.

О чудесном превосходстве мнимой религиозности и показной добродетельности

оказная добродетель, что фарисей, выражается словами: *Боже, благодарю Тебя*⁸⁰; это пример притворства, кукла на шарнирах, одетая нарядно, но без безделушек она выглядит голым болваном, годным лишь на то, чтобы доставлять удовольствие детям и обманывать глупцов. *Это надежда лицемера*, это обман ближнего, это наряд для выхода, бесполезный дома; маска, что надевают на персонажа и, как правило, используют для обмана других, она надевается столь бездумно, что мы обманываем ею даже самих себя.

Словом, мнимая добродетельность есть *несомненный* порок, по крайней мере, когда она используется в любом из двух последних случаев, а именно – либо как *маска* для обмана других, либо как *туман* самообмана. Если бы человек оглянулся на это, дабы увидеть, в каком краю он мог бы устроить свое гнездо или заложить основания надежды для удовлетворения своего разума относительно будущего, он нашел бы ее самым неудобным [средством] для отхода в мир иной с той же мыслью, как и любой человек в мире.

Причина проста. Сравните его с мытарем, которого такой человек презирает. «Вот мой домовладелец – пьяница, один из моих жильцов – вор, тот – бедняк, богохульник, такой-то богатый – богохульник, такой-то торговец – обманщик, такой-то мировой судья – атеист, такой-то лихой парень становится разбойником, такой-то красавчик – распутник; но я, облаченный в одежды неискренности и прогуливающийся в лучах собственного тщеславия, – я живу трезвой

I defraud no body, no Man ever heard me swear, or an ill Word come out of my Mouth; I never talk irreligiously or prophanely, and I am never miss'd out of my Seat at Church. God I thank thee! I am not debauch'd, I am no Highwayman, no Murderer, &c. Now, what's the Difference of all these? I must confess, speaking of all these together, and of what is usually the End of them, I think a Man had better be any of them, nay, almost all of them together, than the *Man himself*; and my Reason is, in a few Words, as follows:

All these know themselves to be wicked Persons; Conscience, tho' for a Time oppress'd and kept under, yet upon all Occasions tells them plainly what their Condition is, and oftentimes they repent. 'Tis true, sometimes they do not, God is pleas'd sometimes to treat them in the vindictive Attribute, and they are cut off in their Crimes, insensible and stupid, without a Space or a Heart to repent; and therefore, let none take Hope in their profligate Living, from what I am going to say.

Again; others, tho' they do repent, and God is pleas'd to give them the Grace to return to him as Penitents, come to it very late, and sometimes under a severe Hand, as perhaps on a Death-Bed, or under some Disaster, and oftentimes at the *Gallows*.

But still I say, those Men tho' they sin, they do it as a Crime, and when they come to be told of it often, they are brought to repent: But the Negative Christian I speak of, is so full of him-self, so perswaded, that he is good enough, and religious enough already, that he has no Thoughts of any thing, unless it be to pull off his Hat to God Almighty now and then, and thank him, that he has no Need of him; this is the Opiat that doses his Soul even to the last Gasp; and it is ten thousand to one, but the Lethargic Dream shoots him thro' the Gulph at once, and he never opens his Eyes till he arrives in that Light, where all things are naked and open; where he sees too late, that he has been a Cheat to himself, and has been hurry'd by his own Pride in a Cloud of Negatives, into a State of positive Destruction, without Remedy.

I am reading no particular Man's Fate; God forbid! I restrain it to no Circumstances, I point out no Persons; 'tis too solemn a thing to make it a Satyr; 'tis the State, not the Man, I speak of; let the guilty apply it to themselves, and the proud good Man humble himself, and avoid it.

I have observ'd, that many fall into this Case by the excessive Vanity of being thought well of by their Neighbours, obtaining Character, &c. 'tis a Delusion very fatal to many; a good Name, is indeed a precious Ointment, and in some Cases is better than Life: But with your Pardon, Mr. *Negative*, it must be a good Name for good Deeds, or otherwise, a good Name upon a bad Life is a *painted Whore*, that has a gay Countenance upon a rotten, diseased, corrupted Carcass.

размеренной уединенной жизнью, я честный малый. Я никого не обманываю; ни один человек никогда не слышал, чтобы я богохульствовал или чтобы из моих уст вырвалось дурное слово. Я никогда не говорю нечестиво или непристойно и никогда не упускаю возможности занять свое место в церкви. Боже, благодарю тебя! Я не развратник, не разбойник с большой дороги, не убийца» и т. д. Итак, о чем этот спор? Должен признаться, говоря обо всех этих [грешниках] и о том, какой конец их обычно ждет: я все же полагаю, что человеку лучше быть любым из тех, нет, даже всеми вместе, чем [таким лицемером], и причина вкратце такова.

Все грешники знают, что они плохие люди; совесть, хотя и некоторое время подавленная, все же во всех случаях ясно говорит им, в каком положении они [находятся], и часто они раскаиваются. Правда, до этого доходит не всегда; Богу иногда угодно обрушить на них кару, и они [оказываются] отлучены своими преступлениями [от Господа], бесчувственные и глупые, не имея ни сердца и ни места для покаяния; и поэтому пусть никто не надеется спастись, [ведя] такую распутную жизнь, вследствие того, о чем я собираюсь сказать.

Опять же иные хотя и раскаиваются, и Богу угодно одарить их благодатью вернуться к Нему, приходят они к этому весьма поздно и иногда при суровых обстоятельствах, например, на смертном одре или в какой-то беде, а зачастую на виселице.

Но все же, утверждаю я, эти люди хотя и грешат, совершая преступления, когда они приходят к тому, чтобы осуждать это [свои преступления], часто они уже готовы к покаянию. Но лицемерный христианин, о котором я говорю, настолько самоуверен, настолько убежден, что он достаточно хорош и уже достаточно религиозен, что не думает ни о чем, кроме как время от времени снимать шляпу перед Всемогущим и благодарить Его за то, что он в Нем не нуждается. Это опиат, который вплоть до последнего вздоха отравляет его душу; и десять тысяч к одному, что этот летаргический сон тотчас же пронесит его через пропасть, и он даже не открывает глаз, пока не окажется на том свете, где все обнажено и открыто; где он слишком поздно видит, что сам себя обманул и что был ведом собственной гордыней в пелене неискренности к состоянию верной гибели без исцеления.

Я не говорю здесь о судьбе какого-то конкретного человека. Боже упаси! Я не свожу это ни к каким обстоятельствам, я не указываю ни на кого конкретно; это слишком серьезная вещь, чтобы обращать ее в сатиру; ведь я говорю о состоянии, а не о конкретном человеке. Пусть виновные применяют это к себе, а соvestливый смирится и избегнет оно.

Я заметил, что многие попадают в такое положение из-за чрезмерного тщеславия – желая, чтобы их ближние хорошо думали о них, они надевают маску и т. д. Это заблуждение, для многих весьма фатальное. Доброе имя – действительно драгоценное миро, а в некоторых случаях оно дороже жизни. Но прошу прощения, мистер Лицемерие, доброе имя должно же быть для добрых дел, иначе доброе имя в дурной жизни – *размалеванная шлюха*, живая личина поверх гниющего заразного разлагающегося трупа.

Much to be preferr'd is the general Slander of a prejudic'd Age, and a State of universal Calumny, where the Mind is free from the Guilt they charge: Such a Man, tho' the World spits upon and despises him, looks in with Comfort, and looks up with Hope.

————— *Hic murus Aeneus esto,
Nil conscire sibi, nulla pallescere culpa.*

Virg.

General Contempt, universal Reproach, is a Life that requires a world of Courage and Steadiness of Mind to support: But, be this my Portion in this World, with a Heart that does not reproach me with the Guilt, much rather than to be a Man of Negatives only, and who all the World caresses with their good Wishes, and good Opinion, but is himself empty of real Virtue, a Hypocrite at Bottom, a Cheat, and under the Delusion of it; whose Portion is with Hypocrites, and who can neither look in, or look up with Pleasure, but must look without himself, for all that can be call'd Good, either by others, or by himself.

As at the Great and Last Day, the Secrets of all Hearts shall be disclosed, so I am perswaded, the Opinion we have of one another here, will be one of the Things which will be there, and perhaps not till then fully rectify'd; and as we shall be there thorowly enlightend, we shall find Room to see, that we have been much mistaken in our Notions of Virtue and Vice, Religion and Irreligion, in the Characters of our Neighbours. And I am perswaded, we shall see many of our Acquaintances placed at the Right-hand of a righteous Judge, whose Characters we have oppressed with Slanders, and who we have censoriously placed at his Left-hand here: And many a painted Hypocrite, who has insulted his Neighbour with, *Stand off, I am holier than thou*, or whom he has turned from with Disdain, and with a *This Publican!* plac'd at the Left-hand, who we made no Doubt we should have seen at the Right-hand in Triumph.

This is a Support to the Mind of a good Man, even when his Enemies, as David says, gnash upon him with their Teeth, and have him in Derision, that is to say, when he is run down by universal Clamour, and damn'd by the Tongues of Men, even for this World and another.

*Happy the Man, who with exalted Soul,
Knows how to rate the great the prosp'rous Fool,
Who can the Insults of the Street contemn,
And values not the Rage or Tongues of Men?
He like the Sun exists on his own Flame,
And when he dies, is to himself a Fame.*

But take this with you as you go, that as negative Praise will build no Man Comfort, so negative Virtue will not support the Mind under universal Contempt. *Scandal* is much worse than Slander; for the first is founded upon real Guilt, the

Гораздо предпочтительнее всеобъемлющее злословие этого предвзятого века и состояние всеобщей клеветы, когда совесть твоя чиста и ты свободен от греха, в котором тебя обвиняют. Такой человек, пусть мир плюет на него и презирает, взирает внутрь себя со спокойствием, а на небо – с надеждой.

————— *Hic munis aeneus esto,
Nil conscire sibi, nulla pallescere culpa.*

Вергилий⁸¹

Всеобщее презрение, вселенское порицание – для подобной жизни требуются беспримерное мужество и твердость ума, но пусть это будет моей долей в этом мире. Лучше жить с сердцем, которое не отягощено виной, чем быть лицемером⁸², которого весь мир ласкает своими добрыми словами и [о котором] имеет хорошее мнение, а он лишен настоящей добродетели, лицемер в глубине души, обманщик и заблуждающийся на свой счет; тот, чье место – [рядом] с притворщиками, кто не может ни заглянуть в свою душу, ни обратиться к Небесам с отрадой, но должен все время сверяться с тем, что другие [люди] называют добром.

Поскольку в великий судный день⁸³ тайны всех сердец будут раскрыты, я убежден, что мнение, которое мы составляем друг о друге здесь, будет одним из тех, что будут [учитываться там], и, возможно, только там можно будет полностью исправиться; там мы достигнем полного просветления, мы найдем в душе место, чтобы понять, как сильно мы ошибались в представлениях о добродетели и пороке, вере и неверии. И я убежден, что мы увидим, как многие из наших знакомых, кого мы оскорбляли клеветой и осуждением обрекали оказаться по левую руку от праведного Судии, окажутся по правую руку от Него. Но многих из записных лицемеров, оскорблявших ближнего своего словами: *Отступись, я святее тебя!* или отворачивавшихся от ближнего своего с презрительным *Это мытарь!*, мы встретим помещенными по левую руку, а ведь мы были так уверены, что увидим их триумфаторами, [сидящими] по правую руку [от Судии].

Это помощь в поддержке доброго человека, даже когда его враги, как говорил Давид, «с лицемерными насмешниками скрежетали на меня зубами своими»⁸⁴, то есть когда он измучен всеобщим возмущением и проклят злыми языками равно в этом мире и в ином.

*Тот счастлив человек с возвышенной душой,
кто справедливо глупость богача оценит,
кого не тронет ропот черни
и кто без ярости от сплетен отмахнется.
Как солнце, он живет в сиянии,
и, умерев, во славе он пребудет⁸⁵.*

Но возьмите на заметку вот что. Как неискренняя похвала никому не создает утешения, так и неискренняя добродетель не поддержит разум при всеобщем презрении. *Бесчестье* намного хуже клеветы, ибо первое основано на реальной

other attacks Innocence. Nothing is a Scandal, but what is *true*: Nothing is a Slander, but what is *false*.

He that fortifies himself against Reproach, must do it with a certain Reserve of Real, and solid Virtue, and Piety; it must be Uprightness and Integrity that must preserve him; nothing but a Fund of what is good can support the Mind under the Reproach of being all that is bad; I do not mean neither, that the Man must be perfect, have no Follies or Failings, have made no Excursions, have nothing to be laid to the Charge of his Character; for where then shall the Man be found I am speaking of? And I may be said to be describing the Black-swan, a Person that is not, and never was to be found: But the right Way of judging Men, and the Way which alone can be just, is to judge of them by their general Conduct; and so a Man may in his own Mind justly denominate himself: As every good Action does not denominate me to be a good Man, so neither does every Failing, every Folly, no nor every scandalous Action, denominate me a Hypocrite, or a wicked Man; otherwise, some of the most eminent Saints in Scripture, and of every Age since the Scripture was written, are gone to the Devil; and 'twill be hard to say, there was ever a good Man in the World.

But I return to my Subject, the negative good Man; and let me examine him a little in his just Character, in his Conduct, publick and private: He is no Drunkard, but is intoxicated with the Pride of his own Worth: He is a good Neighbour, a common Arbitrator and Peace-maker in other Families, but a cursed Tyrant in his own: He appears in a publick Place of Worship for a Show, but never enters into his Closet and shuts the Door about him, to pray to him that sees in Secret: He is covered with the vain glorious, and ostentatious Part of Charity, but does all his Alms before Men, *to be seen of them*: He is mighty eager in the Duties of the second Table, but regardless of the first; appearingly religious to be seen and taken Notice of by Men; but between God and his own Soul, no Entercourse, no Communication: What is this Man? And what Comfort is there of the Life he lives? He knows little, or perhaps nothing of Faith, Repentance, and a Christian mortified Life: In a Word, he is a Man perfect in the Circumstances of Religion, and perfectly a Stranger to the essential Part of Religion.

Take this Man's Conversation apart, enter into the private and retir'd Part of it, What Notions has he of mispent Hours, and of the natural Reflux of all our Minutes, on to the great Center and Gulph of Life, *Eternity*? Does he know how to put a right Value upon *Time*? Does he esteem it the *Life-Blood of his Soul*, as it really is, and act in all the Moments of it, as one that must account for them? Alas! this is of no Weight with such a Man; he is too full of himself to enter into any Notions about an Account, either for mispent Time, or any thing else misdono; but perswading himself, that he never did any thing amiss, entertains no Notion of Judgment to come, *Eternity*, or any thing in it.

вине, вторая атакует невинность. Бесчестье – всего лишь *правда*. Клевета – всего лишь *ложь*.

Тот, кто твердо противостоит обвинению, должен делать это с определенным запасом настоящей неизблемой добродетели и благочестия. Честность и непопорочность охраняют его, только все хорошее может поддержать разум [человека], которого обвиняют в том, что он – [воплощение] всего скверного. Я не имею в виду, что этот человек обязан быть совершенным, не творить глупостей, не иметь недостатков, не сходить с пути истинного и не обвиняться ни в одном изъязне характера. Но где найти такого человека, о котором я говорю? Можно сказать, что я описываю черного лебедя⁸⁶, человека, которого нет и никогда не было. Но лишь единственный способ может быть [здесь] справедливым – это судить о них [о людях] по их поведению. Поэтому человек может по своему разумению справедливо сказать себе: так же, как каждый добрый поступок не делает меня добрым человеком, так и всякая неудача, всякая глупость и всякий позорный поступок не делают меня лицемером или злодеем. В противном случае иные из самых выдающихся святых в Писании и последующих времен с тех пор, как оно было создано, отправились бы к дьяволу. И было бы трудно сказать, что был некогда на свете хоть один добрый человек.

Но я возвращаюсь к своему предмету – доброму [на вид] человеку, [демонстрирующему] показную добродетель; позвольте мне рассмотреть его в его истинном характере и поведении, публичном и частном. Он не пьяница, но опьянен осознанием собственной значимости; он добрый сосед, частенько арбитр и миротворец в других семействах, но проклятый тиран в своем собственном; он появляется в церкви, но никогда не входит в свою молельню, закрыв за собой дверь, чтобы помолиться Тому, Всевидящему, втайне; он тщеславно и напоказ милосерден, но раздает свою милостыню перед людьми, *чтобы все это видели*; он весьма рьяно исполняет заветы второй скрижали, но оставляет без внимания первую⁸⁷. Он предстает набожным так, чтобы это видели и замечали люди; но между Богом и его собственной душой нет связи и нет гармонии. Что это за человек? И какое утешение есть в такой жизни, какую он живет? Он мало или, возможно, совсем ничего не знает о вере, покаянии и христианской смиренной жизни. Одним словом, это человек, совершенный во второстепенных делах религии и совершенно чуждый ее сущности.

Рассмотрите поведение этого человека в его частной уединенной жизни – какие у него представления о потерянных часах [жизни] и о естественном течении всех мгновений нашего существования к великому центру и пучине жизни, *вечности*? Знает ли он цену *времени*? Считает ли он время *главным жизненным ресурсом*, каковым оно и является, и действует ли в каждый момент своей жизни как человек, который должен отдавать себе в этом отчет? Увы! Время не имеет для него никакого значения. Он слишком самоуверен, чтобы предаваться размышлениям на этот счет – по поводу растратченного попусту времени, по поводу еще каких-либо [своих] ошибок. Но убеждая себя в том, что никогда не совершал ничего дурного, он как будто бы не имеет

What Room has a Man to expatiate in his Thoughts upon so immense and inconceivable a Subject, as that of eternal Duration, whose Thoughts are all taken up, and swell'd Top-full with his own extraordinary self. It would be impossible for any Man in the World to entertain one proud Thought of himself, if he had but one right Idea of a future State. Could such a Man think, that any thing in him, or any thing he could do, could purchase for him, a Felicity that was to last to Eternity? What! that a Man should be capable in one Moment (for Life is not that in Length compar'd to Eternity) to do any thing for which he should deserve to be made happy to Eternity?

If then you can form no Equality between what he can do, and what he shall receive; less can it be founded pon his negative Virtue, or what he has forborn to do; and if neither his negative nor his positive Piety can be equal to the Reward, and to the Eternity that Reward is to last for; What then is become of the Pharisee? he must think no more of himself, for all his Boasts; neither of his Negatives nor his Positives, but of a rich unbounded Grace, that rewards according to itself, not according to what we can do; and that to be judged at the last Day according to our Works, if literally understood, would be to be undone; but we are to be judged by the Sincerity of our Repentance, be rewarded according to the infinite Grace of God, and Purchase of Christ, with a State of Blessedness to an endless Eternity.

Indeed this Eternity is not a Meditation suitable to the Man I am talking of, 'tis a sublime Thought, which his bloated Imagination has never descended to, or engage'd in; and when it comes, he is like to have as little Comfort of it, as he has had Thought about it.

This Thought of Eternity raises new Ideas in my Mind, and I cannot go forward without a Digression upon so important a Subject; if the Reader approves the Thought, he will not quarrel about its being a Digression.

E T E R N I T Y.

Hail! mighty circle, unconceived abyss,
Centre of Worlds to come, and grave of this;
Great gulf of Nature, in whose mighty womb,
Lies all that thing called Past, that nothing called to come.

никакого понятия о грядущем суде, вечности или еще о чем-то другом подобном в этом роде.

Какое место занимает в сознании этого человека такой огромный и непостижимый предмет, как вечная протяженность, [если его] мысли всецело поглощены его собственным необыкновенным «я»? Ни один человек в мире не смог бы допустить ни одной горделивой мысли, если бы у него имелось правильное представление о [его] будущем состоянии. Мог бы такой человек подумать, что какое-то его качество или поступок [позволят] ему купить счастье, длящееся вечно? Нет! Разве человек может быть способен в одно мгновение (ибо жизнь – не более, чем мгновение по сравнению с вечностью) сделать что-либо, за что он может заслужить вечное счастье?

Если же вы видите прямую связь между тем, что он может сделать, и тем, что он получит [в будущем], то эта награда [сидеть одесную Отца] тем более не может быть основана на его показной добродетели или на том, что он воздержался совершить; и если его искреннее или неискреннее благочестие не может ему безусловно обеспечить этой награды и уж тем более вечности, в которой эта награда воздается, что тогда станется с фарисеем? Он не должен больше думать о себе, пусть его хвалят другие; [он не должен думать] о своих достоинствах и недостатках, а [должен – исключительно] о глубокой, безграничной благодати, которая становится наградой просто так, а не только за наши деяния; и если судить [нас] в самый последний день [жизни на этом свете] по нашим делам, если понимать это буквально, то это означало бы смертный приговор; но мы должны быть судимы по искренности нашего покаяния, и мы будем вознаграждены состоянием блаженства в бесконечной вечности в соответствии с всеохватной благодатью Божьей и благодаря искупительной [жертве] Христа.

Действительно, размышления о вечности не являются подходящим занятием для такого человека, о котором я говорю. Это возвышенные мысли, до которых его надменное воображение никогда не опускалось, не занимало его; и когда они приходят, он получает от этого столь же слабое утешение, сколь мало он думал об этом.

Эта мысль о вечности рождает в моем уме новые идеи, и я не могу двигаться дальше без отступления от столь важной темы. Если читатель одобряет сию мысль, он не будет спорить о том, что это отступление.

ВЕЧНОСТЬ

*О, могучая сфера, немислимая бездна,
центр грядущих миров и могила этого мира;
великая бездна Природы, в чьем могучем чреве
покоится все, что зовется Прошлым, все, что никто не просил осуществиться.*

Ever and never, both beGuns in thee,
The weak description of eternity,
Mere sounds which only can thy Being confess;
For how should finite words thee Infinite express?
Thou art duration's modern name,
To be, or to have been, in thee are all the same.

Thy circle holds the pre-existent State
Of all that 's early, or that shall be late.
Thou know'st no past or future; all in thee,
Make up one point, Eternity:
And, if Things mortal measure Things sublime,
Are all one great ubiquity of Time.

To End, begin, be born, and die,
The accidents of Time and Life,
Are nonSense in thy speech,
Eternity Swallows them all,
in thee they End their strife.
In thee the Ends of Nature Form one line,
And generation with corruption join.

Ages of Life describe thy State in vain,
Even death itself, in thee, lives o'er again.
Thy radiant, bright, unfaded Face,
Shines over universal space.
All limits from thy vast extent must flee,
Old everlasting 's but a point to thee, }
Ten everlastings make not one Eternity. }

To thee Things past exist as Things that are;
And Things to come, as if they were;
Thou wast the first great when, while there was yet no where.
Even Time itself 's a little ball of space,
Borrowing a flame from thy illustrious Face,
Which, wheeling round, in its own circle burns,
Rolls out from thy first spring, and into thee returns.

What we have been, and what we are,
The present and the Time that's past,
We can resolve to nothing here,
But what we are to be in thee at last.

Deeds soon shall die, however nobly done,
And thoughts of Men, like as themselves decay;

Всегда и Никогда в тебе нашли начало,
да, это бессильное описание вечности,
пустые звуки, которые даже не прикоснутся к твоей сути,
ведь разве могут конечные слова описать бесконечное?
Твое имя – это имя длительности,
пробывать в тебе, быть в тебе в прошлом – одно и то же.

Твоя сфера содержит в себе предсуществующее
всего, что было, и всего, что будет.
Ты не ведаешь ни прошлого, ни будущего –
они слились в тебе в одно целое, в Вечность.
И если все, что умрет, возвышенно,
то всем правит великая вездесущность времени.

Закончить, начать, родиться и умереть:
случайности времени и жизни
нелепы в твоей речи –
Вечность поглотит все,
прекратив любые споры.
В тебе пределы Природы образуют одну линию,
едины в тебе рождение и тление.

Напрасно пытаются вехи жизни описать тебя,
ведь даже смерть в тебе снова жива.
Твой сияющий ясный неувядающий лик
светит над пространством Вселенной.
И пределы твои постоянно расширяются,
и древняя бесконечность – лишь точка для тебя,
и десять бесконечностей не сложат одну Вечность. }

Для тебя то, что уже существовало, пребудет вовек,
и грядущее для тебя было в прошлом,
и когда не было еще пространства, уже было время.
И даже само время – этот пустой шарик –
наполняется ярким светом, исходящим от лица твоего,
и катится по кругу, и, сгорая,
возвращается в тебя.

Кем мы были, и кто мы сейчас,
настоящее и прошлое,
здесь мы бессильны
и в конце концов станем частью тебя.

И даже самые благородные деяния
и мысли людей канут в Лету.

*But Time when to eternity roll'd on,
Shall never, never, never waste aWay.*

*Years, ages, months, weeks, Days, and hours
Wear out, and words to number them shall fail,
One Endless all the wild account devours,
And thy vast unit casts up all the tale.
Numbers as far as numbers run
Are all in thy account but one,
Or rather are thy reck'ning just beGuns.*

*Thou art the Life of immortality,
When Time itself drowns and expires in thee.
All the great actions of aspiring Men,
By which they build that trifling thing called lame,
In thy embrace lose all their where and when,
Reserving not so much as a mere empty name.*

*How vain are sorrows of a human State,
Why mourn th' afflicted at their fate?
One point, one moment 's longer far
Than all their Days of sorrow shall appear,
When wrapt in wonders we shall see,
And measure their extent by thee.*

*In vain are glorious monuments of fame,
Which fools erect t' immortalise a name,
Not half a moment when compared with thee,
Lives all their fancied immortality.*

*Start back, my soul! and with some horror view,
If with these eyes thou can'st look through,
Inquire what gives the pain of loss a sting,
Even Hell itself's a Hell, in no one other thing.*

*Then with a brightness on thy Face,
An emanation from that glorious Place,
A joy which no dark cloud can overcast,
And which Eternity itself cannot outlast,
Reflect, my soul! Duration dwells on high,
And heaven itself 's made heaven, by blest Eternity.*

But to the Purpose in Hand; for I have not done with this Man of Negatives yet:
And now let us bring him more nearly and seriously to a Converse with the invisible
World: He looks into it with Horror and dreadful Apprehensions; as *Fælix*, when

Но когда шарик времени докатится до вечности,
то он никогда, никогда, никогда не исчезнет.

Годы, века, месяцы, недели, дни и часы
истлеют, и слова, которыми мы их называем, забудутся,
и бесконечный подсчет всего пожрет все,
но ты поглотитишь даже его.
И числа, сколько бы их ни было,
все до единого на твоём счету,
ты только начала свой расчёт.

Ты жизнь бессмертия,
ведь само время тонет и умирает в тебе.
Все великие деяния честолюбивых людей,
которые приносят им славу,
забываются в твоих объятиях,
оставляя лишь пустые слова.

О, напрасна скорбь человечества:
зачем оплакивать обречённых?
Одна точка, одно мгновение будет длиннее,
чем все дни печали,
когда нас окутают чудеса,
и ты будешь единственным мерилом.

Напрасно глупцы ставят величественные памятники,
чтобы обессмертить своё имя:
даже полмгновения их воображаемое бессмертие
не длится в сравнении с тобой.

Отпрянь, моя душа! И в ужасе спроси,
если сама не видишь насквозь,
как ранит жало потери,
и даже ад не страшит.

И после твоё лицо воссияет
и будет источать величие рая,
и с радостью, которую ничто не омрачит
и которую сама Вечность не переживёт,
о, воссияй, моя душа! Все непреходящее – в вышине,
и небо становится небом, только благословенное вечностью⁸⁸.

Но вернёмся к поставленной цели, ибо я ещё не закончил с этим двуличным человеком. И теперь давайте вплотную подведём его к общению с невидимым миром. Он заглядывает в него с ужасом и страшными опасениями, словно Феликс,

St. Paul reasoned of Temperance, Righteousness, and of Judgment to come. *Fælix*, was a moral Heathen, that is to say, a Man of Negatives, like him I am speaking of. What was then the Case? he trembl'd; Pray, what is it reasonable to think *Fælix* trembled at? if I may give my Opinion, who am but a very mean Expositor of Texts, it was this or something like it.

Fælix was a Philosopher, as well as a Man of Power; and by his Wisdom, as also by his Reverence of the Gods, which at that Time was the Sum of Religion, had been a Man of Morals, a Man that had practic'd Temperance and Righteousness, as the Life which was unquestionably to be rewarded by the Powers above, with an Elysian Felicity; that is to say, according to the Roman Maxim, That the Gods were the Rewarders of Virtue.

But when the blessed Apostle came to reason with *Fælix*, how unlikely it was, that these Negatives should purchase our Happiness hereafter, he shew'd him, that the Gods could not be in Debt to us for the Practice of Virtue, which was indeed no more than living most suitable to our Reason, that a Life of Virtue and Temperance was its own Reward, by giving a healthy Body, a clear Head, a compos'd Life, &c. fitting the Man for all other worldly Enjoyments, adequate to his Reason, and his present Felicity as a Man: But eternal Happiness must come from another Spring, namely from the infinite unbounded Grace of a provok'd God, who having erected a righteous Tribunal, where every Heart should be searched, and where every Tongue would confess itself guilty, and stand self-condemn'd. Jesus Christ, whom Paul preach'd, would separate such as by Faith and Repentance he had brought home, and united to himself by the Grace of Adoption, and on the Foot of his having laid down his Life a Ransom for them, had appointed them to Salvation.

When poor Negative *Fælix* heard of this, and that all his Philosophy, his Temperance, and Righteousness, if it had been ten thousand Times as great, could weigh nothing, and plead nothing for him at that Judicature; and that he began to see the Justice and Reason of this; for *Paul* reasoned him into it; I say, when he saw this, he trembl'd indeed, as well he might, and as all negative People will.

What a strange Idea must that Pharisee have of God, who went up with the Publican to the Temple to pray: 'Tis observable, he went with a good Stock of Assurance in his Face, that could come to the Altar, as he did, not to offer any Sacrifice; we don't find he carry'd any Offering, or bespoke the Priest to make any Attonement; he wanted no Priests to make any Confession to: Good Man, as he thought he was, he had no Sins to confess; he rather came up to the Altar to even Accounts with Heaven; and like the other Man in the Gospel, tell God, that he had fulfill'd the whole Law, and had done all those things that were commanded, even from his Youth; so, as before, he only pulled off his Hat to his God, and let him know, that there was nothing between them at present, and away he goes about his Business.

когда апостол Павел рассуждал о воздержании, праведности и грядущем суде⁸⁹. Феликс был совестливым язычником, хотя и не обладал истинной верой, как и тот [лицемер], о котором я рассуждаю. В чем же здесь было дело? Он убоился. Что, по вашему разумению, заставило Феликса убоиться? Если я могу высказать свое мнение (я, всего лишь весьма презренный толкователь текстов), то дело бы было в следующем.

Феликс был не только наделен властью, но еще и был философом; и в своей мудрости, как и в своем почтении к богам, что в то время было результатом [праведной] веры, [он] был человеком нравственным, жившим умеренно и праведно, то есть [такой] жизнью, что, несомненно, высшими силами должна была быть вознаграждена элизианским блаженством⁹⁰, иначе говоря, согласно римской максиме, боги [должны были] вознаградить его за добродетельность.

Но когда благословенный апостол указал Феликсу на то, насколько маловероятно всем этим заслужить будущее счастье, он показал тем самым, что боги не могут быть перед нами в долгу за то, что мы жили добродетельно – то есть жизнью, наиболее подходящей с точки зрения нашего разума; жизнь в добродетели и воздержании сама по себе уже была наградой, давая здоровое тело, ясную голову, спокойную жизнь и т. д., так необходимые человеку для всех других мирских удовольствий, соответствующих его разуму и его благополучию в этом мире. Но вечное счастье должно исходить из другого источника, а именно из безграничной, беспредельной благодати данной Богом, учредившим праведный суд, где каждое сердце откроется и каждый язык признает свою вину и сам себя осудит. Иисус Христос, как проповедовал Павел, изберет тех, кого Он привел к Себе верой и покаянием, соединил с Собой благодатью принятия веры и, положив Свою жизнь в качестве искупления за них, предназначил их ко спасению.

Когда бедняга Феликс, человек непроявленных христианских качеств, услышал об этом [спасении] и о том, что вся его философия, его воздержание и праведность, будь они даже в десять тысяч раз больше, [чем сейчас], на Божьем суде ничего бы не весили и ничего не сказали бы в его пользу, он начал понимать справедливость и разумность наставлений апостола Павла; говорю вам, когда он увидел все это, он действительно убоился, как и должно людям, идущим к Богу.

Какое странное представление о Боге должно было быть у этого фарисея, когда он пошел помолиться в храм вместе с мытарем. Было заметно, что он шагал с уверенностью, что можно отправиться к алтарю просто так, а не для того, чтобы принести жертву; нет свидетельств, что он внес какое-либо пожертвование, или просил священника отпустить ему грехи, или желал [призвать] священников для исповеди. Он считал себя праведником и не имел нужды исповедоваться в грехах; скорее он пошел к жертвеннику, чтобы поравняться с Небесами и, как и другой человек, [о котором говорится] в Евангелии, сказать Богу, что он исполнял все заповеди и с юности делал все так, как было заповедано⁹¹, поэтому, как и прежде, он только снял шляпу перед своим Богом и дал Ему понять, что в настоящее время между ними нет счетов, и он уходит по своим делам.

But the poor Wretch, whom he despis'd, and whom he had left behind him, for he durst come no farther, acted quite another Part. He had at first indeed, in Sence of his Duty, resolv'd to go up to the Temple; But when he saw the Splendor and Majesty of God represented by the Glory of that elevated Building; I say, when he saw that, tho' a great Way off,, and then look'd into his own Heart, all his negative Confidences failing him, and a Sense of miserable Circumstances coming upon him, he stops short, and with a Blow of Reflection and perfectly unmixt with any of the Pharisees Pride, he looks down in Humility, but lifts up his Heart in a penitential Faith, with a *Lord be merciful to me a Sinner.*

Here was Faith, Repentance, Duty, and Confession, all conjoin'd in one Act, and the Man's Work was done at once, *he went away justified*; when the negative Pharisee went home, the sameself vain Wretch, he came out with God I thank thee in his Mouth, and a Mass of Pride in his Heart, that nothing could convince.

In what glorious Colours do the Scriptures upon all Occasions represent those two Hand in Hand Graces, *Faith and Repentance*? There is not one Mention of Faith in the whole Scripture, but what is recommending some Way or other to our Admiration, and to our Practice; 'tis the Foundation and the Topstone of all Religion, the Right-hand to lead, and the Left-hand to support, in the whole Journey of a Christian, even thro' this World, and into the next: In a Word, 'tis the Sum and Substance of the Gospel Foundation.

Religion seems to have been founded upon three Establishments in the World; in all which the Terms of Life are laid down at the End of our Acceptance of it.

The First Establishment was with *Adam* in *Paradise*; the Terms of which were, F O R B E A R and *Live.*

The Second Establishment was with the Children of *Israel*, in the giving of the Law; the Terms of which were, D O and *Live.*

The Third Establishment is that of the Gospel of Jesus Christ; the Terms of which are, B E L I E V E and *Live.*

So that in a Word, Faith is the Substance and Fulfilling of Gospel Religion, the Plan of Righteousness, and the great Efficient of eternal Life. Let me break out here upon this glorious Subject, and pardon the Excursion, I entreat you.

F A I T H:

Hail MYSTICK! realizing Vision Hail!
Heavens duplicate, Eternity's Entail;
GOD's Representative to hand us on,
And for us claim a Station near his Throne.

Но бедняга, которого он презирал и которого оставил позади⁹², потому что решился идти дальше, играл совсем другую роль. Сначала он действительно решил пойти в храм из чувства долга, но когда узрел благолепие и величие Бога, слава которого воплотилась и в этом великолепном здании, да, когда узрел сие, пусть и издалека, а затем заглянул в свое собственное сердце, все его наносные убеждения посыпались прахом, и на него снизошло осознание его жалкого существования. Тогда он остановился и, поразмыслив и совершенно отринув всякую гордость фарисея, в смирении опустил очи долу, но вознес свое сердце высоко в покаянии и вере: *Господи, будь милостив ко мне, грешному.*

Это были и вера, и покаяние, и долг, и исповедь – все соединилось в одном порыве, и тотчас исполнился его духовный долг, и *ушел он прощенным.* Когда же фарисей, человек неискренний, отправился домой, он остался тем же самым тщеславным негодяем, каким вошел, с молитвой «Боже, благодарю тебя» на устах и непомерной гордыней в сердце, которую ничто не могло победить.

В каких великолепных красках Священное Писание многократно представляет эти две взявшиеся за руки благодати, *веру и покаяние!* Во всем Писании нет ни одного упоминания о вере, кроме тех примеров, которыми нам рекомендуется восхищаться и которым следовать. Вера – основа и краеугольный камень религии, это правая рука, дабы вести, и левая рука, дабы поддерживать христианина на всем его пути через этот мир и даже в [мир] загробный. Словом, сие есть сумма и суть евангельского основания.

Религия, очевидно, была дана миру в трех заветах, и в каждом из них изложены условия жизни, которые мы принимаем⁹³.

Первый завет веры осуществился для *Адама* в *раю*; его условия были: «В О З Д Е Р Ж И В А Й С Я и живи».

Второй завет осуществился для детей Израиля в даровании Закона, и его условия были: «Д Е Л А Й и живи».

Третий завет – это евангелия Иисуса Христа, условия которых таковы: «В Е Р У Й и живи».

Таким образом, вера – это сущность и воплощение евангельской религии, план праведности и великая сила вечной жизни. Позвольте же мне остановиться здесь на этой славной теме и, умоляю вас, простите за отступление.

В Е Р А

О, таинственное постигаемое видение,
Отражение Небес, наследник вечности,
вестник Господень, настойчиво ведущий нас,
дабы встали при троне Его.

Not the eternal Battlements of Brass,
Gates, a whole Hell of devils could never pass;
Not Angels, not the bright seraphic train,
Which drove out Adam from the sacred plain;
Not all the flaming Swords Heaven ever drew,
Shall shut thee out, or intercept thy view.

Boldly thou scalest the Adamantine wall,
Where Heaps of fainting suppliants fall,
Where Doubt has thousands and ten thousands slain,
And Hypocrites knock hard in vain.
Soaring above the dark Abyss of Fear,
Quite out of Sight, behind thou leav'st Despair,
Who fainting, and unable to keep Pace,
Gives up the prize, gives out the Race,
Faints by the Way, and fainting cries,
I can't, and so for Fear of Dying, dies.

While thou, on air of Hope, fanning thy Wings,
With gentle Gales of Joy, from whence Assurance springs,
Mount'st on, and passing all th' aethereal Bounds,
Thy Head with beatific rapture crowns.

Great Pilot of the Soul, who goes before
The dangers of the dreadful Voyage t' explore,
Enters the very Place, and when 'tis there,
Sends back Expresses to support us here,
Negotiates Peace, gains the great Pledge of Love,
And gets it ratified above.

With awful Confidence at Heaven's high Throne,
It rather humbly claims than merely prays.
Pleads, promises, and calls them all its own,
And trusts to have, even then, when Heaven denies.

On Earth what Wonders has it wrought!
Rather what Wonders has it not?
It has Parted Rivers, dried up Seas,
Made Hills of those, and Walls of these.
And if to this great mountain it should say,
"Move off, O Hill, and roll to yonder Sea,
The Sea and Mountain, too, must both obey. }

If towards heaven it looks, 'tis ne'er in vain
From thence 't has brought down Fire, 't has brought down rain, }
And thither it ascends in Flame again. }

И ни вечные медные зубчатые стены
(врата, которые сдержали бы натиск самого ада),
ни ангелы, ни яркий сонм серафимов,
изгнавших Адама со священной равнины,
ни все небесные пылающие мечи, когда-либо обнаженные,
не превозмогут тебя, не преградят путь взору твоему.

Смело взбираешься на алмазную стену,
с которой низвергаются ослабевшие духом просители –
сомнение сгубило тысячи тысяч, –
и напрасно ханжи стучат, чтобы их пропустили.

Парящая над темной бездной страха,
недосягаемая для зрения, ты оставляешь отчаяние тем,
кто в полубомороке не угонится за тобой,
кто сдался, кто оставил свой бег,
кто кричит, обмирая:
«Я больше не могу», – и умирает от страха смерти.

Пока ты расправляешь крылья в воздухе надежды
и с легкими порывами радости, внушающими уверенность,
возносишься выше, преодолевая границы эфира,
голову твою венчает блаженный восторг.

Великий проводник души, идущий впереди,
исследующий опасности ужасающего путешествия,
ты первой войдешь в рай и оттуда
пошлешь нам гонцов, чтобы поддержать нас.
Ты заключишь мир, и востребуешь великий залог любви,
и скрепишь его свыше.

Тебе даровано великое доверие престола небесного,
ты смиренно требуешь, а не просто молишься о нас.

Ты не отвергаешь наши молитвы и обеты,
сохраняешь надежду, даже когда Небеса нас отринут.

О, какие чудеса ты творишь на земле!
Каких чудес еще не сотворила ты?
Ты разделяла реки, осушала моря,
творила из них холмы и стены.

И если бы ты сказала великой горе:
«О, гора, иди к тому морю», –
она бы повиновалась. }

Если твой взор обращен к Небесам,
оттуда низвергнется огонь, прольется дождь,
и пламя вновь взойдет на небо. }

*Its Influence is so vigorous and intense,
It pierces all the Negatives of Sense.
Things quite invisible to Sight it sees,
Things difficult performs with Ease:
Things imperceptible to us it knows,
Things utterly impossible it does:
Things unintelligible it understands,
Things high (superior to itself) commands,
Things in themselves unnatural reconciles,
Weakness to strength, and to its sorrows smiles,
Hopes against Hope, and in Despair 's resigned,
And spite of Storms without, it calms the Mind.*

*Say, unborn Lamp, what feeds thy Flame,
In all varieties the same?
What Wonder-working hand thy Power supplies?
Nature and Reason's just surprise.*

*Nature and Reason join thee Hand in Hand,
And to thy just Dominion stoop the Mind:
But neither can thy Workings understand,
And in thy swifter Pace thou leav'st them both behind.*

*'T was from thy Motion fortified by thee,
Peter asked leave to walk upon the Sea,
When his great Lord said, "Come," and Faith said, "Go,"
What heart could Fear? What coward Tongue say, No?*

*Boldly he stept upon the flowing Wave,
And might have marched through Fire or through the Grave, }
While He stood by who had the Power to save:*

*But soon as Peter lost his Hold of thee,
He sunk like Lead into the Sea.
All thy Magnetic Power disperst and gone,
The heavenly Charm was broke, and Peter quite undone;
And had not Help been just at Hand,
Peter had gone the nearest Way to Land.*

*Made up of wonders, and on wonders fixed,
Of contradicting Qualities thou 'rt mixed.
Small as a Grain, yet as a Mountain great,
A Child in Growth, yet as a Giant strong;
A Beggar, yet above a King in State:
Of Birth but short, yet in Duration long.*

Твое влияние столь могуче, столь яростно,
что пронзает любое сомнение.
Ты видишь незримое,
тяжелое делаешь легким,
ведаеть неприметное,
совершаешь невозможное,
постигаешь непостижимое,
повелеваешь даже тем, что тебя превосходит,
примиряешь неестественное,
слабость даруешь силе,
надежду – отчаянью
и вопреки смятению успокаиваешь разум.

О, нерожденный светоч, скажи,
кто зажигает твое пламя?
Чья ладонь чудотворная держит тебя на весу?
Это неизъяснимо для природы и разума:

они соединяют с тобой руки
и склоняются пред твоим владычеством,
но даже им не постигнуть дела твои
и не угнаться за твоей стремительной поступью.

Исполненный тебя,
апостол Петр просил позволения пойти по морю,
и когда Господь повелел: «Иди», – и Вера сказала: «Ступай», –
какое сердце убоится? Какой трусливый язык скажет «нет»?

Без страха он ступил на воды,
и мог бы он пройти сквозь огонь и смерть,
пока Спаситель рядом. }

Но как только Петр усомнился,
свинцом налились ноги, и он стал тонуть,
твоя сила небесная рассеялась и исчезла,
и Петр чуть не умер.
Если бы Господь не подал руки,
то предали бы Петра земле.

Сотворенная из чуда,
ты смесь противоречивых качеств:
мала, как зернышко и громадна, как гора,
ростом с ребенка, но сильна, как великан,
ты нищенка, но важнее короля:
родишься вмиг, но будешь длиться вечно.

*How shall we reconcile thee to our Sense?
Here thou would'st pass for mere impertinence.
Thy teasing Nature would thy End defeat,
So Humble, and yet so Importunate.*

*See the great Test of Faith, the greatest sure,
That Heaven e'er put a Mortal to endure.
She cried, she begged, nay, she believed and prayed,
Yet long neglected, and as long denied;
At last, as if commanded to Despair,
She 's almost told it was not in His Power,
That she was out of His commission placed,
Shut out by Heaven, by race accurst.
W O M A N! I am not sent to thee!
W O M A N! thou hast no share in Me!
Was ever Creature born, but this, could hear
Such Words proclaimed from Heaven and not Despair?*

*But still she prays, adheres, petitions, cries,
And on the Hand that thrusts her back relies:
Till moved, as 't were, with her impertinence,
He calls her Dog, and challenges her Sense,
To tell her Whether such as she are fed,
With food appropriate, or the Household Bread.*

*But all was one; her Faith so often tried,
Too strong to fail, too firm to be denied:
She follows still, allows her outcast State,
The more thrust off, the more importunate:
Every repulse she meets, revives her prayer.
And she builds Hope because she 's bid Despair;
He call her Dog, she calls herself so too,
But pleads as such the Fragments that are due.
The Case so doubtful, the Repulse so long,
Her sex so weak, and yet her Faith so strong,
Heaven yields! The Victory of Faith 's obtained,
And all she asked, and all she sought for, gained.*

*Mysterious Flame! tell us from whence Thou draw'st that Cleaving Confidence,
That strange, that irresistible desire.
That with such magic force sets all the Soul on Fire;
By which thou can'st to Heaven itself apply,
In terms which Heaven itself cannot deny.*

Но как нам примирить тебя с рассудком?
Здесь ты столкнешься с дерзостью людской.
Твоя противоречивая природа тебя погубит:
ты столь смиренна и столь настойчива.

Узрите великое испытание веры,
на которое Небеса обрекли всех смертных.
Она плакала, умоляла, нет, она верила и надеялась,
а ей так долго пренебрегали, ее так долго отталкивали;
и наконец как будто повелели отчаяться,
будто Он лишил ее своей милости,
И она больше не под его покровительством.
Изгнана Небесами, проклята людьми.
О, ЖЕНЩИНА! Я послан не к тебе!
О, ЖЕНЩИНА! Ты не живешь во Мне!
Рождалось ли когда-нибудь создание, которое,
услышав проклятие Небес, не отчаялось?

Она молилась и просила, рыдала и умоляла,
и продолжала доверять руке, которая толкала ее в спину.
Она дерзостно продолжала,
Он называл ее сукой, испытывал ее разум
и вопрошал: «Кормят ли таких,
как ты, домашним хлебом?»

Но ее вера слишком сильна,
слишком тверда, чтобы отчаяться:
отверженная, она следует за Ним,
и чем яростнее ее гонят, тем сильнее она привязывается к Нему,
и каждый отказ лишь усиливает ее молитву.
Она творит надежду, ведь ей приказывают отчаяться;
Он называет ее сукой, она называет себя так же,
но продолжает молить Его о помощи.
Так безнадежен ее случай, ее так долго отвергают,
она так слаба, но вера ее сильна,
и Небеса уступают! Вера восторжествовала,
и она обрела все, о чем просила.

Таинственное пламя! О, скажи нам, откуда
черпаешь ты это удивительное непреодолимое желанье,
которое тайною силой воспламеняет душу,
которое ты обращаешь даже к Небесам,
и оно столь сильно, что Небо не откажет.

*A Power so great, an Influence so sure,
Not Heaven itself the Wrestlings can endure.
See how the struggling Angel yields the Day,
When Jacob's faith bids Jacob pray.*

*Let me alone, the heavenly Vision cries.
No, no, says conquering faith, never without my Prize.
Heaven yields! Victorious faith prevailed,
And all the blessings asked for he entailed.
Blest humble confidence, that finds the Way
To know we shall be heard before we pray;
Heav'n's high Insurance-Office, where we give
The premium Faith, and then the Grant receive.*

*Stupendous Gift! from what strange Spring below,
Can such a supernatural Product flow?
From Heaven, and Heaven alone it must derive;
For Heaven alone can keep its flame alive.*

*No Spring below can send out such a Stream,
No fire below emit so bright a Flame,
Of Nature and Original Divine,
It does all other Gifts of Heaven out-shine.*

*Thou art the Touch-stone of all other Grace,
No counterfeits can keep thy Pace.
The weighty Standard of our best Desires,
The true Sublime, which every breast inspires,
By thee we rise to such a Height of flame,
As neither Thought can reach nor language name,
Such as St Paul himself could hardly know,
Whether he really was alive or no:
When clothed in Raptures lifted up by thee,
He saw by Faith, what none without it see.*

*Just Heaven, that in thy Violence delights,
And easily distinguishes thy Flights
From the thin out-side Warmth of Hypocrites,
Approves, accepts, rewards, and feeds thy Flame,
And gives this glorious witness to thy Fame,
That all our Gifts are hallowed by thy Name.* }

*By thee our Souls on Wings of Joy ascend,
Climb the third heaven, an entrance there demand,
As sure those Gates to thee shall open wide,*

Твоя сила столь велика, а твое воздействие столь благотворно,
что сам рай не переборет тебя.

Узрите, как борющийся ангел уступил в тот день,
когда Иаков творил молитву.

«Оставь меня!» – возопил ангел.

«Нет, я не уйду без дара», – ответила побеждающая вера.

И Небеса уступили! И вера восторжествовала,
и Иаков обрел благословение.

Благословенная, смиренная уверенность дает нам знать,
что мы будем услышаны еще до того, как помолимся.

Безоглядная вера
дарует нам благодать.

Величественный дар! Из какого источника
проистекает этот неземной поток?

О, Небеса, и только Небеса порождают его,
поддерживают огонь веры.

Ни один земной источник не породит такой поток,
нет на земле огня, который породит такое ослепительное пламя.

Божественное творение,
ты затмевашь все дары Небес.

Ты отблеск благодати,
тебя невозможно подделать.

Ты высочайшее из наших дерзновений,
Истинное величие, ты вдохновляешь душу,
благодаря тебе мы объаты таким возвышенным пламенем,
что ни постичь его разумом, ни назвать его словом,
даже святому Павлу это не под силу –
ни живому, ни вознесенному тобой
на Небеса в облачении благодати.

Вера позволяла ему узреть то, что не замечали остальные.

И только Небеса примут гнев его праведный }
и легко отличат этот порыв }
от пустых слов ханжей. }

Но примут и вознаградят твое пламя, }
и во славе воссияешь, }
и все дары освящены будут именем твоим. }

С тобой наши души парят на крыльях радости
и возносятся до третьего неба,
и, несомненно, врата откроются тем,

*As without thee we 're sure to be denied,
No Bars, no Bolts, no flaming Swords appear,
To shock thy confidence, or move thy Fear.*

*To thee the Patent Passage always free,
Peter himself received the Keys from thee;
Or, which we may conceive with much more Ease,
Thou art thyself the Gate, thyself the Keys.*

*Thine was the fiery Chariot, thine the steeds,
That fetched Elijah from Old Jordan's Plains;
Such a long Journey such a Voiture needs,
And thou the steady Coach-man held the Reins.*

*Thine was the wondrous Mantle he threw down,
By which successive Miracles were wrought;
For 'Twas the Prophet's Faith, and not his Gown,
Elisha so importunately sought.*

*Bright Pole-Star of the soul, for ever fix't,
The Mind's sure Guide, when anxious and Perplex't;
When wandering in the abyss of thoughts and Cares,
Where no Way out and no Way in appears;
When Doubt and Horror, the Extremes of Fear,
Surround the Soul, and prompt her to Despair.*

*Thou shin'st aloft, open'st a Gleam of Light,
And show'st all heaven to our Sight;
Thou gild'st the Soul with sudden smiles, and Joy,
And peace, that Hell itself can ne'er destroy.*

If all this be to be said, and all indeed but a Poetical Trifle upon this exalted Subject, What is become of our Negative Christian in all this? There is not a Word of Negative Religion in all the Description of Faith, any more than there is of Faith in all our Negative Religion.

Now let us follow this poor Negative Wretch to his Death-bed, and there having very little other Notion of Religion; for 'tis the Fate of those that trust to their Negatives, to have little else in their Thoughts: If a good Man come to talk with him, if he talks out of that Way, he puts him all into Confusion; for if he cannot swim upon the Bladders of his Negatives, he drowns immediately, or he bouys himself up above your Reproofs, and goes on as before: He is a little like the *Polish* Captain *Uratz*, who was executed for the Murther of Mr. *Thynne*, who, when they talk't to him of Repentance, and of Jesus Christ, said, he was of such and such a Family, and he hop'd God would have some Respect to him as a Gentleman.

кто верой осиян.

Ни решетки, ни засовы, ни пылающие мечи
не поколеблют уверенность твою, не устрашат тебя.

Для тебя врата рая всегда открыты,
Сам Петр получил ключи из рук твоих,
если же сказать прямо,
то ты сама и врата, и ключи от райских врат.

И огненная колесница, и кони,
влекущие Илию с равнин старого Иордана,
были твоими, и без тебя, верного кучера, держащего вожжи,
невозможна была эта долгая дорога.

Твоей была исполненная тайны мантия,
Облачившись в которую, столько чудес сотворил пророк Елисей,
но то была не мантия,
а великая вера.

Ясная непоколебимая полярная звезда души,
ты верный проводник для смятенного разума,
блуждающего в бездне сомнений и забот,
откуда нет выхода.

Когда сомнения и ужас (крайние проявления страха)
окружают душу и повергают в отчаянье,

ты высоко сияешь, отворяя нашему взору
Небеса во свету.

Ты душу обращаешь в золото и наполняешь ее радостью
и покоем, который и сам ад не нарушит⁹⁴.

Если все это можно сказать о вере – и это действительно лишь незначительная поэтическая вольность на такую возвышенную тему – что же станет при этом с нашим лицемерным христианином? Во всем описании веры нет ни слова о подобного рода религиозности, так же как нет ни капли [подлинной] веры в показной религиозности.

Теперь давайте проследим за этим беднягой-лицемером до его смертного одра; он и там будет иметь очень мало представлений о [подлинной] вере – ибо такова судьба тех, кто думает только о внешнем и ни о чем другом; если с ним придет поговорить добрый человек об истинной вере, то это приведет его в замешательство; ибо если он не сможет пребывать в шорах своей исключительности, то немедленно утонет или, возможно, поднимется над вашими упреками и продолжит думать, как прежде. Он слегка похож на польского капитана Ураца, казненного за убийство мистера Тинна, который, когда с ним говорили о покаянии

But what must a poor Minister do who being fill'd with better Principles, prays for this vain glorious Man? Must he say, Lord accept this good Man, for he has been no Drunkard, no Swearer, no debauch'd Person; he has been a just, a charitable Man, has done a great deal of Good among his Neighbours, and never wilfully wrong'd any man; he has not been so wicked as it is the Custom of the Times to be; nor has he shewn bad Examples to others; Lord be merciful to this excellent good Man?

No, no, the poor sincere Minister knows better things; and if he prays with him, he turns him quite inside-out, represents him as a poor mistaken Creature, who now sees, that he is nothing, and as nothing in himself, but casts himself entirely, as a miserable lost Sinner, into the Arms of a most merciful Saviour, praying to be accepted on the Merits of Jesus Christ, and no other; so that there's all his Negative Bottom unravell'd at once; and if this is not his Case, it must be worse.

и Иисусе Христе, сообщил, что он из такой-то [благородной] семьи, и надеялся, что Бог отнесется к нему как к джентльмену с особым уважением⁹⁵.

Но что должен сделать бедняга-священник, представления которого о праведной жизни более определены и который молится за этого тщеславного человека? Должен ли он сказать: «Господи, прими этого доброго человека, ибо он не был ни пьяницей, ни богохульником, ни развратником; он был праведным, милосердным человеком, сделал много доброго для своих ближних и никогда умышленно никому не причинял вреда; он не был таким злым, как было принято в то время, и не показывал дурных примеров другим; Господи, будь милостив к этому прекрасному доброму человеку?»

Нет-нет, бедняга священник искренен в своей молитве; и если он молится вместе с ним, то выворачивает лицемера наизнанку, представляет его жалким бедным созданием, сознающим, что [оно] было ничем и ничего не имело за душой, но теперь полностью отдает себя на милость Спасителя как несчастный раскаявшийся грешник, молясь, чтобы быть принятым милостью Иисуса Христа, и никого другого; так, чтобы вся его лицемерная сущность сразу растворилась; и если так не случается, тем хуже для него.

CHAP. V.

Of Listening to the Voice of PROVIDENCE.

WE are naturally backward to inform ourselves of our Duty to our Maker and to ourselves; it is a study we engage in with great Reluctance, and it is but too agreeable to us, when we meet with any difficulty which we think gives us a just occasion to throw off any farther Enquiries of that kind.

Hence I observe the wisest of Men often run into Mistakes about the Things, which speaking of Religion we call *Duty*, taking up slight Notions of them, and believing they understand enough of them; by which they rob themselves of the Advantage, as well as Comfort of a farther search. Or on the other hand, taking up with the general Knowledge of religious Principles, and the common Duties of a Christian Life, are satisfy'd with knowing what they say is sufficient to carry them to Heaven, without enquiring into those Things which are helpful and assistant to make that strait Path easy and pleasant to themselves; and to make them useful to others by the Way.

Solomon was quite of another Opinion, when he bid us *cry after Knowledge, and lift up our Voice for Understanding; dig for her as for Silver, and search for her as for hid Treasure.* It is certain here that he meant religious Knowledge; and it is explained in the very next Words, with an encouraging Promise to those that shall enter upon the Search. (*viz.*) *Then shalt thou understand the Fear of the LORD, and find the Knowledge of GOD.*

I am of Opinion that it is our unquestioned Duty, to enquire after every Thing in our Journey to the eternal Habitation, which God has permitted us to know, and thus to raise Difficulties in the Way of our just search into divine Discoveries is to act, like *Solomon's Sluggard*, who saith, *There is a Lion without, I shall be slain in the Streets, Prov. XXII.13.* that is, he sits down in his Ignorance repuls'd with imaginary difficulties, without making one Step in the search after the Knowledge, which he ought to *dig for, as for hid Treasure.*

Let us then be encourag'd to our Duty; let us boldly enquire after every Thing that God has permitted us to know; I grant that secret Things belong to God, and I shail labour to keep my due Distance. But I firmly believe, that there are no secret Things belonging to God, and which as such we are forbidden to enquire into, but what also are so preserv'd in Secrecy, that by all our Enquiries we cannot arrive to the Knowledge of them; and it is a most merciful, as well as wise Dispensation, that we are only forbid

ГЛАВА 5

О том, как внимать голосу ПРОВИДЕНИЯ

Но своей природе мы отстали в осознании долга перед нашим Создателем и перед самими собой. Мы весьма неохотно пускаемся в исследование оного и с большим удовлетворением, столкнувшись с какою-либо трудностью, тут же находим праведный повод отбросить любые дальнейшие изыскания такого рода.

Итак, я часто наблюдаю, что даже мудрейшие из людей впадают в заблуждение относительно понятия религиозного долга. Судят о нем поверхностно, но полагают, что понимают его достаточно, лишая себя преимуществ и удовольствия дальнейшего поиска; или, с другой стороны, они примиряются с наиболее общими понятиями о религиозных принципах и обязанностях христианской жизни, довольствуясь тем, чего, по их словам, достаточно, дабы вознести их на Небеса, и не углубляясь в те вопросы, которые помогают сделать этот прямой путь легким и приятным для себя и при этом полезным для других.

Царь Соломон был совершенно иного мнения, когда он повелел нам *призывать знание и взывать к разуму – докопаться до него, как до серебра, искать его, как потаенное сокровище*. Несомненно, он имел в виду именно религиозное знание, и это объясняется в следующих словах, ободряющих тех, кто приступит к поискам: *уразумеешь страх Господень и найдешь познание о БОГЕ*¹.

Я придерживаюсь того мнения, что наш непререкаемый долг – исследовать на пути к вечной обители все, что Господь позволил нам познать, а значит, противиться нашему справедливому поиску Божественных открытий – означает действовать *подобно Соломонову лентяю*, возопившему: *Лев на улице! Посреди площади убьют меня!*² Он закоснел в своем невежестве, воображаемые трудности отталкивают его, он не совершает ни шага в поисках тех знаний, которые должен искать, *как потаенное сокровище*.

Пусть же наше чувство долга вдохновляет нас. Давайте смело исследовать все, что Господь позволит нам знать. Я признаю, что есть тайны, принадлежащие [только] Ему, и я буду стараться держаться на должном расстоянии от них; но я твердо верю, что нет таких тайн, даже принадлежащих Богу, о которых нам было бы запрещено спрашивать и которые хранились бы в таком секрете, что никаким исследованием мы не смогли бы прийти к их познанию. В самом деле,

enquiring after these Things which we cannot know; and that all those Things are effectually lock'd up from our Knowledge, which we are forbidden to enquire into. The Case is better with us, than it was with *Adam*. We have not the Tree of Knowledge first planted in our View, as it were tempting us with its Beauty, and within our Reach, and then a Prohibition upon Pain of Death: But blessed be God, we may eat of all the Trees in the Garden; and all those of which we are not allow'd to take, are plac'd both out of our Sight, and out of our Reach.

I am making Way here to one of the Trees of sacred Knowledge, which tho' it may grow in the thickest of the Wood, and be surrounded with some Briars and Thorns, so as to place it a little out of Sight; yet I hope to prove, that it is our Duty to taste of it: and that the Way to come at it, is both practicable and plain.

But to wave the Allegory, as I am entring into the nicest Search of divine things, that perhaps the whole Scheme of Religion directs us to; 'tis absolutely necessary at our Entrance, *if possible*, to remove every Difficulty, explain every Principle, and lay down every Foundation so undeniably clear, that nothing may appear dark or mysterious in our first Conceptions of things; no Stumbling-block lye at the Threshold, and the humble Reader may meet with no Repulse from his own Apprehensions, of not understanding what he is going to read.

Listening to the Voice of Providence, is my Subject: I am willing to suppose in the first Place, that I am writing to those who acknowledge the two grand Principles upon which all Religion depends. 1. That there is a God, a first great moving Cause of all things, an eternal Power, *Prior*, and consequently Superior to all Power and Being. 2. That this eternal Power, which I call God, is the Creator and Governour of all things, viz. of Heaven and Earth.

To avoid needless Distinctions concerning which of the Persons in the God-head, are exercised in the creating Power, and which in the governing Power. I offer that glorious Text, *Psalm xxxiii. 6.* as a Repulse to all such cavilling Enquiries, where the whole Trinity is plainly entitl'd to the whole creating Work, by the WORD (*God the Son*) of the LORD (*God the Father*) were the Heavens made, and all the Hosts of them, by the BREATH (*God the Holy Ghost*) of his Mouth.

Having thus presupposed the Belief of the Being, and the creating Work of God, and declar'd, that I am writing to such only, who are ready to own, they believe that God is, and that he created the Heaven, and the Earth, the Sea, and all that in them is. I think I need not make any Preamble, to introduce the following Propositions, viz.

1. *That this Eternal God guides by his Providence the whole World, which he has created by his Power.*

2. *That this Providence manifests a particular Care over, and Concern in the governing and directing Man, the best and last created Creature on Earth.*

такой порядок вещей – самый милосердный и самый мудрый, ведь нам не дозволено интересоваться лишь теми вещами, которые мы не можем познать, и именно эти вещи скрыты от нашего знания, непознаваемы по природе своей. У нас дело обстоит лучше, чем у *Адама*. Дерево познания, сначала посаженное в нашем поле зрения, словно бы искушающее нас своей красотой и находящееся в пределах нашей досягаемости, а затем запрещенное под страхом смерти, не соблазняет нас. Напротив, благословен Господь – мы можем вкушать плоды от всех деревьев в саду, и все те, которые нам не разрешено брать, находятся как вне нашего поля зрения, так и вне нашей досягаемости.

Я направляюсь сюда, к одному из деревьев священного знания, которое, хотя и растет в самой гуще леса и окружено колючками и шипами, чтобы как-то защитить его от прямого взгляда, и все же, как я надеюсь доказать далее, наш долг – отведать его плодов, и путь к нему осуществим и прост.

Здесь нужно отказаться от аллегории, поскольку, начиная тот самый прекрасный поиск Божественного знания, к которому, возможно, нас и побуждает сама вера, нам абсолютно необходимо еще на входе, насколько это возможно, устранить все трудности, объяснить каждый принцип и изложить все основы нашего подхода бесспорно ясно, дабы ничто не могло показаться темным или таинственным в наших начальных представлениях об этих вещах – чтобы у порога не лежал камень преткновения и смиренный читатель не испытал бы отвращения от своих собственных опасений не понять того, что он собирается прочитать.

Внимать голосу Провидения – вот предмет моего интереса. Прежде всего я готов предположить, что пишу для тех, кто признает два великих принципа, которыми обусловлена вся религия. 1. Что есть Бог, великая движущая первопричина всего сущего, вечная Власть, предшествующая [всему] и, следовательно, превосходящая всякую власть и бытие. 2. Что эта вечная Власть, которую я называю Богом, есть Творец и Повелитель всего сущего, а именно неба и земли.

Дабы избежать ненужных разногласий относительно того, какие из лиц в Божестве проявляются в своей созидающей ипостаси, а какие – в повелевающей, я предлагаю этот удивительный текст псалма (33:6)³, где вся Троица имеет прямое право на творение как ответ на все придирчивые расспросы: «СЛОВОМ (Бога Сына) ГОСПОДА (Бога Отца) сотворены небеса, и ДУХОМ (Богом Святым Духом) уст его – все воинство их»⁴.

Предполагая таким образом веру в бытие и созидательную работу Бога и заявляя, что я пишу только для тех, кто верует, что Бог существует и что Он создал небо и землю, море и все прочее, что есть в них, я думаю, что мне не нужны дальнейшие вступления, чтобы представить следующие предположения:

1. *Что этот вечный Бог ведет Своим Провидением весь мир, который Он создал Своей властью.*

2. *Что это Провидение проявляет особую заботу и участие в руководстве и направлении на путь истинный человека, лучшего и последнего существа из созданных на земле.*

Natural Religion proves the first, reveal'd Religion proves the last of these beyond Contradiction. *Natural Religion* intimates the Necessity of a Providence guiding and governing the World, from the Consequence of the Wisdom, Justice, Prescience, and Goodness of the Creator.

It would be absurd to conceive of God exerting infinite Power to create a World, and not concerning his Wisdom, which is his Providence, in guiding the Operations of Nature, so as to preserve the Order of his Creation, and the Obedience and Subordination of Consequences and Causes throughout the Course of that Nature, which is in Part the inferior Life of that Creation.

Reveal'd Religion has given such a Light into the Care and Concern of this Providence in an especial Manner, in and over that Part of the Creation call'd *Man*, that we must likewise deny Principles, if we enter into dispute about it.

For him the Peace of the Creation is preserv'd, the Climates made habitable, the Creatures subjected and made nourishing, all vegetative Life made medicinal; so that indeed the whole Creation seems to be entail'd upon him, as an Inheritance, and given to him for a Possession, subjected to his Authority, and governed by him, as Viceroy to the King of all the Earth; the Management of it is given to him as Tenant to the great Proprietor, who is Lord of the Mannor, or Landlord of the Soil And it can not be conceiv'd, without great Inconsistency of Thought, that this World is left entirely to Man's Conduct without the supervising Influence and the secret Direction of the Creator.

This I call *Providence*, to which I give the whole Power of guiding and directing of the Creation, and managing of it, by Man who is his Deputy or Substitute, and even the guiding, influencing, and over-ruling Man himself also.

Let critical Annotators enter into specifick Distinctions of Providence, and its Way of acting, as they please, and as the Formalities of the Schoolmen direct. The short Description I shall give of it is this, That it is that Operation of the Power, Wisdom, Justice, and Goodness of God, by which he influences, governs, and directs, not only the Means, but the Events of all things, which concern us in this World.

I say, it is *that Operation*, let them call it what they will, which acts thus; I am noway concern'd to shew how it acts, or why it acts thus and thus in particular; we are to reverence its Sovereignty, as it is the Finger of God himself, who is the sovereign Director, and we are to observe its Motions, obey its Dictates, and *listen to its Voice*, as it is, and because it is particularly employ'd for our Advantage.

It would be a very proper and useful Observation here, and might take up much of this Work, to illustrate the Goodness of Providence, in that it is, as *I say*, particularly employ'd for the Advantage of Mankind: But, as this is not the main Design, and will come in naturally in every Part of the Work I am upon, I refer it to the common Inferences, which are to be drawn from the Particulars, as I go on.

Естественная религия доказывает первое, а богооткровенная вера – последнее без какого-либо противоречия. *Естественная религия* прямо-таки намекает на необходимость Провидения, управляющего и повелевающего миром исходя из мудрости, справедливости, предвидения и благости Творца⁵.

Было бы абсурдно представлять себе Бога, обладающего бесконечной властью для создания мира, но не озаботившегося в Своей мудрости, то есть Своем Провидении, руководством действиями природы, дабы сохранить порядок Своего творения, а также утвердить порядок и соподчинение следствий и причин во всей природе, которая представляет собой часть видимой жизни этого творения.

Религия Откровения пролила такой несомненный свет на заботу и участие Провидения, особенно в той части творения, что называется человеком, что, споря об этом, мы отрицали бы религиозные принципы.

Для него [человека] сохранились мир творения, климат, ставший пригодным для жизни, обитания и пропитания [Божьих] созданий, всякая естественная жизнь [здесь] становится целительной. Очевидно, что все сотворенное [Всевышним] передано в наследство человеку и дано ему во владение⁶, подчинено его власти и управлению как наместника Царя всей земли. Земля дана ему как арендатору великого Собственника, который является Господином поместья или Владетелем земли. И невозможно представить, не впадая в нелепую непоследовательность, что этот мир был полностью предоставлен во владение человека⁷ без контроля, влияния и тайного руководства Творца.

Это я и называю *Провидением* – по моему мнению, ему предоставлена вся власть создавать творение и направлять его посредством человека, который является Его заместителем или наместником, который сам остается под надзором и управлением Провидения.

Пусть придирчивые толкователи изучают конкретные отличия Провидения и его образ действий, как им заблагорассудится и как предписывают правила схоластов; краткое описание, которое я дам, состоит в том, что это действие власти, мудрости, справедливости и благости Господа, посредством которого Он повелевает, направляет и руководит не только существованием, но и всеми событиями, что касаются нас в этом мире.

Я говорю, что это то *явление* (пусть называют его как угодно), которое обнаруживается именно таким образом. Я никоим образом не стремлюсь показать, как оно происходит или почему оно происходит именно так или эдак; нам надлежит чтить его верховенство, поскольку это перст Самого Бога, который является Верховным Правителем; и мы должны наблюдать эти проявления, подчиняться этим предписаниям и *внимать этому голосу*⁸, так как существует он исключительно для нашего благополучия.

Наблюдение здесь было бы весьма уместным и полезным, и оно могло бы занять бóльшую часть этой работы как иллюстрирующее благость Провидения, ведь таковое, как я уже отметил выше, существует единственно во благо человечества. Однако, поскольку это не основной замысел моей работы и он будет естественным образом проявляться в каждой части, над которой я тружусь, я отнесу

It is indeed the most rational Foundation of the whole Design before me; 'tis therefore that we should *listen to the Voice of Providence*, because it is principally determin'd, and determines all other things for our Advantage.

But I return to the main Subject, *The Voice of Providence*, the Language or the Meaning of Providence.

Nothing is more frequent, than for us to mistake Providence, even in its most visible Appearances: How easy then must it be, to let its silent Actings, which perhaps are the most pungent and significant, pass our Observations.

I am aware of the Error many fall into, who determining the universal Currency of Events to Providence, and that not the minutest thing occurs in the Course of Life, but by the particular Destination of Heaven, by Consequence entitle Providence to the Efficiency of their own Follies; as if a Person, presuming to smoke his Pipe in a Magazin of GunPowder, should reproach Providence with blowing up the Castle, for which indeed he ought to be hang'd; or a Man leaving his House or Shop open in the Night, should charge Providence with appointing him to be robb'd, and the like: Nay, to carry it farther, every Murtherer or Thief may allege Providence, that determines and directs every thing, directed him to such Wickedness; whereas Providence itself, notwithstanding the Crimes of Men, is actively concern'd in no Evil.

But I pass all these things; the Subject I am treating upon, is of another Nature: The Design here, is to instruct us in some particular things relating to Providence and its Government of Men in the World, which it will be worth our While to observe, without enquiring how far it does or does not act in other Methods.

There is, 'tis true, a Difficulty to shake off all the wry Steps, which People take to amuse themselves about Providence; and for this Reason, I take so much Pains at first to avoid them: Many Men entitle Providence to things, which it is not concern'd about, *speaking abstractedly*; but, *which is a much worse Error*, many also take no Notice of those things, which Providence particularly, and even in a very remarkable Manner, distinguishes it self by *its Concern in*.

If Providence guides the World, and directs the Issues and Events of things, if it commands causes, and forms the Connection of Circumstances in the World, as no Man, that owns the Principles mentioned above, will deny: And above all, if the general Scope of Providence, and of the Government of the World by its Influence, be for our Advantage; then it follows necessarily, that it is our Business, and our Interest, *to listen to its Voice*.

By Listning to the Voice of Providence, I mean, to study its Meaning in every Circumstance of Life, in every Event; to learn to understand the End and Design of Providence in every thing that happens, what is the Design of Providence in it, respecting our selves, and what our Duty to do upon the particular Occasion that offers. If a Man were in Danger of drowning in a shipwreck'd Vessel, and Providence

его к общим выводам, которые по мере продолжения можно будет сделать из конкретных примеров, приводимых мною.

Провидение – действительно самая рациональная основа всего замысла, стоящего передо мной; поэтому мы должны *прислушиваться к голосу Провидения*, ведь оно принципиально определяло и определяет все остальные явления во благо нам.

Но я возвращаюсь к главному – *голосу Провидения*, языку или его смыслу.

Слишком часто мы заблуждаемся по поводу Провидения даже в его самых явных проявлениях. Мы легко позволяем его безмолвным знакам, которые, возможно, и являются самыми очевидными и важными из всех, пройти мимо нашего взора.

Я знаю, в какое заблуждение впадают многие, когда приписывают значение всех событий Провидению и считают, что в течение жизни ни одно мельчайшее событие не происходит без особого предназначения Небес, вследствие чего возлагают на Провидение ответственность за свои собственные глупости, как если бы человек, решивший выкурить трубку в пороховом погребе, упрекал Провидение в том, что оно взорвало замок, за что его и вправду следовало бы повесить. Или человек, оставляющий свой дом или магазин открытым ночью, обвинял бы Провидение в том, что его ограбили, и так далее. Более того, каждый убийца или вор может заявить, что Провидение, которое все определяет и наставляет, направило его на такой скверный поступок, тогда как само Провидение, несмотря на преступления людей, решительно непричастно ко злу.

Но все это я пропускаю. Предмет, который я рассматриваю, имеет другую природу. Цель здесь состоит в том, чтобы научить нас некоторым конкретным вещам, относящимся к Провидению и его управлению людьми в мире, за которыми стоит понаблюдать, не задаваясь вопросом, в какой степени оно действует или не действует теми или иными способами.

Действительно, трудно избавиться от всех неверных предположений, которые люди допускают в размышлениях о Провидении. Дабы избежать таковых, я и прилагаю столько усилий. Многие люди приписывают Провидению то, о чем оно, *говоря отвлеченно*, не заботится; но *гораздо худшая ошибка* – когда люди не обращают внимания на те события, в которых Провидение особенно и даже очень примечательным образом *проявляет свою заботу*.

Если Провидение руководит миром и направляет бытие и исход всего сущего, если оно управляет причинами и формирует связь обстоятельств в мире, чего не станет отрицать ни один человек, разделяющий вышеупомянутые принципы устройства [мира], и прежде всего если общая суть Провидения и влияние его промысла на мир существуют нам во благо, из этого неизбежно следует, что в наших интересах *внимать его голосу*.

Внимать голосу Провидения – я имею в виду изучать его значение во всех обстоятельствах жизни, в каждом событии; научиться понимать цель и замысел Провидения во всем, что происходит; видеть замысел Провидения в отношении нас самих и понимать, как наш долг велит поступать в каждом конкретном случае. Если бы человеку угрожала опасность утонуть на потерпевшем

presented a Boat coming towards him, he would scarce want to be told, that it was his Business to make Signals of Distress, that the People in the said Boat might not pass by ignorant of his Condition, and give him no Assistance; if he did, and omitted it, he would have little Cause to concern Providence in his Ruine.

There is certainly a Rebellion against Providence, which Heaven itself will not always concern itself to over-rule; and he that throws himself into a River to drown himself, he that hangs himself up to a Beam, he that shoots himself into the head with a Pistol, shall die in Spite of all the Notions of Decree, Destiny, Fate, or what ever we weakly call Providence; in such Cases, Providence will not always concern itself to prevent it; and yet 'tis no Impeachment of the Sovereignty of Heaven, in directing, decreeing, and governing all Events in the World.

Providence decrees, that Events shall attend upon Causes in a direct Chain, and by an evident Necessity, and has doubtless left many Powers of Good and Evil, seemingly to our selves, and, as it were, in our Hands, as the natural Product of such Causes and Consequences, which we are not to limit, and cannot expressly determine about, but which we are accountable for the good or evil Application of; otherwise we were in vain exhorted and commanded to do any good thing, or to avoid any wicked one: Rewards and Punishments would be incongruous with sovereign Justice; and Promises, and Threatnings, be perfectly unmeaning useless things, Mankind being no free Agent to himself, or entrusted with the necessary Powers, which those Promises and Threatnings imply.

But all these things are out of my present Enquiry; I am for freely and entirely submitting all Events to Providence; but not to be supinely and unconcernedly passive, as if there was nothing warning, instructing, or directing in the Premonitions of God's Providence; and which he expected we should take Notice of, and take Warning by. *The prudent Man foreseeeth the Evil, and hideth himself*: How does he foresee it, since 'tis not in Man to direct himself? There are Intimations given us, by which a prudent Man may sometimes foresee Evil, and hide himself; and I must take these all out of the Devil's Hands, if possible, and place Providence at the Head of the invisible World, as well as at the Helm of this World; and tho' I abhor superstitious and sceptical Notions of the World of Spirits, of which I purpose to speak hereafter, either in this Work, or in some other by itself; I say, tho' I am not at all a Sceptick, yet I cannot doubt, but that the invisible Hand of Providence, which guides and governs this World, does with a secret Power likewise influence the World, and may, and I believe does, direct from thence silent Messengers on many Occasions, whether sleeping or waking, whether directly or indirectly, whether by Hints, Impulses, Allegories, Mysteries, or otherwise, we know not; and does think fit to give us such Alarms, such previous and particular Knowledge of things, that if listen'd to, might many Ways be useful to the prudent Man to foresee the Evil, and hide himself.

кораблекрушение судне и Провидение даровало бы ему приближающуюся лодку, вряд ли нужно было бы напоминать ему, что ему необходимо подавать сигналы бедствия, чтобы люди в упомянутой лодке не проплыли мимо, не узнав о его состоянии, и не оказали бы ему помощи; если бы он не сделал этого и пропустил бы лодку, у него было бы мало причин обвинять Провидение в своей гибели.

Несомненно, человек иногда бунтует против Провидения, и само Небо не всегда стремится вмешаться в этот бунт; и тот, кто бросается в реку, чтобы утопиться, тот, кто вешается на балке, тот, кто стреляет себе в голову из пистолета, умрет вопреки всем понятиям о предопределении, уделе, судьбе или как мы там еще блекло называем Провидение; в таких случаях Провидение не всегда будет заботиться о том, чтобы предотвратить это; и, тем не менее, это не умаляет верховную власть Небес в руководстве, определении и управлении всеми событиями в мире.

Провидение предопределяет, что события проистекают прямо из определенных причин и с очевидной необходимостью; и оно, несомненно, оставило в наших руках [возможность] проявления как добра, так и зла, казалось бы, как естественный результат таких причин и [вытекающих из них] последствий, которые мы уже не можем остановить и даже четко определить, но которые мы можем объяснить проявлением добра или зла [с нашей стороны]; в противном случае тщетно было бы призывать нас или повелевать нам совершать добро и избегать зла. Награды и наказания были бы несовместимы с верховной справедливостью, а обещания и угрозы были бы совершенно бессмысленными и бесполезными, поскольку человечество не является свободным по отношению к самому себе и не наделено необходимой властью, которую подразумевают эти обещания и угрозы.

Но все это выходит за рамки моего нынешнего исследования. Я за то, чтобы свободно и всецело приписывать все события Провидению, но не быть вяло и беззаботно пассивными, словно в проявлениях Божьего Провидения ничего не предупреждало нас, не наставляло на путь истинный и не направляло. Ведь Он ожидал от нас, что мы должны были обратить на эти знаки внимание и принять Его предупреждение. *Благоразумный видит беду и укрывается*⁹. Как же он предвидит беду, если человеку несвойственно управлять собой¹⁰? Нам дарованы откровения, с помощью которых благоразумный человек может иногда предвидеть зло и укрыться [от него]. И я должен по возможности вырвать их [кого?] из рук дьявола и поставить Провидение во главе невидимого мира, а также у кормила этого мира; и хотя я ненавижу суеверные и скептические представления о мире духов, о которых я намерен особо говорить в дальнейшем в этой работе или в какой-то другой, я утверждаю (пусть я вовсе не скептик, но в этом не сомневаюсь), что невидимая рука Провидения, которая управляет этим миром, с помощью тайной власти влияет на наш мир и может – и я верю, что во многих случаях так и делает – направлять нам оттуда безмолвных вестников – во сне или наяву, прямо или косвенно, намеками, импульсами, аллегориями, мистически или иным образом, мы не знаем, и считает нужным послать нам такие предупреждения, предварительные намеки и конкретные знания, которые, если бы мы к ним прислушивались, могли бы быть полезны благоразумному человеку, чтобы тот мог предвидеть беду и укрыться.

The only Objection, and which I can see no Method to give a Reason for, and no Answer to, is, Why, if it be the Work of Providence, those things should be so imperfect, so broken, so irregular, that Men may either never be able to pass any right Judgment of them, as is sometimes the Case, or make a perfect Judgment of them, which is often the Case, and so the End of the Intimation be entirely defeated, without any Fault, Neglect, or Omission of the Man.

This we can no more account for, than we can for the Hand-writing upon the Wall at the great Feast of *Belshazzar*, viz. why it was written in a Character, which none could understand; and which, if the Prophet had not been found, had perhaps never been known, or at least, not till the King's Fate, which was even then irretrievable, had been over.

This, indeed, we cannot account for, and can only say, 'tis our Duty to study these things, to listen to the Voice of them, and obey their secret Dictates, as far as Reason directs, without an over superstitious Regard to them, any more than a total Neglect, leaving the Reason of Providence's acting thus, to be better understood hereafter.

But to describe a little what I mean by Listening to the Voice of Providence; it is the Reverse of the supine stupid Man, whose Character I shall come to by and by. The Man I would recommend, lives first in a general Belief, that Providence has the supreme Direction of all his Affairs, even of his in particular, as well as those of the World; that 'tis his Mercy that it is so, that 'tis the Effect of an infinitely wise and gracious Disposition from above, that he subsists; and that 'tis not below the Dignity any more than 'tis remote from the Power of an infinite, wise, and good Being, to take Cognizance of the least thing concerning him.

This in the Consequence obliges him to all I say, for to him who firmly believes, that Providence stoops to concern itself for him, and to order the least Article of his Affairs, it necessarily follows, that he should concern himself in every thing that Providence does, *which comes within his Reach*, that he may know whether he be interested in it or no.

If he neglects this, he neglects himself; he abandons all Concern about himself, since he does not know, but that the very next particular Act of Providence, which comes within his Reach to distinguish, may be interested in him, and he in it.

It is not for me to dictate here to any Man, what particular things, relating to him, Providence is concern'd in, or what not; or how far any Incident of Life is or is not the particular Act and Deed of the Government of Providence: But as it is the receiv'd Opinion of every good Man, that nothing befalls us without the active or passive Concern of Providence in it; so it is impossible this good Man can be unconcern'd in whatever that Providence determines concerning him.

Единственное возражение, на которое я не вижу способа ответить и дать [своему ответу] обоснование, состоит в том, почему, если это дело рук Провидения, эти безмолвные вестники должны быть столь несовершенны, столь переменчивы, столь нелогичны, что люди никогда не смогут, как это иногда бывает, вынести о них правильное суждение, или, что происходит часто, [все-таки] вынести правильное суждение о них, и таким образом указанная цель будет полностью достигнута без какой-либо ошибки, небрежности или упущения.

Мы можем это объяснить не больше, чем письменна на стене во время великого пиршества *Валтасара*¹¹, а именно: почему там был начертан символ, который никто не мог понять и который, если бы пророк не объявился, возможно, не был бы прочитан никогда или, по крайней мере, до тех пор, пока судьба царя, которая уже тогда была предрешена, не свершилась.

Этого мы на самом деле не можем объяснить и можем лишь сказать, что наш долг – изучать эти вещи, внимать их голосу и подчиняться их тайным повелениям, насколько позволяет разум, без чрезмерно суеверного отношения к ним, но и не пренебрегая ими, оставляя [в стороне] причину действия Провидения, дабы лучше понять ее в будущем.

Но для того чтобы пояснить, что я имею в виду под необходимостью прислушиваться к голосу Провидения, [следует] описать персонажа, противоположного глупому ленивому человеку, и его характер я шаг за шагом обрисую. Человек, которого я имею в виду, живет, во-первых, в общепринятом убеждении, что Провидение руководит всеми его делами, даже в мелочах, а также делами всего мира; что это дарованная ему [свыше] милость – что он существует благодаря бесконечно мудрому и милосердному промыслу свыше, и милость эта ни в коем случае не ниже достоинства, но всегда во власти бесконечно мудрого и доброго Существа, заботящегося даже о самой ничтожной вещи, его касающейся.

Это, как следствие, обязывает его ко всему, о чем я здесь говорю; ибо тому, кто твердо верит, что Провидение снизойдет до заботы о нем и упорядочит даже малейшие его дела, обязательно следует внимать всему, что Провидение свершает в *пределах его [человека] досягаемости*, дабы он мог понять, касается ли его это или нет.

Если он пренебрегает этим, он пренебрегает собой – [значит,] он оставляет всякую заботу о себе, поскольку он не знает ничего, кроме того, что следующее конкретное деяние Провидения, которое он сможет отличить, может быть полезно ему лично, и наоборот.

Не мне указывать здесь кому бы то ни было, в каких конкретных событиях, касающихся его, участвует Провидение, а в каких – нет, или в какой степени любое жизненное событие является или не является конкретным действием и промыслом власти Провидения. Но так как общепринятое мнение каждого доброго человека состоит в том, что с нами ничего не случается без активного или пассивного участия в этом Провидения, то невозможно, чтобы этот добрый человек был равнодушен ко всему, что Провидение определяет в отношении него.

If it be true, as our Saviour himself says, *That not a Hair falls from our Heads without the Will of our heavenly Father*, then not a Hair ought to fall from our Heads, without our having our Eyes up to our heavenly Father in it.

I take the Text in its due Latitude, namely, that not the minutest Incident of Life, befalls us without the active Will of our Father directing it, or the passive Will of our Father suffering it, so I take the Deduction from it in the same Latitude; that nothing of how mean a Nature soever can befall us, but we ought to have our Eyes up to our heavenly Father in it, be resign'd to him in the Event, and subjected to him in the Means; and he that neglects this, lives in Contempt of Providence, and that in the most provoking Manner possible.

I am not answerable for any Extremes these Things may lead weak People into; I know some are apt to entitle the Hand of God, to the common and most ridiculous Trifles in Nature; as a religious Creature, I knew, seeing a Bottle of Beer being over ripe burst out, the Cork fly up against the Ceiling, and the Froth follow it like an Engin, cried out, *O! the Wonders of Omnipotent Power*: But I am representing, how a Christian with an awful Regard to the Government of Providence in the World, and particularly in all his own Affairs, subjects his Mind to a constant Obedience to the Dictates of that Providence, gives an humble Preference to it in all his Conclusions, waits the Issues of it with a chearful Resignation; and in a Word listens carefully to the Voice of Providence, that he may be always obedient to the heavenly Vision.

Whether this divine Emanation has any Concern in the Notices, Omens, Dreams, Voices, Hints, Forebodings, Impulses, &c. which seem to be a kind of Communication with the invisible World, and a Converse between the Spirits embodied and those unembodied, and how far without Prejudice to the Honour and our Reverence of Providence, and without Danger of Scepticism, and a kind of radicated Infidelity, those Things may be regarded, is a nice and difficult Thing to resolve, and I shall treat of it by it self.

It has been the Opinion of good Men of all Ages, to say how far they are to be depended upon, that such Things are not to be totally disregarded, I am not to take upon me, How far they may or may not be concerned in the Influence of Providence, I also dare not say: But as the Verity of Astronomy is evidenced by the Calculation of Eclipses, so the Certainty of this Communication of Spirits is established by the Concurrence of Events with the Notices they sometimes give; and if it be true, as I must believe, that the Divine Providence takes Cognisance of all Things belonging to us, I dare not exclude it from having some Concern, *how much I do not say*, in these Things also: But of this in its Place.

Whenever Providence discovers any thing of this *Arcanum*, I desire to listen to the Voice of it; and this is one of the Things I recommend to others: Indeed I would be very cautious, how I listen to any other Voices from that Country, than such as I am sure are conveyed to me from Heaven for my better understanding the whole Mystery.

Если истинно то, что, как говорит наш Спаситель, *ни единый волос не упадет с нашей головы без воли Отца нашего небесного*¹², то и не должен упасть ни единый волос с наших голов, пока очи наши обращены к Отцу нашему небесному.

Я беру это высказывание в широком смысле, а именно – ни одно [даже] малейшее происшествие в нашей жизни не случается без активной воли нашего Отца, направляющей его, или без пассивной воли нашего Отца, приносящей страдания; поэтому и вывод мой столь же широк: что бы с нами ни происходило, даже самое плохое, – во всем этом мы должны обратить взоры к нашему Отцу небесному, в смирении принимать это Его испытание и подчиняться Ему в этой ситуации; тот же, кто пренебрегает этим, живет в презрении к Провидению самым прискорбным образом.

Я не отвечаю за те крайности, к которым такие знаки могут привести слабых людей; я знаю, что некоторые склонны приписывать Божий промысел самым обычным и самым нелепым мелочам в природе; как, [например,] тот верующий человек, которого я знавал и который, увидев, как бутылка перебродившего пива взорвалась, пробка взлетела к потолку, а пена последовала за ней, разлетаясь [во все стороны], воскликнул: *О, чудеса всевластных Небес!* Но я представляю, как христианин, с благоговейным почтением относящийся к промыслу Провидения даже во всех своих личных делах, подчиняет свой ум велениям этого Провидения, отдает ему смиренное предпочтение во всем, с радостной покорностью ожидает их исхода – словом, внимает голосу Провидения, чтобы всегда быть послушным небесному видению.

Имеет ли это божественное проявление какое-либо отношение к предсказаниям, предзнаменованиям, снам, голосам, намекам, предчувствиям, импульсам и т. д., которые, по-видимому, являются своего рода способом сообщения с невидимым миром и взаимодействия между воплощенными и бестелесными духами, и насколько далеко можно зайти в этих вопросах без ущерба для чести и нашего уважения к Провидению и без опасности впасть в скептицизм и радикальное неверие; насколько важным и трудным для разрешения является этот вопрос, я рассмотрю особо.

Добрые люди всех времен придерживались мнения, что такими вещами совсем пренебрегать нельзя; оценивать, насколько на них можно положиться, я не берусь. Насколько они могут быть или не быть связаны с влиянием Провидения, я также не осмеливаюсь предполагать. Но как истинность астрономии подтверждается вычислением затмений¹³, так и достоверность этого общения духов устанавливается совпадением событий со знаменами, которые они иногда являют; и если, как я должен верить, верно то, что Божественное Провидение принимает во внимание все, что нам присуще, *то не смею исключать*, что оно имеет некоторое отношение (не могу сказать, какое) и к этим вещам.

Всякий раз, когда Провидение открывает что-либо из *этой тайной сферы*, я желаю внимать его голосу, и это одна из тех вещей, которые я рекомендую другим. В сущности, я был бы очень осторожен в том, чтобы внимать любым иным голосам с той стороны, кроме тех, которые, я уверен, даны мне свыше для лучшего понимания всей тайны.

If then we are to listen to the Voice of Nature, and to the Voices of Creatures, viz. to the Voice of the invisible Agents of the World of Spirits as above, much more are we to listen to the Voice of God.

I have already hinted that he that made the World, *we are sure guides it*, and his Providence is equally wonderful as his Power: But nothing in the whole Course of his Providence is more worthy our Regard, especially as it concerns us his Creatures, than the silent Voice, *if it may be allowed me to call it so*, of his managing Events and Causes; he that listens to the Providence of God, listens to the Voice of God, as he is seen in the Wonders of his Government, and as he is seen in the Wonders of his Omnipotence.

If then the Events of Things are his, as well as the Causes, it is certainly well worth our Notice, when the Sympathy or Relation between Events of Things and their Causes, most eminently appears; and how can any Man, who has the least Inclination to observe what is remarkable in the World, shut his Eyes to the visible Discovery, which there is in the Events of Providence, of a supreme Hand guiding them; for Example, when visible Punishments follow visible Crimes, who can refrain confessing the apparent Direction of supreme Justice? When Concurrence of Circumstances directs to the Cause, Men that take no Notice of such remarkable Pointings of Providence, openly contemn Heaven, and frequently stand in the Light of their own Advantages.

The Concurrence of Events, is a Light to their Causes, and the Methods of Heaven in some Things, are a happy Guide to us to make a Judgment in others; he that is deaf to these Things, shuts his Ears to Instruction, and like *Solomon's Fool*, hates *Knowledge*.

The Dispositions of Heaven to approve or condemn our Actions, are many of them discovered by Observation; and 'tis easy to know, when that Hand of Providence opens the Door for, or shuts it against our Measures, if we will bring Causes together, and compare former Things with present, making our Judgment by the ordinary Rules of Heaven's dealing with Men.

How, and from what Hand come the frequent Instances of severe Judgment, following rash and hellish Imprecations? when Men call for God's Judgment; and Providence, or Justice, rather obeys the Summons and comes at their call: A Man calls God to Witness to an Untruth, and wishes himself struck dumb, blind, or dead if it is not true; and is struck dumb, blind, or dead; is not this a Voice, does not Heaven with the Stroke, cry *Castigo te, Be it to thee as thou hast said*: He must be deaf who cannot hear it, and worse than deaf that does not heed it; such Executions from Heaven are *in Terrorem*, as Offenders among Men are punished as well for Example to others, as to prevent their doing the like again.

Innumerable Ways the merciful Disposition of Providence takes to discover to us, what he expects we should do in difficult Cases, and doubtless then, it expects at the same Time we should take Notice of those Directions.

Итак, если мы должны внимать голосу природы и голосам созданий, то есть голосу невидимых поверенных мира духов, как указано выше, то тем более мы должны внимать гласу Бога.

Я уже давал понять, что Тот, Кто, как мы уверены, сотворил мир и руководит им, и Его Провидение так же чудесны, как и Его власть. Но ничто из всех проявлений этого не заслуживает нашего внимания более, особенно в том, что касается нас самих, Его созданий, чем безмолвный голос, *если мне будет позволено так его назвать*, Его руководства событиями и причинами. Внимающий промыслу Божию внимает гласу Божию, [видя,] как Он проявляется в чудесах Его промысла и как Он проявляется в чудесах Его всемогущества.

Если же [все] события мира, так же как и [все] причины, принадлежат Ему, то, безусловно, стоит обратить наше внимание на то, когда эти связи и отношения проявляются наиболее отчетливо; и тогда как может человек, имеющий столь малую склонность наблюдать за тем, что [так] примечательно в мире, закрывать глаза на очевидное присутствие верховной Десницы, проявляющейся в знаках Провидения и направляющей его? Например, когда зримые наказания следуют за зримыми преступлениями, кто может удержаться от признания бесспорного свершения высшей справедливости? Когда стечение обстоятельств указывает на причину, люди, которые не обращают внимания на такие примечательные указания Провидения, открыто презирают Небеса, и часто их [чувство] собственного превосходства затмевает [их] свет.

Согласованность событий проливает свет на их причины, а вмешательство Небес, замеченное нами при некоторых обстоятельствах, может стать счастливым руководством в наших суждениях в других [ситуациях]. Тот, кто глух к таким вещам, словно закрывает уши для наставлений и, подобно *Соломонову* глупцу, ненавидит знание¹⁴.

Способность Неба одобрять или осуждать наши действия во многих случаях обнаруживается путем наблюдения. И легко узнать, когда эта рука Провидения открывает или закрывает дверь нашим действиям, если мы сопоставим причины и сравним прежнее положение вещей с настоящим, вынося свое суждение согласно обычным правилам обращения Небес с людьми.

Как и с какой стороны происходят частые случаи сурового суда после опрометчивых адских проклятий, когда люди взывают к Божьему суду¹⁵, и Провидение, или скорее правосудие, повинуются этому призыву и приходит по их зову? Человек призывает Бога в свидетели неправды, заклиная его: «Пусть я онемею, ослепну или умру на месте, если это неправда», – и он тут же лишается дара речи, слепнет или умирает. Разве же это не голос? Разве Небеса, ударив, не восклицают тем самым: «*Castigo te!*»¹⁶ – *пусть тебе воздастся по словам твоим!* Тот, кто не слышит этого, должен быть глух, а тот, кто не обращает на это внимания, хуже глухого; такие казни с Небес совершаются *in terrorem*¹⁷, так как преступников наказывают в пример другим и дабы они не повторили подобное снова.

Бесчисленными способами милосердное Провидение показывает нам, чего оно ожидает от наших действий в трудных ситуациях; и, несомненно, оно рассчитывает, что мы одновременно с этим обратим внимание на эти указания.

We are short-sighted Creatures at best, and can see but a little Way before us, I mean as to the Events of Things; we ought therefore to make use of all the Lights and Helps we can get; these if nicely regarded, would be some of the most considerable to guide us in many difficult Cases.

Would we carefully listen to the Concurrence of Providence, in the several Parts of our Lives, we should stand in less need of the more dangerous Helps of Visions, Dreams, and Voices, from less certain Intelligences.

A Gentleman of my Acquaintance, being to go a Journey into the North, was twice taken very ill the Day he had appointed to begin his Journey, and so was oblig'd to put off going; this he took for a Direction from Heaven, that he should not go at all; and in very few Days after, his Wife was taken sick and died, which made it absolutely necessary for him, to be at Home, to look after his Affairs, and had he gone away before, must certainly have been obliged to come back again.

The *Romans* had certainly the Foundation of this Principle, in their prudent Observation of Days and Circumstances of Days; nor is Scripture it self void of the like, but rather points out to the Observation, particularly that of the Children of Israel, who after 430 Years were expired from their coming into *Egypt*, *Even in the self-same Day departed they thence*, Exod. 12, 41, 42. This is the Day, that remarkable Day, several other Scriptures mention periodical Times, *dies Infaustus*, the Prudent shall keep Silence in that Time; for it is *an evil Time*.

We find Providence stoops to restrain not the Actions of Men only, but even its own Actions to Days and Times; doubtless for our Observation, and in some Things for our Instruction; I do not so much refer to the Revolutions of Things and Families on particular Days, which are therefore by some People called lucky and unlucky Days, as I do to the observing, how Providence causes the Revolutions of Days, to form a Concurrence between the Actions of Men, which it does not approve or does approve, and the Reward of these Actions in this World; by which Men may if they think fit to distinguish, and observe right upon them, see the Crime or Merit of those Actions in the divine Resentment, may read the Sin in the Punishment, and may learn Conviction from the Revolution of Circumstances in the Appointment of Heaven.

I have seen several Collections of such Things made by private Hands, some relating to Family Circumstances, some to Public; also in the unnatural Wars in *England*, between the King and the Parliament, I have heard many such things have been observ'd: For Example, the same Day of the Year and Month, that Sir *John Hotham* kept out *Hull* against King *Charles* the 1st, and refused him Entrance, was the same Sir *John Hotham* put to Death, by the very Parliament that he did that Exploit for; that King *Charles* himself was sentenced to die, by the high Court of Justice, as it was then

Мы в лучшем случае близорукие существа и можем заглядывать вперед лишь немного – я имею в виду то, что касается событий в мире. Поэтому мы должны использовать все озарения и подсказки, какие только можем получить; они при правильном рассмотрении были бы одними из наиважнейших, дабы направлять нас во многих трудных случаях.

Если бы мы со всей сосредоточенностью внимали совпадениям знаков Провидения в разных сферах нашей жизни, мы бы меньше нуждались в более рискованных видениях, снах и голосах – [гораздо] менее надежных источников.

Один мой знакомый джентльмен, собиравшийся отправиться в путешествие на север, дважды сильно заболел в те дни, что были назначены для начала путешествия, и поэтому был вынужден отложить поездку. Он принял сие за указание с Небес на то, что ему вообще не следует отправляться [в путешествие]; и всего несколько дней спустя его жена заболела и умерла, что заставило его быть дома, чтобы уладить свои дела; и если бы он отправился раньше, он непременно должен был бы вернуться.

Римляне, безусловно, опирались на этот принцип в своих разумных наблюдениях за подсчетом дней и их обстоятельствами, и Писание само по себе не лишено подобного, обращая внимание на [такого рода] наблюдения; в частности, это касается [сообщения о] детях Израиля, вернувшихся назад после исхода в Египет через 430 лет: *в этот [же] самый день вышло все ополчение Господне из земли Египетской ночью* (Исх. 12 : 41). Таков тот день, тот замечательный день. В некоторых других [библейских] писаниях упоминаются периодически повторяющиеся времена, *dies infaustus*¹⁸. Благоразумные должны в этот день хранить молчание, ибо это *скверное время*¹⁹.

Мы находим, что Провидение снисходительно ограничивает не только деяния людей, но даже свои собственные действия [определенными] днями и периодами времени; несомненно, это сделано для того, чтобы обратить на это наше внимание, а иногда – для наставления нас. Я имею в виду не столько круговорот вещей в определенные дни, которые, согласно этому, некоторые называют счастливыми и несчастными днями, сколько наблюдение за тем, как Провидение заставляяет колдовращение [счастливых и несчастных] дней совпадать с конкретными поступками людей²⁰, которые оно не одобряет или одобряет, и служить наградой за эти поступки в этом мире, с помощью которой люди, если они сочтут нужным замечать их и наблюдать за ними, могут увидеть свои преступления или заслуги в Божественном негодовании, могут прочесть грех в наказании и усвоить то, что смена их жизненных обстоятельств назначена Небесами.

Я видел много совпадений таких знаков Провидения в частной жизни, одни из них относились к родовым случаям, другие – к общественным. Кроме того, я слышал, что в чудовищных войнах, [происходивших] в Англии между королем и парламентом, наблюдалось много подобных совпадений. Например, в один и тот же день и месяц года, когда сэр Джон Хотэм²¹ держал осаду Халла против короля Карла I, отказав ему во въезде в город, тот самый сэр Джон Хотэм был казнен тем же парламентом, ради которого он и совершил этот подвиг. А сам король

called, the same Day of the Month, that he sign'd the Warrant for the Execution of the Earl of *Strafford*, which as it was then said by some of his Friends, was cutting off his own Right-hand. The same Day that King James the 2d came to the Crown against the design of the Bill of Exclusion, the same Day he was voted Abdicated by Parliament, and the Throne fill'd with the Prince of Orange and his Princess.

These, or such as these, seem to be a kind of silent Sentence of Providence upon such Actions, animadverting upon them in a judicial Manner, and intimating plainly, that the Animadversion had a retrospect to what was passed, and those that listen to the Voice of Providence in such Things, should at least lay them up in their Hearts.

Eminent Deliverances in sudden Dangers are of the most significant kind of Providences, and which accordingly have a loud Voice in them, calling upon us to be thankful, to that blessed Hand, that has been pleased to spare and protect us. The Voice of such signal Deliverances, is frequently a just Call upon us to Repentance and looks directly that Way; often 'tis a Caution against falling into the like Dangers we were exposed to, from which nothing but so much Goodness could deliver us again. In how many Occasions of Life, if God's Providence had no greater Share in our Safety than our own Prudence, should we plunge and precipitate our selves into all manner of Misery and Distress? and how often for want of listening to those Providences do we miscarry?

Innumerable Instances present themselves to us every Day, in which the Providence of God speaks to us, in Things relating to ourselves; in Deliverances to excite our Thankfulness, in Views of Dangers to awaken our Caution, and to make us walk wisely and circumspectly in every Step we take; those that are awake to these Things, and have their Ears open to the Voice of them, many Times reap the Benefit of their Instruction by being protected, while those who neglect them, are of the Number of the Simple, who pass on and are punished.

To be utterly careless of ourselves in such Cases, and talk of trusting Providence, is a Lethargy of the worst Nature; for as we are to trust Providence with our Estates, but to use at the same Time, all Diligence in our Callings; so we are to trust Providence with our Safety, but with our Eyes open to all its necessary Cautions, Warnings, and Instructions; many of which Providence is pleased to give us in the Course of Life, for the Direction of our Conduct, and which we should ill place to the Account of Providence, without acknowledging that they ought to be regarded, and a due Reverence paid to them upon all Occasions.

I take a general Neglect of these Things, to be a kind of practical Atheism, or at least a living in a kind of Contempt of Heaven, regardless of all that Share, which his invisible Hand has in the Things that befall us.

Карл был приговорен к смерти Верховным судом правосудия²², как его тогда называли, в тот же день и тот же месяц, в которые он подписал приказ о казни графа *Страффорда*²³, тем самым, по словам его друзей, отрубив себе правую руку. В очередную годовщину дня, когда король Яков II вступил на престол вопреки букве Билля об исключении, парламент проголосовал за его отречение, и трон заняли принц Оранский и его супруга²⁴.

Эти или подобные им совпадения, по-видимому, являются своего рода безмолвным приговором Провидения в отношении таких поступков, беспристрастно порицая их и ясно указывая на то, что такое совпадение ретроспективно относится к тому, что было совершено ранее, и те, кто прислушиваются к голосу Провидения, должны, по крайней мере, принимать их близко к сердцу.

Выдающиеся примеры избавления от внезапных опасностей относятся к наиболее значительному виду промысла Провидения и, соответственно, заключают в себе зычный глас, призывающий нас быть благодарными той благословенной Деснице, что соизволила пощадить и защитить нас. Этот глас часто бывает верным призывом к покаянию и направляет прямо к нему; часто [он является] предостережением от подобных опасностей, которым мы подвергались и от которых нас может вновь спасти лишь добродетель. В скольких случаях жизни, если бы Божье Провидение не играло большей роли в нашей безопасности, чем наше собственное благоразумие, могли бы мы обречь себя на всевозможные несчастья и страдания? И как часто из-за того, что мы не внимаем Провидению, мы терпим неудачу?

Каждый день нам представляются бесчисленные примеры того, как Провидение Божие говорит с нами о том, что касается нас же самих: избавлениями – чтобы побуждать нашу благодарность, в опасности – [чтобы] пробудить нашу осторожность и заставить нас на каждом шагу поступать мудро и осмотрительно; те, кто внимательны к этим вещам и чей слух открыт их голосу, многократно пожинают плоды таких наставлений, будучи защищенными, в то время как те, кто пренебрегают ими, принадлежат к числу простаков, которые умирают или подвергаются наказанию²⁵.

Относиться к себе совершенно беспечно в таких случаях и говорить о доверии Провидению – это летаргия наихудшей природы; ибо, как мы должны доверять Провидению наши угодья, но в то же время прилагать все возможное усердие в трудах, так же мы должны доверять Провидению нашу безопасность, но держать глаза [широко] открытыми [по отношению] к его предостережениям, предупреждениям и инструкциям, многие из которых Провидению угодно давать нам в течение жизни для руководства нашим поведением и которые мы не должны слепо относить на счет Провидения, не признавая, что их следует уважать и отдавать им должное во всех случаях²⁶.

Я считаю общее пренебрежение этими вещами своего рода практическим атеизмом²⁷ или, по крайней мере, жизнью в своего рода презрении к Небесам, [проявляемом некоторыми глупцами] несмотря на все то участие, которое Его незримая десница имеет в том, что случается с нами.

Such a Man receives good at the Hand of his Maker, but unconcerned at the very Nature or Original of it, looks not at all to the Benefactor: Again, he receives Evil, but has no Sense of it, as a judicial dispensing of Punishment from Heaven; but insensible of one or other, he is neither thankful for one, nor humble under the other, but stupid in both, as if he was out of God's Care, and God himself out of his Thoughts; this is just the reverse of the Temper I am recommending, and let the Picture recommend it self to any according to its Merit.

When Prince *Vandemont* commanded the confederate Army in Flanders, the same Campaign that King William was beseiging *Namure*, some Troops were order'd to march into the flat Country towards *Newport*, in Order to make a Diversion, and draw down the Count de *Montal*, who commanded a flying Body about *Menin*, and to keep him from joyning the Duke de *Villeroy*, who commanded the main Body of the *French Army*.

The Soldiers were order'd upon Pain of Death not to stir from their Camp, or to plunder any of the Country People; the Reason was evident, because Provisions being somewhat scarce, if the Boors were not protected they would have fled from their Houses, and the Army would have been put to great Straits, being just entred into the Enemies Country.

It happened that five *English* Soldiers straggling beyond their Bounds were fallen upon, near a FarmHouse, by some of the Country People (for indeed the Boors were oftentimes too unmerciful to the Soldiers) as if they had plunder'd them, when indeed they had not: The Soldiers defended themselves, got the better, and kill'd two of the Boors; and being, as they thought, justly provok'd by being first attack'd, they broke into the House, and then used them roughly enough indeed.

They found in the House a great Quantity of Apples, the People being fled had left them in Possession, and they made no Haste to go away, but fell to work with the Apples; and heating the Oven put a great Quantity of Apples into the Oven to roast. In the mean Time the Boors, who knew their Number to be but five, and had got more Help on their Side, came down upon them again, attack'd the House, forced their Way in, master'd the *Englishmen*, kill'd two, and took a third, and barbarously put him into the Oven, which he had heated, where he was smother'd to Death; it seems it was not hot enough to burn him.

The other two escaped, but in coming back to the Camp, they were immediately apprehended by the Provosts, and brought to a Court Martial, where they were sentenc'd not for Plundering, for that did not appear, but for being out of the Bounds appointed by the general Order, as above.

When the Sentence came to be exected, the General was prevail'd upon to spare one of them, and to order them to cast Lots for their Lives. This, as it is known is usually done by throwing Dice upon a Drumhead; and he that throws highest or lowest, as is appointed before is to die; at this time he that threw lowest was to live.

Такой человек принимает благоденствие из рук своего Создателя, но, равнодушный к самой Его природе или к Его происхождению, совсем не взирает на Благодетеля; с другой стороны, он принимает и зло, не постигая его смысла как законного отпущения наказания с Небес; однако, не разумея ни того, ни другого, он не благодарен за первое, не смиряется пред вторым, но и в том, и в другом глуп, словно он вне Божией заботы и Сам Бог вне его мыслей; это как раз обратная сторона того настроения, в пользу которого я говорю, и пусть этот пример будет полезен любому в соответствии с его человеческими качествами.

Когда принц *Водемон* командовал армией конфедератов во Фландрии в ту же кампанию, во время которой король Вильгельм осаждал *Намюр*, некоторым воинским подразделениям было приказано двинуться в равнинную местность к *Ньивпорту*, чтобы пойти в обход и отвлечь внимание графа де *Монталя*, что командовал летучим отрядом около *Менены*, и не дать ему присоединиться к герцогу де *Вильруа*, что командовал основными силами *французской армии*²⁸.

Солдатам было приказано под страхом смерти не покидать свой лагерь и не грабить никого из деревенских жителей; причина была очевидна, ибо провизии было маловато, и если бы крестьяне не были защищены, они бы бежали из своих домов, и армия была бы поставлена в тяжелое положение, оказавшись на вражеской территории.

Случилось так, что на пятерых *английских* солдат, покинувших территорию [лагеря], напали около фермерского дома какие-то крестьяне (ибо неотесанная деревенщина часто была слишком безжалостна к солдатам) [и заявили], будто бы те их ограбили, хотя на самом деле этого не было; солдаты оборонялись, взяли верх и убили двух крестьян, по их мнению, справедливо; спровоцированные нападением, они ворвались в дом и довольно жестоко расправились с остальными.

Они нашли в доме большое количество яблок, оставленных бежавшими хозяевами; солдаты не спешили уходить, а принялись за них и, растопив печь, сложили их туда, чтобы запечь. Тем временем крестьяне, которые знали, что солдат всего пятеро, созвали помощь со своей стороны, снова решили напасть, взяли приступом дом, ворвались внутрь, одолели *англичанина*, двоих убили, а третьего взяли и по-варварски засунули в печь, которую он же и растопил, где тот задохнулся до смерти; похоже, печь была недостаточно натоплена, чтобы сжечь его.

Двое других бежали, но по возвращении в лагерь были немедленно схвачены начальством и отданы под военный трибунал, где были осуждены не за грабеж, ибо он не был раскрыт, а за то, что вышли за территорию лагеря, установленную общим приказом, как указано выше.

Когда приговор должен был быть приведен в исполнение, генерала убедили пощадить одного из них и приказать им бросить жребий на свою жизнь. Это, как известно, обычно делается путем бросания костей на кожу барабана, и тот, кто выбросит наибольшее или наименьшее число, как было уговорено заранее, должен умереть; на этот раз тот, кто выбросит наименьшее, должен был остаться в живых.

When the Fellows were brought out to throw, the first threw two Sixes, and fell immediately to wringing his Hands, crying he was a dead Man; but was as much surpriz'd with Joy, when his Comrade throwing, there came up two Sixes also.

The Officer appointed to see Execution was a little doubtful what to do, but his Orders being positive, he commanded them to throw again; they did so, and each of them threw two Fives; the Soldiers that stood round shouted, and said neither of them was to die:

The Officer being a sober thinking Man, said it was strange, and look'd like something from Heaven, and he would not proceed without acquainting the Council of War, which was then sitting; they consider'd a while, and at last ordre'd them to take other Dice and to throw again, which was done, and both the Soldiers threw two Fours.

The Officer goes back to the Council of War, who were surpriz'd very much, and looking on it as the Voice of Heaven, respited the Execution till the General was acquainted with it.

The General sends for the Men and examines them strictly, who telling him the whole Story, he pardon'd them with this Expression to those about him, *I love, says he, in such extraordinary Cases to listen to the Voice of Providence.*

While we are in this un-inform'd State, where we know so little of the invisible World, it would be greatly our Advantage, if we knew rightly, and without the Bondage of Enthusiasm and Superstition, how to make use of the Hints given us from above, for our Direction in Matters of the greatest Importance.

It has pleased God very much to streighten the special and particular Directions, which he gives to Men immediately from himself; but I dare not say, they are quite ceased; we read of many Examples in Scripture, how God spake to Men by Voice immediately from Heaven, by Appearance of Angels, or by Dreams and Visions of the Night, and by all these not in Public and more extraordinary Cases only, but in private, personal, and family Concerns.

Thus God is said to have appeared to *Abraham*, to *Lot*, and to *Jacob*; Angels also have appeared in many other Cases, and to many several Persons, as to *Manoah*, and his Wife, to *Zachariah*, to the Virgin *Mary*, and to the *Apostles*; others have been warned in a Dream, as King *Abimelech*, the false Prophet *Balaam*, *Pontius Pilate's* Wife, *Herod*, *Joseph*, the *Apostles* also, and many others.

We cannot say, but these and all other miraculous Voices, the prophetic Messages prefac'd boldly by the Ancients, *with thus saith the Lord* are ceas'd, and as we have a *more sure Word of Prophecy* handed to us by the Mission of Gospel Ministers; to which the Scripture says, *We do well that we take heed*; and to whom our blessed Lord has said, *Lo, I am with you to the End of the World*: I say, as we have this Gospel back'd with the Spirit and Presence of God, we are no Losers, if we observe the Rule laid down, *viz. that we be obedient to the heavenly Vision*, for such it is, as well as that of the Apostle *Peter's* Dream of the Sheet let down from Heaven.

Когда парней привели, чтобы бросать кости, первый выбросил две шестерки и тотчас же упал и пустился заламывать руки, крича, что он покойник, но был столь же сильно поражен и возрадовался, когда его товарищу тоже выпали две шестерки.

Офицер, назначенный наблюдать за казнью, был в некотором сомнении, как же поступить, но, поскольку приказ был четким, он велел им бросить еще раз; они так и сделали, и каждый из них выбросил две пятерки; стоявшие вокруг солдаты кричали и говорили, что ни один из них не должен умереть.

Офицер, будучи человеком трезвомыслящим, сказал, что это странно, что, похоже, не обошлось без [участия] Небес, и он не будет продолжать, не ознакомив с этой ситуацией заседавший тогда военный совет; те [члены военного совета] немного подумали и приказали им взять другие кости и снова бросить, что и было сделано, и оба солдата выбросили по две четверки.

Офицер вернулся на военный совет, члены которого очень удивились и, усмотрев в этом глас Небес, отсрочили казнь до тех пор, пока генерал не ознакомится с [данным] случаем.

Генерал послал за осужденными и строго их допросил; те поведали ему всю историю, и он простил их со следующими словами в адрес окружающих: *Я люблю в таких исключительных случаях внимать голосу Провидения.*

Пока мы находимся в несведущем состоянии, в котором мы так мало знаем о незримом мире, было бы очень полезно, если бы мы знали должным образом, независимо от религиозного фанатизма и суеверия, как использовать подсказки, данные нам свыше, и руководствоваться ими в вопросах величайшей важности.

Богу когда-то было угодно одаривать людей четкими конкретными указаниями, которые исходили напрямую от Него; и я не смею сказать, что теперь они вовсе прекратились. Мы читаем в Писании много примеров того, как Бог говорил с людьми голосом, [звучащим] непосредственно с Небес, [с помощью] явления ангелов или снов и ночных видений, и не только в публичных и исключительных случаях, но и в частных, личных и семейных делах.

Таким образом, сказано, что Бог явился Аврааму, Лоту и Иакову²⁹; ангелы также являлись во многих других случаях и многим людям, таким как Маной и его жена³⁰, Захария³¹, Дева Мария³² и апостолы; иным были ниспосланы предупреждения во снах: это царь Авимелех, лжепророк Валаам, супруга Понтия Пилата, Ирод, Иосиф, а также апостолы и многие другие³³.

Теперь же эти и другие чудесные голоса, пророческие послания, смело предвзвешенные в древности словами *так говорит Господь*, прекратили снисходить к нам с Небес, поскольку у нас есть более верное пророческое слово, *переданное нам миссией служителей Евангелия*, которым сказано в Писании: *и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему*³⁴ и которым наш благословенный Господь сказал: *Я с вами во все дни до скончания века*³⁵. Я утверждаю, что, поскольку у нас есть Евангелие, подкрепленное Духом и присутствием Божиим, мы не окажемся в проигрыше, если будем соблюдать установленное правило, а именно – *быть послушными этому небесному видению*, ибо таково оно и есть, а также сну апостола Петра о полотне, спущенном с Небес³⁶.

I mention this to pay a due Reverence to the Sufficiency of Gospel Revelation, and to the guiding of the Spirit of God, who in spiritual Things is given to *lead us into all Truth*, nor would I have any Thing, which I am going to say, tend to lessen these great Efficients of our eternal Salvation.

But I am chiefly upon our Conduct in the inferior Life, as I may call it; and in this, I think, the Voice of God, even his immediate Voice from Heaven, is not entirely ceased from us, though it may have changed the Mediums of Communication.

I have heard the Divines tell us by Way of Distinction, that there is a Voice of God in his Word, and a Voice of God in his Work; the latter I take to be a subject very awful and very instructing.

This Voice of God in his Works, is either heard in his Works which are already wrought, such as of Creation, which fill us with Wonder and Astonishment, Admiration and Adoration; *When I view the Heavens, the Work of thy Hands, the Moon and the Stars which thou hast made, then I say, What is Man, &c.* Or 2. His Works of Government and Providence, in which the infinite Variety affords a pleasing and instructing Contemplation; and it is without Question, our Wisdom and Advantage to study and know them, and to listen to the Voice of God in them: For this listening to the Voice of Providence, is a Thing so hard to direct, and so little understood, that I find the very Thought of it is treated with Contempt, even by many pious and good People, as leading to Superstition, to Enthusiasm, and vain Fancies, tainted with the Melancholly, and amusing the Mind with the Vapours of the Head.

It is true, an ill Use may be made of these Things, and to tye People too strictly down to a Rule, where their own Observation is to be the Judge, endangers the running into many foolish Extrems, entitling a distemper'd Brain, too much to the Exposition of the sublimest Things; and tacking the awful Name of Providence to every fancy of their own.

From Hence I think, too much proceeds the extraordinary (*Note, I say, Extraordinary*) Homage paid to Omens, flying of Birds, Voices, Noises, Predictions, and a thousand foolish Things, in which I shall endeavour to state the Case fairly between the Devil and Mankind: But at present I need say no more here, than that they have nothing to do with the Subject I am now upon, or the Subject I am upon with them.

But as my Design is serious, and I hope pious, I shall keep strictly to the Exposition I give of my own Meaning, and meddle with no other.

By the Voice of Providence therefore, I shall confine myself to the particular Circumstances incident and accident which every Man's Life is full of, and which are in a more extraordinary manner, said to be peculiar to himself or to his Family.

By listening to them, I mean, making such due Application of them to his own Circumstances, as becomes a Christian, for Caution in his Conduct, and all manner of Instruction, receiving all the Hints as from Heaven, returning all the Praise to, making all the Improvement for, and reverencing the Sovereignty of his Maker in every Thing,

Я упоминаю об этом лишь затем, чтобы воздать должное полноте евангельского откровения и наставничеству Духа Божьего, которому в делах духовных дано *вести нас к истине*; и я не хотел бы, чтобы все то, что я собираюсь сказать, умаляло эти великие силы нашего вечного спасения.

Но больше всего меня волнует наше поведение, так сказать, в земной жизни, как можно ее назвать; и в этом, я думаю, глас Божий, даже Его непосредственный голос с Небес, не исчез для нас полностью, хотя, возможно, изменились посредники [Его] обращения.

Я слышал, как богословы говорили нам в порядке различия, что есть глас Божий в слове Его и глас Божий в трудах Его; последнее я считаю предметом величественным и весьма поучительным.

Этот глас Бога слышится либо [(1)] в уже свершенных Им деяниях, таких как творение, наполняющее нас удивлением и изумлением, восхищением и обожанием: *Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек?*³⁷ и т. д. Или (2) в Его делах управления и Провидения, бесконечное разнообразие которых дает приятное и поучительное созерцание; и наша мудрость и польза, несомненно, состоят в том, чтобы изучать и знать их и слышать в них глас Божий; ибо внимать голосу Провидения – дело настолько трудное для управления и настолько малопонятное, что я нахожу саму мысль об этом презренной даже многими благочестивыми и добрыми людьми как ведущую к суеверию, к религиозному фанатизму и суетным фантазиям, приправленным меланхолией и забавляющим голову химерами ума.

Правда, тут можно впасть в другую крайность: нельзя людей слишком привязывать к правилу, когда они должны судить только по своему собственному разумению; есть опасность впасть во многие глупые крайности, сверх меры наделяя расстроенный мозг правом на толкование самых возвышенных идей и привязывая величественное имя Провидения к каждой своей фантазии.

Отсюда, думаю, слишком много вытекает из необычайного (обратите внимание, я говорю: «*необычайного*») почтения, оказываемого приметам, полету птиц, голосам, звукам, предсказаниям и тысяче глупостей, в которых я постараюсь честно рассудить между дьяволом и человечеством; но в настоящее время мне нужно сказать лишь о том, что они не имеют ничего общего ни с предметом, о котором я сейчас пишу, ни с предметом, [говоря о] котором, я привел их как пример.

Но так как мой замысел серьезен и, надеюсь, благочестив, я буду строго придерживаться его изложения и не буду касаться ничего другого.

Поэтому, говоря о голосе Провидения, ограничусь конкретными обстоятельствами, происшествиями и несчастными случаями, которыми полна жизнь каждого человека и которые часто считают странным образом присущими лишь ему или его семье.

Когда я говорю «внимать голосу Провидения», я имею в виду, что нужно должным образом применять его к обстоятельствам своей собственной жизни, насколько подобает христианину, из необходимой осторожности в своих действиях и для получения всевозможных наставлений, воспринимать его как знак

not disputing or reproaching the Justice of Providence; and which is the main Thing I aim at, taking such Notice of the several Providences, that happen in the Course of our Lives, as by one Circumstance to learn how to behave in another.

For Example, supposing from my own Story, When a young Fellow broke from his Friends, trampled upon all the wise Advices, and most affectionate Perswasions of his Father, and even the Tears and Entreaties of a tender Mother, and would go away to Sea; but is check'd in his first Excursions by being Shipwreck'd, and in the utmost Distress sav'd by the Assistance of another Ship's Boat, seeing the Ship he was in, soon after sink to the Bottom; ought not such a young Man to have listened to the Voice of this Providence, and have taken it for a Summons to him; that when he was on Shore, he should stay on Shore, and go back to the Arms of his Friends, hearken to their Council, and not precipitate himself into farther Mischiefs; what Happiness might such a prudent Step have procured, what Miseries and Mischiefs would it have prevented in the rest of his unfortunate Life.

An Acquaintance of mine, who had several such Circumstances befel him, as those which I am inclin'd to call Warnings, but entirely neglected them, and laugh'd at those that did otherwise, suffered deeply for his dis-regard of Omens; he took Lodgings in a Village near the City of *London*, and in a House, where either he sought bad Company, or at best could meet with little that was good. Providence that seemed to animadvert upon his Conduct, so ordered it that something or other mischievous always happened to him there, or as he went thither; several Times he was robbed on the Highway going thither, once or twice taken very ill, at other Times his Affairs in the World went ill, while he diverted himself there; several of his Friends caution'd him of it and told him, he ought to consider that some superior Hand seemed to hint to him, that he should come there no more; he slighted the Hint, or at least neglected it after some Time, and went to the same Place again: But was so terrified with a most dreadful Tempest of Thunder and Lightning, which fell as it were more particularly upon that Part of the Country than upon others; that he took it as a Warning from Heaven, and resolv'd not to go there again, and some Time after a Fire destroyed that House, very few escaping that were in it.

It would be an ill Account we should give of the Government of divine Providence in the World, if we should argue, that its Events are so unavoidable, and every Circumstance so determined, that nothing can be altered; and that therefore these Warnings of Providence are inconsistent with the Nature of it. This besides that I think it would take from the Sovereignty of Providence, and deny even God himself the Privilege of being a free Agent, it would also so contradict the Experience of every Man living, in the Varieties of his respective Life, that he should be unable to give any Account for what End many Things, which Providence directs in the World, are directed, and why so many Things happen which do happen; why are Evils attending us so evidently foretold, that by those

с Небес, воздавая ему хвалу, делая все для восславления и почитания власти Создателя, не оспаривая и не упрекая справедливость Провидения, и самое главное, о чем я говорю, – обращая такое пристальное внимание на стечение знаков Провидения, которые происходят на всем протяжении нашей жизни, чтобы одни обстоятельства научили нас, как вести себя в других.

Например, возьмем мою собственную историю, когда молодой человек порвал со своими друзьями, презрел все мудрые советы и самые доброжелательные увещевания своего отца и даже слезы и мольбы нежной матери и ушел в море, но во время первого же путешествия потерпел кораблекрушение и в крайнем бедствии был спасен на шлюпке другого корабля, увидев, что судно, на котором он находился, вскоре после этого пошло ко дну; разве такому молодому человеку не следовало внять голосу сего Провидения и принять его зов, чтобы, когда он был на берегу, на нем и остаться и вернуться в объятия своих друзей, прислушаться к их советам и не ввязываться в дальнейшие переделки? Какое счастье мог бы принести такой благоразумный шаг, какие беды и невзгоды он предотвратил бы в его дальнейшей полной испытаний жизни!

Один мой знакомый, с которым случилось несколько таких событий, которые я склонен назвать предостережениями, лишь абсолютно игнорировал их и смеялся над теми, кто поступали иначе, а впоследствии глубоко страдал из-за своего пренебрежения предзнаменованиями. Он поселился в деревне недалеко от Лондона в доме, где он либо снискал плохую компанию, либо в лучшем случае не встретил ничего хорошего. Провидение, которое, казалось, указывало на несправедность его поведения, распорядилось, чтобы он вечно попадал в какую-нибудь историю; несколько раз его ограбили на большой дороге, ведущей туда, пару раз он сильно заболел, в другой раз его дела в городе пошли скверно, пока он там развлекался. Несколько его друзей предупредили его об этом и сказали ему, что он должен понять, что какая-то высшая Десница, казалось, намекала ему больше не появляться там; он же пренебрег намеком или, по крайней мере, вскоре забыл о нем и снова отправился в то же место, но был страшно напуган ужаснейшей бурей с громом и молниями, обрушившейся именно на этот район больше, чем на другие. Он воспринял это как предупреждение с Небес и решил не возвращаться туда снова, и вскоре после этого события пожар уничтожил тот дом, и спаслись очень немногие из тех, кто были внутри.

Мы неверно бы поняли промысел Божественного Провидения в мире, если бы утверждали, что течение событий, руководимых им, неизбежно, а каждое обстоятельство настолько предопределено, что ничего нельзя изменить³⁸, и поэтому предупреждения Провидения несообразны с его природой. Помимо того, что, как я считаю, такое понимание лишает Провидение его всевластия, а Самого Бога – привилегии быть свободным в Своих деяниях, оно также настолько противоречит опыту каждого человека во всем разнообразии его жизни, что он в состоянии дать отчет о том, какой цели служат многие знаки, которые Провидение посылает в мир, и почему случается так много событий, которые действительно происходят [промыслом Божиим]. Почему злосчастья, постигающие нас,

Fore-tellings they are avoided, if it was not determined before that they should be avoided, and should not befall us?

People that tie up to all Events and Causes, strip the Providence of God which guides the World of all its Superintendency, and leave it no room to act as a wise Disposer of Things.

It seems to me that the immutable Wisdom and Power of the Creator, and the Notion of it in the Minds of Men, is as dutifully preserved, and is as legible to our Understanding, though there be a Hand left at Liberty to direct the Course of natural Causes and Events; 'Tis sufficient to the Honour of an immutable Deity, that for the common Incidents of Life, they be left to the Disposition of a daily Agitator, namely, divine Providence, to order and direct them as it shall see good, within the natural Limits of Cause and Consequence.

This seems to me a much more rational System, than that of tying up the Hands of the supreme Power to a Road of Things, so that none can be acted or permitted, but such as was so appointed before to be acted and permitted.

But what, if after all, we were to sit down and acknowledge, that the immutability of God's Being, and the Unchangeableness of his Actings, are not easy to be comprehended by us, or that we may say we are not able to reconcile them with the infinite Variation of his Providence, which in all its Actings seems to us to be at full Liberty to determine anew, and give Events a turn this Way or that Way, as its Sovereignty and Wisdom, shall direct; does it follow, that these Things are not reconcilable, because we cannot reconcile them? why should we not as well say, nothing of God is to be understood, because we cannot understand it? or that nothing in Nature is intelligible, but what we can understand?

Who can understand the Reason, and much less the Manner of the Needle tending to the Pole, by being touch'd with the Loadstone, and by what Operation the magnetic Vertue is conveyed with a Touch? why that Vertue is not communicable to other Metals, such as Gold, Silver, or Copper, but to Iron only? what Sympathetic Influence is there between the Stone and the Star, or the Pole? why tending to that Point in the whole Arch, and not to any other, and why face about to the South Pole as soon as it has past the Equinox? yet we see all these Things in their Operations and Events, we know they must be reconcilable in Nature, though we cannot reconcile them, and intelligible in Nature, though we cannot understand them: Sure it is as highly reasonable then for us to believe, that the various Actings of Providence, which to us appear changeable; one Decree, as it were, reversing another, and one Action superseding another, may be as reconcilable to the Immutability of God, and to the Unchangeableness of his Purposes, tho' we cannot understand, how it is brought to pass, as it is to believe, that there is a Reason to be given for the Agreement and sympathetick Correspondence between the *Magnet* and the *Pole*, tho at present the Manner of it is not discover'd, and cannot be understood.

иногда бывают предсказаны столь очевидно, что благодаря этим предсказаниям их можно избежать, если не было предопределено, что их следует избегать и они не должны случиться с нами?

Люди, связывающие все с событиями и причинами, лишают промысел Божий, что руководит миром, его верховного надзора и не оставляют ему возможности действовать как мудрому распорядителю всего сущего.

Мне кажется, что неизбывная мудрость и власть Творца, а также должное представление о них в умах людей столь давно осознаны и столь же понятны для нашего понимания, словно существует некая рука, оставленная действовать свободно, чтобы направлять ход естественных событий и причин. Для присутствия неизбывного Божественного начала достаточно, чтобы в обычных жизненных ситуациях оно было предоставлено в распоряжение силы, а именно Божественного Провидения, дабы упорядочивать и направлять события, как оно сочтет нужным, в естественных пределах причинно-следственных связей.

Это кажется мне гораздо более разумной системой, чем порядок, связывающий десницы Высшей Силы с ходом вещей таким образом, что ничто не происходит и ничто не разрешено, кроме того, что было предначертано.

Но что, если в конце концов мы сядем и признаем, что непреложность существования Господа и неизменность Его деяний нам нелегко понять или что мы можем сказать, что не в состоянии примирить их с бесконечным разнообразием Его Провидения, которое во всех своих действиях, как нам кажется, имеет полную свободу определять события заново и поворачивать их в ту или иную сторону, как укажут Его превосходство и мудрость; следует ли из этого, что сии вещи непримиримы, потому что мы не можем их примирить?

Почему бы нам также не заявить тогда, что о Боге ничего понимать и не следует, поскольку мы этого понять не в состоянии? Или что в природе нет ничего сверх того, что мы в силах уразуметь?

Кто может постичь причину и, тем более, способ, которым игла стремится к полюсу при прикосновении к магнитному камню, и с помощью чего магнитная сила передается прикосновением? Почему эта сила не передается другим металлам, таким как золото, серебро или медь, а только железу? Какое симпатическое притяжение³⁹ существует между магнитом и звездой или полюсом? Почему возникает стремление именно к этой точке во всем небосводе, а не к какой-либо другой? И зачем поворачиваться лицом к южному полюсу, когда равноденствие уже прошло? И все же мы видим все эти вещи действующими и работающими; мы знаем, что они должны быть согласны со своей природой, хотя мы не можем их примирить, и понятны по своей природе, хотя мы не можем их уразуметь.

Несомненно, тогда столь же разумно верить, что различные действия Провидения, которые нам кажутся изменчивыми – одно предопределение, как бы отменяющее другое, и одно действие, заменяющее другое, – могут быть столь же совместимы с непреложностью Господа и с неизменностью Его целей, хотя мы не можем уразуметь, как это осуществляется. Мы также верим, что существует причина для притяжения и симпатического соответствия

If then the Hand of divine Providence has a spontaneous Power of acting, and directed by its own Sovereignty, proceeds by such Methods, as it thinks fit, and as we see daily in the Course of human things: Our Business is to converse with the acting Part of Providence, with which we more immediately have to do, and not confound our Judgment with things which we cannot fully comprehend, such as the Why, to what End, and the how in what Manner, it acts so and so.

As we are then conversant with the immediate Actions of divine Providence, it is our Business to study it as much as may be in thar Part of its Actings, wherein it is to be known; and this includes the silent Actings of Providence, as well as those which are more loud, and which being declar'd, speak in publick.

There are several silent Steps, which Providence takes in the World, which summon our Attention; and he that will not listen to them, shall deprive himself of much of the Caution and Council, as well as Comfort, which he might otherwise have in his Passage thro' this Life, particularly by thus listening to the Voice, as I call it, of Providence, we have the Comfort of seeing, that really an invisible and powerful Hand is employ'd in, and concern'd for our Preservation and Prosperity in the World; And who can look upon the manifest Deliverances which he meets with in the infinite Variety of Life, without being convinc'd that they are wrought for him without his own Assistance, by the wise and merciful Dispositions of an invisible and friendly Power.

The bringing good Events to pass by the most threatenng Causes, as it testifies a Power that has the Government of Causes and Effects in its Hand, so it gives a very convincing Evidence of that Power, being in good Terms with us; as on the contrary, when the like Providence declares against us, we ought to make a suitable Use of it another Way, that is to say, take the just Alarm, and apply to the necessary Duties of Humiliation and Repentance.

These things may be jested with by the Men of Fashion; but I am supposing myself talking to Men that have a Sense of a future State, and of the Oeconomy of an invisible World upon them, and neither to Atheists, Scepticks, or Persons indifferent, who are indeed near of Kin to them both.

As there are just Reflections to be made upon the various Conduct of Providence in the several Passages of Man's Life, so there are infinite Circumstances, in which we may furnish our selves with Directions in the Course of Life, and in the most sudden Incidents, as well to obtain Good, as avoid Evil.

Much of the Honour due to the Goodness of Providence, is unjustly taken away from it, by Men that give themselves a Loose in a general Neglect of these things: But that which is still more absurd to me is, that some Men are obstinately resolv'd against paying the Homage of their Deliverances to their Maker, or paying the Reverence due

между *магнитом* и *полюсом*, хотя в настоящее время причина эта не обнаружена и не может быть понята.

Итак, если десница Божественного Провидения обладает спонтанной властью и, направляемая своим собственным всевластием, действует таким образом, который считает подходящим и который мы ежедневно наблюдаем, то наше дело состоит в том, чтобы сообщаться с этой действенной частью Провидения, с которой мы должны иметь дело непосредственно, и не смущаться в наших суждениях вещами, которые мы не можем полностью понять, например, почему, с какой целью и каким образом оно действует именно так, или иначе.

Так как мы знакомы с непосредственными деяниями промысла Божественного Провидения, наша задача – как можно больше изучить его в той части его действий, в которой оно может быть познано; это включает в себя безмолвные знаки Провидения, но также и более громкие – те, что, будучи объявлены, проявляются публично.

Есть несколько беззвучных шагов, которые Провидение совершает в мире и которые привлекают наше внимание; и тот, кто им не внимлет, лишит себя многих предостережений и советов, а также утешения, которые иначе он мог бы получить на жизненном пути; в частности, внимля таким образом голосу, как я это называю, Провидения, мы получаем утешение, видя, как на самом деле невидимая могущественная Десница действует и заботится о нашем охранении и процветании в мире. И кто может объять взглядом явные избавления [от бедствий], которые он встречает в бесконечном разнообразии жизни, не будучи убежденным, что они свершаются ради него без его участия, но лишь [благодаря] мудрому и милостивому расположению невидимой и благосклонной Власти?

Провидение позволяет благоприятным событиям случаться вопреки самым непреодолимым препятствиям, и поскольку это свидетельствует о Власти, в руках которой находится управление причинами и следствиями, мы получаем весьма убедительное доказательство того, что эта Власть в хороших отношениях с нами; и наоборот, когда Провидение подает знак не в нашу пользу, мы должны надлежащим образом трактовать его, то есть принять справедливое предостережение и смиренно покаяться.

Светская публика может шутить над этими вещами⁴⁰, но я полагаю, что говорю с людьми, имеющими представление о загробной жизни и о расположении невидимого мира к ним, а не с атеистами, скептиками или людьми равнодушными, которые на самом деле являются близкими родственниками первым двум.

Подобно тому, как можно сделать справедливые заключения о различном промысле Провидения на разных этапах жизни человека, так и в бесконечных обстоятельствах в течение всей жизни мы можем обогатиться указаниями, а также в самых неожиданных случаях обрести благо и избежать беды.

Большая часть достоинства, причитающегося благодати Провидения, несправедливо отнята у него людьми, дающими себе волю в совершенном пренебрежении этими вещами; но что еще более абсурдно для меня, так это то, что некоторые настолько упорно настроены против того, чтобы воздавать должное

to his Terrors, in any thing that befalls them ill, where it ought to be paid, that they will give all that Honour to another. If it was well, they tell you, they know not how, but so it happen'd, or it was so by good Chance, and the like. This is a Sort of Language I cannot understand: It seems to be a felonious Thought in its very Design, robbing Heaven of the Honour due to it, and listing our selves in the Regiment of the Ungrateful.

But this is not all, for one Crime leads on to another, if this Part is Felony or Robbery, the next is Treason, for resolving first to deny the Homage of good or evil Events to God from whose Hands they come, they go on and pay it to the Devil, the Enemy of his Praise, and Rival of his Power.

Two of these Wretches travell'd a little Journey with me some Years ago; and in their Return, some Time after I was gone from them, they met with a very different Adventure, and telling me the Story, they express'd themselves thus, *They were riding from Huntington towards London, and in some Lanes betwixt Huntington and Caxton, one happen'd by a Slip of his Horse's Foot, which lam'd him a little, to stay about half a Mile behind the other, was set upon by some Highway-men, who robb'd him, and abus'd him very much; the other went on to Caxton, not taking Care of his Companion, thinking he had stay'd on some particular Occasion, and escap'd the Thieves, they making off cross the Country towards Cambridge.*

Well, says I to the first, How came you to escape? *I don't know not I*, says he, *I happen'd not to look behind me, when his Horse stumbl'd and I went forward, and by good Luck, adds he again, I heard nothing of the Matter; here was, it happen'd, and by good Luck, but not the least Sense of the Government of Providence in this Affair, or its Disposition for his Good, but an empty Idol of Air, or rather an imaginary nonsensical Nothing, an Image more inconsistent than those I mention'd among the Chinese; not a Monster indeed of a frightful Shape, and ugly Figure, loathsome and frightful, but a meer Phantasm, an Idea, a None-Entity, a Name without being a miscall'd, unborn, nothing, hap, luck, Chance, that is to say, a Name put upon the Medium, which they set up in their Imagination, for Want of a Will to acknowledge their Maker, and recognize the Goodness which had particularly preserv'd him.*

This was the most ungrateful Piece of Folly, or to speak more properly, the maddest and foolishest Piece of Ingratitude that ever I met with.

Well, if this was foolish and preposterous, the other was as wicked and detestable: For when the first had told his Tale, I turn'd to the other, and ask'd him, What was the Matter? *Why! How came this to pass?* said I, *why this Disaster has fallen all upon you? How was it?* Nay, says he, I don't know, I was a little behind, and my Horse *chanc'd* to slip, and lame himself, and he went forward, and left me; and as the Devil would have it, these Fellows came cross the Country, and chopt upon me, &c.

Создателю за свои избавления или видеть Его наказание в том, что случается с ними плохого, что они готовы отдать всю эту честь другому. Если все вышло хорошо, они говорят вам, что не ведают, как именно, но так получилось по счастливой случайности и тому подобное. Такие речи я не могу понять; мне кажется, что эта мысль преступна по самому своему замыслу, она лишает Небеса должной чести и причисляет нас к полку неблагодарных.

Но это еще не все, ибо одно преступление ведет к другому; если это [присвоение себе заслуг Господа] – тяжкое преступление или грабеж, то следующее – измена, ибо, решив сначала отрицать участие Господа в добрых и злосчастных событиях, из рук которого они исходят, такие люди не останавливаются на этом и воздают заслуги дьяволу, врагу Его похвалы и сопернику Его власти.

Двое из этих негодяев несколько лет тому назад проделали со мной небольшое путешествие, и по возвращении, через некоторое время после того, как я ушел от них, однажды столкнулись с совсем иным приключением, а [затем], рассказывая мне эту историю, изложили ее следующим образом: *скакали они верхом из Хантингдона в сторону Лондона, и на неких проселках между Хантингдоном и Кэкстоном⁴¹ один из них, поскольку его лошадь поскользнулась, немного покалечился, остался примерно в полумиле позади другого, на него напали какие-то разбойники с большой дороги, которые ограбили его и сильно побили; второй же отправился в Кэкстон, не позаботившись о своем спутнике, думая, что тот отстал по какой-то своей причине, и спасся от воров, которые удрали через поля в сторону Кембриджа.*

«Ну,— говорю я первому,— как же тебе удалось спастись?» — *«Не знаю,— говорит он.— Вышло так, что я не оглянулся, когда его лошадь споткнулась, и поскакал вперед, и по счастливой случайности,— прибавляет он вновь,— я ничего и не слышал».* Было сказано «так вышло» и «по счастливой случайности», однако не было [в этих словах] ни малейшего представления о промысле Провидения в этом деле или о его расположении к рассказчику, но был пустой идол, или скорее воображаемое, бессмысленное *ничто*, образ, более противоречивый, чем те, о которых я упоминал, описывая *китайцев*; не чудовище, правда, страшной формы и уродливой фигуры, отвратительное и страшное, а просто *фантазм*, идея, ничтожество — имя без сущности, ложно названное, нерожденное, ничто, случай, удача, случайность. То есть имя, данное *медиуму*, которое они придумали в своем воображении из-за отсутствия желания признать своего Создателя и ту благодать, которая уберегла именно его.

Это была самая неблагодарная глупость, или, говоря точнее, самая безумная и глупая неблагодарность, с которой я когда-либо встречался.

Что ж, если [то, что произошло] с первым, [выглядело] глупо и нелепо, то [то, что произошло] со вторым, было столь же безнравственно и отвратительно; ибо, когда первый рассказал свою историю, я повернулся к другому и спросил его, как же было дело. *«Ну как же так вышло?» — сказал я.— Почему вся эта беда обрушилась на вас?» — «Как вышло? Нет,— говорит,— не знаю; я немного отстал, и моя лошадь случайно поскользнулась и захромала, а он поскакал вперед*

Here was first Chance, the same Mock-Goddess, as before, lam'd his Horse, and next, the Devil order'd the Highway-men to chop upon him that Moment. Now, tho' it may be true, that the Highwaymen were even by their Employment doing the Devil's Office of going to and fro, seeking whom they might plunder; yet 'twas a higher Hand than Satan's, that deliver'd this poor blind Fellow into their Power.

We have a plain Guide for this in Scripture Language, in the Law of Man-slaughter, or Death, *as we call it foolishly enough*, by Misadventure it is in the 21 *Exod.* 13. in the Case of casual killing a Man, it is express'd thus, *If a Man lye not in Wait, but God deliver him into his Hand.* This was not to be accounted Murther, but the Slayer was to fly to the City of Refuge.

Here it is evident, that God takes all these Misadventures into his own Hand; and a Man kill'd by Accident, is a Man whom God has deliver'd up, for what End in his Providence is known only to himself, to be kill'd in that Manner, perhaps vindictively, perhaps not.

With what Face can any Man say, this was *as the Devil would have it*, or *as bad Luck would have it*, or *it happen'd*, or *chanc'd*, or *fell out*; all which are our simple and empty Ways of talking of things that are order'd by the immediate Hand or Direction of God's Providence.

The Words last quoted from the Scripture of *God's delivering a Man into another Man's Hand to be killed unwillingly*, are fully explained in another Place, *Deut.* XIX. 5.

As when a Man goeth into the Wood with his Neighbour, to hew Wood, and his Hand fetches a Stroke with the Ax to cut down the Tree, and the Head slippeth from the Helve, and lighteth upon his Neighbour, that he die; he shall flee unto one of those Cities, and live.

The wicked thoughtless Creature, I have just mentioned, whose Horse fell lame, and stopt his Travelling, till he might come just in the Way of those Thieves, who it seems were crossing the Country, perhaps upon some other Exploit, ought to have reflected, that Providence, to chastise him, and bring him to a Sense of his Dependance upon, and being subjected to his Power, had directed him to be separated from his Companion, that he might fall into the Hands that robb'd and abus'd him; and the other had no less Obligation to give Thanks for his Deliverance: But how contrary they acted in both Cases, you have heard.

We have had abundance of Collections, in my Remembrance, of remarkable Providences, as they are call'd; and many People are forward to call them so: But this does not come up to the Case in Hand.

Tho' contemning Providence, and giving the Homage due to it, as above, to the Devil, or to Chance, Fate, and I know not what Embrio's of the Fancy are impious; yet every one that avoids this Evil, does not come up to the particular Point I am speaking

и оставил меня; и, черт возьми, эти парни взялись невесть откуда и схватили меня» и т. д.

Вот и первый шанс: та же мнимая богиня, что и прежде, подвернула ногу его лошади, а затем дьявол приказал разбойникам с большой дороги в тот же миг схватить его. Возможно, это и правда, что разбойники с большой дороги, по сути своей, выполняли дьявольскую миссию⁴², бродя туда-сюда, выискивая, кого они могут ограбить, но все же в первую очередь вышняя Десница, а не рука Сатаны отдала этого обманутого парня в их власть.

У нас есть прямое руководство для этого на языке Священного Писания в законе о непредумышленном убийстве или смерти, *которые мы достаточно глупо называем несчастным случаем*. В Книге Исх[ода] (21 : 13) о случае непредумышленного убийства человека говорится так: *но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его*⁴³. Это не должно было считаться убийством, но убийца должен был бежать в город [в поисках] убежища⁴⁴.

Здесь очевидно, что Бог берет все эти несчастья в Свои руки. И человек, убитый случайно, это человек, которого Бог предназначил быть убитым таким образом, возможно, из мести, а возможно, и нет, ибо какова цель Его Провидения, известно лишь Ему Самому.

С какой дерзостью человек может сказать, что случилось так, *как пожелал дьявол*, или *по несчастному стечению обстоятельств*, или *так уж вышло*, или «это шанс», или «так уж выпало»? Все это наши глупые пустые привычки говорить о вещах, что предопределены непосредственно дланью или промыслом Божьего Провидения.

Последние процитированные слова из Писания о том, что *Бог предал человека в руки другого человека, дабы тот был убит против воли*, полностью объясняются в другом месте (Втор. 19 : 5). *Кто пойдет с ближним своим в лес рубить дрова, и размахнется рука его с топором, чтобы срубить дерево, и соскочит железо с топорница и попадет в ближнего, и он умрет,— такой пусть убежит в один из городов тех, чтоб остаться живым*⁴⁵.

Злонравное легкомысленное создание, о котором я только что упомянул, чья лошадь захромала и прервала его путешествие, пока он не оказался прямо на пути тех воров, которые, кажется, шли через те края, вероятно, в поисках какого-либо иного подвига, должно было задуматься, что Провидение в наказание и чтобы показать ему зависимость [от Творца] и подчинить Его власти, устроило так, что тот отстал от своего товарища, попал в злые руки, которые ограбили и избили его; и второй был не менее обязан благодарить за свое избавление; но как вопреки этому они действовали в обоих случаях, вы слышали.

На моей памяти есть множество примеров так называемых замечательных вмешательств Провидения, и многие люди готовы называть их [именно] так, но это не подходит к данному случаю.

Хотя не замечать знаки Провидения и воздавать причитающиеся Ему почести, как я описал выше,— дьяволу или случайности, судьбе — я и не знаю, каким еще проявлениям воображения, нечестиво; все же каждый, кто избегает этого зла, тоже

of; for there is a manifest Difference between acknowledging the Being and Operations of Providence, and *listning to its Voice*, as many People acknowledge a God, that obey none of his Commands, and concern themselves in nothing of their Duty to him.

To listen to the Voice of Providence, is to take strict Notice of all the remarkable Steps of Providence, which relate to us in particular, to observe, if there is nothing in them instructing to our Conduct; no Warning to us for avoiding some Danger; no Direction for taking some particular Steps for our Safety or Advantage; no Hint to remind us of such and such things *omitted*; no Conviction of something *committed*; no vindictive Step, by Way of Retaliation, marking out the Crime in the Punishment; You may easily observe the Differences between the Directions and Warnings of Providence, when duly listned to, and the Notices of Spirits from an invisible World, viz. that these are dark Hints of Evil, with very little Direction to avoid it: But those Notices, which are to be taken from the Proceedings of Providence, tho' the Voice be a Kind of silent or soft Whisper; yet 'tis generally attended with an Offer of the Means for escaping the Evil, nay, very often leads by the Hand to the very proper Steps to be taken; and even obliges us, by a strong Conviction of the Reason of it, to take those Steps.

It is in vain for me to run into a Collection of Stories; for Example, where the Variety is infinite, and things vary as every particular Man's Circumstances vary: But as every Event in the World is manag'd by the Superintendency of Providence; so every Providence has in it some thing instructing, some thing that calls upon us to look up, or look out, or look in.

Every one of those Heads are big with particular Explanations; but my Business is not Preaching; I am making Observations and Reflections, let those make Enlargements who read it: In a Word, there is scarce any particular Providence attends our Lives, but we shall find, if we give due Weight to it, that it calls upon us, either.

1. To *look up*, and acknowledge the Goodness of God in sparing us, the Bounty of God in providing for us, the Power of God in delivering and protecting us, not forgetting to look up, and acknowledge, and be humble under the Justice of God, in being angry with, and afflicting us.

2. Or to *look out*, and take the needful Caution and Warning given of evil approaching, and prepare either to meet or avoid it.

3. Or to *look in*, and reflect upon what we find Heaven animadverting upon, and afflicting us for, taking Notice of the Summons to repent and reform.

And this is, in a Word, what I mean by Listning to the *Voice of Providence*.

не приближается к той конкретной цели, о которой я рассуждаю, ибо существует явная разница между признанием существования и вмешательства Провидения и тем, чтобы *вслушиваться в его голос*, поскольку многие люди признают Бога, но не подчиняются ни одному из Его повелений и не исполняют свой долг перед Ним.

Внимать голосу Провидения – значит внимательно следить за всеми его удивительными посланиями, касающимися, в частности, нас; наблюдать, нет ли в них того, что бы наставляло нас в нашем поведении, предостерегало бы от какой-либо опасности, указывало на необходимость ради нашей же безопасности или выгоды определенных шагов; [размышлять, не содержится ли в них] *намек*, дабы напомнить нам о тех или иных *упущенных* вещах, осудить некий поступок или в порядке возмездия отомстить, отмечая наше преступление наказанием. Можно легко заметить различия между указаниями и предупреждениями Провидения, если выслушать их должным образом, и голосами духов из невидимого мира – это неясные намеки на [приближение беседы], в которых нет указаний, как избежать ее; но те замечания, которые можно извлечь из промысла Провидения, хотя его тихий голос или мягкий шепот всегда сопровождаются предложением путей избегания беды и часто ведут за руку [и направляют] к тем самым правильным шагам, которые необходимо предпринять и даже обязывают нас благодаря сильной убежденности в причинах этого предпринять таковые.

Напрасно было бы мне прибегать к собранию примеров⁴⁶ там, где разнообразие бесконечно и ситуации меняются по мере того, как меняются обстоятельства [жизни] каждого конкретного человека; но как всякое событие в мире управляется Провидением, так и каждый случай Провидения имеет в себе нечто поучительное, что-то, что призывает нас возвести очи горе, оглядеться по сторонам или заглянуть внутрь себя.

Каждый из этих путей нуждается в особых разъяснениях, но мое дело здесь – не проповедовать, я лишь наблюдаю и размышляю, и пусть те, кто читают это, пускаются в разъяснения; одним словом, каждый знак Провидения в нашей жизни, если мы как следует поразмыслим над ним, призывает нас [к следующим действиям]:

1. *Возвести очи горе* и признать благодать Божию в том, что она щадит нас, щедрость Божию в том, что она обеспечивает нас, Божию власть в том, что она освобождает и защищает нас; не забывая [обращать свой взор к небу], благодарить Бога и смиряться перед Божьим правосудием, [проявляющимся] в том, что Он гневается на нас и чинит нам страдания.

2. Или оглянуться *по сторонам*, принять предупреждение о приближении беды и проявить необходимую осторожность, приготовившись либо встретить оную, либо избежать ее.

3. Или заглянуть *внутри себя* и поразмыслить над тем, что, как мы видим, Небеса предостерегают и наказывают нас, чтобы мы обратили внимание на призыв покаяться и исправиться.

В общем, это [и есть] то, что я имею в виду под выражением «внимать *голосу Провидения*».

CHAP. VI.

Of the Proportion between the Christian and Pagan World.

I have said something of this already in my enquiry after the state of Religion in the World; I but upon some reflections which fell in my Way since, I think it may offer further Thoughts, very improving, as well as diverting.

When we view the world geographically, take the Plan of the Globe, and measure it by line, and cut it out into latitude and longitude, degrees, leagues, and miles; we may see indeed that a pretty large spot of the whole, is at present under the government of Christian powers and princes, or under the influence of their power and commerce, by Arms, Navies, Colonies, and Plantations; or their Factories, Missionaries, residences, etc.

But I am loth to say we should take this for a Fulfilling the Promise made to the Messiah, that his Kingdom should be exalted above all Nations, and the Gospel be heard to the End of the Earth, I was going to say, *and yet without any Prophaness* that we hope God will not *put us off SO*. I must acknowledge, I expect in the Fulfilling of these Promises, that the Time will come, when the *Knowledge of God shall cover the Earth, as the Waters cover the Sea, that the Church of God shall be set open to the four Winds, that the Mountain of the Lord's House shall be exalted above the Tops of the Mountains, and all the nations shall flow into it* (Isaiah. II. 2.); that is to say, that the Christian Religion, or the profession of the doctrine of the Messiah, shall be made national over the whole globe, according to those words (Matth. XXIV. 14. Mark XIII. 13. Luke XXIV. 17). But this may be a little too apocalyptical, or visionary for the times; and it is no business of mine, to enter upon the interpretation of Scripture difficulties, whatever I may understand, or believe myself about them; but rather to make my observations, as I have begun, upon things which now are, and which we have seen and know, let what is to come, be as he pleases, who has ordered things past, and knows what is to follow.

The present case is, to speak of the mathematical proportion that there is now to be observed upon the plain of the globe, and observe how small a part of the World it is, where the Christian Religion has really prevailed, and is nationally professed; I speak of

ГЛАВА 6

О соотношении христианского и языческого мира

уже говорил кое-что об этом в своем исследовании о положении религии в мире. Коснусь лишь некоторых размышлений, которые возникли по ходу дела. Думаю, что это может навести на дальнейшие мысли, весьма полезные, а также занимательные.

Когда мы рассматриваем мир в географическом отношении, берем карту земного шара, размечаем ее линиями, делим на широту и долготу, градусы, лиги и мили, мы в реальности можем увидеть, что значительная часть мира находится в настоящее время под управлением христианских держав и государей. Либо же под влиянием их власти и торговых отношений, [установленных] с помощью оружия, флота, колоний и плантаций, а также их факторий, миссий, резиденций и т. п.

Однако мне бы не хотелось говорить, что мы должны принять сие за выполнение завета, данного еще до Мессии, [гласящего,] что Царство Его будет над всеми народами, а Евангелие будет слышно даже на краю Земли¹. Я хотел только сказать, что и *без всякого пророчества*, надеемся, *Бог не оставит нас*. Должен признать, что я ожидаю установления Царства Божьего и что придет время, когда учение о Господе наполнит землю, как *вода наполняет море*², *когда Церковь Божия будет открыта четырем ветрам*³, *когда гора дома Господня возвысится над холмами, и потекут к ней все народы* (Ис. 2 : 2). То есть, согласно этим словам, христианская религия или пророчества учения о Мессии восторжествуют над всеми народами по всему земному шару (Мф. 24 : 14; Мк. 13 : 13; Лк. 24 : 17)⁴. Но, вероятно, это можно прозреть только через Апокалипсис. И не мое это дело – вдаваться в толкование сложностей Писания, что бы я в них ни понимал или во что бы я ни верил. Но я взялся рассуждать о том, что происходит ныне, и о том, что мы видели и знаем. Пусть будущее будет угодным тому, кто распорядился прошлым и знает, что грядет.

В данном случае, говоря языком математической пропорции, мы можем посмотреть на карту земного шара и понять, насколько же мала та часть мира, где христианская религия действительно господствует и исповедуется в масштабах всей страны. Я поведу разговор о христианстве в тех странах, где церковь стала

the Christian Religion, where it is, as I call it, national, *that is*, in its utmost latitude; and I do so, that I may give the utmost advantage, even against myself, in what I am going to say; and therefore, when I come to make deductions for the mixtures of barbarous nations, I shall do it fairly also.

I have nothing to do with the distinctions of Christians: I hope none will object against calling the Roman Church, a Christian Church, in this Respect, and the Professors of the Popish Church, *Christians*; neither do I scruple to call the Greek Church Christian, though in some Places so blended with superstition, and barbarous customs, as in Georgia, Armenia, and the Borders of *Persia* and *Tartary*; likewise in many parts of the *Czar of Muscovy's* Dominions, that, as before, the Name of Christ is little more than just spoken of, and literally known, without any material Knowledge of his Person, Nature, and Dignity; or of the Homage due to him as the Redeemer of the World.

The Nations of the World then; where Christ is acknowledged, and the Christian Religion is professed nationally, be it *Romish* Church or Greek Church, or even the Protestant Church, including all the several Subdivisions and Denominations of Protestants, take them all as Christians, I say, these Nations are as follow.

1. In Europe: *Germany, France, Spain, Italy, Great Britain, Denmark, Sweden, Muscovy, Poland, Hungary, Transilvania, Moldavia, and Walachia.*

2. In *Asia, Georgia, and Armenia.*

3. In *Africa*: No Place at all, the few Factories of European merchants, only excepted.

4. In *America*: The Colonies of *Europeans* only, as follow.

1. The Spaniards, in *Mexico* and *Peru*, the Coasts of *Chili*, of *Cartagena*, and *St. Martha*, and a small Colony at the *Buenos Ayres* on the *Rio de la Plata*.

2. The *Portuguese*, in the *Brasils*.

3. The *British*, on the coast of *America*, from the *Gulph* of Florida to Cape *Britoon* on the Mouth of the *Gulph* of *St. Lawrence*, or the great River of *Canada*, also a little in *Newfoundland*, and *Hudsons Bay*.

4. The *French* in the River of *Canada*, and the great River of *Mississippi*.

5. The *English, French, and Dutch*, on the Islands called the *Caribbees*, etc.

The chief seat of the Christian Religion is at present in *Europe*: But if we measure the Quarter of the World, we call *Europe* upon the Plan of the Globe, and cast up the northern, frozen, and indeed uninhabitable Part of it, such *Laponia, Petzora, Candora, Obdora*, and the *Samoiedes*, with Part of *Siberia*, they are all Pagans, with the eastern unpeopled deserts, bordering upon *Asia*, on the Way to *China*, and the vast Extent of Land on that Side, which though nominally under the Dominion of *Muscovy*, is yet all Pagan, even nationally so – under no real government, but of their own Pagan Customs.

If we go from thence to the *South*, and take out of it the *European Tartars*, viz. of *Circassia*, the *Crimea*, and *Budziack*, if you go on, and draw a Line from the *Crim Tartary*

общенациональной, то есть [религия] распространена повсеместно. Делаю я это для того, чтобы иметь максимальные преимущества в рассуждениях о предмете разговора, даже если это будет не в мою пользу. Поэтому, когда я перейду к выводам о различных варварских народах, то сделаю это так же честно.

Я оставляю в стороне вопрос о различиях между христианами [различных конфессий]. Надеюсь, что никто не будет возражать против того, чтобы называть римскую церковь в этом отношении христианской, а последователей папской церкви – христианами. Я также без колебаний называю греческую церковь христианской, хотя в некоторых моментах ее учение очень [близко] переплетается с суевериями и варварскими обычаями, в частности в Грузии, Армении или на границах *Персии* и *Тартарии*⁵. Точно так же и во многих областях владений *московского царя*, как говорилось выше, имя Христа – не более чем просто имя, без глубокого знания о Его Личности, Природе и Достоинстве. Да и о подобающем Его почитании как Спасителя мира [тамошним жителям ничего не известно].

[Страны] и народы мира, которыми Христос признан и [в чьих землях] христианская религия исповедуется в масштабах всей страны, будь то *римская* церковь, или греческая церковь, или даже протестантская церковь, включая все ее различные ответвления и конфессии, – считайте их всех за христиан. Я перечислю их:

1. В Европе – *Германия, Франция, Испания, Италия, Великобритания, Дания, Швеция, Московия, Польша, Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия.*

2. В Азии – *Грузия и Армения.*

3. В *Африке* – вообще нет нигде, за исключением нескольких факторий европейских купцов.

4. В *Америке* – только колонии *европейцев*, а именно:

1) Испанцы в *Мексике* и *Перу*, на побережье *Чили, Картахены*⁶ и *Сент-Марты*, а также в небольшой колонии в *Буэнос-Айресе* на *Рио-де-ла-Плата.*

2) *Португальцы* в *Бразилии.*

3) *Британцы* на побережье *Америки* от залива *Флорида* до мыса *Бритун*⁷ в устье залива *Святого Лаврентия* или *Великой реки Канады*⁸, а также немногие в *Ньюфаундленде* и в *Гудзоновом заливе.*

4) *Французы* на *Великой реке Канада* и *великой реке Миссисипи.*

5) *Англичане, французы и голландцы* на островах, называемых *Карибскими*, и т. д.

Главный центр христианства в настоящее время находится в *Европе*. Но если мы возьмем ее как [географическую] часть мира и рассмотрим на карте земного шара, то нам придется отбросить ее северную, покрытую льдами и поистине непригодную для жизни часть, то есть *Лапонию*⁹, *Печору, Кондору, Обдору* и [земли] *самоедов* вместе с частью *Сибири*¹⁰; на безлюдных пространствах восточных ее окраин, граничащих с *Азией* на путях в *Китай*, и далее на восток [обретаются] язычники, хотя номинально и находящиеся под владычеством *Московии*, однако неподвластные настоящему правительству и живущие по своим языческим традициям.

Если направиться из этих мест на юг и исключить *европейских татар*, проживающих в *Черкесии, Крыму* и *Буджаке*¹¹, если дальше пойти [на запад] и провести

to the *Danube*, and from thence to the *Adriatic Gulph*, and cut off all the Grand Seignior's *European* Dominions; I say, take this Extent of Land out of *Europe*, and the Remainder does not measure full two Thirds of Land in *Europe*, under the Christian Government, much of which is also Desert, and uninhabited, or at least, by such as cannot be called Christians, and do not concern themselves about it, as particularly, the *Swedish* and *Norwegian Lapland*, the more eastern and southern *Muscovy*, beyond the Volga even to *Karakathie*, and to the Borders of *Asia* on the Side of *India*; I say, taking in this Part, not above one half of *Europe* is really inhabited by Christians.

The *Czar of Muscovy*, of the Religion, of whose Subjects I have said enough, is Lord of a vast extended Country; and those who have measured it critically, say, his Dominions are larger than all the rest of *Europe*; that is to say, that he possesses a full half as much as *Europe*; and in those Dominions, he is Master of Abundance of Nations, that are Pagan or Mahometan, as in particular *Circassia*, being conquered by him, the *Circassian Tartars*, who are all Mahometans, or the most of them, are his Subjects.

However, since a Christian Monarch governs them, we must upon the Plan I laid down, call this a Christian Country, and that alone obliges me to give two Thirds of *Europe* to the Christians.

But this will bring another Account upon my hands to balance it, viz., that excepting this two thirds, there will not come one Christian to be accounted for in any of the other three parts of the world, except *Georgia* and *Armenia*; as for *Africa*, there is nothing to be mentioned on that Side: all the Christians that are on the Continent of *Africa*, consisting only of a few Merchants residing at the Coast Towns in the *Mediterranean*, as at *Alexandria*, *Grand Cairo*, *Tunis*, *Tripoli*, *Algier*, &c. The Factories of the *English* and *Dutch*, on the Coast of *Guinea*, the *Gold Coast*, the *Coast of Angola*, and at the *Cape of Good Hope*; all which put together, as I have calculated them, and as they are calculated by a better judgment than mine, will not amount to 5000 people, excepting Christian Slaves in *Sallee*, *Algiers*, *Tunis*, *Tripoli*, etc., which are not so many more.

America is thronged with Christians, God wot, such as they are; for I must confess, the *European* inhabitants of some of the colonies there, as well *French* and *English*, as *Spanish* and *Dutch*, very ill merit that Name.

Some Part of *America* is entirely under the Dominion and Government of the *European* Nations; and having indeed destroyed the Natives, and made desolate the Country, they may be said to be Christian Countries in the Sense, as above.

But what Numbers do these amount to, compared to the Inhabitants of so great a Part of the World, as that of *America*, which at least is three Times as big as *Europe*, and in which are still vast extended Countries, infinite Numbers of People of Nations unknown, and even unheard of; which neither the *English*, *French*, *Spanish*, or *Portuguese* have ever seen; Witness the populous Cities and innumerable Nations, which Sir *Walter*

линию от *Крымской Татарии* к *Дунаю*, а оттуда – к *Адриатическому морю*, отрезав все *европейские* владения турецкого султана (я настаиваю: исключите все эти земли с карты *Европы*), тогда оставшаяся часть, находящаяся под властью христианского правления, не составит и полных двух третей суши. Эти земли [за пределами христианской Европы] представляют собой необитаемую пустыню или заселены в незначительной степени теми, кто не могут именоваться христианами и [совсем] не озабочены этим [фактом], в частности, это население, проживающее в *шведской и норвежской Лапландии*, на территориях *Московии* к востоку и югу от Волги и даже до *Каракатии*¹², до границ *Азии* с *Индией*. Я утверждаю: если учесть все это, [придется признать, что] не более половины [территории] *Европы* действительно населено христианами.

Царь Московии, о религии подданных которого я сказал достаточно, есть владыка обширной по протяженности страны. Те, кто предметно оценивали его земли, говорят, что его владения больше всей остальной Европы. То есть он правит практически половиной *Европы*. В тех владениях, где он является повелителем народов, есть язычники и магометане. В частности, в завоеванной им *Черкесии*. *Черкесские татары*, будучи его подданными, все или большинство – магометане.

Однако, поскольку ими управляет христианский монарх, полагаю, мы должны в соответствии с картой назвать эту страну христианской. И одно это обязывает меня отдать две трети *Европы* христианам.

Это влечет за собой еще один аргумент для уточнения подсчетов, а именно: кроме этих двух третей [христиан в Европе], ни в одной из трех других частей света, исключая *Грузию* и *Армению*, не найдется ни одного христианина. Что касается *Африки*, то тут и говорить не о чем. Все христиане, что есть на *Африканском континенте*, это горстка купцов, проживающих в прибрежных городах *Средиземноморья*, таких как *Александрия*, *Большой Каир*, *Тунис*, *Триполи*, *Алжир* и т. д.; фактории *англичан* и *голландцев* на побережье *Гвинеи*, *Золотого Берега*, *побережья Анголы* и на мысе *Доброй Надежды*. Все они, вместе взятые, как я подсчитал и как подсчитали другие [занимавшиеся этим специально], не составят и 5 000 человек. Не считая рабов-христиан в *Салле*, *Алжире*, *Тунисе*, *Триполи* и т. д., которых не так уж и много.

В *Америке* полно христиан, [но] Бог знает, каких. Ибо я должен признаться, что *европейские* жители некоторых колоний, а также *французы* и *англичане*, *испанцы* и *голландцы* вообще недостойны именоваться христианами.

Некоторая часть *Америки* полностью находится под властью и правлением *европейцев*. И действительно, уничтожив здесь туземцев и фактически опустошив эти земли, европейцы сделали эти страны христианскими в том смысле, как указано выше.

Но что значат эти цифры по сравнению с [численностью] жителей такой огромной части мира, как *Америка*, которая по крайней мере в три раза больше *Европы* и в которой все еще имеются обширные по протяженности земли, населенные бесконечным числом людей, [принадлежащих к] неизвестным и даже неслыханным народам, которых никогда не видели ни *англичане*, ни *французы*, ни *испанцы*,

Raleigh met with in his Voyage up the great River *Oroonoque*; in one of which they talk of two Millions of People, Witness the Nations infinitely populous, spread on both sides the River de Amazon, and all the Country between these two prodigious rivers, being a country above 400 miles in breadth, and 1600 miles in length, besides its extent south even to the *Rio Paragudy*, and S. E. to the *Brasils*, a rich, fruitful, and populous Country; and in which, by the accounts given, there must be more people inhabiting at this Time, than in all the Christian Part of Europe put together, being the Chief, if not the only Part of America, into which the *Spaniards* never came, and whether the frighted People fled from them, being so fortified with rivers and unpassable bays and rapid currents, and so inaccessible by the number of inhabitants, the heat of the climate, and the mountains, waterfalls, and such other obstructions, that the *Spaniards* durst never attempt to penetrate the Way.

What are the Numbers of Christians in *America*, put them altogether to the Inhabitants of these Parts of America, besides the Northern Parts of *America* not enquir'd into.

But we are not calculating of People yet, but the Extent of Land, that the Christians possess, the *British* Colonies in the *North*, are by far the most populous even more than the *Spaniards* themselves, though the latter extend themselves over more Land.

The *British* Colonies in the *North of America* are supposed to contain Three Hundred Thousand Souls, including *Nova Scotia*, *New England*, *New York*, *New Jersey*, *East and West Pensilvania*, *Maryland*, *Virginia*, and *Carolina*, and these lie extended upon the Coast from the Latitude of 32 Degrees, to 47, or thereabouts, being about 750 Miles in Length; but then much of this is very thinly peopled, and the Breadth they lie West into the Country is little or nothing, 50 Miles or 60 Miles is in many places the most; and except some Plantations in *Virginia* in *Rappahanock*, and *James River* in *Virginia*, occasioned by the great inlet of the *Bay* there, and of the Rivers that fall into it. We can see nothing an hundred Miles within that Land but waste and Woods, whose Inhabitants seem to be fled farther up into the country from the face of their enemies the Christians.

So that all this planting though so considerable, amounts to no more compared to the Country itself, than a long narrow Slip of Land upon the sea-coast, there being very few *English* Inhabitants planted anywhere above twenty miles from the sea, or from some navigable river, and even that sea-coast itself very thinly inhabited, and particularly from *New England* to *New York*, from *New-England North to Annapolis*, from *Virginia* to *Carolina*; so that all this great Colony or Collection of Colonies, nay, though we include the *French* at *Canada*, are but a Point, a Handful, compared to the vast Extent of Land lying West and North-West from them, even to the South Sea, an Extent of Continent full of innumerable Nations of people unknown, undiscovered,

ни *португальцы*? Взгляните на густонаселенные города и на бесчисленные народы, с которыми *сэр Уолтер Рэли*¹³ познакомился в своем путешествии вверх по великой реке *Ороноко*¹⁴. В повествовании об одном из них говорится о двух миллионах человек, что свидетельствует об активно прирастающих многочисленных народах, расселившихся по обеим сторонам реки Амазонки и по всей земле между этими двумя чудесными реками. На территории более 400 миль в ширину и 1600 миль в длину. Помимо этого, они [эти земли] простираются на юг даже до [реки] *Рио-Парагвай*¹⁵ и на юго-восток до *Бразилии*. Это богатая плодородная густонаселенная земля. На ней, согласно приведенным источникам, в настоящее время должно проживать больше людей, чем во всей христианской части Европы вместе взятой. Это объясняется тем, что она [Амазония] является главной, если не единственной частью Америки, куда никогда не приходили *испанцы* и куда могли бежать от них напуганные люди. Это территория, защищенная реками, непроходимыми заливами, быстрыми течениями и столь же неисчислимыми жителями, знойным климатом, горами, водопадами и иными подобными препятствиями, через которые *испанцы* никогда бы и не осмелились попытаться проложить дорогу.

Какова же численность [всех] христиан в *Америке*, если прибавить ее к [численности] жителей этих регионов, кроме неисследованных северных областей?

Однако мы пока не подсчитываем [численность] населения, а рассматриваем лишь площади земель, которые населяют христиане. *Британские* колонии на севере, безусловно, являются самыми густонаселенными, в большей мере, чем у самих *испанцев*, хотя последние распространились на большую [ее] территорию.

Предполагается, что британские колонии на *севере Америки* населяет триста тысяч душ, включая *Новую Шотландию*, *Новую Англию*, *Нью-Йорк*, *Восточную* и *Западную Пенсильванию*, *Нью-Джерси*¹⁶, *Мэриленд*, *Вирджинию* и *Каролину*, которые простираются на побережье в широтах от 32 до 47 градусов или около того, что составляет около 750 миль в длину. Однако большая часть этой территории весьма малолюдна, и ширина [земель], освоенных в западном направлении, вглубь страны, невелика или [фактически] равна нулю. Во многих местах по большому счету это 50 или 60 миль, за исключением [тех территорий], которые имеют удобный вход в залив, и впадающих в него рек. Это некоторые плантации в *Вирджинии* на *Ранпаханоке*¹⁷ и [вдоль] реки *Джеймс*. В остальном мы не увидим ничего на сто миль в глубину [материка], кроме пустошей и леса. Жители оных земель, кажется, бежали дальше вглубь страны с глаз долой от своих врагов – христиан.

Так что все эти поселения, хотя и столь значительные, представляют собой не что иное, как длинную узкую полосу земли на морском побережье. Здесь крайне мало *английских* поселенцев, живущих где бы то ни было дальше двадцати миль от моря или от какой-нибудь судоходной реки. Даже само морское побережье заселено очень слабо, особенно от *Новой Англии* до *Нью-Йорка*, от *Новой Англии* с севера до *Аннаполиса* [Новой Шотландии]¹⁸, от *Вирджинии* до *Каролины*. Таким образом, вся эта великая колония или совокупность колоний, если мы даже включим [в ее состав] *французов* в *Канаде*, всего лишь точка [на карте], горстка по сравнению с обширным пространством, лежащим к западу и северо-западу

never searched into or indeed heard of, but from one another, much greater in its Extent than all *Europe*.

If we take the North Part of *America* exclusive of all the Country, which the *Spaniards* possess, and which they call the Empire of *Mexico*; and exclusive too of what the *English* and *French* possess on the Coast, and in the two Rivers of *Canada* and *Mississippi* as above, which indeed are but Trifles; the rest of that Country *which as far as it has been travelled into, is found exceeding populous*, is a great deal larger than all *Europe*, though we have not reckoned the most northern, frozen and almost uninhabitable part of it, where no end can be found, and where it is no doubt, but there is a contiguous Continent with the Northern Part of *Asia*, or so near joining, as to be only parted by a narrow Gulph and Streight of Sea, easily passed over both by Man or Beast, or else it would be hard to give an Account how Man or Beast came into that Part of the World; I say, this vast Continent full of People, and no doubt, inhabited by many Millions of Souls, is all wrapt up in idolatry and paganism, given up to ignorance and blindness, worshipping the Sun, the Moon, the Fire, the Hills their Fathers, and, in a word, the Devil.

As to the Thing we call Religion, or the Knowledge of the true God, much less the Doctrine of the Messiah, and the Name of Christ, they not only have not, but never had the least Intimation of it on earth, or Revelation of it from Heaven, till the *Spaniards* came among them; nay, and now Christians are come among them, it is hard to say, whether the paganism is much abated, except by the infinite Ravages the *Spaniards* made where they came, who rooted out the idolatry by destroying the Idolaters, not by converting them; having cruelly cut off, as their own writers affirm, above seventy millions of people, and left the country naked of its Inhabitants for many hundred miles together.

But what need we come to Calculations for the present Time with Respect to *America*, let us but be at the Trouble to look back a little more than a Hundred Years, which is as nothing at all in the Argument; how had the whole Continent of *America* extended almost from Pole to Pole, with all the Islands round it, and peopled with such innumerable Multitudes of People, been as it were entirely abandoned to the Devil's Government, even from the beginning of Time, or at least from the second Peopling the World by *Noah* to the 16th Century, when *Ferdinando Cortez*, General for the famous Charles the Fifth, first landed in the *Gulph* of Mexico.

We have heard much of the Cruelty of the *Spaniards* in destroying such Multitudes of the Inhabitants there, and of cutting off whole Nations by Fire and Sword: but as I am for giving up all the Actions of Men to the Government of Providence, it seems to me, that Heaven had determined such an Act of Vengeance should be executed, and of which the *Spaniards* were Instruments, to destroy those People, who were come up (by the Influence of the Devil, no doubt) to such a dreadful height, in that abhorred Custom of human

от них вплоть до Южного моря¹⁹. Обширная территория континента заполнена бесчисленными народами, неизвестными, [никем] не открытыми, которыми никто никогда серьезно не интересовался или о которых действительно знали только понаслышке, и это намного больше по протяженности, чем вся *Европа*.

Возьмем Северную Америку, исключив [ту ее] часть, которой владеют испанцы и которую они называют Мексиканской империей. Также исключим те [земли], которыми англичане и французы владеют на побережье и между двух рек – Канады [Святого Лаврентия] и Миссисипи, как указано выше, что, в сущности, всего лишь пустышки. Остальная [территория] этой страны, которую мы исследовали, оказывается чрезвычайно густонаселенной и намного больше всей *Европы*. Хотя мы не учли [здесь] самую северную, покрытую вечными снегами и почти непригодную для жизни ее часть, которой и конца не отыскать и где, несомненно, существует континент, прилегающий к северной части Азии или настолько близкий к слиянию [с ней], что разделен лишь узким заливом и морским проливом, легко преодолеваемым как человеком, так и зверем, иначе было бы трудно объяснить, как человек или зверь попал в эту часть мира²⁰. Говорю вам, что этот огромный многонаселенный континент, на котором живут, без сомнения, многие миллионы народу, весь погряз в идолопоклонстве и язычестве, его жители пребывают в невежестве, поклоняются Солнцу, Луне, огню, курганам своих предков, одним словом – дьяволу.

Что касается того, что мы называем религией или познанием истинного Бога, а тем более учением о Мессии и имени Христа, то у них ничего такого не только не было, но и никогда не имелось ни малейшего намека на это на земле или откровения на это счет с Небес, откуда среди них не появились испанцы. Более того, теперь, когда среди них появились христиане, трудно сказать, сильно ли [здесь] ослабло язычество, учитывая учиненные испанцами бесконечные опустошения там, куда они пришли, искореняя идолопоклонство путем уничтожения идолопоклонников, но не обращая их [ко Христу], жестоко вырезав, как утверждают их собственные писатели, более семидесяти миллионов человек и оставив страну безлюдной на многие сотни миль²¹.

Но к чему нам ныне прибегать к расчетам в отношении Америки? Давайте озаботимся тем, чтобы оглянуться чуть более чем на сотню лет назад, что мало что значит в данном обзоре; каким образом весь Американский континент, простирающийся почти от полюса до полюса со всеми островами вокруг него и населенный таким бесчисленным множеством людей, был полностью отдан во власть нечистого с начала времен или по крайней мере со второго заселения мира *Ноем*²²? Вплоть до XVI века, когда Фердинандо Кортес²³, генерал знаменитого Карла V, впервые высадился в Мексиканском заливе.

Мы много слышали о жестокости испанцев, уничтоживших несметное множество людей и истребивших целые народы огнем и мечом. Но я уступаю власти Провидения акт возмездия, орудием которого были испанцы, выбранные как инструмент для уничтожения народов, поднявшихся (несомненно, под влиянием нечистого) до столь ужасающего беспредела в этом отвратительном обычае человеческих жертвоприношений, что невинная кровь зывала [к возмездию].

Sacrifices, that the innocent Blood cried for it, and it seemed to be a Time to put a Stop to that Crime, lest the very Race of People should at last be extinct by their own butcheries.

The Magnitude of this may be guessed at, by the Temple consecrated to the great Idol of *Vistlipustli* in the City of *Mexico*, where at the Command of *Montezuma*, the pagan monarch, twenty thousand men were sacrificed in a year, and the wall hung a foot thick with clotted blood, dashed in ceremony against the Side of that Place on those Occasions.

This Abomination God in his Providence, put an End to, by destroying those Nations from the Face of the Earth, bringing a Race of bearded Strangers upon them, cutting in Pieces Man, Woman and Child, destroying their Idols, and even the Idolatry itself by the *Spaniards*; who, however wicked in themselves, yet were in this to be esteemed Instruments in the Hand of Heaven, to execute the divine Justice, on nations, whose crimes were come up to a full Height, and that called for Vengeance.

I make no doubt (to carry on this Digression a little farther) that when God cast out the heathen, so the Scripture calls it, from before the Israelites, and the iniquity of the People of the Land was full, *Joshua*, *Moses*, and the *Israelites* were taxed with as much cruelty and inhumanity, in destroying the cities, killing Man, Woman, and Child; nay, even destroying the very Cattle, and Trees, and Fruits of the Earth, as ever the *Spaniards* were charged within the Conquest of *Mexico*.

This is apparent by the terror that was spread upon the minds of the people round about them, whereof thousands fled to other parts of the World. That History tells us, that the first Builders of the City of *Carthage*, long before the *Roman* Times, or before the Fable of Queen *Dido*, were some *Phoenicians*, that is to say, *Canaanites*, who flying for their Lives, got Ships and went away to sea, planting themselves on the Coast of *Afric*, as the first Place of Safety they arrived at, and to prove this a Pillar of Stone, was found not far from *Tripoli*, on which was cut in Phoenician Characters, these Words, *We are of those who fled from the face of Joshua the robber*.

The cruelties of the *Israelites*, in destroying the nations of the land of *Canaan*, was commanded from Heaven; and therein *Joshua* was justified in what was done. The cruelties of the *Spaniards*, however abhorred by us, was doubtless an appointment of God, for the destruction of the wickedest and most abominable People upon Earth.

But this is all a Digression; I come to my Calculation. It is true, that the *Spaniards*, whom I allow to be *Christians*, have possessed the Empires of *Mexico* and *Peru*; but after all the Havock they made, and the Millions of Souls they dismissed out of Life there, yet the Natives are infinitely the Majority of the Inhabitants; and though many of them are christianised, they are little more than subjected, and take all the *Spaniards*, *Christians*, and all the *Portuguese* in the *Brasils*, all the *English* and *French* in the North, and in a Word, all the *Christians* in *America*, and put them together, they will not balance one part of the Pagans or Mahometans in *Europe*; for Example, take the *Crim Tartars* of *Europe*, who inhabit the Bank of the *Euxine* Sea, they are more in number than all the *Christians* in *America*; so that setting one nation against the

Казалось, что пришло время положить конец этому преступлению, дабы и сам род людской не вымер в конце концов из-за этих жертвоприношений.

О масштабах этого [бедствия] можно догадаться по храму, посвященному великому идолу *Вицлипуцли* в городе *Мехико*, где по приказу *Монтесумы*, правителя язычников²⁴, каждый год в жертву приносилось двадцать тысяч человек, а стена, церемониально окроплявшаяся в таких случаях, прибавила в толщине на фут в результате густо запекшейся на ней крови.

Сей мерзости Бог в своем Провидении положил конец, стерев эти народы с лица земли, наведя на них расу бородатых чужеземцев, разрубавших на куски мужчин, женщин и детей, уничтожив их идолов и даже само идолопоклонство руками *испанцев*. Какими бы нечестивыми испанцы ни были сами по себе, тем не менее, они должны были считаться орудием в деснице Небес для свершения Божественного правосудия над народами, чьи преступления достигли крайней точки и требовали отмщения.

Я не сомневаюсь (продолжая это отступление немного дальше) в том, что когда Господь изгнал язычников, на землях которых царило беззаконие, как об этом говорится в Писании от лица израильтян²⁵, *Иисус Навин*, *Моисей* и *израильтяне* были обвинены в такой же жестокости и бесчеловечности при разрушении городов, убийстве мужчин, женщин и детей. Более того, они даже уничтожали скот, деревья и плоды земли, как это всегда делали *испанцы* при завоевании *Мексики*.

Это очевидно по ужасу, охватившему окружавших их людей, тысячами бежавших в другие части света. История гласит, что первыми строителями города *Карфагена* задолго до *римских* времен²⁶ или до мифа о царице *Дидоне*²⁷ были некие *финикийцы*, то есть *ханаане*. Они спасались бегством, садились на корабли, отправлялись в море и [в результате] обосновались на побережье *Африки* – первом безопасном месте, куда они прибыли. В доказательство этого недалеко от Триполи был найден каменный столб, на котором финикийскими буквами были высечены следующие слова: *Мы из тех, кто бежали с глаз долой от Иисуса Навина, разбойника*²⁸.

Жестокость израильтян, истреблявших народы земли *Ханаанской*, была повелением Небес. *Иисус Навин* был оправдан в том, что было им содеяно²⁹. Жестокости *испанцев*, как бы мы их ни ненавидели, несомненно, были предопределены Господом для уничтожения самых порочных и отвратительных людей на Земле.

Но это все отступление. Я перехожу к своему подсчету. Это правда, что *испанцы*, которых я признаю *христианами*, владели *Мексиканской* и *Перуанской* империями. Однако после того опустошения, которое они устроили, и [гибели] миллионов душ, вычеркнутых ими из жизни, все же туземцы [по-прежнему] составляют неисчислимое большинство жителей [Земли]. Хотя многие из них обращены в христианство, их просто принудили к этому. А взятые вместе *испанцы*, христиане и все *португальцы* в *Бразилии*, все *англичане* и *французы* на севере – словом, все христиане в *Америке*, сложенные вместе, не смогут уравновесить и одной части язычников или магометан в *Европе*. Например, возьмем *крымских татар Европы*, населяющих берег *Эвксинского моря*³⁰. Их больше, чем всех христиан

other, and you may reckon that there is not one Christian, or as if there were not one Christian in those three parts of the World, *Asia*, *Africa*, and *America*, except the *Greeks* of *Asia*.

This is a just but a very sad account of the small extent of Christian knowledge in the world; and were it considered, as it ought, would put the most powerful Princes of *Europe* upon thinking of some methods, at least to open a Way for the spreading Christian Knowledge. I am not much of the Opinion indeed, that Religion should be planted by the sword; but as the Christian Princes of *Europe*, however few in number, are yet so superior to all the rest of the World in martial Experience and the Art of War, nothing is more certain than that, if they could unite their interest, they are able to beat paganism out of the World. Nothing is more certain than this, that would the Christian Princes unite their Powers, and act in concert, they might destroy the *Turkish* Empire, and the *Persian* Kingdom, and beat the very name of Mahomet out of the World.

It is no boast to say that, were there no intestine broils among us, the Christian soldiery is so evidently superior to the *Turks* at this Time, that had they all joined after the late Battle at *Belgrade*, to have sent 80,000 Veteran Soldiers to have joined Prince *Eugene*, and supplied him with money and provisions by the ports of the *Adriatic* Gulph, and the *Archipelago*, that Prince would in two or three campaigns, have driven the Mahomerans out of Europe, taken *Constantinople*, and have overturned the *Turkish* Empire.

After such a conquest, whether might not the Christian Religion have spread? The King of *Spain* with the same Ease would reduce the Moors of *Barbary*, and dispossess those sons of hell the *Algerines*, *Tripolines*, *Tunizens*, and all the Mahometan pirates of that coast, and plant again the ancient Churches of *Afric*, the sees of *Tertullian*, *St. Cyprian*, etc.

Nay, even the *Czar* of *Muscovy*, an enterprizing and glorious Prince, well assisted and supported by his neighbours, the Northern Powers, who together are masters of the best soldiery in the world, would not find it impossible to march an army of 36,000 foot and 16,000 horse, in spite of waste and unhospitable deserts, even to attack the *Chinese* Empire; who, notwithstanding their infinite numbers, pretended policy and great skill in war, would sink in the operation; and such an army, of disciplined *European* Soldiers, would beat all the forces of that vast Empire, with the same or greater ease, as *Alexander* with 30,000 *Macedonians* destroyed the Army of *Darius*, which consisted of 680,000 Men.

And let no man ridicule this project, on account of the march which I know they will call 3,000 miles and more. While there is no obstruction, but the length of the way, it is not so difficult as some may imagine; it is far from impossible, to furnish sufficient provisions for the march, which is indeed the only difficulty that carries any terror in it.

в Америке. Так что, противопоставляя один народ другому, можно считать, что не было ни одного христианина или как будто бы не было ни одного христианина в тех частях мира, Азии, Африке и Америке, кроме греков [в Малой] Азии.

Это точный, но очень печальный отчет о малой степени охвата мира христианским вероучением. Если бы его принимали в расчет должным образом, это заставило бы самых могущественных монархов Европы задуматься о некоторых методах, по крайней мере, чтобы открыть путь для распространения христианского вероучения. Я действительно не особо придерживаюсь мнения, что религия должна быть насаждена мечом. Но христианские правители Европы, хотя и немногочисленные, тем не менее, настолько превосходят весь остальной мир в боевом опыте и воинском искусстве, что нет ничего более определенного, чем то, что если бы они могли объединить свои интересы, они были бы в состоянии изгнать язычество из мира. Ведь определено, если бы христианские правители объединили свои державы и действовали сообща, они могли бы разрушить Турецкую империю и Персидское царство и изгнать из мира само имя Магомета.

Не будет хвастовством сказать, что если бы среди нас не было внутренних междоусобиц, христианская армия настолько явно превосходила бы в нынешнее время турок, что если бы они [армии христианских королей] все объединились после недавней битвы при Белграде и послали бы 80 000 солдат-ветеранов для воссоединения с принцем Евгением³¹ (да еще снабдить бы его деньгами и провизией [для продвижения] через порты Адриатического моря и архипелага³²), то этот принц за две или три кампании изгнал бы магометан из Европы, взял Константинополь и низверг Турецкую империю.

Разве не смогла бы христианская религия распространиться [повсеместно] после такого завоевания? Король Испании с той же легкостью мог бы сокрушить мавров-берберов и изгнать эти исчадия ада – алжирцев, триполитанцев, тунисцев и всех магометанских пиратов того побережья и вновь возвести древние церкви Африки – епархии Тертуллиана³³, Св. Киприана³⁴ и др.

Да что там говорить – даже московский царь³⁵, предприимчивый и славный правитель, при хорошей помощи и поддержке своих соседей, северных держав, которые обладают лучшими солдатами в мире, не счел бы невозможным двинуть армию в 36 000 пехотинцев и 16 000 всадников для нападения на Китайскую империю, даже невзирая на степи и неприветливую пустыню. Несмотря на их бесчисленное количество, притязание на искусство управления и большое воинское мастерство, они [китайцы] потерпели бы неудачу в войне. И такая армия, состоящая из дисциплинированных европейских воинов, разбила бы все силы этой обширной империи с такой же или большей легкостью, как Александр с македонской армией в 30 000 разгромил армию Дария, состоявшую из 680 000 человек³⁶.

И пусть никто не смеется над этим проектом похода, который, как мне известно, составит 3 000 миль и более. На этом марше нет особых преград, и долгий путь не так сложен, как иные могут себе вообразить. Вполне возможно обеспечить для такого похода достаточное количество провизии, что, собственно, и является единственной трудностью, чреватой пагубными последствиями.

Such a Prince as the *Czar* of *Muscovy* cannot want the assistance of innumerable hands, for the amassing or carriage for conveying to proper magazines sufficient Stores of Provisions, for the maintaining a select chosen Body of Men to march over the deserts; for in the grand march, no useless mouths should be found to feed.

Why then should not the Christian Princes think it a Deed of Compassion to the Souls of Men, as well as an humble Agency to the Work of Providence, and to the Fulfilling the Promises of their Saviour, by a moderate, and as far as in them lies, a bloodless Conquest, to reduce the whole World to the Government of Christian Power, and so plant the Name and Knowledge of Christ Jesus among the Heathens and Mahometans? I am not supposing, that they can plant real Religion in this manner; the Business of Power, is to open the Way to the Gospel of Peace, the Servants of the King of the Earth are to fight, that the Servants of the King of Heaven may preach.

Let but an open Door be made for the preaching of the Word of God, and the Ministers of Christ be admitted, if they do not spread Christian Knowledge over the Face of the Earth, the fault will be theirs. Let but the military Power reduce the Pagan World, and banish the Devil and Mahomet from the Face of the Earth, the Knowledge of God be diligently spread, the Word of God duly preached, and the People meekly and faithfully instructed in the Christian Religion; the World would soon receive the Truth, and the Knowledge of divine Things would be the Study and Delight of Mankind.

I know, some nice and difficult People would object here, how are the present Body of Christians, *as you call them*, qualified to convert the Pagan and Mahometan World, when they are not able to settle the main Point, *viz.*, What the Christian Religion is, or, what they would convert them to? That Christianity is subdivide into so many parts, and particular principles, the people so divided in their Opinion; and that which is still worse, there is so little Charity among the several sorts, that some of them would rather side with *Mahomet* against their Neighbours, than assist to propagate that particular Doctrine in Religion, which they condemn. Thus the members of the protestant faith would make it a point of principle, not to support or propagate the interest of popery in such a conquest as this; and again, the Catholics would as much make it a duty on them to root out heresy, so they call the Protestant *Doctrine*, as they would to root out paganism and the worship of Devils.

I would not answer for some Protestants, that they would not be of the same mind as to particular Divisions among Protestants. The difference among some opinions is such, and their want of charity one to another, sets them at such Variance, that if they do not censure one another for Devil-Worshippers, yet we know they frequently call some of the opposite Principles, Doctrines of Devils; and persecute one another with as much fury, as ever the Heathen persecuted the Primitive Churches.

Такой правитель, как *московский царь*, не нуждается в помощи бесчисленных посредников для накопления или перевозки достаточных запасов провизии и передачи их на соответствующие склады с целью содержания отборного отряда [воинов] для похода по пустыням. Ибо в великом походе не должно быть бесполезных ртов, которые необходимо кормить.

Почему же тогда христианские монархи не должны считать это проявлением сострадания к душам человеческим, а также смиренным содействием делу Провидения и исполнению обещаний своего Спасителя, умеренным и, насколько им свойственно, бескровным завоеванием, дабы привести весь мир к власти христианства и таким образом насадить имя и учение Иисуса Христа среди язычников и магометан? Не думаю, что таким образом они смогут распространить настоящую религию; дело силы – открыть путь к Евангелию Мира, слуги царя земного должны сражаться, чтобы слуги Царя Небесного могли проповедовать.

Пусть только будет открыта дверь для проповеди слова Божия и допущены [к этому] служители Христовы. Если они не распространят христианское знание по лику земному, вина будет [лежать] на них. Пусть только военная власть сокрушит языческий мир и изгонит дьявола и Магомета с лица земли. Пусть знания о Господе будут усердно распространяться, слово Божие – должным образом проповедоваться, а люди – кротко и верно наставляться в христианской религии. Мир скоро познает истину, и знание Божественных постулатов станет предметом изучения и восторга [всего] человечества.

Знаю: иные хорошие, но неуживчивые люди возразят здесь³⁷. [Но] как приверженцы современной церкви Христовой, *как вы их называете*, способны обратить [в свою веру] языческий и магометанский мир, если они не в состоянии определиться в главном вопросе, а именно – что такое христианская религия, или во что [именно] их обращать? Это так: христианство разделилось на такое множество конфессий, и по ряду отдельных положений люди разнятся во мнениях. И что еще хуже – столь мало [наблюдается] милосердия среди [представителей] различных конфессий, что иные из них скорее встанут на сторону *Магомета* против своих ближних, чем будут способствовать распространению того конкретного религиозного учения, которое они осуждают. Таким образом, представители протестантской веры сделали бы своим принципом не поддерживать и не пропагандировать интересы папства в подобном завоевании. Опять же католики считают своим долгом искоренять ересь, как они нарекают протестантское учение, так же как они искореняли бы язычество и поклонение дьяволу.

Я не стал бы держать ответ за тех протестантов, которые не в состоянии преодолеть различия между отдельными течениями в протестантизме. Между некоторыми из них [существуют] такие расхождения и [наблюдается такое] отсутствие милосердия друг к другу, их разногласия приводят к тому, что если они и не осуждают друг друга за дьяволопоклонство, то мы знаем, однако, что они часто называют некоторые неразделяемые принципы догматами дьявола, преследуя друг друга с той же яростью, с какой язычники преследовали первых христиан.

Witness the Violences which have reigned between the Episcopal and Presbyterian Parties in the North of *Ireland*, and in *Scotland*, which has so often broken out into a Flame of War, and that Flame been always quenched with Blood.

Witness the frequent Persecutions, Wars, Massacres, and other cruel and unnatural doings, which have been in these parts of the World among Christians, the effect of a mistaken zeal for the Christian religion; which as it was not planted by Blood and Violence, so much less can Christians justify the Endeavours to erect this or that opinion in it, by the ruine and blood of their Brethren.

But this is far from being a reason, why we should not think it our duty to subdue the barbarous and idolatrous Nations of the World; in Order to suppress the Worshipping the Devil, who is the enemy not only of God, and of all true Religion in the World, but who is the great Destroyer and Enemy of Mankind, and of his future or present Felicity; and whose Business is always to the utmost of his power to involve and retain them either in ignorance, or in Error.

I distinguish between forcing Religion upon People, or forcing them to entertain this or that Opinion of Religion – I say, I distinguish between that, and opening the Door for Religion to come among them. The former is a Violence indeed, inconsistent with the Nature of Religion itself, whose Energy prevails and forces its way into the Minds of Men, by another sort of power; whereas the latter is removing a force unjustly put already upon the Minds of Men by the Artifice of the Devil, to keep the Christian Religion out of the World; so that indeed I propose a War not with Men, but with the Devil – a War to depose *Satan's* infernal tyranny in the World, and set open the Doors to Religion, that it may enter if Men will receive it; if they will not receive it, be that to themselves.

In a word, to unchain the wills of men, set their inclinations free, that their Reason may be at Liberty to influence their Understandings, and that they may have the Faith of Christ preached to them, whether they will hear or forbear, I say, as above, is no part of the question, let the Christian Doctrine and its spiritual Enemies alone to struggle about that. I am for dealing with the temporalities of the Devil, and deposing that human Power which is armed in the behalf of obstinate Ignorance, and resolute to keep out the light of religion from the Mind.

I think this is a lawful and just War, and in the End, kind both to them and their posterity: let me bring the case home to ourselves.

Suppose neither *Julius Cesar* or any of the *Roman* Generals or Emperors, had cast their Eyes towards *Britain* for some Ages, or till the Christian Religion had spread over the whole *Roman* Empire: it is true, the *Britains* might at last have received the Christian Faith in common with the rest of the Northern world, but they had yet lain above 300 years longer in ignorance and paganism, than they did; and some hundred thousands of People, who proved zealous Christians, nay, even martyrs for the Christian doctrine, would have died in the professed paganism of the *Britons*.

Свидетельствуйте о насилии, что царило между епископальной и пресвитерианской партиями на севере *Ирландии* и в *Шотландии*, которое столь часто раздувало пламя войны, и это пламя всегда гасилось кровью.

Свидетельствуйте о частых гонениях, войнах, массовых убийствах и других жестоких противоестественных деяниях, происходивших в этих частях света [в Европе] среди христиан, возникших вследствие ложного рвения в отношении христианской религии. И если она не насаждалась кровью и насилием, то тем более христиане не могут оправдать попыток утвердить ту или иную религиозную конфессию убийством и кровью своих братьев.

Но это недостаточно веская причина, и мы не должны считать своим долгом покорить варварские и идолопоклоннические народы мира, дабы подавить поклонение дьяволу, который является не только врагом Господа и всей истинной религии в мире, но и великим разрушителем и врагом человечества в его будущем или нынешнем счастье. И чье дело всегда состоит в том, чтобы изо всех сил вовлекать [в свои сети] и удерживать людей (либо по неведению, либо по ошибке).

Я различаю навязывание людям веры и побуждение их к принятию того или иного мнения о вере. Принципиальным моментом, говорю я вам, является то, что врата истинной веры должны быть распахнутыми, дабы она явилась к ним. Первое есть действительно насилие, несовместимое с самой природой религии, чья энергия преобладает и прокладывает себе путь в умы людей силой другого рода. Тогда как второе устраняет силу, несправедливо вложенную в умы людей уловкой дьявола, дабы не допустить христианскую религию в мир. Так что я действительно предлагаю войну не с людьми, а с нечистым – войну для свержения адской тирании *Сатаны* в мире и раскрытия врат веры, дабы она могла войти, если люди примут ее. А если не примут, пусть это будет их личным решением.

Словом, [необходимо] расковать волю людей, раскрыть их склонности, чтобы [полет] их разума стал свободным, чтобы им проповедовалась вера Христова, будут ли они слушать или воздержатся (что, как сказано выше, не является главным вопросом – пусть христианская доктрина и ее духовные враги заботятся об этом). Я за то, чтобы исходить из представления о кратковременности пребывания дьявола [среди нас] и свергнуть ту человеческую силу, которая одержима упрямым невежеством и полна решимости не допустить в умы [людей] свет веры.

Думаю, что это законная и справедливая война³⁸, благая для них и их потомства: позвольте мне довести дело до конца.

Предположим, что ни *Юлий Цезарь*, ни кто-либо из *римских* полководцев или императоров не обращали бы своих взоров на *Британию* в течение нескольких веков или до тех пор, пока христианство не распространилось бы по всей *Римской* империи, когда *британцы* могли бы наконец принять христианскую веру вместе с остальным северным миром и пребывали бы в невежестве и язычестве более чем на 300 лет дольше, как и те [северные народы]; и несколько сотен тысяч людей, которые оказались ревностными христианами, более того, даже мучениками за христианское учение, погибли бы в так называемом язычестве *бриттов*³⁹.

Now it is evident, the Invasion of the *Romans* was an unjust, bloody, tyrannical assault upon the poor *Britains* against all Right and Property against Justice and Neighbourhood, and meerly carried on for Conquest and Dominion. Nor indeed had the *Romans* any just Pretence of War; yet God was pleased to make this Violence be the kindest thing that could have befallen the *British Nation*, since it brought in the knowledge of God among the Britons, and was a Means of reducing a heathen and barbarous Nation to the Faith of Christ, and to embrace the Messias.

Thus Heaven serves itself of Men's worst Designs, and the Avarice, Ambition, and Rage of Men, have been made Use of to bring to pass the glorious Ends of Providence, without the least Knowledge or Design of the actors. Why then may not the great Undertakings of the Princes of *Europe*, if they could be brought to act in Concert, with a good Design to bring all the World, to open their Doors to the Christian Religion, and by Consequence their Ears – I say, why may not such an attempt be blessed from Heaven with so much Success, at least as to make Way for bringing in nominal Christianity among the nations? For as to obliging the People to be of this or that opinion afterward, that is another Case.

There is a great pother made in the world among the several denominations of Christians about coercion, erecting a church, and compelling men to come in; that is to say, one Sort of Christians persecuting another Sort of Christians, to make them worship Christ their Way, as if Christ had no sheep but one Fold.

I distinguish much between using Force to reduce heathens and savages to Christianity, and using force to reduce those that are already Christians, to be of this or that Opinion; I will not say but a war might be very just, and the cause be righteous, to reduce the worshippers of the Pagods of *India*, to the knowledge and obedience of Christianity, when it would be a horrible injustice to commence a like war, to reduce even a popish nation to be Protestant.

But my proposed war does not reach so far as that neither; for though I would have a nation of pagans conquered, that their idols and temples might be destroyed, and their Idol Worship be abolished; yet I would be very far from punishing and persecuting the People for not believing in Christ; for if we believe that faith, as the Scripture says is the gift of God, how can we upon any Christian foundation, punish or persecute the man for not exercising that which God had not given him.

Hence, compelling Men to conform to this or that particular Profession of the Christian Religion, is to me impious and unchristian.

And shall I speak a Word here of the unhappy Custom among Christians, of reviling one another with Words, on Account of differing Opinions in Religion?

Теперь уже очевидно, что вторжение римлян было несправедливым кровавым тираническим нападением на бедных британцев вопреки соблюдению [их] прав собственности, справедливости и соседства, и оно продолжалось просто ради установления господства. Да, у римлян не было благовидного предлога для войны; тем не менее, Богу было угодно сделать это насилие самым благим из того, что могло случиться с британским народом, поскольку оно принесло британцам познание Бога и было средством склонить варварский языческий народ к вере Христовой и принятию Мессии.

Таким образом, Небеса манипулируют низменными помыслами людей, а их алчность, честолюбие и ярость используются ими для осуществления славных целей Провидения без малейшего ведома или умысла [самих] действующих лиц. Почему же тогда великие начинания правителей Европы, если бы их можно было заставить действовать сообща, с добрым намерением привлечь весь мир, распахнуть двери своей христианской религии и, как следствие, их души?.. Я говорю, почему такая попытка не может быть благословлена Небесами с таким успехом, по крайней мере, чтобы открыть путь для распространения номинального христианства среди народов? Ибо заставить народ впоследствии придержаться того или иного учения – это уже другая история.

Среди [существующих] в мире нескольких христианских конфессий идет большой спор о необходимости возведения церквей и о принуждении людей ходить в них. То есть один вид христиан преследует другой вид христиан, чтобы заставить их поклоняться Христу своим способом, как если бы у Христа не было овец, кроме одного стада⁴⁰.

Я осознаю разницу между применением силы по отношению к язычникам и дикарям в обращении [их в] христианство и применением силы по отношению к тем, кто уже являются христианами, дабы [склонить их] к тому или иному мнению; как тут не сказать, что война [в первом случае] может быть даже очень справедливой, и дело это будет добродетельным, если уменьшить число устроителей пагод в Индии, и они будут обращены в христианство; тогда как было бы ужасной несправедливостью начинать подобную войну, чтобы обратить даже папскую нацию в протестантскую.

Но моя предполагаемая война до этого не доходит, ибо хотя я и хотел бы покорить языческие народы, чтобы их идолы и храмы были разрушены, а их идолопоклонство было упразднено, однако я был бы очень далек от того, чтобы наказывать и преследовать народ за неверие во Христа; ибо если мы убеждены, что вера, как говорит Писание, есть дар Божий⁴¹, то как можем мы на каком-либо христианском основании наказывать или преследовать человека за то, что он не совершает того, чего Бог не дал ему.

Следовательно, принуждать людей подчиняться тому или иному конкретному направлению вероисповедания христианской религии для меня нечестиво и не по-христиански.

И не сказать ли мне здесь о неблаговидном обычае среди христиан поносить друг друга [последними] словами из-за различия мнений [по вопросам] веры? Вот

It was a Part of *Apocryphal* Scripture, taken from one of the traditional sayings of the Rabbis, *Thou shalt not mock at the gods of the heathens*: But ribaldry, satyr, and sarcasms, are the usage we give one another every Day on the subject of religion, as if slander and the severities of the tongue, were not the worst kind of violence in matters of the Christian Religion.

In a word, I must acknowledge, if I am to speak of reproach in general, I know no worse Persecution than that of the Tongue. *Solomon says, There are that speak, like the piercing of a sword*; and King David was so sensible of the Bitterness of the Tongue, that he is full of Exclamations upon the Subject; among the rest, he says of his Enemies, *They have compassed me about with Words of Hatred. He clothed himself with cursing like as with his garment* (Psalm CIX. 3, 18).

It is indeed remote from the Subject I am upon, to talk of this kind of uncharitable dealing, but as just Observations are never out of season, it may have its Uses; let no Man flight the Hint, though it were meant of Religion only, for that indeed is my present Subject; there is doubtless as severe a Persecution by the Tongue, as that of Fire and Faggot, and some think it is as hard to be born.

I have never met with so much of this any where in all my Travels as in England, where the Mouths of the several sects and opinions are so effectually open against one another, that albeit common Charity commands us to talk the best of particular Persons in their failings and infirmities, yet here, censuring, condemning and reproaching one another on account of opinions is carried on with such a gust, that lets every one see nothing but death and destruction can follow, and no Reconciliation can be expected.

I have lived to see men of the best Light be mistaken, as well in party as in principles, as well in Politics as in Religion, and find not only occasion, but even a necessity to change hands of sides in both; I have seen them sometimes run into contrary extremes, beyond their first intention, and even without design; nay, in those unhappy, changes, I have seen them driven into length they never designed, by the fiery resentment of those whom they seemed to have left, and whom they differed from. I have lived to see those men acknowledge even publicly and openly they were wrong and mistaken and express their regret for being misled very sincerely; but I cannot say, I have lived to see the people, they have desired to return to forgive or receive them perhaps, the age I have lived in, has not been a proper season for charity; I hope futurity will be furnished with better Christians, or perhaps it is appointed so, to illustrate the divine mercy, and let Mankind see; that they are the only creatures that never forgive. I have seen a man in the case I speak of, offer the most sincere acknowledgments of his having been mistaken, and this not in matters essential either to the person's morals or Christianity, but only in matters of party, and with the most moving expressions, desire his old friends to forgive what has been passed; and have seen their return, be mocking him with what they called a baseness of spirit, and a mean submission; I have seen him expostulate with them, why they should not act upon the same terms with

часть *апокрифического* Писания, взятая из одного из традиционных высказываний раввинов: *Не смейся над богами языческими*⁴²; но сквернословие, сатирические инвективы и сарказм – вот то, чем мы каждый день обмениваемся в отношении религии, как будто клевета и резкость в выражениях не являются наихудшим видом насилия в вопросах христианской веры.

Одним словом, должен признать, что если уж говорить об укоризне вообще, то я не знаю худшего гонения, чем словесное поношение. *Соломон* говорит: *Иной пустослов уязвляет как мечом*⁴³. И царь Давид [не раз] был уязвлен и восклицал по этому поводу, среди прочего, о своих врагах: *Отовсюду окружают меня словами ненависти. Да облечется проклятием, как ризою* (Пс. 109 : 3, 18)⁴⁴.

Это действительно далеко от предмета, которым я занимаюсь, повествуя о такого рода немилосердном поведении. Однако, поскольку справедливые наблюдения никогда не бывают несвоевременными, они могут иметь свою пользу. Пусть никто не отмахивается от [моего] намека, даже если в нем имеется в виду только вера, ибо она действительно является моей нынешней темой. Несомненно, можно ранить словом так же больно, как огнем и розгой, так что некоторые подумывают: и зачем я родился на этот свет?

Нигде за все время моих путешествий я не сталкивался с таким разобщением, как в Англии, где представители различных сект и направлений так непримиримы по отношению друг к другу, хотя общие [принципы] милосердия заставляют нас говорить только лучшее о конкретных лицах, когда они слабы и немощны; а здесь порицание, осуждение и упреки [в отношении] друг друга звучат с таким пылом, что всем видно, что ничего, кроме смерти и разрушения, не последует и никакого примирения ожидать нельзя.

Я видел, как лучшие люди ошибались как в [принадлежности к] партии, так и в принципах, как в политике, так и в вопросах веры⁴⁵. Находили не только повод, но даже необходимость переметнуться то туда, то сюда. Я видел, как они иногда впадали в противоположные крайности, выходящие за рамки их первоначальных намерений, и даже без намерений. Более того, я видел, как в этих несчастливых переменах они доходили до предела, чего никогда не планировали, из-за пламенного негодования тех, кого они, казалось, покинули и от кого они [чем-то] отличались. Я дожил до того, что увидел, как эти люди даже публично и открыто признавали, что были неправы и заблуждались, и очень искренне выражали сожаление по поводу того, что были введены в заблуждение; но я не могу сказать, что я дожил до того, чтобы увидеть людей, которые хотели вернуться и быть прощенными или принятыми обратно – может быть, век, в котором я жил, не подходил для благотворительности; надеюсь, что в будущем христиане будут лучше; возможно, так предопределено, чтобы показать Божественное милосердие и дать человечеству увидеть, что они [его представители] – единственные существа, что никогда не прощают. Я видел, как в ситуации, о которой я рассказываю, человек самым искренним образом признал свою ошибку, причем в вопросах, несущественных для морали, для христианства, а лишь в том, что касается [принадлежности

a penitent, as God himself not only prescribed, but yields to; and have seen them in return, tell him, God might forgive him if he pleased, but they would never; and then expose all those offers to the first comer in banter and ridicule: but take me right too, I have seen at the same Time, that to wiser Men it has been always thought to be an exposing themselves, and an Honour to the Person.

I speak this *too feelingly*, and therefore say no more; there is a Way by Patience, to conquer even the universal Contempt of Mankind; and though two drams of that drug be a Vomit for a Dog, it is in my Experience the only Method; there is a secret Peace in it, and in Time the Rage of Men will abate, a constant steady adhering to virtue and Honesty, and shewing the World, that whatever Mistakes he might be led into, supposing them to be Mistakes, that yet the main Intention and Design of his Life, was sincere and upright; he that governs the actions of Men by an unbiassed Hand, will never suffer such a Man to sink under the Weight of universal Prejudice and Clamour.

I ROBINSON CRUSOE, grown old in Affliction, born down by Calumny and Reproach, but supported from within, boldly prescribe this remedy against universal Clamours and Contempt of Mankind; Patience, a steady Life of virtue and Sobriety, and a comforting Dependance on the Justice of Providence, will first or last restore the Patient to the Opinion of his Friends, and justify him in the Face of his Enemies; and in the meantime, will support him comfortably, in despising those who want Manners and Charity, and leave them to be cursed from Heaven with their own Passions and Rage.

This very Thought made me long ago claim a kind of Property in some good old Lines of the famous *George Withers* Esq; made in Prison in the *Tower*; he was a poetical Gentleman, who had in the Time of the Civil Wars in *England*, been unhappy in changing of Sides too often, and had been put into the *Tower* by every side in their Turn; once by the King, once by the Parliament, once by the Army, then by the Rump, and at last again, *I think*, by General *Monk*; in a Word, whatever side got up, he had the Disaster to be down, the Lines are thus.

*The world and I may will agree,
as most that are offended;
For I flight her, and she flights me,
and there's our quarrel ended.*

к определенной] партии, и в самых трогательных выражениях просил, чтобы его старые друзья простили то, что было им сделано; и наблюдал, как их примирение сопровождалось насмешками над тем, что они называли низостью духа и рабской покорностью. Я видел, как он спорил с ними [и вопрошал], почему они не должны поступать с покаявшимися на тех же условиях, как Сам Бог не только предписал, но и подчинился; и увидел, что они, в свою очередь, сказали ему, что Бог мог бы простить его, если бы Он захотел, но они – никогда, а потом выставляли все эти обстоятельства первому встречному с шутками и насмешками. Но поймите меня правильно: при этом я осознал то, что ясно [всякому] мудрому человеку, – для них это стало саморазоблачением, а для того человека – честью.

Я излагаю это очень эмоционально и поэтому не скажу ничего больше; есть путь терпения, [идя которым, можно] победить даже всеобщее презрение человечества; и хотя две драхмы этого лекарства от [укуса] бешеной собаки⁴⁶, по моему опыту, единственный способ; [однако нужно понимать, что] со временем людская злоба утихнет, [зато станет очевидной его, человека] непреклонная приверженность добродетели и честности, и это покажет свету, что в какие бы ошибки он ни впадал, он [затем] признавал их, но все же главное [его] устремление и [главные] его помыслы были чистыми и искренними; тот, кто управляет действиями людей беспристрастной рукой, никогда не допустит, чтобы такой человек сник под тяжестью всеобщих предубеждений и поношений.

Я, Р о б и н з о н К р у з о, состарившийся в скорбях, порожденных клеветой и упреками, но в глубине души поддерживаемый [Господом], смело прописываю это средство против всеобщих поношений и презрения человечества; терпение, постоянная жизнь в добродетели и трезвости ума и утешительная зависимость от справедливости Провидения в первую или в последнюю очередь вернут человеку мнение его друзей и оправдают его перед лицом врагов; в то же самое время они позволят ему жить в мире, презирая тех, кто нуждается в [исправлении] поведения и милосердии и оставляя их быть проклятыми Небесами за их страсть и ярость.

Именно эта мысль давным-давно заставила меня держаться того мнения, что сформулировано в некоторых старых добрых строках знаменитого Джорджа Уизерса, эсквайра⁴⁷, написанных в *Тауэре*⁴⁸. Он был поэтически одаренным джентльменом, который во время гражданских войн в Англии выражал недовольство слишком частыми переменами [политической] власти и был заключен в *Тауэр* по очереди каждой стороной. Один раз – королем, другой раз – парламентом, один раз – армией, затем Охвостьем, и наконец опять, я думаю, генералом Монком⁴⁹. Словом, какая бы сторона ни была наверху, для него было несчастьем быть внизу; строки таковы:

*Мы проживем в согласье с миром,
как многие изгнанники;
мы со страной покинули друг друга,
на этом наша ссора окончена.*

*For service done and love expressed,
Though very few regard it,
My country owes me bread at least:
But if I am debarred it,
Good conscience is a daily feast,
and sorrow never married it.*

But this Article of verbal Persecution, has hurried me from my Subject, which I must return to.

I have spoken of a Project for the Czar of *Muscovy*, worthy of a Monarch, who is Lord of so vast an extent of Country, as the *Russian* Empire reaches to; which is in Effect as I have said, much more than half *Europe*, and consequently an eighth Part of the World. I have given my Thoughts how a War to open a Door for the Christian Religion may be justifiable, and that it has not, the least Tincture of Persecution in it. If the Christian Princes of the World, who now spend their Force so much to an ill Purpose, in real Persecution, would join in an universal War against Paganism and devil-worship, the savage Part of Mankind would in one Age, be brought to bow their Knees to the God of Truth, and would bless the Enterprise itself in the End of it, as the best Thing that ever befell them; nor could such an Attempt fail of Success, unless Heaven in Justice had determined to shut up the World longer in Darkness, and the Cup of their Abominations was not yet full. But I may venture to say, there would be much more Ground for such Christian Princes to hope and expect the concurrence of Heaven in such an Undertaking, than in sheathing their Swords in the Bowels of their Brethren, and making an Effusion of Christian Blood upon every slight Pretence, as we see has been the Case in *Europe* for above thirty Years past.

I had intended to remark here, that as the Country possessed by Christians is but a Spot of the Globe, compared to the Heathen, Pagan, and Mahometan World; so the Number of real Christians among the Nations professing the Christian Name, is yet a more disproportioned Part, a mere trifle, and hardly to be compared with the infinite Numbers of those who, though they call themselves Christians, yet know as little of God and Religion as can be imagined to be known, where the Word Christian is spoken of, and neither seek or desire to know more; in a word, who know but little of God or Jesus Christ, Heaven or Hell, and regard none of them.

This is a large Field, and being thoroughly searched into, would I doubt not, reduce the real faithful Subjects of the Kingdom of Jesus Christ, to a much fewer Number than those of *Mahomet*; nay, than those of the Monarch of *Germany*; and make our Lord appear a weaker Prince, speaking in the Sense of Kingdoms, than many of the Kings of the Earth. And if it be true that the old King of *France* should say, that he had more loyal Subjects than King Jesus, I do not know, but in the Sense his Most Christian Majesty meant it, the thing might be very true.

Но мне за службу и любовь,
хоть и немного заслужил я,
моя страна должна хотя бы хлеба:
но если мне откажут даже в этом,
то совесть чистая да будет трапезой,
и ни о чем не пожалею я⁵⁰.

Но эта тема словесного преследования увела меня [в сторону] от предмета моего [внимания], к которому я должен вернуться.

Я рассуждал о проекте для *московского* царя, достойного монарха, владеющего таким обширным пространством, на котором располагается *Российская* империя, которое в действительности, как я сказал, гораздо больше, чем половина *Европы* и, следовательно, восьмая часть мира. Я высказал свои мысли о том, что война, отворяющая дверь для христианской религии, может быть оправдана и что в ней нет ни малейшего намека на преследование. Если бы христианские правители мира, которые теперь столь много своих сил тратят на [достижение] низменных целей, на настоящее преследование [своих врагов], присоединились бы к всеобщей войне против язычества и дьяволопоклонства, то дикая часть человечества за одну эпоху была бы доведена до преклонения колен пред Богом Истины и в итоге благословляла бы само предприятие как лучшее, что когда-либо случилось с ними. И такая попытка не осталась бы безуспешной, если бы Небеса по справедливости не решили надолго заключить мир во тьму, и чаша их мерзостей еще не была бы наполнена⁵¹. Но я осмеливаюсь сказать, что у таких христианских государей было бы гораздо больше оснований надеяться [на успех] и ожидать согласия неба в таком предприятии, нежели вонзать свои мечи в сердца своих братьев и проливать христианскую кровь по всякому незначительному поводу, как мы знаем, имевшему место в *Европе* более тридцати лет назад⁵².

Я хотел отметить здесь, что земля, которой владеют христиане, это всего лишь точка на земном шаре по сравнению с идолопоклонническим, языческим и магометанским миром. Ну, а доля настоящих христиан среди народов, именуемых христианскими, еще несопоставимо меньше, сущий пустяк и едва ли соотносима с бесконечным числом тех, кто хоть и называют себя христианами, но так мало знают об [истинном] Боге и [истинной] вере, о Слове христианском, которые им кажутся хорошо известными, что не стремятся ни искать, ни узнать больше. Словом, которые мало знают о Боге или Иисусе Христе, рае или аде и не почитают ни одного из них.

Это огромное пространство, и я не сомневаюсь, что, тщательно изучив его, [мы удостоверимся, что] число настоящих верных подданных царства Иисуса Христа окажется намного меньше, чем у *Магомета*. Нет, [даже] чем у монарха *Германии*⁵³. И наш Господь окажется более слабым правителем в смысле [принадлежащих ему] царств, чем многие из королей Земли. И если верно, что старый король *Франции*⁵⁴ сказал, что у него верноподданных было больше, чем у царя Иисуса, [правда,] я не знаю точно, что его христианнейшее величество имел в виду, то возможно, это так и есть.

But this Observation is something out of my present Road, and merits to be spoken of by itself. The Number of true Christians will never be known on this Side the great bar, where they shall be critically separated. No political arithmetick can make a Calculation of the Number of true Christians, while they live blended with the false ones, since it is not only hard, but impossible to know them one from another in this world.

We shall perhaps be surprised at the last Day, to see some people at the right hand of the righteous Judge, whom we have condemned with the utmost Zeal in our Opinions, while we were contemporary with them in Life; for Charity, as it is generally practised in this world, and mixed with our human Infirmities, such as Pride, self-opinion, and personal prejudice, is strangely misguided, and makes us entertain notions of things and of people, quite different from what they really deserve; and there is hardly any Rule to prescribe ourselves, except it be of the Text,— *In Meekness, every one esteeming other better than themselves*, which by the way, is difficult to do.

But though we shall thus see at the great audit, a Transposition of Persons from the Station they held in our Charity, we shall only thereby see that, our Judgment was wrong; that God judgeth not as Man judgeth, and that we too rashly condemn, whom he has thought fit to justify and accept.

Let then the Number of Christians be more or less, as he that makes them Christians determines, this is not for us to enter into, and this brings me back to what I said before, that though we cannot make Christians, we both can and may, and indeed ought to open the door to Christianity, that the Preaching of God's Word, which is the ordinary Means of bringing Mankind to the Knowledge of Religion, may be spread over the whole World.

With what Vigour do we consult, and how do, the labouring Heads of the World club together to form Projects, and to raise Subscriptions to extend the general Commerce of Nations into every corner of the World: But it twould pass for a Babble of all Bubbles, and a Whimsy that none would engage in, if ten Millions should be asked to be subscribed, for sending a strong Fleet and Army to conquer Heathenism and Idolatry, and protect a Mission of Christians, to be employ'd in Preaching the Gospel to the poor Heathens, say it were on the Coast of *Cormandel*, the Island of *Ceylon* and Country of *Malabar*, or any of the Dominions of the *Great Mogul*, and yet such an Attempt would not only be just, but infinitely advantageous to the People who should undertake it, and to the People of the Country, on whom the Operation should be wrought.

In the occasional Discourses I had on this Subject, in Conversation with Men of good Judgment and principles, I have been often asked in what manner I would propose to carry on such a Conquest as I speak of, and how it should answer the End;

Однако это наблюдение не относится к направлению моих нынешних размышлений и заслуживает отдельного упоминания. Число истинных христиан никогда не будет известно по эту сторону [жизни земной, до] Великого Суда, где они будут принципиально разделены [кто в рай, кто в ад]. Никакая политическая арифметика⁵⁵ не может произвести исчисление количества истинных христиан, пока они живут среди христиан мнимых, ибо отличить их друг от друга в этом мире не просто трудно, но [подчас] невозможно.

Вероятно, мы будем удивлены в Судный день, обнаружив иных людей, которых мы [когда-то] с величайшим энтузиазмом осудили, хотя и были их современниками в жизни, по правую руку от праведного Судии. Ибо милосердие, которое мы обычно проявляем в этом мире, затмевается нашими слабостями, такими как гордость, самоуверенность и личные предубеждения, и странным образом заставляет нас принимать ошибочные представления о вещах и людях, совершенно отличные от тех, которых они действительно заслуживают. И вряд ли есть какое-либо правило, которое можно было бы предписать себе, кроме как из Библии: *по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя*⁵⁶, что, впрочем, сделать трудно.

Но только на Великой ревизии [Страшном суде] мы увидим [истинное] положение [многих] людей в зависимости от их любви к Богу и ближнему, и только так мы поймем, что, наш суд был несправедлив, что Господь судит не так, как судит человек, и что мы слишком поспешно осуждаем того, кого Он счел достойным оправдания и принятия [в Царствие Небесное].

Итак, пусть количество христиан будет больше или меньше, как определит тот, кто делает их христианами, – это не наше дело. Это возвращает меня к тому, о чем я говорил раньше, – что хотя мы не можем сделать [их] христианами, мы способны и даже должны открыть [для них] дверь христианства. Дабы проповедь Слова Божия, являющаяся обычным средством приведения человечества к познанию религии, могла распространиться по всему миру.

С какой энергией мы обсуждаем то, как лучшие умы человечества объединяются, чтобы формировать проекты и поднимать подписки [на акции], чтобы развивать межнациональную торговлю во всех уголках мира! Но это сошло бы за пузырь из всех пузырей⁵⁷ и за такое дело, в которое никто не стал бы ввязываться, если бы потребовалось подписаться на десять миллионов для отправки сильного флота и армии, чтобы победить язычество и идолопоклонство и защитить миссию христиан, чтобы использовать их в проповедовании Евангелия бедным язычникам, скажем, на *Коромандельское* побережье, на острове *Цейлон* и в стране *Малабар* или в любом из владений *Великого Могола*⁵⁸, и такая попытка была бы не только справедливой, но и бесконечно полезной народу, который должен был бы предпринять ее, и народам земли, на которую должна была бы быть возложена сия операция.

Периодически в беседах, которые я имел на эту тему, в разговорах с людьми здравого суждения и принципов меня часто спрашивали, каким образом я намереваюсь осуществить то завоевание, о котором повествую, и как оно должно

and that I may not be supposed to suggest a thing impracticable in itself or for which no rational Scheme might be proposed, I shall make a brief Essay, at the Manner, in which, the Conquest I speak of should be, or ought to be carried on; and if it be considered seriously, the Difficulties and perhaps all the reasonable Objections might vanish in an Instant. I will therefore first, *for the Purpose only*, suppose that an Attempt was made by a Christian Nation, to conquer and subdue some Heathen or Mahometan People at a Distance from them, place the Conquest where, and among whom we will; for example, suppose it was the great Island of *Madagascar*, of that of *Ceylon*, *Borneo* in the *Indies*, of those of *Japan*, or any other where you please.

I would first suppose, the Place to be infinitely populous as any of those, Countries, though they are Islands, are said to be; and because the *Japanese* are said to be a most sensible sagacious People, under excellent Forms of Government, and capable more than ordinarily of receiving Impressions, supported by the Argument and Example of a vertuous and religious Conqueror.

For this Purpose you must grant me, that the Island or Islands of *Japan* were in a Situation proper for the undertaking, and that a powerful *European* Army being landed upon them, had in a great Battle or in divers Battles, overthrown all their Military Force, and had entirely reduced the whole Nation to their power; as to go back to Examples, the *Venetians* had done by the *Turks* in the *Morea* in a former War, or as the *Turks* did in the Isles of *Candia*, *Cyprus*, and the like. The short Scheme for establishing the Government in those Countries should be this;

First, As the War is pointed chiefly against the Kingdom of the Devil, in behalf of the Christian Worship, so no Quarter should be given to Satan's Administration; and as nothing else should willingly be treated with Violence; so indeed no Part of the devil's economy should have any Favour, but all the Idols should immediately be destroyed, and publicly burnt, all the Pagods and Temples burnt, and the very Face and Form of Paganism and the Worship attending it, be utterly defaced and destroyed.

Secondly, the Priests and dedicated Persons of every kind, by whatsoever Names or Titles known or distinguished, should be at least removed, if not destroyed.

Thirdly, all the Exercise of profane and idolatrous Rites, Ceremonies, Worship, Festivals, and Customs, should be abolished entirely, so as by Time to be forgotten, and clean wiped out of the Minds, as well as out of the practice of the People.

This is all the coercion I propose, and less than this cannot be proposed, because though we may not by Arms and Force compel men to be religious, because if we do,

соответствовать поставленной цели. И дабы меня не обвинили в том, что я предлагаю нечто неосуществимое само по себе или для чего нельзя было бы предложить никакой рациональной схемы, я набросаю краткий очерк о том, каким образом может или должно быть совершено завоевание, о котором я говорю. И если к этому отнестись серьезно, то трудности и, возможно, все разумные возражения могут исчезнуть в одно мгновение. Поэтому сначала *задачи ради* я предположу, что христианская нация предприняла попытку завоевать и подчинить себе какой-нибудь языческий или магометанский народ, [живущий] на [значительном] расстоянии от нее. Место завоевания, где и среди кого – как мы пожелаем. Например, предположим, что это был великий остров *Мадагаскар*, остров *Цейлон*, *Борнео* в *Индии*, острова *Японии* или любой другой остров, где вам будет угодно.

В первую очередь я бы предположил, что сия местность бесконечно многочисленна, как и любая из этих земель, хотя это и острова, как говорят. Поэтому *японцы* считаются наиболее разумным и проникательным народом, [живущим] при прогрессивной форме правления, более восприимчивым к аргументам и примерам добродетельного и религиозного завоевателя, чем обычно.

По этой причине вы должны признать, что остров или острова *Японии* находились бы в положении, подходящем для этого предприятия. И что мощная *европейская* армия, высадившись на них в большом сражении или в различных сражениях, разбила бы все их военные силы и полностью подчинила бы всю нацию своей власти. А если вернуться к примерам, то так *венетианцы* поступили с *турками* в *Морее* во время предыдущей войны⁵⁹ или так *турки* поступили на островах *Кандия*, *Кипр* и т. п.⁶⁰ Краткая схема создания правительства в этих странах должна быть следующей.

Во-первых, поскольку война направлена главным образом против царства дьявола во имя [утверждения] христианского вероисповедания, то как не следует давать пощады правлению Сатаны, так и ни к чему другому не следует излишне применять насилие и ни к каким деяниям нечистого не следует проявлять благосклонности. Все идолы должны быть немедленно уничтожены и публично сожжены. Все пагоды и храмы [должны быть] сожжены, а сами лица и форма язычества и культы, сопровождающие его, должны быть полностью стерты [с лица земли] и уничтожены.

Во-вторых, священники и служители культа любого рода, под какими бы именами или титулами они не были известны или [даже] знамениты, должны быть по крайней мере отстранены, если не уничтожены.

В-третьих, всякое соблюдение нечестивых и идолопоклоннических обрядов, церемоний, богослужений, праздников и обычаев должно быть полностью упразднено. Дабы со временем они были забыты и нечисто стерты из умов, а также и из практики народа.

Вот меры, которые я предлагаю (а меньшее и не может быть предложено, хотя мы не способны оружием и силой заставить людей принять веру, потому что

we cannot make them sincere, and so by Persecution we only create hypocrites – yet I insist that we may by Force, and that with the greatest Justice possible, suppress Paganism, and the Worship of God’s Enemy the Devil, and banish it out of the World; nay, that we ought to do it to the utmost of our Power. But I return to the Conquest.

The Country being thus entirely reduced under Christian Government, the Inhabitants if they submit quietly, ought to be used with Humanity and Justice; no Cruelty, no Rigour. They should suffer no Oppression, Injury, or Injustice, that they may not receive evil impressions of the People that are come among them; lest entertaining an Abhorrence of Christians, from their evil Conduct, Cruelty, and Injustice, they should entertain an Abhorrence of the Christian Religion for their Sakes; as the poor Wretches the *Indians in America*, who when they were talked to of the Future State, the Resurrection of the Dead, Eternal Felicity in Heaven, and the like, enquired where the Spaniards went after Death, and if any of them went to Heaven; and being answered in the affirmative, shook their Heads, and desired they might go to Hell then, for that they were afraid to think of being in Heaven, if the *Spaniards* were there.

A just and generous Behaviour to the Natives, or at least to such of them as should show themselves willing to submit, would certainly engage them in their Interest, and accordingly would in a little while bring them to embrace that Truth which dictated such just Principles to those who espoused it.

Thus Prejudices being removed, the Way to Instruction would be made the more plain, and then would be the Time for Gospel-labourers to enter upon the harvest; Ministers should be instructed to teach them our Language, to exhort them to seek the Blessings of Religion and of the true God, and so gradually to introduce right Principles among them at their own Request.

From hence they should proceed, to teach all the young Children the Language spoken by them, who would then be their Benefactors, rather than Conquerors, and a few Years wearing the old Generation out, the Posterity of them, and of their Conquerors, would be all one Nation.

In Case any rejected the Instruction of religious Men, and adhered obstinately to his Idolatry, and would not be reclaimed by gentle and christian Usage, suitable Methods are to be taken with such, that they might not make a religious faction in the Country, and gain others to side with them, in order to recover their Liberty, as they might call it to serve their own Gods, that is to say Idols; for it must be for ever as just, not to permit them to go back to Idolatry by Force, as it was to pull them from it by Force.

By this kind of Conquest, the Christian Religion would be most effectually propagated among innumerable Nations of Savages and Idolaters, and as many People be brought to worship the true God, as may be said to do it at this Time in the whole Christian World.

можем тем самым сделать их неискренними, своими преследованиями мы лишь породим лицемерие); так вот, я настаиваю, что мы могли бы силой [во имя] величайшей справедливости подавить язычество и поклонение врагу Господа – дьяволу и изгнать их из мира. Более того, мы должны делать это изо всех своих сил. Но я возвращаюсь к завоеванию.

Итак, страна полностью переходит под христианское правление. С жителями, если они подчинятся спокойно, следует обращаться гуманно и справедливо. Без жестокости и суровости. Они не должны терпеть притеснений, оскорблений или несправедливости. Дабы не составить себе дурного впечатления о пришедших к ним людях. Дабы, питая отвращение к христианам из-за их порочного поведения, жестокости и несправедливости, они не питали бы отвращения к христианской религии. Как несчастные *индейцы* в *Америке*, которые, когда им говорили о Будущем Государстве, воскресении мертвых, вечном блаженстве на Небесах и т. п., спрашивали, куда отправились испанцы после смерти и отправились ли все они на Небеса. А получив утвердительный ответ, качали головами и желали попасть в ад, потому что боялись даже подумать о том, чтобы оказаться на Небесах, если там будут *испанцы*.

Справедливое и великодушное поведение по отношению к туземцам или, по крайней мере, к тем из них, кто проявит готовность подчиниться. Что в свою очередь, безусловно, привлечет их интерес. И, соответственно, через некоторое время приведет их к принятию той истины, что диктует такие справедливые принципы тем, кто ее исповедуют.

Таким образом, предубеждения будут устранены. Путь к наставлению станет более простым, и тогда наступит время для евангельских пахарей приступать к жатве. Служителям [церкви] следует поручить учить их нашему языку, убеждать их искать благословения и истинного Бога и таким образом постепенно внедрять среди них верные принципы по их собственной просьбе.

Поэтому они [христиане] должны начать учить всех младенцев языку, на котором говорят сами, и тогда они станут их благодетелями, а не завоевателями. А через несколько лет, когда прежнее поколение сменится [новым], потомки [туземцев] и их завоеватели станут одной нацией.

В случае, если кто-либо будет отвергать наставления верующих людей, упрямо будет придерживаться своего идолопоклонства и не захочет быть исправленным с помощью мягкого [обращения] и христианских обычаев, следует принять надлежащие меры, чтобы они [такие люди] не могли создать в стране религиозную секту и привлечь на свою сторону других, дабы восстановить свою свободу. Как они могли бы назвать это – служить своим собственным богам, то есть идолам. Ибо навсегда должно стать справедливым применение силы, дабы не позволять им возвращаться к идолопоклонству, так же, как это было сделано, когда они вовлекались в лоно христианства.

Благодаря такого рода завоеваниям христианская религия могла бы наиболее эффективно распространяться среди бесчисленных дикарей и идолопоклонников. И столько же людей стало бы поклоняться истинному Богу, как сейчас это делают во всем христианском мире.

This is my *Cruisado*; and it would be a War as justifiable on many Accounts, as any that was ever undertaken in the World, a War that would bring Eternal Honour to the Conquerors, and an Eternal Blessing to the People conquered.

It were easy now to cut out Enterprises of this Nature for other of the Princes of the World than the Czar of *Muscovy*; and I could lay very rational Schemes for such Undertakings, and the Schemes that could, if throngly pursued never fail of Success. For Example, an Expedition against the *Moors* of *Africa*, by the *French*, *Spanish* and *Italian* Princes, who daily suffer so much by them, and the last of whom are at perpetual War with them; how easy would it be to those Powers to join in a Christian Confederacy, to plant the Christian Religion again in the *Numidian* and *Mauritanian* Kingdoms – where was once the famous Church of Carthage, and from whence Thousands of Christians have gone to Heaven – the Harvest of the primitive Labours of St. *Cyprian*, *Tertullian*, and many more, whose posterity now bow their Knees to that latest and worst of all Impostors, *Mahomet*.

But unchristian strife was always a Bar against the Propagation of Christian Religion, and unnatural Wars carried on among the Nations I speak of, are made so much the Business of the Christian World, that I do not expect in our Time, to see the Advantages taken hold of, that the Nature of the thing offers. But I am persuaded, and leave it upon Record as my settled Opinion, that one Time or other, the Christian Powers of *Europe* shall be inspired from Heaven for such a Work, and then the easiness of subduing the Kingdom of *Africa* to the Christian Power, shall shame the Generations past, who had the opportunity so often in their Hands, but made no Use of it.

Note, In this Part of the Subject I am upon, I must acknowledge there is a double Argument for a War: 1. In Point of the interfering Interests, *Europe* ought to take Possession of those Shores, without which it is manifest her Commerce is not secured; and indeed, while that Part of *Afric* bordering on the Sea, is in the Hands of robbers, pirates cannot be secured. Now, this is a Point of undisputed Right, for a War-Trade claims the Protection of the Powers to whom it belongs, and we make no Scruple to make War upon one another, for the Protection of our Trade, and it is allowed to be a good Reason why we should do so. Why then is it not a good Reason to make War upon Thieves and Robbers? If one Nation takes the Ships belonging to another, we immediately reclaim the Prize from the Captors, and require of the Prince, that Justice be done against the Aggressor, who is a Breaker of the Peace; and if this is refused, we make War.

But shall we do thus to Christians, and scruple to make an universal War for the rooting out a race of pirates and rovers who live by rapin, and are continually employed like the Lions and Tigers of their own *Lybia* in devouring their Neighbours? This, I say, makes such a War not only just on a religious Account, but both just and necessary upon a civil Account.

Это мой *крестовый поход*⁶¹. И это была бы война, столь же оправданная во многих отношениях, как и любая другая, когда-либо случавшаяся в мире, война, что принесет вечную славу завоевателям и вечное благословение побежденному народу.

Теперь было бы легко отказаться от начинаний такого рода для других правителей мира, кроме *московского* царя, и я мог бы разработать весьма рациональные схемы для таких начинаний. Схемы, что могли бы, если бы тщательно выполнялись, никогда не знать неудач. Например, экспедиция против *мавров Африки, французских, испанских и итальянских* правителей, которые ежедневно столь много страдают от них и последние из которых находятся в постоянной войне с ними. Как легко было бы тем силам присоединиться к христианской конфедерации⁶², снова насадить христианскую религию в *Нумидийском и Мавританском* царствах⁶³ – там, где когда-то стояла знаменитая Карфагенская церковь и откуда тысячи христиан ушли на Небеса – результат [проповедей] первых подвижников св. *Киприана, Тертуллиана* и многих других, чье потомство теперь преклоняет колени перед последним и худшим из всех самозванцев – *Магометом*.

Но нехристианские раздоры всегда были препятствием для распространения христианской религии. Противоестественные войны, ведущиеся между народами, о которых я говорю, стали настолько [привычным] уделом христианского мира, что я не ожидаю в наше время увидеть преимущества от овладения тем, что предлагается естественным образом. Но я убежден и оставляю это в записях как свое однозначное мнение, что рано или поздно христианские державы *Европы* будут вдохновлены Небесами на такое деяние. И тогда легкость подчинения *африканского* королевства христианской державе посрамит ушедшие поколения, которые столь часто имели такую возможность, но не использовали ее.

Примечание. В этой части темы, которой я занимаюсь, я должен признать наличие двойного аргумента в пользу войны: 1. Что касается [аргумента], мешающего интересам, – *Европе* следует завладеть теми берегами, без которых, как очевидно, ее торговля не может быть застрахована. Ведь действительно пока та часть *Африки*, которая граничит с морем, находится в руках разбойников, от пиратов защититься невозможно. В этом и есть суть того неоспоримого права. Ибо торговая война требует защиты держав, которым она принадлежит. Мы без колебаний вступаем в войну друг с другом для защиты нашей торговли, и этому позволено быть веской причиной для того, что мы должны делать. Почему же тогда это не убедительная причина для ведения войны с ворами и разбойниками? Если одна нация захватывает корабли, принадлежащие другой, мы немедленно забираем трофеи у похитителей и требуем от властителя, чтобы правосудие было совершено против зачинщика, являющегося нарушителем мира. А если в этом отказано, мы объявляем войну.

Но поступим ли мы так же с христианами и не постесняемся ли начать всеобщую войну для искоренения расы пиратов и бродяг, живущих за счет непрерывного грабежа и пожирающих своих соседей, подобно львам и тиграм в их собственной *Ливии*? Это, говорю я, порождает войну, не только необходимую с религиозной точки зрения, но и справедливую с точки зрения гражданской.

The War then being thus proved to be just on other Accounts, why should not. 2. The extirpation of Idolatry, Paganism, and devil Worship, be the Consequence of the Victory? If God be allowed to be the Giver of Victory, how can it be answered to him, that the Victory should not be made use of, for the Interest and Glory of the God of War, from whom it proceeds? But these things are not to be offered to the World, till higher Principles work in the Minds of Men, in their making War and Peace, than yet seems to take up their Minds.

I was tempted upon this Occasion, to make an Excursion here, upon the Subject of the very light Occasions, Princes and Powers, States and Statesmen make use of, for the engaging in War and Blood one against another; one for being ill satisfied with the other, and another for preserving the ballance of power; this for nothing at all, and that for something next to nothing; and how little Concern the Blood that is necessarily spilt in these Wars produces among them. But this is not a Case that will so well bear, to be entred upon in a public manner at this Time.

All I can add is, I doubt, no such Zeal for the Christian Religion, will be found in our Days, or perhaps in any Age of the World, till Heaven beats the Drums itself and the glorious Legions from above come down on Purpose to propagate the Work, and to reduce the whole world to the Obedience of King *Jesus*; a Time which some tell us is not far off, but of which I heard nothing in all my Travels and Illuminations, *no not one Word.*

F I N I S.

Таким образом, война оказывается справедливой и с иной точки зрения – почему бы и нет. 2. Искоренение идолопоклонства, язычества и поклонения дьяволу должно быть следствием победы. Если Богу позволено быть дарителем победы, как с ним сие [вполне] согласуется, разве победа не должна использоваться в интересах и ради славы бога войны, от которого она исходит? Но эти вещи нельзя предлагать миру до тех пор, пока высшие принципы не заработают в умах людей при объявлении войны и заключении мира, что, по-видимому, еще не затронуло их умы.

По этому случаю у меня возникло искушение разобраться в теме, касающейся ничтожности поводов, которые используют правители и державы, государства и государственные деятели друг против друга для объявления войн и [совершения] кровопролития. Один – из-за того, что другой вызвал его неудовольствие, а другой – [из-за того, что] стремился сохранить баланс сил. Этот – вообще просто так, а тот – из-за того, что впоследствии ему и даром не надо было. И как же мало заботы они проявляют о крови, неизбежно проливающейся в этих войнах! Но это не тот вопрос, что будет в настоящее время принят благосклонно.

Все, что могу добавить здесь, так это то, что я сомневаюсь, что такое ревностное усердие в [отношении] христианской религии будет проявлено в наши дни и, возможно, в любую другую эпоху, пока сами Небеса не забудут в барабаны и славные легионы⁶⁴ не сойдут [на землю] с намерением распространять свое дело и привести весь мир к повиновению царю Иисусу, время которого, как говорят нам иные, близко, но о котором я не слышал во всех моих путешествиях и озарениях *ни одного слова*.

К О Н Е Ц

A
VISION
OF THE
ANGELIC WORLD

HEY must be much taken up with the Satisfaction of what they are already, that never spare their Thoughts upon the Subject of what they shall be.

The Place, the Company, the Employment which we expect to know so much of hereafter, must certainly be well worth our while to enquire after here.

I believe the main Interruptions which have been given to these Enquiries, and perhaps, the Reason why those that have entred into them have given them up, and those who have not entred, into them, have satisfied themselves in the utter Neglect, have been the wild chimerick Notions, enthusiastick Dreams, and unsatisfying Ideas, which most of the Conceptions of Men have led them into, about these Things.

As I endeavour to conceive justly of these Things, I shall likewise endeavour to reason upon them clearly, and, if possible, convey some such Ideas of the invisible World to the Thoughts of Men, as may not be confused and indigested, and so leave them darker than I find them.

The Locality of Heaven or Hell is no Part of my Search; there is doubtless a Place reserv'd for the Reception of our Souls after Death; as there is a State of Being for material Substances, so there must be a Place; if we are to BE, we must have a where;

ВИДЕНИЕ

АНГЕЛЬСКОГО МИРА

олжно быть, они¹ пребывают в полном восторге от того, кем они уже являются, и никогда не задумываются над тем, кем они должны быть.

Место, окружение [души после завершения жизни земной], занятия, о которых мы надеемся узнать так много в будущем [на Небесах], безусловно, должны стоять того, чтобы поинтересоваться ими еще здесь.

Полагаю, что главными помехами этим изысканиям и, возможно, причиной, по которой те, кто в них вникал, отказались от них, а те, кто нет, довольствовались полным пренебрежением ими, были безумные несбыточные концепции, восторженные мечтания и неосуществимые идеи, которые составляют подавляющее большинство [настоящих] представлений людей об этом [о жизни после смерти].

Стремясь правильно понять эти вещи, я также постараюсь ясно рассуждать о них и, если возможно, донести до сознания людей некоторые идеи невидимого мира, которые не могут быть запутанными и хаотичными, и поэтому не оставить их еще более непонятными, чем я их нахожу [теперь].

Местоположение рая или ада – это не тот вопрос, который меня интересует, [но], несомненно, место, предназначенное для принятия наших душ после смерти, есть; как есть состояние бытия для материальных субстанций, так

the Scripture supports Reason in it, *Judas* is gone to his Place, *Dives* in Hell lift up his Eyes, and saw *Lazarus* in *Abraham's* Bosom; the Locality of Bliss and Misery seems to be positively asserted in both Cases.

But there is not so clear a View of the Company as of the Place; it is not so easy to enquire into the World of Spirits, as it is evident that there are such Spirits, and such a World; we find the Locality of it is natural, but who the Inhabitants are, is a Search of still a sublimer Nature, liable to more Exception, encumber'd with more Difficulties, and exposed to much more Uncertainty.

I shall endeavour to clear up as much of it as I can, and intimate most willingly, how much I rejoyce in the Expectation, that some other Enquirers may go farther, 'till at last, all that Providence has thought fit to discover of that Part may be perfectly known.

The Discoveries in the Scripture which lead to this, are innumerable; but the positive Declaration of it seems to be declin'd. When our Saviour walking on the Sea frighted his Disciples, and they cried out, what do we find terrify'd them? Truly, they thought they had seen a Spirit. One would have thought such Men as they, who had the Vision of *God manifest in the Flesh*, should not have been so much surpriz'd, if they had seen a Spirit, that is to say, seen an Apparition; for to see a Spirit, seems to be an Allusion, not an Expression to be us'd literally, a Spirit being not visible by the Organ of human Sight.

But what if it had been a Spirit? if it had been a good Spirit, what had they to fear? And if a bad Spirit, what would *crying out* have assisted them? When People cry out in such Cases, it is either for Help, and then they cry to others; or for Mercy, and then they cry to the Subject of their Terror to spare them. Either Way it was either the foolishlest, or the wickedest Thing that ever was done by such grave Men as the Apostles; for if it was a good Spirit, as before; they had no Need to cry out; and if it was a bad one, who did they cry to? For 'tis evident they did not pray to God, or cross and bless themselves, as was afterwards the Fashion; but they *cried out*, that is to say, they either cried out for Help, which was great Nonsense, to call to Man for Help against the Devil; or they cried to the Spirit they saw, that it might not hurt them, which was, in short, neither less, or more, than praying to the Devil.

This put me in Mind of the poor Savages in many of the Countries of *America* and *Africa*, who really instructed by their Fear, that is to say, by meer Nature, worship the Devil, that he may not hurt them.

Here I must digress a little, and make a Transition from the Story of a Spirit, to the strange Absurdities of Mens Notions at that Time; and particularly, of those upon whom the first Impressions of Christ's Preachings were wrought, and if it be look'd narrowly into, one cannot but wonder what strange ignorant People, even the Disciples themselves were, at first; and indeed their Ignorance continued a great while, even to after the Death of Christ himself; witness the foolish Talk of the two Disciples going

должно быть и место [для наших душ]; если мы должны БЫТЬ, то мы должны быть где-то. В Писании это подкрепляется следующим образом: *Иуда* ушел «на свое место»²; *Бога*ч в аду возвел очи свои и узрел *Лазаря* на лоне *Авраамовом*³; место блаженства и страданий, по-видимому, ясно указывается в обоих случаях.

Но нет [в Писании] столь ясного представления об окружении, как и о месте [душ после смерти]. Не так легко исследовать мир духов, хотя и очевидно, что таковые духи и таковой мир существуют. Мы находим их местонахождение естественным, но кто его [этого мира] обитатели, есть изыскание более возвышенного характера, вызывающее больше возражений, затрудненное большим количеством препятствий и подверженное еще гораздо большим сомнениям.

Я постараюсь пояснить это как можно лучше и искренне заявляю, что несказанно радуюсь в ожидании того, как некоторые иные исследователи смогут пойти дальше, пока наконец все, что Провидение сочло нужным открыть в этой области, не станет до конца ясным.

Свидетельства, [данные] в Писании, подталкивающие к этому, бесчисленны, но однозначное заявление об этом [о существовании мира духов], кажется, отвергается. Когда наш Спаситель, идучи по морю, устрасил Своих учеников⁴ и они вскричали – что же их так ужаснуло? Воистину, они думали, что увидели духа. Можно было бы предположить, что такие люди как они, которые видели *Бога, явленного во плоти*⁵, не должны были бы так сильно удивляться, узрев духа, то есть призрака, ибо дух – не явь, а скорее видение⁶, которое не следует воспринимать буквально; дух невидим органами человеческого зрения.

Но что, если бы это был дух? Если бы это был добрый дух, чего им было бояться? А если злой дух, то чем крик им поможет? Когда люди взывают в таких случаях, то либо о помощи, и тогда взывают к другим, либо о милосердии, и тогда они взывают к объекту своего ужаса, чтобы тот пощадил их. В любом случае это был либо самый глупый, либо самый безнравственный поступок, когда-либо совершенный такими мудрыми людьми как апостолы; ибо если это был добрый дух, как в Писании, им незачем было взывать; а если это был злой дух, то к кому тогда они зывали? Ведь очевидно, что они не молились Богу, и не крестились, и не осеняли себя, как это было принято впоследствии; но они *вскричали*, то есть или зывали о помощи, что было большой глупостью – призывать человека на помощь при виде дьявола, или зывали к увиденному [ими] духу, чтобы тот не причинил им вреда, что было не что иное, как молиться дьяволу.

Это напомнило мне бедных дикарей во многих странах *Америки* и *Африки*, которые, ведомые своим страхом, то есть самой природой, поклоняются дьяволу, дабы тот не причинил им вреда.

Здесь я должен немного отвлечься и перейти от рассказа о духе к [разговору о] странной нелепости человеческих представлений того времени, и в особенности о тех [людях], которые первыми услышали проповеди Христа; если присмотреться, нельзя не удивиться, какими странными и невежественными людьми были вначале даже сами ученики [Христа]; и действительно, их невежество сохранялось долгое время даже после смерти Самого Христа – свидетельством этому

to *Emaus*. It is true they were wiser afterwards when they were better taught; but the Scripture is full of the Discoveries of their Ignorance; as in the Notions of sitting at his Right-hand and his Left, in his Kingdom, ask'd for by Zebedee's Children; no doubt but the good Woman their Mother thought one of her Sons should be Lord Treasurer there, and the t'other Lord Chancellor, and she could not but think those Places their Due, when she saw them in such Favour with him here. Just so in their Notion of seeing a Spirit here, which put them into such a Fright, and indeed they might be said, according to our dull Way of Talking, to be frighted out of their Wits; For had their Senses been in Exercise, they would either have rejoic'd in the Appearance of a good Angel, and stood still to hear his Message, as from Heaven; or pray'd to God to deliver them out of the Hands of the Devil, on their supposing it, as above, to be a Vision from Hell.

But I come to the Subject. It is evident that the Notion of Spirits, and their intermeddling with the Affairs of Men, and even of their appearing to Men, prevail'd so universally in those Ages of the World; that even God's own People, who were instructed from himself, believ'd it, nor is there any Thing in all the Old Testament Institution to contradict it, tho' many Things to confirm it; such particularly, as the Law against what is call'd a familiar Spirit, which was esteem'd no better or worse than a conversing with the Devil, that is to say, with some of the evil Spirits of the World I speak of.

The Witch of *Endor*, and the Story of an Apparition of an old Man personating Samuel, which is so plainly asserted in Scripture, and which the learned Opposers of these Notions have spent so much weak Pains to disturb our Imaginations about, yet assure us, that such Apparitions are not inconsistent with Nature, or with Religion; nay, the Scripture allows this Woman to *Paw waw*, as the *Indians* in America call it, and conjure for the raising this Spectre, and when it is come, allows it to speak a great prophetick Truth, foretelling the King in all its terrible Particulars what was to happen to him, and what did befall him the very next Day.

Either this Appearance must be a good Spirit, or a bad; if it was a good Spirit, it was an Angel, as it is express'd in another Place of the Apostle *Peter*, when he knock'd at the good People's Door in *Jerusalem*, Acts XII. 15. and then it supports my Opinion of the Spirits unembodied conversing with, and taking Care of the Spirits embodied; if it was an evil Spirit, then they must grant God to be making a Prophet of the Devil, and making him personate *Samuel* to foretel Things to come; permitting Sathan to speak in the first Person of God's own Prophet, and indeed to preach the Justice of God's Dealing with *Saul*, for rejecting his Prophet *Samuel*; which in short, is not a little odd, putting the Spirit of God into the Mouth of the Devil, and making Sathan a Preacher of Righteousness.

являются глупые разговоры двух [Его] учеников, шедших в *Эммаус*⁷. Правда, потом они стали мудрее, когда получили этот урок; но Писание полно примеров их невежества, как, скажем, в представлениях о том, чтобы сидеть по правую и по левую руку от Него в Его царстве, о чем просили дети Зеведея⁸: добрая женщина, их мать, не сомневалась, что один из ее сыновей должен быть там «лордом-казначеем», а другой – «лордом-канцлером», и она не могла не считать эти места [справа и слева от Господа] подобающими им, когда видела, что они у Него в такой милости. Именно так они [ученики] восприняли духа⁹, представшего перед ними и внушившего им страх (на самом деле [так произошло] из-за нашего неопределенного образа мышления), и были напуганы до смерти; это было для них испытанием: они должны были либо возрадоваться явлению доброго ангела и застыть в благоговении, дабы услышать его весть как данную с Небес, либо молить Господа, чтобы он вызволил их из рук дьявола, полагая, как и в первом случае, что он был видением из ада.

Но я возвращаюсь к предмету [моих размышлений]. Очевидно, что представление о духах и их вмешательстве в дела людей и даже об их явлении людям в те века мира господствовало повсеместно. Даже народ Божий, получивший наставления от Него, верил в это. И во всем ветхозаветном учении нет ничего, что опровергает это, даже многое, казалось бы, подтверждает его; в частности, это закон [Божий]¹⁰, запрещающий вызывать души умерших, то есть некоторых злых духов мира¹¹, о которых я скажу [ниже], что рассматривалось не иначе как сношение с дьяволом.

Аэндорская волшебница и история о явлении старика в образе Самуила¹², о чем столь ясно повествуется в Писании и к чему богословы, противники этих представлений, приложили столь много усилий, чтобы распалить наше воображение, тем не менее, убеждают нас, что такие явления не противоречат природе или принципам веры; более того, в Писании этой женщине позволено проводить церемонию заклинания *пau-вау*¹³, как это называют *индейцы* в Америке. И призвать духа этого усопшего, а когда он является, ему дозволяется изрекать великую пророческую истину, предсказывая царю [Сауду] во всех ужасных подробностях, что с ним должно случиться и что [действительно] случится с ним на следующий же день¹⁴.

Это видение должно было быть либо добрым духом, либо злым; если это был добрый дух, то это был ангел, как сказано в другом месте у апостола *Петра*, когда он постучал во врата «добрého народа» в *Иерусалиме* (Деян. 12 : 15)¹⁵; и это подтверждает мое мнение о духах бестелесных, что разговаривают с духами воплощенными и заботятся о них; если это был злой дух, то они должны допустить, что Бог сделал дьявола пророком, заставил его олицетворять *Самуила* и предсказывать грядущие события; [что Бог дал] позволение Сатане говорить от лица пророка и даже проповедовать справедливость Божьего правосудия над *Саудом* за то, что он отверг Его пророка *Самуила*. Короче говоря, это весьма странно: вложить Дух Божий в уста дьявола и сделать Сатану проповедником праведности¹⁶.

When I was in my Retirement, I had abundance of strange Notions of my seeing Apparitions there, and especially when I happen'd to be abroad by Moon-shine, when every Bush look'd like a Man, and every Tree like a Man on Horse-back; and I so prepossess'd my self with it, that I scarce durst look behind me for a good while, and after that durst not go abroad at all at Night; nay, it grew upon me to such a Degree at last, that I as firmly believ'd I saw several Times real Shapes and Appearances, as I do now really believe and am assur'd, that it was all Hypochondriack Delusion.

But however, that the Reader may see how far the Power of Imagination may go, and judge for me whether I shew'd any more Folly and Simplicity than other Men might do, I'll repeat some little Passages, which for a while gave me very great Disturbances, and every one shall judge for me, whether they might not have been deluded in the like Circumstances as well as I.

The first Case was, when I crept into the dark Cave in the Valley, where the old Goat lay just expiring, which, wherever it happen'd, is a true History, I assure you.

When first I was stopp'd by the Noise of this poor dying Creature, you are to observe, that the Voice was not only like the Voice of a Man, but even articulate, only that I could not form any Words from it; and what did that amount to more or less than this, namely, that it spoke, but only it was in a Language that I did not understand. If it was possible to describe the Surprise of my Spirits on that Occasion, I would do it here; how all my Blood run, *or rather stood still*, chill'd in my Veins; how a cold Dew of Sweat sat on my Forehead; how my Joints, like *Belshazzar's* Knees, shook one against another; and, how as I said, my Hair would have lifted off my Hat, if I had had one on my Head.

But this is not all. After the first Noise of the Creature which was a faint dying Kind of imperfect Bleating, not unusual, as I found afterward;, I say, after this, he fetch'd two or three deep Sighs as lively, and as like human, as it is possible to imagine, as I have also said.

These were so many Confirmations of my Surprise, besides the Sight of his two glaring Eyes, and carried it up to the Extreme of Fright and Amazement; how I afterwards conquered this childish Beginning, and muster'd up Courage enough to go into the Place with a Firebrand for Light; and how I was presently satisfy'd with seeing the Creature whose Condition made all the little accidental Noises appear rational, I have already said.

But I must acknowledge, that this real Surprise left some Relicks or Remains behind it, that did not wear quite off a great while, tho' I struggl'd hard with them: The Vapours that were rais'd at first were never so laid, but that on every trifling Occasion they return'd; and I saw, nay, I felt Apparitions, as plainly and distinctly as ever I felt or saw any real Substance in my Life.

The like was the Case with me before that, when I first found the Print of a Man's Foot upon the Sand, by the Seaside on the North Part of the Island.

Когда я пребывал в уединении [на острове], у меня возникало множество странных фантазий о том, что я вижу призраков. Особенно когда мне случилось быть вне дома при лунном свете, когда каждый куст был похож на человека, а каждое дерево – на всадника. И я настолько был этим впечатлен, что некоторое время почти не осмеливался оглядываться назад, а после вообще не решался выходить из дому ночью. Более того, в конце концов сие [впечатление усилилось] до такой степени, что я так же твердо верил, что несколько раз видел реальные фигуры, как теперь я действительно уверен, что все это было ипохондрическим обманом.

Но чтобы читатель смог понять, как быстро может действовать сила воображения, и рассудить меня – выказал ли я больше глупости и простоты, нежели иные, я повторю несколько маленьких эпизодов, которые на некоторое время доставили мне весьма серьезное беспокойство, и каждый [из вас] должен рассудить меня, не мог ли и он быть введен, как и я, при подобных обстоятельствах в такое же заблуждение.

Первый случай произошел, когда я пробрался в темную пещеру в долине, где лежал, умирая, старый козел, и где бы это ни случилось¹⁷, это правдивая история, уверяю вас.

Вначале я был напуган шумом, который издавало это несчастное умирающее существо (стоит заметить, что голос его казался похожим на голос человека, и даже как будто говорящего что-то, но я не мог разобрать ни слова, оно говорило, но только на языке, которого я не понимал). Если возможно передать внезапное смятение моего духа, то я опишу его здесь: кровь свернулась или скорее *застыла в жилах*; на лбу выступил холодный пот; чресла, словно колени *Валтасара*, стали биться одно о другое¹⁸; и, как я уже говорил, волосы на голове приподнялись бы шляпу, если бы она у меня была.

Но и это еще не все. После первого звука, изданного [этим] существом, представлявшего собой слабое предсмертное блеяние, обычное, как я обнаружил впоследствии; скажу [вам], что после этого оно издало два или три глубоких вздоха, как я уже сказал, столь живых и [так похожих на] человеческие, какие только можно себе представить.

Приступов испуга у меня было несколько, самый сильный – [когда я увидел] два его сверкающих глаза, которые довели меня до крайнего ужаса и изумления, пока мне не удалось победить сей детский страх и набраться храбрости, чтобы войти туда с горящей головней. И, как я уже говорил, вскоре я успокоился, разглядев существо, состояние которого сделало все эти непонятные звуки объяснимыми.

Но я должен признать, что этот глубокий испуг оставил после себя некий след или осадок, который долго не проходил; хотя я упорно боролся с ним, мнительность по каждому пустячному поводу возвращалась; и я видел, нет, ощущал призраков так же ясно и отчетливо, как чувствовал или видел в своей жизни какую-либо реальную субстанцию.

То же самое было со мной и до этого, когда я впервые наткнулся на отпечаток человеческой ноги на песке у моря в северной части острова.

And these, I say, having left my Fancy a little peevish and wayward, I had frequently some Returns of these Vapours on differing Occasions, and sometimes even without Occasion; nothing but meer Hypochondriack Whimsies, fluttering of the Blood, and rising of Vapours, which nobody could give any Account of but myself.

For Example: It was one Night, after my having seen some odd Appearances in the Air, of no great Significance, that coming home and being in Bed, but not asleep, I felt a Pain in one of my Feet; after which it came to a kind of Numb'dness in my Foot, which a little surpriz'd me, and after that, a kind of Tingling in my Blood, as if it had been some Distemper running up my Leg.

On a sudden I felt, as it were something alive lye upon me, as if it had been a Dog lying upon my Bed, from my Knee downwards about half Way my Leg, and immediately afterwards I felt it heavier, and felt it as plainly roll itself upon me upwards upon my Thigh, for I lay on one Side; I say, as if it had been a Creature lying upon me with all his Weight, and turning his Body upon me.

It was so lively and sensible to me, and I remember it so perfectly well, though it is now many Years ago, that my Blood chills and flutters about my Heart at the very writing it. I immediately flung my self out of my Bed, and flew to my Musquet, which stood always ready at my Hand, and, naked as I was, laid about me upon the Bed in the dark, and every where else that I could think of where any Body might stand or lye, but could find nothing. *Lord deliver me from an evil Spirit*, said I! *What can this be?* And being tired with groping about, and having broke two or three of my Earthen Pots with making Blows here and there to no Purpose, I went to light my Candle, for my Lamp which I us'd to burn in the Night, either had not been lighted, or was gone out.

When I lighted a Candle, I could easily see there was no living Creature in the Place with me, but the poor Parrot, who was wak'd and frighted, and cry'd out, *Hold your Tongue*, and, *What's the Matter with you?* Which Words he learn'd of me, from my frequent saying so to him, when he used to make his ordinary wild Noise and Screaming that I did not like.

The more I was satisfy'd that there was nothing in the Room, at least to be seen, the more another Concern came upon me. *Lord!* says I aloud, this is the Devil. *Hold your Tongue*, says Poll. I was so mad at the Bird, tho' the Creature knew nothing of the Matter, that if he had hung near me, I believe I should have killed him. I put my Clothes on, and sat me down, for I could not find in my Heart to go to Bed again; and as I sat down, *I am terribly frighted*, said I. *What's the Matter with you?* says Poll. You Toad, said I, I'd knock your Brains out if you were here. *Hold your Tongue*, says he again, and then fell to chattering, *Robin Crusoe*, and, *Poor Robin Crusoe*, as he us'd to do.

Had I been in any Reach of a good Temper, it had been enough to have composed me; but I was quite gone, I was fully possess'd with a Belief, that it was the Devil, and I pray'd most heartily to God, to be delivered from the Power of the evil Spirit.

After some Time, I compos'd my self a little, and went to Bed again, and lying just in the Posture as I was in before, I felt a little of the Tingling in my Blood which

Это, скажу я [вам], смутило меня и сбило с толку, и у меня часто по различным поводам, а иногда даже без повода случались приступы подобной мнительности; ничего, кроме мнительной ипохондрии, пульсации крови и испарины, которым никто не мог дать никакого объяснения, кроме меня самого.

Например, однажды ночью, после того как я увидел в воздухе какие-то необычные явления, смысл которых был мне неясен, я, вернувшись домой и лежа в постели без сна, почувствовал боль в стопе. Потом в ней появилось нечто вроде покалывания, что меня несколько удивило, а после этого возникло что-то вроде жара в крови, как если бы это недомогание поднялось по моей ноге вверх¹⁹.

Внезапно я ощутил, как что-то живое лежит на моей ноге ниже колена, как если бы это была собака, валяющаяся в моей кровати, и тотчас после этого я почувствовал, как оно стало тяжелее. Ощутил, как оно явно перекатилось по мне вверх по бедру, потому что я лежал на боку. Скажем, как если бы это было существо, лежащее на мне всей своей тяжестью и поворачивающееся на мне [всем] своим телом.

Это было так ясно и так неожиданно для меня, и я так прекрасно это помню, хотя это было много лет назад, что кровь моя стынет [в жилах] и сердце трепещет, когда я пишу об этом. Я тут же вскочил с постели и взялся за мушкет, бывший у меня всегда наготове под рукой, и, как был, голый, [готовый убить] лежащее около меня на кровати в темноте, [стал искать] везде, где мог предположить, что кто-то мог стоять или лежать, но ничего не мог найти. «*Господи, избавь меня от злого духа,*» – сказал я. – *Что это может быть?*» Утомившись от [этого] метания, разбив пару глиняных горшков и беспечно пальнув туда-сюда, я пошел зажечь свечу, ибо лампа, которая обычно горела по ночам, также не была зажжена или погасла.

Когда я зажег свечу, я легко смог увидеть, что рядом со мной не было ни одного живого существа, кроме бедного попугая, который проснулся и испуганно закричал: *Заткнись!* и *Что с тобой?*, эти слова он перенял от меня, так как я часто их говорил ему, когда он издавал свои обычные дикие крики, которые мне не нравились.

Чем более я убеждался в том, что в комнате никого не было, по крайней мере, на виду, тем больше меня охватывала другая забота. «*Господи!* – сказал я вслух, – это дьявол». «*Заткнись*», – сказал Попка. Я был так зол на птицу, хотя она, по сути, ничего не понимала, что, полагаю, если бы она очутилась рядом со мной, я убил бы ее. Я оделся и сел, потому что не мог найти в себе силы снова лечь в постель. И поскольку я был сильно подавлен, я сказал: *Я ужасно напуган.* – *Что с тобой?* – сказал Попка. «Ты, жаба,» – сказал я, – я бы вышиб тебе мозги, если бы ты был здесь». «*Заткнись*», – снова говорит он, а затем начинает свою обычную болтовню: *Робин Крузо и Бедный Робин Крузо.*

Будь я хоть в сколь-нибудь спокойном настроении, этого было бы достаточно, чтобы успокоить меня. Но я был совсем растерян и всецело одержим верой в то, что это был дьявол, и я от всей души молился Богу, чтобы избавиться от власти злого духа.

Через некоторое время я немного успокоился и снова лег в постель. И, лежа в той же позе, что и раньше, почувствовал умеренный жар в крови, но решил

I felt before, and I resolv'd to lye still, let it be what it would; it came up as high as my Knee, as before, but no higher; and now I began to see plainly that it was all a Distemper, that it was something Paralitick, and that affected the Nerves; but I had not either Experience of such a thing, or Knowledge of Diseases, enough to be fully satisfy'd of the Nature of them, and whether any thing natural, any Numbedness or Dead Palsie affecting one Part of the Thigh, could feel as that did, till some Months after that, I felt something of the very same again at my first lying down in my Bed for three or four Nights together, which at first gave me a little Concern as a Distemper, but at last gave me such Satisfaction, that the first was nothing but the same thing in a higher Degree; that the Pleasure of knowing it was only a Disease, was far beyond the Concern at the Danger of it; Tho' a dead Palsie to one in my Condition might reasonably have been one of the most frightful Things in Nature; since having no body to help me, I must have inevitably perish'd for meer Want of Food, not being able to go from Place to Place to fetch it.

But to go back to the Case in Hand, and to the Apprehension I had been in; all the several Months that pass'd between the first of this and the last, I went about with a melancholy heavy Heart, fully satisfy'd that the Devil had been in my Room, and lay upon my Bed.

Sometimes I would trye to argue my self a little out of it, asking my self, Whether it was reasonable to imagine the Devil had nothing else to do than to come thither, and only lye down upon me, and go away about his Business, and say not one Word to me? What End it could answer? and whether I thought the Devil was really busy'd about such Trifles? Or whether he had not Employment enough of a higher Nature, so that such a Thing as that could be worth his while?

But still then I was answer'd with my own Thoughts, returning thus, What could it be? Or, if it was not a Devil, what was it? This I could not answer by any Means at all; and so I still sunk under the Belief, that it was the Devil, and nothing but the Devil.

You may be sure, while I had this Fancy in my Head, I was of Course over-run with the Vapours, and had all the Hypochondriack Fancies that ever any melancholy Head could entertain; and what with ruminating on the Print of a Foot upon the Sand, and the Weight of the Devil upon me in my Bed, I made no Difficulty to conclude, that the Old Gentleman really visited the Place; and in a Word, it had been easy to have possess'd me, if I had continued so much longer, that it was an enchanted Island, that there were a Million of evil Spirits in it, and that the Devil was Lord of the Manor.

I scarce heard the least Noise, near or far off, but I started, and expected to see a Devil; every distant Bush upon a Hill, if I did not particularly remember it before, was Man, and every Stump an Apparition; and I scarce went twenty Yards together by Night or by Day, without looking behind me.

лежать спокойно. Пусть будет так, как будет. Оно поднялось до колена, как и прежде, но не выше. И [только] тогда я начал ясно осознавать, что это было душевное расстройство, парализующее и действующее на нервы. Но у меня не было ни опыта в таких вещах, ни достаточных знаний о болезнях, чтобы полностью разобраться в их природе и в том, могу ли я чувствовать что-либо естественное, какое-либо онемение или смертельный паралич, поразивший одну часть бедра, как это было [со мной]. Через несколько месяцев после этого[случая] я снова почувствовал нечто подобное, как и тогда, лежа в своей постели в течение трех или четырех ночей подряд, и наконец стал догадываться, что это нервное расстройство; в конце концов я понял, что первый приступ был не иначе как проявлением того же самого [расстройства], но гораздо более сильным. Радость от осознания того, что это болезнь, намного превосходила осознание ее опасности. Хотя смертельный паралич для человека, [находящегося] в моем положении, мог бы по праву быть одной из самых страшных вещей, поскольку у меня не было никого, кто мог бы мне помочь. Я бы неизбежно погиб из-за простой нехватки еды, не имея возможности передвигаться с места на место, чтобы добыть ее.

Но вернемся к рассматриваемому делу и к опасениям, в которых я пребывал. На протяжении нескольких месяцев, прошедших между первым и последним случаем, я ходил с тяжелым сердцем, полностью уверенный в том, что дьявол был в моей комнате и лежал в моей кровати.

Иногда я вступал в дискуссии с самим собой, спрашивая себя: разумно ли было предположить, что нечистому нечего было делать, кроме как прийти туда, возлечь на меня и потом уйти по своим делам, не обмолвившись со мной ни единым словом? Какую цель он преследовал? И, думал я, действительно ли он может быть занят такими пустяками? Неужели у него недостаточно более важных дел, чтобы удостаивать меня своим вниманием?

Но все же тогда же ко мне вернулись мои собственные вопросы: «что бы это могло быть?» или «если это был не дьявол, то кто?». На них я никак не мог ответить. В результате я все же уверился в том, что это был дьявол и ничего, кроме дьявола.

Можете быть уверены, что пока из моей головы не выходила эта фантазия, я, конечно, был охвачен хандрой, и у меня имелись все причуды ипохондрии, которые когда-либо могла придумать меланхолическая голова, что, размышляя об отпечатке ноги на песке и о возлжании дьявола на мне в [моей] постели, я без труда пришел к выводу, что Сатана действительно посещал это место. Одним словом, если бы это продолжалось еще и дальше, [Сатане] легко было бы овладеть мною, я бы продолжал [думать], что это заколдованный остров, [населенный] миллионами злых духов, и что лордом этого манора является сам дьявол²⁰.

Я не слышал ни малейшего шума вблизи или вдали, но я вздрагивал и боялся увидеть нечистого. Каждый далекий куст на холме, если я не видел его прежде, был человеком, а каждый пень – привидением. И я едва ли проходил двадцать ярдов²¹ ночью или днем, не оглянувшись назад.

Sometimes indeed I took a little Heart, and would say *well*, let it be the *Devil* if it will, *God* is Master of the *Devil*, and he can do me no Hurt, unless he is permitted; he can be no where, but he that made him is there too; and as I said afterwards, when I was frightened with the old Goat in a Cave, he is not fit to live all alone in such an Island for 20 Years that would be afraid to see the Devil.

But all these Things lasted but a short while, and the Vapours that were raised at first, were not to be laid so easily; for, in a Word, it was not meer Imagination, but it was the Imagination ras'd up to Disease: Nor did it ever quite wear off till I got my Man Fryday with me, of whom I have said so much; and then having Company to talk to, the Hypo wore off, and I did not see any more Devils after that.

Before I leave this Part, I cannot but give a Caution to all vapourish melancholy People, whose Imaginations run this Way; I mean, about seeing the Devil, Apparitions, and the like; namely, that they should never look behind them, and over their Shoulders as they go up Stairs, or look into the Corners and Holes of Rooms with a Candle in their Hands, or turn about to see who may be behind them in any Walks or dark Fields, Lanes, or the like; for let such know, they will see the Devil whether he be there or no; nay, they will be so perswaded, that they do see him, that their very Imagination will be a Devil to them where-ever they go.

But after all this is said, let nobody suggest, that because the brain-sick Fancy, the vapourish Hypochondriack Imagination represents Spectres and Spirits to us, and makes Apparitions for us, that therefore there are no such Things as Spirits both good and evil, any more than we should conceive that there is no Devil, because we do not see him.

The Devil has Witnesses of his Being and Nature, just as God himself has of his; they are not indeed so visible or so numerous, but we are all able to bring Evidence of the Existence of the Devil from our own Frailties, as we are to bring Evidence of the Existence of God from the Faculties of our Souls, and from the Contexture of our Bodies.

As our Propensity to Evil rather than Good, is a Testimony of the original Depravity of human Nature; so the Harmony between the Inclination and the Occasion, is a Testimony which leaves the Presence of the evil Spirit with us out of question.

Not that the Devil is always the Agent in our Temptations; for tho' the Devil is a very diligent Fellow, and always appears ready to fall in with the Allurement, yet the Scripture clears him, and we must do so too, of being the main Tempter; 'tis our own corrupt debauch'd Inclination which is the first moving Agent; and therefore the Scripture says, *a Man is tempted when he is drawn away of his own Lusts, and enticed*. The Devil who, as I said, is a very diligent Fellow in the infernal Work,

Иногда я брал себя в руки и говорил – хорошо, пусть это будет *дьявол*, если так угодно. *Бог* есть повелитель *дьявола*, и он [дьявол] не может причинить мне вреда, если только ему не будет позволено. Он не может быть нигде [в реальном мире], но и тот, кто его создал [Бог], тоже там [в мире потустороннем]. И далее я рассуждал так: наподобие того, как я испугался старого козла в пещере, так и он не стал бы держать в полном одиночестве на таком острове в течение 20 лет живым того, кто боялся увидеть врага рода человеческого.

Но все это длилось недолго, и мнительность, что возникала вновь, нелегко было унять. Ибо это было не просто воображение, а воображение, доведенное до болезни; и она [мнительность] не угасала до тех пор, пока у меня не появилась мой Пятница, о котором я так много говорил. А затем, когда сложилась и компания для беседы, ипохондрия прошла, и после этого я больше не видел никаких дьяволов.

Прежде чем я оставляю эту часть [повествования], я не могу не предостеречь всех страдающих ипохондрией меланхоликов, чье воображение идет этим путем. Я имею в виду видение дьявола, призраков и тому подобное. А именно: никогда не стоит оглядываться назад и через плечо, поднимаясь по лестнице, или заглядывать в углы и отдаленные места комнат со свечой в руках, или оборачиваться, дабы увидеть, что кто-то может быть позади, во время любой прогулки по темным окрестностям, переулкам и т. д. Ибо пусть таковые знают: они [обязательно] увидят лукавого, есть ли он там или нет. Более того, они будут настолько убеждены, что увидят его, что само их воображение [создаст его], куда бы они ни пошли.

Но после всего сказанного пусть ни у кого не возникнет мысль, что в силу фантазии больного мозга туманное ипохондрическое воображение являет нам привидения и духов, создает призраков, и, следовательно, не существует таких вещей как духи, как добрые, так и злые. Точно так же мы не должны думать, что дьявола нет, потому что мы его не видим.

Имеются доказательства существования дьявола, его бытия и сущности, как есть таковые и в отношении самого Бога, которые на самом деле невидимы и не поддаются [нашему] разумению, но все же мы способны воспринять свидетельства его присутствия в наших собственных немощах, как нам следует выводить доказательства существования Бога из возможностей нашей души и из строения наших тел²².

Поскольку наша предрасположенность ко злу²³, а не к добру является свидетельством изначальной порочности человеческой природы, то и разница между этой склонностью и делом гармонизируется в Завете, не ставящем под сомнение присутствие в нас злого духа.

Не то чтобы нечистый всегда был агентом в наших искушениях; ибо хотя он и усердный помощник в этом и всегда являет готовность ввергнуть в соблазн, однако Писание оправдывает его, и мы должны воспринимать его таким же образом – как главного искушителя; эта наша собственная порочная развратная предрасположенность является наипервейшим движущим агентом; и потому Писание говорит: *Но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной*

and is always ready to forward the Mischief, is also a very cunning Fellow, and knows how most dextrously to suit alluring Objects to the allurable Dispositions; to procure ensnaring Things, and lay them in the Way of the Man whom he finds so easy to be ensnar'd, and he never fails to prompt all the Mischief he can, full of Stratagem and Art to ensnare us by the Help of our corrupt Affections, and these are call'd *Sathan's Devices*.

But having charg'd Sathan home in that Part, I must do the Devil that Justice, as to own, that he is the most slander'd, most abus'd Creature alive; Thousands of Crimes we lay to his Charge that he is not guilty of; Thousands of our own Infirmities we load him with which he has no Hand in; and Thousands of our Sins, which, as bad as he is, he knows nothing of; calling him our Tempter, and pretending we did so and so, as the Devil would have it, when on the contrary the Devil had no Share in it, and we were only *led away of our own Lusts, and enticed*.

But now, having made this Digression in the Devil's Defence, I return to the main Question, that of the Being of the Devil, and of evil Spirits; this, I believe, there is no Room to doubt of; but this, as I have observ'd, is not the Thing; these are not the Spirits I am speaking of, but I shall come directly to what I mean, and speak plain without any Possibility of being misunderstood.

I make no Question, but that there is not only a World of Spirits, but that there is a certain Knowledge of it, tho' to us impossible as to the Manner of it; there is a certain Converse between the World of Spirits, and the Spirits in this World; that is to say, between Spirits uncased or unembod'y'd, and Souls of Men embody'd or cased up in Flesh and Blood, as we all are on this side Death.

It is true, that we cannot describe this Converse of Spirits, as to the Way of it, the Manner of the Communication, or how things are mutually convey'd from one to another. How Intelligences are given or receiv'd we know not; we know but little of their being convey'd this Way, from the Spirits unembod'y'd, to ours that are in Life; and of their being convey'd that Way, namely from us to them; of that we know nothing. The latter certainly is done without the Help of the Organ, the former is convey'd by the Understanding, and the retir'd Faculties of the Soul, of which we can give very little Account.

For Spirits, without the help of Voice, converse.

Let me, however, give, as Reasons for my Opinion, some Account of the Consequences of this Converse of Spirits; I mean such as are quite remote from what we call Apparition or Appearance of Spirits; and I omit these, because I know they are objected much against, and they bear much Scandal from the frequent Impositions of our Fancies and Imaginations upon our Judgments and Understandings, as above.

похотью²⁴. Дьявол, который, как я уже сказал, является весьма усердным при-спешником в адском ремесле и всегда готов направлять злодеяние, [еще и] и весьма хитрый малый и знает, как ловчее приспособить соблазнительные вещи к соблазнительным ситуациям²⁵, ловко находить заманчивые объекты и ставить их на пути человека, которого, по его мнению, столь легко заманить в ловушку, и он преисполненный хитрости и мастерства, никогда не перестает порождать все зло, на которое только способен, чтобы заманить нас в ловушку с помощью наших же порочных влечений; и все это называется *кознями Сатаны*²⁶.

Но, обвинив Сатану в соучастии [злу], я должен воздать ему должное, поскольку, по сути, он является самым оклеветанным, самым оскорбленным существом на свете; в тысячах преступлений, в которых мы обвиняем его, он невиновен; мы взваливаем на него тысячи наших собственных немощей, к которым он непричастен, и тысячи наших грехов, о которых, как бы он ни был плох, он ничего не знает; называем его нашим искусителем и притворно оправдываем то или другое наше деяние; как бы он этого хотел, когда, напротив, он не принял в этом никакого участия, а мы были *ведомы нашими собственными похотями и поддавались соблазну*.

Но теперь, сделав это отступление в защиту дьявола, я возвращаюсь к главному вопросу – вопросу о бытии дьявола и злых духов. В этом [факте], я думаю, нет места сомнению. Но дело, как мне кажется, не в этом. Я не говорю о [мнимых] духах, а сразу перейду к тому, что я имею в виду, и буду говорить прямо без малейшего [риска] быть неправильно понятым.

Вопрос не в этом, речь ведь идет не столько о мире духов, сколько об определенном знании о нем, пусть для нас и непостижимом как по способу общения между миром духов и духами в этом мире, так и между духами, лишенными оболочки, или бестелесными, и душами людей, воплощенными или заключенными в плоть и кровь, как и все мы по эту сторону от смерти.

Верно, мы не можем описать это общение духов в отношении пути, способа общения или того, как сущности взаимообразно переходят из одного [мира] в другой. Нам неизвестно, как именно информация передается или воспринимается. Мы весьма мало знаем о том, каким *путем* она переходит от невоплощенных духов к нашим, живущим жизнью [земной]; и как это, в свою очередь, передается от нас к ним. Об этом мы не знаем ничего: последнее [от нас к ним], конечно же, совершается без помощи [человеческого] органа, первое [от них к нам] воспринимается посредством разумности и скрытых способностей души, о которых мы можем иметь очень мало сведений.

Ибо духи общаются без помощи голоса.

Позвольте мне, однако, в качестве обоснования моего мнения дать некоторые сведения об общении духов; я имею в виду тех, которые весьма далеки от тех, что мы называем привидениями или видениями духов; этих я [здесь] опускаю, потому что знаю, как много сплетен ходит из-за часто встречающихся в наших суждениях и размышлениях навязчивых мнительных фантазий, как указано выше.

But the more particular Discoveries of this Converse of Spirits, and which to me are undeniable are such as follows; namely,

Dreams,	Impulses,	Involuntary
Voices,	Hints,	Sadness, &c.
Noises,	Apprehensions,	

Dreams are dangerous Things to talk of; and we have such dreaming about them, that indeed the least Encouragement to lay any Weight upon 'em, is presently carry'd away by a sort of People that dream waking; and that run into such wild Extreames about them, that indeed we ought to be very cautious what we say of them.

It is certain, Dreams of old were the Ways by which God himself was pleased to warn Men, as well what to do, as what not to do; what Services to perform, what Evils to shun. *Joseph*, the Husband of the Blessed Virgin Mary, was appear'd to in both these, *Matt. II 13 : 19*. He was directed of God, in a Dream; to go into, Egypt, and he was bid return out of *Egypt* in a Dream and in the same Chapter, the Wise-men of the East were warn'd of *God in a Dream*, to depart into their own Country another Way, to avoid the Fury of *Herod*.

Now as this, and innumerable Instances thro' the whole Scripture, confirm, that God did once make use of this Manner to convey Knowledge and Instruction to Men, I wish I could have this Question well answer'd, (*viz.*) *Why are we now to direct People to take no Notice of their Dreams?*

But farther, it appears that this was not only the Method God himself took by his immediate Power, but 'tis evident he made use of it by the Ministry of Spirits; the Scripture says in both the Cases of *Joseph* above-nam'd, That the *Angel of the Lord appear'd to Joseph in a Dream*. Now every unembod'y'd Spirit is an Angel of the Lord in some Sense, and, as Angels and Spirits may be the same thing in respect of this Influence upon us in Dreams, so it is still; and when any Notice for Good, or Warning against Evil, is given us in a Dream, I think 'tis no Arrogance at all for us to say, the Angel of the Lord appear'd to us in a Dream; or to say, some good Spirit gave me Warning of this in a Dream; take this which Way you will.

That I may support this with such undeniable Arguments, drawn from Examples of the Fact, as no Man will, or reasonably can oppose, I first appeal to the Experience of observing People; I mean such People as observe these things without a superstitious Dependence upon the Signification of them, that look upon Dreams but with such a moderate Regard to them, as may direct to a right Use of them: The Question I would ask of such is, Whether they have never found any remarkable Event of their Lives so evidently foretold them by a Dream, as that it must of Necessity be true, that some invisible Being foresaw the Event, and gave them Notice of it? And that had that Notice been listen'd to, and the natural Prudence used, which would have been used if it had been certainly discovered, that evil Event might have been prevented?

Но [выразимся] более конкретно. Для меня неоспоримы [факты] общения духов:

сны,	импульсы,	невольная
голоса,	намекы,	печаль и т. д.
шумы,	опасения,	

Сны – опасная для обсуждения вещь; и мы так [часто] фантазируем по их поводу, на самом деле [просто] перекаладывая на них ответственность; существуют люди, увлекающиеся толкованиями снов и впадающие в столь дикие крайности, поэтому мы действительно должны быть очень осторожны, когда говорим о них.

Несомненно, сны издавна были способом, посредством которого Богу было угодно предупреждать людей как о том, что [стоит] делать, так и о том, чего делать [не стоит]; какие поступки совершать, каких зол избегать. Оба случая мы наблюдаем в истории *Иосифа*, супруга Пресвятой Девы Марии (Мф. 2 : 13–19). Бог [явился ему] во сне и повелел идти в Египет, и во сне же ему было велено вернуться из *Египта*; и в той же главе восточные мудрецы *во снах* были предупреждены *Богом*, о том что им нужно направиться в свою страну другим путем, дабы избежать гнева *Ирода*²⁷.

Теперь, когда эти и другие бесчисленные примеры из Писания подтверждают, что Бог когда-то использовал сей способ для передачи людям знаний и наставлений, я хотел бы получить весомый ответ на следующий вопрос: *почему сейчас мы не должны наставлять людей обращать внимание на предупреждения, [которые они получают] во снах?*

Но далее оказывается, что это был не просто способ, который Сам Бог избрал Своей непосредственной властью, очевидно, что Он использовал для этого служение духов. Писание в обоих случаях говорит о вышеупомянутом *Иосифе*, что *ангел Господень явился ему во сне*. Итак, всякий невоплощенный дух есть в каком-то смысле ангел Господень, и, как ангелы и духи, что может быть одно и то же, приходит к нам в сновидениях, так оно и есть; и когда нам во сне дается некое извещение о чем-то хорошем или предостережение о чем-то плохом, то, думаю, сие вовсе не есть самонадеянность с нашей стороны – сказать, что ангел Господень явился нам во сне. Или сказать: какой-то добрый дух предупредил меня об этом во сне. Выбирайте [между ангелом и духом] по своему усмотрению.

Чтобы я мог подтвердить это [утверждение] такими неопровержимыми аргументами, почерпнутыми из фактов, против которых ни один человек не захочет или не сможет здраво возразить, я сначала обращусь к опыту наблюдения за людьми. Я имею в виду таких людей, которые смотрят на эти явления без суеверной зависимости от их значения, анализируют сны, но относятся к ним спокойно, что может направить к правильному их толкованию²⁸. Вопрос, который я хотел бы задать таким людям, заключается в том, не обнаруживали ли они в своей жизни когда-нибудь какого-нибудь замечательного события, которое было бы явно предсказано им во сне, поскольку неизбежно должно быть правдой, что какое-то невидимое существо предвидело это событие и подавало

I would ask others, whether they have not, by Dreams, been so warn'd of Evil really approaching, as that taking the Hint, and making use of the Caution given in those Dreams the Evil has been avoided. If I may speak my own Experience, I must take leave to say, That I never had any capital Mischief befel me in my Life, but I have had Notice of it by a Dream; and if I had not been that thoughtless unbelieving Creature, which I now would caution other People against, I might have taken many a Warning, and avoided many of the Evils that I afterwards fell into, merely by a total obstinate Neglect of those Dreams.

In like Manner, I have in some of the greatest Distresses of my Life, been encouraged to believe firmly and fully, that I should one Time or other be delivered; and I must acknowledge, that in my greatest and most hopeless Banishment, I had such frequent Dreams of my Deliverance, that I always entertained a firm and satisfying Belief, that my last Days would be better than my first; all which has effectually come to pass.

From which I cannot determine, *as I know some do*, that all Dreams are meer Dosings of a delirious Head, Delusions of a waking Devil, and Relicts of the Day's Thoughts, and Perplexities, or Pleasures: Nor do I see any Period of Time fixed between the two opposite Circumstances; namely, when Dreams were to be esteemed the Voice of God, and when the Delusion of the Devil.

I know some have struggled hard to fix that particular Article, and to settle it as a Thing going hand in hand with the *Jewish* Institutions; as if the Oracle ceasing in the Temple with the Consummation of the typical Law, all the Methods which Heaven was pleased to take in the former Times for revealing his Will to Men, were to cease also at the same Time, and the Gospel Revelation being fully and effectually supplied by the Mission of the Holy Spirit, Dreams and all the Uses and Significations of Dreams were at an End, and the Esteem and Regard to the Warnings and Instructions of Dreams was to expire also.

But the Scripture is Point-blank against this, in the History of Fact relating to *Ananias*, and the Conversion of *St. Paul*; and in the Story of *St. Peter* and *Cornelius* the devout Centurion at Antioch; both of them eminent Instances of God's giving Notice of his Pleasure to Men, by the Interposition or Medium of a Dream. The first of these is in Acts IX. 10. *There was a certain Disciple at Damascus named Ananias*, To him said the Lord in a Vision, &c. the Words spoken in this Vision to Ananias, directing to go to seek out one Saul of Tarsus, go on thus v. 12. *And hath seen in a Vision, a Man named Ananias coming in.*

The other Passage is of *St. Peter* and *Cornelius* the Centurion, Acts 10. V. 3. 10, 11. in the third Verse it is said, *Cornelius* Fasting and Praying, *saw a Vision*, which afterwards

предупреждения о нем. И если бы к этому предупреждению прислушались и выказали бы естественную осторожность, которая была бы проявлена своевремененно, то трагическое событие можно было бы предотвратить.

Я хотел бы спросить других [людей], не были ли они предупреждены во снах о действительно приближающейся беде так, что, приняв намек и воспользовавшись предупреждением, данным в этих снах, ее удалось избежать? Если я могу говорить о своем собственном опыте, позволю себе сказать, что хоть никогда в жизни со мной не случилось большой беды, я все же получал уведомления во снах. И если бы я не был легкомысленным неверующим созданием, от чего я теперь буду предостерегать других людей, я мог бы внять многим предостережениям и избежать многих бед, в которые впоследствии впадал лишь из-за абсолютно упрямого пренебрежения вещими снами.

Подобным образом во время самых величайших испытаний в моей жизни я был твердо и всецело призван верить, что рано или поздно буду освобожден [из заточения на острове]. И должен признать, что в этом величайшем и самом безнадежном изгнании мне так часто снились сны об избавлении, что я всегда твердо верил, что мои последние дни будут лучше, нежели мои прежние дни²⁹. Что в действительности и сбылось.

Из этого я не могу заключить (что, как мне известно, делают некоторые), что все сны – лишь порождение затуманенного разума, козни бодрствующего дьявола, остатки дневных мыслей, сильных ощущений или усад, как и не вижу никакого определенного различия между двумя противоположными обстоятельствами, а именно: когда сны должны были считаться голосом Бога, а когда – наваждением дьявола.

Я знаю, что некоторые из всех сил старались исправить этот конкретный пункт и представить это дело как идущее рука об руку с *еврейскими* обычаями³⁰; так, если оракул утих в храме с прекращением ветхозаветных времен, [то] все методы, что небу было угодно использовать в давние времена для толкования людям Его воли, должны были прекратиться тогда же; и откровение Евангелия полностью и действенно обеспечивается миссией Святого Духа – сновидениям и всем их толкованиям и значениям пришел конец; и почтение, и внимание к предупреждениям и наставлениям во снах также должны сойти на нет.

Но Писание категорически против этого описания фактов, касающихся *Анании*, и обращения св. *Павла*³¹, и истории св. *Петра* и *Корнилия*, набожно-го центуриона из Антиохии³². Оба они [Анания и Корнилий] представляют собой выдающиеся примеры того, как Бог уведомляет людей о Своей воле посредством сновидения. Первый из них находится в (Деян. 9 : 10³³). *В Дамаске был один ученик по имени Анания; ему сказал Господь в видении и т. д. Слова, сказанные в этом видении Анании, повелевавшие пойти разыскать некоего Савла Тарсянина, продолжают так (Деян. 9 : 12³⁴): и увидел в видении входящего мужа именем Анания.*

Другой отрывок относится к св. *Петру* и центуриону *Корнилию* (Деян. 10 : 3, 11), в третьем стихе сказано: *Корнилий, постясь и молясь, узрел видение,*

in the 22d Verse, is called an *holy Angel warning him*, in the 30th Verse it is said; *a Man Stood before me in bright Cloathing*; at the same Time, V. 10. it is said, St. Peter was Praying and fell into a *Trance*; this we all agree to be a Possession of Sleep or a deep Sleep; and in this Traunce 'tis said, *he saw Heaven opened*, that is to say, he dreamed that he saw Heaven opened; it could be nothing else; for no Interpreters will offer to insist that Heaven was really opened; also the hearing a Voice V. 13, 15. must be in a Dream; thus 'tis apparent the Will of God concerning what we are to do or not to do, what is or is not to befall us, is and has been thus conveyed by Vision or Dream, since the Expiration of the *Levitical* Dispensation, and since the Mission of the Holy Ghost.

When then did it cease? and if we do not know when it ceased, how then are we sure it is at all ceased, and what Authority have we now to reject all Dreams or Visions of the Night, *as they are called*, more than formerly?

I will not say, but there may be more nocturnal Delusions now in the World, than there were in those Times; and perhaps the Devil may have gain'd more upon Mankind in these Days, than he had then, though we are not let into those Things enough, to know whether it is so or not; nor do we know, that there were not as many unsignifying Dreams in those Days as now, and perhaps as much to be said against depending upon them; though I think there is not one Word in Scripture said, to take off the Regard Men might give to Dreams, or to lessen the Weight which they might lay on them.

The only Text that I think looks like it, is the Flout *Joseph's* Brethren put upon him, or threw out at him, when they were speaking of him with Contempt, *Genesis XXXVII. 19. Behold this Dreamer cometh; and again, v. 20. Let us slay him and cast him into some Pit, and we shall see what will become of his DREAMS.*

This indeed looks a little like the present Language against Dreams; but even this, is sufficiently rebuked in the Consequences, for those Dreams of *Joseph's* did come all to pass, and proving the superior Influence such Things have upon the Affairs of Men, in spite of all the Contempt they can cast upon them.

The Maxim I have laid down to my self for my conduct in this Affair is in few Words, that we should not lay too great Stress upon Dreams, and yet not wholly neglect them.

I remember, I was once present, where a long Dispute was warmly carried on between two Persons of my Acquaintance upon this very Subject, the one a Layman, the other a Clergyman, but both very pious and religious Persons: The first thought there was no heed at all to be given to Dreams, that they could have no justifiable Original, that they were Delusions and no more, that it was Atheistical to lay any Stress upon them, and that he could give such Objections against them, as that no Man of good Principles could avoid being convinced by; that as to their being a Communication from the invisible to the visible World, 'twas a Chimæra, and that he saw no Foundation

которое впоследствии в 22-м стихе называется *святым ангелом, предупреждающим его*. В 30-м стихе сказано: *Стал предо мною муж в белой одежде*. В то же время в ст. 10 говорится, что св. Петр молился и впал в *транс*. Мы все соглашаемся с тем, что это оцепенение или глубокий сон. И говорят, что в сем транс *он увидел открывшееся небо*, то есть ему привиделось, что он узрел отверстое небо – ничем иным это не могло быть; и никакие толкователи не станут настаивать на ином, Небеса действительно разверзлись; также был слышен глас [с Небес] (ст. 13, 15), и это произошло во сне³⁵. Таким образом, становится очевидным, что воля Божья относительно того, что мы должны или не должны делать, что должно или не должно случиться с нами, была, и таким образом передавалась в видениях или во снах со времен создания Завета Книги *Левит*³⁶ и со времен миссии Святого Духа.

Когда же это прекратилось? Если мы не знаем, то как же мы можем быть уверены, что оно вообще прекратилось, и какое право имеем мы теперь отвергать все сны или, *как их называют*, ночные видения³⁷, настойчивее, чем раньше?

Не буду утверждать, но, возможно, ночных галлюцинаций теперь на свете больше, чем было в те времена. Возможно, дьявол обрел больше власти над человечеством в наши дни, чем он имел тогда, хотя мы недостаточно сведущи в этих вопросах, чтобы знать, так это или нет. Мы также не знаем, было ли в те дни так много ничего не значащих снов, как теперь, и, возможно, так же можно возразить против [утверждений о] зависимости от них; хотя я думаю, что в Писании не сказано ни единого слова, чтобы умалить то внимание, которое люди могут придавать сновидениям, или пренебречь их значением.

Единственный текст, в котором, как мне кажется, дается намек на что-то подобное, так это тот, в котором братья *Иосифа* досадовали [на него] или пренебрегали им, когда говорили о нем с презрением (Быт. 37 : 19): *Вот идет сновидец*. И далее (Быт. 37 : 20): *Давайте убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и увидим, что выйдет из его СНОВ*³⁸.

Это действительно в некотором смысле похоже на современное возражение против [толкования] сновидений; но даже это порицалось впоследствии, ибо все сны *Иосифа* сбылись и доказали огромное влияние таких указаний на дела людей, несмотря на все презрение, которым они могли их наградить.

Максима, которую я установил для себя в отношении своего поведения в этом деле, состоит в нескольких словах: мы не должны придавать слишком большого значения сновидениям, но не стоит и полностью пренебрегать ими.

Помню, я присутствовал однажды там, где шел долгий горячий спор между двумя моими знакомыми именно по этому поводу. [Это был спор] между мирянином и священнослужителем, оба были весьма благочестивыми и набожными людьми: первый считал, что на сновидения вообще не следует обращать внимания, что они не могут иметь никакого обоснованного первоисточника, что они являются бредом, и, более того, придавать им какое-либо значение – значит сравниться с атеистами³⁹, и что он [мирянин] может представить против них такие возражения, что ни один человек, [имеющий] твердые моральные принципы,

for believing any Reality in such a Thing, unless I would set up for a Popish *Limbus* or Purgatory, which had no Foundation in the Scripture.

1. He said, If Dreams were from the Agency of any prescient Being, the Notices would be more direct, and the Discoveries clear; not by Allegories and emblematick Fancies, expressing Things imperfect and dark: For to what Purpose should Spirits un-embodied sport with Mankind, warning him of approaching Mischiefs by the most ridiculous Enigmas, Figures, &c. leaving the Wretch to guess what awaited him, though of the utmost Consequence, and to perish if he mistook the Meaning of it; and leaving him sometimes perfectly at a Loss, to know whether he was Right or Wrong, and without any Rule or Guide to Walk by in the most difficult Cases.

2. He objected, that with the Notice of Evil, suppose it to be rightly understood, there was not given a Power to avoid it; and therefore it could not be alledged, that the Notice was any way kind, and that it was not likely to proceed from a beneficent Spirit, but merely Fortuitous and of no Significancy.

3. He objected, That if such Notices as those were of such Weight, why were they not Constant: But that sometimes they were given, and sometimes omitted, though Cases were equally important; and that therefore they did not seem to proceed from any Agent, whose Actions were to be fairly accounted for.

4. He said, That oftentimes we had very distinct and formal Dreams, without any Signification at all, that we could neither know any Thing probable or any Thing rational of them; and that it would be profane to suggest that to come from Heaven, which was too apparently foolish and inconsistent.

5. As Men were not always thus warned, or supplied with Notices of Good or Evil, so all Men were not alike supplied with them; and what Reason could we give, why one Man or one Woman should not have the same Hints as another.

The Clergyman gave distinct Answers to all these Objections, and to me, I confess, very satisfactory; whether they may be so to those that read them, is no Concern of mine, let every one judge for himself.

1. He said, that as to the Signification of Dreams, and the Objections against them, because dark and doubtful, that they are express'd generally by Hieroglyphical Representations, Similies, Allusions, and figurative emblematick Ways of expressing Things was true, and that by this Means, for want of Interpretation, the Thing was not understood, and consequently the Evil not shun'd. This, he said, was the only Difficulty that remained to him in the Case, but that he could see nothing in it against the Signification of them, because thus it was before; for Dreams were often allegorick and allusive, when they were evidently from God;

не смог бы избежать участи быть убежденным. Что же касается того, что они [сновидения] являются средством общения незримого мира с видимым, то это химера. И он не видел оснований верить в реальность таких вещей, если только он [мирянин] не согласится на папский *лииб* или чистилище⁴⁰, не имеющее никакого отношения к реальности и не получающее подтверждения в Писании.

1. Он сказал, что если бы сны исходили от какой-либо сущности, обладающей даром предвидения, предсказания были бы более устрашающими, а открытия – ясными, а не аллегориями и символическими фантазиями, неясными и смутными; ибо с какой целью бестелесные духи должны играть с человечеством, предупреждая его о приближающихся бедах самыми нелепыми загадками, образами и т. д., оставляя грешнику догадываться о том, что его ожидает, хотя бы и с самыми серьезными последствиями, и погибнуть, если он перепутает смысл этого; оставляя его иногда в полной растерянности, в незнании того, прав он или нет, и без какого-либо правила или руководства, дабы действовать [в соответствии с ним] в самых трудных случаях.

2. Он возразил, что в предсказании о [надвигающейся] беде, если предположить, что оно понято верно, не была дана возможность избежать ее; следовательно, нельзя утверждать, что предсказание было [проявлением] добра и что оно, вероятно, исходило не от благодетельного духа, а было чисто случайным и не имело никакого значения.

3. Он возразил, что если подобные предсказания имеют такое значение, то почему же они не были постоянными, но иногда даются, а иной раз и нет, хотя случаи были одинаково важными; и что, следовательно, они, похоже, не исходили от какого-либо посланца, чьи действия должны были быть обязательно учтены.

4. Он сказал, что часто нам снились весьма отчетливые и благопристойные сны, вообще не имеющие никакого значения, так что мы не можем вывести из них ничего вероятного или [просто] понятного; и что было бы богохульством предполагать, что сие пришло с Небес, это было бы слишком очевидно бессмысленно и несообразно.

5. Таким образом, как люди не всегда были предупреждены или снабжены указаниями о добре или зле, так и не все люди были в равной степени вооружены ими. И как мы могли бы объяснить, почему такой-то мужчина или такая-то женщина не должны получать те же подсказки, что и другие?

На все эти возражения священник дал внятные ответы, признаю, весьма удовлетворительные для меня. Могут ли они быть таковыми для тех, кто их читает, меня не касается, пусть каждый судит сам.

1. Он сказал, что относительно значения сновидений и возражений против них, поскольку они темны и сомнительны, действительно верно, что они обычно выражаются в запутанных образах, сравнениях, аллюзиях и фигуральных символических способах передачи явлений; и это означает, что за неимением истолкования предсказание не было понято, следовательно, беды не удалось избежать. Это, сказал он, было единственной трудностью, которая, с его точки зрения, остается в этом случае, но что касается их [снов] значимости, у него в этом нет никаких сомнений, потому что так было и раньше; да, сны часто были

and what the End and Design of Providence in that was, we could not pretend to enquire.

2. To the Second he said, *we charged God foolishly*, to say he had given the Notice of Evil without the *Power to avoid* it, which he denied; and affirmed, that if any one had not Power to avoid the Evil, it was no Notice to him, that it was want of giving due Heed to that Notice, not for want of the Notice being sufficient that, any Evil followed, and that Men first neglected themselves, and then charg'd the Judge of all the Earth with not doing right.

3. Likewise he said, the Complaint that these notices were not constant, was unjust, for he doubted not but they were so, but our discerning was crazed and clouded by our Negligence in not taking due Notice of it, that we hoodwink'd our Understanding by pretending Dreams were not to be regarded; and the Voice really spoke, but we refused to hear being negligent of our own Good.

4. In the same Sense he answered the Fourth, and said, it was a Mistake to say, that sometimes Dreams had no Import at all, he said it was only to be said, none that we could perceive the Reason of, which was owing to our Blindness and supine Negligence to be secure at one Time, and our Heads too much alarmed at another; so that the Spirit which we might be said to be conversing with in a Dream, was constantly and equally kind and careful, but our Powers, not always in the same State of Action, nor equally attentive to, or retentive of the Hints that were given; or Things might be rendred more or less intelligible to us, as the Powers of our Soul were more or less doz'd or somniated with the Oppression of Vapours from the Body, which occasions Sleep; for tho' the Soul cannot be said to sleep itself, yet how far its Operations may be limited, and the Understanding prescribed by the Sleepiness of the Body, *says he*, I will not undertake, let the Anatomist judge of it, who can account for the Contexture of the Parts, and for their Operations, which I cannot answer to.

5. As to the last Question, why People are not equally supplied with such Warnings, he said, this seem'd to be no Question at all in the Case; for Providence itself might have some Share in the Direction of it, and then that Providence might perhaps be limited by some superiour Direction, the same that guides all the solemn Dispositions of Nature, and was a Wind blowing where it listeth: that as to the Converse of Spirits, tho' he allowed the Thing itself, yet he did not tie it up to a stated Course of Conversing, that it should be the same always, and to all People, and on all Occasions; but that it seem'd to be spontaneous, and consequently Arbitrary, as if the Spirits unembodied had it left to them to converse as they thought fit, how, where, and with whom they would; that all he answered for in that Discourse was for the Thing itself, that such a Thing there was, but why there was so much of it, or why no more, was none of his Business, and he believed a Discovery was not yet made to Mankind of that Part.

аллегорическими и иносказательными, когда они явно исходили от Бога; какими при этом были цель и замысел Провидения – это вне поля нашего разумения.

2. Касательно второго он сказал: *мы безрассудно обвиняли Бога*, говоря, что Он предупредил о несчастье без *возможности избежать его*, с чем он [священник] не был согласен; и утверждал, что если кому-то не была дана возможность избежать беды, то это и не было для него предостережением, а было [проявлением] нежелания отдавать должное этому предупреждению, нежеланием получить весть о приближающейся беде; и что люди сначала сами этим пренебрегают, а потом обвиняют Судию всей земли в том, что тот поступает так несправедливо⁴¹.

3. Точно так же он сказал, что сетование на то, что эти предуведомления не были постоянными, было несправедливым, потому что он не сомневался в том, что они [предуведомления] давались нам, но наша способность распознавать [их] утрачена и подавлена нашей же невнимательностью; мы не уделяли должного внимания предуведомлению и обманывали самих себя, [утверждая], что сны не имеют значения; голос [Провидения] на самом деле звучал, но мы отказывались слышать [его], пренебрегая нашим же собственным благом.

4. В том же смысле он ответил на четвертое и сказал, что было бы ошибкой говорить, что иногда сны вообще не имеют никакого значения; он сказал, что лучше было бы признать, что мы не могли понять [их] причины из-за нашей слепоты и равнодушной лени, дабы вовремя обезопасить себя, и что наши головы полностью заняты другим. Так что дух, с которым мы, можно сказать, разговаривали во сне, был постоянно и одинаково добр и осторожен, но мы не всегда были в одном и том же состоянии, мы не были одинаково внимательны к данным нам подсказкам или не удерживали их в своей памяти; или знаки не могли быть более или менее понятными для нас, поскольку наши душевные силы дремали или были усыплены хандрой, что вызывает сон; ибо, хотя нельзя сказать, что душа погружена в сон, все же насколько ее возможности и понимание могут быть ограничены сонливостью тела⁴², *сказал он*, – тут я не берусь отвечать, пусть об этом судит анатом, который может объяснить взаимосвязь частей [тела] и их действий, я же не могу ответить [на этот вопрос].

5. Что касается последнего пункта о том, почему люди неодинаково уведомляются такими предостережениями, то в данном случае это, сказал он, кажется, вообще не вопрос. Ибо само Провидение могло иметь некоторую долю участия в руководстве этим, и тогда это Провидение могло быть, вероятно, ограничено каким-то высшим порядком вещей, тем самым, что управляет всеми священными планами природы и является «духом, дышащим, где хочет»⁴³. Что касается общения духов – хоть он и допускал его как таковое, но не связывал с раз и навсегда предустановленным порядком, распространяющимся на всех людей [без исключения] и во всех ситуациях. Он [порядок] кажется спонтанным и, следовательно, произвольным, как если бы бестелесные духи имели возможность разговаривать так, как они считали нужным, где и с кем им вздумается; все, за что он отвечал в этом рассуждении, относилось к самому предмету – [к тому], что сновидения существуют, но почему ранее этому уделялось столь много внимания

I thought it would be much to the Purpose to remark this Opinion of another Man, because it corresponded so exactly with my own, but I have not done with my Friend, for he led me into another Enquiry, which indeed I had not taken so much notice of before, and this was introduced by the following Question.

You seem, says he, to be very inquisitive about Dreams, and to doubt, *tho' I think you have no Reason for it*, of the Reality of the World of Spirits, which Dreams are such an Evidence of. Pray, says he, what think you of waking Dreams, Trances, Visions, Noises, Voices, Hints, Impulses, and all these waking Testimonies of an invisible World, and of the Communication that there is between us and them, which are generally entertained with our Eyes open.

This led me into many Reflections upon past Things, which I had been Witness to as well in myself as in other People, and particularly in my former Solitudes, when I had many Occasions to mark such Things as these; and I could not but entertain a free Conversation with my Friend upon this Subject, as often as I had Opportunity, of which I must give some Account.

I had one Day been conversing so long with him upon the common received Notions of the Planets being habitable, and of a Diversity of Worlds, that I think verily, I was for some Days like a Man transported into these Regions myself; whether my Imagination is more addicted to reallizing the Things I talk of, as if they were in View, I know not; or whether by the Power of the Converse of Spirits I speak of, I was at that Time enabled to entertain clearer Ideas of the Invisible World, I really cannot tell; but I certainly made a Journey to all those supposed habitable Bodies in my Imagination, and I know not but it may be very useful to tell you what I met with in my Way, and what the wiser I am for the Discovery; whether you will be the wiser for the Relation at second Hand, I cannot answer for that.

I could make a long Discourse here of the Power of Imagination, and how bright the Ideas of Distant Things may be found in the Mind, when the Soul is more than ordinarily agitated: It is certain the extraordinary Intelligence conveyed in this Manner is not always regular, sometimes it is exceeding confused, and the Brain being not able to digest it, turns round too fast; this tends to Lunacy and Distraction, and the Swiftness of the Motion these Ideas come in with, occasions a Commotion in Nature, the understanding is mobb'd with them, disturb'd, runs from one Thing to another, and digests nothing; this is well expressed in our common Way of talking of a mad Man, namely, that his Head is turned. Indeed I can liken it to nothing so well as to the Wheels of a Wind-mill, which if the Sails or Wings are set, and the Wind blow a Storm, run round so fast, that they will set all on Fire, if a skilful Hand be not ready to direct and manage it.

или почему теперь – нет, это не его дело, и он полагал, что это еще не постигнуто человечеством.

Я подумал, что было бы весьма полезно для [моей] цели отметить сие мнение другого человека, так как оно столь точно соответствовало моему собственному, но я не сделал этого с моим приятелем, потому как он подвел меня к иному исследованию, которому я на самом деле не придавал такого большого значения ранее, и оно было представлено следующим вопросом.

«Кажется, – говорит он, – вы весьма любознательны в отношении снов и сомневаетесь в реальности мира духов, *хотя я думаю, что у вас нет для этого оснований*, доказательством чего являются сны. Прошу вас, – говорит он, – спросите себя, что вы думаете о снах наяву, о состоянии транса, видениях, шумах, голосах, намеках, импульсах и обо всех этих неусыпных вестниках невидимого мира и связи между нами и теми, что обычно воспринимаются нами в состоянии бодрствования».

Сие привело меня к серьезным размышлениям о прошлых событиях, свидетелем которых я был ([касающихся] как меня, так и других людей), особенно это касается моего прежнего уединения, когда у меня было много поводов подметить подобные явления; и я стремился вести откровенные беседы с моим приятелем на эту тему столь часто, как только я мог, и должен дать об этом некоторый отчет.

Однажды я так долго беседовал с ним о расхожих представлениях об обитаемости планет и о разнообразии миров, что, думаю, я действительно в течение нескольких дней был подобен человеку, перенесшемуся в эти области; не знаю, склонна ли сила моего воображения представить явления, о которых я говорю, как если бы они были в поле [моего] зрения, или благодаря умению духов общаться, о котором я говорю, я был в то время способен воспринимать яснее идеи незримого мира; на самом деле я не могу этого утверждать, но в моем воображении я определенно совершал путешествие ко всем тем предполагаемым обитаемым объектам; уж и не знаю, [надо ли], но все-таки, может быть, будет полезным рассказать вам, с чем я встретился на этом пути и насколько я стал мудрее в ходе этого [моего] открытия [ангельского мира]; и станете ли вы мудрее от рассказа из вторых рук – не могу за это отвечать.

Я мог бы привести здесь длинное рассуждение о силе воображения и о том, как ярко идеи отдаленных сущностей могут проявляться в уме, когда взволнованная душа распахнута; определенно, выраженная таким образом, это экстраординарная информация не всегда систематична, иногда она чрезвычайно запутанна, и мозг не в состоянии ее осознать – слишком быстро все проносится. Это ведет к невменяемости и замешательству, а скорость, с которой возникают эти образы, вызывает смятение натуры, рассудок переполняется ею, смущается, мечется от одного к другому и ничего не осознает. Сие [состояние] хорошо выражено в нашем обычном способе говорить о сумасшедшем, а именно – что он не дружит с головой. В самом деле, я не могу сравнить это ни с чем настолько точно, кроме как с механизмом ветряной мельницы, лопасти которой, когда ветер штормит, вращаются так быстро, что воспламеняется все вокруг, если умелая рука не станет руководить и управлять ею [мельницей].

But not to enter upon this whimsical Description of Lunacy, which perhaps may be no Bodies Opinion but my own, I proceed thus. That when the Head is strong, and capable of the Impressions; when the Understanding is impowered to digest the infinite Variety of Ideas, which present to it from the extended Fancy; then, I say, the Soul of Man is capable to act strangely upon the Invisibles in Nature, and upon Futurity, Realizing every Thing to itself in such a lively Manner, that what it thus thinks of, it really sees, speaks to, hears, converses with, &c. as livelily, as if the Substance was really before his Face; and this is what I mean by those that dream waking, by Visions, Trances, or what you please to call them; for it is not necessary to this Part, that the Man should be asleep.

I return to my Share of these Things. It was after my conversing with my learned Friend about the heavenly Bodies, the Motion, the Distances, and the Bulk of the Planets, their Situation, and the Orbits they move in, the Share of Light, Heat and Moisture, which they enjoy, their Respect to the Sun, their Influences upon us, and at last, the Possibility of their being habitable, with all the Arcana of the Skies; it was on this Occasion, I say, that my Imagination, *always given to wander*, took a Flight of its own; and as I have told you that I had an invincible Inclination to travel, so I think I travelled as sensibly, to my understanding, over all the Mazes and Wastes of infinite Space, in Quest of those Things, as ever I did over the Desarts of *Karakathay*, and the uninhabited Wasts of *Tartary*, and perhaps may give as useful an Account of my Journey.

When first my Fancy rais'd me up in the Confines of this vast Abyss, and having now travelled thro' the misty Regions of the Atmosphere could look down as I mounted, and see the World below me, 'tis scarce possible to imagine how little, how mean, how despicable every Thing look'd; let any Man but try this Experiment of himself, and he shall certainly find the same Thing; let him but fix his Thoughts so intently upon what is, and must necessarily be seen in a Stage or two higher, than where we now live removed from the particular Converse with the World, as to realize to his Imagination what he can suppose to be there, he shall find all that is below him, as distant Objects always do, lessen in his Mind as they do in his Sight.

Could a Man subsist without a supply of Food, and live but one Mile in perpendicular Height from the Surface, he would despise Life and the World at such a Rate, that he would hardly come down to have it be all his own; the Soul of Man is capable of being continually elevated above the very Thoughts of human Things, is capable of travelling up to the highest and most distant Regions of Light, but when it does, as it rises above the earthly Globe, so the Things of this Globe sink to him.

When I was at first lifted up in my imaginary Travels, this was the first Thing of Moment I remarked; namely, how little the World and every Thing about it seemed to me: I am not given to preach or drawing long Corollaries as the Learned call them, but

Но не для того я это объясняю, чтобы вдаваться в причудливое описание этого экстраординарного состояния, которое вряд ли может быть чьим-то, кроме моего собственного. Когда голова в порядке и способна к восприятию, когда рассудок в состоянии постигать бесконечное разнообразие идей, которые являются ему из богатого воображения, – тогда, говорю я, душа человеческая странным образом способна пребывать в [мире] невидимом по своей природе и в будущем, осознавая себя таким живейшим образом, что то, о чем она думает в этом состоянии, видит ли, говорит [с кем-либо], внимает [кому-либо], общается и т. д. настолько живо, как будто этот невидимый мир действительно находится перед ней; и это то, что я понимаю под сновидениями наяву, видениями, трансом или как вам угодно их называть; ибо в этом случае нет необходимости [в том], чтобы человек спал.

Я возвращаюсь к предмету своего разговора. Это было после беседы с моим ученым другом о небесных телах, движении, расстояниях и массе планет, их положении и орбитах, по которым они движутся, о распространении света, тепла и влаги, которыми они обладают, об их отношении к солнцу, их влиянии на нас и, наконец, о возможной их обитаемости⁴⁴, о великой тайне Небес; именно в данном случае, скажу я вам, мое воображение, *всегда склонное странствовать*, приняло свой собственный полет; и поскольку я уже говорил вам, что у меня имелась непреодолимая склонность к путешествиям, думаю, что путешествовал я столь же разумно по всем лабиринтам и пустошам бесконечного пространства в поисках этих явлений, как когда-то странствовал по пустыням *Каракатая* и необитаемым степям *Тартарии*, и, возможно, могу дать столь же полезный отчет о моем путешествии.

Когда впервые в таком экстраординарном состоянии я оказался в пределах сей безграничной бездны, блуждая по туманным областям атмосферы, я мог смотреть вниз по мере подъема и видеть мир под собой, и трудно передать, каким малозначимым, каким низким, каким презренным выглядело каждое существо; пусть он [человек] максимально сосредоточится на этом и обязательно прозреет на пару порядков выше по сравнению с тем [местом], где мы обитаем сейчас, вдали от реального общения с миром [духов], для того чтобы в своем воображении представить себя там, и тогда он обнаружит, что все, что находится под ним, как это всегда бывает с отдаленными предметами, уменьшается как в сознании, так и перед его взором.

Если бы человек мог просуществовать без запасов пищи и жить всего в одной миле над поверхностью [Земли], он бы презрел жизнь и мир так быстро, что вряд ли спустился бы, хотя бы все это ему принадлежало; душа человеческая способна воспарять [над суетой] в самые высокие и самые отдаленные области света, но когда она это делает и когда она поднимается над земным шаром, тогда и дела земные [рассеиваются как дым].

Когда я впервые воспарил в моих воображаемых путешествиях, первое, что я заметил, было то, каким маленьким показался мне мир и все, что с ним связано. Я не склонен проповедовать или делать пространственные комментарии, как говорят

I commend it to my Friends to observe, that could we always look upon the Things of Life with the same Eyes, as we shall do when we come to the Edge of Time, when one Eye can as it were look back on the World, and the other look forward into Eternity, we should save ourselves the Trouble of much Repentance, and should scorn to touch many of those Things, in which now we fancy our chief Felicity is laid up; believe me we shall see more with half an Eye then, and judge better at first Glance, than we can now with all our pretended Wisdom and Penetration. In a Word, all the Passions and Affections suffer a general Change upon such a View, and what we desire before, we contemn then with Abhorrence.

Having begun to soar, the World was soon out of Sight, unless that as I rose higher, and could look at her in a due Position as to the Sun, I could see her turned into a Moon, and shine by Reflection: *Ay, shine on, said I, with thy borrowed Rays, for thou hast but very few of thy own.*

When my Fancy had mounted me thus beyond the Vestiges of the Earth, and leaving the Atmosphere behind me, I had set my firm Foot upon the Verge of Infinite, when I drew no Breath, but subsisted upon pure *Æther*, it is not possible to express fully the Vision of the Place; first you are to conceive of Sight as unconfin'd, and you see here at least the whole solar System at one View. Nor is your Sight bounded by the narrow Circumference of one Sun, and its Attendants of Planets, whose Orbits are appropriated to its proper System, but above and beyond, and on every Side you see innumerable Suns, and attending on them, Planets, Satellites, and inferior Lights proper to their respective Systems, and all these moving in their subordinate Circumstances, without the least Confusion, with glorious Light and Splendor inconceivable.

In this first Discovery 'tis most natural to observe, how plainly it is to be seen, that the Reason of the Creation of such immense Bodies as the Sun, Stars, Planets, and Moons in the great Circle of the lower Heaven, is far from being to be found in the Study of Nature, on the Surface of our Earth: But he that will see thorowly, why God has form'd the Heavens the Work of his Hands, and the Moon and the Stars which he has made, must soar up higher; and then as he will see with other Eyes than did before, so he will see the God of Nature has form'd an infinite Variety which we know nothing of, and that all the Creatures are a Reason to one another for their Creation.

I could not forget myself however, when I was got up thus high, I say, I could not but look back upon the State of Man in this Life, how confined from these Discoveries, how vilely employed in biting and devouring, envying, and maligning one another, and all for the vilest Trifles that can be conceived.

But I was above it all here, and all those Things which appeared so afflicting before, gave me not the least Concern now; for the Soul being gone of this Errand, had quite different Notices of the whole State of Life, and was neither influenced by Passions or Affections as it was before.

ученые [мужи], но я рекомендую своим друзьям всегда поступать в жизненных ситуациях так, как если бы мы уже подошли к краю жизни, когда, с одной стороны, можно как бы оглянуться назад, на мир, а, с другой – смотреть вперед⁴⁵, в вечность. Мы должны избавить себя от мук искреннего раскаяния и с опаской относиться ко многому из того, в чем теперь, как нам кажется, заключено наше главное счастье. Поверьте, тогда мы заметим больше и лучше рассудим с первого взгляда, чем теперь со всеми нашими мнимыми мудростью и проникательностью. Словом, все страсти и привязанности претерпевают генеральную переоценку при таком видении, и то, чего мы желали ранее, теперь презреем с отвращением.

Когда я начал подъем ввысь, мир вскоре скрылся из вида, и я смог увидеть ее [Землю] в должном положении по отношению к Солнцу и лицезрел, как она стала [размером] с Луну и сияла [его, Солнца] отражением: *«Да, сияй, – сказала я, – твоими позаимствованными лучами, ибо у тебя весьма мало собственных».*

Когда мое воображение вознесло меня таким образом за пределы Земли, я, оставив позади атмосферу, твердо поставил свою ногу на грань Бесконечности. Я не дышал, но был питаем чистым *эфиром*⁴⁶. Невозможно в полной мере передать облик этого места. Сначала вы должны его зрительно представить себе как нечто безграничное, и тогда вы окинете единым взором по крайней мере всю Солнечную систему. Ваш взгляд не будет ограничен окружностью одного Солнца и свитой его планет, чьи орбиты соответствуют его [Солнца] собственной системе. Но, воспаряя выше и выше, со всех сторон вы увидите бесчисленные солнца, и свиты их планет, спутников, и слабейший свет, присущий их системам. И все они движутся согласно их положению, без малейшей путаницы, с восхитительным свечением и непостижимым великолепием.

В этом первом открытии наиболее естественно заметить, как ясно видно, что причина происхождения таких огромных тел, как солнце, звезды, планеты и луны в великом круге низших Небес, находится далеко от нас и от того, чтобы быть открытой в изучении природы на поверхности нашей Земли. Но тот, кто хочет разобраться в этом – почему Бог сотворил Небеса, а [также] Луну и звезды делом перстов своих⁴⁷ – должен воспарить выше. И тогда он посмотрит другими глазами, чем прежде, и увидит, что Бог Природы создал бесконечное разнообразие, о котором мы ничего не знаем, и что все создания являются причинами друг друга в их Творении.

Однако, поднявшись столь высоко, я не забылся и не мог не оглянуться назад на состояние, [в котором пребывает] человек в нынешней жизни; [я увидел], как ограничен он этими открытиями, как низко погряз в травле и поедании [себе подобных], зависти и клевете друг на друга; и все из-за самой подлой мелочности, какую только можно себе представить.

Но я был выше всего этого, и то, что раньше казалось таким удручающим, теперь не доставляло мне ни малейшего беспокойства. Ибо душа, отправившаяся в это странствие, получила совершенно иные понятия о [земной] жизни и не испытывала на себе, как прежде, влияние страстей или привязанностей.

Here I saw into many Things by the Help of a sedate Inquiry, that we can entertain little or no Notion of in a State of common superficial Life, and I desire to leave a few Remarks of this imaginary Journey, as I did of my ordinary Travels.

When I came, I say, to look into the solar System as I have hinted, I saw perfectly the Emptiness of our modern Notions, that the Planets were habitable Worlds, and shall give a brief Description of the Case, that others may see it too, without the Necessity of taking so long a Journey.

And first for the Word Habitable, I understand the meaning of it to be, that the Place it is spoken of, is qualify'd for the Subsistence and Existence of Man and Beast, and to preserve the vegetative and sensitive Life; and you may depend upon it, that none of the Planets except the Moon, are in this Sense habitable; and the Moon, a poor little watery damp Thing, not above as big as *Yorkshire*, neither worth being called a World, nor capable of rendring Life comfortable to Mankind, if indeed supportable; and if you will believe one's Mind capable of seeing at so great a Distance, I assure you I did not see Man, Woman or Child there in all my Contemplative Voyage to it; my Meaning is, I did not see the least Reason to believe there was or could be any there. As to the rest of the Planets, I'll take them in their Order. *Saturn*, (the remotest from the Sun, which is the Centre of the System,) is a vast extended Globe, of a Substance cold and moist, its greatest Degree of Light is never so much as our greatest Darkness may be said to be in clear Weather, and its cold unsufferable; and if it were a Body composed of the same Elements as our Earth, its Sea would be all Brass, and its Earth all Iron; that is to say, both would be continually frozen, as the North-Pole in the Winter Solstice. What Man or Men, and of what Nature, could inhabit this frigid Planet, unless the Creator must be supposed to have created animal Creatures for the Climate, not the Climate for the Creatures. All the Notions of *Saturns* being a habitable World, are contrary to Nature, and incongruous with Sense; for *Saturn* is at so infinite a Distance from the Sun, that it has not above one ninetieth Part of the Light and Heat that we enjoy on our Earth; so that the Light there, may be said to be much less than our Star-light, and the cold ninety Times greater than the coldest Day in our Winter.

Jupiter is in the same Predicament, his Constitution, however in its Degree much milder than Saturn, yet certainly is not qualify'd for human Bodies to subsist, having only one twenty-seventh Part of the Light and Heat that we enjoy here, consequently its Light is at best as dim as our Twilight, and its Heat so little in the Summer of its Situation, as to be as far from comfortable, as it is in its Winter Situation insupportable.

Mars, If you will believe our ancient Philosophers, is a fiery Planet in the very Disposition of its Influence, as well as by the Course of its Motion; and yet even here,

Здесь при спокойном рассмотрении я обратил внимание на многие вещи, о которых в состоянии обычной земной жизни мы мало можем иметь или совсем не имеем понятия. И я хочу высказать несколько замечаний об этом воображаемом путешествии, как я делал это с моими реальными путешествиями.

Когда я прибыл, чтобы взглянуть на Солнечную систему, как я уже говорил, я ясно понял несостоятельность наших современных понятий [о том], что планеты были обитаемыми мирами, и я дам краткое описание [состояния] дела, чтобы другие тоже могли его увидеть без необходимости столь долгого путешествия.

Во-первых, касательно слова «обитаемый» — я понимаю его значение так: это место, о котором говорится, что оно годится для жизни и существования человека и животного, а также для сохранения развивающейся хрупкой жизни. И вы можете быть уверены, что ни одна из планет, за исключением Луны, в этом смысле непригодна для жизни. Да и Луна — бедное маленькое водянистое влажное творение⁴⁸ не больше *Йоркшира*⁴⁹, не заслуживающее того, чтобы называться миром, и не способное сделать жизнь человечества удобной, если вообще возможной. И если вы поверите, что чей-то разум способен прозреть на таком большом расстоянии, уверяю вас, я не видел там ни мужчины, ни женщины, ни ребенка за все время моего созерцательного путешествия туда. Я имею в виду, что не нашел ни малейшей причины полагать, что там кто-то есть или может быть. Что касается остальных планет, расположу их по порядку. *Сатурн* (наиболее удаленный от Солнца, что находится в центре системы) представляет собой огромный сплюснутый шар из материи холодной и влажной⁵⁰. Его максимальная освещенность никогда не бывает больше нашей темноты в ясную погоду, и его холод непереносим. Если бы это было тело, состоящее из тех же элементов, что и наша Земля, то его море состояло бы сплошь из меди, а твердь — из железа, то есть оба пребывали бы в состоянии вечной мерзлоты, как Северный полюс во время зимнего солнцестояния. Человек или люди какой породы могли бы населять эту холодную планету, если только не предположить, что Создатель должен был создавать животных тварей для климата, а не климат — для [своих] творений? Все представления о том, что *Сатурн* является обитаемым миром, противоречат природе и несовместимы со [здравым] смыслом, ибо *Сатурн* находится на таком бесконечном расстоянии от Солнца, что получает не более одной девяностой части света и тепла, которыми мы наслаждаемся на нашей Земле. Так что можно сказать о том, что свет там намного слабее, чем наш звездный свет, а мороз — в девяносто раз сильнее, чем в самый холодный день нашей зимы.

Юпитер находится в той же категории; хотя его консистенция намного мягче, чем у *Сатурна*, он все же, конечно, не подходит для существования человеческих тел, имея только одну двадцать седьмую часть света и тепла, которыми мы наслаждаемся здесь. Следовательно, его [Сатурна] свет в лучшем случае такой же тусклый, как наши сумерки, и его тепло столь ничтожно при его местоположении летом, что оно так же далеко от комфорта, как и непереносимо в зимнем положении.

Марс, если верить нашим древним философам, является огненной планетой как по характеру своего излучения, так и по характеру своего движения. И все же даже

the Light is not above one Half, and its Heat one Third of ours. And on the other Hand, as *Saturn* is cold and moist, so this Planet is hot and dry, and would admit no Habitation of Man, through the manifest Intemperance of the Air, as well as want of Light to make it comfortable, and Moisture to make it fruitful; for by the Nature of the Planet, as well as by clear-sighted Observation, there is never any Rain, Vapour, Fog, or Dew in that Planet.

Venus and Mercury are in the extreme the other Way, and would destroy Nature by their Heat and dazzling Light, as the other would by their Darkness and Cold, so that you may depend upon it, I could see very clearly, that all these Bodies were neither inhabited or habitable; and the Earth only as we call it, being seated between these Intemperances appeared habitable, surrounded with an Atmosphere to defend it, from the Invasion of the inconsistent *Æther*, in which Perspiration could not be performed by the Lungs, and by which the needful Vapour it sends forth, is preserv'd from dissipating into the Waste and Abyss, and is condensed and timely returns in Showers of Rain to moisten, cool, and nourish the exhausted Earth.

It is true the Way I went was no common Road, yet I found Abundance of Passengers going to and fro here, and particularly innumerable Armies of good and evil Spirits, who all seem'd busily employed, and continually upon the Wing, as if some Expresses pass'd between the Earth, which in this Part of my Travels I place below me; and some Country infinitely beyond all that I could reach the Sight of; for by the Way, though I take upon me in this sublime Journey to see a great deal of the invisible World, yet I was not arriv'd to a Length to see into any Part of the World of Light, beyond it all; that Vision is beyond all, and I pretend to say nothing of it here, except this only, that a clear View of this Part with Opticks unclouded is a great Step to prepare the Mind for a Look into the other.

But to return to my Station in the highest created World, flatter not yourselves that those Regions are uninhabited, because the Planets appear to be so. No, no, I assure you this is that World of Spirits, or at least is a World of Spirits.

Here I saw a clear Demonstration of Satan being *the Prince of the Power of the Air*; 'tis in this boundless Waste he is confined, whether it be his busie restless Inclination has posted him here, that he may affront God in his Government of the World, and do Injury to Mankind in meer Envy to his Happiness, as the fam'd Mr. *Milton* says it, or whether it is that by the eternal Decree of Providence he is appointed to be Mans continual Disturber for divine Ends, to us unknown; this I had not wandred far enough to be inform'd of, those Secrets being lodged much higher, than Imagination itself ever travelled.

But here, I say, I found Sathan keeping his Court, or Camp we may call it, which we please. The innumerable Legions that attended his immediate Service were such, that

здесь света не больше половины, а тепла – одна треть от нашего. С другой стороны, насколько *Сатурн* холодный и влажный, настолько же эта планета горячая и сухая и не допускает обитания человека из-за явной неумеренности [температуры] воздуха, а также из-за отсутствия света, чтобы сделать ее комфортной. И влаги, дабы сделать ее плодородной. Ибо, ввиду природы самой планеты, а также по здравому наблюдению, на этой планете никогда не бывает дождя, пара, тумана или росы.

Венера и *Меркурий* находятся в крайне противоположных позициях [от Земли к Солнцу] и уничтожили бы природу своим жаром и ослепительным светом, как те [планеты, что дальше Земли от Солнца] – своим мраком и холодом. Так что вы можете положиться на это [суждение Крузо], я имел возможность очень ясно видеть, что все эти планеты не были ни обитаемы, ни пригодны для жизни. Только Земля, как мы ее называем, будучи помещенной между этими крайностями [холодом и жаром], предстает пригодной для жизни. Она окружена атмосферой, защищающей ее от вторжения неустойчивого *эфира*, в которой дыхание не может производиться легкими и благодаря которой необходимый пар удерживается от рассеивания в пустоте и бездне [космоса], уплотняется и своевременно возвращается с проливными дождями, дабы увлажнить, охладить и напитать истощенную Землю.

Правда, путь, которым я следовал, не был дорогой [в обычном смысле], тем не менее, я обнаружил [на нем] множество странников, сновавших туда-сюда. В частности, бесчисленные армии добрых и злых духов, которые, казалось, были чем-то заняты и постоянно находились в движении, как если бы некие экипажи проходили между Землей, которую в этой части моих путешествий я помещаю под собой, и какой-то страной, бесконечно удаленной от всего, что я мог видеть; ибо, между прочим, хотя я и беру на себя задачу в этом великом путешествии увидеть большую часть невидимого мира, все же я не достиг той высоты, чтобы заглянуть в любую часть Мира Света, [оказавшись] над всем этим; и [обрести] видение того, что превыше всего, – здесь я настаиваю на том, чтобы ничего не говорить об этом, за исключением того, что ясное видение этой части [невидимого мира] через незамутненную оптику является великим шагом в подготовке к встрече с ней.

Но вернемся к высшему тварному миру, где [я находился]: не обольщайтесь, что эти края необитаемы, потому как планеты кажутся таковыми. Нет, нет, уверяю вас, это и есть тот самый мир духов или, как минимум, потусторонний мир.

Здесь я увидел ясную картину того, что Сатана является князем, *господствующим в воздухе*⁵¹. Именно в этой безбрежной пустоте он заточен, будто суетливое непреодолимое влечение привело его сюда, чтобы он мог препятствовать Богу в Его управлении миром и причинять вред человечеству из простой зависти к его счастью, как говорит об этом знаменитый г-н *Мильтон*⁵²; или дело в том, что вечным указом Провидения он назначен быть постоянным искусителем человека в достижении божественных целей, – это нам неизвестно; я не заходил так далеко, чтобы узнать это, тайны сии хранятся гораздо выше, чем когда-либо воспаряло мое воображение.

Но здесь я обнаружил, что Сатана охраняет свой двор (или лагерь) – мы можем называть это как нам угодно. Бесчисленные легионы, состоящие у него

it is not at all to be wondred that he supplied every Angle of this World, and had his Work going forward, not in ever Country only, but even in every individual Inhabitant of it, with all the Dexterity and Application imaginable.

This Sight gave me a just Idea of the Devil as a Tempter, but really let me into a Secret, which I did not so well know before, or at least did not consider; namely, that the Devil is not capable of doing half the Mischief in the World that we lay to his Charge; that he works by Engines and Agents, Stratagems and Art is true, and a great deal is owing to his Vigilance and Application; for he is a very diligent Fellow in his Calling: But 'tis plain, his Power is not so great as we imagine, he can only prompt to the Crime, he cannot force us to commit it; so that if we sin 'tis all our own, the Devil is only to be charged with the Art of Insinuation; just as he began with Eve, he goes on with us; in short he reasons us out of our Resolutions to do well, and wheedles us to an Agreement to do ill; working us up to an Opinion, that what Evil we are about to do is no Sin, or not so great a Sin as we feared, and so draws us by Art into the Crime we had resolved against; this indeed the Scripture intimates when it speaks of Satan's *Devices, the Subtilty of the wicked one, his lying in wait, &c.* But to charge the Devil with forcing us to offend, is doing the Devil a great Deal of Wrong: Our doing Evil is from the native Propensity of our Wills: *Humanum est peccare.* I will not enter here into the Dispute about an original Corruption in Nature, which I know many good Men and learned Men dispute, but that there is a secret Aptness to offend, and a secret Backwardness to what is Good, which if it is not born with us, we can give no Account how we came by, this I think every Man will grant; and that this is the Devil that tempts us, the Scripture plainly tells us, when it says, Every Man is tempted when he is drawn away of his own Lust and enticed.

There is a secret Love of Folly and Vanity in the Mind, and Mankind are hurry'd down the Stream of their own Affections into Crime, 'tis agreeable to them to do this, and 'tis a Force upon Nature not to do it.

*Vice is down Hill, and when we do offend, 'Tis Nature all, we act as we intend.
Vertue's up Hill, and all against the Grain Resolv'd reluctant, and pursued with Pain.*

But to return to the Devil; his Power not extending to Creation, and being not able to force the World into an open Rebellion against Heaven, as doubtless he would do if he could, he is left to the Exercise of his Skill; and in a Word we may say of him, *that he lives by his Wits*; that is to say, maintains his Kingdom by Subtilty and most exquisite Cunning; and if my Vision of his Politicks is not a new Discovery, I am very much mistaken.

на службе, были так велики, что совсем не удивительно, что он посылал их во все уголки этого мира и вершил свои дела не только в каждой стране, но даже в [душе] каждого отдельного ее обитателя со всей ловкостью и усердием, какие только можно вообразить.

Эта точка зрения дала мне верное представление о дьяволе как об искусителе и в конечном счете открыла мне тайну, которую я прежде не настолько хорошо знал или, по крайней мере, не принимал во внимание; а именно – что дьявол не способен причинить миру и половины того зла, в котором мы его обвиняем; то, что он действует с помощью [особых] средств и соглядатаев, хитростей и искусства – это правда, и во многом [зло творится] благодаря его бдительности и усердию, ибо он весьма прилежный малый в своем призвании; но ясно, что сила его не столь велика, как мы воображаем, он может лишь подтолкнуть к преступлению, но не может принудить нас к его совершению; так что если мы грешим, то это всецело наше собственное дело, а дьявола следует лишь обвинить в искусстве нашептывания; как он начал с Евы, так же он продолжает и с нами; словом, он отговаривает нас от наших намерений поступать хорошо и склоняет нас к решению поступать иначе, подталкивая к мнению, что то зло, которое мы собираемся совершить, не есть грех или не такой уж большой грех, как мы опасались, и [он] таким образом вовлекает нас [своим] искусством в преступление, которому мы решили противостоять; на это действительно намекает Писание, когда говорит о кознях Сатаны, *вероломстве лукавого, его коварных замыслах и т. д.*⁵³ и исходит из врожденной склонности наших желаний: *humanum est peccare*⁵⁴. Я не буду здесь вдаваться в спор об изначальной греховности [человеческой] природы, о чем, как я знаю, спорят многие благородные ученые мужи, но существуют тайная склонность нарушать [заповеди] и тайное сопротивление тому, что правильно, которые, если не родились [вместе] с нами, то мы не можем дать объяснения, как мы их приобрели, – думаю, что каждый с этим согласится; и о том, что нас искушает именно дьявол, ясно повествует нам Писание, говоря, что всякий человек искушается, когда увлекается своей похотью и обольщается⁵⁵.

Есть [какая-то скрытая] тайна в безрассудстве и тщеславии ума, и человечество спешит вниз по течению своих природных склонностей к преступлению, ему так удобно, и насилие над [собственной] природой – не делать этого.

*Пороки – у подножия холма, нам так легко кого-нибудь обидеть,
но добродетель – на вершине самой, ее без боли не достичь*⁵⁶.

Но, возвращаясь к нечистому, [можно сказать, что] его власть не распространяется на творение, и поскольку он не может заставить мир открыто восстать против Небес, что он, несомненно, сделал бы, если бы мог, он оставлен [один] упражняться в своем мастерстве; одним словом, мы можем сказать о нем, что *он живет своим умом*, то есть удерживает [власть над] своим царством хитростью и самой изысканной ловкостью; и если мое видение его правления не является новым открытием, то я весьма ошибаюсь.

His innumerable Legions as I hinted above, like *Aid du Camps* to a General, are continually employed to carry his Orders, and execute his Commissions in all Parts of the World, and in every individual to oppose the Authority of God, and the Felicity of Man to the utmost of his Power.

The first and greatest Part of his Government, is over those Savage Notions where he has obtained to set himself up as God, and to be worshipped instead of God; and I observed, that though having full Possession of these People, even by whole Nations at a Time, that is the easiest Part of his Government, yet he is far from neglecting his Interest there, but is exceeding vigilant to keep up his Authority among those People. This he does by sending Messengers into those Parts to answer the *Pawawings* or Conjurings, even of the most ignorant old Wizard, raising Storms and making Noises and Shreiks in the Air, Flashes of infernal Fire; and any Thing but to fright the People, that they may not forget him, and that they may have *no other Gods but him*.

He has his peculiar Agents for this Work, which he makes Detachments of, as his Occasions, require, some to one Part of the World, some to another, as to the North *America*, even as far as to the frozen Provinces of Groenland; to the North of Europe, to the *Laplanders*, *Samoiedes*, and *Mongul-Tartars*, also to the *Gog* and *Magog of Asia*, and to the Devil-makers of *China* and *Japan*, again to the Southern Parts of *Asia*, to the Isles of the *Indian* and *South Seas*, and to the South Part of *America* and *Africa*.

Through all these Parts he has an uncontroll'd Power, and is either worshipped in Person, or by his Representatives, the Idols and Monsters which the poor People bow down to, and Satan has very little Trouble with them.

He employs indeed some Millions of his Missionaries into those Countries, who labour *ad propagand. fid.* and fail not to return and bring him an Account of their Success, and I doubt not but some of them were at Hand in my Island, when the Savages appear'd there; for if the Devil had not been in them, they would hardly have come straggling over the Sea so far, to devour one another.

In all these Countries the Brutality, the Cruelty and ravenous bloody Dispositions of the People, is to me a certain Testimony that the Devil has full Possession of them.

But to return to my Observations in the exalted State of my Fancy, I must tell you, that though the Devil carried on his Schemes of Government, in those blinded Parts of the World with great Ease, and all Things went to his Mind; I found he had more Difficulty in the northern Parts of the temperate Zone, I mean, our Climate and the rest of Christendom, and consequently he did not act here by whole Squadrons and by Generals; but was obliged to carry on his Business among us by particular Solicitations, to act by particular Agents upon particular Persons, attacking the personal Conduct of Men in a Manner peculiar to himself: But so far was this Difficulty from being any Advantage to the World, or Disadvantage to the Devil, that it only obliged him to make Use of the more Engines; and as he had no want of Numbers, I observed that his whole

Его бесчисленные легионы, как я намекнул выше, подобно адъютантам генерала, постоянно выполняют его приказы и поручения во всех частях света и в каждом человеке для противопоставления авторитету Бога и человеческому счастью – для всего того, что в его силах.

Главная и самая величайшая власть его правления приходится на те дикие народы, от которых он добился того, чтобы провозгласить себя Богом и чтобы ему поклонялись вместо Бога; и я заметил, что хотя эти люди полностью находятся в его власти, даже одновременно целые народы, что составляет самую легкую часть его правления, тем не менее, он далек от того, чтобы пренебрегать там своими интересами и чрезвычайно бдителен в стремлении сохранить свой авторитет среди них. Он делает это, отсылая гонцов в те края, чтобы они отвечали на «пау-вау» или чары даже самого невежественного старого волшебника, вызывая в воздухе бури, шум и визг, вспышки адского огня и все что угодно, только чтобы напугать людей, чтобы они не могли забыть его, и чтобы у них *не было других богов, кроме него*⁵⁷.

У него есть свои особые посредники для этой работы, отряды которых он отправляет в зависимости от обстоятельств: одних – в одну часть света, других – в другую, например, в Северную Америку и даже в области вечной мерзлоты Гренландии; на север Европы, к *саамам, самоедам и монголо-татарам*, а также к *гогам и магогам Азии*⁵⁸, и к дьяволотворцам *Китая и Японии*, и снова в южные области Азии, к островам *Индийского и Южного морей*, а также в южные регионы *Америки и Африки*.

Во всех этих краях он обладает беспредельной властью, и ему поклоняются – либо лично, либо его представителям, идолам и чудовищам, перед которыми преклоняются бедные люди, и у Сатаны с ними [возникает] очень мало проблем.

Он действительно нанимает несколько миллионов своих миссионеров в те страны, которые занимаются *ad propaganda fide*⁵⁹ и не упускают возможности вернуться и принести ему отчет о своих успехах, и я не сомневаюсь, что иные из них были поблизости от моего острова, когда там появились дикари; ибо если бы они [дикари] не были одержимы дьяволом, то вряд ли забрели бы столь далеко за море, дабы пожирать друг друга.

Зверства, жестокость и кровожадность людей во всех этих странах являются для меня верным свидетельством того, что дьявол полностью овладел ими.

Но, возвращаясь к моим наблюдениям в возвышенном состоянии моего духа, должен сказать вам, что, хотя дьявол и осуществлял свои планы правления в этих ослепленных [неверием] частях мира с большой легкостью и всеми способами, пришедшими ему в голову, я нашел, что ему было труднее в северных частях умеренного пояса (я имею в виду наш климат и остальной христианский мир), и, следовательно, он не посылал сюда целые эскадры [во главе с своими] генералами; он был вынужден вершить свои дела среди нас посредством особых домогательств, воздействовать на людей поодиночке с помощью самых искушенных своих слуг, нападая на них в особо изощренной манере, присущей только ему одному; но это невыгодно дьяволу, это обязывает его использовать больше [самых

Clan seemed busy on this Side, the Number of which consists of innumerable Millions; so that in short, there was not a Devil wanting, no, not to manage every individual, Man, Woman, and Child in the World.

How and in what Manner evil Angels attend us, what their Business, how far their Power extends, and how far it is restrained, and by who, were all made plain to me at one View in this State of *Eclaricissiment* that I stood in now, and I will describe it if I can in a few Heads of Fact; you may enlarge upon them as Experience guides.

And first, the Limitations of the Devil's Power, are necessary to be understood, and how directed; *for Example*, you must know, that though the Numbers of these Evil Spirits, which are thus diligently employed in Mischief, are so infinitely great, yet the Numbers of good Angels or good Spirits, which are employed by a superior Authority, and from a Place infinitely distant and high above the Devils bounds, is not only equal; I say, equal at least in Number, but infinitely superior in Power, and it is this Particular which makes it plain, that all the Devil does, or that his Agents can do, is by continual Subtilty, extreme Vigilance and Application, under infinite Checks, Rebukes, and Callings off by the attendant Spirits, who have Power to correct and restrain him upon all Occasions; just as a Man does a Dog or a Thief when he is discovered.

On this Account, 'tis first plain, I say, that the Devil can do nothing by Force, he cannot kill, maim, hurt or destroy; if he could, Mankind would have but a very precarious State of Life in the World: Nay, the Devil cannot blast the Fruits of the Earth, cause Dearth, Droughts, Famine, or Scarcity, neither can he spread noxious Fumes in the Air to infect the World; if any of those Things were in his Power, he would soon unpeople God's Creation, and put his Maker to the Necessity of a new F I A T, or of having no more human Creatures to worship and honour him.

You will ask me, how I came to know all this? I say, ask me no Questions, 'til the Elevation of your Fancy carries you up to the outer Edge of the Atmosphere, as I tell you mine did: There you will see the Prince of the Air in his full State, managing his universal Empire with the most exquisite Art: But if ever you can come to a clear View of his Person, do but look narrowly, and you'll see a great Clog at his Foot, in token of his limited Power, and though he is himself immense in Bulk, and moves like a Fiery Meteor in the Air, yet you always see a Hand with a Thunderbolt impending just over his Head; the Arm coming out of a fiery Cloud, which is a Token of the Sentence he is under, that at the End of his appointed Time that Cloud shall break, and that Hand strike him with the Thunder represented, Down, Down for ever, into a Place prepared for him.

разных] уловок. И так как у него не было недостатка в приспешниках, я заметил, что весь его клан, казалось, был занят на этой стороне [земного шара], и его численность определяется многими миллионами. Одним словом, желанием дьявола было управлять каждым конкретным мужчиной, женщиной и ребенком в мире.

Как и каким образом нас посещают демоны, каковы их дела, как далеко простирается их власть, насколько она сдерживается и кем – все стало ясно для меня при одном взгляде [на мир] в том состоянии *éclaircissement*⁶⁰, в котором я нахожусь сейчас, и я опишу это, если смогу, в нескольких показательных фактах, которые вы можете использовать в качестве ориентира для получения опыта.

Во-первых, необходимо понять ограниченность власти нечистого и [то,] как действовать; *например*, вы должны знать, что хотя число тех злых духов, что столь усердно используются в подталкивании к совершению зла, бесконечно велико, все же число добрых ангелов или добрых духов, что призываются высшей властью и из места, находящегося бесконечно далеко и высоко над границами [царства] дьявола, не только является равным; равным, я бы сказал, по крайней мере, по числу, но бесконечно превосходящим по силе, и именно это обстоятельство делает ясным, что все, что творит дьявол или что могут сотворить его посредники, происходит благодаря постоянной хитрости, чрезвычайной бдительности и усердию, но под беспредельным контролем, с обличением и призыванием со стороны сопровождающих [их] духов, имеющих власть исправлять и сдерживать его [дьявола] во всех случаях; точно так же, как человек поступает с собакой⁶¹ или вором, когда их ловят.

По этой причине я перво-наперво говорю [вам]: дьявол ничего не может сделать силой, он не может убить, покалечить, ранить или погубить; если бы он мог, у человечества был бы лишь весьма ненадежный жизненный удел в [Этом] мире; более того, дьявол не может испортить плоды земли, вызвать голод, засуху или неурожай, но он может также распространять ядовитые испарения в воздухе для того, чтобы заразить мир; если бы хоть что-то из этого было в его власти, он бы вскоре обезлюдил Божье творение и поставил своего Творца перед необходимостью нового творения, то есть истребил бы людей, которые поклонялись Богу и чтили Его.

Вы спросите меня, откуда я все это узнал? Говорю же – не задавайте мне вопросов, пока полет вашего воображения не перенесет вас к внешнему краю атмосферы, как, говорю я вам, мое: там вы увидите повелителя воздуха во всей его силе, управляющего своей вселенской империей с самым изысканным мастерством, но если вы когда-нибудь сможете ясно рассмотреть его облик – присмотритесь, и вы обнаружите колоду на его ноге в знак его ограниченной силы, и хотя он сам огромен в объеме и движется, как огненный метеор в воздухе, все же вы наверняка заметите руку, [держашую] молнию, нависающую прямо над его головой; руку, выходящую из огненного облака, что является знаком приговора, которому он подвергается, [гласящего,] что в конце назначенного ему времени это облако рассеется, и эта рука низвергнет его явленным громом вниз, вниз, навеки, к месту, уготованному для него.

But all this does not hinder him, who is prompted by infernal Rage against the Kingdom of God, and the Welfare of Man, from pushing Mankind as above, upon all the Methods of their own Ruin and Destruction, by alluring Baits, cunning Artifice, Nightwhispers, infusing wicked Desires, and fanning the Flames of Men's Lusts, Pride, Avarice, Ambition, Revenge, and all the wicked Excursions of corrupt Nature.

It would take up a long Tract by itself, to form a System of the Devil's Politicks, and to lay down a Body of his Philosophy: I observ'd however, that some of his general Rules are such as these.

1. To infuse Notions of Liberty into the Minds of Men; that it is hard they should be born into the World with Inclinations, and then be forbidden to gratify them; that such and such Pleasures should be prepar'd in the Nature of Things, made suitable and proper to the Senses and Faculties, which on the other Hand, are prepared in mere Constitution, and placed in his Soul, and that then he should be forbidden under the Penalty of a Curse to taste them; that to place an Appetite in the Man, and a strong powerful Gust to these Delights, and then declare them fatal to him, would be laying a Snare to Mankind in his very Constitution, and making his brightest Faculties be the Betrayers of his Soul to Misery, which would not consist with Justice, much less with the Goodness of a Creator.

2. To persuade from hence, that the Notions of future Punishments are Fables and Amusements, that it is not rational to think a just God would prepare infinite and eternal Punishments, for finite and trivial Offences; that God does not take Notice of the minute acts of Life, and lay every Slip to our Charge, but that the merciful Dispositions of God, who so bountifully directs the whole World to be assistant to the Profit and Delight of Mankind, has certainly given him leave to enjoy it at fill, and take the Comfort of it without fear.

3. Of late indeed the Devil has learn'd, *for Devils may improve as well as Men in the Arts of doing ill*. At last, I say, he has learned to infuse a wild Notion into the Heads of some People, who are first fitted for it, by having reasoned themselves in Favour of their loose Desires up to a Pitch, that there is no such Thing as a God or a future State at all.

Now as at first the Devil was not Fool enough to attempt to put this Jest upon Man, his own Antiquity and Eternity being a Contradiction to it; so I found among my new Discoveries, that the Devil took this Abusurdity from Man himself, and that it went among Satan's People for a new Invention: I found also that there was a black Party employ'd upon this new Subtilty, these were a Sort of Devils, for Satan never wants Instruments, who were call'd Insinulators, and who were formerly employed to prompt Men to Crimes by Dreams; and here I shall observe, that I learned a Way how to make any Man dream of what I please: For Example, suppose one to be sound asleep, or as we say, in a deep Sleep, or dead asleep, let another lay his Mouth close to his Ear,

Но все это не мешает ему, движимому адской яростью против Царствия Божия и блага людского, толкать человечество всеми средствами (коварными приманками, изощренными ухищрениями, ночным шепотом), вселяющими нечестивые желания и раздувающими пламя человеческих похотей, гордыни, алчности, честолюбия, мести и всех низменных проявлений порочной природы, как сказано выше, на его собственное разрушение и погибель.

Чтобы сформулировать систему правления дьявола и изложить основы его философии, необходимо много времени, однако я заметил, что некоторые из его общих правил таковы:

1. Вселять в умы людей представления о свободе; [о том,] что де им так трудно родиться на свет с [определенными] наклонностями, а потом запретить их удовлетворять; что эти и подобные удовольствия были приуготованы самой природой, созданы соответствующими и подходящими для чувств и наслаждений, которые, опять же, предопределены простым строением [тела] и помещены в его [человека] душу, и однако это должно быть запрещено под [угрозой] проклятия тех, кто захочет вкусить их. Сначала приохотить человека и придать сильное неотвратимое влечение к этим наслаждениям, а затем объявить их пагубными для него – это означало бы расставить ловушку для человечества в самой его сути и превратить самые яркие дары [Господа] в искушение для его [человека] души, обрекающие его на страдание, которое не соответствует ни справедливости, ни тем более благодати Творца.

2. Убеждать, что представления о будущих наказаниях – это басни и забавы, что неразумно думать, что справедливый Бог приготовил бесконечные вечные наказания за случайные незначительные проступки; что Бог не обращает внимания на мимолетные акты наслаждений и наших отступлений от служения Ему, а, [наоборот], милосердный Господь, что так щедро направляет весь мир, чтобы быть помощником на пользу и радость человечества, несомненно, оставляет возможность ему [человеку] насладиться этим в полной мере и принять его утешение без страха.

3. Конечно, в последнем лукавый поднатюрел, потому что *его приспешники могут совершенствоваться в искусстве творить зло так же, как и люди*. В конце концов, говорю я вам, он научился внушать некоторым людям, которые изначально идут на поводу у своих распушенных желаний, дикое представление о том, что Бога нет или состояния после смерти не существует вообще.

Поначалу дьявол не был настолько глуп, чтобы попытаться сыграть эту злую шутку с человеком, его собственные древность и бессмертие противоречили этому. Так, среди моих новых открытий было то, что дьявол позаимствовал этот абсурд у самого человека, и [уж потом] это передалось людям от него в качестве нового изобретения. Я обнаружил также, что для этой новой хитрости была нанята черная свора бесов, так называемых искусителей, ибо Сатана никогда не скупится в своих средствах, которые и прежде использовались [им], дабы побуждать людей к преступлениям, нашептывая им дурное во снах. Здесь замечу, что я научился тому, как заставить любого человека мечтать о том, чего мне

and whisper any Thing to him so softly as not to awaken him, the sleeping Man shall certainly dream of what was so whispered to him.

Let no Man despise this Hint, nothing is more sure, than that many of our Dreams are the Whispers of the Devil, who by his *Insinulators* whispers into our Heads, what wicked Things he wou'd have our Thoughts entertain and work upon; and take this with you as you go, those insinuating Devils can do this as well when we are awake, as when we are asleep, and this will bring me to what I call *Impulses upon the Mind*, which are certainly whispers in the Ear and no other, and come either from good Angels attending us, or from the Devil's *Insinulators*, which are always at hand, and may be judged of according as the Subject our Thoughts are prompted to work upon, are Good or Evil.

From whence but from these Insinulators, come our causeless Passions, our involuntary Wickedness, sinning in Desire as effectually, as by actual committing the Crime we desire to commit?

Whence comes Imagination to work upon wicked and vicious Objects, when the person is fast asleep, and when he had not been under the Preparation of wicked Discourse, or wicked Thoughts previous to those Imaginations? who forms Ideas in the Mind of Man? who presents beautiful or terrible Figures to his Fancy, when his Eyes are clos'd with Sleep? who, but these insinuating Devils, who invisibly approach the Man sleeping or waking, and whisper all manner of lewd abominable Things into his Mind.

Mr. *Milton*, whose Imagination was carried up to a greater Height than I am now, went farther into the Abyss of Satan's Empire a great Way, especially when he form'd Satan's Palace of *Pandemonium*, I say, he was exactly of this Opinion, when he represented the Devil tempting our Mother Eve, in the Shape of a Toad lying just at her Ear, when she lay fast asleep in her Bower, where he whisper'd to her Ear all the wicked Things which she entertained Notions of by Night, and which prompted her the next Day to break the great Command, which was the rule of her Life; and accordingly he brings in Eve telling *Adam* what an uneasy Night's Rest she had, and relating her Dream to him.

This Thought, however laid down in a kind of Jest, is very seriously intended, and would, if well digested, direct us very clearly in our Judgment of Dreams; viz. not to suggest them to be always Things of meer Chance; but that sometimes they are to be heeded as useful Warnings of Evil or Good by the Agency of good Spirits, as at other Times they are the artful Insinuations of the Devil to inject wicked Thoughts and abhor'd abominable Ideas into the Mind; which we ought not only as much as possible to guard against, but even to repent of, so far as the Mind may have entertained and acted upon them.

хочется: например, предположим, что один заснул, или, как мы говорим, [погружен] в глубокий сон, или спит мертвецким сном; пусть другой ляжет [рядом], поднесет [губы] близко к его уху и [станет] нашептывать ему что-нибудь так тихо, чтобы не разбудить его, и спящему непременно приснится то, что ему там нашептывали.

Пусть никто не пренебрегает этой подсказкой – нет ничего более достоверного, чем то, что многие из наших снов нашептаны дьяволом, который с помощью своих *искусителей* внедряет в наши головы дурные мысли, дабы мы были заняты обдумыванием греховных желаний. Зарубите себе на носу: эти вкрадчивые приспешники нечистого могут делать это и когда мы бодрствуем, и когда мы спим. Это привело меня к тому, что я называю *внутренними побуждениями*, которые, безусловно, порождены нашептыванием на ухо и ничем иным. И приходят либо от добрых ангелов, сопровождающих нас, либо от дьявольских *искусителей*, которые всегда рядом, и о них можно судить в зависимости от того, нравственным или безнравственным является предмет, о котором [они] побуждают мыслить.

Откуда, как не от этих искусителей, происходят наши беспричинные страсти, наша невольная злоба, грешные и действенные в [одной их] вспышке, как и преступление, которое мы намеревались совершить?

Откуда являются образы, [вызывающие] греховные и порочные желания, когда человек крепко спит и когда он не находится под воздействием дурных речей или злых мыслей, что предшествуют этим образам? Кто формирует идеи в уме человека? Кто являет его воображению красивые или, [наоборот], ужасные фигуры, когда глаза его закрыты? Кто, как не эти бесы-искусители, что незримо приближаются к человеку, спящему или бодрствующему, и нашептывают ему всевозможные непристойности?

Г-н *Мильтон*, чье воображение было вознесено на большую высоту, нежели мое теперь, погрузился еще глубже в бездну сатанинской империи, особенно когда он возводил сатанинские чертоги *Пандемониума*⁶², он был именно такого мнения в изображении дьявола, искушающего нашу мать Еву. В образе жабы, лежавшей прямо у ее уха во время ее крепкого сна в беседке, он внушал ей на ухо все греховные желания, о которых она думала ночью и которые побудили ее на следующий день нарушить Заповедь Любви, которая была правилом ее жизни. И, соответственно, он побуждает Еву рассказать *Адаму*, какой беспокойной была [для нее прошедшая] ночь и [какой она видела] сон.

Эта мысль, хотя и изложенная в шуточной манере, очень верна, и если ее усвоить, то она ясно наставит нас в нашем суждении о сновидениях не полагаться на то, что они являются делом чистой случайности. Временами к ним следует прислушиваться как к полезным предупреждениям о [приближающихся] радостях и горестях, [получаемым] при содействии добрых духов, тогда как в других случаях они являются изошренными искушениями дьявола, дабы вселить в разум греховные мысли и отвратительные идеи, которых мы должны не только остерегаться, насколько это возможно, но [в которых мы даже должны] раскаиваться, поскольку разум мог воспринять их и действовать в соответствии с ними⁶³.

From this general Vision of the Devil's Management of his Affairs, which I must own I have had with my Eyes wide open, I find a great many useful Observations to be made; and first, it can be no longer strange, that while the Commerce of Evil Spirits is so free, and the intercourse between this World and that, is thus open, I say, it can be no longer strange, that there are so many silent Ways of Spirits conversing, I mean Spirits of all Kinds.

For as I have observed already, there is a Residence of good Spirits, but they are placed infinitely higher out of the Reach, and out of the Sight of this lower Orbit of Satan's Kingdom; as those pass and repass invisible, I confess, I have yet had no Ideas of them, but those which I have received from my first View of the infernal Region: If I should have any superior Elevations, and should be able to see the Œconomy of Heaven in his Disposition of Things on Earth, I shall be as careful to convey them to Posterity as they come in.

However, the Transactions of good Spirits with Man are certainly the same; for as God has for a Protection and Safeguard to Mankind, limited the Devil from affrighting him, by visible Appearances in his native and hellish Deformity, and the horrid Shape he would necessarily bear: So for Man's Felicity, even the glorious Angels of Heaven are very seldom allowed, at least not lately, to appear in the glorious Forms they formerly took, or indeed in any Form, or with a Voice; the restraint of our Souls in the Case of Flesh and Blood we now wear not admitting it, and not being able to familiarize those Things to us; Man being by no Means, in his incorporated State, qualified for an open and easy Conversation with unembodied Spirit.

Moreover, this would be breaking into the Limits, which the Wisdom and Goodness of God has put to our present State, I mean as to Futurity, our Ignorance in which, is the greatest Felicity of human Life; and without which necessary Blindness Man could not support Life, for Nature is no way able to support a View into Futurity; I mean not into that Part of Futurity which concerns us in our State of Life in this World.

I have often been myself among the Number of those Fools, that would be their own Fortune-tellers; but when I look thus beyond the Atmosphere, and see a little speculatively into Invisibles, I could easily perceive, that it is our Happiness that we are shortsighted Creatures, and can see but a very little before us: *For Example*, were we to have the Eyes of *our Souls* opened through the Eyes of *our Bodies*, we should see this very immediate Region of Air which we breath in, throng'd with Spirits, to us, *blessed be God*, now invisible, and which would otherwise be most frightful: We should see into the secret Transactions of those Messengers who are employ'd when the passing Soul takes its Leave of the Reluctant Body, and perhaps see Things Nature would shrink back from with the utmost Terror and Amazement. In a Word, the Curtain of Providence for the Disposition of Things here, and the Curtain of Judgment for the Determinaion of the State of Souls hereafter, would be alike drawn

Из этой общей картины того, как дьявол управляет своими делами, которое, должен признаться, я наблюдал с широко открытыми глазами, я вывел очень много полезных заключений. Во-первых, уже не может казаться странным, что в то время, как делишки злых духов столь коварны и сношения между этим и тем миром происходят свободно, повторяю, уже не может казаться странным, что существует так много безмолвных способов общения духов, я имею в виду духов всякого рода.

Ибо, как я уже заметил, существует обитель добрых духов, но они пребывают бесконечно выше, вне досягаемости и вне поля зрения этого нижнего круга царства Сатаны, поскольку они проходят и уходят незримыми. Признаюсь, у меня еще нет никаких идей о них, кроме тех, что пришли мне в голову с первого взгляда на это дьявольское пространство. И если бы я мог подняться в эти высшие сферы и был бы в состоянии увидеть устройство рая в его руководстве всем на земле, я бы [уж] позаботился о том, чтобы описать их [здесь].

Тем не менее, взаимодействие добрых духов с людьми, безусловно, такое же. Ибо подобно тому, как Бог для покровительства и защиты человечества сокрыл дьявола [от людей] в устрашающем видимом появлении в его природном адском уродстве и ужасающем облике, который он неизбежно должен был иметь; так и для [его же] человеческого счастья даже чудесным ангелам рая весьма редко, по крайней мере в последнее время, позволялось появляться в тех удивительных формах, что они принимали прежде, или вообще в любой форме и [с любим] звучанием голоса. Ограниченность наших душ, [заклученных] во плоти и крови, не допускает этого и не может дать нам приобщиться к этим явлениям. Человек никоим образом в своем смешанном состоянии [союза тела и духа] не годится для прямого общения с бестелесным духом.

Более того, это было бы нарушением границ, которые Мудрость и Благодать Божия наложили на наше нынешнее состояние, я имею в виду в отношении [знания] будущего. В нашем невежестве заключается величайшее счастье человеческой жизни⁶⁴. Без этой вынужденной слепоты человек, по своей природе не способный смотреть в будущее, не мог бы поддерживать жизнь. И речь идет не о том будущем, которое касается нас в жизни земной.

Я сам часто входил в число тех глупцов, что хотели бы сами гадать на свою судьбу. Но когда я смотрю таким образом за пределы атмосферы и в некотором смысле умозрительно заглядываю в незримое, я могу легко понять, что наше счастье состоит в том, что мы – существа малопросвещенные и можем видеть перед собой очень мало. *Например*, если бы очи наших душ открывались через очи наших тел, мы увидели бы ту самую непосредственную область воздуха, которым мы дышим, наполненную дүхами, нам, *благословен Боже*, теперь незримую, которая иначе нас бы ужаснула. Мы должны вникать в тайные действия тех посланников, что являются к нам, когда странствующая душа покидает сопротивляющееся тело, и, возможно, увидеть то, от чего [наша] природа отпрянула бы с крайним ужасом и изумлением. То есть завеса Провидения в устройстве жизни здесь и завеса [Страшного] суда в определении состояния души в будущем

back, and what Heart could support here its future State *in LIFE*, much less that of its future State after *LIFE* even good or bad.

It is then our Felicity, that the Converse of Spirits, and the Visions of Futurity, are silent, emblematic, and done by Hints, Dreams, and Impulses, and not by clear Vision and open Discovery; they that desire a fuller and plainer Sight of these Things, ask they know not what; and it was a good Answer of a Gypsy, when the Lady of my Acquaintance, ask'd her, to tell her Fortune; *Do not ask me, Lady, said the Gypsy, to tell you what you dare not hear.* The Woman was a little honester than her Profession intimated, and freely confess'd it was all a Cheat, and that they knew nothing of Fortunes, but had a Course or Round of doubtful Expressions, to amuse ignorant People and get a little Money.

Even the Devils Oracles, for such no doubt they were at Delphos, and at other Places, though the Devil seemed at that Time to have some Liberties granted him, which it is evident have since been denied him, were allowed to be given only in doubtful Expressions, double Entendres, Echoes of Words, and such like: For Example, a Man going ot Sea and enquiring of the Oracle, thus;

Have I just cause the Seas and Storms to Fear?
Eccho. ————— *Fear.*

Another.

Shall we the Parthian Bowmen fight or Fly?
Eccho. ————— *Fly.*

Such dark Replies, and other Words doubtful and enigmatic, were frequently given and taken for Answers, by which the deluded World were kept in doubt of that Futurity they hunted after: But Satan even then, was not permitted to speak plain, or Mankind to see what awaited him behind the dark Veil of Futurity, nor was it proper on any Account whatsoever, that it should be otherwise.

But before I come to this, let me put some Limits to the Elevations and Visions I have mentioned before; for as I am far from Enthusiastic in my Notions of Things, so I would not lead any one to fancy themselves farther enlightned than is meet, or to see Things unseeable, as St. *Paul* heard Things unutterable.

And therefore let me add here, that the highest Raptures, Trances and Elevations of the Soul, are bounded by the eternal Decree of Heaven and let Men pretend to what Visions they please, it is all Romance, all beyond what I have talked of above, is fabulous and absurd, and it will for ever be true, as the Scripture says, not only, those *Things are hid from the Eye*, but even from the Conception.

были бы одинаково отброшены, и какое сердце могло бы выдержать, зная свою судьбу наперед в [этой] жизни, а тем более, что касается будущего ее состояния после жизни, хорошее [оно] или плохое!

Итак, наше блаженство – в том, что общение духов и видения будущего безмолвны, символичны и осуществляются намеками, снами и импульсами, а не ясным видением и изъясненным откровением. Те, кто желают иметь более полное и ясное представление об этих вещах, спрашивают сами, но не ведают, о чем. Хорошо ответила [одна] цыганка, когда моя знакомая дама попросила ее погадать. «*Не проси меня, госпожа, – сказала цыганка, – сказать тебе то, чего ты не смеешь слышать*». Женщина была немного честнее, чем предполагало ее ремесло, и открыто призналась, что все это [гадание] было обманом и что они [цыгане] ничего не знают о судьбе, но имеют [в своем арсенале] набор двусмысленных выражений, чтобы развлечь невежественных людей и получить немного денег.

Даже оракулам дьявола – ибо таковыми они, без сомнения, были в Дельфах⁶⁵ и в других местах, хотя в то время дьяволу казалось, что ему были предоставлены некоторые вольности, в которых, очевидно, с тех пор ему было отказано – разрешалось задавать [вопросы] только в сослагательном наклонении, во взаимоисключающих выражениях [«да» – «нет»], отголосках слов и тому подобном, например, человек, идущий к морю, вопрошает оракула таким образом:

Разве я только что вызвал у морей и бурь страх?

Эхо. Страх.

И еще.

Будем ли мы, парфянские лучники, сражаться или летать?

Эхо. Летать.

Такие неясные отголоски и другие слова, сомнительные и загадочные, часто принимались за ответы, с помощью которых заблудший мир оставался в сомнении относительно того будущего, за которым они [люди] охотились; но Сатане даже тогда не было позволено говорить открыто, и человечеству не разрешалось видеть, что ожидает его за темной завесой будущего, иначе и быть не могло.

Но прежде, чем я перейду к этой части, позвольте мне обозначить некоторые пределы воспарениям и видениям, о которых я упоминал ранее, поскольку я далек от энтузиазма по поводу своих представлений об [этих] предметах, дабы не подвести тех, кто воображают себя более просветленными, чем это возможно, или способными наблюдать невидимые сущности, как святой Павел слышал слова неизреченные⁶⁶.

Поэтому позвольте мне добавить здесь, что наивысшие восторги, исступления и воспарения души ограничены вечным небесным повелением, и пусть люди притворяются, что их посещают те видения, какие они сами хотят, – все это фантазии. Все сверх того, о чем я говорил выше, невероятно и абсурдно, ибо, как гласит Писание, *это скрыто* не только от глаз, но даже и от понимания⁶⁷.

Upon this Occasion I must own, I think 'tis Criminal to attempt to form Ideas either of Hell or of Heaven in the Mind, other than as the Scripture has described them, by the State rather than the Place; we are told in plain Words, *it hath not entred into the Heart of Man to conceive*, either of what is prepared for the future State of the Happy or Miserable; 'tis enough for us to entertain the general Notion, the Favour of God is Heaven, and the Loss of it the most dreadful of all Hell.

*A HEAVEN of Joy must in his Presence dwell;
And in his Absence every Place is HELL.*

My Meaning is this, all Visions, or propounded Visions either of Heaven or Hell, are meer Delusions of the Mind, and generally are Fictions of a waking bewildred Head; and you may see the Folly of then in the meannest of the Descriptions, which generally end in shewing some glorious Place, fine Walks, noble illustrious Palaces, Gardens of Gold, and People of shining Forms, and the like. Alas! these are all so short, that they are Unworthy the Thoughts of a Mind elevated two Degrees above Darkness and Dirt: All these Things amount to no more than Mahomet's Alchoran, and the glorious State of Things represented by him to his Believers. In short, all this makes only a Heaven of Sense, but comes so infinitely short of what alone must or can be a Heaven to an exalted glorified Spirit, that I as much want Words to express how contemptible the best of these Descriptions are as to a true Description of Heaven, as I do to express a true Idea, or Description of Heaven myself.

And how should this be done? We can Form no Idea of any Thing that we know not and have not seen, but in the Form of something that we have seen. How then can we form an Idea of God or Heaven, in any Form but of something which we have seen or known? By what Image in the Mind can we judge of Spirits? By what Idea conceive of eternal Glory? Let us cease to Imagin concerning it, 'tis impossible to attain, 'tis criminal to attempt it.

Let me therefore hint here, that supposing my self, as before, in the Orbit of the Sun, take it in its immense Distance as our Astronomers conceive of it, or on the Edge only of the Atmosphere with a clear View of the whole *Solar System*, the Region of Satan's Empire all in View, and the World of Spirits laid open to me.

Yet let me give you this for a Check to your Imagination, that even here the Space between Finite and Infinite is as impenetrable as on Earth, and will for ever be so, till our Spirits being uncased shall take their Flight to the Center of Glory, where every Thing shall be seen as it is; and therefore you must not be surprized, if I am come down again from the Verge of the World of Spirits, the same short sighted Wretch, as to Futurity and Things belonging to Heaven and Hell as I went up; for Elevations of this Kind are meant only to give us a clearer View of what we are, not of what we shall be; and 'tis an Advantage worth Travelling for too. All this I thought necessary

В этом случае я должен признать, что считаю преступным пытаться помыслить рай или ад иным образом, нежели они описаны в Священном Писании, [то есть] скорее по их сути, чем по местоположению. Нам сказано простыми словами: *да не войдет в сердце человека помыслить* то, что уготовано для будущего [его] состояния счастья или несчастья⁶⁸. Нам достаточно принять общее представление о том, что милость Божья – это рай, а потеря ее – это ужас ада.

*И НЕБО радости пребудет в Нем,
и АД везде, где нет Его.*

Я имею в виду следующее: все видения, или предлагаемые представления либо рая, либо ада являются простым заблуждением ума, выдумками воспаленного сознания; и вы можете оценить их нелепость в самых различных описаниях, которые обычно заканчиваются изображением какого-нибудь великолепного места, прекрасных прогулок, величественных и впечатляющих [своей красотой] дворцов, садов, утопающих в золоте, людей в сияющих одеждах и тому подобному. Увы! Все они так кратки, что недостойны мыслей разума, возвышающегося на две ступени над тьмой и грязью: эти описания сводятся не иначе как к Корану Магомета и к тому «великолепному» состоянию дел, которое он являет своим верующим. Короче говоря, все это передает лишь [абстрактные] умозаключения о Небесах, которым безмерно недостает того, что единственное должно или может быть Небесами для возвышенного прославленного духа, так что мне не хватает слов, чтобы выразить, насколько ничтожны лучшие из этих описаний по отношению к подлинному описанию рая, как, собственно, и моя попытка выразить подлинную идею описания Небес.

И как это сделать? Мы не можем составить себе представление о чем-либо, чего мы не знаем и чего не видели, да еще в знакомой нам форме. Как же тогда мы можем составить представление о Боге или Небесах в любой форме, кроме той, что мы видели или знали? По какому образу в [нашем] разумении мы можем судить о духах? Какой идеей мыслить вечную славу? Перестанем же воображать то, чего достичь невозможно, покушаться на это преступно.

Поэтому позвольте мне лишь намекнуть здесь, предполагая, что я, как и прежде, нахожусь на орбите Солнца, обозреваю его с огромного расстояния, как это представляют себе наши астрономы, или на краю атмосферы с четким обзором всей *Солнечной системы*; области сатанинской империи всецело в поле [моего] зрения, и мир духов открыт для меня.

И все же разрешите мне показать вам это для проверки вашего воображения: даже здесь пространство между конечным и бесконечным так же непроницаемо, как и на Земле, и будет таковым всегда, пока наши души, не освободившись от оболочки, не отправятся в полет к центру благодати, где все будет выглядеть таким, каким и является. Поэтому вы не должны удивляться, если я снова опущусь с границы мира духов таким же несчастным беднягой, близоруким в отношении будущего и представлений, относящихся к раю и аду, каковым я был при воспарении. Ибо восхождения такого рода предназначены только для того,

to prevent the whimsical Building of erroneous Structures on my Foundation, and fancying themselves carried farther than they are able to go.

I come therefore back to talk of Things familiar, and particularly to mention in the next Place, some of those other Ways by which we have Notice given of this Converse of Spirits which I have been speaking of; for the Whispers and Insinuations I have mentioned, go sometimes farther than ordinary.

One of those other Methods is, when by *strong Impulses* of the Mind, as we call them, we are directed to do, or not to do, this or that particular Thing that we have before us to do, or, are under Consultation about. I am a Witness to many of these Things, as well in my own Life, as in my Observation of others.

I know a Man, who being at some Distance from *London*, not above six or seven Miles, a Friend that came to visit and dine with him urged him to go to *London*. What for, says his Friend, is there any Business wants me? Nay, nothing, says the other, but for your Company; I do not know of any Thing wants you; and so gave over importuning him: But as his Friend had given it over, a strong Impulse of Mind seized him and follow'd him like a Voice with this, Go to *London*, go to *London*. He put it by several Times, but it went on still, Go to *London*, go to *London*, and nothing else could come upon his Thoughts but, Go to *London*. He came back to his Friend, Hark ye, says he, tell me sincerely, is all well at *London*? Am I wanted there? Did you ask me to go to *London* with you on any particular Account. Not I, says his Friend, in the least; I saw all your Family, and all is very well there; nor did they say, they had any particular Occasion for you to return; I only ask it as I told you, for the Sake of your Company: So he put off going again, but could have no Quiet, for it still followed him, and no doubt, a good Spirit communicated it, Go to *London*; and at length he resolved he would go, and did so; and when he came there he found a Letter and Messengers had been at his House, to seek him, and to tell him of a particular Business, which was first and last worth above a thousand Pounds to him, and which if he had not been found that very Night, would have been in Danger of being lost.

I seriously advise all sober thinking Persons not to disregard those powerful Impulses of the Mind, in Things otherwise indifferent or doubtful, but believe them to be Whispers from some kind Spirit, which sees something that we cannot see, and knows something that we cannot know.

Besides, unless infinite Power should take off the Silence that is imposed upon the Inhabitants of the invisible World, and allow them to speak audibly, nothing can be a plainer Voice; they are Words spoken to the Mind, tho' not to the Ear, and they are

чтобы дать нам более четкое представление о том, кто мы есть, а не о том, кем мы будем. Ради этого преимущества тоже стоит путешествовать. Все это я считал необходимым привести, дабы воспрепятствовать причудливому построению химерических измышлений о фундаменте [моих видений] и воображать более того, чем им [людям] позволено.

Поэтому я возвращаюсь к разговору о более понятных проявлениях [невидимого мира], в частности, упомяну далее некоторые из тех способов, с помощью которых мы узнали о том общении духов, о котором я говорил. Ибо шепот и намеки, о которых я упоминал, иногда заходят дальше обычного.

Один из таких способов заключается в том, что *сильные побуждения* разума, как мы их называем, направляют нас делать или не делать то или иное конкретное дело, которое нам предстоит или о котором мы размышляем. Я являю собой свидетеля многих подобных ситуаций как в своей собственной жизни, так и в своих наблюдениях за другими.

Я знаю человека, который, уехав на некоторое расстояние от Лондона (не более чем в шесть или семь миль), принимал друга, который прибыл навестить его и пообедать с ним, и позвал его отправиться в Лондон. «Для чего, – говорит первый, – что ты хочешь?» – «Нет, ничего такого, – говорит другой, – просто за компанию. Но если ты не хочешь...» И он перестал докучать своему другу. Но как только он отступился, сильное внутреннее побуждение разума овладело первым, и его как будто преследовал голос, говорящий: «Поезжай в Лондон, поезжай в Лондон». Он преодолевал это [побуждение] несколько раз, но голос продолжал повторять: «Поезжай в Лондон, поезжай в Лондон». И ничто другое не шло ему на ум, кроме как «Поезжай в Лондон». Он вернулся к своему другу: «Послушай, – говорит он, – скажи мне искренне, все ли хорошо в Лондоне? Нужен ли я там? Ты просил меня поехать вместе с тобой в Лондон по какому-то конкретному поводу?» – «Ни в малейшей степени, – говорит его друг, – я видел всю твою семью, и там все очень хорошо; при этом они не говорили, что у них есть какой-то конкретный повод для твоего [срочного] возвращения; я предлагаю, как и говорил, только за компанию». Итак, он снова отложил поездку, но не мог успокоиться, потому что побуждение все еще преследовало его. Без сомнения, это добрый дух сообщал ему: «Поезжай в Лондон»; и наконец он решился, он поедет; и так и сделал; и когда он прибыл туда, то нашел письмо, и в его доме были вестовые, [полученные], чтобы разыскать его и рассказать ему о конкретной сделке, которая первый и единственный раз в жизни тянула более чем на тысячу фунтов и которая, если бы он не был найден в ту самую ночь, могла и не совершиться.

Я серьезно советую всем здравомыслящим людям не пренебрегать такими мощными внутренними побуждениями разума в ситуациях неопределенного выбора или сомнения, а верить, что это шепот некоего доброго духа, который видит что-то такое, чего мы не можем видеть, и знает что-то такое, чего мы не можем знать.

Кроме того, до тех пор, пока [эта] беспредельная сила не снимет молчание, наложенное на обитателей незримого мира, и не позволит им говорить внятно, ничто не может быть более ясным голосом; эти слова, обращенные к [нашему]

a certain Intelligence of Things unseen, because they are given by Persons unseen, and the Event confirms it beyond all Dispute.

I know a Man, who made it his Rule always to obey these silent Hints, and he has oftenu declared to me, that when he obeyed them he never miscarried, and if he neglected them, or went on contrary to them, he never succeeded; and gave me a particular Case of his own, among a great many others, wherein he was thus directed. He had a particular Case befallen him, wherein he was under the Displeasure of the Government, and was prosecuted for a Misdemeanor, and brought to a Tryal in the King's-Bench Court, where a Verdict was brought against him, and he was cast; and Times running very hard at that Time against the Party he was of, he was afraid to stand the Hazard of a Sentence and absconded, taking Care to make due Provision for his Bail, and to pay them whatever they might suffer. In this Circumstance he was in great Distress, and no Way presented unto him but to fly out of the Kingdom, which being to leave his Family, Children and Employment, was very bitter to him, and he knew not what to do; all his Friends advising him not to put himself into the Hands of the Law, which tho' the Offence was not Capital, yet in his Circumstances seemed to threaten his utter Ruin. In this Extremity he felt one Morning, (just as he had awaked, and the Thoughts of his Misfortune began to return upon him;) I say, he felt a strong Impulse darting into his Mind thus, *Write a letter to them*: It spoke so distinctly to him, and as it were forcibly, that as he has often said since, he can scarce persuade himself not to believe but that he heard it; but he grants that he did not really hear it, too.

However it repeated the Words daily and hourly to him, 'till at length walking about in his Chamber where he was hidden, very pensive and sad, it Jogg'd him again, and he answered aloud to it, as if it had been a Voice, *Who shall I write to?* It returned immediately, *Write to the Judge*. This pursued him again for several Days, till at length he took his Pen, Ink and Paper, and sat down to write, but knew not one Word of what he should say, but *Dabitur in hac hora, he wanted not Words*: It was immediately impressed on his Mind, and the Words flowed upon his Pen in a manner, that ever charm'd himself, and filled him with Expectations of Success.

The Letter was so strenuous in Argument, so pathetick in its Eloquence, and so moving and perswasive, that as soon as the Judge read it, he sent him Word he should be easie, for he would Endeavour to make that Matter light to him, and in a Word never left, till he obtained to stop Prosecution, and restore him to his Liberty and to his Family.

These Hints, I say, are of a Nature too significant to be neglected; whence they come is the next Enquiry. I answer, They are the Whispers of some subsisting Spirit

разуму, хотя и не к слуху, – проявление определенной разумности незримых сущностей, потому как они даны людям невидимо, и случай, [приведенный ниже], подтверждает это бесспорно.

Я знаю человека, который взял за правило всегда подчиняться этим тихим намекам, он часто заявлял мне, что, когда он повиновался им, он не испытывал неудач, а если он пренебрегал ими или шел наперекор им, то никогда не добивался успеха. Он привел мне свой собственный частный случай⁶⁹ из множества других, когда он был таким образом направлен. С ним случилось следующее: он вызвал неудовольствие правительства, был привлечен к ответственности за [свой] проступок и предстал перед Судом королевской скамьи⁷⁰, где против него был вынесен вердикт, и он был осужден. В тот год настали очень тяжелые времена для партии, к которой он принадлежал, так что он опасался приговора и скрылся, позаботившись о том, чтобы должным образом внести залог и выплатить все, что могли потребовать [в суде]. В этих обстоятельствах он пережил великие страдания, у него не было другого выхода, кроме как бежать из королевства, что было очень горько для него, поскольку он оставил свою семью, детей и работу, и он не знал, что делать; все его друзья советовали ему не отдаваться в руки правосудия, что хотя и не угрожало ему смертной казнью, но все же в его условиях, казалось, могло обернуться полным крахом. [Находясь] в таком безвыходном положении, он однажды утром почувствовал (как только проснулся, и мысли о его несчастье начали возвращаться к нему), повторяю, почувствовал сильное внутреннее побуждение, пронесшееся в его разуме: *Напиши им письмо*. Голос обращался к нему отчетливо и будто оказывал на него давление, поэтому, как он часто говорил с тех пор, он едва может убедить себя, что не слышал его; но и допускает, что на самом деле не слышал.

Однако [голос] повторял ему эти слова ежедневно и ежечасно, пока наконец, прогуливаясь по комнате, где он скрывался, задумчивый и печальный, он не услышал сей [голос, который] снова не подтолкнул его, и он [человек] громко ответил ему, как если бы это был [вопрос]: *Кому мне писать?* Ответ был незамедлительным: *Напиши судье*. Голос [продолжал] преследовать его в течение нескольких дней, пока наконец он не взял перо, чернила и бумагу и не сел писать, но не знал ни слова из того, что должен был сказать; но – *Dabitur in hac hora*⁷¹ – *он не нуждался в словах*⁷²: они естественным образом рождались в его уме и лились из-под его пера так, что очаровывали даже его самого и наполняли его ожиданием успешного исхода.

Письмо было таким доказательным в аргументах, таким патетическим в красноречии и таким трогательным и убедительным, что, как только судья прочитал его, он послал ему [этому человеку] известие, что тот должен прибыть пораньше, потому что он постарается облегчить его участь, и, к слову, он [проситель] не будет оставлен до тех пор, пока ему [судье] не удастся прекратить судебное преследование и вернуть ему и его семье свободу⁷³.

Эти намеки, уверяю вас, по своей сути очень значимы, чтобы ими пренебрегать. Откуда они берутся – это следующий вопрос. Мой ответ – это шепот

communicated to the Soul, without the Help of the Organ, without the Assistance of a particular Sound, and without any other Communication; but take it as you go, not without the merciful Disposition of that Power, that governs that World, as well as this that we are sensible of; How near those Spirits are to us, who thus foresee what concerns us, and how they convey these Hints into our Minds as well waking as sleeping, or how they are directed, that I could not discover, nor can yet resolve, no not in the highest of my imaginary Elevation, any more than in what Manner they are Limited and restrained.

I have been asked by some, to whom I have talked freely of my frequent Applications to these Things, If I knew any Thing by those Observations, of the Manner of the Disposition of the human Soul after its Departure out of the Body? I mean as to its middle State, and whether, as some, it has a wandring Existence in the upper Part of the Waste or Abyss near to, but not in a present State of Felicity? Whether it is still confined within the Atmosphere of the Earth according to others, as in a Limbus, or Purgatory; or in the Circle of the Sun, as others say? Whether I knew or perceived any Thing of our Saviour's being ascended into the Body of the Sun only, and not into the highest Heaven receiving his redeemed Souls to himself, and into an Incorporation with his Glory there, *till the Restitution of all Things*? Whether I perceived any Thing of Satan being possessed of the reprobate Souls as they departed; and of his Substitutes as Executioners, being empowered and employed to torment them according to the received Notions of the wise Contemplators of such Things.

I answered, as I do now, that not only nothing of all this appears, but on the contrary, such serious Contemplations as mine give a great and abundant Reason to be satisfied, that there is nothing in it all but meer Dream and enthusiastick Conjecture: I own that the Agents I mentioned, make use of all those Things to terrify and affright poor ignorant People out of their Senses, and to drive them often into Desperation, and after to restore them by Cure that is worse than the Distemper, namely, by a Hardness and Coldness of Temper, rejecting entirely all the Notions of Eternity and Futurity, and so fitting them to go out of the World as they lived in it, (*viz.*) without troubling themselves with what is to come after it.

But I return to the Article of Impulses of the Mind, for I lay greater Weight upon these than upon any of the other Discoveries of the Invisible World, because they have something in them relating to what we are about, something directing, something to guide us in avoiding the evils that attend us, and to accepting, or rather embracing Opportunities of doing ourselves good when they present, which many Times for want of the knowledge of our Way, we irrecoverably let slip.

Voices, Apparitions, Noises, and all the other affrighting Things, which unavoidably follow the Neighbourhood of Spirits in the Air we breath in, seem to have much less Signification, *as to us*, than these seasonable kind Whispers to our Souls, which it is plain, are directed for the Advantage of Life.

некоего сущего духа, внушаемый душе без помощи какого-либо органа, без определенного звука и без какой-либо прямой явной коммуникации; но принимайте это как есть, не без милосердного промысла той силы, которая управляет этим миром, а также того, что мы разумны. Насколько близки к нам эти духи, которые таким образом предвидят то, что нас касается, как они передают эти намеки нашему разуму во сне и наяву, или как они ориентируются – этого я не мог обнаружить и не могу решить даже в моих наивысших воображаемых воспарениях, каким образом они ограничиваются и сдерживаются.

Кое-кто, с кем я откровенно говорил о своем постоянном обращении к этим знакам, спрашивал меня, узнал ли я что-нибудь в ходе этих наблюдений о местоположении человеческой души после того, как она покидает тело? Я имею в виду – что касается ее промежуточного состояния, блуждает ли она в высотах пустынного пространства или около него, не находясь еще в настоящем состоянии блаженства? Заключена ли она все еще в атмосфере Земли, согласно мнению иных, наподобие лимба или чистилища⁷⁴; или на орбите Солнца, как говорят другие? Узнал ли я или понял ли что-нибудь о том, что наш Спаситель вознесся только к Солнцу⁷⁵, а не в высочайшие сферы Небес, принеся искупительную жертву и обретя там Свою Славу до *восстановления всего сущего*⁷⁶? Постиг ли я что-либо о том, как Сатана вселялся в отверженные души, когда они покидали [тело], о его помощниках-палачах, наделенных [широкими] полномочиями и предназначенных для мучений в соответствии с общепринятыми представлениями мудрых созерцателей таких видений?

Я ответил, как и сейчас, что не только ничего из всего этого не являлось [мне], но, напротив, такие серьезные размышления, как мои, дают очень вескую причину убедиться в том, что всему этому нет основания, это только лишь фантазия и экзальтированный домysel. Я признаю, что посредники, о которых я упоминал, используют все эти приемы, дабы утратить и запугать бедных невежественных людей до безумия, часто доводя их до отчаяния, а затем исцеляя их с помощью лекарства, которое хуже, чем сама болезнь, а именно – твердости и холодности нрава, полностью отвергающих все представления о вечности и будущем, и таким образом заставляя их уйти из мира, в котором они жили, не заботясь о том, что будет после этого.

Но я возвращаюсь к предмету [разговора] о внутренних побуждениях разума, поскольку я придаю им большее значение, чем любым другим проявлениям невидимого мира, ведь в них есть что-то, связанное с тем, с чем мы действительно соприкасаемся, что-то направляющее, что-то, что поможет нам избежать зла, которое нас окружает, и [обратит нас] к принятию или скорее к использованию возможностей принести себе пользу, когда они [духи] являются, которые мы много раз из-за неосознанности нашего пути безвозвратно упускали.

Голоса, видения, шумы и все иные пугающие явления, неизбежно сопутствующие духам в воздухе, которым мы дышим, *кажутся нам* гораздо менее значимыми, чем эти благонравного рода нашептывания нашим душам, явно направленные на благо жизни.

It seems hard that Mankind should be so open to the secret Insinuations the whispering Devils I have been speaking of, who are Night and Day, sleeping and waking, working upon his Senses by the Arts and Subtilties of Hell, to fill his Imagination with a thousand devilish Contrivances to gratify his Vanity and Lust; and that our Thoughts should be always ready to receive the Impressions they make, pressed to follow the infernal Counsel, be awake to listen to all his Directions, but should be deaf to the Instructions of any kind Spirits that would influence us for our Advantage, and insensible of those Impressions which are made upon us for our immediate Good, by an Agent Good in itself, and acting from a Principle whatever it be, of Good to us.

We have a foolish Saying, though taken from Something that is more significant than we imagine when any Danger has surpris'd us. Well, my Mind misgave me, when I was going about it: Well, I knew some Mischief would come of it; did you so? And why then did you do it? Why did you go on? Why when your Mind misgave you, did you not obey the friendly Caution? Whence do you think your Mind received the speaking, tho' silent Impression? Why did you not listen to it, as to a Voice? For such a one it was no doubt; and let all those unthinking People who go on in any Thing they are upon, contrary to those secret silent Impressions upon their Minds; I say, let them know and observe it, they will very seldom fail of meeting some Mischief in the Way. They will very seldom fail of miscarrying in the Way; I say very seldom, because I would not take upon me to prescribe Things positively, which the Reader will take me up short in, and say, how do I know it? But I will take the Liberty to say, I durst be positive in it, relating to my self, and I durst be positive from the Nature and Reason of the Thing.

As to my own Experience, I wave saying much of it, but that in general I never slighted these Impulses, but to my great Misfortune; I never listen'd to and obey'd them, but to my great Advantage, but I choose to argue from the Reason of them, rather than from my own Experience.

As they are evident Warnings of what is to come, and are testified daily and hourly by the Things coming to pass afterwards, so they are undeniable Testimonies, that they proceed from some Being, intelligent of those Things that are at Hand, while they are yet to come. If then I am satisfied that it is a Notice given from a Something, *be it what it will*, which is fully inform'd of what is attending me, tho' conceal'd from me; why should I slight the Hint given me from any Thing that knows, what I know not, and especially, for Example, for avoiding Evils to come.

I know a Person, who had so strong an Impression upon her Mind, that the House she was in would be burnt that very Night, that she could not go to sleep, the Impulse she had upon her Mind press'd her not to go to Bed, which however she resisted and

Трудно поверить, что человечество должно быть настолько открыто для тайных клеветников, нашептывающих бесов, о которых я говорил и которые днем и ночью, во сне и наяву воздействуют на его [человечества] чувства уловками и коварством ада, чтобы наполнить его воображение тысячью дьявольских ухищрений для удовлетворения его тщеславия и страсти; что наши мысли должны быть всегда готовы к восприятию производимых ими образов, вынужденные следовать внутреннему совету, бодрствовать, дабы прислушиваться ко всем их приказаниям, но при этом оставаться глухими к наставлениям любых добрых духов, которые могли бы повлиять на нас для нашей же пользы и которые нечувствительны к тем посланиям, что даны к нашему же непосредственному благу через доброго по своей природе посредника, действующего по какой бы то ни было причине из благих побуждений.

У нас есть глупая присказка, хотя и не лишенная чего-то более значительно-го, чем мы себе представляем, когда какая-либо опасность застает нас врасплох: «Ну, у меня было некое дурное предчувствие, когда я собирался это сделать»; или: «Ну, я знал, что из этого выйдет какая-то беда». Так? И зачем тогда вы это сделали? Почему вы продолжали [это делать]? Почему, когда ваш разум внушал вам опасения, вы не подчинились дружескому предостережению? Как вы думаете, откуда ваш разум получил красноречивое, хотя и беззвучное наставление? Почему вы не прислушались к нему как к голосу [свыше]? Для [попавшего в беду] человека такое [наставление], без сомнения, было дано. Пусть все легкомысленные люди продолжают заниматься тем, чем они занимаются, вопреки этим тайным молчаливым наставлениям. Но говорю вам: дайте им знать и соблюдать сие, тогда они весьма редко будут встречать беду на своем пути. Они очень редко будут терпеть жизненные неудачи. Я говорю: «Очень редко», потому что не берусь сказать наверняка, в чем читатель поймет меня и спросит: «Откуда я это знаю?», но я возьму на себя смелость дать утвердительный ответ и осмеливаюсь утверждать это исходя как из собственного опыта, так и из природы и причины сущего.

Что касается моего собственного опыта, о котором я так много говорю, в целом я никогда не пренебрегал этими внутренними побуждениями, но, к своему большому несчастью, никогда к ним не прислушивался и не повиновался им; однако, к счастью, я намереваюсь говорить о причинах [внутренних побуждений], а не о своем собственном опыте.

Они являются как очевидными предупреждениями о том, что должно произойти, и подтверждаются ежедневно и ежечасно тем, что происходит впоследствии, так и неоспоримыми свидетельствами того, что исходит из некоего Сущего, знающего то, что уже грядет, но еще не наступило. Если я понял, что известие о том, *что меня ожидает*, ниспослано мне неким [высшим] существом, каким бы оно ни было, [однако] полностью ведающим тем, что будет, хотя и скрытым от меня, так почему же я должен пренебрегать намеком, данным мне [свыше]. Им, знающим то, чего не знаю я, во избежание грядущего зла.

Я знаю женщину, в душе которой [однажды] возникло предчувствие, что дом, в котором она пребывала, будет сожжен той же ночью, и она не могла заснуть. Внутреннее побуждение, которое она испытывала, не давало ей ложиться спать,

went to Bed, but was so terrified with the Thought, which as she call'd it, run in her Mind, that the House would be burnt, that she could not go to sleep.

She had made so much Discovery of her Apprehensions in the Family, that they were all in a Fright, and applied themselves to search from the Top of the House to the Bottom, and to see every Fire, and every Candle safe out, so that as they all said, it was impossible any Thing could happen in the House, and they sent to the Neighbours on both Sides to do the like. Thus far they did well, but had she obeyed the hint, which prest upon her strangely not to go to Bed, she had done much better, for the Fire was actually kindled at that very Time, tho' not broken out. In about an Hour, after the whole Family was in Bed, the House just over the Way, directly opposite, was all in a Flame, and the Wind which was very high, blowing the Flame upon the House this Gentlewoman lived in, so fill'd it with Smoke and Fire in a few Moments, the Street being Narrow, that they had not Air to breath or Time to do any Thing, but jump out of their Beds and save their Lives; had she obey'd the Hint given, and not gone to Bed, she might have saved several Things of Value, which she lost; but as she neglected that, and would go to Bed, the Moments she had spar'd to her, were but just sufficient to get out of Bed, get some Cloaths on, and get down Stairs, for the House was on Fire in half Quarter of an Hour.

It might be ask'd here, why could not the same kind Spirit have intimated by the same Whispers, where the Danger lay, and from what Quarter it was to be expected; in what Manner the Fire would attack them, and that it would come from the other Side of the Street, the Wind blowing it directly upon them?

To this, I answer, that it is our Business the more vigilantly to observe and listen to the Hints which are given, seeing the Intimations are not so Particular as we might wish, without enquiring into the Reasons, why they are given no plainer. We have a great deal of Reason to believe the kind Spirit that gives these Intimations and Whispers, thus to us, gives all the Light it is permitted to give, and whispers as much, either as it knows, or as it is allow'd to communicate; otherwise, why does it give any Intimations at all? But on the other Hand, it may be alledg'd, that enough is intimated to suffice for our Safety, if we would obey the Intimation; and it would be a much more reasonable Question, to ask, why we slight and disobey the Impression that we acknowledge to have received, rather than why the Intimation was no plainer.

A Person of my Acquaintance being to go to *New-England* by Sea, two Ships presented, and the Masters earnestly solicited to take him as a Passenger; he asked my Advice, professing, that as well the Ships, as the Captains, were perfectly indifferent to him, both the Men being equally agreeable to him, and the Vessels equally good. I had my Eye upon this Notion of Impulses, and prest him to observe strictly, if he had not some secret Motion of his Mind to one Ship rather than another, and he said he had not.

чему, однако, она сопротивлялась и начала приуговариваться ко сну, но вдруг в ее голове пронеслась мысль, чрезвычайно, по ее словам, ее напугавшая, о том, что дом будет непременно сожжен, и она все не могла заснуть.

Она предупредила о своих опасениях семью, все были в испуге и принялись обыскивать дом сверху донизу, проверяя безопасность каждого огонька и каждой свечки, и удостоверились, что в доме не может случиться ничего [дурного]. [Тогда] они отправились к соседям, [живущим] по обе стороны [от их дома], чтобы сделать то же самое. До сих пор у них все шло хорошо, но, если бы она послушалась намека, странным образом заставлявшего ее отходить ко сну, вышло бы еще лучше, ибо огонь действительно вспыхнул в ту ночь, хотя и не распространился [на дом]. Примерно через час после того, как вся семья легла спать, дом напротив был уже весь охвачен пламенем, и ветер, весьма сильный, дувал пламя на дом, в котором жила эта благородная женщина, так что за несколько мгновений он наполнился дымом и огнем; улица была узкой, так что у них не хватало воздуха, чтобы дышать, или времени, чтобы что-то сделать, кроме как выпрыгнуть из своих постелей и спасти свои жизни; если бы она послушалась данного ей намека и не легла спать, она могла бы спасти [хотя бы] несколько ценных вещей, которые потеряла. Однако так как она пренебрегла этим предостережением и легла спать, тех оставшихся минут хватило только для того, чтобы встать с постели, надеть какую-нибудь одежду и спуститься по лестнице, потому что дом полыхал уже спустя полчаса.

Здесь можно было бы спросить, почему тот же самый добрый дух не мог тем же шепотом намекнуть, где находится опасность и с какой стороны ее следует ожидать. Каким образом огонь достигнет их, и что он придет с другой стороны улицы, а ветер снесет его прямо на них?

На это я отвечаю, что наша забота заключается именно в том, чтобы более внимательно наблюдать и прислушиваться к данным нам намекам, осознавая, что эти намеки не столь конкретны, как нам хотелось бы, и не вдаваясь в причины, почему они не делаются более ясно. У нас есть множество оснований верить доброму духу, таким образом нашептывающему нам эти указания. Он освещает нам столько, сколько ему разрешено осветить, и нашептывает столько, сколько ему ведомо или сколько разрешено. Иначе зачем ему вообще делать какие-либо намеки? Но, с другой стороны, можно утверждать, что их будет достаточно для нашей безопасности, если мы подчинимся их указанию. Было бы гораздо более разумным спросить, почему мы избегаем [предупреждения] и не подчиняемся ощущению, которое, как мы признаем, уловили, а не [спрашивать], почему указание не было более ясным.

Один мой знакомый собирался отправиться в *Новую Англию*⁷⁷ морем [из Англии], ему были предоставлены [на выбор] два корабля, и капитаны настойчиво упрашивали его плыть в качестве пассажира. Он испросил моего совета, заявив, что как корабли, так и капитаны были ему совершенно безразличны. Оба [капитана] были одинаково ему приятны, и суда были одинаково хороши; я ухватился за эту идею внутренних побуждений и настаивал на том, чтобы он

After some Time he accidentally met one of the Captains, and falling into Terms with him, agreed for his Passage, and accordingly prepar'd to go on board; but from the very Time that he made the Agreement, nay, even while he was making the Bargain, he had a strong Impression on his Mind, that he should not go in that Ship.

It was some Days after this, that he told me of these Impressions, which increas'd on him every Day; upon which I prest him earnestly not to go, but to take Passage with the other. After he had resolv'd upon this, he came to me, and told me, that he had with some Difficulty, and some Loss, put off the first Ship, but that now he had the same, or rather stronger Aversion to going in the second Ship, and had a strong Impression on his Mind, that if he went in the second Ship he should be drowned; I bid him consider it a little, and tell me if he had any farther Intimations of it; and he continued to tell me, that he had no Rest about his going in either of those Ships, and yet his Affairs lay so, that he was under a Necessity of going, and there was no other Ship put up upon the *Exchange* for going.

I press'd him, however, not to venture by any Means; I convinc'd him, that those Impulses of his Mind were the Whispers of some kind Spirit, that saw Things farther than he could, and were certainly given him as Cautions to save him from some Mischief which he might not foresee; that it could be no evil Spirit, because keeping him back could be no Injury to him, of such a Nature as would gratify the Devil in any Part of his usual Desires; it must therefore be something for his Good, and he ought to be very cautious how he slighted the silent Admonition. In a Word, I prepossess'd him so much in aid of the secret Impulses of his own Mind, that he resolved not to go that Year, and he saw clearly afterwards, that the secret Intimation was from a good Hand, for both the Ships miscarried; the first being taken by the *Turks*, and the latter cast away and all the Men lost, the Ship foundring at Sea, as was suppos'd for she was never heard of.

I could fill this Tract with Accounts of this Nature, but the Reason of the Case is stronger than the Example; for as it is an Intimation of something future, and that is to come to pass, it is certain, there is a State in which what is Future and must come to pass is known, and why should we not believe the News, if it comes from the Place where the Certainty of it is known?

Some give all this to a Prescience peculiar to the Soul it self, and of kin to that we call *Second Sight*; but I see no Ground for this, but mere Presumption. Others call it an *Afflatus*, which they think is a Distemper of the Brain. Others call it a *Sympathetick Power in the Soul*, foreboding its own Disasters. But all this is short of the Thing, for here is not a Foreboding only, which indeed is often felt, but is express'd another Way; but here is a direct Intelligence; a plain Intimation of the Evil, and warning to avoid it: This must be more than an *Afflatus*, more than a *Sympathy*; this must be from a certain Knowledge

тщательно наблюдал, не было ли у него в голове какого-то тайного устремления к одному кораблю, а не к другому, и он сказал, что нет.

Через некоторое время он случайно встретил одного из капитанов и, договорившись с ним, согласился плыть [на его корабле], и, соответственно, приготовился подняться на борт. Но с того самого момента, как он так решил, более того, даже когда он еще подумывал согласиться, он испытывал сильное желание не выходить в море на этом судне.

Прошло несколько дней после того, как он рассказал мне об этих предчувствиях, с каждым днем все усиливавшихся, так что я убедил его плыть на не этом корабле, а на другом. Порешив с этим, он подошел ко мне и сказал, что с некоторыми трудностями и потерями отверг первое судно, но теперь у него [сложилось] такое же или, вернее, более сильное опасение [по отношению] к путешествию на втором, и возникло [страшное] предчувствие, что если он сядет на второй корабль, то утонет. Я попросил его немного подумать и сказать мне, имеются ли еще какие-либо намеки на это [обстоятельство], и он продолжал говорить, что у него нет уверенности ни в одном из [двух] этих кораблей, но, тем не менее, его дела обстояли так, что ему было необходимо отплывать, а другого корабля на бирже не было.

Я настаивал, однако, чтобы он ни в коем случае не рисковал; я убедил его, что эти внутренние побуждения были шепотом некоего доброго духа, видевшего дальше, чем он, и, несомненно, [они] даны ему в качестве предостережения, чтобы уберечь его от некой беды, которую он мог и не предвидеть. Это не мог быть злой дух, потому что удержание его [моего знакомого] не могло принести ему вред такого рода, который удовлетворил бы нечистого хоть частично. Следовательно, это должно было быть что-то для его же блага, и ему следовало быть весьма осторожным, не пренебрегая негласным предостережением. Словом, я так расположил его к тайным побуждениям его собственного ума, что он решил в тот год не ехать, а впоследствии с ясностью осознал, что тайное указание шло от доброй силы, ибо оба корабля попали в беду. Первый был захвачен *турками*⁷⁸, а второй потерпел крушение, и все люди погибли, корабль затонул в море, как и предвидел [мой приятель], ибо о нем более никогда не было известий.

Я мог бы заполнить эту главу рассказами подобного рода, но причина в данном случае важнее примера. И так как это намек на некое будущее, которое должно осуществиться, то, несомненно, это царство будущего существует, и что должно случиться, известно. Так скажите, почему мы не должны верить восточкам, если они исходят оттуда, где определенно знают об этом?

Иные приписывают все это предвидению, свойственному самой душе и родственному тому, что мы называем *вторым зрением*. Но я не вижу для этого никаких оснований, кроме простой самонадеянности. Другие называют это *озарением*, которое, по их мнению, является расстройством ума. Иные считают это *симпатической силой души*⁷⁹, предчувствующей свои собственные бедствия. Однако всего этого недостаточно, потому что здесь [имеет место] не только предчувствие, которое действительно часто возникает, но выражается [совсем] иначе.

of a Thing that *exists not*, by a Something that *does exist*; and must be communicated by a Converse of Spirits unembodied, with the Spirit embodied, for its Good; unless you will call it *Divine Revelation*, which I see no Ground for.

All these Reasonings make it abundantly our Concern to regard these Things, as what we are greatly concern'd in; However that is not the chief Use I make of them here, but (1.) they abundantly explain the Nature of the World of Spirits; and the Certainty of an Existence after Death; (2.) they confirm that the Disposition of Providence concerning Man, and the Event of Things, are not so much hidden from the Inhabitants of that World as they are from us; as also (3.) that Spirits unembodied see with a Sight differing from us, when we know nothing of it our selves.

This offer'd many useful Reflections to my Mind, which, however, 'tis impossible for me to communicate with the same Vivacity, or to express with the same Life, that the Impression they make on my own Thoughts came with.

The Knowledge of there being a World of Spirits, may be many Ways useful to us, and especially that of their seeing into Futurity, so as to be able to communicate to us, by what Means soever they do it, what we shall, or shall not do, or what shall, or shall not befall us; to communicate Dangers before us, so as they may be avoided, and Mischiefs awaiting us, so as they may be prevented, and even Death it self, so as we may prepare for it; For we may certainly, if we would attend to these Things, encrease our Acquaintance with them, and that very much to our Advantage.

I would be far from prompting the crazy Imaginations of Hypochondriac Distemper'd Heads, which run Men out to so many Extravagancies, and which in fixing their Thoughts upon the real World of Spirits, make this an imaginary World of Spirits to them; who think they are talk'd to from the invisible World, by the Howling of every Dog, or the Screeching of every Owl. I believe it was much of this vapourish dreaming Fancy, by which the *Augurs* of the *Romans* determin'd Events from the Flying of Birds, and the Entrails of Beasts. It will be hard for me to be prevail'd on to suppose, that even those intelligent Spirits which I speak of, who are able by such easy Ways, as the Impulses of our Minds, Dreams, and the like, to convey the Knowledge of Things to us, can be put to the Necessity, or find Reason to make Use of the Agency of Dogs and Birds, to convey their Notices by; this would be to suppose them to be much more confin'd in their Converse with us, than we evidently find they are; and on the other Hand would suppose the inanimate World to have more Knowledge of the invisible, than we have, whereas on the other Hand we know they have nothing at all to do with it.

There is only this to be said for it, namely, that those inanimate Creatures do it involuntarily, and as it were, under the Power of Possession.

Здесь заключено прямое знание. Ясный намек на [надвигающуюся] беду и предупреждение о том, чтобы избежать ее. Это должно быть больше, чем *озарение*, больше, чем *чувствование*. Это должно исходить из определенного знания о том, чего *еще нет*, но что *грядет*. Оно должно быть передано посредством беседы бестелесных духов с духом воплощенным для его блага. Если только вы не назовете это *Божественным Откровением*, для чего я не вижу оснований.

Все эти рассуждения в значительной степени заставляют нас относиться к этим моментам как к чрезвычайно интересным. Однако главное не это само по себе, но то, что (1) они исчерпывающе объясняют природу мира духов и [все-ляют] уверенность в жизни после смерти; (2) они подтверждают, что расположение Провидения к человеку и ход событий скрыты не столько от обитателей того мира, сколько от нас. Как и то, что (3) бестелесные духи видят зрением, отличным от нашего, и способны знать, что ожидает нас, в то время как мы сами ничего об этом не знаем.

Это дало моему уму много полезных размышлений, которые, однако, я не могу выразить с той же живостью, с какой возникло впечатление, что они произвели на мои собственные мысли.

Знание о существовании мира духов может быть полезным для нас во многих отношениях, и особенно знание их видения будущего, которое они имеют возможность сообщать нам,— что мы должны или не должны будем предпринимать, или что произойдет или не произойдет с нами, какими бы средствами они это ни делали. Сообщать загодя об опасностях, чтобы их можно было избежать, и о бедах, ожидающих нас, чтобы их можно было предотвратить, и даже о самой смерти, чтобы мы могли подготовиться к ней. Ибо мы можем быть уверены, что если будем уделять внимание этим вещам, расширять наше знакомство с ними, то это будет нам весьма полезно.

Я был бы далек от того, чтобы подстрекать безумные фантазии ипохондрических больных голов, которые доводят людей до стольких сумасбродств и которые, направляя их мысли на реальный мир духов, делают для них этот мир воображаемым. Которые думают, что с ними разговаривают из незримого мира воем каждой собаки или криком каждой совы. Полагаю, что во многом это была пустая мечтательная фантазия, с помощью которой *авгуры римлян*⁸⁰ определяли события по полету птиц и внутренностям зверей⁸¹. Едва ли возможно убедить меня предположить, что даже те разумные духи, о которых я говорю, способные такими легкими путями через внутренние побуждения нашего разума, сновидения и тому подобное сообщать нам [истинное] знание вещей, могут быть поставлены перед необходимостью использовать в качестве посредников собак и птиц, чтобы передать их послания. Это значило бы предположить, что они гораздо более ограничены в своем общении с нами, чем мы их находим. А также предположить, что неодушевленный мир знает о незримом более, чем мы, тогда, с другой стороны, мы знаем, что они не имеют к нему никакого отношения.

В отношении этого следует сказать лишь то, что эти неодушевленные создания делают это невольно и как бы под влиянием одержимости.

I will not affirm, but that the invisible Inhabitants I have been speaking of, may have Power to act upon the brute Creatures, so as to employ them, or make use of their Agency in the Warnings and Notices which they give to us of Things to come; but that the Brutes have otherwise any farther Sight of Things than we have, I can see nothing at all of that. It is true, *Balaam's Ass* saw the Angel with the flaming Sword, standing in the Road, when the Prophet did not, but the Reason is plainly express'd; the Angel was really there, and actually presenting Terror to them with a flaming Sword in his Hand, only the Prophets Eyes were miraculously withheld, that he could not see him.

I shall unriddle this Mystery of the Agency of Beasts, and Birds, as far as Reason dictates; and it seems to be Easy upon the Scheme of the Nearness of the Spirits I am speaking of to us, and their Concern to convey Intelligence to us; They may, I say, have Power to terrify the Brutes by horrible Apparitions to them, so as to force those Howling and Screichings we have been told of, and to do this in such Places, and at such Times as shall suit with the Circumstances of the Family or Person concern'd, and so far their said extraordinary Howlings and Screichings may be significant; but that the Brutes can either by Sense, or by extraordinary Sight have any Foreknowledge of Things in Futurity relating to us, or to themselves; this has no Foundation in Reason or Philosophy any more than it has in Religion. Matter may act upon material Objects, and so the Understanding or Sense of a Brute may act upon visible Objects, but Matter cannot act upon immaterial Things, and so the Eye of a Beast cannot see a Spirit, or the Mind of a Brute act upon Futurity, Eternity, and the sublime Things of a State to come.

What Use then the Spirits we speak of, inhabiting the invisible World, can make of the inanimate World to direct them, as Missionaries to us, I do not see, neither did I in all my Altitudes perceive they employ'd any such Agents.

It is from the Misunderstanding of these Things that we place abundance of Incidents meerly fortuitous to the Devils Account, which he knows nothing of; many a Storm blows that is none of his raising; many a Mid-night Noise happens that is none of his making; if Satan or his Instruments had one Tenth Part of the Power, either of the Air, or in the Air, or over the Elements, that we give them in our Imaginations, we should have our Houses burnt every Night, Hurricanes raised in the Air, Floods made in the Country, and in a Word, the World would not be habitable: But you remember I told you, as powerful as he is, he is chain'd, he has a great Clog at his Foot, and he can do nothing by Violence, or without Permission.

I might hint here at abundance of idle ridiculous Devils, that we are daily told of, that come and only make Game among us, put out our Candles, throw Chairs and Stools about the House, break Glasses, make a Smoak, a Stink of Brimstone, &c. whereas after all, the Devil has no more Sulphur about him than other Folks, and I can answer for it, that Satan is not disposed for Mirth; all the Frolicks and Gambols we ascribe to him, I dare say, are Anticks of our own Brain. I heard of a House in Essex, which they

Я не буду спорить с тем, что незримые обитатели, о которых я говорил, могут иметь силу воздействовать на грубых существ, чтобы использовать их в качестве посредников в предупреждениях и посланиях, которые они дают нам о делах грядущих. Но то, что в остальном животные видят куда больше, чем мы, – в этом я не вижу ничего [обоснованного]. Правда, *валаамова ослица* видела ангела с огненным мечом, стоящего на дороге, чего не видел пророк⁸², но причина [этого] ясна. Ангел действительно был там и действительно наводил на них ужас, [явившись] с огненным мечом в руке. Только глаза пророка чудесным образом были закрыты так, чтобы он не мог его [ангела] лицезреть.

Я разгадаю эту тайну действия зверей и птиц, насколько мне подскажет разум. По-видимому, это легко сделать, учитывая близость к нам духов, о которых я говорю, и их стремление передать нам знание. Они могут иметь силу наводить ужас на животных страшными видениями, чтобы вызвать те завывания и царапанье, о которых нам рассказывали, и делать это в такое время и в таких местах, соответствующих конкретным обстоятельствам семьи или человека, в которых упомянутые необычные завывания и царапанье могут иметь значение. Но что животные способны [с помощью] либо чувств, либо сверхъестественного зрения иметь какое-либо предвидение будущих событий, касающихся нас или самих себя, – это не имеет основания ни в разуме, ни в философии, ни в религии⁸³. Материя может влиять на материальные объекты, и животное может воздействовать на видимые предметы, но материя не может влиять на нематериальные сущности, и поэтому глаз зверя не может видеть духа, а животное не может определять будущее, вечность и возвышенные состояния грядущего царства.

Какую же пользу духи, населяющие незримый мир, о которых мы говорим, могут извлечь из неодушевленного мира, чтобы направлять их к нам в качестве миссионеров? Я не вижу и не видел во всех своих [духовных] восхождениях, чтобы они использовали каких-либо посредников.

Именно из-за неправильного понимания явлений мы относим на счет дьявола обилие происшествий, чисто случайных, о которых он совсем не подозревает. Есть много штормов, которые не были им подняты. Есть множество полуночных шумов, которых он не производил. Если бы Сатана или его орудия обладали хотя бы одной десятой частью той силы как воздуха, так и свойств, которыми мы их наделяем в наших фантазиях, то нашим домам следовало бы гореть каждую ночь, бушевали бы ураганы, в стране происходили бы наводнения – словом, мир был бы непригоден для жизни. Но, как вы помните, я говорил вам: как бы могуществен он ни был, он прикован, на его ноге колода, и он ничего не может сделать путем насилия или без разрешения.

Я мог бы намекнуть здесь на обилие вымышленных нелепых чертей, о которых нам твердят ежедневно, которые лишь забавляются среди нас, гасят наши свечи, расшвыривают по дому стулья и табуретки, разбивают стаканы, напускают дым, серную вонь и т. д., тогда как, в конце концов, у дьявола не больше серы, чем у иных людей, и я могу ответить за то, что Сатана не расположен к веселью. Осмелюсь сказать, что все шалости и проделки, которые мы ему приписываем, являются

told me was haunted, and that every Night the Devil or a Spirit, call it which you will, came into such a Room, and made a most terrible Knocking, as if it had a Hammer or a Mallet, and this for two or three Hours together: At length, upon looking about in an empty Closet in that Room, there was found an old Mallet, and this was presently concluded to be the Mallet which the Devil made such a Noise with, so it was taken away: But the next Night they said, the Devil made such a Racket for want of the Mallet, that they were much more disturb'd than before, so they were obliged to leave the Mallet there again, and every Night the Devil would come and knock in the Window, for two or three Hours together with that Mallet, I have seen the Room, and the Mallet, in neither of which was any Thing extraordinary, but never heard the Noise, though I sat up to wait for it; nor after causing the Mallet to be taken away, was there any Noise; be like the mannerly Spirit would not disturb us who were Strangers.

This pass'd for a most eminent Piece of Walking or Haunting, and all the Difficulty was to enquire, to what Purpose all this Disturbance was made, seeing there was no End answered in it, and I always thought the Devil was too full of Business to spend his Time to no manner of Purpose.

At last, all the Cheat was discovered, viz. that a Monkey kept in a House three or four Houses from it, had found the Way into that Room, and came every Night almost about Midnight, and diverted himself with the Frolick, and then went Home again.

If these Things were not frequently detected, it would be a great Scandal upon the Devil, that he had nothing to employ himself in, more significant, than Rapping all Night with a Hammer to fright and disturb the Neighbours, making Noises, putting out Candles, and the like: When we come into the invisible State, of which we now know so little, we shall be easily convinced, that the Devil is otherwise employ'd, and has Business of much more Importance upon his Hands.

It would be very insignificant, to have us so frequently warned against Satans Devices, to have us be caution'd to be sober and vigilant, knowing that our Adversary the Devil, goes about like a roaring Lion, seeking, &c. All these Things import, that he is diligent in attacking us, watching all Advantages, hunting us down, circumventing, waiting, and constantly plying us with Snares that he may trapan and devour us: This admits not any of those simple, ludicrous, and senseless Digressions, which we set him to work upon in our Imaginations.

Perhaps, it may be expected I should enter here upon the Subject of Apparitions, and discourse with equal Certainty of that yet undecided Question, concerning the Reality of Apparitions, and whether departed Souls can revisit the Place of their former Existence, take up Shapes, Bodies, and visible and apparent Beings, assume Voices, and concern themselves with the Affairs of Life, of Families, Persons, and even of Estates, and the like, as many have affirmed they have been Witnesses to.

I must be allowed to leave this where I find it; there are some Difficulties which I am not yet got over in it, nor have I been elevated high enough to determine that Point, and shall not venture to decide it, without more certainty than I am yet arriv'd to.

проделками нашего собственного мозга. Я слышал о доме в [графстве] Эссекс, который, как мне сказали, был населен привидениями, и каждую ночь дьявол или дух – называйте это как хотите – входил в одну из комнат и производил ужасный стук, как если бы у него были молот или колотушка, и это в течение двух или трех часов подряд; наконец при осмотре этой комнаты в пустом шкафу была найдена старая колотушка, и вскоре было определено, что это была та самая колотушка, которой Сатана производил такой шум. Но на следующую ночь, по словам [хозяев], он устроил такой грохот из-за отсутствия колотушки, что они были гораздо более обеспокоены, чем раньше, поэтому им пришлось снова оставить ее там, и каждый раз ночью нечистый приходил и стучал пару часов в окно этой колотушкой. Я видел комнату и колотушку, в обеих не было ничего необычного, я также не слышал шума, хотя и сидел, ожидая его. Не было никакого шума и после того, как колотушка была убрана. Вероятно, учтивый дух не потревожил нас, чужеземцев.

Это считалось самым выдающимся эпизодом появления привидения или его поиска, и вся трудность состояла в том, чтобы выяснить, с какой целью была произведена вся эта суматоха. Я всегда считал, не имея четкого ответа на этот вопрос, что дьявол слишком занят, чтобы растрчивать свое время попусту.

Наконец фокус был раскрыт, а именно: обезьяна, содержавшаяся [по соседству] за три или четыре дома от этого, нашла дорогу в эту комнату и каждую ночь приходила около полуночи, проказничала и затем снова отправлялась домой.

Если бы такие явления не обнаруживались столь часто, это была бы великая клевета на дьявола, которому более нечем заняться, кроме как стучать всю ночь молотком, чтобы пугать и беспокоить соседей, шуметь, гасить свечи и тому подобное. Когда мы войдем в незримый мир, о котором мы ныне столь мало знаем, мы легко убедимся, что он занят другими делами, и гораздо более важными.

Весьма маловероятно, чтобы мы столь часто получали предупреждения о кознях Сатаны, предостережения быть трезвыми и бодрствующими, зная, что наш противник дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, [кого поглотить,] и т.д.⁸⁴ Все это означает, что он усердно нападает на нас, высматривая выгодную позицию, выслеживая нас, обходя, выжидая и постоянно ставя нам силки, чтобы заманить нас в ловушки и сожрать: сие не допускает ни одного из тех примитивных, смехотворных и бессмысленных отступлений, что мы приписываем его действиям в нашем воображении.

Пожалуй, можно было бы ожидать, что я перейду здесь к теме призраков и со спокойной уверенностью остановлюсь на еще не решенном вопросе об их реальности и о том, могут ли души усопших вновь посетить место своего земного бытия⁸⁵, принимать различные формы, а также вид зримых и незримых существ, разговаривать и заниматься делами обычных людей, что многие утверждали, заявляя о себе как о свидетелях.

Мне должно быть позволено оставить этот [вопрос] там, где я его и нашел. Есть некоторые трудности, с которыми я пока не разобрался, и я не был допущен в такие высокие [сферы], чтобы определиться в этом [вопросе], и не рискую рассуждать об этом.

I would warn all People not to suffer their Imagination, to form Shapes and Appearances where there are none; and I may take upon me to say, that the Devil himself does not appear half so often, as some People think they see him; Fancy governs many People, and a sick Brain forms strange Things to itself: But it does not follow from thence that nothing can appear, because nothing does at that Time.

However, as my Design is to instruct, not amuse, so I say, I forbear to enter upon a Subject, which I must leave as doubtful as I find it, and consequently talk of to no Purpose.

I have heard of a man that would allow the Reality of Apparitions, but would have it be nothing but the Devil, that the Souls of Men departed or good Spirits never appeared, it happen'd that to this very Man something appear'd, as he said, and insisted upon it to the last: He said he saw the Shape of an ancient Man pass by him in the Dusk of the Evening, who holding up his Hand, as it were in a threatening Posture, said aloud, *O wicked Creature, repent, repent*. He was exceedingly terrified, and consulted several People about it, who all advised him seriously to take the Advice; for his Life made it well known it seems, that he stood in need of it: But being seriously debating about it, one of his Friends asked what he thought of the Apparition, and whether it was any of the Devils Business to bid him *Repent*; this puzzled his Thoughts, and in a Word, he grew a very sober Man: But after all, it was a real Man, and no Apparition that spoke to him, though his frighted Fancy made him affirm that he vanish'd out of his Sight, which he did not. And the Person who did it, being a Grave and pious Gentleman, met him by mere Accident without any Design, and spoke as he did, from the Knowledge he had of his being indeed a most wretched wicked Fellow: By the Way, the Gentleman had the Opportunity to hear the Use that was made of it, and to hear himself mistaken for an Apparition of the Devil, but he was so prudent as not to discover it to the Man, lest the Reformation, which was the Consequence of the Fright, should wear off, when he should know, that there was nothing in the Thing but what was common.

If we would always make the like good Use of Satan's real Appearances, I do not know but it would go a great Way to banish him from the visible World; for I am well assur'd he would very seldom visit us, if he thought his Coming would do us any Good; at least he would never come, but when he was sent, he would never come willingly: For he is so absolutely at the Divine Disposal, that if Heaven Commands, he must go, though it were to do the good he abhors; not that I believe Heaven ever thinks fit to employ him in doing Good, if ever he is let loose, 'tis to act in Judgment as an Instrument of Vengeance, and some are of Opinion, he is often employed as a destroying Angel, tho' I do not grant that; I can hardly think the Justice of God would gratify Satan's Gust of doing Evil, so far as to suffer him to be even so much as an Executioner: But that is by the Way.

Я хотел бы предупредить всех людей, чтобы они не мучили свое воображение, не создавали фигуры и образы там, где их нет. Осмелюсь сказать, что сам дьявол не появляется и вполнину так часто, как думают некоторые люди, когда [им кажется], что они видят его. Воображение правит многими, и большое воображение создает странные химеры: но отсюда не следует, что ничего не может появиться, поскольку непосредственно сейчас ничего не происходит.

Однако поскольку мой замысел состоит в том, чтобы наставлять, а не развлекать, я говорю, что воздерживаюсь от рассуждений о предмете, который должен оставить столь же сомнительным, каковым я нашел его, и, следовательно, говорить о нем бесполезно.

Я слышал о человеке, который допускал реальность призраков, но полагал, что в этом случае действует не кто иной, как дьявол, а души усопших или добрые духи никогда не являются. Случилось так, что этому самому человеку явилось что-то, и он настаивал на этом до последнего. Он сказал, что видел, как в вечерних сумерках мимо него прошел силуэт старика, который, подняв руку как бы в угрожающей позе, громко сказал: *О, нечестивое создание, покайся, покайся!* Он был чрезвычайно напуган и посоветовался по этому поводу с несколькими знакомыми, которые порекомендовали ему со всем вниманием отнестись к этому совету, поскольку его жизненный путь указывал на это. Но, всерьез обсуждая этот [вопрос], один из его друзей спросил, что он думает об [этом] явлении и было ли делом дьявола просить его *покаяться*. Это озадачило его, и благодаря одному этому слову он стал весьма здравомыслящим человеком [и стал рассуждать так]: по правде говоря, то был реальный человек, а не привидение, которое говорило с ним, хотя его фантазии заставили его утверждать, что тот исчез, чего тот на самом деле не делал. И старик, который встретился ему, будучи серьезным и благочестивым джентльменом, оказался на его пути просто случайно, без какого-либо умысла, и говорил он так, зная, что тот действительно был самым жалким и злым малым. Кстати, джентльмен имел возможность услышать о пользе, которая была из этого извлечена, и о том, что его приняли за призрак дьявола, но он был настолько благоразумен, что не открыл этого нашему знакомому, оставив его в состоянии испуга, который прошел бы, если бы тот узнал, что в этом не было ничего необычного.

Если бы всегда так же хорошо можно было использовать явления Сатаны, право, это было бы отличным способом изгнать его из зримого мира. Ибо я твердо уверен, что он весьма редко навещал бы нас, если бы думал, что его явление принесет нам пользу. По крайней мере, он никогда не придет добровольно, за исключением того, когда будет послан: ибо он настолько полностью находится в распоряжении Господа, что если Небеса прикажут, он должен будет прийти, хотя бы для того, чтобы совершить добро, которое он ненавидит. Не то чтобы я верил, что Небеса когда-либо сочтут уместным использовать его для добрых дел. Если его когда-либо выпускают на свободу, то лишь для того, чтобы распорядиться им в качестве орудия воздаяния, а иные придерживаются мнения, что его часто используют как ангела истребляющего⁸⁶, хотя я этого не допускаю. Я едва ли склонен

I have another Turn to give this Part of my Observations, which tho' perhaps some may not think so much to the Purpose, as entering into a critical Enquiry after the Devils particular Mission in these Cases: Yet I think otherwise.

I have observ'd, that some desperate People make a very ill use of the general Notion, that there are no Apparitions, nor Spirits at all; and really the Use they make of it, is worse than the extreme of those, who, as I said, make Visions and Devils of every Thing they see or hear: For these Men persuade themselves there are no Spirits at all, either in the visible or invisible World, and carrying it on farther, they next annihilate the Devil, and believe nothing about him, either of one kind or another.

This would not be of so much bad Consequence, if it was not always followed by a worse; namely, that when they have prevailed with themselves to believe there is no Devil, the next Thing is, and they soon come to it, *That there is no God*, and so Atheism takes its rise in the same Sink, with a Carelessness about Futurity.

I have no Mind to enter upon an Argument to prove the being of our Maker, and to illustrate his Power by Words, who has so many undeniable Testimonies in the Breasts of ever rational Being to prove his Existence: But I have a Mind to conclude this Work with a short History of some Atheists, which I met with many Years ago, and whether the Facts are testified or not, may be equally useful in the Application, if you do not think them a little too Religious for you.

Some Years ago, there was a young Gentleman, a Scholar at the University, eminent for Learning and Vertue, of prompt Parts, and great Proficiency, insomuch that he was taken great Notice of by the Masters and Fellows, and every one promised fair in their Thoughts for him, that he would be a great Man. It happened, whether from his earnest Desire of more Knowledge, or the Opinion of his own great Capacity, I know not which; that this Gentleman falling upon the Study of Divinity, grew so opinionative, so very positive and dogmatic in his Notions in religious Things, that by Degrees it came to this Height, that his Tutor saw plainly, he had little more than Notions in all his religious Pretences to Knowledge, and concluded, he would either grow Enthusiastic or obstinately Profane and Atheistick.

He had three *Chums* or Companions in his Studies, and they all fell into the same Error, as well by the Consequence of a great deal of Wit and little Grace, as by the Example and Leading of this other young Gentleman, who was indeed their Oracle, almost in every Thing.

As his Tutor who was a very good Man, fear'd for him, so it came to pass with him, and all the rest; for they ran up their superficial Notions in Divinity to such a Height, that instead of Reasoning themselves into good Principles of Religion, they really

думать, что справедливость Божья удовлетворила бы порыв Сатаны творить зло настолько, что позволила бы ему быть хотя бы палачом, но это так, к слову.

[Поведаю] еще об одном случае, дабы привести ряд наблюдений, хотя, возможно, некоторые могут посчитать их не относящимися к задаче критического исследования конкретной миссии дьявола в этих случаях. Но я считаю иначе.

Я заметил, что некоторые доведенные до отчаяния люди весьма часто пользуются расхожим представлением о том, что ни призраков, ни духов вообще не существует. На самом деле польза, извлекаемая ими из сего, хуже, чем вред от того, что некоторые, как я сказал, превращают в видения и дьяволов все, что они видят или слышат, ибо таковые люди уверяют себя, что духов вообще не существует ни в зримом, ни в незримом мире, а далее [они] исключают [из своих представлений] нечистого и совершенно в него не верят ни в том виде, ни в ином⁸⁷.

Это не имело бы столь дурных последствий, если бы далее иногда не следовало худшее. А именно то, что когда они уговорили себя поверить, что дьявола нет, то следующее, к чему они приходят, это то, *что и Бога нет*, и поэтому атеизм понимается в той же сточной канаве порока с беспечным отношением к грядущему [царству Божьему].

У меня нет намерения вступать в спор, чтобы доказать существование нашего Творца и показать Его могущество словами – неопровержимые доказательства Его существования есть в сердце каждого разумного существа; но у меня есть разум, чтобы завершить этот труд краткой историей неких атеистов, с которыми я встречался много лет назад, и независимо от того, подтверждены те факты или нет, они могут быть одинаково полезны в практическом использовании, если вы не посчитаете этот рассказ слишком религиозным.

Несколько лет назад жил молодой джентльмен, студент университета, славившийся [своими] ученостью и добродетельностью, проворством и большим мастерством, так что учителя и товарищи обратили на него большое внимание, и все видели в нем в ближайшем будущем великого человека. Случилось это [его отход от Бога] то ли из-за его искреннего стремления к большему знанию, то ли из-за [слишком высокого] мнения о его собственных выдающихся способностях – я не знаю. Этот джентльмен, увлекшись изучением богословия, стал настолько самоуверенным, настолько убежденным и догматичным в своих представлениях и постепенно достиг такого уровня, что его наставник ясно видел, что его ученик во всех своих религиозных изысканиях не видит почти ничего, кроме определений, и пришел к выводу: либо его ученик впадет в полное исступление, либо станет упрямым богохульником и атеистом.

У него было трое *приятелей*, товарищей по учебе, и все они впали в одну и ту же ошибку как вследствие большого ума и малого сострадания, так и по примеру и под руководством того, другого молодого джентльмена, что на самом деле был их оракулом почти во всем.

Чего его наставник, который был очень хорошим человеком, боялся, то и случилось с ним и со всеми остальными. Ибо они довели свои поверхностные представления о Боге до такой высоты, что вместо того, чтобы рассуждать о благих

reason'd themselves out of all Religion whatsoever; running on to expunge every right Idea from their Minds, pretending those Things really *were not*, of which they could not define both how and what *they were*; they proceeded to deny the Existence of their Maker, the Certainty of a future State, a Resurrection, a Judgment, a Heaven, or a Hell.

They were not contented to satisfie themselves with these impious Foundations, but they set up to dispute in private Societies against all revealed Religion; thereby bringing on themselves the Curse denounced in Scripture against those, that do Evil and *teach Men so to do*; in a little Time they grew so publick, that more Company came in, and which was worse, many joined with them in Principle, or as I should rather have said, in casting off all Principles, and they began to be famous in the Place, *though to the Offence of all good Men, and were call'd The Atheistical Club*.

They soon began to see sober, religious People shun them, and in some Time, upon Information given, they were obliged by Authority, to separate for Fear of Punishment, so that they could not hold their publick Disputations, as they began to do; yet they abated nothing of their wicked Custom; and this dreadful Creature, who set up at the Head of the rest, began to be so open in his Blasphemies, that he was at Length oblig'd to fly from the University.

However, he went a great while before it came to that; and though he had been often admonished, yet instead of reclaiming, he grew the more impious, making the most Sacred Things his Jest, and the Subject of his Ridicule: He gave out, That he could frame a new Gospel, and a much better *System* of Religion, than that which they call'd *Christian*; and that if he would trouble himself to go about it, he would not fail to draw in as great a Part of the World to run after him, as had been after *any other*. I care not to repeat any of his blasphemous Words, it is not to be supposed there can be any blasphemous abominable Thing, that this Set of wicked wretched young Men did not run into, neither any Wickedness of that kind within their Reach, which they did not commit.

It would be too long to enter into the particular History of these Men, and how it pleased God to dispose of them; they might be in Number before they separated about twenty-two in all, I shall tell you of some of them however, who did not run such Lengths as the rest: There was a young Man, who frequented their Society, though as *he afterwards said*, he was rather persuaded to *be among them*, than to be one *of them*; he had however too much yielded to their Delusions; and though they made him very much their Jest, because they found he still retained some little Sense of a God, and of a future State in his Mind, yet he had yielded dreadfully to them, and began to do so more and more every Day.

It happen'd one Day, this young Man was going to their hellish Society, and not minding the Weather, the Clouds gathered over his Head, and he was stopp'd by

принципах веры, они действительно пришли к отказу от какой бы то ни было религии. Вытравливая из своих умов все верные идеи, делая вид, что на самом деле не существует тех сущностей, на счет которых они не могут определить ни того, что они значат, ни того, чем *[они] являются*, они продолжали отрицать существование своего Создателя, реальность последующего *[после смерти]* состояния, воскресения, Страшного суда, рая или ада.

Они не довольствовались этими нечестивыми основаниями, но начали высказываться в частных беседах против всей религии Откровения, тем самым навлекая на себя проклятие, осужденное в Писании в отношении тех, кто творит зло и *учит людей его творить*⁸⁸. Через короткое время они приобрели широкую известность, компания их полнилась, и, что еще хуже, многие присоединились к ним из убеждений или, как бы это выразиться поточнее, из отказа от всех убеждений, они стали знаменитыми, *хотя и, к оскорблению всех благих людей, и были прозваны Атеистическим клубом*.

Вскоре они стали замечать, что здравомыслящие верующие люди избегают их, и через некоторое время из-за просочившейся информации *[об их взглядах]* они были принуждены властями разойтись из страха перед наказанием, так что не могли устраивать свои публичные диспуты, как делали это ранее. Тем не менее, они не отступали от своего порочного обычая. Это ужасное существо *[первый студент]*, стоявшее во главе остальных, стало так откровенно богохульствовать, что в конце концов ему пришлось покинуть университет.

Однако прошло немало времени, прежде чем до этого дошло. Хотя его *[студента]* часто увещевали, вместо того, чтобы покаяться, он стал еще более нечестивым, сделав все самое святое предметом своих насмешек: он объявил, что может составить новое Евангелие и гораздо лучшую *систему* религии, чем та, которую называли *христианской*. И что если бы он взял на себя труд заняться этим, он не преминул бы привлечь к себе такую же большую часть мира, как это было и с *любой другой [религией]*. Я не хочу повторять ни одного из его богохульных высказываний, но думается, что не было такой кошунственной мерзости, которую не изрекла бы эта группа несчастных нечестивых молодых людей, как и не было в пределах их досягаемости каких-либо злодеяний, которые бы они не совершили.

Заняло бы слишком много *[времени]* вдаваться в частные истории этих людей и в то, как Богу было угодно распорядится ими. Их число могло быть много больше до того, как от них отделилось около двадцати двух человек, однако я расскажу вам о некоторых из них, которые не зашли столь далеко, как остальные. Был один молодой человек, который часто посещал их общество, хотя, *как он впоследствии сказал*, он был склонен скорее *быть среди них*, чем *быть одним из них*. Однако он слишком поддался их заблуждениям. И хотя они часто смеялись над ним, так как обнаружили, что он все еще сохранил в своем сознании какое-то представление о Боге и о будущем состоянии *[души]*, тем не менее, он поддавался *[их влиянию]* с каждым днем все больше и больше.

Случилось однажды, что этот молодой человек шел в их адское общество, не обращая внимания на погоду; над его головой сгустились тучи, и его

a sudden Shower of Rain in the Street: It rained so very hard, that it obliged him to stand up in the Gate-way of an Inn for some Time; while he was standing here, a great Flash of Lightning more than ordinarily surpriz'd him; it seems the Fire coming so directly in his Face, that he felt the very Warmth of it, and was exceedingly startled; in the same Moment almost, as *is natural in the Case*, followed such a Clap of Thunder that perfectly astonished him. The Rain continuing, kept him in the Gate-way, as I said, for a good While, till he had Time for such Reflections, as these, *Where am I going! What am I going about! Who is it has stopt me thus! Why are these Thunders, these Rains, and this Lightning thus Terrible? and whence are they! and with the rest came in this Thought, warm and swift as the Lightning, which had terrified him before, What if there should be a God! What will become of me then!* Terrified with these Things, he starts out of the Gateway into the Street notwithstanding the Wet, and runs back through the Rain, saying to himself as he went, *I will go among them no more!* When he came Home to his Chambers, he fell into dreadful Agonies of Mind, and at length broke out thus: *What have I been doing! have I been denying the Power that made me! Despising that God whose Fire flash'd just now in my Face! And which, had not that Mercy I have abused interposed, might have burnt me to Death! What kind of Creature am I!* While he was thus giving vent to his Reflections, a near Relation of his, a pious good Man, who had often used to speak very plainly to him of the horrid Sin he was guilty of, happened to come to visit him.

The young Man had thrown himself upon his Bed, and had with the deepest Sense of his Madness, and most serious Reproaches of himself for his horrid Life, had been expressing himself to his Friend, and he had been comforting him in the best Manner he could, when after a while he desir'd his Friend to retire, that he might be a little alone, and might give vent to his Thoughts with the more Freedom, and his Friend, taking a Book in his Hand, staid in the outer Room.

In this Interval came another Scholar to the Door, who was one of the wicked Company I mention'd just now: He came not to visit this first Gentleman, but to call him to go with him to the usual Meeting of their dreadful Society. And knocking at his Chamber Door; this Gentleman, who was left in the Chamber, stept to the Door, and looking through a little Grate, not only knew the Person, but knew him to be one of the wicked Company I have been speaking of: Now as he was very loath, his Friend should have such an Interruption to the good Disposition he was then in, so above all, he was loth he should be persuaded to go any more among that miserable Gang; wherefore he opened the Door a little Way, so as he was not very distinctly seen, and speaks aloud in the Person of his Friend thus: *O SIR, Beseech them all to repent; for depend upon it, There is a GOD, tell them, I say so; and with that he shut the Door upon him violently, giving him no Time to reply, and going back into his Friends Room, took no Notice of any Body having been at the Door at all.*

The Person who knocked at the Door, you may suppose, was one of the Leaders of the Company, a young Scholar of a good Parts and Sense, but debauch'd by that horrid Crew; and one that had made himself eminent, for his declar'd Opposition to all the

остановил внезапный ливень, заставив его постоять некоторое время в воротах гостиницы. Пока он стоял там, мощная вспышка молнии ударила сильнее обычного, что удивило его. Ему показалось, что пламя ударило прямо ему в лицо, он почувствовал жар и был чрезвычайно поражен. Почти в тот же момент, как это естественно в данном случае, последовал удар грома, совершенно его изумивший. Продолжавшийся дождь задержал его в воротах, как я сказал, на некоторое время, и он смог поразмыслить: «Куда я иду? Зачем я иду? Кто это так остановил меня? Почему этот гром, этот дождь и эта молния так ужасны? И откуда они?» А вместе с тем возникла мысль, яркая и стремительная, как молния, которая прежде напугала его: «Что, если это был Бог? Что со мной тогда будет?» Устрашенный этим, он выбегает из ворот на улицу, несмотря на сырость, и мчится обратно под дождем, говоря себе на ходу: *Я к ним больше не пойду!* Когда он вернулся домой в свое жилище, он впал в ужасную душевную агонию и наконец выпалил: *Что я делаю? Я отрицал Силу, которая создала меня! Презираю того Бога, чей огонь только что озарил мое лицо: и Тот, которым я злоупотреблял, не проявив милосердия, мог бы сжечь меня до смерти! Что я за существо?!* В то время как он таким образом давал волю своим раздумьям, его близкий друг, благочестивый добросердечный человек, который часто весьма прямолинейно говорил ему об ужасном грехе, в котором он был повинен, случайно пришел навестить его.

Юноша бросился на постель потрясенный, упрекая себя за свою ужасную жизнь. Он изливал все [свои переживания] другу, и тот утешал его, как только мог; через некоторое время он попросил своего друга удалиться, чтобы побыть немного в одиночестве и дать выход своим мыслям, не будучи стесненным, и его друг, взяв в руки книгу, остался в передней комнате.

В это время к двери подошел еще один студент, принадлежавший к той нечестивой компании, о которой я только что упоминал: он пришел не для того, чтобы навестить этого первого джентльмена, а чтобы позвать его пойти с ним на обычное собрание их ужасного общества. И постучался в дверь его комнаты. Джентльмен, оставшийся в соседней комнате [близкий друг первого студента], подошел к двери и, глянув через маленькую решетку, не только узнал этого человека, но и понял, что он принадлежит к той нечестивой компании, о которой я говорил. Испытывая отвращение, что его друг [первый студент] нарушил то доброе мироощущение, в котором он теперь пребывал, прежде всего он не хотел, чтобы того убедили опять идти в эту жалкую банду. Поэтому он немного приоткрыл дверь и, так как его было не очень отчетливо видно, громко сказал от лица своего друга так: *«О СЭР, умоляйте их всех покаяться. Будьте уверены, БОГ существует, скажите им, я это утверждаю»*, – и с этими словами он яростно захлопнул за собой дверь, не дав ему времени ответить и, вернувшись в комнату своего друга, сделал вид, будто никто и не приходил.

Человек, который постучал в дверь, как вы можете предположить, был одним из лидеров компании, молодым студентом с хорошими способностями и разумом, но развращенным этой ужасной бандой. Тем, кто прославился открытым

common Notions of Religion; a complete Atheist and publicly so, without God or the Desire of God in the World: However, (as he *afterwards confessed*) the Repulse he met with at the Door, and *which he thought came from his Friend*, gave him a strange Shock at first, and fill'd him with Horror: He went down the College-Stairs in the greatest Confusion imaginable, and went musing along a good Way, not knowing where he was, or whither he went, and in that Embarrassment of Thought went a whole Street out of the Way; the Words had made an unusual Impression upon his Mind, but he had his other Surprises too; for he Thought his Friend, *for he believ'd firmly, that it was he that had spoken to him*, had treated him very rudely.

Sometimes he resented it, and reflected upon it as an Affront, and once or twice was upon the Point of going back again to him, to know the Reason of his using him so, and to demand Satisfaction: But still the Words, THERE IS a GOD, dwelt upon his Mind, *and what if it should be so? says he, what then?* Upon this Question to himself, the Answer immediately occur'd to his Mind, *What then! Why, then I am undone; for, have not I declar'd War against the very Notion, defy'd all the Pretenders to it, as mere Enthusiasts and Men of Whimsy?* However, after these Thoughts his Mind cool'd a little again, and it offered to him, *no doubt injected by an Evil Spirit*, that he should not trouble himself with enquiring into it one Way or another, but *be easy*.

This pacified him for a little While, and he shook off the Surprise he was in; the hardned Temper seem'd to return, and he kept on his Way towards the hellish Society, that he was going to before: But still the Words returned upon him, THERE IS a GOD, and began to bring some Terror with it upon his Mind; and the last Words of his Friend came into his Mind often *tell them, I say so*, this fill'd him with a Curiosity which he could not withstand, *viz.* of going back to his Friend, and enquiring of him, what Discoveries he had made of this Kind? how he came to have changed his Mind so suddenly? and especially, how he was arrived to a Certainty of the Thing?

I told you, that there had been a great Shower of Rain, which had stopp'd the first young Gentleman in his Way out; it seems the Day was still showery and a little Rain happening to fall again, as this Gentleman went by a Bookseller's Shop, he stops at the Door to stand up a little out of the wet.

There happens to be sitting in the Shop reading a Book, a Gentleman of his Acquaintance, though far differing from him in his Principles, being a very sober, studious, religious young Man, a Student in Divinity of the same College, who looking up called him in, and after a few common Salutes, he whispers in his Ear.

Student. I was looking in an old Book *here* just now, and began the following short Dialogue; and I found four Lines written on the Back of the Title Page, which put me in Mind of you.

Atheist. Me! why did they put you in Mind of me?

противостоянием всем общепринятым представлениям о религии – абсолютным атеистом, не скрывавшим этого, без Бога [в душе] и даже не желавшим [присутствия] Бога в мире. Однако (как он впоследствии признался) отпор, с которым он столкнулся у двери и который, как он думал, исходил от его приятеля, вызвал у него вначале странный шок и наполнил его ужасом. Он спустился по лестнице в величайшем замешательстве, какое только можно вообразить, и пошел, размышляя о том, какой же путь верный, не замечая, где он и куда он идет, и в этом смятении мысли прошел целую улицу, сбившись с пути; [услышанные им] слова произвели необычное впечатление на его разум, но его ждали и другие сюрпризы. Ибо он посчитал, что его приятель обращался с ним очень грубо. Он [ведь] твердо верил, что это он говорил с ним.

Он был обижен, считал это оскорблением и пару раз собирался снова вернуться к нему, чтобы узнать причину, по которой тот так с ним обошелся, и потребовать разъяснения. Но слова «БОГ СУЩЕСТВУЕТ» засели у него в голове. А что, если так и должно быть? – сказал он. – Что тогда? На этот вопрос, [заданный им] самому себе, ему в голову сразу же пришел ответ: *Что же тогда! Тогда я погиб. Ибо разве я не объявил войну самому понятию [Бога], не бросил вызов всем последователям Его, поступив, как вздорный капризный человек?* Однако после этих мыслей его разум снова переметнулся на другую сторону и предложил ему, без сомнения, *по совету злого духа*, не утруждать себя изучением того или иного пути, а расслабиться.

Это успокоило его на некоторое время, и он стряхнул с себя сомнение, в котором находился. Ожесточенный нрав как будто вернулся [к нему], и он продолжал свой путь к тому адскому обществу, в которое шел раньше. Но все же фраза «БОГ СУЩЕСТВУЕТ» не выходила из его головы и начала наводить на него ужас; последние слова его приятеля часто приходили ему на ум: *Скажи им, я это утверждаю*; его переполняло любопытство, которому он не мог противостоять, [и в нем усиливалось желание] вернуться к своему другу и спросить его, что за открытия такого рода он сделал? Как он так внезапно переменялся? И особенно – как он пришел к такой уверенности в своей правоте?

Я уже говорил, что [тогда] шел сильный ливень, который остановил первого молодого джентльмена на его пути. Кажется, день все еще был дождливым, и снова пошел небольшой дождь; когда он проходил мимо книжного магазина; он остановился у двери, чтобы немного постоять в сухом месте.

Случилось так, что в лавке сидел и читал книгу один его знакомый юноша-студент, сильно отличавшийся от него в своих принципах, весьма здравомыслящий прилежный религиозный молодой человек. Студент богословия того же колледжа, который, взглянув на него снизу вверх, подозвал его и после пары обычных приветствий и шепнул ему [кое-что] на ухо.

Студент. Я только что заглядывал в старую книгу, и я начал читать диалог; и нашел четыре строки, написанные на обороте титульного листа, которые напомнили мне о вас.

Атеист. Обо мне! Каким образом они напомнили вам обо мне?

Stud. I'll tell you presently, come hither.

He retires into a back Room, and calls the other after him.

Ath. Well, now tell me.

Stud. Because I think they are very fit for *such an atheistical wretch* as you to read.

Ath. You are very civil.

Stud. You know you deserve it.

Ath. Come, let me see them however.

Stud. Let me look in your face all the while then.

Ath. No you shan't.

Stud. Then you shan't see them.

Ath. Well, let it alone then.

Stud. Come give me your hand, you shall see them, if you will promise to read them over three times.

Ath. There's my hand, I'll read them out to you.

Stud. I'll hold your hand all the while, because I'll be sure of your performance.

Ath. I'll warrant you I'll read them.

He reads.

But if it should *fall out*, as who can tell,
That there M A Y B E a God, a Heaven and

Hell:

Had I not best consider well, for fear
It should be too late when my mistakes appear.

*He held him by the hand till that word,
and then let it go: pressing gently one of his fingers.*

Stud. Well, what do you say to them?

Ath. I'll tell you my thoughts farther by and by, but first tell me what did you press my hand for when you let it go.

Stud. Did you feel no motion within you, when you read those words, *There may be a God.*

Ath. What motion? What do you talk of?

Stud. Come do not deny it, for I am a witness against you.

Ath. Witness, for what? I have killed nobody, I have robbed nobody; if you would turn informer, I value not your evidence.

Stud. No, no, I shall not turn informer of that kind, but I am a witness in your Maker's behalf.

Ath. What can you witness?

Студ. Я сейчас вам поведаю. Идите сюда.

(Он удаляется в заднюю комнату и зовет того за собой.)

Ат. Ну, а теперь поведайте мне.

Студ. Потому как считаю, что они весьма подходят для чтения такому *атеистическому нечестивцу*, как вы.

Ат. Вы весьма учтивы.

Студ. Так вы того заслуживаете.

Ат. Ну позвольте мне, во всяком случае, их увидеть.

Студ. Тогда позвольте мне все время смотреть вам в лицо.

Ат. Нет, не позволю.

Студ. Тогда вы их не увидите.

Ат. Ну, тогда оставим это в покое.

Студ. Дайте мне вашу руку, вы увидите их, если пообещаете прочесть их трижды.

Ат. Вот моя рука, я прочту их вам вслух.

Студ. Я все время буду держать вас за руку и потому буду чувствовать ваши переживания.

Ат. Я ручаюсь, что прочитаю их.

(Читает.)

Но если все ж заветы устоят,

Что СУЩЕСТВУЮТ Бог, и рай, и ад,

Не лучше ли из страха ошибиться,

Признать сейчас их, чем впоследствии виниться?

(Он держал его за руку до тех пор, пока не было произнесено это слово, а затем отпустил ее, нежно сжав один из его пальцев.)

Студ. Ну, что вы на это скажете?

Ат. Я поведаю вам свои мысли, но сначала скажите мне, для чего вы сжали мою руку, прежде чем ее отпустить.

Студ. Не чувствовали ли вы трепета в душе, когда читали эти слова: «существует Бог».

Ат. Какой трепет? О чем вы говорите?

Студ. Ну же, не отрицайте этого, ибо я свидетельствую против вас.

Ат. Свидетельствуете, о чем? Я никого не убил, я никого не ограбил. Если вы станете доносчиком, я не дам за ваши доказательства и ломаного гроша.

Студ. Нет, нет, я не стану доносчиком такого рода, но я свидетельствую в пользу вашего Создателя.

Ат. Что вы можете засвидетельствовать?

Stud. I'll tell you what I can witness; I can testify, that your own conscience is against you, in your impious denying the existence of that God that gave you life; you could not conceal it, I tell you *I felt it*.

Ath. How do you pretend to know, what my conscience dictates to me, or what the result of secret reflections may be in the mind? You may be mistaken, *have a care*; you know *you are not to bear false witness*.

Stud. It's in vain to struggle with it, it is not to be concealed, you betrayed yourself, I tell you.

Ath. How betrayed myself? you are mighty dark in your expressions.

Stud. Did I not tell you, I would look in your face all the while you read? Did I not see into the distraction of your soul? Did you not turn pale at the very words, when your tongue said, *There may be a God*? Was there not a visible horror in your countenance, when you read the word HEAVEN? a horror, which signified a sense of your having no share in it, or hope about it? And did I not feel a *trembling* in your very joints, as I held you by the hand, when you read the word HELL?

Ath. And was that it you held me by the hand for?

Stud. Indeed it was; I was persuaded I should find it; for I could never believe, but an atheist had always a hell within him, even while he braved it out against a *hell* without him.

Ath. You speak enough to fright one; how can you say so positively a thing, which you cannot be sure of?

Stud. Never add sin to sin, it is in vain to deny it.

Ath. Well, well, its none of * your business; who made you my father confessor? *

*He is a little angry.

Stud. Nay do not be angry with your friend, and though you are, do but take the hint, and be as angry as you will.

Ath. What hint, what is it you aim at? your hints are all so general, I can make nothing of them.

Stud. I aim at nothing but your eternal felicity, I thought those lines very apposite to your case, and was wishing you had them, before I happened to see you; I thought, that such a reflection in the case of atheism, so natural, so plain, *especially blessed from him, whose secret voice can effectually reach the mind*, might be some means to open your eyes.

Ath. Open mine eyes! – to what?

Stud. To *Something* that I am persuaded you see already in Part, though I find you struggle hard against your own Convitions.

Ath. What is this *something* you speak of?

Stud. I mean in a few Words, what the Lines you have read mean, *viz.*, That perhaps there may be a God, a Heaven, and Hell.

Студ. Я скажу вам, что я могу засвидетельствовать. Я могу засвидетельствовать, что собственная ваша совесть [восстает] против вас в вашем нечестивом отрицании существования того Бога, который дал вам жизнь. Вы не могли этого скрыть, говорю вам, *я это почувствовал*.

Ат. Как вы можете утверждать, что знаете то, что диктует мне моя совесть или каков может быть результат [моих] тайных размышлений? *Будьте осторожны*, вы можете ошибаться; вам известно, что *вы не должны лжесвидетельствовать*⁸⁹.

Студ. Напрасно с этим бороться, этого не скрыть, говорю же, вы себя выдали.

Ат. Как я выдал себя? Вы весьма неясно выражаетесь.

Студ. Разве я не говорил вам, что буду смотреть вам в лицо все время, пока вы читаете? Разве я не видел смятения вашей души? Не побледнели ли вы при одних словах, когда язык ваш произнес: *существует Бог*? Не было ли на лице вашем видимого ужаса, вы когда читали слово «РАЙ»? Ужаса, который означал чувство, что вы непричастны к нему или на него не уповаете? И разве я не чувствовал *дрожь* в самых ваших суставах, когда держал вас за руку, когда вы читали слово «АД»?

Ат. И для этого вы держали меня за руку?

Студ. Действительно так; меня убедили, что мне следует выяснить это. Ибо я никогда не мог поверить, но [это так]: у атеиста всегда внутри *ад*, даже когда он храбро заявляет, что это не так.

Ат. Вы утверждаете это достаточно [уверенно], чтобы напугать. Как вы можете столь убежденно говорить о том, в чем не можете быть уверены?

Студ. Никогда не умножайте грех грехом, напрасно отрицать это⁹⁰.

Ат. Ну-ну, это не ваше дело. Кто сделал вас моим духовником?

(Он немного зол.)

Студ. Да не сердитесь же на своего друга, а если и [станете сердиться], то всего лишь примите намек и злитесь, сколько хотите.

Ат. Какой намек, к чему вы стремитесь? Все ваши намеки настолько общие, что я ничего не могу из них понять.

Студ. Я не стремлюсь ни к чему, кроме как направить вас к вашему вечному счастью, я подумал, что эти строки очень подходят к вашему случаю, и они предназначались вам свыше и до того, как я случайно увидел вас. Я посчитал, что такое размышление в случае с атеизмом могло бы быть некоторым средством, дабы открыть вам глаза, ибо оно столь естественное, столь ясное, *особенно благословенное от того, чей тайный голос может действительно достигать разума*.

Ат. Открыть мне глаза! К чему?

Студ. К чему-то, что, как я убежден, вы уже видите частично, хотя я и понимаю, что вы упорно боретесь со своими собственными убеждениями.

Ат. Что это за *ничто*, о чем вы говорите?

Студ. Я, если кратко, имею в виду то, что означают строки, которые вы прочли, а именно – что, возможно, могут существовать Бог, рай и ад.

Ath. I don't know * but there may.

He observes Tears stands in his Eyes.

Stud. Well, I see it begins to touch you; if you are uncertain that is a Step to Conviction; and the rest of the Words you have read, are a most natural inference in your case.

————— *You'd best consider well for fear,
It should be too late when your mistakes appear.*

Ath. What would you have me consider?

Stud. I am not able to enter into that Part now; the first Thing is to persuade you to look in; listen to the Voice of Conscience, I am satisfied you stand convicted at that Bar, you cannot plead not guilty there.

Ath. Convicted of what?

Stud. Of having acted contrary to the Light of Nature, of Reason, and indeed of common Sense; most impiously denied the God whose Air you breath in, whose Earth you tread on, whose Food you eat, whose Cloaths you wear, who is your Life, and will be your Judge.

Ath. I do not absolutely deny; I tell you, I don't know, but there may be a God.

Stud. *Don't you know but there may!* O SIR, *I beseech you repent;* for certainly THERE IS a GOD, depend upon it; I SAY SO.

Ath. You * fright me.

He starts and looks surprised.

Stud. Indeed I think it may well fright you.

Ath. But you fright me upon a quite different account from what you imagine; I am indeed very much surprised, and so would you too if you knew the circumstance.

Stud. What circumstance?

Ath. Pray did you hear those words spoken any where today before you spoke them.

Stud. No, not I.

Ath. Was you at Mr. —————'s chamber about half an Hour ago?

Stud. I have not been there this month past, I have given over visiting him, and all such as he is, long ago.

Ath. Have you seen him today, or when did you last see him? – did he speak those words to you, or you to him.

Stud. I have not seen him, since I saw him with you about fourteen days ago, when your discourse (even both of you) was so blasphemous and so atheistical, as made my very heart tremble; and I resolved never to come into Company with either of you again, and it was that very discourse, that made me think of you when I found those lines in this book; I should think it an evident discovery of God, and what I might hope should best forward your conviction, if his

Ат. Не знаю, но [вполне] может быть.

(Он замечает, что в его глазах блестят слезы.)

Студ. Что ж, я вижу, вас это начинает трогать. Если вы не уверены, что это шаг к покаянию, то остальные слова, которые вы прочитали, в вашем случае являются самым естественным выводом.

*Не лучше ли из страха ошибиться,
Признать сейчас их, чем впоследствии виниться.*

Ат. Над чем бы вы хотели, чтобы я поразмыслил?

Студ. Я не могу сейчас вдаваться в это подробно. Первое – убедить вас заглянуть внутрь [себя]. Внять голосу совести; я рад, что вы стоите перед судом [совести], понимая свою греховность, [ведь] вы не можете признать себя невиновным.

Ат. Греховность чего?

Студ. Того, что действовали вопреки свету природы, разуму и даже здравому смыслу. Самым нечестивым образом отвергали Бога, чью землю топчете, чью пищу едите, чьи одежды носите, кто является вашей жизнью и кто будет вашим Судьей.

Ат. Я не отрицаю абсолютно. Говорю вам, я не знаю, но может быть, Бог и существует.

Студ. «Не знаю, но может»! О, СЭР, умоляю вас покаяться. Ибо, несомненно, БОГ СУЩЕСТВУЕТ, будьте уверены; Я ЭТО УТВЕРЖДАЮ.

Ат. Вы меня пугаете.

(Он вздрагивает и выглядит удивленным.)

Студ. В самом деле, я думал, что это может напугать вас.

Ат. Но вы пугаете меня совсем не тем, что вы себе вообразили. Я действительно весьма удивлен, и вы бы тоже удивились, если бы знали об одном обстоятельстве.

Студ. Каком обстоятельстве?

Ат. Побойтесь, что вы слышали эти слова, сказанные где-либо сегодня, до того, как вы их произнесли.

Студ. Нет, не слышал.

Ат. Вы были в комнате моего товарища полчаса тому назад?

Студ. Я не был там с прошлого месяца, я перестал ходить к нему, как и он ко мне, давным-давно.

Ат. Когда вы виделись с ним сегодня или когда вы встречались в последний раз – говорил ли он вам эти слова или вы ему?

Студ. Я не видал его с тех пор, как повстречал его [в компании] с вами дней четырнадцать тому назад, когда речь ваша (даже вас обоих) была столь кощунственна и столь атеистична, что заставила трепетать самое сердце мое. И я решил никогда более не знаться ни с одним из вашей компании, и именно эта беседа заставила меня подумать о вас, когда я обнаружил эти строки в книге. Я считаю, что это очевидное открытие Бога, и надеюсь, что они [эти строки] сильнее всего

providence should have sent you to this door at that minute, to receive the hint on this occasion.

Ath. There is something more than common, in everything that has happened to me today!

Stud. If you would explain yourself a little, I might say more; but you know very well, I cannot make the least guess at what you mean.

Ath. Ask me no more questions, there must be a *GOD or a DEVIL in being.

He looks wildly and amazed.

Stud. Dear Friend, there are both, depend upon it, but I beseech you compose your Mind, and do not receive the Conviction with Horror, but with Comfort and Hope.

Ath. One or other of them has been concerned in what has happened to me to day; it has been a strange day with me.

Stud. If it relates only to these Things, perhaps it may be of use to you to communicate the Particulars, at least it may give some vent to the oppression of thought, which you seem to be under, you cannot open your Mind to One, that has more earnest desires to do you good, though perhaps not sufficiently furnished to advise you.

Ath. I must tell it or Burst;

Here he gave him the whole Story of his going to his friend's Chamber, in order to take him with him to the wicked Club they had kept, and how he had met him at the Door, and said the same Words to him, that the Student had repeated, and when he had done, says he to his Friend;

and who now do you think must dictate the same Words to *him*, and afterwards to *you*, to say to me on the same occasion.

Stud. Who do I think! Nay, who do you think?

Ath. Who! The Devil, if there is a Devil.

Stud. Why, do you think the Devil preaches repentance!

*He stands Stock still, and says not a Word,
which the other perceiving, goes on.*

Pray think seriously, for I see it does a little touch your Reason; is it likely the Devil should bid either of us, or both of us, *intreat you to repent*? Is it the Devil think you, that would pronounce the Certainty of the great Truth I speak of? Is it his Business to convince you that *there is a God*?

Ath. That's very true.

Stud. One Thing however, I'll say in Satan's Behalf; *and that is*, that he never came up to your height of sinning. The Devil has frequently set up himself, and persuaded poor deluded People to worship him as a God; but to *do him Justice*, he never had the Impudence to deny the Being of a God; that's a Sin purely Human, and even among Men very Modern too, the Invention of witty Men, *as they call themselves*; a way they

укрепят ваше убеждение, если Его Провидение должно было отправить вас к сей двери именно в эту минуту, чтобы получить указание по этому поводу.

Ат. Во всем, что со мной сегодня произошло, есть что-то необычное!

Студ. Если бы вы немного поговорили, я мог бы сказать и больше. Но вы прекрасно знаете: я не могу даже предположить, что вы имеете в виду.

Ат. Не задавайте мне больше вопросов, должен существовать или БОГ, или ДЬЯВОЛ.

(Он выглядит потрясенным и изумленным.)

Студ. Дорогой друг, существуют и тот, и другой, будьте уверены, но я умоляю вас успокоиться и принять осуждение не с ужасом, но с утешением и надеждой.

Ат. Тот или иной из них был заинтересован в том, что случилось со мной сегодня. Для меня это был странный день.

Студ. Если сие относится только к этим вещам, возможно, вам будет полезно узнать подробности, по крайней мере, это может дать какой-то выход гнетущим мыслям, под влиянием которых вы, кажется, находитесь; вы не можете открыть свой ум Единому, искренне стремящемуся сделать вам добро, хотя, пожалуйста, и самым подходящим образом дать вам совет.

Ат. Я должен сказать это, или меня разорвет на части:

(Здесь он поведал ему всю историю о том, как он пошел к своему другу, чтобы взять его с собой в нечестивый клуб, который они содержали, и как он встретил того у двери, и [тот] произнес ему те же самые слова, что повторил студент, а, закончив, сказал своему другу:)

И кто теперь, по-вашему, должен был продиктовать те же слова ему, а потом и вам, чтобы сказать мне их по тому же поводу?

Студ. Кого я имел в виду! А кого имели в виду вы?

Ат. Кого? Дьявола, если он существует.

Студ. Неужели вы думаете, что дьявол проповедует покаяние?

(Он стоит неподвижно и не произносит ни слова, другой, заметив это, продолжает.)

Пожалуйста, подумайте серьезно, ибо я вижу, что это несколько затронуло ваш разум. Неужели дьявол должен кого-нибудь из нас или нас обоих умолять покаяться? Думаете ли вы, что именно нечистый провозглашает уверенность в великой истине, о которой я говорю? Разве его дело – убеждать вас, что Бог есть?

Ат. Совершенно верно.

Студ. Однако одно я скажу от имени Сатаны. А именно – что он никогда не доходил до степени вашего греха. Дьявол часто выдавал себя за Бога и убеждал бедных обманутых людей поклоняться ему как Богу. Но, надо отдать ему должное, он никогда не имел наглости отрицать существование Господа. Это грех чисто человеческий, и даже среди весьма современных разумных людей, как они себя

have lately found out to cherish superlative wickedness, and flatter themselves, that they shall have no audit of their accounts in a future state; of whom it may indeed be said in that Particular, they have outsinned the Devil.

Ath. Indeed I think we have.

Stud. I wish you would consider a little farther of it.

Ath. What can Men consider that have gone that Length?

Stud. Yes, yes, remember what St. *Peter* said to *Simon* the sorcerer.

Ath. What was that?

Stud. Read Acts VIII. 22; “*Repent therefore of this thy Wickedness, and pray God, if perhaps the thought of thine Heart may be forgiven thee*”.

Ath. No, No, the last of your Verses is against me there most directly.

It’s all TOO LATE now my Mistakes appear.

Stud. No, no, Remember what you said, that it must be a God or a Devil.

Ath. What is that to the Purpose?

Stud. Why you seemed satisfied, that it could not be from the Devil.

Ath. But what the better am I for that, if the other is my Enemy?

Stud. Much the better if it was from God, if the Words you heard were from God, and that two unconcerted Persons so eminently concurred in speaking to you, you cannot believe God would bid you REPENT, if it was too late, or if he were your irreconcilable Enemy; on the contrary, if you believe it to be the voice of his Providence, you ought to listen to and obey it.

Ath. You have a strange Power of Persuasion, there’s no resisting your Argument.

Stud. It is not in me to persuade, but Heaven may make use of me to convince.

Ath. To convince is to persuade; I am convinced that I have been a dreadful Wretch.

Stud. I am persuaded you were convinced of that before.

Ath. I cannot deny but my Heart always struck me – a kind of chill Horror ran through my veins, when I have uttered the blasphemous Opinions that I have been drawn into, my very blood stagnated at the Thought of it, and I look back on it with astonishment.

Stud. I tell you, I felt a tremor even in your flesh, when you read the word, a God, a Heaven, a Hell.

Ath. I confess to you my very Heart sunk within me at the Words *who can tell*; my Soul answered that I could tell myself, that it both is, and must be so.

Stud. Conscience is a faithful and never-failing evidence in his Maker’s behalf.

Ath. It is a very terrible evidence against me, and where will it end?

Stud. I hope it will end where it began, I mean in a heavenly call to you to repentance.

называют. Способ, которым они в последнее время научились делять превосходную степень бесчестия и льстить себе тем, что их деяния не будут проверять по ту сторону; о тех действительно можно сказать в этом конкретном случае, что они превзошли дьявола.

Ат. Конечно, думаю, что да.

Студ. Я бы хотел, чтобы вы проанализировали это немного глубже.

Ат. Неужели люди могут рассматривать [этот вопрос] еще глубже?

Студ. Да-да, вспомните, что сказал святой *Петр Симону Волхву*.

Ат. Что?

Студ. Прочитайте Деяния (8 : 22): *Итак, покайся в сем грехе твоём и молись Богу: может быть, опустится тебе помысел сердца твоего.*

Ат. Нет, нет, последний из ваших стихов против меня был более четким.

Будет СЛИШКОМ ПОЗДНО, когда выявятся мои ошибки.

Студ. Нет, нет, вспомните, что вы сказали – что это должен быть Бог или дьявол.

Ат. Какое это имеет значение?

Студ. Неужели вы удовлетворены тем, что это не может быть от дьявола?

Ат. Но чем я лучше оттого, что другой – мой враг?

Студ. Было бы намного лучше, если бы это было от Бога, если бы слова, которые вы слышали, были от Бога, и то, что два не связанных друг с другом человека столь выдающимся образом сошлись в разговоре с вами, не заставляет вас поверить, что Бог повелел бы вам ПОКАЯТЬСЯ, если бы было не слишком поздно или если бы Он был вашим непримиримым врагом; напротив, если вы верите, что это голос Его Провидения, вы должны внимать ему и повиноваться.

Ат. У вас необычайная сила убеждения, против вашего аргумента не устоять.

Студ. Не в моей власти убеждать, но Небеса могут использовать меня для такого уверения.

Ат. Уверять – значит убеждать. Я убежден, что был ужасным негодяем.

Студ. Я уверен, что вы были убеждены в этом и раньше.

Ат. Не могу отрицать, но мое сердце всегда охватывал какой-то холодный ужас, [он] пробежал по моим венам, когда я вовлекался в кошунственные рассуждения, и [сейчас] моя кровь застыла при мысли об этом, и я взираю на сие с изумлением.

Студ. Говорю вам, я даже почувствовал дрожь в вашем теле, когда вы читали слова «Бог», «рай», «ад».

Ат. Как на духу признаюсь вам: мое сердце ушло в пятки от этих слов; моя душа ответила мне, что оба они существуют, и так должно быть.

Студ. Совесть есть верное и неизменное свидетельство в пользу [существования] Создателя.

Ат. Сие есть весьма ужасное свидетельство против меня, и когда это прекратится?

Студ. Надеюсь, что все закончится там же, где и началось, я имею в виду обращенный к вам призыв Небес покаяться.

Ath. That is not always the consequence of conviction.

Stud. You must therefore distinguish again of what proceeds from Heaven, what from Hell, the Voice of God, and the Voice of the Devil; the first calls upon you to repent, the last prompts you to despair.

Ath. Despair seems to be the natural Consequence of denying God; for it shuts out the Power that can alone restore the Mind.

Stud. The greater is that Love which refuses to be shut out, that sends such a heavenly Summons to you to repent, and in so eminent a Manner; it is not your having been an Enemy, a Blasphemer, a Denyer of God; *Peter* denied Christ three Times, nay, the third Time he even abjured him, and yet *mark the Words*, The Lord looked on him, and immediately he repented.

Ath. My Case is worse than *Peter's*.

Stud. And yet you see you are called on to repent.

Ath. I think you are called to make me repent, there's no answering you.

Stud. *Amen*; may I have the Blessing of being an Instrument to so good a Work, there seems to be something extraordinary in it all.

Ath. It's all a Surprise to me, how came I hither!

Stud. Nay, how came I hither? – How came this Book here? Who writ the Lines in the Frontispiece? How came I to read them? – It is all a Dream to me!

Ath. How came you to think of me upon the reading them? And how came I here just at the *Moment, and out of my way too!

* *He lifts up his Hands and cries out, There is a God; certainly there is;
I am convinced of it; it must be so.*

Stud. Nothing more certain; nor is there any Doubt but all these Things are of him.

Ath. But there are yet greater Things behind, I wish you would go with me to my Friend Mr.——'s chamber, I am persuaded something yet more extraordinary must have befallen him.

Stud. With all my Heart!

! *They both go to the first Gentleman's Chamber, and found him at Home
very much out of Order, but willing enough to discourse with them.*

Ath. Well, *Friend of mine*, I hope you are better disposed to your Friends than when I saw you last.

Gent. Truly when I saw you last, I was disposed of by the Devil, and so I doubt was you; I hope I shall never come into that horrid Place again.

Ath. What horrid Place?

Gent. You know where I mean, I tremble at the very Thoughts of the Place, and much more of the Company; I wish I could prevail upon you to come no more among them too; I assure you if I know myself, and if God would assist me to do it, I would much rather go to a Stake to be burnt.

Ат. Это не всегда следствие осуждения.

Студ. Поэтому вы должны снова [научиться] различать, что исходит с Небес, а что – из ада, где глас Божий и где голос дьявола. Первый призывает вас к покаянию, второй ведет к отчаянию.

Ат. Отчаяние кажется естественным следствием отрицания Господа. Ибо оно исключает власть – единственное, что может восстановить разум.

Студ. Чем больше та любовь, которая преодолевает препятствия и расцветает, тем более возвышенным является небесный призыв к вам покаяться, невзирая на то, что вы были врагом, богохульником, отрицающим Бога. *Петр* трижды отрекся от Христа, да, даже в третий раз он отрекся от Него, и, тем не менее, *запомните слова:* «Господь взглянул на него, и тотчас же раскаялся он»⁹¹.

Ат. Мой случай хуже, нежели случай *Петра*.

Студ. И все же вы видите, что вы призваны к покаянию.

Ат. Я думаю, вы призваны заставить меня покаяться, что вам не пристало.

Студ. Аминь. Да будет мне благословение быть инструментом для столь благого занятия, во всем этом, кажется, есть что-то необыкновенное.

Ат. Все это полная неожиданность для меня [с того момента], как я оказался здесь!

Студ. Да, [действительно], как я попал сюда? Как эта книга попала сюда? Кто написал строки на фронтисписе? Как вышло, что я их прочел? Для меня все это сон!

Ат. Как вышло, что вы подумали обо мне, читая их? И как я попал сюда именно сейчас, да еще и оказался здесь случайно?

(Он воздевает руки и восклицает: «Бог есть, несомненно, есть; я в этом убежден; так и должно быть».)

Студ. Все предопределено. И нет никакого сомнения, что все сие от – Него.

Ат. Но есть [нечто] еще более важное: я хотел бы, чтобы вы пошли со мной к моему другу мистеру [такому-то], я убежден, что с ним должно было случиться что-то еще более необычайное.

Студ. Со всей душой.

(Они оба идут к первому джентльмену и застают его дома очень расстроенным, но вполне готовым поговорить с ними.)

Ат. Что ж, мой друг, надеюсь, что вы стали лучше относиться к своим друзьям, нежели когда я видел вас в последний раз.

Джент. Воистину, когда я видел вас в последний раз, нечистый распоряжался мной, как и вами, и я сомневался, что это были вы; надеюсь, я больше никогда не попаду в это ужасное место.

Ат. Что за ужасное место?

Джент. Вы знаете, что я имею в виду, я дрожу при мысли о нем, и гораздо больше – при мысли о [той] компании. Хотел бы я убедить вас в том, чтобы и вы более не появлялись среди них. Уверяю вас, если я правильно понимаю, и если Бог поможет мне сделать это, я скорее пойду на костер, чтобы меня сожгли, [нежели вернусь в нечестивую компанию].

Stud. I rejoice in such an Alteration, Sir, upon you, I hope our Friend here is of the same Mind, long may it continue in you both.

Ath. Well, pray tell us something of the Occasion of this happy Alteration; for it will seem still more strange, how you came to be instrumental to my Change, if I know nothing of the Means that brought about your own.

Gent. Mine! I assure you, it was all from Heaven: Not the Light that shone about *St. Paul*, was more immediately from Heaven, than the Stroke that touched my Soul; it is true, I had no Voice without, but a Voice has spoken (I hope) effectually to my Understanding, I had Voice enough to tell me, how I was in the Hands of that Power, that Majesty, that GOD, whom I had wickedly, and with a Hardness not to be expressed, disowned and denied.

Stud. Pray Sir, if you care to have it known, give us some account of the Particulars of this wonderful thing.

Gent. Sir, I shall do it* freely, I think I ought not to conceal it.

Here he gives an Account of the Surprise he was in by the Lightning, how he was stopped in his Way to his wicked Company, and went back to his Chamber.

Ath. Well, now I will no more wonder at the Salutation you gave me, when I came to call you, but thank you for it.

Gent. What Salutation?

Ath. Why, when I was at your Chamber about two Hours ago.

Gent. You at my Chamber!

Ath. Nay, you need not conceal it, for I have told our Friend here all the Story.

Gent. I know nothing of what you talk of, much less what you mean.

Ath. Nay, what need you go about to conceal it? I tell you I do not take it ill, I hope I may have Reason to be thankful for what you said to me, and look upon it as spoken from Heaven; for I assure you, it has been an Introduction to that Light in my Thoughts, which I hope shall never be extinguished.

Gent. Dear Friend, as I believe you are serious, so I hope you believe I am so; I profess I know nothing of all you talk about.

Ath. Why, was I not at your Door this Afternoon, a little after the great shower of rain?

Gent. Not that I know of.

Ath. Why, did not I knock at your Chamber Door, and you come to the Door yourself and speak to me?

Gent. Not today, I am very sure of it.

Ath. Am I awake? Are you Mr.—— am I sure we are all alive, and know what we are saying, and to who?

Студ. Сэр, я радуюсь такой в вас перемене, надеюсь, что наш друг того же мнения, и пусть сие [духовное возрождение] продолжится в вас обоих.

Ат. Умоляю, расскажите нам что-нибудь о причине сего счастливого преобразования. Ибо еще более странным кажется [то], как именно вы стали инструментом моей метаморфозы, поскольку я ничего не знаю о причинах, что привели к вашей собственной [перемене].

Джент. Боже! Уверяю вас, все сие было с Небес: и не свет, что воссиял над святым Павлом⁹² – этот свет был непосредственно с Небес, но удар, поразивший меня до глубины души. Это правда, что я не слышал голоса, но он говорил ясно для моего понимания, и этого было достаточно, дабы сказать мне, насколько я был под властью величия Бога, которого я нечестиво и с упорством, которое нельзя даже выразить, отвергал и отрицал.

Студ. Умоляю, сэр, если хотите, откройтесь, расскажите нам о подробностях этого чудесного дела.

Джент. Сударь, я расскажу это открыто, считаю, что я не должен ничего скрывать.

(Здесь он рассказывает о неожиданном ударе молнии, о том, как он был остановлен на пути к своей нечестивой компании и вернулся в свою комнату.)

Ат. Что ж, теперь я более не буду удивляться вашему приветствию [обращенному ко мне], когда я пришел позвать вас, но спасибо вам за это.

Джент. Какое приветствие?

Ат. Да когда я приходил к вам около двух часов назад.

Джент. Вы приходили ко мне!

Ат. Да, вам не нужно скрывать этого, потому что я рассказал нашему другу всю историю.

Джент. Я ничего не знаю о том, о чем вы говорите, и тем более о том, что вы имеете в виду.

Ат. Нет, зачем вам это скрывать? Говорю вам, я не обижаюсь на это, надеюсь, что у меня есть причина быть благодарным за то, что вы сказали мне, и смотрю я на это, как на глас Небес. Ибо, уверяю вас, это было началом того просветления в моего разума, которое, я надеюсь, никогда не погаснет.

Джент. Дорогой друг, как верую, что вы серьезны, так и надеюсь, что вы верите, что я такой же. Я заявляю, что ничего не знаю обо всем, о чем вы говорите.

Ат. Разве я не был у вашей двери сегодня в полдень, вскоре после сильного ливня?

Джент. Нет, насколько мне известно.

Ат. Разве я не стучал в вашу дверь, а вы сами не подходили к двери и не говорили со мной?

Джент. Не сегодня, я в этом совершенно уверен.

Ат. Я бодрствую?! Вы мистер [такой-то]? Уверен ли я, что все мы живы и знаем, что говорим и кому?

Gent. I beseech you unriddle yourself, for I am surprised.

Ath. Why, about three a Clock this Afternoon I came to this Chamber-Door; I knocked; you came and opened the Door; I began to speak, you interrupted me, and

---

Here he repeats the Passage at large, and his own Thoughts, and Resentment as before.

Gent. Depend upon it, it was some Voice from Heaven, it was nothing of mine; I have not been at the Door since two of the Clock, when I came first in, but have been on the Bed or in my Study ever since, wholly taken up with my own Thoughts, and very much indisposed.

The young man turns pale, and falls into a swoon.

There was a great deal more belonging to this Story, but 'tis too long for the present Purpose, I have related this Part on several Accounts, and it hits the Purpose I am upon many Ways.

1. Here is a visible Evidence of God, and of his Being and Nature fix'd so in the Mind, that not the most hardn'd Atheist can deny it, Nature recoils at every Endeavour to suppress it, and the very Pulsation of his Blood shall discover and acknowledge it.

2. Yet even in this, we see how the Power of Imagination may be work'd up, by the secret Agency of an unknown Hand, how many Things concurr'd to make this Man believe he had seen an Apparition, and heard a Voice, and yet there was nothing in it but the Voice of a Man unseen and mistaken; the young Man was so surprised at his Friends declaring that he knew nothing of his coming there, that he concluded it had been all a Vision or Apparition that opened the Door, and that it was a Voice that had spoken to him, of what Kind he knew not; and the Reflection upon this surprised him so much as threw him into a Swound, and yet here was neither Vision or Voice, but that of an ordinary Person, and one who meant well, and said well.

It is not to be doubted, but that many an Apparition related with a great deal of Certainty in the World, and of which good Ends have follow'd has been no more than such a serious Mistake as this.

But before I leave it, let me observe, that this should not at all hinder us from making a very good Use of such Things; for many a Voice may be directed from Heaven, that is not immediately spoken from thence; as when the Children cried Hosannah to our Saviour, they fulfilled the Scripture, which said out of the Mouths of Babes and Sucklings thou hast ordain'd Praise; so doubtless he that made all Things and created all Things; may appoint Instruction to be given by fortuitous Accidents, and may direct concurring Circumstances to touch and affect the Mind as much, and as effectually, as if they had been immediate and miraculous.

Джент. Умоляю вас объясниться, ибо я удивлен.

Ат. Что ж, около трех часов дня я подошел к двери этой комнаты; постучал; вы подошли и открыли дверь; я начал говорить, вы меня перебили, и —

(Здесь он повторяет отрывок полностью, описывая свои собственные мысли и свое неудовольствие, как и прежде.)

Джент. Не сомневайтесь, это был некий глас с Небес. Я не был у двери с двух часов, когда вошел, а с тех пор сижу на кровати или в своем кабинете, всецело поглощенный своими мыслями и весьма расстроенный.

(Молодой человек бледнеет и падает в обморок.)

В этой истории было многое другое, но она слишком длинна для моей цели, я поведал лишь часть ее в нескольких рассказах, и она затрагивает цель, преследуемую мной, во многих отношениях.

(1) Это видимое свидетельство о Боге, Его Бытии и Природе, запечатленное в разуме настолько, что даже самый закоренелый атеист не может этого отрицать, природа содрогается при каждой попытке его подавить, и каждая пульсация крови подтверждает это.

(2) Тем не менее, даже здесь мы видим, как сила воображения может быть приведена в действие скрытым посредничеством неведомой руки. Как же много вещей сошлось, дабы заставить этого человека поверить, что он видел привидение и слышал голос, а на самом деле тут не было ничего, кроме голоса незрячего и заблуждающегося человека. Молодой человек был настолько удивлен заявлением своих друзей, он ничего не знал о его [атеиста] приходе туда и пришел к выводу, что все это было видением или привидением, открывшим дверь, и что это был голос, неведомого ему рода беседовавший с ним. И размышление об этом столь удивило его, что повергло в обморок, и все же это было не видение, не голос, но обыкновенный человек, тот, кто имел добрые намерения и добрые слова.

Не подлежит сомнению, что многие явления, о которых в мире рассказывали с большой долей уверенности и из которых следовали благие цели, были не более чем серьезной ошибкой подобного рода.

Но прежде, чем я оставляю сие [повествование], позвольте мне заметить, что это никоим образом не должно мешать нам использовать такие моменты во благо. Ибо многие голоса могут быть направлены с Небес, но не произносятся непосредственно оттуда. [Например,] когда дети восклицали «Осанна»⁹³ нашему Спасителю, они исполняли [пророчество] Писания, которое гласит: «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу»⁹⁴. Так, несомненно, тот, кто создал все и сотворил все, может назначить предписания, что будут даны по случайным обстоятельствам, и может направить соответствующие обстоятельства, дабы затронуть ум и воздействовать на него так сильно, как если бы они были немедленными и чудесными.

Thus was the two Persons happening to say the same Words to the Atheist, the strange reading of those Lines, when the Person came into the Bookseller's Shop, the incident of his running into the Shop for Shelter, and many the like Things of the same Nature, and order'd in the same Mannner as the Cock crowing when *Peter* denied Christ, which though wonderfully concurrent with what his blessed Master had foretold, yet was no extraordinary Thing in a Cock, who naturally crows, at such a Time of the Morning.

In a Word, all these Things serve to convince us of a great Super-intendency of Divine Providence in the minutest Affairs of this World, of a manifest Existence of the invisible World, of the Reality of Spirits, and of the Intelligence between us and them. I hope I have said nothing of it to mis-guide any Body, or to assist them to delude themselves, having spoken of it with the utmost Seriousness in my Design, and with a sincere Desire for a general Good.

F I N I S

Таким образом, случилось так, что два человека сказали атеисту одни и те же слова; странное совпадение призыва к покаянию, когда человек вошел в лавку книготорговца, случай, что он наткнулся на лавку в поисках приюта, [чтобы спрятаться от дождя], и многие другие подобные совпадения подобны петушиному крику после троекратного отречения *Петра* [от Христа]⁹⁵, что, хоть и согласовывается чудесным образом с тем, что предсказал его благословенный Учитель, тем не менее, в этом не было ничего необычного, ведь петух естественным образом пробуждается в этот утренний час.

Словом, все это служит для того, чтобы убедить нас в великом сверхнамерении Божественного Провидения в мельчайших делах сего мира, в явном существовании незримого мира, в реальности духов и в [возможности] общения между нами и ними. Надеюсь, я не сказал ничего такого, что введет кого-либо в заблуждение или будет этому способствовать, рассуждая об этом с предельной серьезностью и с искренним стремлением к всеобщему благу.

К О Н Е Ц

КОММЕНТАРИИ

К ВВЕДЕНИЮ

¹The Defoe Society : [website]. URL: <https://www.defoesociety.org/> (accessed: 15.07.2019).

²См. также: Crusoe at 300: Adaptations, Afterlives & Futures / Centre for Eighteenth Century Studies. University of York : [website]. URL: <https://www.york.ac.uk/eighteenth-century-studies/events/all/events-archive/2019/crusoeat300/> (accessed: 15.07.2019); Robinson Crusoe after 300 Years (Transits: Literature, Thought & Culture, 1650–1850) / eds. A. K. E. Mueller, G. Ridley. Bucknell Univ. Press, 2021.

³Выставка к 360-летию со дня рождения Даниеля Дефо // РНБ : [сайт]. URL: https://nlr.ru/nlr_visit/RA3282/Vystavka-Daniel-Defo (дата обращения: 17.11.2022).

⁴*Defoe D. Serious Reflections during the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe.* L., 1720.

⁵См.: The Library of Congress : [website]. URL: <https://www.loc.gov/books/?q=Robinson+Crusoe> (accessed: 15.08.2020).

⁶Наиболее известная детская адаптация на русский язык была сделана К. И. Чуковским в первой трети XX в.

⁷См., например: *Кутзее Д. М. Мистер Фо, или Любовь и смерть Робинзона Крузо.* М., 2004; *Турнье М. Пятница, или Дикая жизнь.* М., 2003. Помимо непосредственных экранизаций «Робинзона Крузо», существует ряд фильмов, снятых в жанре робинзонады: это «Робинзон Крузо на Марсе» (1964), «Голубая лагуна» (1980), «Изгой» (2000) и др.

⁸*Defoe D. The Life and Strange Suprizing Adventures of Robinson Crusoe.* L., 1719.

⁹См. об этом: *Высокова В. В. К 300-летию «Робинзона Крузо» Д. Дефо: к истории переводов и публикации романа на русский язык // Британия: история, культура, образование : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф. Ярославль, 2018. С. 471–478.*

¹⁰*Defoe D. The Farther Adventures of Robinson Crusoe.* L., 1719.

¹¹См. об этом: *Furbank P. N., Owens W. R. A Critical Bibliography of Daniel Defoe.* L., 1998. P. 32.

¹²Введение к гл. 1 «Серьезных размышлений».

¹³См., например: *Атарова К. Н. Секреты простоты // Дефо Д. Робинзон Крузо.* М., 1990; *Громова И. А. Среда и личность в романах Даниеля Дефо : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005; Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения.* М., 1966; *Мирумский И. Реализм Дефо // Реализм XVIII в. на Западе.* М., 1936; *Backscheider P. Daniel Defoe: His Life.* Baltimore, 1989; *Rogers P. Robinson Crusoe.* L., 1979 и мн. др.

¹⁴*Романчук Л. Особенности повествовательной структуры в «Робинзоне Крузо» Дефо // Литература эпохи просвещения : [сайт]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/romanchuk-osobennosti-kruzo.htm> (дата обращения: 15.07.2021).*

¹⁵См., например: *Rogers P. Defoe: The Critical Heritage.* L., 1972. P. 9–14.

¹⁶*The Life and Strange Surprizing Adventures of Robinson Crusoe. [With] The Life of Daniel Defoe / by G. Chalmers.* L., 1790. P. 16. См. также: *Baine M. R. Chalmers' First Bibliography of Daniel Defoe // Texas Studies in Literature and Language.* 1969. Winter. Vol. 10, № 4. P. 547–568.

¹⁷*Chalmers G. The Life of Daniel Defoe / The Novels and Miscellaneous Works of Daniel De Foe : 20 vols. Oxford, 1841. Vol. 12. P. 99.*

¹⁸*Furbank P. N., Owens W. R. A Critical Bibliography of Daniel Defoe.* L. ; Brookfield, Vt., 1998.

¹⁹См. об этом: *Defoe D. The history of the union between England and Scotland.* L., 1786. P. 16; *Marshall A. Fabricating Defoes: From Anonymous Hack to Master of Fictions // Eighteenth-Century Life.* 2012. Vol. 36. № 2. P. 4.

- ²⁰Leslie S. The History of English Thought in the Eighteenth Century. Cambridge, 1876.
- ²¹Defoe, Daniel (1661?–1731) // Dictionary of National Biography (DNB) : 60 vols. / ed. S. Leslie. Vol. 14. L., 1885. P. 280–293.
- ²²Dictionary of National Biography. P. 289.
- ²³Minto W. Daniel Defoe. N. Y., 1901. P. 171.
- ²⁴См., например: Moore J. R. Checklist of the writings of Daniel Defoe. 2nd ed. [Hamden, Conn.], 1971.
- ²⁵Moore J. R. Daniel Defoe: citizen of the modern world. Chicago, 1958. P. 148–149.
- ²⁶The Letters of Daniel Defoe / ed. G. H. Healey. Oxford, 1955.
- ²⁷Backscheider P. Daniel Defoe: Ambition and Innovation, Lexington, 1986; Backscheider P. Daniel Defoe: His Life.
- ²⁸Furbank P. N., Owens W. R. A Critical Bibliography of Daniel Defoe. L., 1998; Defoe D. Satire, Fantasy and Writings on the Supernatural : 8 vols. L., 2003–2005; The Political and Economic Writings of Daniel Defoe : 8 vols. L., 2000; The Religious and Didactic Writings of Daniel Defoe : 10 vols. London, 2006–2007; Writings on Travel, Discovery and History by Daniel Defoe : 8 vols. L., 2001–2002; Defoe's Review : 9 two-part vols. L., 2003–2011.
- ²⁹Furbank P. N. Defoe de-attributions: Critique of J. R. Moore's Checklist // Hardcover. Aug. 2, 2003.
- ³⁰Defoe D. Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: With his Vision of the Angelick World (1720) // The Novels of Daniel Defoe : 63 vols. / eds. W. R. Owens, P. N. Furbank. L., 2008. Vol. 3.
- ³¹Starr G. A. Defoe & Spiritual Autobiography. Princeton, 1965; Starr G. A. Defoe & Casuistry. Princeton, 1971; Christianity Not As Old as the Creation : The Last of Defoe's Performances / ed. G. A. Starr, 2012.
- ³²Novak M. Economics and the Fiction of Daniel Defoe. Berkeley, 1962; Novak M. Defoe and the Nature of Man. L., 1963; Novak M. Realism, Myth and History in Defoe's Fiction. Univ. of Nebraska Press, 1983; Novak M. Daniel Defoe Master of Fiction. Oxford, 2001; Novak M. Transformations in Robinson Crusoe and Defoe's Other Narratives: Finding the Thing Itself. Univ. of Delaware Press, 2014.
- ³³Novak M. Imaginary Voyages in Serious Reflections and A Vision of the Angelick World // Illinois State University : [website]. URL: <https://english.illinoisstate.edu/digitaldefoe/features/novak13.pdf> (accessed: 15.08.2021).
- ³⁴Переписка между участниками проекта хранится в Библиотеке Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. См.: William Andrews Clark Memorial Library. Maximillian E. Novak Papers on the Stoke Newington Daniel Defoe Edition. MS.2015.006.
- ³⁵The Complete Adventures of Robinson Crusoe : 3 vols. Bucknell Univ. Press, 2022.
- ³⁶Novak M. Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Works. Oxford, 2003. P. 8–9.
- ³⁷Каменский А. В. Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо»: его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892.
- ³⁸Аникст А. А. Даниэль Дефо: очерк жизни и творчества. М., 1957; Кагарлицкий Ю. И. Дефо // Крат. лит. энцикл. : в 9 т. / гл. ред. А. А. Суркова. М., 1962–1978. Т. 2. С. 622–625; Урнов Д. М. Дефо. М., 1978; Нерсесова М. Даниэль Дефо. М., 1960.
- ³⁹Англия в памфлете. Английская публицистическая проза XVIII в. М., 1987. С. 525.
- ⁴⁰Там же. С. 37–40.
- ⁴¹Там же. С. 82–87.
- ⁴²Там же. С. 187–202, 348–386, 389–398, 399–409.
- ⁴³Отечество карикатуры и пародии. Английская сатирическая проза XVIII века / сост., пер. с англ. А. Ливерганта. М., 2009. С. 774.
- ⁴⁴См.: Елистратова А. А. Последний роман Дефо // Дефо Д. Счастливая куртизанка, или Роксана. М., 1974; Ее же. Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966.

⁴⁵Лабутина Т. Л. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012; Лабутина Т. Л., Ковалев М. А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения. М., 2020.

⁴⁶Эрлихсон И. М. Джон Шеппард и анатомия преступления в поздней публицистике Д. Дефо // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 72–85; *Ее же*. Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725) // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, № 4. С. 526–534; Васильева С. А., Эрлихсон И. М. Преступление и наказание в английской общественной мысли XVIII века : очерки интеллектуальной истории. СПб., 2020.

⁴⁷Первая их дочь умерла в 1688 г. Между этим временем и крещением последней дочери Софии в 1701 г. в семье родилось еще семеро детей: пять дочерей – Мэри, Ханна, Генриетта, Сара и София и два сына – Даниэль и Бенджамин. См. об этом: Novak M. E. Daniel Defoe: Master of Fictions : His Life and Works. P. 58, 130.

⁴⁸Defoe D. The anatomy of Exchange-Alley: or, a system of stock-jobbing. L., 1719. P. 8.

⁴⁹Defoe D. An Appeal to Honour and Justice, Though It Be of His Worst Enemies. L., 1715. P. 5.

⁵⁰Триумф Дефо у позорного столба / Лабутина Т. Л., Ковалев М. А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения. М., 2020. С. 63–133.

⁵¹«Я на царском возвышенном пути, на пути к святости. Дай мне дорогу!». См.: Беньян Дж. Путешествие пилигрима в Небесную страну / пер. Ю. Засецкой. М., 2021. Гл. 9. Аполлон. С. 55.

⁵²Гринфельд А. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 54.

⁵³Hill C. The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution. Allen Lane, 1993. P. 413.

⁵⁴Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966. С. 113.

⁵⁵Высокова В. В. Спор о «древних» и «новых» и становление историзма в британской историографии XVIII в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 110–122.

⁵⁶Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the AirPump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors). Princeton, 2011.

⁵⁷Свифт Дж. Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-джеймской библиотеке // Свифт Дж. Памфлеты / пер. с англ. под ред. М. П. Алексеева и Е. И. Клименко ; прим. Ю. Д. Левина и М. А. Шерешевской. М., 1955. С. 9–19; How Martin became a Great Critic // Memoirs of Martin Scriblerus / ed. Ch. Kerby-Miller. N. Haven, 1950. P. 129; Sir William Temple's essays Essays On Ancient & Modern Learning and On Poetry. Oxford, 1909; Swift J. A Full and true account of the battle // The Works of Jonatan Swift. L., 1784. Vol. 1. P. 391–433; Temple W. Miscellanea. The Third Part. L., 1701. P. 256; Fontenelle B. de. Digression sur les Anciens et les Modernes. Paris, 1688.

⁵⁸Bently R. Dissertations upon the epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. C. Boyly. L., 1697; Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning. L., 1694.

⁵⁹Bastian F. Daniel Defoe and the Dorking District. Surrey Archaeological Collections // Surrey Archaeological Society. 1967. Vol. 55. P. 41–64.

⁶⁰Girdler L. Defoe's Education at Newington Green Academy // Studies in Philology. 1953. Vol. 50, № 4. P. 574.

⁶¹Defoe, Daniel (1661?–1731) // Dictionary of National Biography (DNB). Vol. 14. P. 281.

⁶²Novak M. E. Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Works. P. 34.

⁶³Trent W. P. Defoe – How to Know Him. Indianapolis, 1916. P. 4–5.

⁶⁴Defoe D. The complete English tradesman, in familiar letters : [25 vols.] L., 1726. Vol. 1. P. 218–220.

⁶⁵Novak M. E. Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Works. P. 34.

- ⁶⁶Джон Уилмот, граф Рочестер. Стихотворения. Письма / пер. А. В. Лукьянова. 2014.
- ⁶⁷Burnet G. Some Passages in the Life and Death of the Right Honorable John, Earl of Rochester. L., 1680.
- ⁶⁸Foxon D. F. Defoe: A Specimen of a Catalogue of English Verse, 1701–1750 // The Library. 5th ser. Vol. 20. 1965. P. 277–297.
- ⁶⁹Kelly J. Defoe's Library // The Library. 2002. Vol. 3, № 3. P. 286.
- ⁷⁰Defoe's Library // The Athenæum. № 3527. 1895. June 1. P. 706–707.
- ⁷¹Алексеев М. П. «Робинзон Крузо» в русских переводах // Международные связи русской литературы. М. ; Л., 1963. С. 86.
- ⁷²Де-Фое. Жизнь и приключения Робинзона Круза, природного англичанина. СПб., 1762–1764.
- ⁷³Робинзон Крузо и его интересные приключения, описанные им самим : в 2 т. : с 200-ми рисунков Гранвиля, гравированных на камне и отпечатанных в два тона : новый перевод с французского. М., 1869–1870.
- ⁷⁴См., например: Сокращенный Робинзон Крузо : [По Даниэлю Дефо] / пер. с нем. СПб., 1853; Жизнь и приключения Робинзона Крузо / соч. Даниеля де Фоз ; пер. с нем. И. А. Петрова. Одесса, 1873.
- ⁷⁵Жизнь и приключения Робинсона Крузо, описанная им самим : в 2 ч. / соч. Д. Дефо ; новый пер. с англ. П. А. Корсакова. СПб., 1842–1843.
- ⁷⁶См.: Чуковский К. И. Текстуальная точность / Чуковский К. И. Искусство перевода. М. ; Л., 1936. С. 96–108.
- ⁷⁷Де Фо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинсона Крузо, иоркского моряка, рассказанные им самим (роман, пер. П. Канчаловского). М., 1888; Де Фо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинсона Крузо, иоркского моряка, рассказанные им самим. Ч. 2. Кругосветное путешествие (роман, пер. П. Канчаловского). М., 1889.
- ⁷⁸Урнов Д. М. Дефо. М., 1978. С. 231.
- ⁷⁹Робинзон Крузо, Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо / пересказал К. Чуковский. М., 1935.
- ⁸⁰Робинзон Крузо : Удивит. приключения, рассказ. им самим / полн. пер. Л. А. Мурахиной ; под ред. Н. В. Тулупова. 5-е изд. М., 1913.
- ⁸¹Робинзон Крузо : Его жизнь и удивительные приключения : в 2 ч. / пер. с англ. М. А. Шишмаревой, З. Н. Журавской. 3-е изд. (без перемен). СПб., 1914.
- ⁸²Дефо Д. Робинзон Крузо : [в. 2 т.] / пер. с англ. М. А. Шишмаревой, З. Н. Журавской ; под ред. А. Франковского ; с предисл. Д. Мирского. Л. ; М., 1934.
- ⁸³Дефо Д. Робинзон Крузо / пер. М. А. Шишмарева, К. Атаровой. М., 1991.
- ⁸⁴Кутзее Д. М. Мистер Фо, или Любовь и Смерть Робинзона Крузо.
- ⁸⁵Турнье М. Пятница, или Дикая жизнь. М., 2003.
- ⁸⁶Маликова М. Э. К описанию «филологического перевода» в 1930-е гг.: А. А. Франковский – переводчик английского романа XVIII в. // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 3. С. 10–45.
- ⁸⁷См.: Свифт Дж. Сказка бочки // Свифт Дж. Сказка бочки. Путешествия Гулливера : повесть / пер. А. Франковского. М., 1976. С. 27–150; Свифт Дж. Сказка бочки. пер. А. Франковского. М. ; Л., 1931.
- ⁸⁸См.: Rogers P. Robinson Crusoe. L., 1979. P. 7.
- ⁸⁹Gildon Ch. The Life and Strange Surprizing Adventures of Mr D– De F-, of London. L., 1720.
- ⁹⁰Rogers P. Robinson Crusoe. P. 41–47.
- ⁹¹Введение к «Серьезным размышлениям».
- ⁹²Furbank P. N., Owens W. R. A Critical Bibliography of Daniel Defoe. L., 1998. P. 189.
- ⁹³Ibid. P. 185.

⁹⁴Novak M. Imaginary Voyages in “Serious Reflections” and “A Vision of the Angelick World”. P. 34.

⁹⁵Ibid. P. 37.

⁹⁶Робинзонада получила свое развитие в таких известных современных романах, как «Повелитель мух» Уильяма Голдинга (1954), «Остров» Робера Мерля (1962), «Марсианин» Энди Вейера (2011) и др.

⁹⁷Trent W. P. Defoe – How to Know Him. P. 211–257.

⁹⁸Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо. М., 2014. С. 8.

⁹⁹Дружинина Е. С. Архетип Дон Кихота как структурообразующее начало поведенческой модели прогрессивной интеллигенции // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2012. Т. 24 (65), № 4. С. 171.

¹⁰⁰Гораций. Послания, I, 14, 13.

¹⁰¹Монтень М. Опыты : в 3 кн. / пер. А. С. Бобовича. М. ; Л., 1954. Кн. 1. С. 306.

¹⁰²См.: Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 77–582.

¹⁰³Novak M. Imaginary Voyages in “Serious Reflections” and “A Vision of the Angelick World”. P. 39.

¹⁰⁴Локк Д. Опыт о человеческом разумении. С. 280–281.

¹⁰⁵Там же. С. 313.

¹⁰⁶Высокова В. В., Дергачева А. А. Размышления Даниэля Дефо о «жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Сер.: Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. № 10. С. 29.

¹⁰⁷См.: Деррида Ж. Тварь и суверен / пер. А. Гаража. М., 2010.

¹⁰⁸«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7 : 12).

¹⁰⁹Локк Д. Опыт о человеческом разумении. С. 117.

¹¹⁰“A good life hath but few days: but good name endureth for ever” (Есс. 41 : 13): «Праведная жизнь коротка – доброе имя вечно».

¹¹¹См.: Chomsky N. Distorted Morality: America’s War on Terror? : Delivered at Harvard Univ. Febr. 2002 : [electronic resource]. URL: chromsky.info/20020202/ (accessed: 25.11.2022).

¹¹²Дробницкий О. Г. Моральная философия : избр. тр. М., 2002. С. 7.

¹¹³The Letters of Daniel Defoe / ed G. H. Healy. Oxford, 1955. P. 390.

¹¹⁴Defoe D. The Compleat English Gentleman // Religious and Didactic Writings of Daniel Defoe : 10 vols. / eds. W. R. Owens, P. N. Furbank. L., 2006. Vol. 10. P. 101.

¹¹⁵An Act to Restrain Abuses of Players [Anno 3 Jacobi I, c. 21] // The Statutes at Large: From the Magna Charta, to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain : 46 vols. L., 1761 [continued to 1807]. Vol. 4. P. 678–679.

¹¹⁶Anno Regni Jacobi Regis Angli, Scoti, Franci, & Hiberni, viz. Angli, Franci & Hiberni vicesimo primo, & Scoti quinquagesimo septimo An Act to prevent and reform profane Swearing and Cursing. [Anno 21 Jacobi I, c. 20] / The Statutes at Large: From the Magna Charta, to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain. Vol. 4. P. 761.

¹¹⁷An Act more effectually to prevent profane Cursing and Swearing [The Profane Oaths Act 1745, 19 Geo. II, c. 21] // Lex United Kingdom : [website]. URL: https://vlex.co.uk/vid/profane-oaths-act-1745-808165813 (accessed: 12.12.2021).

¹¹⁸Claydon T. William III and the Godly Revolution. Cambridge, 1996. P. 115.

¹¹⁹William and Mary, 1694: An Act for the more effectually suppressing prophane Cursing and Swearing [6 & 7 Will. & Mar., c. 11] / Statutes of the Realm : 9 vols. Ser. 1 / ed. J. Raithby. L., 1810–1825. Vol. 6. 1685–1694. P. 591–592.

¹²⁰William III, 1697–1698: An Act for the more effectual suppressing of Blasphemy and Profaneness [The Blasphemy Act 1697, 9 Will III, c. 35] / Statutes of the Realm. Vol. 7. 1695–1701. P. 409.

¹²¹Craig A. G. The Movement for the Reformation of Manners, 1688–1715. Edinburgh, 1980. P. 112.

¹²²Шпицына Ю. С. Имперское народоведение // «Культура духа» vs «культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)». М., 2022. С. 157–177.

¹²³См. об этом: Репина А. П. «Политическая арифметика» и «политическая анатомия» / «Культура духа» vs «культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)». С. 196–221; Петти В. Экономические и статистические работы : в 2 т. / пер. под ред. М. Смит. М., 1940.

¹²⁴См.: Defoe's Library.

¹²⁵Здесь надо отметить такую тонкость при переводе на русский язык прилагательных *Negative* и *Positive* по отношению к религии: они переданы в данном издании как «искреннее/неискреннее вероисповедание», где неискренняя вера равна лицемерию.

¹²⁶Defoe D. Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe with His Vision of the Angelick World. The Stoke Newington Edition / eds. M. E. Novak, I. N. Rothman, M. Schonhorn. Bucknell Univ. Press, 2022 (далее – SR. 2022). P. 583.

¹²⁷Несомненно, идеи натурфилософии, а именно – об упорядоченности вселенной и представление о человеке как части природного мира, а также о необходимости следовать универсальным его принципам, сегодня в интеллектуальном дискурсе получили заметное развитие. См.: Ямпольский М. Б. История культуры как история духа и естественная история // Новое лит. обозрение : [сайт]. 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/istoriya-kultury-kak-istoriya-duha-i-estestvennaya-istoriya.html> (дата обращения: 23.11.2020); Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambr., 1987; Klemun M. Moved Natural Objects. Spaces in Between // J. of History of Science and Technology. 2012. Vol. 5. P. 9–16.

¹²⁸Locke J. An Essay Concerning Human Understanding : 2 vols. / ed. A. Fraser. N. Y., 1959. Vol. 1. P. 347.

¹²⁹Novak M. E. Daniel Defoe: Master of Fictions. P. 545.

¹³⁰Raleigh W. The Discovery of the Large, Rich, and Beautiful Empire of Guiana. Cambridge, 2010.

¹³¹Cruisado – Крузо шутит над совпадением написания своего имени с наименованием крестового похода по-испански.

¹³²См., например: Whiston W. Astronomical Principles of Religion, Natural and Reveal'd. L., 1717.

¹³³Дефо Д. Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, написанные им самим. Минск, 1954. С. 70–71.

¹³⁴«...но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак. 1 : 14).

¹³⁵SR. 2022. P. 71–72.

К ПРЕДИСЛОВИЮ

¹Этот зачин является ответом Д. Дефо его оппоненту Ч. Гилдону, который критиковал его за отсутствие ясной морали в первых двух книгах романов.

²Гилдон в своей пародии «Жизнь и удивительные приключения Д. Де Ф., из чулочно-носочного Лондона» (1719) вкладывает обвинительную речь в уста Робинзона, который говорит м-ру Д-Ф-е: «Ваш герой! Ваш герой – из отбросов общества! Ваш герой – в погоне за удачей!

Я подобен Гаю Уорику, Бэву Саутгемптонскому...», намекая на легендарное происхождение названных героев средневековых хроник.

³7-й герцог Медина-Сидония (1550–1619), предводитель неудачной экспедиции испанского флота непобедимой армады, направлявшейся к берегам Англии в 1588 г., считается прообразом Дон Кихота в одноименном романе Мигеля Сервантеса, опубликованного в двух томах соответственно в 1605 и 1615 гг. Роман несколько раз на протяжении XVII в. был переведен на английский язык. Четвертое издание перевода Пьера Мотто (Peter Motteux, 1663–1718) с исправлениями Джона Озелла (John Ozell, ум. 1743) появилось в 1719 г., как и первые два тома «Робинзона Крузо». Дефо пытается обосновать этим пассажем сходство замысла своего романа с сочинением Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», которым безоговорочно восхищались в то время во всей Европе.

⁴Дефо имеет в виду историю пророка Илии: «И было к нему слово Господне: Пойди отсюда, и обратись на восток, и скройся у потока Хорафа, что против Иордана. Из этого потока ты будешь пить, а воронам Я повелел кормить тебя там. И пошел он, и сделал по слову Господню; пошел и остался у потока Хорафа, что против Иордана. И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо повечеру, а из потока он пил» (3 Цар. 17 : 2–6).

⁵Речь здесь идет о Томасе Коксе, издателе сокращенной версии романа «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». По поводу этого издания возникла тяжба между издателем Дефо Уильямом Тейлором и Коксом. Тейлор обвинил последнего в *St. James Post* от 29 октября 1719 г. Здесь он упомянул «автора донкихотства Крузо» и пригрозил раскрыть «некоторые еще не известные миру тайны» о Тейлоре и Дефо. См.: Cox T. [Letter] // Nichols J. *Literary Anecdotes of the Eighteen Century* : 9 vols. L., 1812–1815. Vol. 1. P. 182.

⁶Дефо здесь иносказательно признает, что Робинзон Крузо – вымышленный персонаж, но заверяет читателя, что речь идет о «реальных фактах жизни». В упомянутой пародии Ч. Гилдон заставляет Дефо объяснить разгневанному Крузо, что его характер был смоделирован по образу его создателя: «Я бы нарисовал тебя из соображений моего собственного разума; я всю свою жизнь был этим метущимся непоследовательным существом, каковым я и создал тебя». Использование таких слов как «истинный», «реальный», «факты» призвано создать риторику искренности и правды, в то время как автор фактически говорит, что все перечисленные здесь обстоятельства жизни Крузо являются фикцией.

⁷Все-таки этот пассаж в предисловии и «Видении ангельского мира» различается. В последнем случае слово «уединение» (англ. Retirement) превращается во введение в «островное царство» (англ. Island Kingdom). Именно такое прочтение островной жизни Робинзона будет актуализировано А. Камю и Ж. Деррида.

⁸Здесь сформулировано самое очевидное признание Дефо о вымышленном характере образа главного героя. Фраза «совершенно допустимо представить один вид принудительного заключения посредством другого, так же как возможно представлять все действие как существующее через то, что не существует» (“it is to represent any Thing that really exist, by that which exists not”) привлекла внимание французского философа-экзистенциалиста Альберта Камю, который использовал её в качестве эпиграфа к произведению «Чума» для символического изображения человеческого состояния. (Камю: «Il est raisonnable de représenter une espèce d'emprisonnement par une autre que de représenter n'importe quelle chose qui existe réellement par quelque chose qui n'existe pas». Daniel de Foe. Перевод: «Если позволительно изобразить тюремное заключение через другое тюремное заключение, то позволительно также изобразить любой действительно существующий в реальности предмет через нечто вообще не существующее». Даниэль Дефо).

⁹Аллюзия на слова Библии «Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13 : 57). К тому времени, когда Дефо опубликовал «Серьезные размышления», он уже знал о замечательном успехе двух томов у себя в стране и на континенте.

¹⁰ Оба пророчества Дефо сбылись: и то, что в будущем его труд будет принят с большой благосклонностью, и то, что новое поколение осудит своих отцов. Этот абзац в целом отсылает к псалму 78: «Не помяни нам грехов наших предков; скоро да предварят нас щедроты Твои, ибо весьма истощены» (Пс. 78:8).

К ПРЕДИСЛОВИЮ ИЗДАТЕЛЯ

¹ «Кто дает ответ, не выслушав, тот глуп, и стыд ему» (Притч. 18:14).

² «О мертвых – ничего, кроме хорошего» (лат.). Речь идет о Т. Коксе, это латинское крылатое выражение предполагает, что он уже мертв. Есть свидетельства того, что Т. Кокс действительно покидает Лондон в это время, но издания, публикуемые им, выходят еще и далее в 20-х гг. XVIII в. См.: SR. P. 109. Скорее всего, Дефо использует это как указание на символическую смерть Кокса в схватке с автором и издателем романа о Робинзоне Крузо.

К ГЛАВЕ I

¹ К основному тексту «Серьезных размышлений» (*Serious reflections*) Дефо предлагает новый вариант названия – «Серьезные наблюдения» (*Serious observations*), что свидетельствует о непросто́м выборе автором названия для этого тома.

² Надо сразу оговориться, что здесь христианская жизнь представлена исключительно с протестантской точки зрения.

³ Аллюзия на аргумент Аристотеля о том, что люди по своей природе социальны, и способность человека жизнь в одиночестве не является частью человеческой природы, а скорее соотносится либо с Богом, либо с животным миром. См.: *Аристотель. Политика* // Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 378.

⁴ В этом отрывке мы наблюдаем экстраполяцию мыслей Джона Уилмота, графа Рочестера, поэзией которого, как уже было сказано, Дефо восхищался. Рочестер находился под влиянием многих философов XVII в., среди них был и Франсуа де Ларошфуко, который лучше других показал своекорыстие как доминирующий элемент человеческого поведения. Одним из самых известных сочинений Рочестера на эту тему является «Сатира против разума и человечества». См.: *Джон Уилмот, граф Рочестер. Стихотворения. Письма* / пер. с англ. А. В. Лукьянова. М., 2014. С 129–141.

⁵ Идея уединенной медитации была частью прочной традиции в протестантской Англии XVII в. Такое руководство, как «Войди в свою комнату» епископа Эдварда Ветенхолла, например, до конца века выдержало более десяти изданий (*Wetenhall E. Enter into thy closet, or A method and order for private devotion A treatise endeavouring a plain discovery fo the most spiritual and edifying course of reading, meditation, and prayer; and so, of self examination, humiliation, mortification, and such most necessary Christian duties, by which we sue out the pardon of our sins from Heaven, and maintain an holy converse with God. Together with particular perswasives thereunto, and helps therein. L., 1666*). См. об этом: *Martz L., The Poetry of Meditation. N. Haven, 1969*.

⁶ Далее следует цитата из Нагорной проповеди.

⁷ «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28).

⁸ Квиетизм (лат. *quietismus*, от *quies* – «покой») – мистико-аскетическое движение в католицизме XVI–XVIII вв. Одной из определяющих черт квиетизма является акцент на неактивном, «принимательном» состоянии души в деле мистического единения с Богом.

⁹Представление о состоянии блаженства в христианстве, связанное с концепцией о семи небесах в иудаизме, где рай находится на третьем небе.

¹⁰«Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который восхищен назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12 : 1–4).

¹¹Данный пассаж указывает на то, что Дефо планировал написать «Видение ангельского мира» как отдельную работу, прежде чем поместил ее в конце «Серьезных размышлений».

¹²Чевиот (the Cheviot) – самая высокая вершина Чевиот-Хилс – горной цепи на границе Англии и Шотландии (815 м).

¹³«И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел Сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа: ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12 : 7–10). Дефо рассматривает реакцию апостола Павла на искушение как правильную – это молитва и смирение, а отнюдь не жизнь отшельника.

К ГЛАВЕ 2

¹В разных изданиях этой книги номера страниц различаются

²Фартинг (*Farthing*) – английская монета, эквивалентная в XVIII в. четверти пенни и вышедшая из обращения в XX в.

³«Безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправию» (пер. А. С. Козлова).

⁴*Writ of Rebellion* – приказ канцелярии или казначейства против лица, которое осудили за то, что оно не явилось в эти суды.

⁵*Quit-rent* – небольшая рента в пользу сеньора, уплачиваемая арендаторами поместий в знак подчинения, благодаря которой арендатор утверждается в своих правах.

⁶«Ибо невежда говорит глупое, и сердце его помышляет о незаконном, чтобы действовать лицемерно и произносить хулу на Господа, душу голодного лишать хлеба и отнимать питье у жаждущего» (Ис. 32 : 6). Синодальный перевод.

⁷Дефо рассуждает о суде совести как о своего рода моральном императиве и демонстрирует свою приверженность нонконформизму, в котором именно вопросы совести занимали ключевую позицию и не позволяли пуританам присоединиться к англиканской церкви. «Суд совести» занимал ведущее место в интеллектуальном дискурсе периода Реставрации как времени гонений на пуритан, а также приобрел громкое звучание накануне публикации «Серьезных размышлений» в связи с дебатами о личной совести (*англ.* Individual conscience) в ходе Бангорианской полемики 1716–1722 гг. См. об этом: *Novak M. Defoe, the Occult and the Deistic Offensive during the Reign George II // Deism, Masonry, and the Enlightenment / ed. J. A. Le. Lema. Newark, 1987. P. 93–108.*

⁸Отголосок Книги Бытия: «не говорил ли я вам: не грешите против отрока? но вы не послушались: вот, кровь его взыскивается» (Быт. 42 : 22).

⁹Рассуждения Дефо касаются совести. В его время вопросы совести обсуждались широко, что привело к частичному признанию в праве и светской морали «законов доброго самаритянина». Это означало, что у человека есть моральное обязательство прийти на помощь

нуждающемуся в трудную минуту. Притча о добром самаритянине является одной из самых известных притч Христа, упоминаемых в Евангелии от Луки (Лк. 10 : 25–37). Тема получила свое обоснование в сочинении «Совесть» популярного пуританского богослова У. Эймса и была одной из ключевых в диссентерском дискурсе первой четверти XVIII в.

¹⁰ «А честный и мыслит о честном и твердо стоит во всем, что честно» (Ис. 32 : 8). Синодальный перевод.

¹¹ Дефо в своей аргументации о необходимости делать добро восходит к ветхозаветным максимам в отношениях человека с окружающими его людьми: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19 : 8); «Не суди превратно пришельца, сироту [и вдову], и у вдовы не бери одежды в залог; помни, что и ты был рабом в Египте» (Втор. 24 : 19–21). Этим самым он утверждает принцип хеседа, или любящей доброты, как необъемлемой части сознания верующего человека.

¹² Дефо здесь транслирует христианское представление о первородном грехе как определяющем и мировоззрении человека, и его действия.

¹³ Дефо перефразирует строки из «Сатиры против разума и человечества» лорда Рочестера, который утверждает, что всякое мужество является формой страха. См.: SR. 2022. Note 48. P. 228.

¹⁴ Перевод В. А. Глазырина.

¹⁵ Исх. 20 : 16.

¹⁶ «Quod tibi fieri non vis alteri ne feceris» – латинская поговорка («Чего не желаешь себе, не делай другому»). Это иногда называют «серебряным правилом», в отличие от более позитивного «золотого правила», см. ссылки 20 и 21 в этой главе.

¹⁷ Перевод В. А. Глазырина.

¹⁸ Современные города Измир и Стамбул в Турции.

¹⁹ Левантийская компания.

²⁰ Отсылка к Екк. 3 : 26. Книга Екклесиаста в синодальном переводе содержит только 22 стиха, в то время как здесь дана отсылка к 26-му стиху. Цит. по: Библия короля Якова : 26 : «В конце концов, упрямое сердце навлечет зло; и тот, кто любит опасность, погибнет в нем» // Русская православная церковь : офиц. сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/eccl/3/> (дата обращения: 17.07.2022).

²¹ Иисус в Нагорной проповеди сказал: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7 : 12. Синодальный перевод). Это «золотое правило», в отличие от отрицательно сформулированного «серебряного правила» – «чего не желаешь себе, не делай другому».

²² Как считает М. Новак, Дефо не делает различия между «золотым» и «серебряным» правилами. «Серебряное правило» было более распространено, восходило к досократовским философам. См.: SR. 2022. Note 81. P. 232.

²³ «От благодати», «из милости», то есть добровольно, без юридических обязательств (*лат.*).

²⁴ «...если тебе нечем заплатить, то для чего доводить себя, чтобы взяли постель твою изпод тебя?» (Притч. 22 : 27).

²⁵ Дефо не замечает, как он начинает противоречить самому себе, намекая на то, что богатому человеку легко быть честным. Он привел тот же аргумент в своем «Review» от 15 сентября 1711 г., где писал о преуспевающем торговце: «Человек небогат не потому, что он честен, а он честен, потому что богат» (SR. 2022. P. 233).

²⁶ «Человек не презирает вора, если он ворует, чтобы удовлетворить его аппетит, когда он голоден» (Притч. 6 : 30). Интересно, что в синодальном переводе глава заканчивается 27-м стихом.

²⁷ «Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (Коринф. 10 : 12).

²⁸ Этот пример предполагаемого канныализма среди мыслителей естественного права XVII в. фигурировал как случай действительно непреодолимой силы. В сочинении «О законе

природы и народов» Самуэля Пуффендорфа (Samuel von Puffendorf, 1632–1694), отделившего естественное право от богословской схоластики, приведена история о семи англичанах, оказавшихся в подобной ситуации. См.: *Puffendorf S. Of the Law of Nature and Nations [1672] / transl. by V. Kennet. L., 1793. ВК. 2, chaps. 6. P. 158.*

²⁹ Апостол Павел отрицает совершение зла во благо: «И не делать ли нам зло, чтобы получилось добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таких. Итак, что же? Имеем ли мы преимущество? Нисколько» (Рим. 3 : 8–9).

³⁰ В Евангелии от Луки и фарисей (представитель религиозно-политического течения середины II в. до н. э., ивр. פרושים (перушим) или (прушим) – «отделившийся»), и мытарь (сборщик податей) в Иудее ходят в храм молиться, но если фарисей считает себя выше окружающих, то мытарь признает свои грехи и просит милости у Бога (Лк. 18 : 9–14). Обличение фарисеев в Евангелии привело к тому, что фарисейство в современном мире стало синонимом лицемерия.

³¹ Дефо в свободной форме передает разговор Сатаны и Господа из Книги Иова, добавляет детали и подчеркивает саркастическую оценку добродетелей Иова со стороны Сатаны (Иов. 1 : 9–11).

³² Давид пленился красотой замужней женщины Вирсавии и отправил ее мужа Урию на смертную битву, чтобы потом жениться на ней. Бог наказал Давида смертью ребенка, которого зачала Вирсавия, но в конце концов она родила Давиду сына Соломона, сменившего его на престоле. 50-й псалом был написан Давидом, когда он каялся в том, что убил благочестивого мужа и овладел его женою (2 Цар. 11 : 12–24).

³³ «Человеку свойственно ошибаться» (*лат.*).

³⁴ «Он же сказал им: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» (Мф. 12 : 3–4).

³⁵ Давид и его люди служили у богатого и злого человека Навала, но когда Давид послал своих людей за провизией, Навал отказал им и оскорбил их. Только быстрые действия жены Навала Авигей не позволили Давиду убить Навала и всех, кто находился под его крышей. Дефо интерпретирует действия Давида как «искушение», созданное «силой его страсти», возлагая бремя вины на Давида, а не на отказ Навала помочь ему и его людям (1 Цар. 25 : 1–38).

³⁶ Намек на Притч. 24 : 16: «Ибо семь раз упадет праведник, и встанет; а нечестивые впадут в погибель» (синодальный перевод).

³⁷ Идея грехопадения человека определяется в христианстве как «первородный грех» и является для Дефо ключевой в объяснительных мотивах природы человека. Источником этой теории обычно считается святой Павел: «Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим. 5 : 12).

³⁸ Подветренный берег – та часть берега, на которую дует ветер, что создает опасность кораблекрушения.

³⁹ Дефо цитирует неточно: «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их» (Екк. 9 : 11).

⁴⁰ В данном пассаже Дефо явно не на стороне блудного сына. См.: Притча о блудном сыне (Лк. 15 : 11–32).

⁴¹ Перевод В. А. Глазырина.

⁴² Дефо пересказывает начало Книги Иова, в которой Сатана утверждает, что Иов не был бы таким «совершенным и праведным человеком, боящимся Бога и удаляющимся от зла» (Иов 1 : 8), если бы он испытал настоящие страдания. После того как его и его семью постигло разорение, Иов воскликнул: «Наг я вышел из чрева матери моей и наг и возвращусь туда» (Иов 1 : 21).

⁴³ Каждый фунт стоил 20 шиллингов. Это означает, что банкрот платит только четверть того, что он первоначально занял.

⁴⁴Перечеканка произошла во время правления Вильгельма III в 1696 г. Законопроект об изъятии из обращения старых монет был принят в начале года, но дебаты по поводу деталей продолжались до октября. См.: *Locke J. Locke on Money* : 2 vols. / ed. P. Kelly. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 32–35.

⁴⁵*Фр.*, букв. «Я человек слова».

⁴⁶Вероятно, здесь дается отсылка к парламентскому Акту о мошенничестве 1677 г.: «Отсутствие договора купли-продажи товара на 10 ф. или выше считается действительным, если только покупатель не получит... какое-либо уведомление об этом в завещании» (Statute. 29. Car. II. Ch. 3). См.: SR. 2022. P. 244.

⁴⁷Об этом см. в Библии: «Доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота» (Притч. 22 : 1); «Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения» (Еккл. 7 : 1).

⁴⁸Речь уже шла об условной связи в этом томе между Крузо и Дефо, рассуждения об искушениях отчаявшегося торговца в этом абзаце относятся почти исключительно к самому Дефо.

⁴⁹Расхожее признание личной слабости в христианских молитвах переключается со словами апостола Павла: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7 : 24).

⁵⁰«Но с большей гордостью» (*лат.*).

⁵¹Латинское выражение «*sed majori fastu*» отсылает к спору Платона с Диогеном. Последний однажды начал топтать ковер в доме Платона, приговаривая: «Топчу спесь Платона». Платон на это ответил: «Попираешь собственной спесью, Диоген». Дефо превращает эту историю о гордыне в историю о зависти. Это же выражение цитировал Мэттью Генри (Henry Matthew, 1662–1714), один из лидеров неконформистов, в своих комментариях к сюжету об учениках Христа Иакове и Иоанне, которые просили для себя места на небесах по правую и левую руку от учителя. Когда другие десять учеников выразили свое недовольство Иаковом и Иоанном, Иисус упрекнул их в гордыне и честолюбии (Мк. 10 : 32–45). См.: *Henry M. Comprehensive Commentary on the Holy Bible [Commentary]* : 5 vols / ed. W. Jenks. Brattleboro, 1835–1838. Vol. 4. P. 362.

⁵²«Подразумеваемое, но не высказанное» (*лат.*).

⁵³«Добросовестно» (*лат.*).

⁵⁴«Когда же продолжали спрашивать Его [Иисуса], Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8 : 7).

⁵⁵См. ссылки с. 27–28.

⁵⁶Илия упрекает Анну, принимая ее горячую молитву за пьяное бормотание. Он обучает молодого Самуила, сына Анны, быть священником (1 Царств 1 : 9–17), но не может научить своих собственных сыновей быть праведными священниками. Они пожирали мясо, принесенное в жертву Богу. Из-за этой неспособности Илии управлять поведением своих сыновей Бог объявляет: «Я буду судить дом его навеки за беззаконие, которое он знает; потому что его сыновья сделали себя мерзкими, и он не удерживал их» (1 Царств 3 : 13).

⁵⁷«Мальчик на побегушках, камердинер, личный слуга» (*фр.*).

К ГЛАВЕ 3

¹Апостол Павел совет «Гневаясь, не согрешайте» завершает словами: «Солнце да не зайдет во гнев вашем» (Еф. 4 : 26).

²Дебаты о природе человеческого счастья, поднятые в английском интеллектуальном дискурсе в последней трети XVII – начале XVIII в., по сути, являются продолжением спора между эпикурейцами и стоиками в Древней Греции. Эпикур утверждал, что безмятежное невозмутимое состояние ума, достигаемое посредством получения удовольствия, является наивысшим

благом и позволяет избегать страданий. Стойки со времен Зенона, как и Сократ и Платон, настаивали на том, что счастье заключается в добродетели. Дефо явно на стороне стоиков.

³Бетлемская (Бедламская) королевская больница (Bethlem Royal Hospital) – приют для душевнобольных, основание которого восходит к XIII в.

⁴Почти наверняка речь идет об Элизабет Кавендиш, второй герцогине Альбермарль (Elizabeth Cavendish, Second Duchess of Albermarle, 1654–1734), очевидно, страдавшей манией величия. Была убеждена, что император Канси из манжурской династии Цин в Китае желает жениться на ней. В 1692 г. за ней ухаживал и женился Ральф Монтегю, впоследствии первый герцог Монтегю, который попросил ее руки и сердца, одевшись, как император Китая. Ее история была хорошо известна и даже показана на сцене в ряде современных комедий. См. *Falk B. The Way of the Montagues: : A Gallery of Family Portraits.* London, [1947], p. 137–139; SR. 2022. P. 314.

⁵Перевод В. А. Глазырина.

⁶Перевод В. А. Глазырина.

⁷«Со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью» (Еф. 4 : 2); «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп 2 : 4).

⁸Перевод В. А. Глазырина.

⁹Дуэли не были редкостью во времена Дефо, но эта история имеет некоторое сходство со знаменитой дуэлью между Джеймсом Дугласом, герцогом Гамильтоном (James Douglas, 1658–1712), и Чарльзом Моюном, бароном Моюном (Charles Mohun, 1675–1712), 5 ноября 1712 г. в Гайд-парке. Гамильтон был убит на месте, а Моюн умер от ран десять дней спустя.

¹⁰«Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» (Екк. 1 : 2).

¹¹В Книге притч Соломоновых в первой главе есть ряд комментариев о глупцах, приписываемых царю Соломону. К ним также относятся следующие: «Путь глупого прямой в его глазах; но кто слушает совета, тот мудр» (Притч 12 : 15); «Глупый не любит знания, а только бы выказать свой ум» (Там же 18 : 2); «Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, не отделится от него глупость его» (Там же 27 : 22), «Для глупого преступное деяние как бы забава» (Там же 10 : 23).

¹²«Logui est agere» (лат. «говорить – это действовать»). Дефо использует свободное переложение юридической максимы «scribere est agere», что означает «писать – значит действовать».

¹³Здесь скорее дается отсылка к Вильгельму Оранскому, нежели к Георгу I, на годы правления которого приходится завершение Северной войны и публикация «Серьезных размышлений», что указывает на более раннее время написания текста этой главы (предположительно конец 1690-х гг.) и его сложный состав.

¹⁴Мария Стюарт (1662–1694) – супруга Вильгельма Оранского с 1677 г. После бегства ее отца Якова II Стюарта из Англии правила вместе с Вильгельмом III как Мария II до своей смерти от оспы в декабре 1694 г.

¹⁵Скорее всего, Дефо имеет в виду «Акт о более действенном пресечении нечестивых проклятий и ругательств», 1694 (*The Act for the more effectual suppression profane Cursing and Swearing*, чаще упоминаемый как *The Profane Swearing Act*, 6 & 7 Will. & Mar., p. 11).

¹⁶Громоотвод будет изобретен в середине XVIII в., поэтому адекватной защиты от молнии во времена Робинзона Крузо не было.

¹⁷Это перечисление, несомненно, является отголоском наделавших много шума дебатов 1719 г. в Солтер-холле в Сити среди диссентеров по поводу письменного признания троичности Бога при рукоположении.

¹⁸«О граде Божьем против язычников» (лат.) – завершенная в 426 г. книга богослова и философа Аврелия Августина, известного как Августин Блаженный. Обычно считается духовным ответом на упадок Римской империи, разграбление Аларихом Рима в 410 г. Одной из причин падения Рима Августин считает моральное разложение римского общества, в чем Дефо видит аналогию с Британией своего времени.

¹⁹Здесь содержится намек на развращение нации «королевским примером» пагубного влияния Карла II и его любовниц на публичную мораль, которые будут широко осуждаться в период между 1690 и 1720 гг.

²⁰Здесь, как и в ряде других мест, Дефо пытается защитить себя от любых обвинений в нападках на короля Георга I или на его двор.

²¹Дефо пропускает строчку из обращения Сивиллы к Энею и допускает ряд ошибок. Трудно сказать, почему он решил использовать такой свободный перевод Вергилия, тем более что изящный перевод Драйдена был легко доступен, и он использовал его раньше, в своем «Review» от 15 января 1706 г. См.: SR. 2022. P. 327.

²²Дефо цитирует перевод Генри Пичема: “It is easy into hell to fall, But to get back from thence is all”. См.: *Peacham H. The Worth of a Penny*. Dublin, 1704. P. 4.

²³Перевод С. А. Ошерова.

²⁴«С рассветом встает убийца, умерщвляет бедного и нищего, а ночью бывает вор» (Иов 24 : 14); «Как вор, когда поймают его, бывает осрамлен» (Иер. 2 : 26).

²⁵Например, Августин Блаженный в своем сочинении «Град Божий» (426) отвергает аргумент эпикурейцев о том, что мир «вечен и безначален», а также аргументы неоплатоников, утверждавших, что, хотя Бог и создал мир, Он не вмешивается в его дела.

²⁶Святой Фома Аквинский в XIII в. предложил в качестве первого доказательства существования Бога концепцию движения: «... всё, что движется, должно быть движимо чем-то иным. <...> Следовательно, мы должны прийти к некому первому движущему, которое не движимо ничем, а под ним все разумеют Бога» // *Фома Аквинский. Сумма теологии* / пер. С. И. Еремеева, А. А. Юдина : в 2 ч. М., 2002. Ч. 1, раздел 4. Вопросы 1–43. Аргумент в пользу Бога как первопричины в христианской философии главным образом основывался на систематизированной святым Фомой схоластике.

²⁷Среди современников, подозревавшихся в атеизме, были так называемые «свободо-мыслящие» (англ. freethinkers) Джон Толанд (John Toland, 1670–1722) и последователь и друг Дж. Локка Энтони Коллинз (John-Anthony Collins, 1676–1729).

²⁸Рассказ Дефо о том, как Прометей создал человека из глины и похитил огонь с Олимпа, чтобы дать людям жизнь, согласуется со стандартными мифологическими рассказами и демонстрирует его знакомство с древнегреческой мифологией. Большой популярностью во времена Дефо пользовался учебник по греческой мифологии 1698 г. Эндрю Тука (Andrew Tooke, 1673–1732), который, по существу, являлся переводом с латинского сочинения иезуита Франсуа Антуана Помея «Пантеон» (1654). Дефо, несомненно, был знаком с творчеством Тука. См.: *Tooke A. The Pantheon of the Heathen Gods and Illustrious Heroes*. 5th ed. L., 1713.

²⁹Перевод В. А. Глазырина.

³⁰Еще раз со всей очевидностью Дефо обозначает свою приверженность стоикам, противостоящим эпикурейцам. Основатель этого направления в философии Эпикур (ок. 341–271 до н. э.) делал упор на высшие формы удовольствия, на интерпретацию мира как на управляемую случайными встречами атомов и на смерть как освобождение от земных забот.

³¹Томас Крич (Thomas Creech, 1659–1700) – английский переводчик классических произведений, перевел Лукреция в стихах в 1682 г., позже выпустил английские версии Горация, Феокрита и других классических авторов. Его перевод соперничал по популярности с переводом Вергилия Дж. Драйдена и Гомера А. Поупа («Lucretius his six books of epicurean philosophy...», 1682). См.: *Creech T. Lucretius his Six Books of Epicurean Philosophy* : 2 books. L., 1685. Book 2. P. 65.

³²Перевод В. А. Глазырина.

³³Джон Уилмот, второй граф Рочестер (John Wilmot, 2nd Earl of Rochester, 1647–1680) – один из самых заметных поэтов эпохи Реставрации, придворный при дворе короля Карла II Стюарта. Выступая против «духовного авторитаризма» пуританской эпохи, он олицетворял новую эпоху господства светской морали. Был известен развратным образом жизни, что отразилось в его поэзии. Умер от последствий венерического заболевания в возрасте 33 лет.

³⁴Перевод В. А. Глазырина.

³⁵Отсылка к аргументу Б. Паскаля о рациональности религиозной веры, известному как «пари Паскаля». Сформирован в восьмом разделе его сочинения «Мысли о религии и других предметах» и звучит следующим образом: «Разумнее верить, чем не верить в то, чему учит христианская религия». См.: Monsieur Pascal's Thoughts, Meditations, and Prayers, Touching Matters Moral. L., 1688. P. 74–76.

³⁶Отсылка к Фоме Аквинскому.

³⁷Эта «непристойная песня» на самом деле была написана лордом Воаном (Vaughan John, 1639–1713). Сэмюэль Пепис описал его как «одного из самых распутных людей своего времени» См. об этом: SR. 2022. P. 335–336.

³⁸Перевод В. А. Глазырина.

³⁹Перевод В. А. Глазырина.

⁴⁰В этой сатирической атаке Дефо имеет в виду «свободомыслящих», которые были склонны видеть в Боге доброжелательного хранителя вселенной.

⁴¹Это слово Дефо использует в уничижительном смысле, в значении «лживая, выдуманная история», что соответствовало словоупотреблению того времени.

⁴²Ариане придерживались представления о том, что Бог Отец выше и предшествует Христу. Эта идея была отвергнута на Первом Никейском соборе 325 г., а на Константинопольском соборе 381 г. н. э. она была объявлена ересью.

⁴³Секта, основанная Лелио Социном (Laelius Socinus, 1525–1562) и Фаустом Социном (Faustus Socinus, 1539–1604), двумя итальянскими теологами XVI в., которые не только отрицали сосуществование Иисуса с Богом, но также отрицали божественность Христа и ряд других традиционных верований, таких как первородный грех. Распятие в их трактовке должно было рассматриваться как важный пример, а не как искупление за грехи рода человеческого. Социнианство в Англии в конечном итоге стало основой унитаризма.

⁴⁴*Glory be to the Father, by the Son, and in the Holy Ghost* – начальные слова молитвы традиционной христианской литургии. Речь идет об основателе идеи соподчинения Христа Отцу в учении Ария (256–336 гг.), основателя арианства, который, как говорят, был оскорблен упоминанием Троицы в прославлении «Отца, Сына и Святого Духа» и изменил его на «Слава да будет Отцу через Сына во Святом Духе».

⁴⁵В Книге Иова его друг Елифаз упрекает его: «Верно, злоба твоя велика, и беззакониям твоим нет конца» (Иов 22 : 5). Перечислив некоторые преступления и грехи, которые он мог совершить, Иов приводит пример греховного поступка, который могла совершить его жена, и говорит: «Если сердце мое прельщалось женщиною и я строил оковы у дверей моего ближнего, – пусть моя жена мелет на другого, и пусть другие издеваются над нею, потому что это – преступление, это – беззаконие, подлежащее суду» (Иов 31 : 9–12).

⁴⁶Между 1690 и 1716 гг. было зафиксировано 35 судебных дел по статье «клевета», или «seditious word» См. об этом в комментариях Дж. Стаппа: *Defoe D. Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: With his Vision of the Angelick World (1720) // The Novels of Daniel Defoe : 10 vols. / eds. W. R. Owens, P. N. Furbank. Vol. 3. L., 2008. P. 333–334.*

⁴⁷Олд-Бейли – дом сессионных судебных заседаний лорд-мэра и шерифов Лондонского Сити и Мидлсекса; получил нарицательное название уголовного суда, так как там также проводились судебные процессы, аналогичные выездным судам присяжных, проводимым в других частях Англии и Уэльса. См.: *The Proceedings of the Old Bailey, 1674–1913 // Old Bailey Online : [website]. URL: <https://www.oldbaileyonline.org/> (accessed: 17.01.2021).*

⁴⁸Этот комментарий, как и другие здесь, поднимает вопрос о датировке написания третьей главы. Таким смелым Дефо был в период 1690-х гг., но к 1720 г., когда были опубликованы «Серьезные размышления», он на собственном опыте испытал такое позорное наказание. См. об этом ссылку 68 в главе «Видение ангельского мира».

⁴⁹Джордж Маккензи (Sir George Mackenzie of Rosehaugh, 1636–1691) – шотландский юрист и влиятельный эссеист. Текст Дефо корреспондируется с его сочинением «Нравственная галантность». См.: MacKenzie G. Moral Gallantry. A Discourse, Wherein the Author Endeavours to Prove, That Point of Honour (Abstracting from All Other Tyes) Obliges Men to Be Vertuous. And That There Is Nothing so Mean (or Unworthy of a Gentleman) as Vice. Edinburgh, 1667. P. 83–84.

⁵⁰Дефо проводит разницу между скромностью, которую он не считает природной добродетелью, и стыдом, который является следствием преступления и всегда сопровождается сознанием вины.

⁵¹«И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3 : 7).

⁵²Образ здесь мало чем отличается от басен, в которых части тела восстают против разума, законного правителя. Во времена Дефо популярными были басни Эзопа в переложении на английский язык Джона Огилби (John Ogilby, 1600–1676). См.: The Fables of Æsop Paraphras'd in Verse / transl. J. Ogilby. L., 1668.

⁵³Как считает М. Новак, вероятно, это отсылка к поэтам, писавшим сатиры, Джону Олдэму (John Oldham, 1653–1683) либо Джону Саклингу (John Suckling, 1609–1642). См.: SR. 2022. P. 350.

⁵⁴Речь о половых органах.

⁵⁵Дефо возвращается к стыду Адама и Евы за их наготу как обусловленному социальными нормами, перенося эту ассоциацию на использование языка.

⁵⁶Аллюзия на басню Эзопа о волке, который успешно маскируется в овечьей шкуре и способен обмануть свою добычу («Волк и овца»).

⁵⁷Фарисей здесь выступает как лицемер, ханжа (первоначально – член древней иудейской секты, отличавшейся религиозным фанатизмом). «Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю» (Лк. 18 : 11–12).

⁵⁸«И сказал Иоав Амессаю: здоров ли ты, брат мой? И взял Иоав правою рукою Амессая за бороду, чтобы поцеловать его. Амессай же не остерегся меча, бывшего в руке Иоав, и тот поразил его им в живот, так что выпали внутренности его на землю, и не повторил ему удара, и он умер» (2 Цар. 20 : 9–10).

⁵⁹Прежде чем Иисуса схватили солдаты, Иуда, один из 12 его учеников, велит солдатам арестовать человека, которого он поцелует. Он целует Иисуса, которого тут же арестовывают (Мк. 15 : 43–46). Поцелуй Иуды – символ предательства.

⁶⁰Merry Andrew – шут, клоун.

⁶¹«Уста правдивые вечно пребывают, а лживый язык – только на мгновение» (Притч. 12 : 19) и др.

⁶²Сочинение Джона Беньяна «Путешествие пилигрима в Небесную страну» (*The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come*, 1678).

⁶³Дефо вновь возвращается к мысли из предисловия Крузо о том, что «басня создана для морали, а не мораль для басни», обосновывая этим серьезность своих размышлений.

⁶⁴«Букентавр» (*um. Bucintoro*) – венецианская церемониальная галера дождей Венеции, на которой в праздник Вознесения дож выходил в Адриатическое море, дабы совершить церемонию обручения с морем (просуществовала с XII в. и до 1798 г.).

⁶⁵В сочинениях Дефо встречается упоминание о различии «белого дьявола» и «черного дьявола». «Белый дьявол» – это зло неведения, которое и послужило изначальной причиной отступления от Бога. В сочинении «Система магии» (*System of Magic*, 1726) он говорит о поэтах-современниках – графе Рочестере, графе Дорсете и Джоне Драйдене – как искушенных «белым дьяволом». См.: Defoe D. Serious Reflections During the Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe: With his Vision of the Angelick World (1720) // The Novels of Daniel Defoe / eds. W.R. Owens, P.N. Furbank. L., 2008. Vol. 3.

⁶⁶Отсылка к басне Эзопа «Кузнечик и муравьи».

⁶⁷«Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1 : 8).

⁶⁸Джек Пудинг (Jeck-pudding) – шут, клоун. Синоним использованного в этом эссе слова «Merry Andrew».

⁶⁹«Вот дела, которые вы должны делать: говорите истину друг другу; по истине и миролюбиво судите у ворот ваших» (Зах. 8 : 16).

⁷⁰Дефо, по-видимому, проводит различие между устными рассказами и книгами, так как к опубликованным текстам можно обращаться на предмет проверки точности информации и достоверного отражения намерений автора, устные же рассказы могут бесконечно переиначиваться.

⁷¹Этот абзац явно является позднейшей вставкой в текст этой главы, сделанной для того, чтобы перекинуть мостик в следующую четвертую главу, в начале которой на авансцену повествования вновь выходит Робинзон Крузо.

К ГЛАВЕ 4

¹Рассуждения на тему взаимодействия разума и страстей были общим местом в английском интеллектуальном дискурсе со времен эпохи Елизаветы Тюдор. Дефо здесь показывает, что идея о господстве разума над эмоциями в реальной жизни не выдерживает испытания на прочность. Проявление психоэмоциональных реакций он изображает как стремительно движущийся поток, которому человек не в силах сопротивляться, и использует этот образ не раз, когда описывает отношения между разумом, волей и эмоциями.

²Древняя дама – намек на противостояние «древних» (англ. ancient) и «новых» (англ. modern) на рубеже XVII–XVIII вв. Дама в этом диалоге олицетворяет «древних», которые на момент написания «Серьезных размышлений» Д. Дефо были представлены членами клуба Мартина Скриблеруса, или Мартина Писаки (Дж. Свифта, А. Поупа и др.). Дама занудна, жонглирует трюизмами и уходит в конце концов от поставленного ею же самого вопроса. Дефо, как уже говорилось, выступает на стороне «новых» и за ясность как вопросов, так и ответов на них. См. об этом: *Высокова В. В.* Спор «древних» и «новых» и становление историзма в британской историографии XVIII в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 110–123.

³Умозрительная позиция, выражающаяся в том, чтобы хвалить поведение животных и критиковать поведение человека как выражение философского скептицизма в отношении людской мудрости подробно аргументирована М. Монтенем в 12-й главе второй книги «Опытов» (1580). См.: *Монтень М.* Апология Раймунда Сабундского // Монтень М. Опыты : в 3 кн. / пер. А. С. Бобовича. М., 1992. Кн. 2. Гл. 12. Далее Дефо приводит цитату на эту тему из сочинения лорда Рочестера «Сатира против разума и человечества». Судя по всему, Дефо разделяет эту позицию. См.: *Джон Уилмот, граф Рочестер.* Стихотворения. Письма / пер. с англ., сост., ст. и прим. А. В. Лукьянова. М., 2014. С. 129–141.

⁴Перевод В. А. Глазырина.

⁵Образ Пятницы, спасенного Крузо от расправы над ним каннибалов в первой части трилогии, не должен вводить читателя в заблуждение. Этот пассаж о жизни дикаря и дальнейшие рассуждения о берберийских маврах, жителях Ост-Индии, китайцах, коренных жителях Америки и др. ясно обозначают позицию автора. Он не разделяет распространенную в его время точку зрения о жизни туземных народов, среди которых сохранилась первозданная чистота нравов, как своего рода золотом веке. См. об этом: *The Wild Man Within* / ed. E. Dudley, M. Novak. Pittsburgh, 1972; *Avramescu C.* An Intellectual History of Cannibalism / transl. A. Blyth. Princeton, 2003.

⁶Ключевая идея научного дискурса в Англии рубежа XVII–XVIII вв. об открытии естественной философии (то есть физики) как о мощном доказательстве существования Бога разрабатывалась прежде всего в работах Роберта Бойля «Некоторые физико-теологические соображения о возможности воскресения» (*Some Physico-Theological Considerations about the Possibility of the Resurrection*, 1675) и Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (*Mathematical Principles of Natural Philosophy*, 1687).

⁷Жена Уилла Аткинса, героя второй части трилогии о Робинзоне Крузо.

⁸Кохинхина (*фр.* Cochinchine) – принятое в исторической географии название юго-восточной части полуострова Индокитай.

⁹Черная Русь – историческое западноевропейское название части земель Руси по «кологорической» (цветной) схеме, в которую входили также Белая и Червоная Русь. В разных исторических источниках именование «Черная Русь» относилось к разным историческим территориям, выступая либо как термин политической географии, либо как название определенного историко-культурного региона – Верхнего Понеманья. Понеманье (*белор.* Пянямонне) – историко-этнографический регион Белоруссии, названный по реке Неман (в Белоруссии известной как Нёман).

¹⁰Афанасьевский символ веры (*лат.* «Symbolum Quicumque», *рус.* «Всякий, желающий спастись») получил название от предполагаемого автора – святого Афанасия Великого, жившего в Александрии в IV в. Содержит в себе учение о том, что Святой Дух исходит от Отца и Сына и представляет собой заявление о вере, основанное на тринитарной доктрине (*ex Pâtre et Filio et Spiritui Sancto*), то есть на признании равенства трех ипостасей Троицы. Был включен в Книгу общих молитв (1549) и, по существу, допускал возможность спасения язычников, но на протяжении XVII в. мнения по этому вопросу разделились. См.: Harth P. *The Contexts of Dryden's Thought*. Chicago, 1968. P. 148–173. Дефо на стороне тех протестантов, кто считает языческий мир царством дьявола. Только христианизация этих народов, по их мнению, позволит им спастись. В гл. 6 «О соотношении христианского и языческого мира» «Серьезных размышлений» Дефо развивает идею о необходимости насильственной христианизации языческих народов.

¹¹Здесь Дефо вскользь обращается к дебатам нонконформистов 1719 г. в Солтер-холле по поводу процедуры письменного признания троичности Бога при рукоположении пасторов. Для него Троица является таинством, которое остается за пределами понимания верующего человека. Дефо считал этот ожесточенный диспут бесполезным, а полемику – катастрофой как для богословия пуритан, так и для их существования как сплоченной группы. См. об этом: Novak M. *Daniel Defoe: Master of Fictions, His Life and Ideas*. Oxford, 2001. P. 523–524.

¹²Дефо был хорошо знаком с римской историей по сочинениям «О граде Божьем против язычников» святого Августина (*Augustine of Hippo. Of the Citie of God / transl. J. Healey ; notes by J. L. Vives. L., 1610*), «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (*Plutarch. Lives : 5 vols. L., 1688*), «Церковная история» Евсевия Кесарийского (*Eusebius. The Ecclesiastical History of Eusebius Pamphilus / transl. M. Hanmer. L., 1567*) и «Римская история» Лоуренса Эшера (*Echard L. The Roman history from the building of the city to the perfect settlement of the empire by Augustus Caesar containing the space of 727 years : design'd as well for the understanding of the Roman authors as the Roman affairs. L., MDCXCVI [1696]*). См.: Backscheider P. *Daniel Defoe: Ambition and Innovation*. Lexington, 1986. С. 6.

¹³Речь идет об индонезийцах. Большой популярностью во времена Дефо пользовались «Новое путешествие вокруг света» Уильяма Демпера (*Dampier W. A New Voyage Round the World describing... the isle of Guam one of the Ladronez, Mindanao, and other Philippine and East-India islands near Cambodia, China, Formosa, Luconia, Celebes, & c., New Holland, Sumatra. L., 1697*) и «Туда и обратно: остров Борнео в Ост-Индии» Даниэля Бекмана (*Beeckman D. A Voyage to and From the Island of Borneo, in the East-Indies. L., 1718*), с которым он был знаком.

¹⁴В составе библиотеки Дефо фиксируется сочинение о Цейлоне Роберта Нокса, проведенного в плену на этом острове 18 лет (*Клох R. An historical relation of the island Ceylon, in the East Indies. L., 1681*). В книге были описаны местные жители, их обычаи и суровый режим правления короля Канди Раджасинкха II. Сочинение вызвало широкий интерес и принесло известность Ноксу, в литературе можно встретить утверждение, что островное пребывание Нокса на Цейлоне оказало влияние на создание образа Робинзона Крузо Даниэлем Дефо. См.: *Defoe's Library // The Athenæum. № 3527. June 1. 1895. P. 706.*

¹⁵Попытка Дефо развенчать образ Китая как мудрой, могущественной и развитой цивилизации вновь объясняется его участием в интеллектуальном диспуте между «древними» и «новыми», начатом еще в 1690-е гг. Еще тогда один из лидеров «новых» Уильям Уоттон выступил с критикой высокой оценки «древними» в лице сэра Уильяма Темпла китайцев и Конфуция. Уоттон посвятил этому целую главу «Об учености китайцев» в своем сочинении «Размышления о древних и новых знаниях» (*Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning. L., 1694*). Здесь Уоттон уделил больше всего внимания абсурдности китайского языка, нелепости китайской медицины, но главной его задачей было осмеяние мнения сэра Уильяма Темпла о китайской культуре. См. об этом: *Shimada T. Possible sources for Serious Reflections of Robinson Crusoe // The Rev. of English Studies. Vol. 37, iss. 146. May. 1986. P. 211–215; Shimada T. A possible source for Defoe's Serious Reflections // Notes and Queries. 1990. Vol. 37, iss. 3. P. 301–302.*

¹⁶Учение Конфуция было адаптировано иезуитами на латыни в XVII в. Сокращенный перевод на английский язык вышел в 1691 г. и состоял из 84 максим (*The morals of Confucius, a Chinese philosopher [microform] : who flourished above five hundred years before the coming of our Lord and Saviour Jesus Christ : being one of the most choicest pieces of learning remaining of that nation. L., 1691*). Именно это издание стало основным источником информации о Китае в Англии и заставило сэра Уильяма Темпла восхвалять китайскую культуру и восхищаться Конфуцием.

¹⁷Во введении к изданию максим Конфуция 1691 г. на английском языке указывалось со ссылкой на труды французского философа Николая Мальбранша (*Nicolas Malebranche, 1638–1715*), что положения этого учения просты, истинны, мудры и свободны от излишних тонкостей трактатов о нравственности «современных метафизиков». Очевидно, что Дефо не разделяет эту точку зрения.

¹⁸Информацию о Перу Дефо черпает из «Истории государства инков» Инка Гарсиласо де ла Вега (*Inca Garcilaso de la Vega, 1539–1616*), опубликованной в 1609 г. Создатель этого текста, на сегодняшний день основного источника по истории государства инков, был метисом и принадлежал со стороны отца к аристократическому испанскому роду, а со стороны матери – к знатному инкскому роду. Это предопределило идеализацию им инкской культуры. Вега представил общество инков как высокоорганизованное, где люди следовали «естественному закону», молились «невидимому богу» Пача Камаку и признавали бессмертия души и воскрешение. Тем самым он хотел увязать языческие верования инков с христианством. См. об этом: *Гарсиласо де ла Вега И. История государства инков / пер. со староисп. В. А. Кузьмищева. Л., 1974.*

¹⁹Дефо черпает информацию о божествах и демонах в двухтомном сборнике путешествий в Китай в переводе Джона Огилби, опубликованном в 1669–1671 гг. Здесь можно найти изображения фигур с 16 руками, головами, сложенными одна на другую, и демонов с ужасающими телами и головами (*Atlas Chinensis: Being a second part of a relation of remarkable passages in two embassies from the East-India Company of the United Provinces, to the Vice-Roy Singlamong and General Taising Lipovi, and to Konchi, Emperor of China and East-Tartary : with a relation of the Netherlanders assisting the Tartar against Coxinga, and the Chinese fleet, who till then were masters of the sea, and a more exact geographical description than formerly, both of the whole empire of China in general, and in particular of every of the fifteen provinces collected out of their several writings and journals, by Arnoldus Montanus ; English'd, and adorn'd with above*

a hundred several sculptures, by John Ogilby, esq., master of his majesty's revels in the Kingdom of Ireland. L., MDCLXXI [1671]).

²⁰ «Дело рук человеческих» – эта фраза используется в Библии для указания на идолов: «и рассеет вас Господь по [всем] народам, и останетесь в малом числе между народами, к которым ответед вас Господь; и будете там служить [другим] богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня, которые не видят и не слышат, и не едят и не обоняют» (Втор. 4 : 27–28); «и побросали богов их в огонь; но это не боги, а изделие рук человеческих, дерево, камень; потому и истребили их» (4 Цар. 19 : 18); и др.

²¹ Дворец Гугун – главный дворцовый комплекс 24 китайских императоров династий Мин и Цин (XV – начало XX в.); на протяжении всего этого времени служил местом пребывания императоров и членов их семей, церемониальным и политическим центром Китая. Д. Огилби дает иллюстрацию внутреннего двора дворца. См.: Atlas Chinensis. Vol. 1. P. 126–127.

²² «Без проволочек, без формальностей» (*лат.*).

²³ В английском флоте было много кораблей с таким названием, но здесь, вероятно, Дефо имеет в виду тот, которым командовал сэр Джордж Рук (George Rooke, 1650–1709) при битве в заливе Виго в 1702 г. Он изображен на картине нидерландского мариниста Виллема ван де Вельде Младшего в 1703 г. Картина хранится в Национальном морском музее в Гринвиче. Считался в то время величайшим кораблем в мире. См.: Royal Museums Greenwich : [website]. URL.: <https://www.rmg.co.uk/collections/objects/rmgc-object-15087> (accessed: 12.11.2022).

²⁴ Луи Ле Конт (Louis le Comte, 1655–1728) – миссионер-иезуит, чье сочинение «Заметки о нынешнем состоянии Китая» появилось в двух томах на французском языке в 1696 г. Третий том был написан другим иезуитом, Шарлем Ле Гобьеном (Charles Le Gobien, 1653–1708). Сочинение стало заметной вехой в полемике о китайских обрядах второй половины XVII в. (спор об идолопоклонстве китайцев-христиан при соблюдении ими традиционных китайских обрядов и подношениях императору). См.: Nouveaux memoires sur l'etat present de la Chine : 2 t. Paris, 1696.

²⁵ Сиам – современный Тайланд.

²⁶ Отсылка к сюжету из Деяний апостолов о посещении святым Павлом Афин, где он высказывался против суеверия греков: «проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано “неведомому Богу”. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь, и дыхание, и все» (Деян. 17 : 23–25).

²⁷ Вероятным источником знаний Дефо о поклонении персов Солнцу являются популярные в то время сочинения Хамфри Придо (Humphrey Prideaux, 1648–1724). Это «Ветхий и Новый Завет в связи с историей евреев и соседних народов во времена Христа» (Prideaux H. The Connection of the History of the Old and New Testament. 2nd ed. L., 1716. P. 214–220) и его же «Письмо к деисту» в книге «Истинная природа обмана, полностью проявленная в жизни Магомета» (Prideaux H. The True Nature of Imposture fully display'd in the Life of Mahomet. 1697. L., 1718. P. 174–176). Здесь Придо выдвинул гипотезу о том, что Заратустра и персы заимствовали свое вероучение у евреев. Речь идет о зороастризме, одной из древнейших религий в мире, где свет рассматривается как зримый образ бога в физическом мире людей. Поэтому в зороастризме центральное место занимает культ огня и солнечного света. Точка зрения Хамфри не выдержала испытания временем. Становление зороастризма в середине I тыс. до н. э. было тесно связано с индуизмом, он же, в свою очередь, оказывал влияние на становление иудаизма, а позже и ислама.

²⁸ Персы, или парсы – группа последователей зороастризма иранского происхождения, бежавшая из Персии в Бенгалию после ее завоевания арабами и распространения здесь ислама в VIII в. В зороастризме божество индоиранского происхождения Митра изображается в лучах солнца. См. об этом: Kriwaczek P. In Search of Zarathustra. L., 2002.

²⁹Перевод В. А. Глазырина.

³⁰В Книге пророка Даниила вавилонский царь Навуходоносор II воздвигает золотого идола, которому под страхом смерти заставляет поклониться «все народы, племена и языки». Четыре иудейских отрока, в том числе Даниил, отказываются поклониться идолу, за что их бросают в печь, но отроки остаются невредимы, и Навуходоносор признает Бога евреев «Богом богов» (Дан. 3 : 1–28). Хотя в Библии нет указания на то, что идол держит в руке Солнце, но очевидно, что культ Солнца был главным в Древнем Вавилоне. Интересно, что этому сюжету посвящена комедия Симеона Полоцкого «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных» (1673–1674), написанная для царя Алексея Михайловича.

³¹Дефо отсылает нас к Второзаконию, где Бог разрешает поклонение небесным телам всем народам земли, но запрещает это израильтянам: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на [горе] Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо [гада,] ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли; и дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды [и] все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом» (Втор. 4 : 15–19).

³²Дефо здесь демонстрирует широкий христианский экуменизм и смягчает Афанасьевский символ веры, по которому все те, кто не верят в Иисуса Христа, будут прокляты и обречены на адские муки.

³³М. Новак высказывал предположение, что этим человеком мог быть Паоло Сарпи (Paolo Sarpi, 1552–1623), чей отчет об инквизиции (1611) часто включается в его более известную работу «История Тридентского собора» (1619), которую Дефо пересказывает вольно. См.: SR. 2022. P. 398.

³⁴Речь идет о папских территориях, которые в то время еще составляли большую часть Апеннинского полуострова. Упоминание апостола Петра отсылает к главному собору папской курии – базилике Святого Петра, который принял мученическую смерть в 66 г. Мощи святого помещены под алтарем этого собора в Ватикане.

³⁵Отсылка к евангельской мудрости: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7 : 15); «Но Господь сказал ему: ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства» (Лк. 11 : 39).

³⁶В то время иезуиты были активны на всем Дальнем Востоке и в Восточной Азии и были склонны принимать некоторые аспекты туземных верований. О споре между миссионерами-иезуитами и папством о разрешении китайцам поклоняться своим предкам и Конфуцию Дефо знал по уже упоминавшемуся трехтомному сочинению иезуитов Ле Конта и Гобьена. Дефо критически относился к иезуитам и к этому смешению христианства с конфуцианством.

³⁷Сейчас это северная часть Вьетнама, а в то время – отдельная страна.

³⁸Квиетизм – мистическое движение в католицизме, в котором сделан акцент на тишине и пассивности как пути к прямому контакту с Богом. В основном оно было популярно во Франции XVII в., хотя одним из толкователей квиетизма был испанский священник Мигель де Молинос (1640–1696), у которого со временем появились последователи по всей Европе.

³⁹«По самому факту» (лат.).

⁴⁰Лемберг – современный город Львов, сейчас, как и Киев, находится на территории Украины, но когда-то был частью Польши. Евреи имели здесь многочисленную влиятельную общину и процветали там до Второй мировой войны.

⁴¹ Речь идет о немецких протестантах, проживавших на территории Северо-Западной Польши и составлявших значительную часть населения польских городов, в частности, города Торунь.

⁴² О сочинениях см: гл. 3, ссылка 43.

⁴³ Поклонение русским святым и их иконам казалось европейцам варварским, но глубоко укоренившимся в русской культуре XVI–XVII вв. обычаем. См. об этом: *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. N. Haven, 1998. P. 293.*

⁴⁴ Речь идет о таинстве причастия, или евхаристии (греч. *εὐ-χαριστία* – благодарение, от *εὖ* – «добро, благо» и *χαρίς* – «почитание, уважение»), в ходе которого происходит пресуществление (трансубстанциация, *лат. transsubstantiatio*), или превращение хлеба и вина в тело и кровь Христа. В трактате «О вавилонском пленении церкви» Мартин Лютер подверг учение о пресуществлении критике. Лютеранство учит о консубстанции (*лат. consubstantialitas, con* – «с» и *substantis* – «сущность»), то есть о действительном присутствии в святом причастии Тела и Крови Христовой, хлеб и вино при этом теряют свою природную субстанцию.

⁴⁵ «Ни один народ не варварский настолько...» (*лат.*). Полная цитата, приписываемая Цицерону (цитирующему, скорее всего, Эпикуру), звучит следующим образом: «*cui non insideat haec persuasio Deum esse*» («Нет людей настолько варварских, чтобы не верить в существование Бога»). В таком виде она появляется в «Анатомии Меланхолии» Бертона и ряде текстов XVII в. См.: *The Anatomy of Melancholy: what it is. With all the kindes, causes, symptoms, prognosticks, and seuerall cures of it. In three maine partitions, with their seuerall sections, members and subsections. Philosophically, medicinally, historically opened and cut vp, by Democritus Iunior. Oxford, 1628.*

⁴⁶ Когда царица Савская оценивает мудрость Соломона, она говорит: «Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои, которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудрость твою!» (3 Цар. 10 : 4–8).

⁴⁷ «И сделал царь серебро и золото в Иерусалиме равноценным простому камню» (2 Пар. 1 : 15).

⁴⁸ На момент издания «Серьезных размышлений Робинзона Крузо» прусским королем был Фридрих Вильгельм I Гогенцоллерн (1713–1740). Однако, по всей видимости, в тексте идет речь о его отце Фридрихе I, которому в 1701 г. в Пруссии императором Священной Римской империи Леопольдом I был пожалован титул короля за его помощь в войне за испанское наследство. С именами этих правителей связан процесс так называемого возвышения Пруссии.

⁴⁹ «...который говорит: “остановись, не подходи ко мне, потому что я свят для тебя”. Они – дым для обоняния Моего, огонь, горящий всякий день» (Ис. 65 : 5).

⁵⁰ Здесь намек на Послание к Филиппийцам: «и мир Божий, который превыше всякого ума [лишенный всякого понимания], соблюдает [сохранит] сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Фл. 4 : 7).

⁵¹ Отсылка к Евангелию от Матфея: «Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото? <...> Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оеживающие комара, а верблюда поглощающие! Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» (Мф. 23 : 16–25).

⁵² Речь идет о гонениях на гугенотов и отмене Нантского эдикта 1598 г., который гарантировал им свободу вероисповедания изданием эдикта Фонтенбло от октября 1685 г. королем Франции Людовиком XIV. Эти печальные события во Франции были известны в Англии

из сочинения гугенотского пастора Жана Клода «Отчет о гонениях и притеснениях протестантов во Франции» (*Claude J. Account of the Persecutions and Oppressions of the Protestants in France. L., 1686*).

⁵³Риммон – сирийский бог-громовец, упомянутый в Четвертой Книге Царств. Здесь дается отсылка к сюжету о неискренней, вынужденной клятве (4 Цар. 5 : 1–19).

⁵⁴При жизни Д. Дефо было два таких Дня благодарения за победу над французами: празднование победы при Бленхейме на рубеже 1704 и 1705 гг. и победы при Рамили, состоявшейся в конце 1706 г.

⁵⁵Соломон – 3-й царь Израильского царства, правивший в X в. до н. э. Во время его царствования был построен Иерусалимский храм (главная святыня иудаизма), о чем повествуется во Второй книге Паралипоменон. В частности, когда строительство храма было завершено, царь Соломон собрал вождей Израиля и устроил семидневный праздник с последующим освящением жертвенника и призывами к Господу наполнить храм своим присутствием. Распустив собрание, Соломон увидел сон, в котором Бог обещал жить в храме до тех пор, пока люди остаются верными его уставам (2 Пар. 7 : 17–22).

⁵⁶Иосия – 16-й царь Иудейского царства, согласно Ветхому Завету, правил в VII в. до н. э. Провел религиозную реформу, нацеленную на восстановление забытого завета, данного народу Богом, и на борьбу с идолопоклонством: «Мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого» (1 Кор. 8 : 4). Эта реформа началось с избавления Иерусалимского храма от идолов (4 Цар. 22 : 5). Царь Иосия реорганизовал культ Единого Бога и отпраздновал Пасху, заключив с Господом в присутствии всего народа новый завет и обязуясь строго следовать Божьим заповедям (4 Цар. 23 : 23).

⁵⁷Карл I Стюарт (1600–1649) – король Англии, Шотландии и Ирландии (1625–1649), был казнен по решению парламента в ходе гражданской смуты середины XVII в.

⁵⁸Речь идет, скорее всего, о двух победоносных для Вильгельма Оранского сражениях против Якова II Стюарта в Ирландии – это битва при Бойне (Battle of the Boyne, 1 июля 1690 г.) и битва при Охриме (Battle of Aghrim, 12 июля 1691).

⁵⁹Речь идет об участии англичан в войнах против Людовика XIV на континенте. Действительно, здесь можно назвать единственную значительную победу английских войск под Намюром (июль – сентябрь 1695). См. об этом: SR. 2022. P. 510.

⁶⁰Исх. 14 : 26–31.

⁶¹Исх. 15 : 1–19.

⁶²2 Пар. 5 : 12–13.

⁶³Намек на то, что и Христос, когда говорит о «знамени Сына Человеческого на небе... восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою» или о втором пришествии, признается: «только Отец мой один» знает, когда произойдет это событие (Мф. 24 : 30–36).

⁶⁴Несомненно, в этом рассказе о споре между тремя верующими Дефо показывает глубину разногласий между диссентерами на диспуте о Троице 1719 г. в Солтер-холле.

⁶⁵Далее следует цитата из сатирической поэмы «Гудибрас», написанной в пародийно-героическом стиле Сэмюэлем Батлером (Samuel Butler, 1613–1680) и опубликованной в трех частях в 1663, 1664 и 1678 гг. Действие происходит в последние годы междоусобия, около 1658–1660 гг. В поэме излагается история о Гудибрасе, рыцаре и полковнике парламентской армии, постоянно попадающем в нелепые ситуации, и звучит сатира на устаревшие взгляды и на современную мораль, а также пародия на старомодную литературную форму. См.: *Butler S. Hudibras / ed. J. Wilders. Oxford, 1967. P. 5–6.*

⁶⁶Дефо имеет в виду раскол в исламском мире между шиитами, которые до сих пор господствуют в современной Персии, или Иране, и суннитами, проживающими на территории современной Саудовской Аравии, Турции и ряда других стран Ближнего Востока и всего мира.

⁶⁷Аллюзия на сюжет из Книги пророка Даниила о том, как Седрах, Мисах и Авденаго отказались соблюдать указ Навуходоносора о поклонении золотому идолу и были «брошены... в печь, раскаленную огнем». Пережив испытание в раскаленной печи, они восхваляли Бога Израиля, и прозрел Навуходоносор, и призвал «не поклоняться иному богу, кроме Бога своего» (Дан. 3, 1 : 100).

⁶⁸«Скормить христиан львам!» (*лат.*).

⁶⁹Константин Великий (ок. 280–337) – первый римский император, принявший христианство. В 312 г. гонения на христиан по всей империи прекратились. В 324 г. христианство было возведено в ранг государственной религии.

⁷⁰См. об арианстве: гл. 3, ссылка 28.

⁷¹Вестфальский договор 1648 г. завершил Тридцатилетнюю войну 1618–1648 гг. и фактически положил конец религиозным войнам в Европе. Это дало постоянный статус протестантскому вероисповеданию в Северной Европе и позволило немецким князьям придерживаться принципа «чья земля – того и вера».

⁷²Иисус рассказывает притчу о «враге», который «посеял плевелы среди пшеницы». Человек, который «посеял доброе семя на своем поле», оставил их расти вместе и решил по-временить до жатвы, дабы не повредить пшеницу. Дефо под «врагом» подразумевает дьявола (Мф. 13 : 24–30).

⁷³Апостолы Петр и Павел ведут спор об обрезании (Гал. 2 : 7–14).

⁷⁴Речь об английской революции середины XVII в.

⁷⁵Символизм традиционной христианской иконографии предполагает, что грешники оказываются слева, а праведники «седаща одесную Отца», то есть справа.

⁷⁶Предметом разногласий между лютеранами и кальвинистами, о которых шла речь выше, является прежде всего вопрос о предопределении, то есть о предустановленности событий истории и человеческой жизни волей Бога. Здесь Дефо занимает позицию, близкую взглядам Ж. Кальвина. Да, «неизменность вечных Божественных указов» проявится, но «действенность молитвы» все-таки делает возможным изменить «неизменность [Божественного предопределения]».

⁷⁷В первые века христианства существовал спор по вопросу о допустимости крещения еретиками, противостоявшими ортодоксам. Святой Стефан (†257) известен своим диспутом с карфагенским епископом Киприаном (†258), который считал, что те христиане, которые были крещены еретиками, не нуждались в повторном крещении при присоединении к римско-католической церкви. В конце концов было решено, что они должны креститься в римско-католической церкви, следуя точному ритуалу.

⁷⁸Николас Ридли (Nicholas Ridley, ок. 1500–1555) – епископ Рочестера (1547), один из первых реформаторов англиканской церкви. Помогал Томасу Кранмеру (1489–1556) писать «Книгу общих молитв» и «Тридцать девять статей», которые стали основой англиканских верований. Был объявлен еретиком, когда Мария I Тюдор (1553–1558) пыталась восстановить католицизм в Англии. Был сожжен заживо за ересь вместе с епископом Хью Латимером (Hugh Latimer, ок. 1485–1555) 16 октября 1555 г.

⁷⁹Джон Хупер (John Hooper, 1495–1555) – епископ Глостера (1550) и Вустера (1552). Ему пришлось бежать из Англии в 1539 г. в результате ссоры с Н. Ридли в дискуссии по основам епископализма и облачения священников. Суждение Дефо о том, что Хупер был «почти пресвитерианином», имеет некоторую основу. Был сожжен заживо 9 февраля 1555 г.

⁸⁰Дефо ссылается на эту притчу из Евангелия от Луки несколько раз ранее в этом тексте. Он критикует фарисея не только за гордыню, но и за его уверенность в том, что его класс и богатство якобы придают ему особые привилегии в отношениях с Богом (Лк. 18 : 11).

⁸¹«Чистую совесть храня, не бледней от сознания проступков» (пер. Н. С. Гинцбург). Автором этого стиха был не Вергилий, как указывает Дефо, а Гораций.

⁸²Отсылка к Евангелию от Матфея: «Если же раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами – то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 24 : 51).

⁸³День Страшного суда в традиционной христианской эсхатологии.

⁸⁴Пс. 34 : 16.

⁸⁵Перевод В. А. Глазырина.

⁸⁶«Черный лебедь» – идиома, по смыслу близкая к выражению «редкая птица».

⁸⁷Отсылка к десяти заповедям Моисея. Заповеди с шестой по десятую касаются отношений между людьми, устанавливая запреты на различные виды преступлений, от убийства до прелюбодеяния. Первые пять касаются отношений с Богом (Исх. 20 : 3–11). Их соблюдение Дефо считает проявлением подлинной религиозности.

⁸⁸Перевод В. А. Глазырина.

⁸⁹После обвинений апостола Павла в том, что он «человек зловредный и зачинщик мятежа», римский прокуратор Иудеи Феликс призывает его к себе и слушает его проповедь о воскресении мертвых, праведности, воздержании и грядущем суде. Потрясенный прокуратор освобождает Павла (Деян. 24 : 10–26).

⁹⁰Речь идет о вере греков и римлян в то, что любимые богами герои по окончании бренной жизни попадают на Елисейские поля, или в Элизиум, где они будут вечно счастливы.

⁹¹В Евангелии от Матфея рассказывается история о богатом юноше, который спрашивает у Иисуса, как ему обрести жизнь вечную. Иисус перечисляет ряд заповедей. Юноша говорит, что он действительно соблюдал их, и спрашивает: «Чего еще недостает мне?» Затем Иисус говорит ему раздать свое богатство бедным. Ответ не устраивает юношу, и молодой человек уходит в расстроенных чувствах. Затем Иисус произносит проповедь против мирского богатства, заявляя, что те, кто отказываются от всего, чтобы следовать за Ним и Его учением, получают великую награду на Небесах (Мф. 19 : 21–30).

⁹²Мытарь, которому фарисей выражает презрение в своей молитве (Лк. 18 : 11–13).

⁹³Три завета Бога, два из которых были нарушены. В первом случае Адам не повиновался Божьему повелению воздерживаться от вкушения от древа познания. Во втором израильтяне нарушили дарованные им десять заповедей. Третий завет – распятие Христа и последующее обещание вечной жизни человечеству через веру в Иисуса наряду с покаянием.

⁹⁴Перевод В. А. Глазырина.

⁹⁵Убийство Томаса Тинна произошло 12 февраля 1682 г. и почти наверняка было спровоцировано графом Кенигсмарком, который был разочарован после того, как Тинну удалось жениться на вдове лорда Огла, за которой Кенигсмарк тоже ухаживал. Граф был признан невиновным, но человек, который произвел выстрел, Георгий Бороски, вместе с двумя сообщниками, Кристофером Урацем и Джоном Стерном, были казнены 10 марта 1682 г. Сообщается, что по дороге на казнь Урац сказал, что он спокоен, потому что считал, что Бог будет обращаться с ним как с джентльменом.

К ГЛАВЕ 5

¹Цитата из Книги притчей Соломоновых: «если будешь призывать знание и взывать к разуму; если будешь искать его, как серебра, и отыскивать его, как сокровище, то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге» (Притч. 2 : 3–5).

²Дефо уподобляет пассивное отношение к Богу такому греху как леность. Леность указывает на трудности и препоны во всяком деле, дабы только отложить его (Притч. 22 : 4).

³В русском синодальном переводе это не 33-я, а 32-я глава Книги притчей Соломоновых (стих 6).

⁴Интерпретация этого стиха («Словом Господа сотворены небеса; и все воинство их – духом уст Его») соответствует «Аннотациям к Библии» Мэттью Пула, который видит в этом стихе «все лица Троицы, Иегову, Отца, и Слово, и Дух», истолковывая Христа как «слово Господа», а Святого Духа – как «дыхание его уст». Рассматривая псалмы в такой христологической манере, Дефо предполагает, что еврейские комментаторы были слепы к тому, что он считает ясным значением текста. См.: Matthew Poole's Annotations upon the Holy Bible : 2 vols. L., 1700; SR. 2022. P. 578.

⁵Естественная религия была магистральной темой в европейском интеллектуальном дискурсе Нового времени, а в Англии – в XVII – первой половине XVIII в. Чаще всего под этим понятием подразумевалась «религия природы», в которой Бог, душа, духи и все объекты сверхъестественного рассматривались в качестве ее базовых элементов. Естественная религия оказывалась вполне соотносимой с дохристианскими верованиями. Такой анализ провел Герберт из Чербери (Edward Herbert, 1st Baron Herbert of Cherbury, 1583–1648) в сочинении «О языческой религии» (*De religione gentilium*), изданном уже посмертно, в котором он провел сравнительный анализ различных религиозных воззрений. Ключевым моментом в разрыве христианства и естественной религии, по его мнению, является новое учение Августина Блаженного о душе, способной отделиться от материального мира (IV в.). См. об этом: Поляков А. А. «Отец деизма»: проблемы исследования философии Герберта из Чербери // Культура и искусство. 2021. № 5. С. 12–24.

⁶Это утверждение основано на идее о том, что Бог дарует Адаму «владычество» (Быт. 1 : 28–30).

⁷Выпад Дефо против деистов, которые утверждали, что хотя Бог и сотворил землю, Он не вмешивался в повседневную жизнь человека.

⁸Таким образом, природа дает человеку своего рода код и способность истолковывать знаки промысла Божьего в природе, указывая на благодать. См. об этом: Patey D. Probability and Literary Form. N. Y., 1984.

⁹Притч. 22 : 3.

¹⁰«Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иер. 10 : 23).

¹¹Накануне взятия Вавилона персидским царем Киром на стене пиршественного зала вавилонского царя Валтасара появилась горящая надпись: «Мене, мене, текел, упарсин», что в переводе с арамейского означало: «Исчислено, исчислено, взвешено, разделено». Это был приговор, вынесенный Богом самому Валтасару и всему его царству (Дан. 5 : 1–30).

¹²Мф. 10 : 29–30.

¹³Дефо был впечатлен способностью современных ученых рассчитать наступление затмения 1715 г. Он пытается связать способность ученых предсказывать будущее с предсказаниями того, что он называет «Голосами невидимых Агентов Мира Духов». См.: SR. 2022. P. 583.

¹⁴«Доколе, невежды, будете любить невежество? доколе буйные будут услаждаться буйством? доколе глупцы будут ненавидеть знание?» (Притч. 1 : 22).

¹⁵Произведения Дефо изобилуют примерами персонажей, подвергающихся суду Провидения после того, как они делают «опрометчивые» или «адские» заявления. Например, Робинзон воспринимает испытания, выпавшие на его долю, как наказание за пренебрежение волей отца.

¹⁶«Наказываю тебя!» (исп.).

¹⁷«Для устрашения» (лат.).

¹⁸«Неудачный день» (лат.).

¹⁹В Библии часто упоминается о «злых днях» или «злых времена». См., например: «Поэтому благоразумные умолкнут в то время; ибо это злое время» (Амос 15 : 13; Пс. 37 : 19; Ефес. 5 : 16).

²⁰Дефо обнаруживает здесь интерес к взаимосвязи событий, который наиболее заметен в другом его анонимном сочинении 1720 г. – «Мемуары кавалера», написанном от лица полковника Эндрю Ньюпорта. В нем можно найти список параллельных дат некоторых важных исторических событий гражданских войн в Англии XVII в. и Тридцатилетней войны в Европе. См.: *Defoe D. Memoirs of a Cavalier / ed. J. Boulton. L., Oxford, 1972. P. 272–276.*

²¹Джон Хотэм (John Hotham, 1589–1645) – член английского парламента, губернатор портового города Халл (графство Йоркшир, в русскоязычных изданиях «Робинзона Крузо» переводится как Гулль), в котором находились и военные склады. 10 августа 1642 г. в ходе событий Английской революции не впустил короля Карла I Стюарта в город, тем самым лишив его доступа к большому арсеналу. Позже, в 1644 г., примерно в это же время он и его сын Джон Хотэм младший были обвинены в предательстве парламента, признаны виновными и казнены.

²²Верховный суд правосудия (135 членов палаты общин победившего парламента) был создан 4 января 1649 г. и приговорил короля к смертной казни по обвинению в государственной измене.

²³30 января 1641 г. в палате общин английского парламента было зачитано обвинение графа Страффорда, ближайшего сподвижника короля в борьбе с парламентом, в государственной измене. Казнь короля Карла I Стюарта состоялась в тот же день – 30 января 1649 г. В его последнем слове прозвучало упоминание о том, что Господь наказал его за то, что он подписал смертный приговор графу Страффорду.

²⁴В начале мая 1681 г. в палате общин проходило третье слушание Билля об исключении, инициированного вигами с целью лишить брата короля и предполагаемого наследника Якова Стюарта, герцога Йоркского, права престолонаследия, так как он был католиком. Вигский парламента был разогнан, билль так и не получил силу закона. Коронация Якова II Стюарта состоялась 3 мая 1685 г., однако он был свергнут с престола в результате «Славной революции» 1688–1689 гг. Акт о престолонаследии 1701 г. окончательно исключил католиков из списка престолонаследников Английского королевства.

²⁵«Благоразумный видит беду, и укрывается; а неопытные идут вперед, и наказываются» (Притч. 22 : 3).

²⁶Отсылка к басне «Геракл и возчик», приписываемой Эзопу и по смыслу связанной с половицей «Бог помогает тем, кто помогает себе». Используя эту басню, Дефо делает акцент на индивидуальном действии, а не на Провидении, голосу которого посвящена эта глава. Отсюда он называет пассивность «летаргией худшей природы». Кроме того, следует помнить, что эти рассуждения исходят от Р. Крузо, который неустанно трудился на своем острове. См. об этом: SR. 2022. P. 589.

²⁷«Практический атеист» – человек, который верит в существование Бога, но ведет свою жизнь так, как будто Его не существует. Это выражение нередко встречается в религиозных трактатах XVII в. Например, оно используется архиепископом Дж. Тиллотсоном в сочинении «Мудрость быть религиозным», в котором автор затрагивает те же аспекты веры, что и Дефо в «Серьезных размышлениях». См.: *Tillotson J. The Wisdom of Being Religious // The Works of Dr. John Tillotson, late Archbishop of Canterbury. 3rd ed. L., 1701. P. 1–33.*

²⁸Речь идет о войне между Францией и Аугсбургской лигой в 1688–1697 гг., в которой Шарль Анри де Лоррен, принц де Водемон (Charles-Henri de Lorraine, 1649–1723), и Вильгельм III Оранский были союзниками. Водемон сумел отвлечь французскую армию, что сделало возможным успех Вильгельма при Намюре. Осада Намюра тянулась с июля по 1 сентября 1695 г., когда город сдался. Это стало величайшей победой Вильгельма Оранского. Французскими

войсками командовали генерал де Монталь (Charles de Montsaunin, Comte de Montal, 1619–1696) и маршал Вильруа (François de Neufville, Duke of Villeroy, 1644–1730). Ньивпорт (Nieuport) и Менен (Menin) – города во Фландрии на границе с Францией, современная Бельгия.

²⁹ См. о явлении Бога Аврааму (Быт. 12 : 1, 17 : 1), Лоту (Быт. 19 : 1–23) и Иакову (Быт. 35 : 1).

³⁰ Маной – персонаж Библии, благочестивый муж. Будучи женатым, он долгое время не имел детей. В 13-й главе Книги Судей Маной и его жене является ангел, извещающий их о рождении ребенка, которого впоследствии назвали Самсоном.

³¹ Захария (Лк. 1 : 5–25).

³² Дева Мария (Лк. 1 : 26–38).

³³ Авимелеха во сне предостерегали от прикосновения к жене Авраама Сарре (Быт. 20 : 3). Валааму Бог дважды является во сне (Числа 22 : 9–12, 20). Жена Понтия Пилата предостерегает своего мужа от наказания Иисуса, поскольку она «много пострадала сегодня во сне из-за Него» (Мф. 27 : 19). История Ирода окружена снами; Иосифа предупреждают, что Ирод планирует уничтожить Иисуса; мудрецы с Востока получают во сне предупреждение не возвращаться к Ироду; после смерти Ирода Иосифу во сне было сказано, что он может вернуться в Израиль.

³⁴ «Мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» (2 Петр. 1 : 19).

³⁵ Это последнее наставление Матфея тем, кто собирается проповедовать Евангелие (Мф. 28 : 20).

³⁶ Петр «видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полено, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю» (Деян. 10 : 9–20).

³⁷ Дефо цитирует неточно. «Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещашь его?» (Пс. 8 : 4–5).

³⁸ Здесь, как и в других местах, Дефо утверждает, что чрезмерно строгая интерпретация предопределения, предложенная Жаном Кальвином и многими пресвитерианскими богословами, лишила бы Бога «привилегии быть свободным деятелем».

³⁹ Словарь Дефо принадлежит в большей степени XVII в., а не экспериментам Роберта Бойля, поэтому здесь слово «симпатический» используется в значении «вызывающий симпатию», в силу чего «предметы» притягиваются друг к другу.

⁴⁰ Сарказм Дефо, вероятно, относится к его современникам-деистам, таким как Джон Толанд и Энтони Коллинз.

⁴¹ Город Хантингдон и деревня Кэкстон находятся, соответственно, на северо-западе и западе от Кембриджа в нескольких десятках километров от него и связаны прямой дорогой. Этот район был во времена Дефо хорошо известен регулярно совершавшимися там грабежами.

⁴² Дефо здесь объединяет два отрывка: «и сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее» (Иов 1 : 7) и «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Петр 5 : 8).

⁴³ «Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать [убийце]» (Исх. 21 : 13).

⁴⁴ Город как место для «бегства в поисках убежища к надежде, лежащей перед нами» (Числа 35 : 11–15, 25–28; Втор. 4 : 41–43, 19 : 2–4, 9, 11; Нав. 20; Исх. 21 : 13).

⁴⁵ Втор. 19 : 5.

⁴⁶ Дефо, вероятно, имеет в виду конкретные сочинения. См., например: *Turner W. A compleat history of the most remarkable providences both of judgment and mercy, which have hapned in this*

present age extracted from the best writers, the author's own observations. L., 1697; Reynolds J. The triumphs of Gods revenge against the crying and execrable sinne of (wilful and premeditated) murther: with his miraculous discoveries, and severe punishment thereof: in thirty several tragical histories, (digested into six books) committed in divers countreys beyond the seas. L., 1635 и др.

К ГЛАВЕ 6

¹«И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы» (Ис. 2 : 2).

²«Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11 : 9).

³«И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево» (Откр. 7 : 1).

⁴«И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24 : 14); «И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13 : 13); «Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?» (Лк. 21 : 8–36; 24 : 17).

⁵Тартария (*лат.* Tartaria, *англ.* Tartary) – географический термин в западноевропейской литературе и картографии раннего Нового времени, применявшийся для именованя обширных областей от Каспия до Тихого океана и до границ Китая и Индии.

⁶Картахена – крупный порт на берегу Карибского моря на севере Южной Америки на рубеже XVII–XVIII вв., испанская колония. Благодаря выгодному местоположению на путях в Атлантику стал важнейшим перевалочным пунктом в торговле между Старым и Новым светом, основным портом, использовавшимся для вывоза золота и серебра из Америки.

⁷Кейп-Бретон – остров на атлантическом побережье Северной Америки, относился к колонии Новая Шотландия, захваченной впоследствии французами.

⁸Великая река Канады – распространенное при жизни Д. Дефо название реки Святого Лаврентия (до Семилетней войны 1756–1763 гг.), протекающей через Квебек – столицу французских владений на северо-востоке Северной Америки.

⁹Речь идет о Лапландии.

¹⁰Перечисление земель и народов Сибири, сведения о которых Дефо черпал, скорее всего, из сочинения Адама Олеария «Вояжи и путешествия послов, посланных Фридрихом герцогом Гольштейнским в... Московию, Тартарию, Персию». См.: *Olearius A. The Voyages and Travels of the Ambassadors Sent by Fredeick Duke of Holstein to... Muscovy, Tartary, Persia.* L., 1662, P. 60–61; Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / пер. П. П. Барсова. М., 1870.

¹¹Буджак – историческая область на юге Бессарабии, занимающая южную часть между речья Дуная и Днестра.

¹²Каракатия – средневековое феодальное государство, существовавшее в Средней и Центральной Азии в 1140–1212 гг.

¹³В качестве источника информации о жителях Амазонии Д. Дефо использует книгу сэра Уолтера Рэли «Открытие большой, богатой и прекрасной империи Гвиана» (1596). См.: *The Discovery of the Large, Rich, and Beautiful Empire of Guiana: With a Relation of the Great and Golden City of Manoa, by Sir W. Raleigh / ed. by Sir R. H. Schomburgk.* Cambridge, 1848.

¹⁴Река в Южной Америке, протекает преимущественно по территории современной Венесуэлы.

¹⁵Крупная река в Южной Америке, протекает по территориям современного Парагвая и Бразилии.

¹⁶Восточный Нью-Джерси и Западный Нью-Джерси были отдельными колониями до 1702 г.

¹⁷Раппаханок – река на востоке английской колонии Вирджиния. Обе реки (Раппаханок и Джеймс) впадают в Чесапикский залив.

¹⁸Аннаполис – город, заселенный французами в начале XVII в. и известный как Порт-Рояль. Был захвачен британскими войсками в 1710 г. во время Войны за испанское наследство и переименован в честь королевы Анны. Передан Великобритании в соответствии с положениями Утрехтского договора 1713 г. Столица современного штата Мэриленд в США.

¹⁹Южные моря – устаревшее название Тихого океана, в данном контексте речь идет о западном побережье Северной Америки.

²⁰Первая русская экспедиция под руководством Семена Дежнева пересекла пролив, лежащий между двумя частями света, еще в 1648 г. Европейцам о существовании данного пролива стало известно после экспедиции Витуса Беринга в 1728 г. До этого в европейской картографии бытовало представление о существовании мифического пролива, который соединял Азию и Северную Америку, под названием пролив Аньян (*англ.* Strait of Anian).

²¹Дефо использует сведения из сочинения испанского священника Бартоломе де лас Касаса «Краткое описание разрушения Индий» (1552), основной источник «черной легенды» о жестокости испанцев в Америке.

²²После Всемирного потопа (Быт. 6–10).

²³Фернандо Кортес захватил столицу Ацтекской империи Теночтитлан в 1519 г. По подсчетам самого Д. Дефо, Кортесом было уничтожено около 5 млн человек. Разгром империи ацтеков позволил создать вице-королевство Новая Испания. Экспедиция испанских конкистадоров в Мексику приходится на правление Карла V Габсбурга, короля Испании с 1516 г., императора Священной Римской империи с 1519 по 1556 г.

²⁴Речь идет о Монтесуме I Илуикамине (ок. 1398–1469), верховном правителе ацтеков. Под «идолом Вицлипуцли» Д. Дефо, скорее всего, имеет в виду культ Уицилопочтли – бога солнца и войны в мифологии ацтеков. Расширение храма Уицилопочтли происходило в годы правления Монтесумы I. Строительство сопровождалось человеческими жертвоприношениями.

²⁵Указание на истребление язычников Иисусом Навином, преемником Моисея, в ходе завоевания Ханаана (Нав. 11 : 12–23; Пс. 77 : 55–67).

²⁶Имеются в виду войны между Римом и Карфагеном 268–241, 219–202 и 149–146 гг. до н. э. Рим провел три войны (известные как Пунические) против Карфагена, своего соперника за контроль над Средиземным морем. После полного разрушения Карфаген возродился как римская колония.

²⁷Согласно древнеримским историкам, Дидона была дочерью Агенора, финикийского царя Тира. Она сбежала от Тира после того, как ее брат Пигмалион убил ее мужа Сихея, богатейшего из всех финикийцев. Явившись ей во сне, Сихей открыл причину своей смерти и местонахождение своих сокровищ. Дидона забрала богатства умершего мужа и бежала в окрестности будущего Карфагена, где, используя свое состояние и ум, получила большой участок земли и основала город Карфаген. В «Энеиде» Вергилия Эней, спасаясь от разрушения Трои, прибывает в Карфаген, где становится любовником Дидоны. Следуя зову судьбы, Эней затем отправляется в Италию, а Дидона совершает самоубийство. См.: SR. 2022. P. 648.

²⁸Дефо ссылается здесь на «Историю войн» Прокопия Кесарийского, жившего в VI в. н. э.

²⁹В начале Книги Иисуса Навина Бог обращается непосредственно к нему, приказывая ему быть смелым и следовать его указаниям. Он напоминает Иисусу Навину о его обещании отдать землю народу Израиля. Господь продолжает наставлять его в завоеваниях, предполагающих уничтожение всех врагов (Нав. 1 : 12).

³⁰Понт Эвксинский – древнегреческое название Черного моря.

³¹Евгений Савойский (1663–1736) – выдающийся полководец своего времени, генералиссимус, служил Священной Римской империи. Победа принца Евгения над турецкой армией

и взятие Белграда были достигнуты 16 августа 1717 г. в ходе австро-турецкой войны 1716–1718 гг. Для британцев принц Евгений был настоящим героем после его побед в Войне за испанское наследство (1701–1713/1714).

³²Речь об Эгейском море.

³³Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (примерно 160–230) – один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей, теологов и апологетов.

³⁴Киприан Карфагенский (200–258) – епископ Карфагенский и латинский богослов. Создатель канонического учения о единстве церкви и ее иерархической структуре.

³⁵Дефо восхищался русским царем Петром I, который, по его мнению, был сильным правителем, цивилизовал свою нацию и модернизировал русскую армию.

³⁶Дефо, скорее всего, имеет в виду битву при Гавгамелах (331 г. до н. э.), где Александр Македонский полностью разгромил армию персидского царя Дария III. Численность армии персидского царя в 680 тыс. человек не соответствует историческим реалиям.

³⁷Вновь отсылка к диспуту между представителями неконформистских деноминаций в Солтер-холле 1719 г.

³⁸В интеллектуальном дискурсе XVII в. ярко выражено стремление определить критерии «справедливой войны». Наиболее авторитетными авторами в этом вопросе стали писатели «естественного права» Гуго Гроций и Самуил Пуфендорф.

³⁹Распространение христианства на Британских островах связано с именами Иосифа Аримафейского, святого Патрика и других святых отцов. Есть свидетельства существования здесь христианства во II в. и его утверждения к IV в., хотя археологические данные свидетельствуют о преобладании в этот период поклонения языческим богам. Однако «апостолом англичан» и основателем церкви в Англии считается Августин Кентерберийский, назначенный в 595 г. папой римским, главой миссии в Британию, в королевство Кент.

⁴⁰«Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10 : 16).

⁴¹«Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Ефес. 2 : 8).

⁴²«И сынам Израилевым скажи: кто будет злословить Бога своего, тот понесет грех свой» (Левит 24 : 15).

⁴³«Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых – врачует» (Притч. 12 : 18).

⁴⁴В синодальном переводе это 108-й, а не 109-й псалом: «отвсюду окружают меня словами ненависти, вооружаются против меня без причины» (Пс. 108 : 3).

⁴⁵Рассуждение о политическом отступничестве имеет особое значение для самого Дефо, который в 1710–1714 гг. подвергался нападкам как изменник и перебежчик, так как продолжал работать на правительство, после того как партия вигов (на которых он работал прежде) ушла в отставку; позже разоблачались его связи с журналом якобитов, противников правящей династии Стюартов. Эти и другие обстоятельства породили образ Дефо как беспринципного писателя, готового служить любому делу. Стихотворение Джорджа Уизера, помещенное в главе далее, следует рассматривать как стремление Дефо показать, что этот пассаж не является автобиографической исповедью. См.: *Novak M. Daniel Defoe Master of Fiction. Oxford, 2001. P. 491, 503–504.*

⁴⁶Смысл выражения *drug be a Vomit for a Do* заключается в следующем: «Терпение волей-неволей – лекарство от бешеной собаки». Драхма – единица измерения массы в системе мер Британии, в основе которой лежит фунт (453,6 г), драхма соотносится с фунтом как 1/256, или 1,772 г. Использовались аптекарями при изготовлении лекарств.

⁴⁷Джордж Уизерс (George Withers, 1588–1667) – английский поэт, памфлетист, сатирик и автор гимнов.

⁴⁸Тауэр – королевская резиденция в средневековый период и раннее Новое время, служившая одновременно тюрьмой.

⁴⁹Перечисление властных органов после смерти О. Кромвеля в сентябре 1658 г.: Государственный совет, состоявший из высших армейских чинов; Охвостье –сохранившийся депутатский корпус созванного еще в 1642 г. Долгого парламента. Генерал Джордж Монк, не попавший в Государственный совет, в феврале 1660 г. возглавил переворот и обеспечил реставрацию династии Стюартов на английском престоле.

⁵⁰Перевод В. А. Глазырина.

⁵¹Отсылка к образу вавилонской блудницы, что «облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее» (Откр. 17 : 3–7).

⁵²Скорее всего, речь идет о войнах Аугсбургской лиги с Францией в 90-е гг. XVII в.

⁵³Имеется в виду император Священной Римской империи германской нации, который, как правило, был представителем династии Габсбургов и монархом Австрии. Под его управлением находились обширные территории Европы от Северного до Средиземного моря.

⁵⁴Скорее всего, речь идет о Людовике XIV Бурбоне (1642–1715), «короле-солнце», при котором Франция была процветающей густонаселенной страной.

⁵⁵«Политическая арифметика» – термин, вошедший в обиход в XVII в.; больше всего ассоциировался с сочинением сэра Уильяма Петти «Эссе по политической арифметике» (*Essays in Political Arithmetick and Political Survey or Anatomy of Ireland*, 1672), хотя уже до него Джон Граунт начал делать выводы на основе анализа данных о смертности.

⁵⁶Флп. 2 : 3.

⁵⁷Речь о Компании Южных морей. В то время, когда Дефо писал «Серьезные размышления», он предостерегал от ее грядущего краха, рассматривая инфляцию акций этой компании как признак грядущей катастрофы. «Пузырь» лопнет осенью 1720 г., когда третья часть романа о Робинзоне уже будет напечатана.

⁵⁸Это места в обширной зоне побережья Южной Индии.

⁵⁹В 1685 г. Венеция попыталась отвоевать Морею или греческий полуостров Пелопоннес у турок, захвативших его в 1543 г. Фактически османские войска смогли вернуть себе эту часть Греции только в 1715 г. и сохраняли контроль до XIX в.

⁶⁰Кандия, или современный Крит, была захвачена турками в 1669 г. Венецианцы захватили Кипр в 1472 г., но потерпели поражение от турок в 1560 г.

⁶¹Cruisado – Крузо шутит над совпадением написания своего имени с написанием выражения «крестовый поход» по-испански.

⁶²То есть силам объединенных правителей христианской Европы.

⁶³Территории Северной Африки от Марокко до Туниса.

⁶⁴Имеется в виду небесное воинство.

К ГЛАВЕ «АНГЕЛЬСКИЙ МИР»

¹Речь идет о роде людском, к которому, как представляется, Дефо в целом относится презрительно.

²«Принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место» (Деян. 1 : 25).

³Лк. 16 : 22–25.

⁴Мф. 14 : 25–26.

⁵«И беспрекословно – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе» (1 Тим. 3 : 16).

⁶Дефо говорит о восприятии, которое выходит за пределы обычных человеческих чувств, и особенно человеческого зрения. См.: SR. 2022. P. 783. В целом мир духов или потусторонний мир для Д. Дефо – это поле чувственного восприятия.

⁷Речь идет о «первом пришествии», или о воскресении Иисуса, когда Он появляется перед двумя своими учениками по дороге в Эммаус. Они не узнали Его и говорили с Ним о пропавшем из гроба Теле Учителя и о не подтвердившихся слухах о воскресении. Иисус упрекнул их: «О, бессмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки». Иисус обедает с ними, и после того, как Он благословляет хлеб, пелена спадает с глаз апостолов, и они узнают, что это Сам Господь Иисус Христос. В этот момент Он стал невидимым. Дефо подчеркивает глупость и неверие учеников Христа (Лк. 24 : 13–31).

⁸Зеведей – отец двух из 12 апостолов, Иакова и Иоанна, отпустивший сыновей вслед за Иисусом. Далее речь идет об их матери Саломии, которая просила у Спасителя, чтобы в царстве Своем Он посадил одного по правую руку, а другого – по левую (Мф. 20 : 20–23, Мк. 10 : 35–40). Дефо приводит это как пример глупости, бестактности и делает это несколько неуважительно по отношению к почитаемой церковью жене-мироносице, проводя аналогию с первыми должностными лицами английского государства – лордом-казначеем (lord treasurer) и лордом-канцлером (lord chancellor).

⁹«...как Он [Христос] был узанан ими [учениками] в преломлении хлеба. Когда они говорили о сем, Сам Иисус стал посреди них и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа» (Лк. 24 : 35–37).

¹⁰«Соблюдайте все уставы Мои и все законы Мои и исполняйте их» (Лев. 19 : 37).

¹¹«И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то Я обращаю лице Мое на ту душу и истреблю ее из народа ее» (Лев. 20 : 6). См. также: 2 Пар. 33 : 6.

¹²Аэндорская волшебница вызвала по просьбе царя Саула накануне решающей битвы с филистимлянами дух покойного пророка Самуила для предсказания исхода битвы и судьбы (1 Цар. 28). В христианском богословии этот образ породил спор о том, кто на самом деле явился по ее зову – дух пророка, демон, или же это было шарлатанством. Чаше воспринимается как образ колдуньи или ведьмы (1 Самуил 28 : 7–25).

¹³Пау-вау – магический ритуал североамериканских индейцев.

¹⁴Смерть его сыновей и его самого.

¹⁵Ангел появляется и освобождает Петра из темницы; затем Петр идет в дом Марии, матери Иоанна, стучит в дверь и рассказывает собравшимся о своем побеге. «И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его» (Деян. 12 : 7–15).

¹⁶1 Цар. 28 : 14–25.

¹⁷Эпизод из первого тома трилогии «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Отсылка к месту – «где бы это ни случилось» – может рассматриваться как «запутывание следов» Крузо-Дефо.

¹⁸«Тогда царь изменился в лице своем; мысли его смутили его, связи чресл его ослабели, и колени его стали биться одно о другое», когда Валтасар увидел руку, оставляющую надпись на стене. (Дан. 5 : 6). См. также ссылку 11 в гл. 5.

¹⁹В двух предыдущих томах Д. Дефо не упоминает эту историю, однако в коротком варианте она представлена в первой главе «Об одиночестве».

²⁰Манор (англ. manor) – владение ленд-лорда в Англии и Шотландии (см. об этом в гл. 1).

²¹Ярд (англ. yard) – единица измерения расстояния, равен трем футам или 0,91 м (приблизительно 1,8288 м).

²²Дефо имеет в виду, что Бог создал человека по своему образу и подобию (Быт. 1 : 26–27).

²³«И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал» (Быт. 8 : 21).

²⁴Иак. 1 : 14.

²⁵«Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении» (2 Петр. 2 : 18).

²⁶«Чтобы не сделал нам ушерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы» (2 Коринф. 2 : 11).

²⁷«И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Мф. 2 : 12).

²⁸Например, Томас Гоббс определял сны как «угасающее чувство», неорганизованные остатки осознания событий дня. См.: *Hobbes T. Leviathan / ed. A. R. Waller. Cambridge, 1936. Pt. 1, chap. 2.*

²⁹Дефо связывает этот отрывок с притчей о блудном сыне. «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц» (Иов 42 : 12).

³⁰В Книге Царств нередко говорится о вопрошании Господа людьми (1 Цар. 14 : 36–37; 22 : 10; 23 : 69 и др.), в частности, с помощью священных камней урим и туммим, которые священник носил в нагруднике. Это было одним из средств вопрошания людей о будущем, о своей судьбе (1 Цар. 28 : 6). В Новом Завете об урине и туммиме уже ничего не говорится.

³¹В Деяниях апостолов повествуется об Анании, которому Бог в видении открыл свой промысл о Савле, которого Он избрал Своим орудием; Анания посетил слепого Савла, возложением на него рук возвратил ему зрение и крестил под именем Павла (Деян. 9 : 1–19; 2 Кор. 12 : 1–21).

³²Другому персонажу из Деяний апостолов, центуриону римской армии Корнилию, является ангел, дабы призвать Симона, называемого Петром. Корнилий выполнил указание ангела и после проповеди Петра в его доме крестился (Деян. 10 : 4–5).

³³«В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи» (Деян. 9 : 10)

³⁴«... и видел в видении мужа, именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтобы он прозрел» (Деян. 9 : 12).

³⁵«И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо. Когда же Петр недоумевал, расспросив о доме Симона, остановились у ворот и, крикнув, спросили: здесь ли Симон, называемый Петром? Между тем как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя; встань, сойди и иди с ними, нимаго не сомневаясь; ибо Я послал их. Петр, сойдя к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, которого вы ищете; за каким делом пришли вы?» (Деян. 10 : 13–21).

³⁶Дефо использует «Завет Книги Левит», потому что именно в этой книге Пятикнижия изложено так много законов Ветхого Завета, которые впоследствии были трансформированы в Новый Завет.

³⁷«Бог говорит однажды и, если во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе. Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление, чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость, чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом» (Иов 33 : 14–18).

³⁸Причиной ревности братьев Иосифа явилось то, что их отец Иаков очень любил Иосифа и «дал ему разноцветную одежду», а также то, что Иосиф сообщил, что видел два сна, смысл

которых заключался в том, что члены его семьи, включая его братьев, склонятся перед ним. Сначала ему снится, что снопы в поле склоняются к его снопу, а затем ему снится второй сон, предполагающий его первородство над остальными членами семьи. После того как ему пришлось, что «солнце, луна и одиннадцать звезда поклонились мне», его отец Израиль (Иаков) упрекнул его, говоря: «Что это за сон, который ты видел? Неужели я, твоя мать и твои братья придем поклониться тебе до земли?» (Быт. 37 : 3–10).

³⁹Естественнонаучный дискурс того времени связывал сны со здоровьем человека.

⁴⁰Мириянин справедливо связывает концепции лимба и чистилища с идеями римско-католической церкви. Здесь лимб (*лат.* limbus – рубеж, край) понимается как место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее ни с адом, ни с чистилищем. Чистилище является местом наказания и очищения от грехов, помогающим попасть на Небеса. О насмешках Дефо над концепцией чистилища см. в его сочинении «Политическая история дьявола».

⁴¹«...не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?» (Быт. 18 : 25).

⁴²Дефо убежден, что душа всегда активна, но сон тела может ограничивать ее способность воспринимать смыслы снов; и так как душа есть форма духа, то она способна воспринимать то, чего не может увидеть глаз человека.

⁴³«Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3 : 8).

⁴⁴Идея о том, что могут существовать другие обитаемые планеты, когда-то считалась ересью, но к концу XVII в. она была воспринята как вполне возможная. Ее популяризировал Бернар де Фонтенель в сочинении «Беседы о множественности миров» (1686). Английский теолог и космограф Томас Барнет (Thomas Burnet, 1635–1715) пришел к выводу, что Земля является незначительной частью Вселенной, в двухчастной работе «Священная теория Земли» (*лат.* – 1681, *англ.* перевод – 1689). Его «Трактат о состоянии усопших душ и воскресенье» был посмертно опубликован в 1720 г. На русский язык сочинение Фонтенеля было переведено А. Кантемиром в 1730 г. и издано под названием «Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля, Парижской академии наук секретаря» в 1740 г.

⁴⁵В своем воображении Крузо создает способ увидеть прошлое и будущее одним взглядом.

⁴⁶Концепция светоносного эфира (*от др.-греч.* αἰθήρ, верхний слой воздуха; *лат.* aether) была выдвинута Рене Декартом в XVII в., до этого термин «эфир» обозначал верхний особо тонкий прозрачный лучезарный слой воздуха, которым дышат боги.

⁴⁷«Господь на небесах поставил престол Свой, и царство Его всем обладает» (Пс. 102 : 19).

⁴⁸Сведения о свойствах эфира, а также о строении Луны Дефо, скорее всего, черпает из сочинения члена Королевской академии, еще одного обладателя права читать лекции Р. Бойля – Джона Харриса (John Harris, 1666–1719) «Lexicon Technicum, или Универсальный английский словарь искусств и наук» (1704), где он воспроизводит идею Ньютона о том, что Луна, вероятно, «в своем первоначальном происхождении была жидкостью, как и наше Море», но Харрис отмечает, что, в отличие от Земли, у нее, похоже, нет атмосферы, и делает предположение, что Луна может быть обитаема, но не человекоподобными существами.

⁴⁹В другом своем произведении «Астрономические диалоги между джентльменом и дамой» Дж. Харрис достаточно точно оценил диаметр Луны примерно в 2200 миль, хотя на самом деле он составляет 2160 миль (3474,8 км). Йоркшир – одно из самых больших по территории графств Английского королевства. Трудно представить Йоркшир свернутым в шар, но Дефо этим сравнением хочет сказать, что Луна не так велика, как кажется. Эти и следующие далее сведения о других небесных телах взяты Дефо из данного сочинения Харриса.

⁵⁰При изучении с помощью несовершенных телескопов XVII в. в эпоху Галилея и Гюйгенса Сатурн выглядел как вытянутый шар.

⁵¹ «...вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления» (Еф. 2 : 2).

⁵² В эпической поэме пуританина Джона Мильтона «Потерянный рай» (1667) Сатана приходит на землю, чтобы развратить человечество. Он восхищается красотой рая и внешним обликом Адама и Евы, но приносит «ад внутри себя» и намерение разрушить человеческое счастье. Милтон создает грандиозный образ Сатаны, жажда свободы которого обернулось грехопадением человечества. Дефо наследует символику образов Мильтона.

⁵³ «...Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?» (Быт. 3 : 1); «...окружил меня стеною, чтобы я не вышел, отяготил оковы мои» (Плач 3 : 10).

⁵⁴ «Человеку свойственно грешить» (лат.)

⁵⁵ «...но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью» (Иак. 1 : 14).

⁵⁶ Перевод В. А. Глазырина.

⁵⁷ Отголосок на заповедь Бога «да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20 : 2).

⁵⁸ Гог и Магог – в авраамической эсхатологии названия народов, которые пойдут войной на народ Божий, но будут повержены огнем с неба. «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской» (Откр. 20 : 7–8).

⁵⁹ Дефо в ёрнической манере относит католиков-миссионеров к слугам дьявола. Конгрегация пропаганды веры (Sacra Congregatio de Propaganda Fide), о которой идет речь, была учреждена папой Григорием XV в 1622 г. для координации усилий по распространению римско-католической веры в мире. О деятельности конгрегации см.: The Congregation for the Evangelization of Peoples (De Propaganda Fide) // Historical Archive : [website]. URL: <http://www.archivioistoricopropaganda.va/content/archivioistoricopropagandafide/en/la-congregazione/congregazione.html> (assessed: 17.10.2022).

⁶⁰ Просветления (фр.).

⁶¹ Святой Фома часто изображался держащим дьявола на цепи или на поводке.

⁶² Пандемониум – столица ада в эпической поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай».

⁶³ «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5 : 28).

⁶⁴ Представление о неспособности человека видеть дальше его ограниченных жизненных обстоятельств как о его счастье разделяли многие современные Дефо писатели. Они призывали своих читателей довольствоваться данными человеку условиями существования. Наилучшее поэтическое воплощение эта идея получила в поэме Александра Поупа «Опыт о человеке» (1734), где ограничения, наложенные на органы человеческих чувств, не позволяют герою умереть от запаха розы или «оглушиться» музыкой сфер. Точно так же люди благословлены «слепотой к будущему».

⁶⁵ Д. Дефо имеет в виду дельфийского оракула в Древней Греции.

⁶⁶ «...он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12 : 4).

⁶⁷ «...и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих» (Лк. 19 : 42); «...но где премудрость обретается? и где место разума? Не знает человек цены ее, и она не обретается на земле живых. Бездна говорит: не во мне она; и море говорит: не у меня. Не дается она за золото и не приобретается она за вес серебра... Откуда же исходит премудрость? и где место разума? Сокрыта она от очей всего живущего и от птиц небесных утаена» (Иов 28 : 12–21).

⁶⁸ «Но, как написано: “не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его”» (1 Кор. 2 : 9).

⁶⁹ Далее Дефо приводит пример из своей жизни периода рубежа 1714 – начала 1715 г., когда ему грозило тюремное заключение за издание проякобитских памфлетов в ситуации

смены династии на английском престоле и оскорбления графа Англси (Arthur Annesley, 5th Earl of Anglesey, 1676–1737), одного из регентов, правивших страной до вступления Георга I на престол. По решению Суда королевской скамьи Дефо был признан виновным, оштрафован на большую сумму, приговорен к порке у позорного столба близ тюрьмы на Чаринг Кросс и к двум годам тюрьмы. Он рассматривался как человек опасный и был лишен права внесения залога. В этой ситуации Дефо скрылся, не явившись в суд. См.: *Novak M. Daniel Defoe Master of Fictions*. P. 472.

⁷⁰Суд королевской скамьи (*англ.* King's-Bench Court) – старейшее в Великобритании судебное учреждение, был высшим апелляционным судом и обладал юрисдикцией для пресечения незаконных действий против органов государственной власти.

⁷¹«Ибо в тот час дано будет вам» (*лат.*).

⁷²«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать». В Вулгате написано: «*dabitur enim vobis in illa hora*» (Мф. 10 : 19).

⁷³Дефо написал письмо главе Суда королевской скамьи сэру Томасу Паркеру (Thomas Parker, 1666–1732), еще одному из регентов, правивших страной до вступления Георга I на престол, который вскоре стал фаворитом короля и получил от него титул первого графа Маклсфилда. В результате Дефо был не просто освобожден, но и нанят новым правительством вигов для подрыва позиций тори. См. об этом: *Defoe D. Letters / ed. G. Healey*. Oxford, 1955. P. 51, 451.

⁷⁴Как у католиков.

⁷⁵В XVII в. распространенным было представление о вознесении Христа на Солнце. См., например: *Overton R. Man's Mortalitie*. Amsterdam [i. e., L.], 1644. P. 27; *Burnet T. A Treatise Concerning the State of Departed Souls*. L., 1720. P. 319; *Burthogge R. An Essay upon Reason and the Nature of Spirits*. L., 1694. P. 140–147 и др.

⁷⁶«Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века» (Деян. 3 : 21).

⁷⁷Новая Англия – северо-восточные колонии Соединенного Королевства Великобритания до войны за независимость (Нью-Гемпшир, Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд).

⁷⁸Под «турками» Дефо подразумевает североафриканских пиратов, которые захватывали европейские корабли и часто отправляли экипажи в рабство, как это случилось с Робинзоном Крузо в начале первой части трилогии.

⁷⁹О «симпатических свойствах души» см. в гл. 5.

⁸⁰Авгуры – жрецы в Древнем Риме, гадавшие на основании поведения птиц.

⁸¹Гаруспик (*лат.* haruspex, от *hiraе* (*этр.* harus) – кишки, внутренности и *лат.* specio – наблюдаю) – в Древнем Риме прорицатель воли богов, прочитанной по внутренностям принесенных в жертву животных.

⁸²По библейскому преданию, царь Валак узнал, что евреи истребили амореев. Для того чтобы сохранить свой народ – моавитян – от истребления, Валак решил прибегнуть к помощи прорицателя Валаама. Валак верил, что если Валаам проклянет евреев, то его народ победит евреев в будущей битве. Когда Валаам ехал на ослице по направлению к Валаку, прямо перед ним явился ангел Господень с мечом в руке, которого видела только ослица, и поэтому она сошла с дороги, пытаясь его обойти. Разгневанный Валаам с яростью набросился на животное, которое вдруг заговорило, жалуясь на обращение хозяина. В то же мгновение Бог позволил и Валааму увидеть ангела: пророк раскаялся и спросил, не следует ли ему повернуть назад. Но ангел приказал ему идти дальше и в точности исполнить волю Господа, когда тот будет у царя Моава. Валаам идет, встречается с царем, но не принимает его предложения предать Израиль: вместо этого он благословляет избранный народ.

⁸³Рене Декарт считал, что животные – это по сути своей механизмы и что только люди обладают душой и подлинными умственными способностями. Учитель Д. Дефо в Ньюингтон-грин Чарльз Мортон находился под влиянием идей Р. Декарта.

⁸⁴ «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире» (1 Петр. 5 : 8–9).

⁸⁵ «И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сем Петр сказал Иисусу: Господи! хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. Когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17 : 3–5). «Явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его и двух мужей, стоявших с Ним. И когда они отходили от Него, сказал Петр Иисусу: Наставник! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: одну Тебе, одну Моисею и одну Илии, – не зная, что говорил» (Лк. 9 : 31–33).

⁸⁶ «Или три года – голод, или три месяца будешь ты преследуем неприятелями твоими и меч врагов твоих будет досягать до тебя; или три дня – меч Господень и язва на земле и Ангел Господень, истребляющий во всех пределах Израиля. Итак, рассмотри, что мне отвечать Пославшему меня с словом. И сказал Давид Гаду: тяжело мне очень, но пусть лучше впаду в руки Господа, ибо весьма велико милосердие Его, только бы не впасть мне в руки человеческие. И послал Господь язву на Израиля, и умерло Израильтян семьдесят тысяч человек. И послал Бог Ангела в Иерусалим, чтобы истреблять его. И когда он начал истреблять, увидел Господь и пожалел о сем бедствии, и сказал Ангелу-истребителю: довольно! теперь опусти руку твою. Ангел же Господень стоял тогда над гумном Орны Иевусеянина. И поднял Давид глаза свои, и увидел Ангела Господня, стоящего между землею и небом, с обнаженным в руке его мечом, простертым на Иерусалим; и пал Давид и старейшины, покрытые вретисшем, на лица свои» (1 Пар. 21 : 12–16).

⁸⁷ «Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”. Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро» (Пс. 13 : 1; 52 : 1).

⁸⁸ «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5 : 19).

⁸⁹ «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20 : 16).

⁹⁰ «Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху» (Ис. 30 : 1).

⁹¹ «Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра, и Петр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: «прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды». И, выйдя вон, горько заплакал» (Лк. 22 : 61–62).

⁹² «Среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною» (Деян. 26 : 13).

⁹³ Торжественное молитвенное восклицание, изначально являвшееся хвалебным возгласом.

⁹⁴ «И сказали Ему: слышишь ли, что они говорят? Иисус же говорит им: да! разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?”» (Мф. 21 : 16). «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» (Пс. 8 : 3).

⁹⁵ «Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнусь. Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики» (Мф. 26 : 34–35).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Августин Аврелий, св. 19, 165, 480–481, 485, 493
Августин Кентерберийский 498
Авигея 478
Авимелех 319, 495
Авраам 319, 373, 495, 503
Агенор 497
Адам 115, 185, 283, 285, 299, 415, 483, 492–493, 503
Аларих 480
Александр Великий Македонский 347, 498

Барнет, Гилберт (Burnet, Gilbert) 32
Барнет, Томас (Burnet, Thomas) 19, 502
Батлер, Сэмюэль (Butler, Samuel) 490
Бекман, Даниэль (Beeckman, Daniel) 485
Бентли, Ричард (Bentley, Richard) 17, 37

Валаам 319, 437, 495, 504
Валак 504
Валтасар 307, 377, 493, 500
Вега, Гарсиласо де ла (исп. Vega, Garcilaso de la) 486
Велде, Виллем ван де, младший (Velde, Willem van de, the Younger) 487
Венера 165, 215, 405
Вергилий, Публий Марон (лат. Publius Vergilius Maro) 19, 167, 271, 481, 491, 497

Галилей, Галилео (лат. Galilei, Galileo) 502
Гей, Джон (Gay, John) 10
Георг I Ганновер 480–481, 504
Герберт, Эдуард, барон Герберт из Чербери (Herbert, Edward, 1st Baron Herbert of Cherbury) 493
Гилдон, Чарльз (Gildon, Charles) 23–25, 473–475
Гоббс, Томас (Hobbes, Thomas) 29, 44, 501
Гобьен, Шарль Ле (фр. Gobien, Charles Le) 487–488

Давенант, Чарльз (Davenant, Charles) 39
Давид 111, 113, 141, 271, 355, 478, 505
Даниил, пророк 488, 491, 493, 500
Дарий III, царь Персии 347, 498
Дева Мария 319, 495
Дежнев, Семен 497

Алексей Михайлович, русский царь 488
Анания Дамасский, ап. 389, 501
Анна I Стюарт 11, 13, 16, 31, 33, 36, 249, 251, 341, 479, 497
Аполлон 215, 470
Арий 179, 257, 482
Аристотель 19, 475, 488
Афанасий Великий, св. 485
Аэндорская волшебница 375, 500

Б

Беньян, Джон (Bunyan, John) 17, 197, 470, 483
Беринг, Витус 495
Бойль, Роберт (Boyle, Robert) 19, 37, 485, 495, 502
Бороски, Георгий (Borosky, George) 492
Буало, Никола (фр. Boileau, Nicolas) 17

В

Ветенхолл, Эдвард (Wetenhall, Edward) 475
Вильгельм III Оранский 15–17, 32, 34, 39, 161, 165, 249, 315, 317, 450, 490, 494
Вильруа, Франсуа де Невиль (фр. Francois de Neufville, duc de Villeroy) 317, 495
Вирсавия 141, 478
Водемон, Шарль-Анри де Лорпен (фр. Vaudémont, Charles-Henri de Lorraine) 317, 494
Воан, Джон, граф Кербери (Vaughan, John, 3rd Earl of Carbery) 482

Г

Гомер 481
Гораций 472, 481, 491
Граунт, Джон (Graunt, John) 499
Григорий XV, папа римский 503
Гроций, Гуго (лат. Hugo Grotius) 498
Гусман де Алонсо Перес, герцог Медина-Сидония (исп. Guzmán, Alonso Pérez de) 49, 474
Гуйгенс ван Зейлихем, Христиан (нидерл. Huygens, Christiaan) 502

Д

Декарт, Рене (фр. Descartes, René) 19, 26, 502, 504
Демпер, Уильям (Dampier, William) 485
Дидона 345, 497
Диоген 479
Дон Кихот (исп. Alonso Quijano) 25, 49, 472, 474
Драйден, Джон (Dryden, John) 481, 483

Дуглас, Джеймс, герцог Гамильтон
(Hamilton, James, 4th Duke
of Hamilton) 480

Ева 407, 415, 484, 503
Евсевий Кесарийский 19
Елизавета I Тюдор 31, 247, 484

Захария, ветхозаветный пророк 319, 495
Зеведей 375, 500

Иаков, ап. 479, 500
Иаков, ап. 291, 319, 479, 495, 501–502
Иисус Навин 345, 497
Иларий, св. 75, 77
Илия, ветхозаветный пророк 51, 141, 283,
475, 479, 505
Иоанн, ап. 479, 484, 498, 500, 502
Иоанн Креститель 67
Иов, ветхозаветный пророк 111, 119, 179, 189,
478, 481–482, 495, 501, 503

Кавендиш, Элизабет, герцогиня
Альбермарль (Cavendish, Elizabeth,
Second Duchess of Albermarle) 480
Кальвин, Жан (Jean Calvin) 15, 257, 259, 265,
491, 495
Канди Раджасинкх II 486
Канси, из династии Цин 480
Кантемир, Антиох 502
Карл I Стюарт 39, 247, 312, 317, 490, 494
Карл II Стюарт 481, 483
Карл V Габсбург 343, 497
Карл XII 237
Касас де лас, Бартоломе (исп. Casas, de las,
Bartolomé) 497
Кенигсмарк фон, Карл Иоганн
(нем. Königsmarck, von, Carl Johann) 492
Кинг, Грегори 39

Лазарь 373
Ларошфуко, Франсуа де
(фр. La Rochefoucauld, François de) 475
Латимер, Хью (Latimer, Hugh) 491
Ле Конт, Луи (фр. Le Comte, Louis) 19, 225,
487–488
Леопольд I Габсбург 489
Локк, Джон (John Locke) 19, 26–27, 29, 472, 481

Е

Елисей, ветхозаветный пророк 293, 492
Елифаз 482

З

Зенон 479

И

Иосиф, сын Иакова 391, 501
Иосиф Аримафейский 498
Иосиф Обручник 319, 387, 495
Иосия 247, 490
Ирод, царь Иудеи 319, 387, 495, 501
Исайя, ветхозаветный пророк 85, 335, 476–
477, 489, 496, 505
Иуда, ап. 189, 373, 483, 499

К

Киприан Карфагенский (лат. Cyprianus
Carthaginiensis) 347, 367, 491, 498
Кир Великий 493
Клод, Жан (фр. Claude, Jean) 490
Кокс, Томас (Coxe, Thomas) 224, 474–475
Коллинз, Джон Энтони (Collins, John-
Anthony) 481, 495
Константин Великий 257, 491
Конфуций 35, 215, 486, 488
Коперник, Николай 43
Корнилий, сотник (лат. Cornelius) 389, 491, 502
Кортес, Фернандо 343, 497
Кранмер, Томас (Cranmer, Thomas) 491
Крич, Томас (Creech, Thomas) 175, 481
Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver) 499
Ксури (Хуру) 51, 85, 87

Л

Лот 319, 495
Лука, ап. 335, 477–478, 483, 488, 491–492,
495–496, 499–500, 502, 505
Лукреций, Тит Кар (лат. Titus Lucretius
Carus) 481
Людовик XIV Бурбон 489–490, 499
Лютер, Мартин 35, 239, 241, 257, 489, 491

М

Магомет 257, 349, 359, 367, 421, 487
Маккензи, Джордж (Mackenzie of Rosehaugh, George) 183, 483
Мальбранш, Николя (*фр.* Malebranche, Nicolas) 487
Маной 319, 495
Мария I Тюдор 485
Мария II Стюарт 17, 39, 161, 215, 481
Марк, ап. 335, 479, 483, 496, 500
Марс 165, 215, 403, 468, 472
Матфей, ап. 29, 113, 335, 387, 472, 474–475, 477–478, 488–493, 489, 493, 495–496, 499, 501, 503–505
Меркурий 205, 215
Мильтон, Джон (Milton, John) 16, 18, 405, 415, 503
Моисей, ветхозаветный пророк 16, 44, 249, 345, 492, 497, 505
Молинос, Мигель де (*исп.* Molinos, Miguel de) 490

Навал 113, 141, 478
Навуходоносор 77, 229, 488, 491
Николай Чудотворец, св. 237, 239

Огилби, Джон (Ogelby, John) 19, 483, 486–487
Озелл, Джон (Ozell, John) 474

Павел, ап. (Савл Тарсянин) 73, 77, 157, 259, 267, 281, 291, 389, 477, 479, 480, 488, 492, 493, 501
Паркер, Томас (Parker, Thomas) 504
Паскаль, Блез (*фр.* Pascal, Blaise) 482
Патрик, св. 498
Пепис, Сэмюэл (Pepys, Samuel) 482
Перро, Шарль (*фр.* Perrault, Charles) 17
Петр, ап. 233, 259, 265, 287, 293, 319, 375, 389, 391, 459, 461, 467, 490–491, 495, 500–501, 505
Петти, Уильям (Petty, William) 39, 473, 499
Пигмалион 497
Пичем, Генри (Peacham, Henry) 481

Ридли, Николас (Ridley, Nicholas) 265, 491
Риммон 245, 490

Савл Тарсянин – см. Павел, ап.
Савойский Евгений, принц Кариньяно (*нем.* Prinz Eugen von Savoyen) 347, 498
Саклинг, Джон (Suckling, John) 483

Монк, Джордж, герцог Албемарл (Monck, George, 1st Duke of Albemarle) 357, 499
Монталь, Шарль де Монсонен де (*фр.* Montal, Charles de Montsaulnin de) 317, 495
Монтегю, Ральф, герцог Монтегю (Montagu, Ralph, 1st Duke of Montagu) 480
Монтень де, Мишель (*фр.* Montaigne, Michel de) 19, 26, 472, 484
Монтесума I 345, 497
Монтесума II 215
Мортон, Чарльз (Morton, Charles) 17–19, 506
Мотто, Пьер Антуан (*фр.* Motteux, Pierre Antoine) 474
Моюн, Чарльз, барон Моюн (Mohun, Charles, 4th Baron Mohun) 480
Мэттью, Генри (Matthew, Henry) 479

Н

Нокс, Роберт (Knox, Robert) 486
Ньюпорт, Эндрю (Newport, Andrew) 494
Ньютон, Исаак (Newton, Isaac) 37, 43

О

Олдэм, Джон (Oldham, John) 483
Олеарий, Адам (*лат.* Adam Olearius) 496

П

Платон 479–481
Плутарх 19, 485
Полоцкий, Симеон 488
Помей, Франсуа Антуан (*фр.* Pomey, François Antoine) 481
Понтий Пилат (*лат.* Pontius Pilatus) 319, 495
Поуп, Александр (Pope, Alexander) 10, 485, 503
Придо, Хамфи (Prideaux, Humphrey) 488
Прокопий Кесарийский 497
Прометей 173, 175, 481
Пул, Мэттью (Poole, Matthew) 493
Пуффендорф фон, Самуэль (Puffendorf, Samuel von) 478
Пятница (Friday) 21, 23, 51, 205, 383, 468, 471

Р

Рук, Джордж (Rooke, George) 487
Рэли, Уолтер (Raleigh, Walter) 19, 40, 341, 496

С

Самуил, ветхозаветный пророк 375, 479, 500
Сарпи, Паоло (*лат.* Sarpi, Paolo) 488
Сарра 495
Саул 375, 500

Свифт, Джонатан (Swift, Jonathan) 10, 17, 22, 33, 470, 471, 484
Сервантес, Мигель де (*исп.* Cervantes, Miguel de) 25, 474
Симон Волхв 459
Сихей 497
Сократ 480

Соломон 129, 159, 247, 249, 251, 297, 355, 478, 480, 489, 490, 492, 493
Социн, Лелий (*лат.* Laelius Socinus) 179, 237, 482
Социн, Фауст (*лат.* Faustus Socinus) 179, 237, 482
Стерн, Джон (Sterne, John) 492
Стефан Первомученик, св. 491

Т

Тейлор, Уильям (Taylor, William) 10, 23, 24, 47, 59, 474
Темпл, Уильям (Temple, William) 17, 486
Таффли, Мэри (Tuffley, Mary) 14
Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (Quintus Septimius Florens Tertullianus) 347, 367, 498

Тиллотсон, Джон (Tillotson, John) 495
Тинн, Томас (Thynne, Thomas) 295, 492
Толанд, Джон (Toland, John) 32, 481, 495
Тук, Эндрю (Tooke, Andrew) 481

У

Уизерс, Джордж (Withers, George) 357, 498
Уилмот, Джон, граф Рочестер (Wilmot, John, Earl of Rochester) 18, 175, 177, 201, 203, 205, 471, 475, 481, 483, 484
Уинстон, Уильям (Whiston, William) 43

Уоттон, Уильям (Wotton, William) 17, 487
Урац, Кристофер (Vratz, Christopher) 293, 492
Урия 141, 478
Уэнтуорт, Томас, граф Страффорда (Wentworth, Thomas, Earl of Strafford) 315, 494

Ф

Феликс, Марк Антоний, римский прокуратор провинции Иудея 281, 492
Феокрит 481
Фишер, Джеймс (Fisher, James) 17
Фаруэлл, Филипп (Farwell, Philip) 19

Фома Аквинский, св. 481, 482, 503
Фонтенель, Бернар Ле Бовье де (*фр.* Fontenelle, Bernard le Bovier de) 19, 502
Фридрих Вильгельм I Гогенцоллерн 489

Х

Харрис, Джон (Harris, John) 502
Харли, Роберт (Harley, Robert) 30, 32
Хотэм, Джон (Hotham, John) 313, 494

Хотэм-младший, Джон (Hotham the younger, John) 494
Хупер, Джон (Hooper, John) 265, 491

Ц

Цезарь, Гай Юлий (Gaius Iulius Caesar) 351

Цицерон, Марк Туллий (Marcus Tullius Cicero) 489

Э

Эзоп 19, 483, 484, 485, 494
Эймс, Уильям (Ames, William) 477
Эней 481, 497, 498
Эннесли Артур, граф Англси (Annesley, Arthur, Earl of Anglesey) 504

Эпикур 175, 479, 481, 489
Эшер, Лоуренс (Echard, Laurence) 19, 485

Ю

Юпитер 165, 215, 403

Юм, Дэвид (Hume, David) 29

Я

Яков I Стюарт 477

Яков II Стюарт 39, 315, 480, 490, 494

CONTENTS

INTRODUCTION

Adventures of Robinson Crusoe: Interpretations of the novel.....	8
Daniel Defoe's Intellectual Biography.....	14
Novel's Russian version: Problems and History of the Translation.....	20
“Serious reflections during the life and surprising adventures of Robinson Crusoe”: prologue to complicated text.....	23

SERIOUS REFLECTIONS DURING THE LIFE AND SURPRISING ADVENTURES OF ROBINSON CRUSOE: WITH HIS VISION OF THE ANGELICK WORLD

Robinson Crusoe's Preface	48
The Publisher's Introduction.....	56
<i>Advertisement</i>	58

SERIOUS OBSERVATIONS

Introduction	60
Chap. I.	
Of Solitude.....	60
Chap. II.	
An Essay Upon Honesty.....	80
Of Honesty in General	94
Of the Tryal of Honesty	104
Of Honesty in Promises.....	124
Of Relative Honesty.....	138
Chap. III.	
Of the Immorality of Conversation, and the Vulgar Errors of Behaviour.....	146
Of Unfitting Our Selves for Conversation	154
1. Of the Immorality of Conversation in General	160
2. Of Reforming the Errors of Conversation.....	166
3. Of Atheistical and Profane Discourse	172
4. Of Lewd and Immodest Discourse	182
Of Talking Falsely.....	188

Chap. IV.	
An Essay On the Present State of Religion in the World	198
Of Differences in Religion	252
Of the Wonderful Excellency of Negative Religion and Negative Virtue.....	266
Chap. V.	
Of Listening to the Voice of Providence.....	296
Chap. VI.	
Of the Proportion between the Christian and Pagan World	334
A VISION OF THE ANGELIC WORLD	370
Notes	468
Nominal Index	506

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История изучения романа.....	8
Интеллектуальная биография Дефо.....	14
Проблемы и история перевода романа.....	20
«Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо»: пролог к непростому тексту.....	23

СЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ РОБИНЗОНА КРУЗО: С ЕГО ВИДЕНИЕМ АНГЕЛЬСКОГО МИРА

Предисловие Робинзона Крузо.....	49
Предисловие издателя.....	57
<i>Анонс</i>	59

СЕРЬЕЗНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Введение.....	61
---------------	----

Глава 1

Об одиночестве.....	61
---------------------	----

Глава 2

Эссе о честности.....	81
О честности в целом.....	95
Испытание честности.....	105
О честности в обещаниях.....	125
О честности в семье.....	139

Глава 3

О сквернословии и неподобающем поведении.....	147
О том, как мы становимся никчемными собеседниками.....	155
1. О сквернословии в общих чертах.....	161
2. Об исправлении ошибок в разговоре.....	167
3. Об атеистическом и мирском в беседе.....	173
4. О непристойных и нескромных разговорах.....	183
О лживых речах.....	189

Глава 4	
Эссе о современном состоянии религии в мире	199
О различиях в религиозности	253
О чудесном превосходстве мнимой религиозности и показной добродетельности	267
Глава 5	
О том, как внимать голосу Провидения	297
Глава 6	
О соотношении христианского и языческого мира	335
ВИДЕНИЕ АНГЕЛЬСКОГО МИРА	371
Комментарии	468
Именной указатель	506

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ЭНДАУМЕНТ-ФОНДА
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИЗДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ В РАМКАХ ПРОЕКТА
«УРАЛЬСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ ИНИЦИАТИВА»:

2017

**Каталог 4-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства.
Новая грамотность (14.09.2017–12.11.2017)**

Уральская индустриальная биеннале – уникальный проект, направленный
на совмещение производства и художественной мысли.

2018

Гомер в переводах П. А. Шуйского

В книге впервые печатаются переводы «Илиады» и «Одиссеи»,
выполненные уральским ученым.

2019

Браун Т. Двойное рассуждение

В книге впервые на русском языке публикуются два эссе английского философа
и писателя XVII века, посвященные вечным проблемам жизни и смерти.

**5-я Уральская индустриальная биеннале современного искусства.
Бессмертие (12.09.2019–01.12.2019).**

Уральская индустриальная биеннале – уникальный проект, направленный
на совмещение производства и художественной мысли.

2020

«Жив опять, привет, друзья!»: Б. У. Кашкин

Книга посвящена феномену Б. У. Кашкина, знакового для уральской
неофициальной культуры героя.

2021

Лафонтен Ж. Избранные басни с иллюстрациями Жана-Батиста Удри

В книге опубликованы басни знаменитого французского поэта на русском и французском языках.

Вепрева И. Т., Купина Н. А. Злободневные слова на шкале времени

Книга представляет собой научно-популярные очерки о жизни слов, ставших злободневными под влиянием последних событий.

«Воздастся каждому по делам его...»:

Из истории православного мировоззрения
(на материалах старообрядческой литературы) / под ред. И. В. Починской.

В книге рассказывается об основных аспектах традиционного русского менталитета, отраженных в памятниках письменности старообрядчества.

2022

Дефо Д. Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо

Третья книга трилогии о Робинзоне Крузо представляет собой собрание назидательных эссе, дающих представление о морально-этических ценностях нонконформиста Дефо.

Соболева Л. С. Сборник проповедей XVII века «Статир»: небесное и земное на пути спасения человека и мира

«Статир» – уникальный памятник русской культуры конца XVII в., созданный в Уральском регионе, в строгановской вотчине Орел-городок. Книга посвящена сакральным образам Христа и Богородицы в проповедях на великие праздники.

urfu.ru/endowment

Научное издание

ДЕФО ДАНИЭЛЬ

**СЕРЬЕЗНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ
И УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ
РОБИНЗОНА КРУЗО:
С ЕГО ВИДЕНИЕМ АНГЕЛЬСКОГО МИРА**

DEFOE DANIEL

**SERIOUS REFLECTIONS DURING THE LIFE
AND SURPRISING ADVENTURES
OF ROBINSON CRUSOE:
WITH HIS VISION OF ANGELICK WORLD**

Менеджер проекта *Н. А. Юдина*
Редактор и корректор *Е. В. Березина*
Компьютерная верстка *В. В. Таскаев*

Подписано в печать 14.12.2022. Формат 70×100 1/16.
Усл. печ. л. 41,9. Уч.-изд. л. 39,0
Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 254.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

